ДАЙАНА ЭНРИКЕС

чародей лжи

КАК БЕРНАРД МЭДОФФ ПОСТРОИЛ КРУПНЕЙШУЮ В ИСТОРИИ ФИНАНСОВУЮ ПИРАМИДУ

Энрикес тщательно проанализировала не только схему мошенничества, которую применил Мэдофф, но и всю карьеру этого «злого гения» от финансов. Ее книга — самый авторитетный рассказ о том, что и как было сделано в нашумевшей афере.

Bloomberg Businessweek

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бернард Мэдофф – американский финансист, глава брокерской компании Bernard L. Madoff Investment Securities, провернувший масштабную аферу, за которую его приговорили к 150 годам тюремного заключения. С 2008 года, с тех самых пор, как информация об этих событиях взбудоражила общественность, начало возникать множество вопросов. Как самый обычный на первый взгляд человек сумел стать крупнейшим мошенником в истории человечества, обманув вкладчиков в общей сложности на 65 миллиардов долларов? Как ему удавалось оставаться вне подозрений столь долгое время?

Перед вами самая полная и авторитетная биография создателя беспрецедентной финансовой пирамиды. В своей книге Дайана Энрикес, первый репортер, получивший доступ к материалам скандального дела и уникальную возможность взять интервью у самого Мэдоффа, не только тщательно исследует использованную им схему мошенничества, но и анализирует от самых истоков карьеру будущего афериста века.

Перевод: Татьяна Данилова

- Дайана Энрикес
  - Действующие лица

Дайана Энрикес
Чародей лжи. Как Бернард Мэдофф построил крупнейшую в истории финансовую пирамиду

...

Действующие лица

Семья Мэдофф

Берни Мэдофф, основатель инвестиционного фонда Bernard L. Madoff Investment Securities

Рут Мэдофф (урожд. Альперн), его жена

Марк Мэдофф, их старший сын (р. 1964)

Эндрю Мэдофф, их младший сын (р. 1966)

Питер Мэдофф, младший брат Берни Мэдоффа

Шейна Мэдофф, дочь Питера

Роджер Мэдофф, сын Питера

Ральф Мэдофф, отец Берни Мэдоффа

Сильвия Мэдофф (урожд. Мантнер), мать Берни Мэдоффа

Сотрудники Bernard L. Madoff Investment Securities

Элинор Скиллари, секретарь Берни Мэдоффа

Ирвин Липкин, первый нанятый Мэдоффом сотрудник

Дэниел Бонвентре, начальник операционного отдела

Фрэнк Дипаскали, менеджер семнадцатого этажа

Аннет Бонджорно, его коллега

Джоанн (Джоди) Крупи, его коллега

Джером О'Хара, программист

Джордж Перес, его коллега и сосед по кабинету

Дэвид Кугел, трейдер по арбитражным сделкам

Бухгалтеры

Сол Альперн, отец Рут Мэдофф

Фрэнк Авеллино, коллега и преемник Альперна

Майкл Бинс, многолетний деловой партнер Авеллино

Джером (Джерри) Горовиц, один из первых партнеров Альперна и бухгалтер Мэдоффа

Дэвид Фрилинг, зять и преемник Горовица

Пол Конигсберг, бухгалтер на Манхэттене

Ричард Гланц, юрист, сын давнего сотрудника Альперна

Частные инвесторы и поставщики клиентов

Мартин Дж. Джоэл-младший, нью-йоркский биржевой брокер

Норман Ф. Леви, нью-йоркский воротила рынка недвижимости

Карл Шапиро, филантроп из Палм-Бич

Роберт (Боб) Джаффи, зять Карла Шапиро

Джеффри Пикауэр, нью-йоркский тайный инвестор

Уильям Д. (Билл) Забел, личный адвокат Пикауэра, сотрудничавший с ним на протяжении двадцати лет

Мендель (Майк) Энглер, биржевой брокер из Миннеаполиса

Говард Сквадрон, видный манхэттенский адвокат

Фред Уилпон, владелец бейсбольной команды New York Mets

Основные инвестиционные источники (США)

Стенли Чейз, инвестор, Беверли-Хиллз

Джеффри Такер, соучредитель Fairfield Greenwich Group

Уолтер Ноэл-младший, соучредитель Fairfield Greenwich Group, партнер Такера

Марк Маккифри, главный юрисконсульт Fairfield Greenwich Group

Амит Виджаверджья, директор по управлению рисками Fairfield Greenwich Group

Дж. Эзра Меркин, крупный финансист на Уолл-стрит

Виктор Тайхер, бывший инвестиционный консультант Меркина

Сандра Манцке, инвестиционный управляющий пенсионного фонда

Роберт И. Шульман, ее прежний партнер

Зарубежные инвесторы и промоутеры

Жак Амселлем, французский инвестор

Альбер Игуэн, закулисный финансовый консультант из Парижа

Патрик Литтэ, менеджер французского хедж-фонда

Рене-Тьерри Магон де ля Вилльюше, его партнер

Соня Кон, австрийский банкир, основатель Bank Medici

Карло Гроссо, управляющий фондами Kingate, Лондон

Родриго Эченике Гордильо, директор Banco Santander, Мадрид

Фонд Cohmad Securities

Морис Дж. (Сонни) Кон, партнер Берни Мэдоффа в Cohmad Securities

Марша Бет Кон, его дочь

Информаторы о нарушениях

Майкл Окрент, автор новостной рассылки элитарного хедж-фонда

Эрин Арведлунд, внештатный автор журнала Barron’s

Гарри Маркополос, специалист по количественному анализу из Бостона

Комиссия по ценным бумагам и биржам, США

Кристофер Кокс, председатель с августа 2005 г. по январь 2009 г.

Мэри Шапиро, его преемник на посту председателя

Х. Дэвид Котц, независимый генеральный инспектор Комиссии

Грант Уорд, чиновник регионального отделения Комиссии в Бостоне

Эд Мэньен, его коллега

Лори Ричардс, начальник одного из отделов Комиссии в Вашингтоне

Эрик Суонсон, юрист Комиссии в Вашингтоне

Эндрю Каламари, главный региональный представитель Комиссии в Нью-Йорке

Меган Чун, юрист Комиссии в Вашингтоне

Симона Су, ее коллега

Уильям Дэвид Остроу, инспектор Комиссии в Нью-Йорке

Питер Лэмор, его коллега

Ли С. Ричардс III, нью-йоркский частнопрактикующий адвокат, назначен ликвидатором фирмы Мэдоффа

Юристы семьи Мэдофф

Айра Ли (Айк) Соркин, адвокат Мэдоффа

Дэниел Дж. Хорвиц, участник команды защиты Мэдоффа

Николь Дебелло, участник команды защиты Мэдоффа

Мауро Вулф, участник команды защиты Мэдоффа

Питер Чавкин, адвокат Рут Мэдофф

Мартин Флюменбаум, адвокат Марка и Эндрю Мэдоффов

Федеральное бюро расследований (ФБР)

Тед Качиоппи, специальный агент

Б. Дж. Кан, его коллега

Федеральная прокуратура Манхэттена

Прит Бхарара, федеральный прокурор по Южному округу Нью-Йорка

Уильям Ф. (Билл) Джонсон, начальник оперативной группы по борьбе с мошенничеством на рынке ценных бумаг и сырьевых товаров

Марк Литт, главный обвинитель по делу Мэдоффа

Лиза Барони, его коллега-прокурор

Корпорация защиты инвесторов в ценные бумаги (SIPC)

Ирвинг Х. Пикард, конкурсный управляющий в деле о банкротстве Мэдоффа

Дэвид Дж. Шиэн, его главный юрисконсульт из фирмы Baker & Hostetler

Федеральные судьи округа Манхэттен

Дуглас Итон, федеральный судья-магистрат

Габриель Горенстайн, федеральный судья-магистрат

Рональд Эллис, федеральный судья-магистрат

Луис Л. Стентон, федеральный окружной судья

Бертон Р. Лифланд, судья в суде по делам о банкротстве

Денни Чин, окружной судья

Ричард Дж. Салливан, окружной судья

Защитники интересов жертв Мэдоффа

Хелен Дэвис Чейтмен, адвокат из Нью-Джерси
Лоуренс Р. Велвел, декан юридического факультета в Массачусетсе

Пролог

За стеклом двойных дверей в дальнем конце тюремного коридора на мгновение мелькнул заключенный. Едва ли кто-то узнал бы в нем всегда невозмутимого господина с характерным ястребиным лицом, который недавно практически не сходил с телевизионных экранов. И двух лет еще не прошло, а он, кажется, весь уменьшился, съежился, превратился в обычного старикана в очках – к тюремному надзирателю обращается с подчеркнутой почтительностью, беспокойно перетаптывается, стоя перед закрытой дверью в ожидании, когда щелкнет замок и можно будет войти.

С залитого солнцем глухого тюремного двора он в сопровождении помощника начальника тюрьмы входит в темноватую, невзрачную комнату для свиданий, которая легко затерялась бы в дальнем уголке его прежнего пентхауса на Манхэттене. Обстановка убогая – выцветшие красные пластиковые кресла без подлокотников да низкие коричневатые столы, и освещение сегодня скудное – в комнате одно-единственное, хотя и широкое, окно, а слабую дополнительную подсветку дают только составленные в ряд торговые автоматы.

Когда ему случалось бывать в комнате для свиданий, там всегда было полно народу – и заключенных, и их родственников. Но сегодня утром в помещении на удивление пусто, никого, кроме его адвоката и того посетителя, с которым он наконец согласился встретиться. В соответствии с установленными правилами, заключенный садится лицом к столу охраны, за которым располагается препроводивший его сюда помощник начальника тюрьмы, и разворачивает листок разлинованной бумаги. На листке написанные от руки заметки и несколько вопросов адвокату. Он кладет листок на стол перед собой, разглаживает его.

Стрелки на его светло-коричневых брюках и рубашке с короткими рукавами как лезвие ножа, несмотря на влажность летнего утра. Его волосы теперь подстрижены короче, но он постройнел, и новая стрижка ему идет. Черные кожаные кроссовки начищены до блеска. Он, как всегда, тщательно ухожен, если не считать маленькой потертости на латунной пряжке ремня. И хотя он мало напоминает того упитанного и лучше одетого господина, которого после ареста так часто показывали в новостях, в нем и поныне с первого взгляда ощущается спокойный магнетизм сильной личности.

Более двух часов он отвечает на вопросы, то глядя

собеседнику прямо в глаза, то переводя взгляд на пустой тюремный двор за окном сбоку от него. Он говорит негромко, но твердо, с внезапными проблесками остроумия. Самообладание он теряет лишь однажды, когда разговор заходит о его жене. На протяжении всей беседы он кажется неизменно искренним, честным, прямодушным, располагающим к доверию.

Но ведь он всегда производит такое впечатление – даже когда лжет. Это его дар и его проклятие. Именно это позволило ему выстроить самую грандиозную в истории финансовую пирамиду. И это же позволит ему манипулировать фактами и утаивать правду о своем преступлении хоть всю оставшуюся жизнь, если он так решит.

Бернард Л. Мэдофф – заключенный под номером 61727054 – самый известный арестант, содержащийся ныне в Федеральном исправительном комплексе в местечке Батнер (Северная Каролина).

Съезд с федеральной магистрали 85 на Батнер-Кридмор не извещает о том, что где-то здесь расположена тюрьма. Кроме нескольких малозаметных старого образца черно-белых стрелок на перекрестках, в самом Батнере тоже указателей не найдешь. Тюрьмы нет и на карте в местной телефонной книге, так что посетители должны спрашивать дорогу у служащих мотеля.

Извилистый путь от федеральной трассы по проселкам с городскими названиями вроде Тридцать третьей улицы обрамлен увитыми плющом деревьями да невозделанными полями. Тюремный комплекс внезапно выступает из сосняка по правой стороне. Основу комплекса составляют четыре больших здания, расположенных на ярко освещенной днем и ночью вырубке в окружении пойменных лесов и полей.

Справа, у восточной границы комплекса, чуть особняком стоит тюрьма с режимом минимальной строгости, цвета крафт-манильской бумаги, не огороженная стенами или решетками. Слева, почти скрытая от взгляда за густыми рядами деревьев, большая современная тюремная больница, отдельный вход в которую располагается дальше по двухполосной дороге, вьющейся вокруг комплекса. А многоэтажная тюрьма общего режима, облицованная ребристым серым камнем, виднеется прямо в центре комплекса, на небольшом поросшем деревьями холме.

Мэдоффа держат в четвертом корпусе Батнера. Это еще одно место заключения общего режима, слева от главного въезда. К нему ведет короткая дорожка, обрамленная миртовыми деревьями в белом цвету. Низкое здание серого камня похоже на гигантскую костяшку домино. За исключением въездной дороги,

оно полностью окружено двойной сетчатой оградой выше самого здания. На ограде переливаются блестящие спирали колючей проволоки. В углу обширного двора почти без деревьев стоит сторожевая башня, и охранники обходят вьющиеся по всему комплексу узкие дорожки, все время зорко наблюдая за слоняющимися заключенными или слишком любопытными посетителями.

Вход в здание – шлакобетонный лабиринт из оборудования для досмотра, шкафчиков для вещей посетителей, телефонов-автоматов и караулок. Система запертых дверей ведет в подобие шлюза. Каждая предыдущая дверь запирается прежде, чем будет открыта следующая. Последняя пара дверей отворяется в широкий белый коридор, ведущий в комнату для свиданий. Коридор безукоризненно чист и весьма неуместно украшен черно-белыми фотоплакатами Энсела Адамса с распахнутыми небесами и вольными просторами.

Как только захлопывается последняя дверь, вас охватывает ощущение полной изоляции. Даже ваш мобильный телефон заперт в шкафчике у входа. Посетителям запрещено передавать записки заключенному, который во время свидания находится под неусыпным наблюдением. Если вы хотите воспользоваться блокнотом, требуется специальное разрешение. Вести магнитофонную запись воспрещено. Подобно лабораторным крысам или муравьиной колонии в стеклянном ящике, заключенные находятся под постоянным наблюдением. Мало кто из американцев способен представить себе такое существование. Телефонные звонки из тюрьмы (всегда за счет вызываемого абонента) нормированы и прослушиваются (записываются). Письма перлюстрируются. Каждый человеческий контакт подлежит контролю, регламентации, ограничению и надзору – включая и сегодняшний.

Для беседы с заключенным представителям СМИ требуется его собственное приглашение, санкционированное начальником тюрьмы. На переписку с тюремной администрацией у нас ушел почти целый месяц, и когда начальник дал наконец добро, до указанного им дня свидания осталось меньше недели. Время для беседы ограничено и не может быть превышено, о чем нас вежливо, но строго предупредили. (Следующее посещение состоится в феврале 2011 года. В промежутке между посещениями Мэдофф пришлет записку с обещанием отослать почтой свои ответы на любые дополнительные вопросы. Это обещание он сдержит – в следующие несколько месяцев от него приходят пространные, написанные от руки письма и несколько коротких сообщений по жестко контролируемой тюремной

электронной почте.)

До сегодняшнего дня единственным посетителем Мэдоффа, помимо адвокатов, была его жена. До сих пор на вопросы о своем преступлении он отвечал только судье в зале суда.

Пока Мэдофф отмалчивается и окружает себя завесой таинственности, его пребывание в заключении постоянно муссируется в журнальных статьях и телепередачах – очередная передача выходит в эфир на этой неделе. В ней некий бывший узник Батнера утверждает, будто бы тюремная охрана носится со своим знаменитым подопечным как с писаной торбой, хотя мы ничего подобного не заметили. В телепрограмме Батнер хотят представить как «дом отдыха», уютную каталажку для «белых воротничков», и действительно условия содержания там не столь суровы, как в других тюрьмах штата, где отбывают срок убийцы и прочие осужденные за тяжкие насильственные преступления. Что ж, если жертвы Мэдоффа считают, что злостный мошенник не заслуживает ничего комфортнее вьетконговской «тигровой клетки», то их ждет разочарование: здесь предусмотрены двухместные камеры, тренажеры и телевизионные комнаты.

И тем не менее Мэдофф отбывает наказание в тюрьме общего режима. Это не стальные джунгли, не царство грубого, практически бесконтрольного насилия и порока, но и не комфортабельный санаторий с полем для гольфа, теннисными кортами и свободным посещением друзей и родных. Заключенные отнюдь не выходят покурить за ограду из колючей проволоки. Мэдофф со своим стопятидесятилетним сроком до конца своих дней останется под замком. Там и умрет.

Едва ли разумно доверять тем сведениям о Мэдоффе, которые просачиваются наружу из этого изолированного мира. Кроме давнишней заметки в таблоиде, будто он умирает от рака поджелудочной железы, поступали и другие, более правдоподобные сообщения о том, что его якобы избил повздоривший с ним заключенный. А кому-то из посетителей Мэдофф якобы сказал, что он «чихать хотел» на собственных сыновей. Журнал New York Magazine сообщил, что Мэдофф, спровоцированный сокамерником, в сердцах бросил: «Жертвы, жертвы! Чтоб им пусто было!..» Вместе с тем газета New York Post доложила, будто он признался неким неустановленным заключенным, что за время своей многолетней аферы припрятал миллиарды долларов.

Что здесь правда? Тюремная администрация решительно отрицает, что у Мэдоффа, которому сейчас семьдесят два года, рак поджелудочной железы или иная смертельная болезнь. Он и сам это опровергает и никаких признаков тяжкого недуга не

выказывает. Точно так же и Мэдофф, и тюремные власти утверждают, что на него никто никогда не нападал и ни в какой драке он замешан не был. Мелкие травмы, спровоцировавшие эти слухи, он получил при падении, когда у него закружилась голова после приема лекарства от повышенного артериального давления. И тем более Мэдофф отрицает, что он когда-либо пренебрежительно отзывался о своих сыновьях или жертвах аферы или что кому-то рассказывал о своем якобы надежно припрятанном состоянии. Очевидно, кто-то в этом закрытом мирке, опутанном паутиной лжи, говорит правду. Может, и он сам.

Имя Берни Мэдоффа знают и поносят во всем мире, оно повсеместно стало синонимом своекорыстия и бесстыдства. Его порицали в Швейцарии, недобрым словом поминали по радио в Австралии, о нем шептались в Китае, оно взбудоражило страны Персидского залива. Его лицо было в каждой газете, оно смотрело с обложек журналов, выходящих на полудюжине языков, высмеивалось в карикатурах.

Даже в век гиперболических преувеличений эта история не укладывается в голове: многомиллиардная финансовая пирамида, которая продержалась несколько десятилетий, охватила весь земной шар и завлекла в свои сети некоторых богатейших, умнейших и авторитетнейших людей планеты. Но и многие тысячи обычных людей попались в сети Мэдоффа – попались и были разорены.

После экономического обвала 2008 года, когда мир финансов явил свою бессовестную, шарлатанскую сущность, из всех негодяев именно Мэдофф стал олицетворением глобального краха – вероятно, потому, что его махинации были в чем-то масштабнее самого финансового кризиса. Это же по сути вневременная драма, извечная, как человеческая алчность, неизбывная, как человеческое доверие.

Скандал с Мэдоффом задевает те потаенные струны нашего воображения, которые откликаются на народные сказки и наделяют их такой силой воздействия. В основе сказок – чудесное превращение. В мгновение ока уродливая лягушка становится прекрасной царевной. Поцелуй – и Спящая красавица пробудилась от сна, такая же прекрасная, как сто лет назад. По мановению волшебной палочки круглая тыква и полудюжина снующих мышей становятся золотой каретой с шестеркой серых лошадей.

Мгновенное превращение – вот что означало для многих падение Мэдоффа. Богатые вдруг стали бедными, уважаемые – презираемыми, умных выставили дураками, рассудительные

впали в ярость. Прекрасный принц превратился в гадкую жабу. Берни Мэдофф единолично обратил в ничто сбережения десятков тысяч чересчур доверчивых людей. Часы пробили полночь, и их бой вдребезги разбил тысячи судеб. В мгновение ока сгинуло все – деньги, положение, уверенность в завтрашнем дне, путешествия первым классом, обеспеченная старость, накопления на учебу в колледже, мирный сон, отчисления на благотворительность. В единый миг среди повседневных забот, пока все эти люди спали, или сидели в парикмахерской, или ехали домой с совещания, или стояли в очереди перед кассой кинотеатра, их богатство просто исчезло.

И виной всему Берни Мэдофф, злой чародей. Вот он взмахнул волшебной палочкой – и все пропало.

Берни Мэдофф десятилетиями жил в центре расширяющейся паутины лжи и обмана.

За время его долгого молчания после ареста клочья этой паутины свились в клубки с домыслами и наветами. На последующих страницах с помощью свежих данных и анализа отношений Мэдоффа с членами его семьи и с ключевыми инвесторами – в свете их причастности к афере Мэдоффа – многие из этих клубков будут распутаны.

Но, может быть, еще важнее то, что в книге предпринята попытка разобраться в изначальном сплетении обмана и полуправды, о которых широкая публика до сих пор не подозревала. Возможность осветить эту тему открылась только после того, как сам Берни Мэдофф согласился встретиться со мной в тюрьме и обо всем поговорить. Наша беседа стала первым интервью прессе под запись со дня его скандального ареста.

Прежде на мои многочисленные просьбы о встрече он отвечал лестью и посулами. «Я много лет слежу за вашей блестящей карьерой и содержательными репортажами, – писал он из тюрьмы в сентябре 2009 года. – Разумеется, я постараюсь удовлетворить вашу просьбу, но не раньше чем завершится открытое судебное разбирательство и все предшествующие ему следственные мероприятия. Можете быть уверены: ваше имя в первой строке моего списка. Как журналист-профессионал высочайшего класса вы, несомненно, войдете в мое положение».

И вот наконец этот час настал, и Мэдофф сидит напротив меня. Наш первый разговор продолжался более двух часов и затрагивал темы в диапазоне от семейной истории до причуд Уолл-стрит. Меня потрясло то, как Мэдофф реагирует на сокрушительные последствия своей грандиозной аферы, – это еще один пример всеохватности сотканных им иллюзий. Он прекрасно знал, что некоторые из его первых жертв сумели извлечь из

пирамиды больше, чем вложили изначально. Остальным это не удалось, но он понимал, что они могут рассчитывать на долю в любых активах, выявленных в ходе масштабного дела о банкротстве Мэдоффа. Рассматривая два этих факта, он, вопреки всякой логике, пророчил: «Те, кто был со мной, окажутся в более выигрышном положении, чем если бы они сами по себе играли на рынке» в период (финансового) кризиса 2008 года.

Мэдофф раскрыл подробности раннего этапа своей деловой карьеры, которые до сих пор оставались в тени. Из его признаний следует, что пристрастие к обману сформировалось у него раньше, чем принято считать. Еще в 1962 году он, как выяснилось, скрыл огромные потери, которые понесли его клиенты, из-за того что он инвестировал их сбережения в недавно выпущенные высокорисковые акции. Псевдоприбыли упрочили его репутацию и привели к расширению бизнеса. К концу 1980-х годов он помогал самым крупным своим клиентам уйти от налога на прибыль и валютного контроля, для чего использовал разные хитроумные схемы, сделав еще один шаг на пути к мошенничеству. После биржевого краха 1987 года Мэдоффа накрыла волна оттока капитала, и в числе тех, кто изымал свои средства, оказались некоторые из его многолетних инвесторов – хорошо знакомые всем имена: их связь с Мэдоффом теперь видится в новом свете. По его словам, потери от этих нежелательных изъятий он начал покрывать за счет наличности, которая стала поступать от новых клиентов хедж-фонда, и так родилась его пирамида, классическая схема финансового мошенничества: «Украсть у Петра, чтобы заплатить Павлу».

Нет ни малейших сомнений в том, что к 1992 году он фальсифицировал целые портфели акций, опционов и облигаций. Под занавес его аферы в число обманутых, одураченных клиентов входили гигантские институциональные инвесторы всего мира – от испанского Banco Santander до правительства ОАЭ, от хедж-фондов Каймановых островов до частных банков Швейцарии. Масштабы его мошенничества беспрецедентны. Полагают, что на день ареста он распоряжался капиталом примерно в 64,8 млрд долларов. Если бы он в действительности располагал такими деньгами, его следовало бы признать крупнейшим в мире инвестиционным менеджером, чья организация была в полтора раза крупнее банковского гиганта JPMorgan Chase, вдвое больше Goldman Sachs и втрое больше, чем все фонды, организованные легендарным глобальным инвестором Джорджем Соросом.

Но он располагал лишь малой толикой этих денег. В масштабах, затмевающих все известные в истории финансовые пирамиды, он фальсифицировал буквально все – от отчетов о

состоянии клиентских счетов до обязательной отчетности регуляторам рынка.

«К 1998 году я осознал, что из этого уже не выпутаться, – сказал он в одном из тюремных интервью. – Именно тогда я признался себе, что рано или поздно моя голова окажется на плахе».

Отчего же он не сбежал с оставшимися миллионами и не нашел убежище за пределами досягаемости американской юстиции, когда стало ясно, что ему уже не выбраться из этой ямы? «За столько лет я много чего мог бы предпринять [для побега], но не предпринял, – говорил он в августе. – У меня и в мыслях не было удрать и спрятать деньги… мне это и на ум не приходило».

Он не сбежал, нет, он продолжал усердно культивировать доверие и репутацию – питательную среду его все разраставшейся аферы, то есть жил жизнью, которая, по его собственному определению, давно превратилась в фарс, прикрытый мнимой честностью и респектабельностью.

Конечно, многое в Мэдоффе навсегда останется загадкой. В последующие месяцы и годы у государственных следователей могут появиться новые свидетельства, которые подтвердят или опровергнут кое-что из того, что сегодня кажется наиболее вероятным. Да и к воспоминаниям Мэдоффа, как и к его версии собственных преступлений, всегда следует относиться крайне скептически – ведь он одинаково изящно говорит и правду, и ложь, и граница между правдой и ложью раз от раза смещается. С этой оговоркой настоящая книга предложит вниманию читателей карту темных путей-дорожек, которыми долго ходил Мэдофф, пока в конце концов не пришел к краху, и прольет свет на то, что и сегодня еще остается за пределами этой карты.

Возвести крупнейшую в истории финансовую пирамиду Мэдоффу позволила нынешняя Уолл-стрит, которую он же сам и помогал строить. Мэдофф играл видную роль в формировании современного фондового рынка, от компьютеризованных торгов NASDAQ до таинственного мира хедж-фондов и повального увлечения опасными играми с деривативами. Он умел распознавать тренды, оценивать возможности, он был одним из авторов пособия для инспекторов службы финансового регулирования и приложил руку к тому, что в финансовой системе возникли слабые места, с которыми мы вынуждены мириться по сей день. И он был плоть от плоти того мира, который сам помог сотворить, – мира, алчущего прибыли без риска, нетерпимого к надзору и контролю, самонадеянно рассчитывающего исключительно на успех, прискорбно

беспомощного в предвидении неблагоприятных перемен и эгоистично равнодушного к ущербу, если он касается других.

Если бы жизнь Мэдоффа не была так тесно сплетена с историей Уолл-стрит, ему вряд ли удалось бы проворачивать свою аферу на протяжении стольких лет. Чтобы понять скандал с Мэдоффом, нужно понимать изменчивую форму рынка, в создании которого он принимал непосредственное участие, того самого рынка, который чем дальше, тем больше влияет на наше личное финансовое благополучие, становясь в то же время все менее доступным для понимания большинства из нас. Мэдофф на зависть бойко владел новым языком рынка, тогда как мы все только мечтали его выучить или притворялись, что уже его знаем. В странном новом месте, где ему, казалось, было тепло и уютно, нам холодно и тревожно.

Если он злой чародей, то его могущество стократно умножилось оттого, что мы все пошли за ним в его заколдованный замок.

1. Катастрофа на Уолл-стрит

Понедельник, 8 декабря 2008 г

Он готов поставить точку, готов позволить своей гигантской афере рухнуть.

Несмотря на всю его показную уверенность и невозмутимость перед растущим смятением рынка, инвесторы покидают его. Руководители испанских банков, нагрянувшие с визитом на День благодарения, в конце ноября, по-прежнему хотят изъять деньги. Так же, как итальянцы, возглавляющие лондонские фонды Kingate, и управляющие гибралтарским фондом, и голландские начальники фонда на Кайманах, и даже Соня Кон из Вены, одна из тех, на кого он всегда мог положиться. В общей сложности более полутора миллиардов вынь да положь, а ведь это только ничтожная часть всех «донорских» фондов. Прибавьте сюда постоянный отток средств Fairfield Greenwich Group – 980 млн долларов за ноябрь, а теперь еще 580 млн за декабрь.

Если выписать чек на декабрьские возвраты, он будет возвращен как не имеющий покрытия, попросту говоря – фиктивный.

Ему негде занять денег, чтобы покрыть эти изъятия. Банки теперь никому не дают займов и уж точно ничего не дадут такому, как он, среднему оптовому игроку. Доверчивым инвесторам его брокерская фирма может по-прежнему казаться внушительной, но сегодня нервные банкиры и задерганные сотрудники регулирующих и надзорных структур определенно не считают Bernard L. Madoff Investment Securities фирмой «слишком крупной, чтобы потерпеть крах».

На прошлой неделе он звонил адвокату Айку Соркину. Пожалуй, даже такой классный юрист, как Соркин, мало чем сумеет помочь на этом этапе, но адвокат ему явно понадобится. Встречу он назначил на 11.30 пятницы, 12 декабря. Он пока не уверен, что предпринять в первую очередь и когда лучше начать действовать, но до пятницы еще есть время с этим разобраться.

Понедельник, ветреный, холодный день. В своем офисе на девятнадцатом этаже Берни Мэдофф механически начинает работу. Вокруг все до нелепого безмятежно. Черный лак мебели элегантно поблескивает на фоне серебристых ковров и сероватых, тоном темнее, стен, в центре помещения эффектно возвышается лестница. Его фирма занимает восемнадцатый и девятнадцатый этажи «Помады» – характерно закругленной, точь-в-точь как губная помада в тюбике, башни на углу Третьей авеню и Восточной Пятьдесят третьей улицы. Запертые двери семнадцатого этажа скрывают скопление скучных тесных контор

(их тоже арендует Мэдофф), связанных с остальной фирмой только лифтами и пожарными лестницами. Именно здесь, вдалеке от залитого светом кабинета Мэдоффа, незримо, но неумолимо разваливается его обман.

Незадолго до ланча он говорит по телефону с Джеффри Такером из Fairfield Greenwich. Они знакомы почти двадцать лет.

В телефонном разговоре чувствуется: Мэдофф не только едва скрывает досаду, но и разъярен до предела. Что еще за фокусы – изъятия на миллиард двести, и это всего за месяц? Разве директора Fairfield Greenwich не кормили с июня обещаниями, что уладят вопрос с погашениями? Да они тянут деньги даже из собственных инсайдерских фондов! Так-то они улаживают вопрос?

Он угрожает: Fairfield Greenwich должна компенсировать утечку средств в том объеме, который будет зафиксирован к 31 декабря, или он закроет их счета. Он зарежет курицу, что несла золотые яйца для Такера и его жены, для его молодых партнеров и для многочисленного семейства сооснователя Fairfield Greenwich Уолтера Ноэла-младшего.

Он блефует. «Мои трейдеры сыты по горло всеми этими хедж-фондами», – говорит он. Мол, невелика потеря, на их место придут другие, к нему в очередь стоят годами. И пусть не забывают: он-то всегда «хранил верность» Fairfield Greenwich, напоминает Мэдофф Такеру.

Такер, спокойный, как адвокат, проигрывающий процесс, уверяет Мэдоффа, что они с Ноэлом работают над совершенно новым фондом Greenwich Emerald, который будет чуть рискованнее, зато куда прибыльнее. Как только рынки поуспокоятся, продажи акций пойдут влегкую.

Мэдофф высмеивает саму мысль о том, будто Такер и Ноэл способны собрать 500 млн, – что с того, что они уже вкладывают свои собственные миллионы! Лучше бы крепче держались за деньги, которые они теряют прямо сейчас, говорит Мэдофф, а не хотят, так он их просто выкинет.

Через несколько минут потрясенный Джеффри Такер строчит электронное письмо своим партнерам. «Только что говорил по телефону с Берни, он рвет и мечет, – докладывает Такер и повторяет угрозы Мэдоффа. – Думаю, он говорил искренне».

Искренним Берни не был. Фонд Fairfield Sentry еще до 31 декабря свернет свою работу, но не потому, что Такер с партнерами не «отбивались» от изъятий, а потому, что они двадцать лет подавляли свой скептицизм, раз и навсегда уверовав, будто с Мэдоффом их золотые копи не подвержены риску.

В тот же день внизу, на семнадцатом этаже, находящемся в ведении Фрэнка Дипаскали, правой руки Мэдоффа, Дипаскали подготовят документ, по которому Стенли Чейз, один из кредиторов Мэдоффа еще с 1970-х годов, сможет изъять с одного из своих счетов 35 млн долларов. Чейз был верен Мэдоффу куда дольше, чем парни из Fairfield Greenwich.

Около четырех часов дня друзья и клиенты начинают прибывать на заседание совета фонда Gift of Life Bone Marrow, который оказывает помощь в поисках донорского костного мозга для взрослых, больных лейкемией. Берни и его жена Рут поддерживают фонд, потому что от лейкемии умер их племянник Роджер, а их сын Эндрю страдает от сходного недуга – одной из разновидностей лимфомы. Члены совета появляются поодиночке и парами и поднимаются по закругленной лестнице из приемной на восемнадцатый, административный, этаж фирмы.

С лестничной площадки они сворачивают направо и следуют в большой конференц-зал со стеклянными стенами, расположенный между офисами Мэдоффа и его брата Питера. Там к ним присоединяется Рут Мэдофф. На низком столике возле одной из дверей Элинор Скиллари, секретарь Берни, сервировала безалкогольные напитки, воду в бутылках и закуски.

Исполнительный директор фонда Джей Фейнберг, сам выживший после лейкемии, вместе со своим состоящим в совете отцом и несколькими сотрудниками усаживается в конце длинного стола с каменной столешницей. В другом конце стола Берни, справа от него Рут. Здесь все те, кто тесно связан с каждым из десятилетий жизни Мэдоффа: его приятель Эд Блюменфелд, с которым они на пару купили новый самолет; владелец бейсбольной команды New York Mets и друг детства Фред Уилпон, с которым они ходили по одним улицам в Рослине на Лонг-Айленде; Морис (Сонни) Кон, партнер Мэдоффа по Cohmad Securities с середины 1980-х и друг, с которым они столько лет делились анекдотами и с которым теперь делят офис.

Приезжает Эзра Меркин, финансист и «канал связи» со многими еврейскими благотворительными учреждениями. Он втискивается в черное кожаное кресло рядом с Рут. Тут же сидит элегантный биржевой брокер из Cohmad Боб Джаффи, зять Карла Шапиро, долговременного вкладчика Мэдоффа из Палм-Бич. За стол усаживаются еще несколько членов совета и приглашенных участников совещания. Возникает небольшая заминка, никак не дозвониться до Нормана Бремена, бывшего владельца футбольной команды Philadelphia Eagles, но в конце концов они с ним связываются – по его словам, он во Флориде.

Сейчас за столом почти сплошь друзья Мэдоффа, его

почитатели, его клиенты. Через несколько дней все они, как и тысячи других, превратятся в его жертв. Их богатство усохнет, а репутация пошатнется. Жизнь станет для них кошмарным круговоротом адвокатов, тяжб, показаний, заявлений о банкротстве и судебных баталий. Все они будут глубоко сожалеть о том, что доверились добродушному, убеленному сединами человеку, расположившемуся во главе стола.

Рут ведет протокол, а Мэдофф обращается к повестке дня, в которой сегодня два основных пункта – дальнейшее привлечение средств и подготовка большого весеннего ежегодного обеда. Необходимо сформировать комитет по сбору средств. «Кто этим займется?» – спрашивает Мэдофф. Заняться соглашается Фред Уилпон. Далее обсуждаются обычные рабочие моменты, вот только некоторые участники встречи впоследствии припомнят, что в какой-то момент Фейнберг раздал членам совета листки с изложением позиции фонда относительно конфликта интересов; каждый поставил свою подпись, после чего листки были собраны и, вероятно, подшиты в дело.

К шести часам вечера все заканчивается. Мэдофф выводит жену и друзей через отдельный выход на девятнадцатом этаже. Они удаляются в зимнюю ночь.

Вторник, 9 декабря 2008 г

Земля начинает уходить из-под ног. Мэдофф планировал встретиться с сыном своего друга Дж. Айры Харриса – некогда одного из «львов» Уолл-стрит, ныне добродушного филантропа из Палм-Бич, – но встреча отменена.

Вместо этого Мэдофф сидит со своим старшим сыном Марком и объясняет, что у него, несмотря на падение рынка, был очень удачный год в бизнесе консультаций по частным инвестициям. Чистая прибыль составила несколько сотен миллионов долларов, и он хочет выплатить некоторым сотрудникам бонусы чуть раньше обычного. Не в феврале, а сейчас, на этой неделе. Он велит Марку набросать список сотрудников отдела трейдинговых операций, которые заслуживают поощрения.

Не на шутку встревоженный, Марк советуется со своим братом Эндрю. Они оба видят, что с каждым днем, по мере того как сжимаются тиски рыночного кризиса, отец все больше нервничает. «Ничего страшного, просто у хедж-фондов небольшая напряженка с ликвидностью», – сказал он им в прошлом месяце. Но теперь уже очевидно, что отец не просто обеспокоен: они никогда не видели его в таком состоянии. И с чего это он вознамерился швырять миллионы на досрочные бонусы? Бессмыслица какая-то! Разве не лучше было бы приберечь наличность, когда все так зашаталось? Ему бы подождать и посмотреть, как будут обстоять дела через два месяца, когда придет время выплачивать бонусы. Но Берни Мэдофф диктатор – он у руля и никаких возражений не терпит. И все же братья решают поговорить в среду с отцом о своих тревогах.

После того как рынки закрылись и фирма начинает пустеть, Мэдофф пересекает овальную приемную, где сидят секретари, и входит в кабинет Питера. За два года, минувших после смерти единственного сына, Питер постарел и замкнулся. Он всегда носит в бумажнике фотографию Роджера, сделанную в конце его короткой жизни, когда лейкемия уже оставила свою печать на его некогда красивом лице. До этой тяжкой утраты Питер десятилетиями был правой рукой Берни, его самым близким другом, «технологическим гуру» фирмы, «братишкой».

Если Питер прежде и не знал о преступлениях старшего брата (на чем позднее будут настаивать адвокаты), он узнает об этом сейчас. Берни делает глубокий вдох и спрашивает Питера, есть ли у него минутка для разговора. Питер кивает, и Берни притворяет дверь.

«Я должен рассказать тебе, что происходит», – говорит он.

О переломных моментах жизни часто говорят как бы между прочим. Но это не означает, что их нет. Вот ты делаешь предложение руки и сердца – и тебе отвечают «да». Слышишь: «Вы приняты на работу» или «Вы уволены» – и будущее мгновенно меняет очертания. Врач произносит слово «злокачественная» – и вся жизнь летит под откос. В тот миг, когда ты узнаешь, что все твои представления о любимом человеке, которые ты годами считал чистой правдой, на самом деле ложь, – ты испытываешь сильнейшее потрясение. Это подтвердит всякий, кто пережил подобное. Словно мир вдруг покачнулся и снова встал на место, но ты его уже не узнаешь – вроде бы все так же, как было секунду назад, и в то же время ничего общего.

Так что если Питер Мэдофф узнает о преступлении брата именно теперь, едва ли он окажется способен мгновенно оценить последствия – крах карьеры и семейного состояния и долгие, на годы вперед, гражданские иски и уголовные преследования. Конечно, эти мысли придут. Но если известие свалилось на него как гром среди ясного неба, куда вероятнее, что он просто оглушен и в его сознании за доли секунды прокручивается вся его жизнь – должно же быть там что-то настоящее, истинное, за что еще можно ухватиться.

Питер – юрист и начальник отдела корпоративного регулирования: впрочем, они в своей фирме всегда легкомысленно относились к наименованию должностей, а теперь это вдруг стало иметь значение. Он слушает, как Берни толкует о том, что собирается выплатить бонусы и выслать чеки на возврат вложенных средств самым близким людям, чтобы исправить хоть что-нибудь, прежде чем пойти с повинной. Ему нужно всего несколько дней, говорит он. На пятницу он уже назначил встречу с Айком Соркином.

Возможно, все еще ожидая, что мир придет в равновесие, Питер выпаливает: «Ты должен сказать сыновьям».

Марк и Эндрю говорили дяде Питеру, что беспокоятся за отца, которого в последние недели все больше гложут заботы. Братья то и дело спрашивали: «С отцом все в порядке?» Питер видел, что они напуганы. «Ты должен им сказать!» – повторяет он.

Берни кивает. Он скажет, скажет. Просто все никак не решит когда.

Среда, 10 декабря 2008 г

Утром Элинор Скиллари видит, как Рут Мэдофф ненадолго заходит в офис. По распоряжению Берни она снимает 10 миллионов со своего брокерского счета в Cohmad и кладет наличные на свой счет в банке Wachovia, чтобы в случае чего у нее была возможность выписать мужу чек. Ничего удивительного, если она думает, будто мужу деньги нужны для покрытия изъятий из своего хедж-фонда – вероятно, она вспоминает февральский набег на Bear Stearns и опасается, что у Берни вот-вот возникнут те же проблемы – паническое изъятие вкладов. Всем известно, что рынок лихорадит.

Мэдофф сидит за столом с девяти часов утра и невозмутимо работает с бумагами, вернее с цифрами. На самом деле он, вероятно, подписывает три-четыре десятка из сотни чеков, которые на прошлой неделе подготовил Дипаскали, – на общую сумму 173 млн долларов, – чеков для друзей, сотрудников и родственников, чтобы обналичить их инвестиционные счета.

С утра пораньше к нему заходит Питер Мэдофф, требуя немедленно поделиться страшными новостями с сыновьями. Берни соглашается, вот только он по-прежнему не знает когда. Вечером у них корпоративная вечеринка. Пожалуй, это не самый подходящий момент. Когда он все расскажет сыновьям, им понадобится время, чтобы с этим свыкнуться. Может быть, стоит подождать уик-энда.

Он звонит Соркину и просит перенести время их встречи на десять утра следующего понедельника, 15 декабря. «Ладно», – говорит Соркин и вносит изменение в деловой график.

Но ход событий от Мэдоффа больше не зависит.

Тем же утром Марк и Эндрю Мэдоффы, стремительно минуя стол Скиллари, проходят в кабинет отца. К ним (по ее словам) присоединяется Питер, он устраивается на диване рядом с письменным столом, сидит нога на ногу, сложив на груди руки, весь поникший, «будто из него выпустили воздух». Марк и Эндрю занимают места перед столом, спиной к двери.

Сыновья Мэдоффа не привыкли оспаривать управленческие решения отца. В конце концов, бизнес целиком принадлежит ему, до последней акции. Если отец хочет уволить их сегодня же, пусть увольняет. Но они должны кое-что сказать ему. Марк поднимает тему бонусов – мол, они с Эндрю единодушно считают, что это было бы преждевременно и необдуманно.

Вначале Мэдофф пытается их переубедить. Все как он им говорил: удачный был год, он получил прибыль благодаря

грамотному управлению капиталом и полагает, что сейчас самое время распределить деньги.

Сыновья стоят на своем. Доводы отца их не убеждают. Разве не разумнее было бы придержать деньги на случай, если понадобится пополнить капитал фирмы? Они упорствуют, их отец начинает заметно нервничать. Он встает с места, смотрит поверх их голов в сторону овальной приемной. Его кабинет – стеклянный аквариум. Как мог человек, которому есть что скрывать, оказаться в ситуации, когда ему негде поговорить с сыновьями с глазу на глаз?

Он объявляет сыновьям, что больше не может «держать все в руках». Им нужно поговорить наедине, и он просит их перенести разговор в его квартиру на Восточной Шестьдесят четвертой. Он звонит Рут и говорит, что вместе с сыновьями направляется туда.

Воспоминания об их уходе нелогичны, путаны и обрывочны, – вероятно, в свете последующих бурных событий. Элинор Скиллари вспоминает, что спросила Берни, куда они идут, и в ответ услышала: «На улицу». Она помнит, как Марк пробормотал что-то о рождественских покупках. Один из сыновей Мэдоффа достает его пальто из стенного шкафа и помогает отцу одеться. Тот поднимает воротник, как если бы уходил навстречу буре. Скиллари помнится, что, когда она звонила на семнадцатый этаж, чтобы один из водителей подал машину, была еще только половина десятого утра. Но, по словам водителя, на то, чтобы подогнать к выходу седан, у него ушло часа полтора. Вряд ли все трое стояли в зимних пальто и полтора часа ждали автомобиль, если можно было остановить такси или минут за пятнадцать – двадцать дойти до квартиры пешком. На этот счет никто не дает вразумительного объяснения.

Наконец они садятся в большой черный седан. Марк впереди, Эндрю с отцом сзади. Разговор ведется на нейтральную тему, которую можно спокойно обсуждать в присутствии водителя, – о внуках Берни. Они подъезжают к дому и поднимаются на лифте в пентхаус.

Их встречает Рут, и все следуют в кабинет, сумрачное убежище, которое так любит Мэдофф, – винного цвета кожа, гобелены, старинные морские пейзажи на стенах, забранных деревянными панелями, и битком забитые книжные шкафы в простенках между окон.

В ходе разговора с женой и сыновьями Мэдофф не выдерживает; он не может сдержать слез, они тоже. Он уверяет, что весь его инвестиционно-консалтинговый бизнес – афера, грандиозная ложь, «по сути, гигантская финансовая пирамида». С ним покончено. У него не осталось «абсолютно ничего». Бизнес –

семейное дело, в котором его сыновья работали всю жизнь и надеялись работать до конца своей карьеры, – неликвиден, рухнул, его больше нет. Он говорит, что потери от аферы достигают, возможно, 50 млрд долларов. Это непостижимая для Рут и сыновей сумма, но они знают, что Мэдоффу было доверено состояние их семьи и поколениями скопленное богатство родни Рут, деньги сотрудников, большинства ближайших друзей, миллионы и миллионы долларов.

Мэдофф заверяет их, что уже рассказал об афере Питеру и собирается до конца недели пойти с повинной. Да, и у него все-таки осталось несколько сот миллионов долларов, говорит он, уж это-то чистая правда! И прежде чем пойти с повинной, он планирует выплатить эти деньги самым верным своим соратникам, членам семьи и друзьям.

Рут с сыновьями так потрясены, что почти не способны осознать это известие. Марк в ярости, Эндрю в прострации. В какой-то момент он с рыданиями падает на пол. В какой-то – обнимает отца с нежностью, которая навсегда врезалась в память Мэдоффа. Когда мир вокруг Эндрю наконец придет в равновесие, он скажет, что поступок отца – это «предательство библейских масштабов».

Братья уходят и велят водителю ждать отца, бормоча, что сами они, дескать, пойдут куда-нибудь вместе пообедать. И направляются на юг по Лексингтон-авеню, в сторону офиса Мэдоффа, но идут они не в офис, а к Мартину Лондону, бывшему партнеру нью-йоркской юридической фирмы Paul, Weiss, Rifkind, Wharton & Garrison и отчиму жены Марка. Лондон собаку съел на судебных тяжбах, знает все лазейки в законодательстве по ценным бумагам и пользуется большим весом в юридических кругах. А еще он один из тех, кто доверился Берни Мэдоффу. По совету Марка он вложил свой капитал в руки семейного гения.

Братья честно рассказывают ему о том, в чем семейный гений только что им признался. Лондон тоже ошарашен, но он юрист, и у него моментально срабатывают профессиональные инстинкты. Не теряя ни минуты, он пытается связаться с младшим коллегой по имени Мартин Флюменбаум, одним из лучших на Манхэттене судебных адвокатов.

Флюменбаум, пухлый коротышка с лучезарной улыбкой, находится на расстоянии нескольких часов езды, в федеральном суде Хартфорда (Коннектикут). По правилам суда он, проходя утром через систему безопасности, сдал мобильный телефон. Получив телефон обратно, он видит срочные сообщения из Нью-Йорка.

Он звонит Марку Мэдоффу, который к тому времени

вернулся в свою квартиру-лофт в Нижнем Манхэттене, и узнает о состоявшемся ранее невероятном разговоре Эндрю и Марка с отцом. Флюменбаум обещает встретиться с ними этим же вечером в своем манхэттенском офисе, в элегантном небоскребе к северу от концертного зала Radio City.

В мороси зимних сумерек сияют рождественские огни. Водитель Марка останавливает машину перед входом в здание. Эндрю уже дожидается его на тротуаре, и они входят вместе. Водитель ждет, но проходит полтора часа и Марк по телефону приказывает ему ехать в офис, где уже началась вечеринка.

В кабинете Флюменбаума Марк с Эндрю повторяют рассказ о недавнем потрясении, дополняя его некоторыми пояснениями. В фирме Мэдоффа управлением инвестициями занимается небольшой офис на отдельном этаже, говорят они. Занимается, как им всегда казалось, очень успешно – они в курсе, что отец работал со многими крупными хедж-фондами и даже отказывал богатым потенциальным клиентам, – но все это отец держал в строжайшей тайне, в буквальном смысле за семью замками. Десятки родственников доверили Берни управление своими накоплениями, доверительными фондами и пенсионными счетами. Марк и Эндрю доподлинно знают, что покупка и продажа инвестиций его частных клиентов не проводились через отдел трейдинга: отец всегда говорил, что использует для этого «европейских контрагентов». У него офис в Лондоне, где он регулярно бывает, так что все выглядело вполне правдоподобно.

Теперь-то все выглядит неправдоподобно. Их отец, на которого они всю жизнь смотрели снизу вверх, в один миг довел их до разорения. Он вовсе не финансовый гений и не столп Уолл-стрит, каким они его всегда считали. Он жулик, мошенник, аферист-виртуоз невероятного масштаба. Как они могли так обманываться в своем отце?

Вся эта лирика интересует сейчас Мартина Флюменбаума в последнюю очередь. Мэдофф ясно дал понять сыновьям, что еще целую неделю намерен продолжать преступные деяния, выплачивая своим родственникам, сотрудникам и друзьям деньги, которые обвинители вскоре назовут доходами, полученными нечестным путем. И значит, его грандиозная афера продолжается. У сыновей Мэдоффа нет выбора, внушает Флюменбаум своим новым клиентам. Об этом разговоре – об этом признании – они обязаны незамедлительно сообщить федеральным властям.

Флюменбаум знаком с людьми на самом верху манхэттенского отделения генеральной прокуратуры и нью-йоркского отделения Комиссии по ценным бумагам и биржам. Он

делает несколько звонков. Дозвонившись до своего человека в Комиссии, он в общих чертах излагает события этого дня и заявляет о финансовой пирамиде, потери от которой, по оценке самого Берни, могут достигать 50 млрд долларов.

На том конце провода молчат. Затем следует вопрос: речь действительно идет о миллиардах? Не о миллионах? Все верно?

Да, все верно – о миллиардах.

И машина следствия, скрежеща, приходит в движение. ФБР созывает группу по финансовым преступлениям. А Комиссия открывает досье с ярлыком «Мэдофф Бернард Л.» – и не впервые.

Как сам Мэдофф проводит остаток этого дня – последнего дня, когда он еще может где-либо появляться на людях неузнанным, – в точности неизвестно. Он припоминает, что вернулся из дома в офис, что застал там Эндрю, который якобы сообщил ему о своем (и Марка) намерении обратиться к адвокату. Однако, по воспоминаниям Элинор Скиллари, Мэдофф не возвращается в офис на девятнадцатом этаже. Она неоднократно пытается связаться с ним по мобильному телефону и всякий раз попадает на голосовую почту.

Несовпадающие воспоминания искажают и общую картину того достопамятного дня – дня, который с первых утренних часов навеки отпечатался в душе и сознании Берни Мэдоффа и членов его семьи. Но для водителей и прочего младшего персонала фирмы это всего-навсего день ежегодного рождественского корпоратива. Все сокрушающее значение этого дня откроется им только через сутки. Поэтому ничего удивительного нет в том, что некоторые кусочки мозаики не встают на место.

И все же Скиллари уверена, что не могла не заметить босса, появись тот в офисе. Помимо всего прочего, у нее на столе лежит для него доставленное курьером письмо от Джеффри Такера из Fairfield Greenwich. В письме Такер извиняется за то, что не должным образом информировал Мэдоффа об изъятиях, и обещает в будущем таких оплошностей не допускать. «Для нас вы наиважнейший деловой партнер и бесконечно уважаемый друг… Наша задача – продолжать деловое сотрудничество с вами и сохранить ваше доверие».

Возможно, Мэдофф просто поднимается из вестибюля на семнадцатый этаж, где Фрэнк Дипаскали со своей немногочисленной командой трудится над чеками, которые планирует раздать Мэдофф.

После изнурительной встречи с Флюменбаумом Эндрю Мэдофф возвращается в свою элегантную, просторную квартиру в Верхнем Истсайде. Даже не сняв пальто, он валится на кровать и несколько часов лежит без движения, – может быть, ждет, когда

его мир перестанет вертеться как заведенный.

Ни Марку, ни Эндрю и в голову не приходит отправиться на вечеринку, устроенную в приветливом ресторанчике Rosa Mexicano, там же, где и год назад. Сегодняшний праздник принадлежит тому миру, где они жили до сих пор. Из мира, где они живут теперь, туда дороги нет. А вот их родителям, Рут и Берни, наоборот, и в голову не приходит *не* пойти на праздник. Они, словно на автопилоте, механически продолжают делать что положено. Да и как бы они объяснили свое отсутствие? Ни один из них не в состоянии позвонить и извиниться – непременно расплачется. Не исключено, что участие в корпоративной вечеринке для них просто путь наименьшего сопротивления, единственный способ удержать реальность на расстоянии, пусть всего только несколько часов, несколько дней.

В воспоминаниях о вечернем празднестве, как и в целом об этом дне, сплошные нестыковки и противоречия.

Один из опрошенных утверждает, будто Мэдофф удивил сотрудников, внезапно передвинув празднество на неделю раньше обычного. Но рождественская вечеринка состоялась в ту же неделю и едва ли не в тот же день, что и год назад, и даже сам Берни не смог бы в праздники снять популярный ресторан по первому требованию.

Одни говорят, будто за весь вечер Берни не произнес ни слова, забился вместе с Рут в угол бара, подальше от толпы, да так там и просидел. Других поразила «печать смерти на его лице», его «невидящий взгляд» – словом, Берни выглядел потрясенным, зажатым, «отрешенным». Но Скиллари помнит, что Мэдоффы вели себя как обычно, «будто им не о чем волноваться». С ней согласны двое других гостей из числа давних друзей – за исключением того, что Мэдофф вел себя, на их взгляд, пожалуй, чуть более эмоционально, чем обычно, охотнее обнимал и целовал родных и друзей. Рут тоже беседует с некоторыми сотрудниками, поневоле следуя заведенным ритуалам корпоративной вечеринки. Но ей, должно быть, нелегко держать себя в руках: примерно через час она уже хочет уйти. Мэдофф скажет потом, что они провели там «пару часов».

Все без исключения вспоминают «шведский стол с тако и гуакамоле, барную стойку и курсирующих по залу официантов с подносами холодной гранатовой “Маргариты”, две порции которой могут вырубить человека на весь вечер», – а одной порции явно достаточно для того, чтобы навсегда изгнать из памяти ясные, упорядоченные воспоминания об этом ирреальном вечере.

Помимо еды и напитков есть еще кое-что, одинаково

запомнившееся всем гостям: ожидалось, что на празднике будут Марк и Эндрю Мэдоффы, но они так и не появились.

Возвращаясь вместе с женой к себе домой, Берни Мэдофф никак не ожидает, что ситуация уже выходит из-под контроля. Конечно, у сыновей было достаточно времени, чтобы выдать его, но пока ведь никто не явился с ордером на арест ни в офис, ни в его квартиру. Никто не позвонил с требованием явиться на допрос. Мэдофф уверен, что у него есть еще несколько дней и он успеет уладить кое-какие дела, прежде чем пойдет сдаваться.

Четверг, 11 декабря 2008 г

С утра идет дождь. Примерно в половине восьмого специальный агент ФБР Тед Качиоппи и его напарник Б. Дж. Канг подъезжают к дому на углу Восточной Шестьдесят четвертой и Лексингтон-авеню, где находится квартира Мэдоффа. Качиоппи, молодой человек атлетического сложения с коротко подстриженными каштановыми волосами, на ногах с четырех утра – ему нужно было во всех подробностях обговорить деликатную суть дела со своим руководством, федеральными обвинителями и юристами Комиссии по ценным бумагам и биржам.

Обвинение не предъявлено. Нет и веских доказательств аферы, есть только слова сыновей Мэдоффа. Поспешный арест может пустить под откос все расследование. Но если с арестом промедлить, Мэдофф может сбежать, прихватив с собой оставшиеся деньги. Наконец решено: агенты ФБР наведаются к Мэдоффу и вежливо попросят его прокомментировать заявление сыновей.

Оставив в машине двух других агентов, Качиоппи и Канг предъявляют консьержу свои удостоверения и поднимаются на лифте в пентхаус, а ошарашенный консьерж звонит Мэдоффу, предупреждая об их визите.

В просторной гардеробной, этажом ниже входа в двухэтажный пентхаус, Мэдофф в эту самую минуту собирается одеваться на работу. Извещенный консьержем, он как есть, в голубом халате поверх пижамы, идет наверх и открывает дверь квартиры. Агенты заходят в вестибюль, где светит каретный фонарь и стоят высокие напольные часы. Рут, подстегнутая нежданным звонком консьержа, впопыхах надевает какие-то джинсы, рубашку поло и присоединяется к ним в фойе.

Мэдофф удивлен, но произносит:

– Я знаю, зачем вы здесь.

Качиоппи говорит:

– Мы здесь, чтобы выяснить, чтобы выслушать ваши объяснения, если таковые имеются.

– Нет никаких объяснений, – отвечает Мэдофф.

Качиоппи спрашивает, могут ли они где-нибудь поговорить. Мэдофф ведет агентов в свой кабинет, куда он почти сутки назад привел жену и сыновей. Он садится в кресло и приглашает агентов сесть на кожаный диван напротив. Пока Качиоппи спрашивает, а Мэдофф отвечает, агент Канг молча делает заметки.

Мэдофф, не проявляя видимых эмоций, подтверждает все, что сказал сыновьям и брату: он действовал по схеме финансовой пирамиды, выплачивая инвесторам доходы «из несуществующих денег», а точнее – из денег других инвесторов. Он разорен, неплатежеспособен. Он понимает, что игра проиграна, что его ждет тюрьма.

Качиоппи не уверен, что в отсутствие формального обвинения ему следует немедленно произвести арест. Он заходит в ванную и звонит по мобильному телефону на службу, объясняя суть происходящего. Ему приказывают задержать Мэдоффа по факту «наличия достаточных оснований».

Мэдофф идет одеваться; он выбирает дорогие серые слаксы, мягкий темно-синий блейзер и накрахмаленную белую рубашку в темно-синюю полоску с открытым воротом. Агенты предупредили его о ряде запретов для арестованных: ни ремня, ни шнурков, ни галстука, ни украшений.

Тем временем – то ли пока Мэдофф одевается, то ли чуть раньше – Рут звонит в офис и спрашивает Скиллари, не приезжали ли Марк и Эндрю. Нет, не приезжали. Скиллари слышит, как Рут говорит кому-то (вероятно, Берни): «Их там нет».

Но вот Мэдофф одет и агенты готовы везти его в Нижний Манхэттен. Он велит Рут постараться связаться с Айком Соркином, накидывает темно-серый плащ из твилла, и ему надевают наручники. Вместе с агентами он спускается в лифте, быстро проходит через небольшой темный вестибюль и выходит наружу, под дождь. Мэдоффа сажают на заднее пассажирское сиденье ожидающего автомобиля. Канг садится позади водителя, и машина отъезжает.

Качиоппи направляется в сторону Рокфеллер-центра на встречу с сыновьями Мэдоффа в офисе их адвоката – составить аффидевит, письменное заявление под присягой, которое он представит суду, чтобы начать процесс.

Питер Мэдофф приезжает в офис необычайно рано. Скиллари впервые замечает его, когда он беседует с несколькими незнакомцами в малом конференц-зале на восемнадцатом этаже. Секретарь приемной говорит, что они все отрекомендовались «юристами». Затем, быстро показав значок, подходит немногословный человек в тренчкоте – вероятно, агент ФБР, посланный для совместной работы с уже находящимися здесь командами Комиссии по ценным бумагам и FINRA (The Financial Industry Regulatory Authority) – Агентства по регулированию деятельности финансовых институтов.

Скиллари, сопоставив все известные ей факты, включая ранний звонок Рут с вопросом о сыновьях, сперва думает, что

кого-то похитили. А может, это заговор с целью вымогательства. Мэдофф по-прежнему отсутствует.

Фрэнк Дипаскали и его многолетняя коллега Аннет Бонджорно порознь поднимаются с семнадцатого этажа и спрашивают Питера, что происходит. Питер говорит: Берни арестован за мошенничество с ценными бумагами. По словам Скиллари, каждый из этих двоих, ничего больше не спросив, сразу понуро уходит. По слухам, кто-то видел, как Дипаскали, стоя с группой сотрудников у кабинета Сонни Кона, в голос рыдал, как его стошнило в мужской уборной и как он обменялся с коллегой сочувственными объятиями. А еще, укрывшись от посторонних глаз, Дипаскали пытается удалить компрометирующую информацию с компьютеров семнадцатого этажа.

Мэдоффа везут в офис ФБР на Федерал-Плаза, 26. Это сорокадвухэтажное здание, ограничивающее с запада Фоли-сквер – ключевой узел механизма юстиции и правопорядка [1] . Не найдя свободного места для парковки, водитель подвозит Мэдоффа и Канга ко входу для сотрудников рядом с небольшой спортивной площадкой. Они спешат через оживленный вестибюль к ряду пуленепробиваемых дверей, надежно защищающих лифты ФБР.

На двадцать третьем этаже лифт останавливается, и Мэдоффа ведут в комнату 2325, маленькое помещение без окон размером с гардеробную в пригородном доме. Стол, два стула и телефон. Мэдофф садится, Канг освобождает ему одну руку от наручника, другую пристегивает к подлокотнику стула. Мэдоффу разрешают воспользоваться телефоном для звонка адвокату. Он набирает мобильный номер Айка Соркина.

Рут еще не сумела связаться с Соркином, поскольку накануне он уехал по делам в Вашингтон и пользуется свободным утром, чтобы отвезти внучку в детский сад, расположенный в пригороде Мэриленда.

Когда звонит мобильник, он видит незнакомый манхэттенский номер и отвечает.

– Айк, это Берни Мэдофф, – слышит он.

Мэдофф быстро объясняет, что прикован наручниками к стулу в офисе ФБР, – он под арестом.

– Берни, больше ни слова, – шепотом советует ему Соркин, пока дети вокруг вслед за воспитательницей звуками и движениями подражают различным домашним животным.

Он поспешно выходит из классной комнаты, попутно замечая, что батарея телефона, того и гляди, разрядится. Он просит Мэдоффа передать трубку Кангу и решительным тоном велит агенту прекратить допрос до прибытия одного из его, Соркина,

партнеров. Затем звонит своему секретарю Марии Моранж, которая работает у него много лет, и просит ее разыскать Дэниела Дж. Хорвица.

Дэн Хорвиц, в свои за сорок сохранивший мальчишеский вид, с копной каштановых волос и в очках с роговой оправой, сидит на «политическом» завтраке у своего тестя в манхэттенской юридической фирме. Прежде чем поступить на работу к Соркину, он был одним из «ребят Морги» – напористым помощником окружного прокурора на выучке у полулегендарного манхэттенского окружного прокурора Роберта Моргентау. Хорвицу, как и Соркину, уголовно-процессуальная практика знакома вдоль и поперек.

Мария дозванивается на мобильник Хорвица. Арестован один из клиентов Айка, говорит она, но в помещении шумно и он не улавливает имени. Хорвиц выходит в коридор и просит ее повторить имя: Берни Мэдофф. Хорвиц несколько раз встречался с Мэдоффом на благотворительных мероприятиях. Мария сообщает ему, что Айк распорядился позвонить Питеру Мэдоффу и немедленно возвращаться в офис.

По дороге Хорвиц безуспешно пытается дозвониться до Соркина, у которого окончательно села батарея телефона. Когда Хорвиц добирается до офиса, он тут же звонит Уильяму Ф. Джонсону, грозному начальнику оперативной группы по борьбе с мошенничеством на рынке ценных бумаг и сырьевых товаров офиса федерального прокурора округа Нью-Йорк (Манхэттен). Это одна из главных в стране команд по борьбе с беловоротничковой преступностью, и одна из старейших: она основана в 1960 году, задолго до того, как чиновники Министерства юстиции повсеместно осознали потребность в такого рода специалистах. Хорвиц много лет знаком с Биллом Джонсоном, и его сразу соединяют.

Разговор краток: у обвинителей по-прежнему нет ничего, кроме собственных слов Мэдоффа, сказанных либо сотрудникам ФБР, либо сыновьям. Но информация, которой Билл Джонсон делится с Хорвицем, не слишком ободряет: заявления, которые сделал его клиент в присутствии сотрудников ФБР, несомненно ему во вред.

Хорвиц узнает, что Мэдофф все еще в офисе ФБР, теперь уже на двадцать шестом этаже, где его сфотографировали и взяли отпечатки пальцев. Агенты ФБР полагают, что вскоре судебные маршалы поведут Мэдоффа на противоположную сторону Фоли-сквер в федеральный суд для рассмотрения вопроса об аресте.

Срочно перетасовав дневное расписание, Хорвиц вызывает свою молодую одаренную коллегу Николь Дебелло, статную

блондинку, шесть лет проработавшую в команде Соркина. Они направляются в новое здание федерального суда на Перл-стрит, 500, которое высится позади классического шестиугольного здания суда на восточной стороне Фоли-сквер. На досмотре при входе они сдают мобильные телефоны – таковы правила. До конца дня они будут довольствоваться телефонами-автоматами, чтобы связываться с Соркином, который едет из Вашингтона, с собственным манхэттенским офисом, со службой проката автомобилей, а также с квартирой Рут Мэдофф.

Они спешат в офис службы досудебного урегулирования, где в ожидании сидит Мэдофф. Нужно успеть как можно больше узнать о деле Мэдоффа и вытащить его под залог.

Мэдофф сидит в одиночестве в маленькой переговорной комнате без окон. Он спокойно докладывает о том, что произошло и как он здесь оказался.

Его расспрашивают со всей возможной учтивостью. Каковы улики против вас? Что вы сказали сыновьям? Что вы говорили официальным лицам? Опрос продолжается и во время ланча. Один из юристов находит телефон-автомат, звонит Рут, просит ее встретиться с ними в офисе этой судебной службы и объясняет, как добраться.

Рут Мэдофф уже одета: джинсы, белая блузка и блейзер. Она ждет наготове с того момента, как увели Берни, хотя прошедшие часы, вероятно, подернуты туманом. В вестибюле она на ходу берет маленькую красную косынку в «огурцах», надевает темно-оливковое стеганое пальто. И выходит под дождь.

Тем временем в офисах Мэдоффа царит смятение. Прибывают и бросаются в наступление батальоны бухгалтеров и дознавателей из ФБР, Комиссии по ценным бумагам и FINRA – от одной только Комиссии больше десяти человек; отряды других юристов из разных надзирающих государственных инстанций слетаются в суд за разрешением на перехват рычагов управления брокерской фирмой Мэдоффа и открытие процедуры банкротства.

Параллельно с их бурной деятельностью прямо тут же продолжает бесперебойно крутиться законный во всех отношениях бизнес фирмы Мэдоффа: в отделе трейдинга потрясенные сотрудники принимают звонки и распоряжения крупнейших фирм Уолл-стрит. Сделки следует завершить, трейдинг – остановить; нужно проинформировать расчетные (клиринговые) палаты, заморозить банковские счета. Уму непостижимо, сколько юридических проблем им предстоит утрясти в ближайшие двадцать четыре часа. Даже сейчас, оглядываясь назад, это трудно себе представить.

Есть ли в агонизирующем офисе Мэдоффа ни в чем не

повинные люди? Кто знает? Все сотрудники, кажется, совершенно растерянны и удрученны. Питер Мэдофф и его дочь Шейна (как и ее отец, юрист в этой семейной фирме) отбиваются от вопросов и объясняют, где что: нужные папки здесь, компьютеры там, консалтингово-инвестиционный сектор – вотчина Берни – вниз по лестнице, на семнадцатый этаж.

На подмогу Питеру Мэдоффу выслан Мауро Вулф, еще один молодой коллега Соркина. Примерно в одиннадцать утра секретарь Соркина извещает Вулфа, что звонил некто Эндрю Каламари из Комиссии по ценным бумагам. Вулф, сам в прошлом юрист Комиссии, хорошо знаком с ним и немедленно ему перезванивает. Каламари включает громкую связь.

– Мы хотим сразу вас предупредить – дело серьезное, – говорит Каламари жестким, напряженным голосом.

Madoff Securities – трейдинговая фирма с многомиллиардным объемом операций. Налицо широкомасштабная афера. Комиссия собирается испросить судебный ордер на управление фирмой и на замораживание всей операционной деятельности и финансовых транзакций. Юристы Комиссии пытаются убедить судью согласиться безотлагательно провести слушание в режиме телеконференции – сможет ли Вулф принять в ней участие?

Конечно.

Вулф звонит Питеру Мэдоффу (еще один из бесчисленных разговоров этого дня с Питером и Шейной). Нетрудно догадаться, что больше всего беспокоит Питера: каких действий ожидают теперь от их компании? О чем известить клиентов? Вулф, без сомнения, извещает его о том, что Комиссия сейчас добивается судебного ордера о приостановке трейдинговых операций и замораживании активов.

За считаные часы фирма под названием Bernard L. Madoff Investment Securities, существующая на рынке без малого сорок восемь лет, захвачена государственными регуляторами, которые в конце концов не оставят от нее камня на камне.

В тот же день федеральные дознаватели выносят из кабинета Берни Мэдоффа толстую пачку чеков, выписанных по распоряжению Дипаскали и подписанных накануне Мэдоффом, на общую сумму 173 млн долларов. Эти деньги предполагалось выплатить членам семьи и друзьям. Мэдофф сказал сыновьям, что намерен распределить таким образом миллионов двести – триста и что это только первый пакет выплат.

Пока дознаватели и бухгалтеры наперегонки пытаются удержать на плаву дырявое судно и отбуксировать его в безопасный порт, капитан корабля невозмутимо отвечает на вопросы своих адвокатов о том, какую сумму залога он в

состоянии внести. У него имеется недвижимость: пентхаус, пляжный дом в Монтоке на Лонг-Айленде, дом во Флориде – все в его законной собственности, без каких-либо обременений. Кроме того, Мэдофф успел перевести деньги Рут с ее инвестиционного счета на банковский, так что она может выписывать чеки. Какая сумма устроит прокуратуру?

Хорвиц этого пока не знает. После часу дня он находит телефон и звонит в офис прокурора, чтобы справиться, на какой стадии подготовка официальных документов. Пока документов нет, ничего не произойдет: ни слушаний, ни решения о залоге, ни разрешения покинуть тюрьму.

Марк Литт, помощник федерального прокурора, был чрезвычайно занят расследованием дела об инсайдерском трейдинге, когда его перебросили на дело Мэдоффа. Литт принимает звонок Хорвица и слушает, как защитник обосновывает необходимость выпустить Мэдоффа под подписку о невыезде. У обвинителей нет на Мэдоффа ничего, кроме его собственного признания. Честно рассказав обо всем сыновьям, он фактически сдался на милость правосудия. По мнению Хорвица, в такой ситуации подписка – вполне достаточная мера пресечения.

Начинается торг. Ничто из предлагаемого Хорвицом не удовлетворяет Литта – ни подписка, ни залог в виде манхэттенской квартиры стоимостью семь миллионов долларов, ни совместное поручительство Берни и Рут Мэдофф.

– Этого недостаточно, – твердит он своим негромким, ровным голосом.

Ну хорошо, может быть, тогда взять поручительство еще и у брата?

– Мне нужны четыре подписи, – отвечает Литт.

Четыре? Хорвицу известно, что не далее как вчера вечером сыновья Мэдоффа его сдали. Согласятся ли они поручиться за отца после всего? И он возражает:

– Отчего бы нам не внести в залог другое имущество? Ведь есть Монток или Палм-Бич.

– Нет, попытайтесь заполучить четыре подписи – по крайней мере попытайтесь.

Переговоры по залогу, которые будут неделями обсуждать, критиковать и оспаривать в суде, длятся от силы пять минут.

В ожидании документов Хорвиц смотрит на Рут и на часы. Он надеется вытащить Мэдоффа под залог из здания суда, прежде чем прибудет свежее подкрепление от прессы. С каждым часом их шансы исчезнуть незаметно испаряются. Ко второй половине дня опросы Мэдоффа окончены, и маршалы препровождают его в камеру позади зала суда на втором этаже, известного как Номер

Один, где судья-магистрат зачитывает обвиняемым предварительное обвинение. Хорвиц и Дебелло вместе с Рут Мэдофф спускаются в лифте до вестибюля и направляются к Номеру Один. Убедившись, что Мэдофф в камере, Хорвиц присоединяется к Рут и Николь в тесно набитом зале суда.

Нелегким выдался этот день и для федерального судьи-магистрата Дугласа Итона, которому предстоит принять решение о залоге Мэдоффа. Утро он провел в споре о судьбе Марка С. Дрейера, коррумпированного манхэттенского прокурора, которого в воскресенье арестовали по обвинению в сбыте хедж-фондам фальшивых долговых обязательств более чем на 500 млн долларов. Государственные обвинители доказывали: Дрейера нельзя отпускать под залог, слишком велик риск, что он сбежит. Но адвокат Дрейера твердо стоял на своем.

К тому времени как судья Итон все-таки отказывает Дрейеру в освобождении под залог, на столе перед ним выросла кипа дел. Одно – результат облавы на наркоторговцев: множество обвиняемых, некоторые из них не говорят по-английски. Вызваны переводчики. Текут часы.

Хорвиц находит телефон-автомат и звонит в службу проката автомобилей. Он пытается состряпать приемлемое заявление для стекающихся в зал журналистов. В шестом часу юридические документы готовы. Наконец секретарь судьи Итона объявляет дело: Соединенные Штаты против Бернарда Л. Мэдоффа.

Сидя в переполненном зале, Рут смотрит, как приводят из камеры Мэдоффа, посеревшего и плохо выбритого, с маленьким порезом на левой щеке. Литт знакомит судью с итоговым соглашением, которого он достиг с Хорвицем: подписка о невыезде, залог в 10 млн долларов и четыре сопоручительства «финансово состоятельных лиц». Передвижения будут ограничены Нью-Йорком, Лонг-Айлендом и Коннектикутом, а паспорт Мэдофф сдаст.

После бурного слушания по делу Дрейера судья Итон уверен, что Мэдоффа можно выпустить под залог. Позже он пояснит: перед ним стоял человек, который после добровольного признания сыновьям «не предпринял никаких экстренных мер и сидел дома в ожидании ареста». Не услышав возражений обвинения, он постановляет немедленно освободить Мэдоффа, довольствовавшись его собственной подписью и подписью Рут и на время отложив выполнение всех прочих условий.

Хорвиц и Дебелло спешно провожают Рут в расположенный дальше по коридору секретариат, где она подписывает необходимые бумаги, – и Мэдоффы свободны. Откуда ни возьмись возникают трое журналистов и наперебой забрасывают их

вопросами, но, когда Хорвиц и Дебелло подталкивают Рут и Берни к выходу, за ними в дождливый вечер никто не следует.

Пока они семенят к ожидающему их внедорожнику, фотограф делает снимок Мэдоффа; в фотовспышке капли дождя на сером плаще Берни блестят как алмазная россыпь. Хорвиц быстро усаживает Мэдоффа на переднее сиденье, а сам втискивается на заднее вместе с Дебелло и Рут. Дождь уже поливает вовсю, и пробки просто кошмарные. Когда автомобиль доставляет Мэдоффов домой, уже почти семь часов.

К тому времени Айк Соркин приземлился в аэропорту Ла-Гардиа и первым делом подзаряжает телефон от прикуривателя своей машины, стоящей с заведенным двигателем посреди лужи на гигантской парковке. Он звонит в свой офис и, убедившись, что вся необходимая юридическая рутина выполнена, выжимает сцепление и уезжает. Добравшись до дома на Лонг-Айленде, он долго говорит с Хорвицем о деле Мэдоффа. Эти два хватких защитника взялись за практически гиблое дело. Мэдофф самолично признался в содеянном агенту ФБР – едва впустив его в дом. И с этим ничего уже поделать нельзя. Никаких доказательств его невменяемости не имеется, а больше им не за что и ухватиться.

Новость, еще днем ошеломившая Уолл-стрит, до полуночи разлетается по стране, как степной пожар. Берни Мэдофф, легенда современной фондовой биржи, человек, которому доверяли и с которым десятилетиями советовались регуляторы, арестован после добровольного признания в том, что он создатель пятидесятимиллиардной, по его собственным словам, финансовой пирамиды.

Даже если вы прежде не слышали о Берни Мэдоффе, масштаб его аферы – пятьдесят миллиардов долларов! – гарантирует, что мимо такой новости вы не пройдете. И в обычные-то времена это был бы шок, а нынешнее время обычным не назовешь. Финансовая система трещит по швам от банкротств и санаций. 2008 год сопоставим с 1929-м: еще неизвестно, какой из них можно с большим основанием считать самым лихорадящим, самым опасным по своим последствиям за всю долгую историю Уолл-стрит. Лопнул инвестиционный банк Bear Stearns. Два поддерживаемых правительством ипотечных гиганта, Fannie Mae и Freddie Mac, попали под санацию, а почтенная банковская фирма Lehman Brothers – нет. Накануне банкротства Lehman Brothers, старейший в стране инвестиционный банк, буквально смело цунами панических изъятий. А к концу того же дня органы финансового регулирования уже отчаянно боролись за спасение страхового гиганта AIG, опасаясь, что еще один крах такого

масштаба вдребезги разобьет остатки доверия, худо-бедно скрепляющие хрупкую финансовую систему.

Все и без того взбешены, потрясают кулаками и проклинают зарвавшихся плутократов, которые довели до беды.

И вот теперь Берни Мэдофф! Вспышка фотокамеры – и тот, кого в лицо знали только на Уолл-стрит и в кругу друзей, превращается в главного героя новостных агентств всего мира. Давние клиенты, почтенные, обеспеченные, но далеко не беспечные люди, которые доверили все свое ликвидное имущество Мэдоффу, завтра проснутся фактически обездоленными.

В этот день бесславно завершается история первой поистине глобальной финансовой пирамиды, которая вознеслась выше, просуществовала дольше и распространилась шире всех дотоле известных финансовых пирамид.

Пятница, 12 декабря 2008 г

В Нью-Йорке еще полночь, когда лондонские юристы подъезжают к небольшому таунхаусу в Мейфэре, занимаемому фирмой Madoff Securities International Ltd.

Скоро откроются европейские рынки, и нужно успеть заблокировать и взять под контроль лондонские операции Мэдоффа. На глазах потрясенного персонала юристы принимают необходимые меры. Они устанавливают круглосуточное наблюдение за офисом, перекрывают доступ к банковским счетам, изымают важную деловую документацию, берут под контроль компьютеры, меняют дверные замки и коды охранных систем.

Юристы вооружены судебным ордером, подписанным прошлой ночью в Нью-Йорке по запросу Комиссии по ценным бумагам. Они действуют в интересах назначенного судом управляющего-ликвидатора, который принял на себя руководство обанкротившейся фирмой Мэдоффа. Это манхэттенский юрист по делам, связанным с эмиссией и торговлей ценными бумагами, по имени Ли С. Ричардс III.

Ли Ричардс, спокойный, вечно непричесанный, смахивающий на юмориста Гаррисона Кейллора и внешностью, и голосом, считается одним из лучших в стране специалистов по беловоротничковой преступности. На его счету полдюжины крупных конкурсных производств, и его фирма с офисами в Нью-Йорке, Вашингтоне и Лондоне «заточена» именно на такого рода критические ситуации.

Вчера, когда Ричардс сходил с пригородного поезда на вокзале Гранд-Сентрал, ему позвонил на мобильный Эндрю Каламари из Комиссии по ценным бумагам – известил об аресте Мэдоффа и спросил, не займется ли его фирма конкурсным производством. Чтобы обеспечить сохранность активов и документов, пока выясняется, действительно ли фирма неплатежеспособна и пойдет под банкротство, конкурсный управляющий должен незамедлительно выехать на место.

Ричардс тут же, прямо посреди вокзала, дал согласие заняться делом Мэдоффа. Несколько часов спустя штатные юристы Комиссии попросили федерального окружного судью Луиса Л. Стентона заморозить активы фирмы Мэдоффа и официально назначить управляющим Ричардса. Судья Стентон подписал ордер в 18.42 в четверг, и Ричардс тем же вечером взялся за дело, перво-наперво наняв консультантов-криминалистов и мобилизовав свой лондонский персонал.

И вот сегодня, около восьми утра, когда лондонское

отделение Мэдоффа уже взято под охрану, но нью-йоркские рынки еще не открылись, Ричардс с несколькими сотрудниками прибывает в манхэттенский офис Мэдоффа. Юристы и бухгалтеры Комиссии пробыли здесь бóльшую часть ночи в попытках определить, где проходит водораздел (если проходит) между законным бизнесом фирмы и совершавшейся здесь грандиозной аферой, о которой говорит Мэдофф.

Инспекторы регулирующих органов работают в конференц-зале на восемнадцатом этаже, где размещается административный и финансовый персонал и где сосредоточена соответствующая документация. Ричардс поднимается наверх и устраивает командный пост в конференц-зале со стеклянными стенами, который простирается между пустующим кабинетом Мэдоффа и помещением побольше, которое пока что остается в распоряжении Питера Мэдоффа.

На работу выходят почти все сотрудники фирмы Мэдоффа, даже Фрэнк Дипаскали, хотя днем он отлучится и больше не вернется. Во второй половине дня он, трясясь и плача, будет сидеть у одного из лучших в городе адвокатов по уголовным делам и в деталях рассказывать о той работе, которой столько лет занимался у Мэдоффа. Мэдофф тоже проведет день с адвокатами, пытаясь понять, как будут развиваться события дальше.

А в «Помаде» Ричардс призывает подчиненных Мэдоффа оказать ему всемерное содействие и проявить терпение: многого он пока и сам не знает и потому не может им ничего объяснить.

Сотрудники юридической фирмы Ричардса уже ограничили доступ к компьютерным системам и изъяли у работников Мэдоффа карточки-ключи. Консультанты-криминалисты начинают просматривать отчеты о состоянии клиентских счетов и финансовую документацию фирмы. Как и в Лондоне, здесь организуется круглосуточная охрана офиса. Вскоре люди Ричардса выясняют, что в Квинсе у Мэдоффа два склада с документацией и резервным компьютерным оборудованием. Их тоже берут под охрану.

По мере того как распространяются вести об аресте Мэдоффа, от компаний – партнеров фирмы начинают поступать грозные предупреждения о вероятной отмене незавершенных сделок с ценными бумагами. Сотрудники Ричардса должны попытаться как можно скорее вернуть сделки в исходное состояние либо завершить их с наименьшими потерями. Другие юристы его команды трудятся над замораживанием банковских счетов фирмы и ее брокерских счетов в других организациях.

Около десяти утра на командный пост Ричардса прибывают двое полицейских. Ричардс должен немедленно спуститься вниз.

В вестибюль прорвались вкладчики Мэдоффа, человек тридцать – сорок, прибывают репортеры, и эта толкотня начинает беспокоить службу охраны здания. Ричардс быстро направляется к лифтам.

Вкладчики встревожены, но ведут себя тихо и прилично – если не сказать образцово, с учетом того, что многим из них грозит разорение. Собравшиеся здесь, в приглушенном свете рождественских украшений, это, можно сказать, представители десятков тысяч людей по всему миру, пострадавших из-за чудовищной аферы Мэдоффа, – представители всех поверивших ему вдов, всех вкладчиков «второго поколения», всех рабочих-строителей, секретарей стоматологических приемных, учителей на пенсии, владельцев небольших ресторанов, электриков, страховых агентов, не самых преуспевающих врачей и адвокатов, всех тех, кто вдруг оказался в категории жертв Мэдоффа.

Ричардс объясняет им, что никаких сведений об их личных счетах у него еще нет и что он не может даже предположительно сказать, когда появятся такие сведения. Здесь, в вестибюле, они, к сожалению, ничего не смогут узнать. Толпа постепенно рассеивается, и Ричардс возвращается наверх.

2. Через тернии к «Берни»

В конце весны 1962 года двадцатичетырехлетнему трейдеру с Уолл-стрит по имени Бернард Лоуренс Мэдофф грозило разорение.

Мэдофф начал собственный брокерский бизнес, еще будучи студентом последнего курса Университета Хофстра (штат Нью-Йорк), зимой 1959/60 года, на заре буйного десятилетия, которое войдет в историю под именем «годы гоу-гоу». Время было лихорадочное, шальное, время продувных бестий наподобие персонажей фильмов братьев Маркс. И на Уолл-стрит в те дни не было территории более зыбкой и коварной, чем внебиржевой рынок ценных бумаг – ВРЦБ: там-то юный Берни Мэдофф и рискнул раскинуть шатер.

Современным инвесторам трудно представить себе громадный, децентрализованный и слабо регулируемый ВРЦБ шестидесятых. На Нью-Йоркской фондовой бирже – так называемом Большом табло – долгое время заправляла Мейн-стрит [2] , точнее хозяева Мейн-стрит. Лишь немногие пенсионные или целевые фонды владели простыми акциями, так что преобладающее большинство ежедневных ордеров-распоряжений исходило от индивидуальных инвесторов, людей состоятельных, которые при всех передрягах на рынке чувствовали себя достаточно уверенно. Их опекали семейные биржевые брокеры. Заботясь о долгосрочной стабильности трастовых фондов своих детей, такие инвесторы покупали акции железнодорожных компаний, инфраструктурных предприятий, производителей автомобилей и стали – то есть голубые фишки, которые они знали и понимали: зачастую они сами же и управляли соответствующими компаниями либо значились их учредителями. При желании они могли хоть каждый день следить за котировками своих акций, достаточно было открыть вечернюю газету.

Однако после Второй мировой войны, как грибы после дождя, повсеместно стали возникать компании, делавшие ставку на развитие новых технологий. И вместе с тем семейные компании с немногочисленными сторонними держателями акций остро нуждались в привлечении капитала для роста. Бумаги этих малоизвестных и слабо представленных на рынке компаний – некоторым суждено было впоследствии стать известными брендами, такими как Anheuser-Busch, Barnes-Hind, Cannon Mills, Tampax, Kaiser Steel, H. B. Fuller, – не могли пройти строгий листинг престижной Нью-Йоркской биржи или ее младших сестер

в других городах страны. Но это не означало, что их бумаги не торгуются. На таких бумагах и держался ВРЦБ, где Берни Мэдофф застолбил место в начале 1960-х и где он начал богатеть.

Не он один, разумеется, в ту пору многие разбогатели. 1960 год, когда распахнула двери фирма Мэдоффа, пришелся на завершающий этап самого длинного в истории страны «бычьего» (растущего) рынка – этот невиданный подъем начался в 1949 году и продлился до 31 декабря 1961 года. За это время цены голубых фишек в соответствии с индексом Доу-Джонса для акций промышленных компаний выросли более чем в четыре раза со средним приростом почти 13 % в год. После краткого периода «медвежьего» (падающего) рынка в первой половине 1962 года (эта ныне забытая встряска едва не разорила Берни Мэдоффа) вновь пошло веселье – примерно теми же темпами до самого конца 1960-х.

И это доходы от консервативных голубых фишек, которые торговались на Большом табло. Выигрыши на более рискованном ВРЦБ в период «бычьего» рынка шестидесятых плохо документированы, но, по крайней мере, одно исследование оценивает их как впятеро превышающие промышленный индекс Доу-Джонса. Эти выигрыши на биржевом курсе напоминают хайтек-пузырь конца XX века или финансовые пирамиды всех веков. Так что инвесторы Мэдоффа, вспоминающие годовые прибыли в 20 %, возможно, не страдают забывчивостью: такие прибыли не особенно настораживали в эпоху, когда иные открытые инвестфонды за год удваивали свои активы.

О возможностях молодого внебиржевого рынка 1960-х годов вспоминал, в частности, Майкл Стейнхардт, который сделал состояние на Уолл-стрит и позже инвестировал часть средств своего благотворительного фонда в хедж-фонд, передавший их Берни Мэдоффу. «Когда мы запускали нашу компанию, я считал, что могу эффективно конкурировать со стариками в этом бизнесе, – говорил Стейнхардт в одном из опубликованных интервью. – Молодежь верила в такие вещи, потому что мы росли в сороковые, пятидесятые, шестидесятые и были свидетелями бурного технического прогресса». Он рассказал, как однажды купил акции компании, которые за год выросли в цене в девять раз; он продал их на пике, а меньше чем через год компания обанкротилась. Тогда это был далеко не единичный случай.

Поначалу брокерская фирма Берни Мэдоффа (в лице единственного сотрудника – самого Мэдоффа) располагалась за пустующим письменным столом в бухгалтерской фирме его тестя на Сорок второй улице недалеко от Брайант-парка. Через несколько месяцев он подыскал себе две комнатки в Нижнем

Манхэттене, на Эксчейндж-Плейс, 40. В одной он устроил приемную, где по нескольку часов в день работала его жена Рут, администратор офиса, а в другой – кабинет, откуда он обзванивал других трейдеров и заключал сделки.

Чтобы заниматься внебиржевым трейдингом в 1960-х, требовалось, помимо лицензии, обеспечить два непременных условия: свободный доступ к телефону и к ежедневным спискам котировок внебиржевых акций, «розовым страницам», которые публикует Национальное бюро котировок. (Страницы с таблицами курсов акций печатались на розовой бумаге, а сведения по корпоративным облигациям – на желтой.) В конце 1950-х годов один автор, понаблюдав за составлением таблиц в Бюро котировок, заметил, что «изготовление розовых страниц – без преувеличения самая поразительная операция на финансовом рынке».

Пять дней в неделю служащие Бюро котировок совершали настоящий трудовой подвиг: вручную собирали прайс-листы – почти восемь тысяч наименований акций, – торгуемых примерно двумя тысячами маклеров по внебиржевым сделкам с ценными бумагами. Сотрудники бюро сопоставляли цены на акции одного наименования и переносили данные на трафаретную форму, с которой затем на ротаторе печатались сводные таблицы. В считаные часы «розовые страницы» доставлялись к дверям нескольких тысяч фирм по всей стране. Котировки принимались только от маклеров с полной подпиской на эту услугу, которая стоила около 460 долларов в год.

Для Мэдоффа это было на первых порах слишком дорого, так что он довольствовался «розовыми страницами» предыдущего дня, собранными по другим брокерским фирмам на том же этаже здания по Эксчейндж-Плейс, 40. В конце концов он понял, что сведения о ценах устаревают раньше, чем высохнет типографская краска, и что для эффективной торговли нужны только имена и телефонные номера маклеров, контролирующих рынок бумаг, которые тебя интересуют. Будьте уверены, Берни Мэдофф на заре своей деятельности торговал вовсю. Сертификаты акций доставлялись и забирались курьерами, а сделки записывались вручную в большие гроссбухи. Все это входило в обязанности Рут. Можно сказать, Рут была его мини-«бэк-офисом», вела учет всех его сделок по меньшей мере в течение первого года.

Инвесторам XXI века, привыкшим к компьютерным сетям и мгновенной связи, трудно вообразить, что в 1960-х не было абсолютно никакого способа независимой проверки цен внебиржевых бумаг. Если какой-нибудь частный инвестор интересовался ценой неких акций внебиржевого рынка, он

должен был звонить брокеру, а тому, скорее всего, приходилось обзванивать людей вроде Мэдоффа, чтобы предоставить клиенту хоть сколько-нибудь достоверную информацию. Газеты не печатали ежедневных сводок по ценам на внебиржевом рынке, как это делалось для бумаг, котирующихся на бирже. Это был совершенно непрозрачный рынок, черный ящик для клиентов, да и для надзорных органов по большому счету тоже. Но напористый брокер, располагающий именами других брокеров и котировками из «розовых страниц», мог работать по телефону, выискивая возможность сделки. Мэдофф целыми днями названивал надежным людям в других фирмах, покупал бумаги в расчете перепродать их подороже другому брокеру или частному клиенту, если брокер или клиент, поверив ему на слово, соглашался на его цену. Могли согласиться, а могли и отказать. В общем, все участники процесса были вовлечены в грандиозный учебный практикум на тему: «Как завоевать и сохранить доверие людей». Неуспевающие отсеивались. Берни Мэдофф остался в игре.

О том, как Берни Мэдофф делал деньги в 1960-х, документальных свидетельств немного, но точно так же обстоят дела с большинством крохотных фирм той эпохи. По его собственной версии, он зарабатывал главным образом трейдингом, регулярно покупая бумаги внебиржевого рынка по одной цене и продавая по другой, существенно дороже, а прибыль вкладывал в расширение операций. Зафиксирован единственный след его ранней деятельности – сделка-андеррайтинг с гарантированными обязательствами, которую фирма провела в марте 1962 года для маленького предприятия A.L.S. Steel из Короны (Квинс). По словам Мэдоффа, его отец выступал посредником этой компании, он и устроил сыну эту сделку. Обещанная маржа была солидной, но Мэдофф сказал, что не помнит в точности, была ли сделка завершена.

Прошли годы, и сложилась семейная легенда, согласно которой в те ранние годы он шел от успеха к успеху, и это вполне правдоподобно, если иметь в виду мелкие трейдинговые операции его нарождающегося бизнеса. Но что касается управления инвестициями, то здесь он чуть ли не с самого начала стал нарушать правила и в результате к середине 1962 года оказался на грани краха.

В то время Мэдофф управлял деньгами примерно двадцати клиентов. В основном это были его родственники, мелкие инвесторы, которые не могли позволить себе рискованных спекуляций. Это не помешало ему, по его собственным словам, инвестировать их сбережения в известный своей непредсказуемостью волатильный рынок новых эмиссий начала

1960-х – предтечу хайтек-пузыря конца 1990-х, когда появилось несметное число интернет-компаний (доткомов). В лихие шестидесятые, «гоу-гоу-годы», рынок был точно так же наводнен мелкими, «мусорными», высокоспекулятивными акциями молодых, неокрепших компаний, которые, случалось, вступали потом в пору расцвета, но куда чаще терпели крах. Поддавшись общему безумию, Мэдофф, наперекор всем нормам и правилам и даже простому здравому смыслу, навязал своим не расположенным к риску клиентам очевидно не подходящие им инвестиции.

Это прегрешение не спишешь на неопределенность регламентаций. За несколько десятков лет до того, как Мэдофф открыл свою контору, регуляторы рынка внедрили обязательные для соблюдения «правила годности» (требование к продавцу рискованных активов проверять платежеспособность клиентов и увязывать возможности рынка с потребностями инвестора). Брокерам запрещено продавать клиентам инвестиции, слишком рискованные для их финансового положения, даже если клиенты изъявляют желание их купить. Продавать клиентам высокорисковые акции новых эмиссий было противозаконно, и Мэдофф не мог об этом не знать.

Это сошло бы ему с рук, если бы рынок новых эмиссий продолжал расти головокружительными темпами. Но после нескольких недель постепенного спада 21 мая 1962 года весь фондовый рынок резко пошел вниз, показав наихудшие в десятилетии недельные потери, а 28 мая рынок обвалился – дневные потери уступали разве что рекордным потерям кануна Великой депрессии 28 октября 1929 года. Этот кризис подкосил легионы молодых брокеров вроде Берни Мэдоффа. Панический трейдинг набрал такую скорость, что биржевое табло отстало на несколько часов. Рынок успокоился за считаные дни, но бум предыдущего года остался в прошлом. В этой мини-катастрофе 1962-го хуже всех пришлось, как говорят, «молодым-горячим, спекулянтам мусорными акциями, калифам на час образца 1961 года из сомнительных брокерских лавочек».

В число этих «молодых-горячих» входил и Берни Мэдофф. Когда рынок новых эмиссий рухнул, доверившиеся Мэдоффу клиенты оказались перед лицом значительных потерь. «Я осознал, что не должен был продавать им эти бумаги», – признавался он позднее.

Мэдофф не только нарушил «правило годности» – основное правило защиты инвестора, но и утаил нарушение, обманом сохранив репутацию и заложив тем самым фундамент всему, что произошло дальше в его преступной жизни. Он просто вымарал

потери с клиентских счетов, выкупив у клиентов бумаги новых эмиссий по первоначальной цене и скрыв тот факт, что прибыли его клиентов в действительности были сметены передрягами на финансовом рынке. «Я чувствовал себя обязанным выкупить позиции моих клиентов», – объяснит он потом.

На это, по его словам, ушли все тридцать тысяч долларов капитала, который он сколотил за первые два года в бизнесе. Если бы он не сумел быстро восполнить потери, то остался бы не у дел. Мэдофф обратился к своему тестю Солу Альперну и взял у него взаймы муниципальных облигаций на тридцать тысяч – «в те дни это были для меня большие деньги». Вливание капитала позволило ему возобновить трейдинг. По его словам, он ощутил горький вкус провала, пережил «унизительный опыт».

Если Мэдофф и чувствовал себя «обязанным» покрыть убытки от своей безответственности, он отнюдь не чувствовал себя обязанным предать гласности то, что сотворил с горсткой своих клиентов, по-прежнему считавших его блестящим финансовым управляющим, который уверенно провел свой корабль между опасных подводных камней рыночного фарватера 1962 года.

«Мои клиенты не разбирались в том, что я делаю, поскольку у них не было опыта по части внебиржевого рынка, – признался он позднее в письме из тюрьмы. – А если и разбирались, то не возражали».

Мэдофф настаивал, что это его балансирование на грани закона в начале карьеры (продажа клиентам непригодных ценных бумаг и последующее сокрытие убытков при помощи сфальсифицированных цен) не было финансовой пирамидой – мошенничеством, при котором прибыли, обещанные тем, кто инвестировал первыми, на самом деле выплачиваются из денег, поступивших от последующих инвесторов, а не от законной инвестиционной деятельности. Он попросту воспользовался деньгами своей фирмы, дабы покрыть убытки клиентов и прослыть звездой трейдинга. Такая репутация помогла ему впоследствии привлечь и удержать богатых и влиятельных инвесторов, которые первыми засвидетельствовали его гений.

Вначале Мэдофф придерживался версии, будто он внушил своему тестю уверенность в полной добропорядочности своих действий, предусмотренных якобы андеррайтинговыми договорами. Но спустя некоторое время в письме из тюрьмы он проговорился о том, что Альперн «был в курсе происшедшего и понимал, почему я считал себя обязанным сделать то, что я сделал. К нашему взаимному удовольствию, меньше чем за год я с ним полностью расплатился». Вероятно, Альперн поверил, что юный Мэдофф получил полезный урок и впредь не станет

нарушать закон. А может быть, – хотя для тех, кто знал Альперна, это звучит куда менее правдоподобно, – он отлично знал, что Мэдофф растратил деньги инвесторов, но закрыл на это глаза.

Как бы то ни было, случившееся не поколебало доверия Альперна к энергичному зятю, и до конца жизни Альперна у них сохранялись добрые отношения.

Помимо тех неоспоримых фактов, что Мэдофф был трейдером внебиржевого рынка и что весной 1962 года рынок тряхнуло, как самолет, попавший в воздушную яму, с уверенностью утверждать что-либо нельзя, в том числе и правдивость (полную или частичную) рассказа Мэдоффа о досадной ошибке молодости. Когда в нервозные дни после ареста он излагал эту историю обвинителям, в одну кучу смешались запутанные подробности совершенно разных по времени дел, в том числе высокорисковых коротких продаж и других стратегий недавних лет, когда он уже распоряжался деньгами очень крупных клиентов, – сделок, которые, по его словам, не оставили следов на бумаге. У юристов контролирующих органов сложилось четкое впечатление, что строительство пирамиды началось куда раньше, чем он призна́ет позднее, – возможно, именно с событий 1962 года.

На взгляд Мэдоффа, это пятнышко в его профессиональной биографии тех лет, когда он только делал первые шаги, так или иначе вскоре забылось бы ввиду впечатляющего расширения его бизнеса и всеобщих восторгов от его успешных и совершенно законных операций последующих лет. И тут впору задаться вопросом: с такой ли охотой стекались бы к Мэдоффу новые клиенты, знай они всю правду о катастрофических потерях 1962 года?

Берни Мэдофф пришел на Уолл-стрит не по ковровой дорожке, всегда расстеленной для родовитых выпускников привилегированных частных школ из элегантных окрестностей Манхэттена. Он происходил из семьи со скромными средствами, вечно нуждавшейся, проживавшей в отдаленном районе города – юго-восточном Квинсе.

Его деды и бабки по отцу и по матери эмигрировали из Восточной Европы в начале XX века. Дед Берни со стороны отца, портной Соломон Давид Мэдофф, в 1930 году с женой Розой и детьми переехал в Бронкс и работал на предприятиях нью-йоркской швейной промышленности. Дед Берни со стороны матери, Гарри Мантнер, владел небольшой баней в Нижнем Ист-Сайде, где и водопровод был роскошью.

Родители Берни, Ральф Мэдофф и Сильвия Мантнер, поженились в 1932 году, когда Нью-Йорк еще томился в тисках

жестокой депрессии. В лицензии на брак Ральф Мэдофф в графе «род занятий» написал коротко: «Кредит». Но совершенно очевидно, что, пробиваясь наверх, он работал и в розничной торговле, и на производстве. Мэдофф говорил, что его отец посещал колледж, но, когда, где и как, представлял себе смутно. Ясно, что Ральф Мэдофф был честолюбивый и цепкий малый и в конце концов пробился на приличную беловоротничковую должность в манхэттенской компании Everlast Sporting Goods Manufacturing, которая была ведущим в стране поставщиком профессионального боксерского инвентаря.

Материальное положение Ральфа, по-видимому, достаточно упрочилось, чтобы они с Сильвией сочли возможным пожениться. В 1934 году у них родилась дочь Сондра. Примерно тогда же Ральф с семьей переселился в Бруклин. Именно там 29 апреля 1938 года родился Берни. Через семь лет, в октябре 1945 года, появился на свет его брат Питер.

Служба в Everlast Ральфа не удовлетворяла, а ожившая экономика ободряла, и в конце 1940-х годов он уволился и начал собственное дело по производству спортивных товаров – основал компанию Dodger Sporting Goods Corporation, прославившуюся боксерской грушей Joe Palooka (по сей день ценимой коллекционерами) и другой продукцией, связанной с героем популярного комикса, боксером-тяжеловесом Джо Палукой. Ральф смог купить скромный двухэтажный дом из красного кирпича в Лорелтоне – поселке на южной окраине Квинса недалеко от места, где теперь находится аэропорт Кеннеди. В апреле 1946 года они с Сильвией и тремя детьми переехали туда и влились в сплоченное сообщество еврейского среднего класса.

Юный Берни Мэдофф ходил в школу № 156, вступил в бойскауты – в 256-й взвод. Рядом было южное побережье Лонг-Айленда, и он стал отличным пловцом, так что на лето устраивался работать спасателем. Однако за этим идиллическим фасадом Мэдоффов подстерегали серьезные денежные неприятности. В начале 1951 года, когда Берни не было еще тринадцати, Dodger Sporting Goods заявила о банкротстве. Рост цен на текстильное сырье, вызванный корейской войной, поставил компанию в трудное положение, и ко времени подачи искового заявления о признании себя банкротом она задолжала около 90 тыс. долларов. Банкротство получило огласку, и некоторые соседи потом вспоминали, как мать Берни Сильвия, чтобы прокормить семью, устроилась в регистратуру на местную станцию переливания крови. После повторной неудачи в делах кредитный рейтинг Ральфа был вконец испорчен, и в какой-то момент дом был передан в налоговый залог.

Махнув рукой на спорттовары, Ральф Мэдофф сунулся в сферу финансов – в качестве маклера-«ищейки» находил для молодых растущих компаний инвесторов и за свои услуги получал процент от привлеченного капитала. К подобной мелкой сошке не предъявлялось автоматического требования регистрироваться брокерами, но Ральф зарегистрировался – только не совсем честно, мягко говоря. В конце 1950-х годов он основал единоличную брокерскую фирму под названием Gibraltar Securities и зарегистрировал ее в Комиссии по ценным бумагам и биржам, но не на свое имя – из-за плохой кредитной истории и денежных проблем, – а на имя Сильвии, хотя именно через эту фирму он проводил свои разовые маклерские сделки. Таким образом сыну, твердо решившему преуспеть в жизни больше, чем отец, был преподан первый урок обмана.

В окружении процветающего среднего класса Лорелтона вереница деловых неудач переживалась семьей Мэдофф весьма болезненно, по признанию самого Берни, сделанному много лет спустя. Но тогда он старался не подавать виду, держаться спокойно и уверенно, так что со стороны казалось, будто он всегда владеет ситуацией. Он был славным парнем и легко находил общий язык со сверстниками, и в школе № 156, и позднее – в школе Фар-Рокауэй. Он определенно не был ни мечтательным одиночкой, ни пассивным ведомым в свите лидера. Его бывший одноклассник рассказал, как Берни на пару со своим другом основал в Фар-Рокауэе что-то вроде молодежного братства или клуба под названием «Во́роны». Собрания его проходили в местной синагоге, но принимали в клуб не только евреев. Так вокруг него сложился первый кружок почитателей, и Берни был в этой компании тем, кто задавал тон.

В школе Берни вступил в команду пловцов, делал успехи, но не задавался, как вспоминал его тренер. Учился он ровно, но без особого рвения, получал свои «хорошо» и «удовлетворительно», так чтобы не нарываться на неприятности и поступить в колледж, но не старался во что бы то ни стало завоевать расположение преподавателей или руководства школы. Некоторые одноклассники рассказывают о его дерзких проказах, но слишком далеко он не заходил. Словом, Берни Мэдофф был, по-видимому, нормальным симпатичным подростком, не упускал случая подработать, понимая шаткость материального положения семьи, и в 1956 году получил диплом об окончании средней школы – без блеска, но и без особых усилий.

Семья Мэдофф не успела воспользоваться подъемом 1950-х, и Ральф Мэдофф убеждал сыновей идти учиться на юристов. Желание понятное для того, кто пережил Великую депрессию и не

сумел обрести твердую почву под ногами в послевоенной экономике: Ральфу хотелось, чтобы его сыновья получили такое образование, которое гарантировало бы им престижную работу, добились того, чего он сам добиться не сумел.

Старшим Мэдоффам, да и всем людям их поколения, и в голову не пришло бы рассматривать фондовую биржу как источник статуса или стабильного материального благосостояния. Они ли не видели рынок на максимуме перед крахом 1929 года – и его девяностопроцентное падение в надир в 1932 году? Улетучивались целые состояния. Шикарные дома вдруг шли с молотка, а великолепные родстеры выстраивались на продажу у бровки мостовой с пустыми бензобаками. Биржевые брокеры понуро стояли в хлебных очередях. Тот, кто помнил все это, не находил в Уолл-стрит ничего чарующего: порочная азартная игра, сулящая легкую наживу, но приносящая одни убытки и несчастья. Коли у тебя есть сбережения – держи их в банке, а еще вернее – в кофейной жестянке на верхней полке шкафа.

И если в 1950-е годы инвестирование на Уолл-стрит казалось неразумным, то работа там юнцам вроде Берни Мэдоффа и подавно не светила, и не только из-за риска потерять то немногое, что у них было. В конце 1940-х – начале 1950-х, когда еще не оправившиеся от краха 1929 года инвесторы определенно предпочитали государственные облигации корпоративным бумагам, биржевые брокеры зарабатывали очень скромно. Кроме того, руководство большинства топовых белых-англосаксонских-протестантских фирм Уолл-стрит в упор бы не видело еврейского мальца из Квинса. В освященных временем еврейских фирмах братьев Леман или Лёба такому еще могло бы найтись место в отделе трейдинга или внутренних операций. Но даже там путь к успеху означал бы восхождение по длинной шаткой лестнице в течение неопределенно долгого времени.

Берни, хоть и унаследовал от отца желание быть, что называется, «самому себе боссом», в юристы идти не хотел. В детстве он надеялся занять место в отцовском бизнесе и впоследствии его возглавить, но после случившегося в 1951 году банкротства решил, что хочет продавать спортивное оборудование как представитель производителя, – вроде странствующего коммивояжера, не обязанного носить ненавистные серые брючные костюмы и париться в офисе юридической фирмы или корпорации. Большинство его одноклассников, готовые поделиться воспоминаниями об отрочестве Мэдоффа и о его учебе в колледже в 1950-х годах, вспоминали затеянный им бизнес по установке собранных из бог знает чего оросителей для

газонов, которым он увлекся в средней школе после краха отцовского предприятия. По их воспоминаниям, Берни казался молодым и рьяным, испытавшим нужду и возмечтавшим добиться успеха.

И, разумеется, все помнили его роман с Рути Альперн. Родители Рут, Сол и Сара, поселились в Лорелтоне в начале 1950-х, но Рут, как и Берни, родилась в Бруклине. На первый взгляд в истории семей Рут и Берни есть кое-что общее: деды-иммигранты обоих усердно трудились, чтобы вымостить детям дорогу в Лорелтон. Оба были из еврейских семей, хотя Сильвия соблюдала кашрут, а Альперны были не особенно религиозны. К тому же семью Мэдофф, только что влившуюся в средний класс и донимаемую деловыми неудачами, от крепких профессионалов Альпернов отделяли по меньшей мере одна-две ступени социальной лестницы.

Сол Альперн, один из самых загадочных персонажей биографии Мэдоффа на ее начальном этапе, был вторым сыном Бенджамина Альперна, умелого часовщика, который обосновался в США в 1904 году. Из пяти детей Альперна Сол был первым, кто получил высшее образование, – он закончил Сити-колледж, знаменитую кузницу бухгалтерских кадров. К 1948 году Сол Альперн с партнером основали небольшую бухгалтерскую практику на Манхэттене. Те, кто его знал, вспоминали спокойного, сдержанного человека «с огоньком в глазах», но главное – он был человек слова. Если Сол сказал, значит, так и есть. Он был из тех, кто всегда ставит точку над *i* и черточку на *t* .

Рут Альперн родилась 18 мая 1941 года, через три года после старшей сестры Джоан. Миниатюрная блондинка с огромными голубыми глазами, она была очень мила и всем нравилась. Человек, знавший ее в юности, говорил, что она была полна жизни, оптимизма, пусть наивного, зато неунывающего, и безобидного юмора. «Знаете актрису Голди Хоун? Рут была такая. Она каждый день просыпалась в настроении «море по колено». Живая, веселая девушка».

Рут встретила Берни, и с того момента для нее не существовало больше никого на свете. Это случилось летом, перед тем как Рут поступила в старшую школу, когда ей было тринадцать, а ему шестнадцать. Один из приятелей Рут устраивал вечеринку в недавно отделанном подвале строящегося дома, где поставили музыкальный автомат и несколько столиков, как в ночном клубе. Берни вошел – загорелый спасатель с выцветшими на солнце волосами – и пленил Рут в мгновение ока. Чувство было взаимным. Он провожал ее с вечеринки домой, и это были первые шаги на долгом совместном пути.

Пока Рут доучивалась в школе – надо сказать, родители неприкрыто поощряли ее побольше ходить на свидания и не посвящать себя в таком юном возрасте единственному ухажеру, – Берни отправился в колледж в Алабаме, из-за родительских денежных трудностей выбрав место подешевле. Но он скучал по Рут и, вернувшись после первого семестра, записался в Университет Хофстра. Как и в школе, он не концентрировался на учебе, но учился прилично, чтобы ублажить отца последующим поступлением на юридическую специальность. Впрочем, еще до получения письма из Бруклинской школы права с уведомлением о приеме он перестал интересоваться отцовскими планами на свой счет. Собственную жизнь он видел иначе: жениться на Рут и сделать карьеру на Уолл-стрит, работая на самого себя.

25 ноября 1959 года Берни Мэдофф, еще не получивший диплома о высшем образовании, и Рут Альперн, зачисленная в близлежащий Квинс-колледж, поженились в Еврейском центре Лорелтона. Ей было восемнадцать. По семейному преданию, через несколько дней он заполнил документы для открытия собственного брокерского дела, хотя в официальных регистрах дата рождения Bernard L. Madoff Investment Securities – 19 января 1960 года. Он был на старшем курсе, и ему еще не исполнилось двадцати двух лет. Позднее он запишется в школу права, но уйдет через год, проводя полдня, до позднего вечера, в попытках найти клиентов для своей новорожденной брокерской конторы.

Берни Мэдофф рассказывал, что только на старших курсах колледжа стал серьезно подумывать связать жизнь с Уолл-стрит. Но он, конечно, был о ней наслышан: Майкл Либербаум, его близкий друг, был сыном одного из первых героев фондового рынка. Пока Берни учился в средней школе, отец Майкла, как и тысячи других, начал продавать акции нового взаимного фонда Джека Дрейфуса, одного из тех сенсационно растущих фондов, которые полностью изменили послевоенный розничный инвестиционный рынок. Согласно семейному преданию, Либербаум-старший от своего союза с Джеком Дрейфусом получил не только солидные комиссионные с продаж, но и лучший в жизни биржевой совет: покупай Polaroid. И он купил, когда компания еще только готовилась проводить первичное размещение акций, – и стал миллионером.

Хотя, по словам Мэдоффа, он редко обсуждал фондовый рынок с отцом Майкла Либербаума, нет сомнений, что подобные примеры стремительного обогащения не могли не добавить Уолл-стрит привлекательности в глазах того, кто, как он, стремился любой ценой выбиться в люди. К тому же годы его учебы в школе и колледже стали поворотной точкой в цикле общеамериканской

«любви-ненависти» к Уолл-стрит: как раз тогда на фоне огромных инвестиционных доходов и неуклонного роста благосостояния страхи депрессии начали блекнуть. Новое оживление вокруг фондового рынка, судя по всему, привлекло внимание Берни Мэдоффа еще в его бытность студентом колледжа. Те немногие, кто знал его в те годы, вспоминают, что он убеждал приятелей вкладываться в ценные бумаги еще до того, как получил диплом и тем более – лицензию брокера.

Вступление Мэдоффа в мир Уолл-стрит произошло в то время, когда регулятивные и надзорные органы любого уровня только-только начинали всерьез заниматься фондовым рынком. Мошенничество в этой сфере было такой же застарелой болезнью, как насморк. Почуяв, что запахло новым бумом, тысячи плохо обученных, никем не контролируемых брокеров пытались урвать свой кусок от гигантских прибылей. В начале 1960-х регуляторы решили положить конец неуправляемому размножению сомнительных брокерских фирм, зачастую состоявших из брокера-самоучки и телефонного аппарата.

Одной из таких маклерских лавочек, попавших на прицел регуляторам, оказалась Gibraltar Securities, которую Ральф Мэдофф зарегистрировал на имя жены. На финансовом поприще он так и не преуспел, и, по словам Берни, Gibraltar Securities, по сути, была уже несколько лет как законсервирована. 6 августа 1963 года она стала одной из сорока восьми фирм, получивших официальное уведомление о нарушении сроков сдачи или непредставлении обязательной ежегодной финансовой отчетности. В январе 1964 года после того, как Gibraltar Securities выписалась из регистра и официально закрылась, Комиссия отказалась от дальнейшего разбирательства. После событий 2008 года тот давний эпизод вытащили из забвения и принялись строить разные теории, но для семьи Мэдофф это была в первую очередь очередная неудача Ральфа, о которой близкие предпочитали помалкивать.

Даже после утаенных Мэдоффом убытков 1962 года Сол Альперн при всяком удобном случае рассказывал членам семьи и близким друзьям о том, как умело Берни Мэдофф играет на галопирующем рынке 1960-х. О его выдающемся мастерстве он говорил в тихих беседах наедине со старшим братом, который через фирму Альперна вел бухгалтерию своего ювелирного магазина, и с младшим братом – специалистом по страховому делу, и с самым младшим братом, процветающим адвокатом. Все они доверились Мэдоффу и создали у него фонды для своих детей. Они десятилетиями оставляли ему свои деньги, фактически живя на прибыли, которые он, казалось, делал

играючи.

В письме из тюрьмы Мэдофф впервые описал суть своих деловых отношений с Солом Альперном. «В 1970-х мой тесть решил объединить родственников и особо доверенных клиентов в партнерство с ограниченной ответственностью». Мэдофф открыл в своей фирме счет для этого партнерства, и Альперн, принимая чеки друзей, родных и клиентов, передавал деньги Мэдоффу для инвестирования от их лица – все совершенно законно, по заверениям Мэдоффа. Бухгалтерская фирма Альперна получала подтверждения оборота и «дробила сделки на отдельные транзакции по идентичным ценам и порционально долям – согласно величине счета каждого участника партнерства. Участники показывали эти деньги в налоговой декларации как доходы с капитала. Фирма моего тестя брала с них плату за ведение бухгалтерского и налогового учета». И в завершение он с трогательным простодушием добавил: «Думаю, это было что-то вроде клубного инвестиционного счета».

Возможно, Альперн и впрямь считал, что, сводя людей с Мэдоффом и объединяя их деньги на счетах своей фирмы, он просто оказывает дружескую услугу и им, и Мэдоффу. Сам Мэдофф, естественно, твердо стоял на том, что в таком раскладе не было ничего незаконного. По его представлениям, у Альперна было слишком мало инвесторов – глупо было бы ему регистрироваться в надзорных органах в качестве консультанта по инвестициям или получать лицензию брокера. Однако на деле это партнерство было не что иное, как неформальный, нелицензированный взаимный фонд, который принимал деньги от единоличных частных инвесторов и передавал их в управление Мэдоффу. Но ничто на свете не в силах поколебать убежденность семейства Альпернов в том, что Сол Альперн никогда не вовлек бы их сознательно в аферу своего зятя.

В 1957 году первый партнер Альперна скоропостижно скончался, и через год на его место в фирму пришел молодой, умный, слегка заносчивый выпускник нью-йоркского Сити-колледжа, дипломированный бухгалтер Фрэнк Авеллино. А еще через год на службу к Альперну поступил опытный бухгалтер по налогам Майкл Бинс Биенес, несколько лет проработавший в Налоговом управлении США. Бинс тут же завязал тесные связи с Авеллино. Бинс, ровесник Авеллино, моментально с ним сошелся, и дальше, на протяжении всей деловой жизни, они шли рука об руку.

По словам Бинса, Альперн вел простой учет индивидуальных клиентов Мэдоффа в зеленом пластиковом блокноте с вкладными листами, но небрежным в делах он не был, отнюдь: все, лично

знавшие Альперна, в рассказе о нем по меньшей мере однажды употребляли слово «дотошный». Всякий раз при поступлении денег от инвестора он вписывал сумму в особую форму, которую самолично разработал для вкладки в блокнот, а плательщику отсылал выписанную от руки квитанцию о получении денег, вероятно, вместе с благодарственной запиской. По версии Бинса, на первых порах Мэдофф принимал эти индивидуальные счета «людей Сола», и крохотный персонал Мэдоффа оформлял соответствующие документы. Позднее, как утверждал Бинс, Мэдофф сказал тестю, что так дальше дело не пойдет.

В интервью, записанном для телевидения, Бинс попытался в лицах исполнить сцену, которая в какой-то момент произошла (если произошла) между тестем и зятем.

«Нет, я отказываюсь управлять такими мелкими счетами. Одна головная боль и мозоль на заднице».

«Слушай, – говорил он тут же за Альперна, – ты только открой счет на Эй-энд-эй, а всю писанину я беру на себя. И чеками буду заниматься, все сам буду делать».

A&A (Эй-энд-эй) означало «Альперн и Авеллино» – так называлась бухгалтерская контора Альперна. По словам Бинса, Авеллино, став в 1970 году партнером, получал свой кусок от этого родственного бизнеса Мэдоффа. Через несколько лет, став партнером, дождался своего куска и Бинс. В 1974 году Альперн отошел от дел, и его бухгалтерская фирма стала называться Avellino & Bienes. Счета фирмы у Мэдоффа были переименованы в A&B.

По версии Бинса, Сол Альперн настаивал:

«Я возьму зеленый блокнот с собой во Флориду. Хоть будет чем там заняться. Я все подготовлю и пошлю почтой на [имя секретаря фирмы], а она впечатает данные в чеки и разошлет их по адресам».

Мэдофф утверждал, что счет, открытый Альперном, под его же, Альперна, руководством «разросся максимум до 50–75 инвесторов». По прикидке Бинса, этот инвестиционный счет даже через несколько лет после ухода Альперна составлял «всего примерно 10 %» бизнеса бухгалтерской фирмы, хотя Бинс не подсчитывал ни общего числа инвесторов-участников, ни объема средств, вложенных к середине 1970-х.

Попутно Авеллино и Бинс связали Мэдоффа с еще одной группой бухгалтеров, которые снимали соседний с Avellino & Bienes офис. Эти два дипломированных бухгалтера основали отдельный фонд для инвестирования в Мэдоффа через счета A&B. Их инвесторы оплачивали бухгалтерские услуги, а сами они оплачивали услуги Avellino & Bienes, но в связи с устойчивыми

достижениями Мэдоффа на двойные расходы никто не жаловался. Прибыли Мэдоффа были чуть более предсказуемыми и менее непостоянными, хоть и не превышали прибылей агрессивных взаимных фондов и перегретого фондового рынка, что весьма показательно.

В тюремных интервью и последующих письмах Мэдофф заявлял, что обеспечивал эти солидные и устойчивые прибыли для счетов партнерства своего тестя благодаря инвестиционной стратегии, на которой, дескать, его скромная фирма в 1970-е годы и специализировалась. Эта стратегия называлась безрисковым арбитражем и среди профессионалов Уолл-стрит той эпохи пользовалась широкой известностью и признанием.

Стратегия безрискового арбитража имеет вековую историю и использует разницу в сиюминутных ценах одного и того же продукта на разных рынках. Она может быть простой – все равно что заказать по телефону ящик сигарет у производителя в штате, где они дешевле, и немедленно продать их, по телефону же, в штат, где они дороже, тем самым войдя в интервал прибыльности. Или она может быть сложнее, если использовать компьютерную программу для постоянного отслеживания крохотных ценовых разностей биржевой торговли в двух различных валютах и выполнять сделки без человеческого вмешательства, опять же входя в интервал прибыльности.

Безрисковый арбитраж отличается от более привычных нам арбитражных операций по слияниям 1980-х годов (спекуляции биржевыми ценными бумагами, связанными с потенциальным объектом слияния) тем, что, если сделка заключается достаточно быстро, прибыль можно тут же зафиксировать. Обычный трейдер покупает ценную бумагу в надежде позже продать ее с прибылью. Если он промахнется – потеряет деньги. В противоположность этому арбитражный трейдер вообще не купит бумагу, если не сможет тут же продать ее (или ее эквивалент) с прибылью. Если он должен гадать, получит ли прибыль, значит он эту бумагу вообще не купит.

В 1970-х безрисковый арбитраж с акциями сводился лишь к использованию разниц в их курсе на нескольких региональных биржах. Не было ничего необычного в том, что акции некой компании на Тихоокеанской фондовой бирже в Сан-Франциско торговались по 12 долларов, тогда как в тот же момент, скажем, на Бостонской фондовой бирже те же акции шли по 11,25 доллара. Одновременно покупая в Бостоне и продавая в Сан-Франциско, проворный инвестор мог зафиксировать разницу в 0,75 доллара в качестве прибыли от безрискового арбитража.

На более сложном уровне, который, как известно,

использовал Мэдофф, безрисковый арбитраж включает корпоративные облигации или привилегированные акции, которые могут быть конвертированы в обычные акции. Облигация, которую можно конвертировать в десять акций, обычно – но не всегда – торгуется как минимум вдесятеро дороже цены акции. Если облигацию, конвертируемую в десять акций ценой 15 долларов каждая, можно купить менее чем за 150 долларов (скажем, по 130 долларов за облигацию) и тут же продать десять акций, лежащих в ее основе, – вот вам и возможность для арбитража. Инвестор может купить такую облигацию за 130 долларов, тут же продать десять акций по 15 долларов за штуку и зафиксировать прибыль безрискового арбитража в 20 долларов (то есть разницу между уплаченными за облигацию 130 долларами и 150 долларами, вырученными за 10 акций, которые он продал, сконвертировав облигацию в акции).

Мэдофф использовал и более сложные стратегии, в том числе работая с ценными бумагами, разрешенными к выпуску, но фактически еще не выпущенными на рынок, переходящими из рук в руки по ценам, которые иногда предоставляют возможности арбитража. Сделки по таким ценным бумагам заключаются с условием «после выпуска» и считаются действительными только после фактической эмиссии. Иногда он брал на себя еще больший риск, не совершая одновременной купли-продажи, а выжидая с покупкой или продажей в надежде, что движение на рынке увеличит его прибыль. По одному из мнений, Мэдофф проявлял особую активность в арбитражных сделках с участием акций, продаваемых в паре с загадочными бумагами под названием «варранты», дающими покупателю право покупки большего числа акций по особой цене. Даже в 1980-х годах фирма Мэдоффа была, по общему мнению, одной из горстки фирм, активно и открыто занимающихся арбитражем варрантов, который некоторые трейдеры того времени считали «легкой наживой».

По словам Мэдоффа, подобными стратегиями арбитража он главным образом и наживал деньги для себя и клиентов, пока не затеял пирамиду. «После краха 1962 года я понял, что одной лишь спекуляцией на рынке не обойтись, – писал он из тюрьмы. – Я понял, что рынок – крапленая колода, а карты сдают большие фирмы и корпорации». Крупные трейдинговые компании, выполняющие заказы гигантских брокерских фирм, всегда в выигрышном положении по сравнению с такими крохами, как его бизнес, написал он, добавив: «Я искал нишу для своей фирмы и нашел ее на рынке арбитражных операций с ценными бумагами, там-то я и решил стать маркетмейкером».

Маркетмейкеры – это трейдеры, которые последовательно и

открыто поддерживают спрос на те или иные ценные бумаги, покупая у трейдеров, желающих продать, и продавая трейдерам, желающим купить. Рыночной нишей с растущей прибыльностью, писал Мэдофф, стали для него непрерывные предложения купить и продать сложные ценные бумаги, связанные со стратегиями безрискового арбитража (конвертируемые облигации, привилегированные акции, варранты), то есть торговля этими бумагами для себя и клиентов.

Мэдофф утверждал, что на Уолл-стрит ни одна крупная фирма не желала заниматься безрисковым арбитражем по мелочи, для розничных инвесторов. Но он за это брался, и кое-кто из больших шишек Уолл-стрит отправлял ему на исполнение мелкие арбитражные заказы для своих клиентов. «Им нравилось подбрасывать мне работу, – вспоминал он. – Они считали меня славным еврейским мальчиком».

Мэдофф вполне мог зарабатывать на арбитраже честные прибыли. Из-за того, что стоимость транзакций съедала бóльшую часть прибыли, оставляя жалкие объедки, арбитражным трейдингом занимались только хорошо осведомленные участники рынка, инсайдеры, которым сделки обходились намного дешевле, чем розничным клиентам, – инсайдеры вроде Мэдоффа.

Другой важный фактор – скорость. Возможность зафиксировать прибыль исчезала, если заполнение бумаг для конвертации облигаций в эквивалентные им акции занимало слишком много времени. Фирма Мэдоффа специализировалась на быстрой и эффективной конвертации. А поскольку прибыли гарантировались, только если трейдер сумеет купить и продать почти одновременно, Мэдофф (которому со временем стал помогать его младший брат Питер) начал выстраивать одну из быстрейших на Уолл-стрит трейдинговых систем.

«Такой способ трейдинга снижал риски, к чему я и стремился, – вспоминает Мэдофф в письме. – Я совершал сделки от лица моей фирмы и моих немногочисленных клиентов. В семидесятых я заключал сделки по этой стратегии и для счетов участников партнерства [Альперна]. – И далее он подводит итог: – Маркетмейкинг и прибыли по арбитражным сделкам давали свои плоды, и наш капитал заметно рос».

А вместе с ним росла и его репутация.

Что правда в рассказе Мэдоффа о его начальном успехе на поприще безрискового арбитража? Есть основания полагать, что его фирма добилась на Уолл-стрит оправданной репутации благодаря арбитражным стратегиям, в первую очередь торговле варрантами – иными словами, благодаря реальному масштабному трейдингу, который могли наблюдать и в котором могли

участвовать другие фирмы, без фиктивных сделок задним числом, столь характерных в будущем для его финансовой пирамиды. Объективно говоря, в те годы определенно существовали возможности безрискового арбитража, сулившие значительные прибыли. Например, между 1973 и 1992 годами прибыльность конвертируемых облигаций была чуть выше и чуть устойчивее, чем прибыльность обычных акций, а арбитражные операции с конвертируемыми облигациями были стратегией, которую, по заявлениям Мэдоффа, он также использовал.

Правда, впоследствии Мэдоффа обвиняли в том, что не позднее августа 1977 года он фальсифицировал в клиентских счетах прибыли от арбитражных сделок с конвертируемыми облигациями. Для всякого, кто знаком с безрисковым арбитражем, сделки 1977 года, на которые ссылалось обвинение, не дают убедительных доказательств мошенничества, в отличие от более поздних по времени примеров, относящихся уже к 1990-м, – тут налицо явная подтасовка.

Очень трудно задним числом отделить правду от лжи, особенно учитывая то, что Мэдофф виртуозен и во лжи, и в правде. Возможность делать деньги на этих тогда еще диковинных ценных бумагах действительно существовала, и Мэдофф позднее зарекомендовал себя крупным игроком сразу в нескольких секторах этого относительно небольшого рынка. Но не кто иной, как он, в 1962 году, в период обвала рынка новых эмиссий, скрыл от своих клиентов убытки, причиненные им из-за его безответственности.

Поэтому нельзя полностью исключить того, что клиентские прибыли от арбитражных сделок 1970-х годов – попытка выдать желаемое за действительное.

3. В погоне за прибылью

С начала 1970-х годов Уолл-стрит вступила в эпоху перемен, как внешних, так и внутренних, и на волне этих перемен Берни Мэдофф возвысится до статуса публичной фигуры, обретет то положение в обществе, которое он сохранит почти на сорок последующих лет и которое укрепит доверие к нему инвесторов и регуляторов.

Во времена головокружительного «бычьего» рынка 1950–1960-х годов регулирование рынка, как это обычно случается в такие времена, ослабло. Но в 1970-е все быстро трезвели, и Комиссия по ценным бумагам и биржам, основной регулирующий и надзорный орган финансового рынка страны, без устали разгребала завалы, оставленные послевоенной рыночной вакханалией.

На протяжении всех лет сумасшедшего роста рынка горы биржевой документации заполнялись по старинке, вручную. Оплачивать штат скрипящих перьями секретарей многим брокерским фирмам было не по карману, и они утопали в бесконечной писанине. По мере активизации энергичных взаимных инвестфондов объем торгов стал расширяться больше прежнего, и документация за сделками никак не поспевала. А когда биржевой торговлей увлеклись обычные граждане, тут уж отставание стало просто катастрофическим, так как бумажные сертификаты приходилось физически передавать из одной брокерской конторы в другую. Учет всех этих бумажных потоков оказался задачей, с которой армия клерков уже не справлялась, и бесконечные задержки и путаница сильно затрудняли попытки федеральных регуляторов удостовериться в том, что вся эта деятельность ведется законно и по правилам. Тертые калачи Уолл-стрит назвали это «бумажным затором», и он стал по-настоящему опасен, вызвав в 1968–1969 годах крушение ряда брокерских фирм Большого табло. Тогда-то молодой Берни Мэдофф и проникся идеей автоматизации биржевого делопроизводства.

К тому времени Рут Мэдофф уже не работала в фирме: она ушла в 1964 году, за несколько месяцев до рождения их первого сына Марка.

С 1961 года Мэдофф делил офис на Бродвее, 39, с собратом-предпринимателем по имени Мартин Дж. Джоэл-младший, клиентом бухгалтерской фирмы Сола Альперна. Марти Джоэл с партнером открыли брокерскую фирму Joel, Zuchs & Company в том же месяце 1960 года, когда Мэдофф открыл свою.

Партнерство вскоре распалось, и Джоэл предложил Мэдоффу разделить с ним офис – и арендную плату.

Марти Джоэл не один десяток лет будет работать то вместе с Мэдоффом, то где-то рядом. В 1961 году ему было под тридцать. Напористый, честолюбивый, он заправлял небольшим и слегка сомнительным брокерским бизнесом, пререкался с регуляторами и отбивался от судебных исков клиентов. Его частые стычки с надзирающими инстанциями в конце 1960-х указывают на то, что он не слишком педантично следовал биржевому уставу. В 1970 году Комиссия на 75 дней отстранила его от брокерского бизнеса из-за постоянных нарушений в ведении учета и несоблюдении маржевых требований, имевших место в период между 1966 и 1968 годами.

Мэдофф и Джоэл не только вместе платили ренту, но и оплачивали услуги офисного администратора Джоэла – Кэрол Липкин, которая в отсутствие Рут взяла на себя ее секретарские обязанности. Через несколько лет Мэдофф нанял на бумажную работу мужа Кэрол Ирвина Липкина, возможно, для того чтобы четче разграничить конторы – свою и Джоэла. Ирвин Липкин стал первым служащим Bernard L. Madoff Investment Securities, пришедшим со стороны. Никаких свидетельств того, что у фирмы Мэдоффа в те годы возникали трения с регуляторами, не имеется, правда, в начале 1960-х ему несколько раз указывали на мелкие технические недочеты. Мэдофф и Джоэл, при всех различиях в стиле работы, близко общались и дружили семьями.

По сравнению с фирмами Большого табло, которые обслуживали растущую армию розничных инвесторов, небольшие трейдеры внебиржевого рынка, подобные Bernard L. Madoff Investment Securities, в удушающем бумажном заторе конца 1960-х избежали худшего просто потому, что у них было меньше клиентов (с другими трейдерами они работали на оптовой основе) и они быстрее внедряли новшества, уменьшающие трудозатраты, а именно разные вычислительные устройства. Такие гибкие фирмы зачастую не только выживали, но и преуспевали, предлагая свои услуги взаимным фондам и другим институциональным инвесторам, которые в раздражении от затора на Большом табло рады были найти альтернативный способ заключать сделки быстрее. Но не следует думать, что все шло легко и просто. В 1968 году Мэдоффу пришлось на какое-то время призвать на подмогу засевшую дома Рут, иначе крохотной фирме было не разгрести бумажные горы.

В 1970 году Конгресс, обеспокоенный перегруженностью брокерских фирм бумажной работой и новой волной банкротств конца 1960-х, учредил Корпорацию защиты инвесторов в ценные

бумаги (Securities Investor Protection Corporation, SIPC – произносится «сипик»). SIPC, хотя совет ее директоров назначался исходя из политических соображений, была не правительственным агентством, а некоммерческой организацией и существовала за счет ежегодных взносов, взимаемых с фирм – участников фондового рынка. Задача корпорации состояла в том, чтобы помочь розничным клиентам, пострадавшим от банкротства фирм на Уолл-стрит. В том же законе, где говорилось об учреждении SIPC, к федеральному кодексу о банкротстве добавлялись статьи, применимые исключительно к брокерским фирмам. Так что фирма Bernard L. Madoff Investment Securities, как и прочие фирмы Уолл-стрит, стала членом SIPC и платила членские взносы.

Помимо этого, в 1970-х годах регуляторы начали жестче давить на Уолл-стрит, с тем чтобы фирмы автоматизировали торги и выполнение сделок занимало разумное время – и позволяло проследить за их правильностью и законностью. Автоматизация избавила бы от необходимости физически доставлять сертификаты акций – переход из одних рук в другие фиксировался бы электронным путем. Технические новшества (в виде все более быстрых и дешевых электронно-вычислительных устройств и другого сложного коммуникационного оборудования) постепенно начали вытеснять допотопные методы ведения учета, олицетворением которых был клерк, день-деньской корпящий над конторской книгой. Бумажный затор 1960-х со всей очевидностью показал, что дальше так продолжаться не может.

Но тот же технический прогресс начал менять само представление о фондовом рынке – и вот тут-то у Берни Мэдоффа появился совершенно законный шанс достичь величия.

Для традиционалистов Уолл-стрит фондовая биржа была централизованной торговой площадкой, где каждый день на несколько часов напрямую сходились люди в цветных пиджаках и выкрикивали предложения цен. Эта аукционная модель, в которой биржевые трейдеры наперебой предлагают цены, словно толпа охотников за предметами искусства на аукционах Сотби или Кристи, превратилась в явный анахронизм в ситуации, когда на рынках стали задавать тон управляющие взаимных инвестиционных фондов и другие профессиональные инвесторы и когда внебиржевой рынок ценных бумаг с каждым днем делался для них все привлекательнее.

В качестве торгового дома внебиржевого рынка ценных бумаг фирма Мэдоффа никогда не вела дела традиционным способом рынка-аукциона. Внебиржевой рынок с десятками тысяч не котирующихся на бирже акций не имел центральной торговой

площадки, где трейдеры могли бы выкрикивать ценовые предложения. Наоборот, это был огромный телефонный базар, и картой его служили «розовые страницы». Дилер вроде Мэдоффа мог в понедельник схватить какие-то акции на одном блошином рынке и попытаться продать их в тот же день, но дороже, на другом блошином рынке или продать на том же, но на другой день.

К тому времени, когда на одном блошином рынке успевали заметить цену, назначенную дилером за те или иные бумаги, эти бумаги уже могли продаваться где-нибудь в другом месте, подороже или подешевле. Вот почему дилеры вроде Мэдоффа между ценой покупки бумаг у другого трейдера и ценой продажи (более высокой) вкладывали мягкую подушечку. Такая подушечка называется «спред». Читай: «прибыль».

На внебиржевом рынке спреды были гигантскими (подчас до пятидесяти процентов), и эти жирные прибыли оставались почти полностью скрыты от розничного инвестора. Ухватить кусочек этих прибылей было ох как трудно.

На рынке господствовала горстка крупных оптовых биржевиков с внушительным портфелем ценных бумаг. Мэдофф наряду с сотнями других мелких дилеров вовсю старался привлечь их внимание. «Когда намечалась сделка, Мэдоффу звонили не чаще, чем всем остальным», – замечал репортер журнала Traders Magazine.

Мэдофф, как все дальновидные брокеры, быстро смекнул, что если «розовые страницы» перевести в цифровой формат, с тем чтобы текущие цены постоянно обновлялись и сделались доступными каждому дилеру – как цены на электронном Большом табло, – то у дилера, предлагающего лучшие цены, появилось бы куда больше шансов быть замеченным. «Мы, как малая фирма-маркетмейкер, считали, что это помогло бы сделать правила игры равными для всех», – сказал он одному интервьюеру. И придало бы столь желанный импульс его бизнесу.

В своем убеждении, что «розовые страницы» можно автоматизировать, он был не одинок: еще несколько человек, и с бóльшим основанием, претендуют на роль изобретателя автоматизированного рынка, в конце концов превратившегося в NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotation System). Но он действительно с самого начала без колебаний поддерживал эту идею, хотя кое-кто из маркетмейкеров ей сопротивлялся, потому что в такой системе «нужно раскрывать карты, а они этого не хотели», – объяснял впоследствии Мэдофф. «Если тебе звонили, ориентируясь на “розовые страницы”, всегда можно было сказать, что цена

устарела, и вообще называть разным людям разные котировки. При системе, которую мы предлагали внедрить, цены становились более прозрачными. А это нравилось не всем».

Однако на его стороне были федеральные регуляторы. Они быстро поняли, что компьютеризация «розовых страниц» точнее отразит ценовые котировки и усилит конкуренцию на внебиржевом рынке, а значит, сузит спреды и повысит привлекательность для инвесторов этого сегмента рынка.

Для продвижении автоматизации Комиссия потребовала содействия своего отраслевого партнера в области финансового регулирования, Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг – NASD. В теории на протяжении без малого трех десятилетий надзорную деятельность Комиссии дополняли разнообразные меры NASD по саморегулированию. Эта организация была уполномочена лицензировать брокеров, а также устанавливать правила биржевой торговли и обеспечивать их выполнение. Однако постоянные скандалы тех лет показали, что ресурсы NASD зачастую недостаточны для исполнения возложенных на нее обязанностей. В руководство Ассоциации входили как представители малых фирм, обеспокоенных прежде всего снижением издержек, так и фирм-гигантов, для которых главная головная боль – это отток инвесторов. NASD вела себя точь-в-точь как сторожевая собака, которая по долгу службы должна гавкать на тех, кто ее кормит и ласкает, – ожидать, что ассоциация дилеров будет проводить жесткую линию принуждения, означало выдавать желаемое за действительное.

При всей своей разнородности, а подчас и нечистоплотности, руководство NASD сознавало, что сохранить статус-кво невозможно. Комитет по автоматизации при NASD годами боролся за автоматизацию ценовых котировок на внебиржевом рынке, и в феврале 1971 года, к большому, хотя и сдержанному, беспокойству традиционных фондовых бирж, дебютировала автоматизированная система, построенная для NASD компьютерной компанией Bunker Ramo и связавшая дилеров всей страны посредством электронной сети. Систему назвали NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotations – Автоматические котировки Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг). С течением лет этот примитивный прототип, созданный на базе программы, сходной с уже применявшимися в системах бронирования авиакомпаний и отелей, постоянно совершенствовался.

Мэдофф прочно солидаризовался со сторонниками автоматизации, и каким-то образом его небольшая фирма изыскала средства для инвестиций в оборудование и

программное обеспечение. Была ли часть денег собрана благодаря инвесторам из числа клиентов Сола Альперна, Фрэнка Авеллино и Майкла Бинса? Впоследствии по меньшей мере один бывший сотрудник, согласно материалам будущего судебного разбирательства, разделял эту точку зрения. Но сам Мэдофф упорно отрицал кражи с клиентских счетов в 1970–1980-х годах и прямых улик, которые опровергали бы его слова, даже спустя почти два года после его ареста найти так и не удалось. В любом случае борьба за автоматизацию позволила Мэдоффу каждый год добавлять новые краски к своему портрету преданного сторонника инноваций на фондовом рынке, стойкого союзника в великом походе за реорганизацию косного традиционного рынка в соответствии с требованиями современной эпохи.

Кардинальное изменение репутации фирмы Мэдоффа – от мелкого внебиржевого маклера до видного новатора, одного из тех, кто преобразил фондовый рынок, – началось с приходом младшего брата Берни, Питера, и это не случайное совпадение.

Питер Беннетт Мэдофф ходил в детский сад, когда бизнес его отца потерпел полный крах. Он был подростком, когда его брат Берни женился на Рут Альперн. Сестра Сондра была почти на десять лет старше Питера. Как и многие младшие дети в семье, он прокладывал свой путь, и его вступление во взрослую жизнь прошло намного глаже, чем у старшего брата.

Он не стал поступать в школу Фар-Рокауэй, а подал заявление и был принят в так называемую Бруклин-Тек, одну из престижнейших средних школ страны, куда принимали по конкурсу. Он закончил Квинс-колледж во Флашинге (Нью-Йорк), где познакомился со своей будущей женой Мэрион, и в 1970 году, сразу после рождения дочери Шейны, получил юридическую степень в университете Фордхэм.

К тому времени семья Берни выросла. После старшего сына Марка, рождение которого в марте 1964 года вынудило Рут покончить с карьерой офисного администратора у Берни, в апреле 1966 года родился младший, Эндрю.

Несмотря на трудности прорыва в закрытый для чужаков ВРЦБ, у фирмы Мэдоффа дела явно шли в гору. Берни переселил свою молодую семью в Рослин, на богатеющее северное побережье Лонг-Айленда, и каждый день ездил на работу в новые просторные офисы на Уолл-стрит, 110, в шести кварталах от Фултонского рыбного рынка на Ист-Ривер. Они с Рут вступили в загородный клуб. Ей нравилось проводить там с детьми летние дни, и постепенно Мэдоффы пристрастились к гольфу.

По-видимому, Питер еще школьником работал в фирме брата (согласно реестру FINRA, в июне 1969 года он получил лицензию

брокера и формально присоединился к фирме), а по получении юридической степени он пришел туда, чтобы остаться навсегда. Он попал в гущу перемен, самых радикальных со времен изобретения ленты биржевого аппарата и телеграфа, а с тех пор минуло сто лет. И он нанес фирму Мэдоффа на карту новых технологий, потратив на это немало собственных денег.

Сегодня существуют разные мнения о том, каким был Питер в те дни – сердечным и обаятельным или резким на язык и сверхтребовательным. Воспоминания некоторых бывших сотрудников, уволенных за промахи, не слишком лестны для Питера. Но даже после падения Берни Мэдоффа в отраслевых журналах сплошь и рядом встречались отклики людей, много лет знавших Берни и его брата и искренне любивших их. Питер Чапмен из Traders Magazine обнаружил, что Питер, как и Берни с сыновьями, «почти всем на Уолл-стрит нравился». Братья Мэдофф «были просто превосходные, замечательные люди», – говорил один из их клиентов.

В этих часто противоречивых воспоминаниях четко прослеживаются два сквозных мотива.

Во-первых, Берни, по общему мнению, принижал младшего брата, неявно и с юмором, но постоянно. Возможно, это всего лишь извечные трения между преуспевающим старшим братом и многообещающим младшим, пытающимся тоже занять место за столом. Невзирая на юридическую степень (диплом, который, по мнению Берни, не стоил затраченного на него времени), Питер начинал как наемный работник брокерской фирмы брата, хоть и платили ему все больше и больше. Почти сорок лет спустя он по-прежнему был всего лишь наемным работником у брата, тот так и не сделал его партнером по основному бизнесу, которому Питер посвятил всю свою трудовую жизнь. Его единственной долей в активах главной фирмы Мэдоффа десятки лет был клочок лондонского филиала, основанного в 1983 году, в котором старшему брату принадлежало 88 %.

Возможно и то, что на отношении Берни к Питеру сказывалось привычное с детства распределение ролей. Около 1970 года их отец Ральф Мэдофф проявил интерес к фирме Берни, и родители время от времени помогали Берни – выезжали на проверку какой-нибудь компании, об инвестиции в которую он подумывал. Периодическое присутствие Ральфа в фирме могло зацементировать Питера и Берни в усвоенных с детства ролях старшего и младшего. Если это и так, то влияние Ральфа было недолгим. В июле 1972 года он в возрасте шестидесяти двух лет умер от сердечного приступа. Через два с половиной года, в декабре 1974-го, так же внезапно, после приступа астмы во время

рождественского круиза по Карибскому морю, скончалась Сильвия Мэдофф. Она не дожила до своего шестьдесят третьего дня рождения всего несколько недель.

Для братьев внезапная потеря еще не старых родителей была жестоким потрясением. Их друзья той поры рассказывали, что Берни стал заботливее относиться к младшему брату, как бы заняв место отца, патриарха семейного клана.

Во-вторых – на этом тоже сходятся все, кто хорошо знал братьев, – Питер был главной движущей силой, благодаря которой фирма оказалась в авангарде компьютеризации фондового рынка, а это не только обеспечило ее конкурентоспособность, но и привлекло к ней благосклонное внимание регуляторов. В одной книге, описывающей технологическую революцию на Уолл-стрит, его авторы представляют читателям братьев Мэдофф следующим образом: «Бернард (основатель фирмы) и Питер (компьютерный гений компании)». Даже в материалах одного из судебных разбирательств против Питера (после краха брата) отмечалась его ключевая роль в переводе фирмы на современные рельсы, что прямо сказалось на результатах работы трейдингового отдела.

Берни Мэдофф вовремя понял общую идею: технология неизбежно будет трансформировать рынок, и фирма Мэдоффа не исключение. Но его брат досконально изучил проблему и абсолютно точно знал, что нужно делать. Чем больше опыта набирался Питер, тем весомее становилась его роль в контроле за трейдинговыми операциями – именно в этой сфере, что ни день, внедрялось очередное техническое новшество.

Если верить сведущим людям, то вклад Питера в фирму брата был еще значительнее. Так, высказывалось мнение, будто именно Питер увидел потенциальную нишу для маркетмейкинга в ценных бумагах, которые, как правило, торговались на Нью-Йоркской фондовой бирже. «Именно благодаря этому решению, – по свидетельству одного очевидца, – фирма ворвалась в высшую лигу оптовиков».

Внебиржевую торговлю ценными бумагами, котирующимися на бирже, назвали «третьим рынком». Считается, что, с точки зрения Уолл-стрит, первый рынок – это традиционные фондовые биржи, а второй – внебиржевой рынок ценных бумаг. Крупные фирмы Уолл-стрит, члены Нью-Йоркской фондовой биржи (NYSE), по правилам были обязаны торговать ценными бумагами, котирующимися на бирже, только на Большом табло. Третий рынок, внебиржевая торговля котирующимися на Йоркской фондовой ценными бумагами, была нишей, которую малые фирмы (не члены биржи) легко смогли занять, не опасаясь

неравного соперничества гигантов. Комиссии на внебиржевом рынке были существенно ниже, чем на Большом табло, и многие институциональные инвесторы все чаще пользовались услугами третьего рынка, где возросшие объемы трейдинга генерировали новые доходы для оперирующих на этом рынке малых фирм. Именно здесь фирма Мэдоффа начала наращивать свою долю в объеме торгов Уолл-стрит и создавать себе репутацию крупного игрока. А идея занять нишу на третьем рынке принадлежала, по мнению многих, Питеру Мэдоффу.

Роль Питера в ходе бурного десятилетия инновационных перемен сделала его в кругах регуляторов фигурой не менее влиятельной, чем брат. В самой фирме он тоже становился все более значительным лицом, совмещая множество важных функций, в том числе корпоративное регулирование.

Но за пределами сферы технологического совершенствования торговых операций начинаются сплошные тайны. До какой степени Питер был осведомлен о махинациях с открытыми в фирме частными клиентскими счетами, учитывая то, что именно он отвечал за корпоративное регулирование? Знал ли Питер о том, что Берни делал с деньгами, которые стекались к нему от родственников Рут через старую бухгалтерскую контору ее отца? Информировал ли его Берни о финансовом положении тех отделов фирмы, с которыми Питер не был знаком? Словом, знал Питер или не знал все эти годы об афере Мэдоффа?

Нет, нет и нет, по словам самого Мэдоффа и по словам адвоката Питера, которые он произнес сразу после ареста Берни и неизменно повторял в последующие годы – годы, когда Питер был под следствием, но не под арестом; обвинение ему так и не было предъявлено.

У Питера Мэдоффа были и собственные инвестиционные счета, которыми управлял его брат, и эти счета с течением лет принесли ему и членам его семьи миллионные прибыли. Неужели он не заподозрил, что доходы непомерно, неправдоподобно велики? Впоследствии проверки выявят множество сделок, оформленных задним числом, которые сказочно его обогатили. Неужели у Питера ни разу не возникло мысли сесть рядом с Берни и проверить финансовую документацию, чтобы разобраться в конце концов, как возможны такие баснословные прибыли?

С первого дня ареста брата он на все подобные вопросы отвечал «нет». Линия защиты в череде судебных процессов сводилась к тому, что он, как тысячи других людей, полагал, что может безоговорочно доверить своему потрясающе одаренному брату управление деньгами членов его семьи точно так же, как брат доверил ему управлять основным трейдингом фирмы и

всегда идти в ногу со временем.
Если Берни и поручал Питеру заниматься чем-то помимо высокотехнологичного трейдинга, то подтвердить это документально не представляется возможным [3] .

К концу 1970-х годов Фрэнк Авеллино и Майкл Бинс осознали, что им необходимо как-то упорядочить свои деловые отношения с Берни Мэдоффом.

Дело, которое Сол Альперн начал десятью годами ранее по старинке (с чеками от инвесторов, обособленным учетом прибылей, рассылкой чеков на дивиденды, уведомлениями о реинвестициях), стало, по словам Бинса, слишком трудоемким. Бухгалтеры изнемогали от такого же бумажного затора, каким в свое время переболела Уолл-стрит, но у них не было доступа к высокопроизводительным компьютерам-мейнфреймам, которые решили бы эту проблему, а до появления персональных компьютеров оставалось еще несколько лет. А ведь нужно было еще когда-то заниматься и собственно бухгалтерскими делами.

Фирма Avellino & Bienes после унаследовала почти всех клиентов Сола Альперна, кроме одного – фирмы Bernard L. Madoff Investment Securities. Бухгалтерию фирмы Мэдоффа вел Джером Горовиц, прежде также работавший у Альперна и теперь крепко стоявший на ногах. Бинс давно подозревал, что Горовиц рано или поздно учредит собственную практику, – что тот и сделал. Еще при Альперне именно Горовиц занимался ежегодной налоговой бухгалтерией и аудиторской текучкой брокерской фирмы Мэдоффа. Когда Горовиц в конце 1960-х годов покинул фирму Альперна, чтобы открыть свою собственную, он забрал с собой и бухгалтерию Мэдоффа.

По-видимому, никто не был в обиде, поскольку Берни Мэдофф продолжал инвестировать деньги клиентов Avellino & Bienes и после того, как его тесть отошел от дел. Число клиентских счетов в фирме Мэдоффа немного выросло «за счет размещения индивидуальных пенсионных счетов клиентов бухгалтерских услуг», – пояснил Мэдофф в письме из тюрьмы, однако число это не превышало полудюжины, и все они, по его словам, участвовали в его «фирменных» арбитражных сделках.

«Я считал само собой разумеющимся, что все счета Avellino & Bienes будут работать так же, как и изначальный счет моего тестя», – объяснял он. Иными словами, деньги множества инвесторов будут объединены на нескольких счетах в фирме Мэдоффа, а прибыли будет соответствующим образом распределять бухгалтерская фирма. Он утверждал, что предупредил Авеллино и Бинса: число инвесторов не должно превышать порог, обязывающий регистрировать открытый

взаимный фонд. Это утверждение Майкл Бинс впоследствии упорно опровергал в своих публичных высказываниях.

Бинса, Авеллино и их клиентов уровень доходности вложений вполне устраивал (позднее регуляторы говорили, что прибыли превышали 15 %, приближались к 20 %, но достоверных данных о показателях фирмы Мэдоффа тех лет не существует), если бы не бумажные завалы. Бинс приписывает Авеллино искрометную идею: «В четырех словах: давай платить твердый процент. Все просто. Устанавливаешь фиксированный процент. Раз в квартал начисляешь. А они пусть решают: хотят – реинвестируют, хотят – забирают чек».

Этот шаг примечателен тем, что он принципиально изменил подход в обращении с деньгами, которые фирма Avellino & Bienes инвестировала через Мэдоффа, и эта перемена, по словам Мэдоффа, произошла без его ведома и согласия. Процесс настолько упростился, что небольшая бухгалтерская фирма смогла управляться с огромным числом клиентов и головокружительными денежными суммами. Внедрение нового подхода никак не декларировалось – ни формальным учреждением новой структуры (инвестиционного партнерства), ни созданием отдельной фирмы. Все было очень неформально, но, как заверял Майкл Бинс спустя много лет, их бухгалтерская фирма сознательно пошла на это. «Вот как мы доверяли Берни», – сокрушался он.

То была эпоха, когда люди страстно желали верить во что-то незыблемое, надежное как скала. В 1970-е годы всех не оставляло ощущение, что это десятилетие станет последним для Уолл-стрит. Контраст между общим унынием на Уолл-стрит и очевидным успехом Мэдоффа с его арбитражным трейдингом только укреплял его репутацию.

«В 1970-х годах фондовый рынок вошел в кризис, и никто этого не заметил», – писал финансовый обозреватель Джерри Гудмен. В отличие от краха 1929 года, кризис семидесятых был вялотекущим. «Если первый был отчаянным прыжком с шестидесятого этажа, то второй больше походил на утопление в джакузи». Джакузи вроде бы звучит не так страшно, но конец все равно один.

Инфляция, которую правительство подпитывало дорогостоящей военной кампанией во Вьетнаме и амбициозными программами социальной помощи, рубила в лапшу ценность бумажных денег. Когда в 1960-х Берни Мэдофф затевал свой бизнес, годовая инфляция составляла меньше двух процентов. Когда в 1969 году президент Ричард Никсон вступил в должность, инфляция составила пять процентов. В первые девять месяцев

1979 года она достигла почти одиннадцати процентов. «Инфляция такого масштаба в мирное время не знает прецедентов в истории Америки», – комментировал один специалист из Федерального резерва.

Под гнетом депрессивного десятилетия фондовый рынок рухнул на колени. От бойкого рынка предыдущего десятилетия не осталось и следа. Тучи сгущались, а безопасной гавани, чтобы переждать бурю, нигде было не видно. Месяц за месяцем биржевые цены как бешеные скакали вверх-вниз, никто не мог припомнить подобных перепадов. Доходность по облигациям неуклонно падала, особенно в конце десятилетия, когда Федеральная резервная система (ФРС) активизировала наступление на инфляционную лихорадку и резко повысила процентные ставки. Американским розничным инвесторам пришлось выучить новые слова для своих волнений: волатильность и стагфляция.

Одна из самых надежных стратегий, хранение денег в банке, больше не представлялась разумной. Нормативы Казначейства годами ограничивали проценты для мелких вкладчиков, и только крупные институциональные вкладчики могли заработать процент достаточно высокий, чтобы обогнать инфляцию. Когда ставки процента наконец медленно поползли вверх и для мелких вкладчиков, сбережения и займы населения перетекли в бум кредитования, а это грозило новой бедой. Даже если вам удавалось найти более или менее стабильный банк или депозитное учреждение, одной лишь стабильности было уже недостаточно. Инфляция 1970-х подточила покупательную способность каждого американского доллара, который бережливые граждане отнесли в банк или вложили в облигации.

Погоня за прибылью стала почти навязчивой идеей целого поколения. Если ты не нашел способа получать доход выше прожиточного минимума, значит, отстал навсегда. Инвесторы судорожно ринулись в новоявленные взаимные фонды денежного рынка. Иные уверовали в сложные партнерства, инвестирующие в стремительно дорожавшие нефть и газ или же в серебро и другие драгоценные металлы.

Рассудительные инвесторы в свое время уяснили железную связь между уровнем риска и процентом дохода: чтобы получить доход повыше, надо принимать на себя риски побольше. Корпоративные облигации давали больший процентный доход, чем облигации Казначейства, потому что корпоративные рискованнее, а дядя Сэм уж точно не обанкротится. Мелкие внебиржевые ценные бумаги росли в разы быстрее, чем голубые фишки, но и вероятность того, что они обратятся в ничто, была

куда выше. Тут уж ничего не попишешь. Цена, которую смелый платит за высокие прибыли, включает в себя немалый риск и бессонные ночи. Недаром золотое правило гласит: хочешь спокойно спать и не бояться все потерять – не гонись за высокими прибылями.

Парадоксальным образом теперь большие риски ассоциировались скорее с готовностью довольствоваться скромной прибылью. Прежнее правило – высокодоходные инвестиции рискованнее низкодоходных – почему-то утратило силу. В 1970-х традиционная формула прямой зависимости между риском и вознаграждением была переосмыслена с точностью до наоборот. Всем требовалась надежность и доходность – ощутимые спекулятивные прибыли без нервирующей волатильности (в идеале – вообще без треволнений), надежность низкорисковых инвестиций без постепенного вымывания капитала, накопленных за годы средств. Несбыточные мечты! Однако были счастливчики, которые утверждали, что их мечты сбывались год за годом – благодаря Фрэнку Авеллино и Майклу Бинсу: реальный, стабильный процент, нулевая волатильность. В связи с тем, что отдача от инвестиций у Мэдоффа, как у большинства арбитражных трейдеров той эпохи, колебалась в пределах узкого диапазона, выплата фиксированного процента казалась разумным решением. В какие-то кварталы они выплачивали чуть больше, чем получали у Мэдоффа, а в другие чуть меньше, но в целом баланс сохранялся. И даже если большинство клиентов оставляло начисленный процент расти на своих счетах дальше, мелкие нестыковки со временем никто бы не заметил. Казалось, что Авеллино и Бинс превратили спекулятивное и рискованное дело – инвестирование на фондовом рынке – в плавный и предсказуемый приток доходов, вроде процентов с корпоративных облигаций, и никакого вымывания капитала! А все благодаря устойчивой доходности операций Берни Мэдоффа.

В атмосфере инфляционного невроза творческое нововведение Авеллино и Бинса в обслуживании инвесторов, когда-то привлеченных Солом Альперном («Давай платить твердый процент»!!!), придало их скромному бизнесу, рассчитанному на «семью и друзей», сумасшедшее ускорение.

Позже Мэдофф будет настаивать, что, одумавшись после ошибок 1962 года, он в дальнейшем делал очень неплохие деньги для тех самых первых клиентов, и, возможно, так и было, учитывая рыночную конъюнктуру 1960-х и те стратегии, которые он, по его словам, применял. В первое десятилетие карьеры Мэдоффа ежегодные прибыли на внебиржевом рынке

предположительно во много раз превосходили те суммы, которые выплачивались в виде дохода его инвесторам. Даже в 1970-х Мэдофф, как институциональный инвестор, мог зарабатывать значительно больше, чем Авеллино с Бинсом выплачивали своим розничным инвесторам. Довольно смутные воспоминания инвесторов той поры наводят на мысль, что он и в самом деле пользовался деньгами первых инвесторов в качестве рабочего, или чистого оборотного, капитала своей молодой фирмы и получал более чем достаточную прибыль, чтобы обеспечить клиентам обещанный доход.

Разумеется, это тоже нарушение, и регуляторы, будь им об этом известно, могли обвинить Мэдоффа в ненадлежащем использовании клиентских фондов. Но существует как минимум статистическая вероятность, что он и впрямь с успехом инвестировал ограниченные денежные средства семьи и друзей, которые поступали к нему от Сола Альперна.

Пошли слухи – по слухам, фирма Avellino & Bienes открывала единственную возможность доверить деньги замечательному Берни Мэдоффу, который сам индивидуальными клиентскими счетами не занимался.

Просто удивительно, сколько клиентов Avellino & Bienes, которые пользовались бухгалтерскими услугами фирмы, решились через нее же инвестировать свои средства! Но, возможно, это попросту отражает роль, которую бухгалтеры играли для умеренно состоятельных людей, бизнесменов средней руки, до наступления эпохи «личных банкиров» и «консультантов по инвестициям». Где еще им было искать финансового консультанта, как не в фирме, ведущей бухгалтерию их компании? Да и к чему создавать себе лишние сложности, тратить драгоценное время, даже если теоретически где-то есть профессионал получше? В конце концов, для бизнесмена время – деньги, а у них своих дел невпроворот.

Так или иначе число инвесторов Avellino & Bienes стремительно росло, а вместе с ним неуклонно рос объем привлеченных средств. К концу 1970-х инвестиционные операции Мэдоффа составили более трети оборота бухгалтерской фирмы. В нью-йоркском офисе фирмы четверо сотрудников принимали звонки и заявки, а также пересылали по почте чеки и выписки со счетов: два секретаря по вводу данных, секретарь приемной и администратор офиса, который отвечал на вопросы по почте и телефону.

И фирма всегда платила. Никто ни разу не пожаловался, никто не выразил сомнений в их деятельности. Неудивительно, что чеки все прибывали, приток новых клиентов не

останавливался ни на секунду.

Бинс позднее утверждал, что они с Авеллино «ничего не рекламировали, не продвигали, даже рождественской открытки ни разу никому не послали – а деньги все текли и текли». Когда собиралась приличная сумма, они отсылали ее Мэдоффу. В конце каждого квартала они изымали деньги со счета фирмы Мэдоффа для начисления процентов и рассылали клиентам соответствующие чеки.

Поразительно, с какой легкостью клиенты бухгалтерской фирмы инвестировали деньги и доверие в столь нехитрое соглашение. И это притом что ни на Уолл-стрит, ни в надзорных органах никто и слыхом не слыхивал об Авеллино и Бинсе. Они не предоставляли клиентам ни информационных буклетов, ни таблиц с фактическими данными, ни документов, ровным счетом ничего! Бухгалтеры не моргнув глазом заявляли, что ничего этого нет и не будет, не ждите. На руки клиент получал обычную квитанцию с подтверждением внесенной суммы и указанием обещанного процента. «Разговор у нас был короткий. Мы не церемонились», – откровенничал впоследствии Бинс. Правило было одно: никаких письменных свидетельств.

Попутно им нужно было управляться и с собственно бухгалтерской работой своей фирмы. «У нас были клиенты средние, мелкие – частные клиенты, – вспоминал Бинс. – Некоторые были “с приветом”, прямо скажем. Опять же, как говаривал Сол Альперн, нормальный человек в бизнес не пойдет, он просто устроится на службу».

Бинс и Авеллино и сами были «с приветом», вроде колоритных персонажей рассказов Деймона Раньона, перемещенных в реальную жизнь. У Фрэнка Авеллино была курьезная привычка говорить о себе в третьем лице, называя себя полным именем. Когда он давал показания и его спросили, получало ли партнерство банковские ссуды, Авеллино ответил: «Ну что вам сказать? Однажды Майкл Бинс и Фрэнк Авеллино взяли в банке, в Chemical Bank, кредит на миллионы долларов, безо всякого обеспечения, точка… А потом передумали и вернули банку все деньги. Как они на нас разозлились!..»

Почему же они так поступили? «Не люблю я раскрывать финансовую отчетность, нечего им совать везде свой нос… Я парень скрытный, как и Майкл, кстати сказать… Это не их собачье дело, называя вещи своими именами, и, вообще, не очень-то нам нужны были их деньги».

Всех, кто посылал им деньги, Авеллино и Бинс называли не инвесторами, а «кредиторами». Они упорно повторяли, что клиенты одалживали им деньги для финансирования

инвестиционной деятельности бухгалтерской фирмы. Фирма, со своей стороны, обещала выплачивать этим частным кредиторам поквартальный процент, и выплачивала – из прибылей, заработанных на инвестициях у Мэдоффа. Они с такой настойчивостью, снова и снова, излагали эту версию, что невольно закрадывается мысль: они со своим прибыльным бизнесом рассчитывали вписаться в законодательную лазейку, именовавшуюся «векселя на предъявителя», которые не требуется представлять регулирующим финансовым органам.

Позже в ответ на вопрос, откуда у партнеров-бухгалтеров взялась уверенность, что они смогут выплачивать обещанный процент этой все расширяющейся вселенной «кредиторов», Авеллино пояснил: «У Майкла Бинса и Фрэнка Авеллино были собственные активы, которые, как мы всегда знали, в любой момент могли быть востребованы, потому что по этим займам мы несли персональную ответственность».

Несмотря на столь нестандартные схемы, целая армия инвесторов уверовала в то, что наконец-то нашлось приемлемое решение мучительной для них инвестиционной дилеммы. Заехав далеко за пределы регулируемой Уолл-стрит, они, как непослушные юнцы, раскинули лагерь в неведомом краю, где не было ни писаных правил, ни надзора строгих взрослых. При этом сами-то они считали, что нашли надежный берег: ведь им обещан стабильный доход и никто не просит идти на жертвы, связанные с высокими, вздутыми инфляцией прибылями от рискованных инвестиций. Страшно заблуждаясь относительно принимаемых на себя рисков, они были счастливы, что Avellino & Bienes милостиво позволили им инвестировать, или *ссудить* , свои личные деньги для финансирования деятельности Мэдоффа.

В результате множество неглупых, но легковерных инвесторов потянулись к Мэдоффу по опасной дорожке через ничейную, с точки зрения контроля, территорию. И очень многих на этот путь вольно или невольно подтолкнули их партнеры по бизнесу, их доверенные бухгалтеры.

4. Большая четверка

Компьютерные технологии, пустившие корни на Уолл-стрит в 1970-х годах, позволили миру повнимательнее приглядеться к чародеям фондового рынка, умеющим в нужное время выбрать нужные акции, к тем, кто в минувшее десятилетие завладел вниманием общества простых смертных. К несчастью для чародейской братии, аналитики обнаружили, что портфель ценных бумаг, искусно сформированный хваленым гением, обычно не более эффективен, чем портфель, сформированный наугад.

Губительно-обольстительная идея, будто существует гений, которому ведомо тайное знание, как выбирать нужные бумаги в нужный момент и изумлять рынок двух– или трехзначными процентами, и так из года в год, без поражений и потерь, – это не более чем идея-феникс, живучая, но глупая мечта, способная возрождаться в более или менее неизменном виде, как феникс из пепла, после каждого финансового кризиса.

Вечный зов этой мечты околдовал и богатого инвестора по имени Стенли Чейз, и это имело далекоидущие последствия для Берни Мэдоффа, казавшегося именно тем гением, которого искали Чейз и все прочие.

К концу 1960-х годов Чейз, благовоспитанный солидный господин, продал семейный бизнес по производству трикотажных изделий на Восточном побережье и удалился на покой. До переезда в окрестности Лос-Анджелеса, примерно в 1970 году, он жил в Сэндс-Пойнт на Лонг-Айленде со своей весьма эффектной женой Памелой (одна статья в New York Times той поры отмечает ее цветущий вид и аккуратно уложенные светлые волосы) и тремя детьми. Памела Чейз – дочь бродвейского драматурга и, ко времени переезда семьи на Запад, сама подающий надежды драматург.

Еще до переезда Чейз познакомился с Берни Мэдоффом через Марти Джоэла, брокера на вольных хлебах, который делил с Мэдоффом офис в доме 39 на Бродвее и был клиентом бухгалтерской фирмы Сола Альперна. Чейз и Джоэл были однокурсниками в Сиракьюсском университете и с тех пор оставались друзьями. Мэдоффы общались с Джоэлами и, естественно, познакомились с Чейзами. Чейз был впечатлен прибылями Мэдоффа от арбитражного трейдинга и решил вложить в арбитраж часть своих денег. Вскоре он тоже стал зарабатывать.

Знакомство Стена Чейза и Берни Мэдоффа длилось почти

сорок лет. Мэдоффу были доверены трастовые фонды троих детей Чейза и других членов семьи. Со временем у Чейза появилось более четырех десятков инвестиционных счетов у Мэдоффа, включая счета, которые он открыл для своего благотворительного фонда. На основании нескольких документированных следов представляется вероятным, что Чейз познакомился и с близким окружением Мэдоффа, в том числе с его тестем Солом Альперном.

Чейз был не просто частным инвестором Мэдоффа, одним из многих, и он не просто открыл у Мэдоффа счет и поместил на него деньги, собранные у других, как Авеллино и Бинс. Начиная с 1970 года, Чейз учредил три партнерские компании, которые стали мобилизовывать средства многих и многих людей и размещать их у Мэдоффа. Тем самым Чейз явился предтечей сотен предпринимателей, которые создавали и расширяли частные фонды единственно для того, чтобы на блюдечке доставлять Мэдоффу чужие деньги.

Чейз основал первый такой инвестиционный фидер-фонд. Фидер-фонд – это вспомогательный обслуживающий фонд, который привлекает средства инвесторов и вкладывает их в один или несколько других фондов. После 1990 года подобные «донорские» фонды, собиравшие деньги, чтобы доверить их Мэдоффу, будут плодиться как кролики. А началось все с первой компании Стенли Чейза.

Она называлась Lambeth Company и открылась в 1970 году. За ней в 1973 году последовала Brighton Company и в 1975 году – Popham Company. Чейз брал плату с инвесторов за управление тремя этими первыми фондами, очень похожими на неформальные взаимные фонды, хотя и не зарегистрированные в Комиссии по ценным бумагам и биржам; регистрировать их Чейз, по словам знавших его людей, не считал нужным – подумаешь, всего-то несколько десятков прямых инвесторов. По тем же соображениям он не счел нужным регистрироваться в Комиссии и в качестве консультанта неформальных инвесторов.

Большинство клиентов Чейза попали к нему по устной рекомендации либо из творческих кругов Голливуда, где вращалась его жена, либо через бухгалтерскую фирму, чьими услугами он пользовался. И несмотря на то, что Чейз со всеми своими инвестиционными счетами не был даже зарегистрирован и оставался вне зоны регулирования, он и его клиенты свято верили, что все будет прекрасно.

Все три компании Чейза дополнительно принимали деньги от так называемых субфондов, других компаний (тоже не зарегистрированных в Комиссии по ценным бумагам), которые

собирали средства и платили комиссионные за услуги головным компаниям. Все деньги, собранные напрямую через собственные компании либо косвенным образом, через субфонды, стекались к Мэдоффу.

Документы трех фидер-фондов Чейза, относящиеся к начальной поре их существования, указывают на то, что они были сформированы для участия в арбитражных стратегиях, – это совпадает с воспоминаниями первых инвесторов Мэдоффа и других источников, осведомленных об инвестиционных счетах, и с версией событий в изложении самого Мэдоффа.

Представитель молодого поколения семьи – впоследствии разоренной, – одного из самых первых инвесторов свидетельствует: в 1970-е годы Мэдофф лично говорил его отцу, что использует арбитраж как стратегию получения прибыли. «Видимо, с помощью своей компьютеризованной системы он придумал способ определять, как можно выгодно покупать привилегированные акции и шортить обычные», – вспоминал этот очевидец.

Поэтому в теории возможно (и даже вполне правдоподобно, в чем, вероятно, убедил себя Стенли Чейз), что Берни Мэдофф использовал законные арбитражные стратегии для генерирования устойчивых, надежных прибылей от вложенных средств, которые Чейз усердно аккумулировал на инвестиционных счетах компаний Lambeth, Brighton и Popham в фирме Мэдоффа.

Чуть менее правдоподобной эта стратегия должна была бы казаться по мере того, как из года в год росли доверенные Мэдоффу суммы. Привлекательные возможности арбитража быстро исчезают, когда в арбитраж слишком поспешно вбрасывают чересчур много денег. А к началу 1980-х годов денег у Мэдоффа собирается много. К тому же в конце 1970-х крупные институциональные инвесторы начали все больше интересоваться конвертируемыми ценными бумагами, основным инструментом арбитражных стратегий, и, по идее, уже конкурировали с Мэдоффом на этом сегменте рынка.

Впрочем, у Мэдоффа, как считал Чейз, клиентов было не так уж много, и новых он принимал только в качестве одолжения, когда не мог отказать близким друзьям. Не исключено, что на первых порах так оно и было. Мэдофф уже тогда культивировал атмосферу неафишируемой исключительности. Он рассчитывал на то, что счастливчики-клиенты будут помалкивать о том, что состоят в его элитном клубе: лишние разговоры чреваты тем, что ему со всех сторон будут докучать просьбами о вступлении, а ему, как он давал понять, это совершенно ни к чему.

Такая позиция не только отмечала печатью

исключительности его набирающий силу бизнес, но и гарантировала конфиденциальность: каждый источник средств пребывал в неведении о существовании остальных. Годы спустя уже трудно определить, в какой момент арбитражный инвестиционный бизнес Мэдоффа слишком разросся, чтобы можно было верить в его правдоподобие.

О том, какую именно прибыль получали компании Чейза в 1970-е годы, мнения расходятся. Мог ли Мэдофф обеспечивать устойчивые арбитражные прибыли в размере 10–14 процентов годовых много лет подряд, как вспоминают некоторые? Во всяком случае, множество неглупых людей уверовали, что так все и было. И, вероятно, во времена самых первых, истинно донорских фондов они были правы.

Инвестиционные счета, которые Чейз открыл у Мэдоффа для своей семьи, не были арбитражными счетами. Гипотетически эти средства вкладывались в бумаги сильных, многообещающих компаний и хранились в них годами, если не десятилетиями. Когда после ареста Мэдоффа инспекторы изучали записи по счетам, то обнаружили, что счета семейства Чейза, которые велись в соответствии с долгосрочной стратегией «купить и держать», оказались в куда лучшем состоянии, чем счета формальных арбитражных компаний, открытых Чейзом для инвесторов извне.

Позднее на судебных процессах прозвучат утверждения, что к 2008 году на многих счетах Чейза была масса странных ошибок. Ценные бумаги покупались и продавались в дни, когда рынки были закрыты, или по ценам, не соответствующим биржевым данным за эти дни. Чейза обвиняли (он все отрицал) в том, что он будто бы приказывал Мэдоффу помечать сделки задним числом и гарантировать, что убытки не будут отражены в отчетности по его счетам, а также фальсифицировать сделки, чтобы выйти на те или иные налогооблагаемые прибыли (убытки).

Богатства, накапливавшиеся на инвестиционных счетах Чейза у Мэдоффа, подпитываемые отчасти комиссионными от внешних инвесторов, позволили Чейзу делать регулярные пожертвования в экономику и благотворительные учреждения Израиля. Щедро помогал он и еврейским благотворительным учреждениям в США, и повсюду его уважали и до небес превозносили.

Впоследствии семейные адвокаты говорили, что Стенли Чейз был совершенно ошеломлен обманом Мэдоффа и никогда в жизни не подозревал ничего подобного. Он верил, что Мэдофф один из тех редких гениев биржи, вроде Уоррена Баффета, Джорджа Сороса или Питера Линча из взаимного фонда Magellan, которые зарабатывали огромные деньги на чистом инстинкте, вне

зависимости от условий рынка. Если бы у него мелькнула хотя бы тень предположения о том, что Мэдофф аферист, говорили адвокаты, он бы уж точно не оставил в руках Берни бóльшую часть семейного капитала, свой доход от комиссионных и свои мнимые прибыли от инвестиций.

Стенли Чейз входил в четверку богатейших еврейских предпринимателей, к концу 1970-х годов открывших счета у Берни Мэдоффа. Остальными в этом элитном клубе были легендарный магнат, производитель одежды Карл Шапиро, исполин нью-йоркского бизнеса в сфере недвижимости Норман Ф. Леви и самый молодой из четверых Джеффри М. Пикауэр, который начал с торговли налоговыми прикрытиями, а через десять лет стал ярким воплощением понятия «великий комбинатор».

Другие ключевые клиенты, в отличие от Чейза, не учреждали фидер-фондов и не занимались активным рекрутированием инвесторов для Мэдоффа. Но, как и Чейз, они оставались с Мэдоффом по меньшей мере сорок лет, собирая сногсшибательные урожаи доходов и заверяя в его абсолютной надежности инвесторов от Парк-авеню до Палм-Бич и Беверли-Хиллз.

Их удивительная расположенность к Мэдоффу коренится, по крайней мере отчасти, в особом складе людей, которые добились успеха своими силами и питают великое доверие к собственным тонко настроенным детекторам любого вранья и лукавства. Но против Берни Мэдоффа детекторы оказались бессильны. Несмотря на молодость (сорок ему исполнилось только в 1978 году), Мэдофф был окружен ореолом невозмутимого сознания своей силы, и никаких фокусов, никакой дешевой саморекламы. Он как будто вовсе не нуждался в их покровительстве. Он не пытался позабавить их шутками или «случаями из жизни», зато отдавал должное их собственным шуткам и «случаям из жизни». Он никогда не старался произвести впечатление – и это-то, по законам обратной логики, как раз и впечатляло.

На Карла Шапиро ему впервые удалось произвести впечатление в начале 1960-х, на деле доказав свою способность работать эффективнее крупной фирмы Уолл-стрит, услугами которой пользовался Шапиро. Шапиро, родившийся в 1913 году, вырос в богатом пригороде Бостона и закончил Бостонский университет. В 1939 году он вместе с отцом основал фирму Kay Windsor Inc., которая заняла нишу низшего разряда швейной индустрии – пошив дешевых хлопчатобумажных платьев – и полностью ее преобразила.

«Когда учреждали Kay Windsor, хлопчатобумажные платья

были синонимом дешевой одежды для дома, – замечал журналист New York Times. – И розничная торговля спешила отделаться от закупщика, рассчитывавшего, по собственному недомыслию, продавать бумажные платья круглый год».

Kay Windsor в корне изменила эту ситуацию, производя стильные платья для всех сезонов, которые в начале послевоенного бума стали основой гардероба трудящихся девушек и домохозяек из пригородов. Шапиро, прирожденный торговец и требовательный менеджер, в начале 1950-х, когда его отец вышел на пенсию, взял бразды правления фирмы в свои руки. К концу этого десятилетия Kay Windsor уже была одним из самых известных в стране производителей готовой одежды, а Карл Шапиро – очень богатым человеком. В 1970 году он стал еще богаче, продав Kay Windsor более крупной компании.

К тому времени он уже вел с Мэдоффом кое-какие дела. По словам Мэдоффа, они познакомились через школьного друга и коллегу-брокера Майкла Либербаума: его семейный бизнес был связан с крохотным сегментом Уолл-стрит, который в те дни занимал Мэдофф. Шелдон, брат Майкла Либербаума, работал на более крупную брокерскую фирму, и Карл Шапиро был одним из его клиентов, как сообщил Мэдофф в своем первом интервью в тюрьме.

Шапиро «заинтересовался арбитражем, а у них [в фирме Шелдона Либербаума] с этим было туго», по словам Мэдоффа, который так объяснил причины: в фирме, замученной постоянными проволочками с обработкой документов, хроническим недугом Уолл-стрит той поры, слишком много времени уходило на конвертацию облигаций в обыкновенные акции, то есть на основное звено арбитражных стратегий. «У меня выходило быстрее», – заметил он.

После ареста Мэдоффа Шапиро излагал более или менее сходную версию этой истории. «В те дни на исполнение сделки уходило три недели, – рассказывал Шапиро. – Этот малый встал передо мной и сказал: “Я могу сделать это за три дня”. И сделал». По рассказам некоторых очевидцев, он дал молодому брокеру 100 тысяч долларов на проведение для него арбитражных сделок и результатами остался доволен. Связь между ними укрепилась.

Когда Шапиро окончательно распрощался со швейной индустрией и вышел на пенсию, он занялся в Бостоне филантропией и доверил Мэдоффу еще больше своих активов. Многие говорили, что он верил Мэдоффу «как сыну», но вначале их связывал только бизнес: Шапиро в арбитражной игре поставил на Берни, и Мэдофф превратил его деньги в еще бóльшие деньги. Для знающего толк в успехе Шапиро расклад был предельно

прост: он доверял Мэдоффу, потому что Мэдофф приносил прибыль.

Норман Ф. Леви попал в орбиту Мэдоффа позже и более извилистым путем, но в конце концов стал одним из ближайших друзей и преданнейших почитателей Мэдоффа. Леви был на год старше Шапиро. Он закончил школу имени Девитта-Клинтона в Бронксе в 1931 году, как раз когда Нью-Йорк погружался в Великую депрессию. К 1934 году, поработав клерком и коммивояжером, он поступил на работу в Cross & Brown, одну из крупнейших в стране брокерских фирм по недвижимости. Близкий друг его семьи рассказывал, как Леви шутил, что он первый еврей, которого наняла почтенная фирма, основанная в 1910 году. Согласно одному источнику, Леви был нанят с двухнедельным испытательным сроком. Если это так, то испытание он явно прошел: за два года он немного скопил – достаточно, чтобы заплатить 700 долларов за здание в мидтауне, которое через семь лет он продал, положив в карман 15 тыс. долларов. К 1967 году он был уже президентом фирмы и явно шел к тому, чтобы стать очень богатым человеком.

К середине 1970-х годов Нью-Йорк стоял на краю банкротства и рынок недвижимости зашатался. По словам Мэдоффа, Леви владел множеством коммерческих офисных зданий высокого класса, но нуждался в оборотном капитале. Они познакомились по цепочке, которая начиналась с Сола Альперна, тестя Мэдоффа. Выдающийся еврейский лидер и бывший предприниматель в сфере химической промышленности по имени Морис Сейдж, клиент бухгалтерской фирмы Альперна, был знаком с приятелем Леви по загородному клубу Артуром Шлихтером, который и представил их друг другу. «Мы познакомились и быстро подружились», – сказал Мэдофф. Леви открыл счет у Мэдоффа в 1975 году и держал его до своей смерти в 2005 году.

Леви, как и Мэдофф, всего добился сам. Но, в отличие от Мэдоффа, он был человеком компанейским, немного шумным и довольно простым в общении. Когда высокий, пышущий здоровьем Леви возникал на пороге, в комнате становилось светлее, и Мэдоффа, по-видимому, согревало его тепло. Леви перезнакомился со всем персоналом Мэдоффа, и сотрудники всегда радовались его появлению. В свою очередь, Леви был только рад готовности Мэдоффа управлять его финансовыми делами – это позволяло ему сосредоточиться на том, что он знал лучше всего: на первоклассной недвижимости.

Со временем Мэдофф стал для Леви больше чем брокером. К полному удовольствию Леви, он взял на себя управление имуществом его семейного фонда. Тесное сотрудничество с Леви

обеспечило ему репутацию в банковских кругах, где Леви всегда был желанным клиентом. В JPMorgan Chase Мэдоффа знали как «близкого друга Леви и его трейдера». За десятилетие знакомства с Мэдоффом на инвестиционных счетах Леви в фирме Мэдоффа было минимум 180 млн долларов. В следующие двенадцать лет его баланс вырастет до полутора миллиардов. В 2001 году на счету Леви, откуда ни возьмись, появятся 35 млрд долларов – и в те же двенадцать месяцев вновь с него уйдут.

Четвертый, и последний, таинственный член квартета Мэдоффа был высокий лысеющий юрист и бухгалтер по налогам Джеффри Пикауэр. Он, как и Леви, познакомился с Мэдоффом через Сола Альперна, правда, на сей раз все произошло намного проще. Майкл Бинс, поступивший в фирму Альперна в 1968 году, был женат на сестре Джеффри, Эмили Пикауэр. Согласно некоторым источникам, Пикауэр, который был на четыре года моложе Берни Мэдоффа и только что закончил юридический факультет, частенько наведывался в офис фирмы Альперна. Мэдофф вспоминал, что в то время Альперн был личным бухгалтером Пикауэра, хотя сам он познакомился с Пикауэром через Бинса.

Отец Пикауэра был польский иммигрант, мастер по изготовлению дамских шляпок в Нью-Йорке, поселившимся со своей молодой семьей в Лонг-Биче, небольшом городке на южном берегу Лонг-Айленда. Джеффри получил прекрасное образование. В 1963 году он закончил Университет Пенсильвании и к 1967 году получил диплом магистра делового администрирования в Колумбийском университете и диплом Бруклинской школы права. В 1971 году он стал лицензированным практикующим бухгалтером и попал в известную всей стране бухгалтерскую фирму Laventhol & Horwath.

Он обладал талантом делать деньги на фондовой бирже, но не талантом сходиться с людьми, и был склонен брать на себя большие риски ради больших барышей. Ему случалось проигрывать, как, например, в 1976 году, когда он потерял свыше 600 тыс. долларов, поверив посулам наглой и прилипчивой бродвейской продюсерши, которая обещала колоссальный, более чем пятидесятипроцентный выигрыш, но, как оказалось, попутно сооружала финансовую пирамиду. Однако чаще он выигрывал, даже если проигрывали его клиенты. В 1970-е годы он помогал торговать налоговыми прикрытиями (схемами снижения налогов), основанными на льготах по аренде мейнфреймов, и ко времени, когда Налоговое управление США (IRS) оспорило налоговые списания некоторых из его клиентов, он сколотил солидное состояние и сумел позиционировать себя как серьезный

игрок на рынке слияний и поглощений, который в начале 1980-х стал набирать обороты на Уолл-стрит.

Противники Пикауэра по корпоративным битвам будущих лет запомнили его как человека жесткого, агрессивного и весьма склонного к сутяжничеству, человека, который ходит по грани рыночных правил, да и просто правил честной игры. Выигранные битвы за поглощение компаний приносили миллиарды долларов в его карманы – и, в конце концов, на его счета у Мэдоффа.

Из четверки старых клиентов Мэдоффа Пикауэр выделяется тем, что только с ним Мэдофф, по-видимому, чувствовал себя не совсем в своей тарелке. В письменных ответах на вопросы, заданные автором после ареста Мэдоффа, Джеффри Пикауэр и его жена Барбара писали, что «взаимоотношения Пикауэра с Мэдоффом начались как сугубо профессиональные» и только «многие годы спустя эти отношения переросли в личную дружбу».

К началу 1980-х годов Мэдофф добавил к «большой четверке» еще один узкий круг клиентов – небольшую группу богатых французских инвесторов, которые были не прочь развлечься арбитражем на рынке США. В своем первом тюремном интервью он заявил, что впервые связался с клиентами-французами через Мориса Сейджа, того самого видного еврейского лидера, который сыграл роль посредника в истории знакомства Мэдоффа с Норманом Леви.

Одним из влиятельных заокеанских клиентов был Жак Амселлем, гражданин Франции, который все 1970-е годы инвестировал в американский рынок. Наиболее заметным его вложением было массированное наращивание участия в сети супермаркетов Shopwell в конце десятилетия. Амселлем открыл у Мэдоффа инвестиционные счета, остававшиеся активными до самой его смерти в 1994 году, после чего счета перешли к его вдове и внукам.

Через Амселлема Мэдофф познакомился еще с одним важным клиентом-французом – Альбером Игуэном, промышленником и знатоком Спинозы. Мэдофф припоминал свое первое путешествие в Париж в начале 1980-х для знакомства с Игуэном, который, по его словам, «обожал фондовую биржу» и хотел поиграть на арбитраже «по маленькой» в долларах США. Игуэн и его жена, уроженка Соединенных Штатов, повели Мэдоффа на обед «в какой-то чудовищный китайский ресторан. Это был мой первый обед в Париже – совершенно ужасный».

Полезное знакомство стоит изжоги. Хотя Игуэн и был по меньшей мере на тридцать лет старше Мэдоффа, они сразу понравились друг другу и поддерживали близкие отношения. Биография Игуэна довольно любопытна: после краткосрочного пребывания в

левом французском кабинете он приступил к управлению крупной судоходной компанией. Однако ко времени знакомства с Мэдоффом он по большей части выступал в роли финансового советника высших слоев общества. Подобно Леви в Нью-Йорке, он немало способствовал тому, что перед Мэдоффом открылись двери французских банков. Благодаря таким знакомствам грядущие десятилетия принесут ему миллиарды долларов.

1970-е годы, открывшие Берни Мэдоффу столько новых возможностей, были не слишком милостивы к большинству мелких брокерских фирм, расплодившихся в 1960-е. После волны банкротств регуляторы решили разобраться в том, что же послужило питательной средой для расцвета столь непрочных фирм, и пришли к выводу: виной всему отсутствие ценовой конкуренции. Сложилась ситуация, при которой клиенты, независимо от качества обслуживания, за каждую купленную или проданную акцию платят одну и ту же фиксированную комиссию. Соответственно, брокер, исполняй он ордер на пакет в сто тысяч одинаковых акций или на тысячу акций ста разных наименований, получает одни и те же комиссионные за каждую акцию. Конечно, какой-нибудь очень крупный клиент мог настоять на негласной оптовой скидке, но у мелких инвесторов такого шанса не было. Никого это не устраивало, за исключением мелких неконкурентоспособных брокеров, которые только благодаря такому положению дел и держались на плаву.

В 1970-е Комиссия по ценным бумагам вынудила финансовую отрасль пойти на усиление ценовой конкуренции, и 1 мая 1975 года фиксированные комиссионные были отменены (впоследствии этот исторический день нарекут Майским праздником). Перемены обрекли на смерть легионы шатких брокерских фирм, избалованных высокими накладными расходами, но не обеспеченных ни вычислительной техникой, ни грамотным персоналом.

И все же небольшие фирмы, особенно в региональных финансовых центрах страны, продолжали играть важную роль финансовых консультантов для многочисленных владельцев мелкого бизнеса и умеренно состоятельных инвесторов. По сути, они тоже непреднамеренно мостили дорогу Мэдоффу.

Одной такой брокерской фирмой, со временем ставшей испытанным каналом поставки инвесторов Мэдоффу, была Engler & Budd из Миннеаполиса. Мендель, или Майк, Энглер основал фирму в 1961 году, и отношения между его фирмой и Bernard L. Madoff Investment Securities представляют собой важный шаг в развитии тайной схемы управления капиталами, а именно внедрение принципа доверия по ассоциации.

В начале начал деятельность Сола Альперна по вербовке клиентов была открыто нацелена на тех, кто потенциально мог захотеть инвестировать в его блестящего зятя, даже если они ничего не смыслили в арбитражных стратегиях – его любимом коньке. И фирма Avellino & Bienes унаследовала этот костяк верных инвесторов, которые понесли славу Мэдоффа из уст в уста. Но Майк Энглер вербовал инвесторов, которые, скорее всего, о Мэдоффе и не слышали, зато знали Энглера и доверяли ему. Дальше так и пошло, сложился безотказно действующий шаблон. Вначале люди инвестировали, потому что доверяли Берни Мэдоффу. В конце они инвестировали, потому что доверяли человеку или институту, который был последним звеном в длинной цепи, тянувшейся к Мэдоффу.

Майк Энглер познакомился с Берни Мэдоффом вскоре после того, как в 1969 году к фирме брата присоединился Питер Мэдофф. На первых порах Питер Мэдофф без устали колесил по стране, продавая оптовые брокерские услуги небольшим региональным фирмам. Деловому партнеру Энглера Питер понравился, и он согласился перевести активы к Мэдоффу.

Engler & Budd довольно успешно в региональных масштабах торговала внебиржевыми ценными бумагами во времена, когда клуб дилеров внебиржевого рынка был еще очень мал. Майк Энглер стал энергично работать в отраслевых комитетах и участвовать в конференциях, как и братья Мэдоффы. Обе семьи отдыхали в лыжный сезон в Аспене, где Энглерам принадлежал кондоминиум, у обеих семей были прочные связи с поселениями пенсионеров на юге Флориды. Майк Энглер с женой с удовольствием бывали в обществе с Берни и Рут. По воспоминаниям сына Энглера, «они просто обожали» Мэдоффов.

Мэдофф, будучи по натуре сдержанным, тем не менее, по-видимому, любил поговорить с Майком Энглером, общительным и жизнерадостным предпринимателем из семьи преуспевающих бизнесменов. Его отец организовал одну из первых сетей местных кинотеатров. Сам Энглер совместно с родственниками открыл магазин алкогольных напитков, лодочный бизнес и строительную компанию.

Когда Энглер в 1986 году продал свою брокерскую фирму, Мэдофф пригласил его к себе советником по инвестициям – предположительно потому, что Мэдофф впервые открывал чисто институциональный бизнес по управлению капиталом только для богатых частных лиц. Примерно в это же время Энглер впервые доверил Мэдоффу часть своего состояния: по словам сына, отец считал, что ему представился прекрасный случай заполучить «столпа Уолл-стрит» в управители своими капиталами. «Никому

из нас и в голову бы не пришло что-то заподозрить, Берни Мэдофф был вне подозрений», – сказал он.

Помимо всего прочего, Энглер был членом Храма Израиля в Миннеаполисе и загородного клуба в Оук-Ридж в окрестностях Хопкинса, двух важных центров общественной жизни состоятельных евреев в агломерации Миннеаполис – Сент-Пол. Шли годы, и все больше приятелей Энглера по загородному клубу, знакомых по Храму и клиентов его брокерской фирмы становились инвесторами Мэдоффа, привлекаемые устойчивыми, хотя и не сенсационными, доходами, а также безупречной у местных жителей репутацией Майка Энглера.

«Я называла эти инвестиции “мои безотказные”, – вспоминала одна вдова из Миннеаполиса. Ее покойный муж решил инвестировать в Мэдоффа после того, как его старинный приятель Майк Энглер провел сдержанную презентацию в гостиной своего летнего дома во Флориде в начале 1990-х годов. – Он не слишком вдавался в подробности. Он сказал, что это считается хедж-фондом». И что минимальная сумма инвестиций – порядка миллиона долларов.

Дама, в отличие от мужа, была весьма опытным инвестором: прежде чем они поженились, она инвестировала в знаменитый фонд Magellan из семейства взаимных фондов Fidelity, причем в его золотые годы, и управляла собственным портфелем голубых фишек и облигаций. Она никогда не слышала о Мэдоффе, но провела некоторые разыскания – подняла газетные статьи о нем и созвонилась со знакомой богатой парой из Бостона. Она узнала, что ее знакомые, которых она считала квалифицированными инвесторами, тридцать лет вкладываются в Мэдоффа и что другие бизнесмены, которым она доверяла (местный «очень умный бухгалтер», «владелец обувной компании в Миннеаполисе»), проверили Мэдоффа, убедились, что тот честен, и вручили ему в управление кое-какие свои деньги. Все эти люди, которым она доверяла, годами доверяли Мэдоффу. Это и решило дело. Она перевела ему свои деньги.

К концу 1970-х годов, когда даже такие состоятельные клиенты, как Стенли Чейз, Норман Леви и Джеффри Пикауэр, все еще получали отчеты о состоянии своих счетов по старинке, на бумаге, Берни Мэдофф тратил немалые средства на укрепление своей репутации инноватора рынка. Он стал членом Фондовой биржи Цинциннати, которая шла в авангарде технического прогресса и первая из бирж закрыла операционный зал, положившись исключительно на электронный трейдинг. Мэдофф инвестировал значительную сумму денег своей фирмы на финансирование этой трансформации, благодаря которой биржа

Цинциннати стала наглядным примером виртуального рынка будущего. При очередной ротации кадров они с Питером заняли должности в руководстве обновленной биржи. Это положение – братья стали ни много ни мало директорами признанной региональной фондовой биржи – добавило Мэдоффу веса в глазах регулирующих органов.

В 1979 году Берни Мэдофф также стал членом комитета Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг, NASD, который энергично помогал создавать электронную систему, призванную связать все региональные фондовые биржи (в том числе и биржу Цинциннати) с Нью-Йоркской, с тем чтобы у дилеров была возможность беспрепятственно перенаправлять клиентские ордера и совершать сделки по наиболее выгодной цене. Мэдофф смело пошел наперекор общепризнанной мудрости и поставил большие деньги на автоматизацию фондового рынка. А между тем в 1970-х некоторые разуверились и махнули на рынок рукой – как раз накануне его самого стремительного в истории роста.

Назревал всемирный бум фондового рынка, и Мэдофф готов был его встретить.

Логическим следствием падения барьеров регулирования по всей Европе стало открытие лондонского офиса под названием Madoff Securities International Ltd. Новая аффилированная компания заработала в феврале 1983 года в престижном районе Мейфэр. Ее деятельность сводилась главным образом к торговле иностранными ценными бумагами и поддержанию счетов в иностранной валюте для головного офиса, но на руководящие должности Мэдофф поставил не последних людей в местных биржевых кругах и со временем ввел в совет директоров своего брата и сыновей.

Лондонский филиал Мэдофф учредил с помощью инвестора и друга по имени Пол Конигсберг, нью-йоркского бухгалтера, уверенно делавшего большую карьеру. Конигсберг пошел по стопам Альперна – открыл инвестиционный счет, проложивший клиентам его бухгалтерской фирмы Konigsberg Wolf дорожку к Мэдоффу. В будущем эту комбинацию вновь и вновь будут повторять в других бухгалтерских фирмах.

По мере притока денег в 1970-х – начале 1980-х годов (от богатых частных клиентов, от Avellino & Bienes, от доверенных профессионалов наподобие Пола Конигсберга и Майка Энглера и от «донорских» фондов Чейза в Беверли-Хиллс) Берни Мэдофф начал расправлять плечи.

Около 1979 года, все еще живя в пригороде Рослина, Мэдоффы купили красивый загородный дом в Монтоке, на восточной оконечности Лонг-Айленда. Расположенный далеко за

пределами уже модного в то время Хэмптона, Монток в конце 1970-х был тихим, почти сельским прибрежным поселением. И все же загородный дом на берегу океана с крытым бассейном и широкой террасой, откуда открывался вид на дюны, был впечатляющим приобретением для владельца молодой брокерской фирмы сорока с небольшим лет, учитывая, что ему еще предстояло оплатить образование двоих сыновей.

Берни Мэдофф был далеко не типичным финансовым управляющим – отнюдь. Другие папаши могли не чинясь ездить на службу лонг-айлендской электричкой, примостив на коленях свои кейсы. Но Мэдофф каждое утро выезжал из Рослина в Порт-Вашингтон на берегу пролива Лонг-Айленд, где его ждал гидроплан «сессна».

Вместе с несколькими управленцами с Уолл-стрит – такими же, как и он, любителями приключений, которые жили вблизи Порт-Вашингтона, – он предпочитал не трястись в электричке (прозванной за невысокую скорость «серебряной улиткой») и не томиться в автомобильных пробках, а перелетать на Манхэттен по воздуху. В те дни это не было чем-то беспрецедентным (работа в гидропорте так и кипела), но такое несколько авантюрное решение транспортной проблемы наверняка способствовало знакомству четверых или пятерых пассажиров, набивавшихся в тесный салон, чтобы за двадцать минут с ветерком долететь к сверкающим на солнце небоскребам Манхэттена.

Гидроплан, помимо всего прочего, оказался еще и подспорьем в бизнесе. Некоторые из спутников Мэдоффа сами стали его клиентами или поставляли ему клиентов. Одним из «летунов» был общительный трейдер Американской фондовой биржи Морис Дж. Кон (для друзей – Сонни), который жил в Рослине по соседству с Мэдоффами.

Начиная с 1985 года у Берни Мэдоффа и Сонни Кона будет куда больше общего, чем полеты на гидроплане.

5. Деньги рекой

Дружба попутчиков, начавшаяся в 1970-х в гидроплане, к 1985 году переросла в деловое партнерство: Сонни Кон и Берни Мэдофф основали Cohmad Securities, взяв для названия фирмы первые три буквы своих фамилий.

Кон, обаятельный острослов семью годами старше Мэдоффа, почти четверть века как прочно обосновался среди трейдеров Американской фондовой биржи – AMEX (American Stock Exchange) и Большого табло. Свою карьеру он начал в Salomon Brothers, но вскоре присоединился к горделивому сплоченному кружку трейдеров Американской фондовой, которые несколько свысока относились к тогда еще не вполне цивилизованному внебиржевому рынку, где разворачивал свой бизнес Берни Мэдофф. Но соседство в Рослине их тесно сдружило, и они не отказывали себе в откалывании ребяческих номеров: один приятель вспоминает, как они поставили ярко-красный телефонный аппарат, символизирующий ядерную «горячую линию» Белого дома, у заднего стекла наемного «кадиллака», на котором одно время вместе ездили на работу.

Кон не раз повторял, что Мэдофф «никогда не унывал». Он всегда держался как победитель, даже когда его акции падали.

В 1982 году, за год до открытия Мэдоффом лондонского офиса, брокерская фирма Кона Cohn, Delaire & Kaufman была куплена крупным участником Лондонской фондовой биржи Akroyd & Smithers. Некоторое время Кон оставался председателем совета ее директоров и исполнительным директором. Но в 1984 году саму Akroyd & Smithers приобрел Британский инвестиционный банк, и директорство Кона стало больше почетным, чем реальным. Он все чаще думал о том, что неплохо бы найти себе новое занятие, не слишком обременительное.

Мэдофф еще раньше планировал съехать из Нижнего Манхэттена. Проработав столько лет в черной коробке на Уолл-стрит, 110, недалеко от старого Морского порта на Саут-стрит, он арендовал восемнадцатый этаж стильного небоскреба на Третьей авеню, 885, на углу Восточной Пятьдесят третьей. Это здание цилиндрической формы у всех вызывало ассоциации с гигантским тюбиком помады, его и прозвали «Помадой». Здесь с лихвой хватало места для полусотни сотрудников фирмы Мэдоффа. (Со временем деятельность Мэдоффа распространится на семнадцатый и девятнадцатый этажи.)

Рождение Cohmad давало Сонни Кону возможность начать все сначала. Во многих отношениях новая брокерская фирма была

возвратом к прошлому, к фирмам, которые в начале 1960-х, когда Мэдофф с Коном только пробовали свои силы, ковбоем-одиночкой во весь опор врывались на Уолл-стрит.

К концу 1980-х такие фирмы практически исчезли как класс, а их хозяева-брокеры разбрелись кто куда, не выдержав конкуренции с крупными фирмами, которые оплетали всю страну высокотехнологичными розничными сетями. Новая фирма Кона была местом, где беженцы с прежней Уолл-стрит могли перевести стрелки часов назад, упиваясь духом товарищества телефонного трейдинга и судача с клиентами на обильных ланчах в знаменитом салуне P. J. Clarke's или за стаканчиком виски в легендарном клубе Harmony.

В Cohmad не было никакого хайтека. Фирма обещала клиентам «старомодный сервис». Через несколько лет она станет желанным пристанищем для пожилых брокеров, отчаявшихся найти место, где можно вывесить табличку со своим именем. Одному из брокеров было семьдесят семь, когда он в 1991 году поступил на работу.

Марша Бет Кон, дочь Сонни Кона, была, разумеется, исключением. Когда она после шести лет работы в небольшой брокерской фирме Cowen & Company поступила в Cohmad, ей не исполнилось тридцати. Ее доля в Cohmad составляла 25 %, у ее отца было 48 %, и еще по одному проценту – у брата Сонни и одного сотрудника-ветерана.

Остальные 25 % были поделены на неравные доли: 24 % досталось братьям Мэдоффам (15 % – Берни и 9 % – Питеру), а оставшимся одним процентом завладел высокий элегантный бостонец Роберт Мартин Джаффи.

Боб Джаффи был человек светский, лощеный и одевался всегда по моде с легким налетом дендизма. Карьеру на Уолл-стрит он начал в 1969 году в E. F. Hutton & Company, а в 1980-м перешел в Cowen & Company, где несколько лет проработал бок о бок с Маршей Кон. Важнее то, что он был женат на Эллен Шапиро, дочери одного из старейших и богатейших клиентов Мэдоффа, мультимиллионера Карла Шапиро. В Бостоне ходили слухи, что именно Шапиро представил Джаффи его первому клиенту. Вероятно, и Мэдофф отломил ему кусочек Cohmad, чтобы сделать широкий жест и поддержать зятя старого доброго друга.

В 1989 году сорокапятилетний Боб Джаффи открыл офис Cohmad в Бостоне, где семейство Шапиро занимало видное положение в местных светских и филантропических кругах. Джаффи был разборчив, но не проницателен. «Он из тех, кто определяет лучшие рестораны по клиентуре», а не по меню,

говорил один из его деловых знакомых.

Через несколько месяцев после открытия нового офиса регуляторы шлепнули Cohmad по рукам за нелицензированную деятельность в Массачусетсе. Сонни Кон пообещал впредь тщательнее наблюдать за своими представителями.

Это наводит на мысль о том, что Cohmad как брокерская фирма не слишком педантично соблюдала правила, в ней угадывается отблеск того менее жестко регулируемого климата, в котором взрослел Сонни, – времени, когда инсайдерская торговля еще не считалась преступлением, требование раскрыть информацию было скорее исключением, а регулирующие органы не особенно пеклись о внебиржевом рынке ценных бумаг.

Бóльшую часть делопроизводства Cohmad выполнял персонал Мэдоффа. Неясно, кто обеспечивал соблюдение сложного законодательства о ценных бумагах, как на уровне штата, так и на федеральном уровне, – неочевидно, что кто-то заботился об этом, хотя на судебных процессах прозвучит утверждение, что это входило в обязанности Шейны, дочери Питера Мэдоффа. Связи между Cohmad и главной фирмой Мэдоффа со временем утратили четкость, а местами совсем стерлись. Cohmad обрабатывала очень небольшое число ордеров для фирмы Мэдоффа и имела несколько сотен клиентов с обычными брокерскими счетами. Но основным занятием брокеров Cohmad стало представление Берни Мэдоффу тех, кто страстно желал этого знакомства.

Этим жаждущим Cohmad открывала доступ к инвестиционному гению, о котором уже шептались в кругах богачей: он был «тот самый», кому доверили деньги Карл Шапиро и Норман Леви и кому другие богатые члены загородных клубов и участники благотворительных обедов тоже мечтали доверить свои деньги. Вскоре вознаграждение, получаемое брокерами за поставки новых инвесторов Мэдоффу, стало для Cohmad основным источником дохода – факт, о котором умалчивалось в отчетах Cohmad и которого не замечали регуляторы.

Компенсационная схема выглядела странно. Комиссионные каждому брокеру рассчитывались из того, сколько денег инвестор первоначально передавал в управление Мэдоффу, а не из баланса клиентского счета в последующие месяцы и годы. Как только инвестор изымал первоначально инвестированную сумму, комиссионные прекращались, даже если клиентский счет показывал на бумаге миллионные прибыли. Регуляторы впоследствии укажут на эту «пирамидную» бухгалтерию как на доказательство того, что Cohmad замешана в афере Мэдоффа. Но Конам удастся убедить суд, что такая схема свидетельствует

только об одном: они не управляли деньгами и, следовательно, не получали отчислений от тех прибылей, которые, по-видимому, зарабатывал Мэдофф.

Ко времени основания Cohmad стратегия зарабатывания Берни Мэдоффом прибылей изменилась. Сдвиг начался в 1980 году, когда крупнейшие клиенты нажали на него (в его изложении), с тем чтобы он «предложил им иную форму трейдинга, который обеспечивал бы долгосрочную прибыль на капитал, а не краткосрочную арбитражную прибыль». Налоговые укрытия 1970-х трещали по швам, ставки подоходного налога казались непомерно высокими, и богатейшие клиенты желали снизить налоговые выплаты. Мэдофф, по его словам, предложил им новую стратегию – «диверсифицированный портфель ценных бумаг, при необходимости хеджированный» различными видами коротких продаж.

В письме из тюрьмы Мэдофф настаивал, что он предупреждал клиентов: для получения налоговой скидки на доходы с капитала акции придется держать достаточно долго и, «что еще важнее, фондовый рынок за время хранения акций должен вырасти, а это, разумеется, особенно трудно предвидеть». И все же, по его словам, «такую стратегию выбрали многие богатые клиенты – семьи Леви, Пикауэр, Чейз и Шапиро».

К этому моменту Мэдофф «по поручению одного французского банка занимался хеджированным портфелем». И он решил, что «французские институциональные клиенты будут превосходными контрагентами для этой стратегии. Я уже работал с ними как с контрагентами по нескольким арбитражным сделкам».

Что из этого правда? То, что к этому времени Мэдофф завязал деловые отношения с высококлассной французской фирмой Banque Privée de Gestion Financière, или BPGF, разумеется, верно. Один из служащих этого банка, Жан-Мишель Седиль, познакомился с Мэдоффом через их общего знакомого Альбера Игуэна. По утверждению Мэдоффа, ему предложили долю в банке, которую он позднее, когда банк был поглощен более крупным французским учреждением, продал с весомой прибылью. Поскольку банковские документы давно исчезли, а Игуэн и Седиль покойники, эту часть повести Мэдоффа почти невозможно проверить, но он определенно был связан с этим французским банком: на момент его ареста в компьютерных файлах значился прежний телефонный номер банка. И среди его клиентов были французы с давно открытыми счетами, которые в документах суда по банкротству фигурировали как жертвы.

Были и такие, кто хотел использовать открытый у него счет,

чтобы уйти от высоких французских налогов и валютного контроля, введенных после победы на выборах 1981 года социалистов во главе с Франсуа Миттераном. «Все во Франции были встревожены из-за Миттерана, – пояснял он в одном из тюремных интервью. – Он взялся национализировать банки, и люди боялись, что им устроят коммунизм… Французские франки вывозить за границу было нельзя, оставался единственный способ застраховать валюту – покупать американские ценные бумаги». Французская валюта обесценивалась, и клиенты Мэдоффа хотели перевести свои богатства в доллары США. Он им помог.

Некоторым из этих французских клиентов пришлось потом разбираться с налоговыми ведомствами в США и во Франции. Но в те времена Мэдофф заслужил их благодарность – и приобрел клиентуру, которая была заинтересована не столько в том, чтобы идти в ногу с рынком, сколько в том, чтобы просто держать деньги в долларах. С точки зрения Мэдоффа, это делало их идеальными «контрагентами» для новой стратегии, разработанной им для своих жадных до прибыли, увертывающихся от налогов американских инвесторов.

Вскоре после основания в 1985 году фирмы Cohmad Мэдофф стал рассказывать многим своим инвесторам, что он меняет подход к инвестированию их счетов с классического безрискового арбитража на сложную стратегию, которую, по его утверждениям, он и использовал все двадцать лет, пока не рухнула его финансовая пирамида.

По сравнению с этим подходом даже самые сложные арбитражные сделки выглядят элементарными. Некоторые опционные трейдеры именуют его новую стратегию «бычьим спредом». Мэдофф предпочитал называть ее «конверсией с разделением страйка» (страйк – зафиксированная в контракте цена исполнения опциона).

В своей легальной форме стратегия была вдохновлена инновациями в торговле опционами, начало которым было положено на финансовых рынках Чикаго в 1970-х годах. Биржевой опцион – это контракт, который предоставляет покупателю право продать или купить определенные акции по определенной цене в определенный период времени. Если зафиксированная в контракте цена исполнения опциона (страйк) ниже текущей рыночной цены акций, это дает спекулянтам преимущество в игре на повышение: опцион, который позволяет купить пакет по цене 10 долларов за акцию, существенно выигрывает, если цена вырастает до 20 долларов за акцию до истечения срока действия опциона. Можно исполнить опцион, купив акции за 10 долларов и тут же продав их по двойной цене.

Если же акции падают ниже первоначальной цены, опцион позволяет продать их по 10 долларов за акцию, зафиксировав некоторую прибыль. Осмотрительные инвесторы применяют опционы для хеджирования (страхования) инвестиций в случае неблагоприятного движения цен.

Опционы на отдельные виды акций начали свободно торговаться на организованных биржах в 1970-х годах, но за несколько лет были разработаны новые опционные инструменты, которые покрывали уже целые портфели бумаг, таких как акции индекса Standard & Poor's 500 (S&P 500). Но концепция оставалась все той же: опционы обеспечивали более дешевый путь к прибыли, если индекс шел вверх, и могли смягчить потери, если индекс шел вниз.

Новая стратегия Мэдоффа состояла в приобретении обширного портфеля бумаг – достаточно обширного, чтобы идти в ногу с общим рынком голубых фишек, – а для его хеджирования (страхования) в случае падения цен использовать опционы. Покупка опционов немного уменьшала его прибыли, но опционы уменьшали его возможные убытки. Стратегия требовала стабильного, ликвидного рынка опционов, используемых для хеджирования портфеля, но, поскольку опционный трейдинг в 1980-е становился все более популярным, это не представлялось серьезным препятствием.

Такой подход к инвестициям, как и арбитражные стратегии, считался вполне оправданным на Уолл-стрит. В декабре 1977 года в Цинциннати был учрежден открытый взаимный фонд под названием Gateway, который следовал примерно той же стратегии. На первых порах он демонстрировал весьма впечатляющие, но и весьма неустойчивые результаты. Между 1977 годом и периодом, когда Мэдофф выбрал сходную инвест-стратегию, его месячная отдача резко колебалась от 7,7 % потерь в октябре 1978 года до 7,5 % прибыли в августе 1982 года. Начиная с 1983-го годовая прибыль фонда была гигантской, несмотря на все колебания. В начале 1980-х она иногда превышала 20 %. Неудивительно, что Мэдофф увидел в этой стратегии ключ к успеху: если бы он добился сопоставимой доходности, его инвесторы были бы на седьмом небе от счастья.

К сожалению, фонд Gateway оставался слишком небольшим и незаметным, чтобы привлечь внимание инвесторов Мэдоффа, иначе они, возможно, обратили бы внимание на одну странность: при одной и той же инвестиционной стратегии у Мэдоффа результаты несравнимо стабильнее.

Шесть лет спустя Сонни Кон, объясняя суть новой стратегии в письме перспективному клиенту, назвал ее «упрощенной и, что

самое важное, очень консервативной». После ареста Мэдоффа адвокаты Кона настаивали, что их подзащитный искренне верил: Мэдофф следовал консервативной стратегии, и стабильность результатов только доказывала, что он мастерски ею владеет. В конце концов, если читатель простит невольный каламбур, разве Кон не поставил на кон свою фирму, бóльшую часть состояния, будущую карьеру дочери и свою многолетнюю репутацию на Уолл-стрит? И все потому, что безгранично верил своему старому другу Берни Мэдоффу.

Середина 1980-х годов ознаменовалась не только сменой практикуемой Мэдоффом инвестиционной стратегии, но и переменами в деятельности его старых инвесторов-«гарантов» Фрэнка Авеллино и Майкла Бинса, унаследовавших бухгалтерскую практику Сола Альперна и небольшую команду инвесторов Мэдоффа из числа «друзей и семьи».

К 1983 году интерес Авеллино и Бинса к бухгалтерскому бизнесу увял после жарких баталий в зале суда, вызванных результатами аудитов, которые они проводили в конце 1970-х для небольшой манхэттенской компании – импортера кожи. Рассмотрение апелляций тянулось вплоть до 1984 года, и, хотя партнеры-бухгалтеры неизменно выигрывали, Бинс жаловался, что судебная тяжба обернулась грандиозной тратой денег и сил.

К тому же Фрэнк Авеллино изрядно выдохся. Он страдал от высокого кровяного давления и проблем с сердцем и балансировать между судами и бухгалтерской текучкой был просто не в состоянии, так что в 1983 году они с Бинсом решили закрыть бухгалтерскую практику и полностью посвятить себя операциям с Мэдоффом, полагая (если верить Бинсу), что они единственные открывают индивидуальным инвесторам дорогу к гению прибыльности – Берни Мэдоффу.

Вскоре они вышли далеко за пределы круга «друзей и семьи» Сола Альперна, ограниченного менее чем сотней относительно скромных счетов. Теперь клиентов у них было больше тысячи, а остатки средств на счетах приближались к ста миллионам долларов.

Среди этих многочисленных инвесторов были тайные кустари-вербовщики, или, если угодно, субподрядчики, – старые инвесторы, помаленьку подхалтуривавшие на своем благословенном знакомстве с Авеллино и Бинсом. Они принимали деньги от своих собственных «семей и друзей», собирали их в единый пакет (пул) и с помощью Авеллино и Бинса их инвестировали. Затем эти субподрядчики соответственно взносам делили прибыли, из которых, вероятно, вычитали понемногу за свои услуги. Мы никогда не узнаем, сколько

человек стали негласными субподрядчиками бухгалтерской фирмы, но, несомненно, их число было значительным. Благодаря своим связям с Мэдоффом некоторые из них даже учредили собственные бизнесы по финансовым консультациям.

Фрэнка Авеллино и Майкла Бинса все это ничуть не беспокоило. Благодаря долгому сотрудничеству с Мэдоффом они преуспели, как не могли и мечтать. Они покупали престижные дома, почувствовали вкус к дорогостоящим увлечениям вроде коллекционирования предметов искусства и пользовались уважением и почетом в обществе как щедрые покровителями благотворительности и культуры.

Но в делопроизводстве они отличались все той же небрежностью. Записи по счетам и обработку запросов по-прежнему вели четыре их нью-йоркских сотрудника, и обычно папка с делом клиента состояла из трех-четырех листочков бумаги, и только. Партнеры собирали поступающие к ним чеки, отсылали деньги Мэдоффу и по запросу клиентов снимали деньги с инвесторских счетов. Ежемесячно они получали из фирмы Мэдоффа выписки со счетов. Ежеквартально – компьютерную распечатку из компании по обработке данных со списком всех инвесторов и с указанием, кому сколько причитается. Вот и все. Ни дополнительных накладных расходов, ни сложностей, ни канцелярщины.

Что ж, по крайней мере в этом Авеллино и Бинс были заодно с общим духом рынка и политикой регуляторов в 1980-е годы.

Страна еще не до конца оправилась от шишек и потрясений предыдущего десятилетия: падение фондового рынка, взмывшие до небес цены на бензин и манипулирование ценами на серебро, опасный уровень инфляции и медленный рост занятости – все это было свежо в памяти, когда в январе 1981 года в должность вступил президент Рональд Рейган, полный оптимистичной решимости покончить с непомерно затянувшимся, по его мнению, вмешательством государства в экономику.

Его страсть к дерегулированию больно ударит по главному фондовому регулятору – Комиссии по ценным бумагам, с ее жестким требованием ко всем участникам рынка неукоснительно соблюдать правила. Все расширяющееся наступление философии дерегуляции, помноженное на слабое руководство и недофинансирование, в конечном счете сделает некогда уважаемую Комиссию слишком робкой и зашоренной, чтобы справиться с опасным пожаром мошенничеств, разгоревшимся в последующие двадцать пять лет, в том числе и с губительным огненным смерчем по имени Берни Мэдофф.

В 1970-х годах, после нескольких десятилетий почти полного

бездействия, Комиссия опомнилась и всерьез принялась за радикальные перемены в опекаемой отрасли – от опционного трейдинга до инсайдерского. Конгресс, молчаливо признав, что в течение десяти лет держал Комиссию на голодном пайке, наконец начал выделять ей почти адекватный бюджет. К концу 1970-х Комиссия усилила надзор над разрастающейся отраслью открытых взаимных фондов, настояла на более жестком надзоре над брокерами и разработала новые нормы регулирования враждебных поглощений. Ее работа была перспективной, захватывающей, и множество умных честолюбивых юристов мечтали стать ее сотрудниками.

Кое-кто из самых умных и самых честолюбивых мечтал работать под началом легендарного директора отдела правоприменения Стенли Споркина, который прослужил в Комиссии двадцать лет и для которого служба вовсе не была ступенькой к доходному партнерству в юридической фирме. Молодые сотрудники-юристы почитали за счастье работать с ним и благодарили судьбу, если им выпадала удача вести одно из самых сложных, связанных с инновациями дел, которые привлекали его внимание.

В 1981 году президент Рейган вывел Споркина из Комиссии и назначил новым председателем Комиссии Джона Шэда, ветерана Уолл-стрит. Шэд оказался не таким покладистым, как надеялись поборники дерегулирования, и противился резким сокращениям бюджета, которых потребовала новая администрация. Но хотя Шэд и знал, что на Уолл-стрит попадаются нечистые на руку игроки, все же твердо верил в то, что «по большому счету это честное место» и фондовый рынок вполне способен поддерживать порядок своими силами.

Это было, очевидно, не так. Финансируемые отраслью сторожевые псы Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг NASD, то есть регуляторы низшего звена, осуществляющие контроль над такими брокерами, как Берни Мэдофф, звезд с неба не хватали. Принятие в 1975 году поправок к закону о ценных бумагах было вызвано отчасти и именно тем, что, по общему мнению Конгресса, NASD не справляется с регулированием. Однако укрепить кадры NASD или принудить ее заниматься надзором с удвоенным рвением Конгресс не мог, и Ассоциация дилеров так и осталась для Комиссии помощником скорее номинальным.

Итогом пребывания Шэда в должности стала «комиссия компетентная, но осмотрительная». А умные и честолюбивые сотрудники-юристы, которые стремились к чему-то большему чем просто компетентность и осмотрительность, либо мало-помалу умерили свои амбиции, либо уволились. Не пройдет и десяти лет,

как Мэдофф запустит свою гигантскую финансовую пирамиду, и отсутствие подобных юристов будет ему только на руку.

В первые годы президентства Рейгана Берни Мэдоффу, по-видимому, сопутствовала удача. «Бычий» рынок, зародившийся в августе 1982 года, погнал биржевые индексы в гору, и вместе с ними пошли вверх прибыли его фирмы. Правда, хлопот тоже прибавилось. Уолл-стрит ничего не имела против растущей волатильности, в отличие от инвесторов, которые один за другим уходили с волатильного рынка к Мэдоффу, обещавшему им стабильный доход. Хотя документально подтвердить прибыль за те годы не представляется возможным, многие давние инвесторы Мэдоффа с ностальгической теплотой вспоминают отрадное постоянство своих тогдашних доходов. Пусть они зарабатывали на крутом «бычьем» тренде не столько, сколько иные инвесторы, зато и не катались на «американских горках».

Ближе к середине 1980-х брокерская фирма Мэдоффа отчиталась о чистом собственном капитале в более чем 18 млн долларов по сравнению с 5,4 млн долларов всего двумя годами ранее. Капитальные резервы за тот же период более чем удвоились и составили 7,5 млн долларов, благодаря чему в 1985 году фирма попала в список ста ведущих компаний Ассоциации индустрии ценных бумаг. В тот же год Мэдофф был избран на первый из четырех подряд сроков в Совет управляющих NASD, и это тоже было замечательным достижением. Кроме того, он вошел в международный комитет Совета, являясь одним из немногих представителей малого бизнеса, имеющих филиал за границей. Судя по всему, он ценил престиж. В международном комитете он прослужил в общей сложности пять сроков. К его мнению прислушивались, даже когда дело касалось вопросов, которые считаются исключительной прерогативой крупных брокерских домов.

К этому времени «бычий» рынок немного остыл, но, по мере того как в стране ширилась уверенность в долгосрочности вашингтонской программы снижения налогов и дерегулирования, рынок вновь пошел в рост. Объемы торгов на электронном рынке NASDAQ, где фирма Мэдоффа стала заметным маркетмейкером, готовым в любой момент продать или купить сотни наименований бумаг – тем самым поддерживая ликвидность рынка этих акций, – взлетели до небес. Электронная биржа NASDAQ, созданию которой многие на Уолл-стрит когда-то противились, за минувшее десятилетие прекрасно себя зарекомендовала, привлекая все больше и больше активных трейдеров, компаний и клиентских ордеров.

В ознаменование успеха Мэдофф вознаградил себя

освященным традицией манхэттенским трофеем – роскошной недвижимостью. В 1984 году Мэдоффы купили двухэтажный пентхаус в классическом довоенном многоквартирном доме на углу Восточной Шестьдесят четвертой улицы и Лексингтон-авеню. Дом в неоклассическом стиле, хоть и расположенный не в исторически элитном анклаве вроде Пятой авеню или Саттон-Плейс, построен в конце 1920-х годов и обладает неброской солидностью. По слухам, пентхаус декорировал Анджело Донгиа, известный манхэттенский дизайнер интерьеров; среди его клиентов числились такие известные личности, как Дональд Трамп, Барбара Уолтерс и Ральф Лорен. Рут Мэдофф обновила кое-что по мелочи – переделала по своему вкусу гардеробные и пристроила оранжерею, соединившую просторную кухню с широкой опоясывающей террасой. Это была шикарная, со вкусом обставленная, удобная квартира, и для Мэдоффов, бывших жителей Лорелтона (Квинс) и Рослина (Лонг-Айленд), она означала большой шаг наверх.

Еще через пару лет фирма Мэдоффа обрела собственный престижный адрес, переехав в 1987 году в «Помаду». Это переселение было отчасти организовано молодым сотрудником по имени Фрэнк Дипаскали и стало первым из многочисленных (и, как покажет история, пагубных) заданий, которые он выполнял для своего босса в последующие два десятилетия.

Дипаскали крутился в фирме Мэдоффа уже лет десять. Он поступил на работу в 1975 году прямо со школьной скамьи по рекомендации Аннет Бонджорно, проделавшей путь от секретаря приемной до одной из ключевых фигур отдела расчетов – она занималась счетами некоторых важнейших его клиентов. В свое время она тоже устроилась на работу к Мэдоффу сразу после окончания школы. Бонджорно, знавшая Дипаскали по-соседски, замолвила за него словечко начальнику операционного отдела Дэниелу Бонавентре.

Для начала Дипаскали определили в референты Питера Мэдоффа. Потом он, по его словам, работал опционным трейдером, но до 1986 года соответствующей лицензии у него не было. В основном он был на подхвате у Берни Мэдоффа, которого чем дальше, тем больше уважал как мудрого учителя и наставника. В частности, Мэдофф поручил Дипаскали контроль за установкой технологической платформы в новых офисах «Помады», и тот, похоже, справился как нельзя лучше.

Чтобы доподлинно знать, какие еще поручения Мэдоффа выполнял Дипаскали в этот переходный период, нам нужно было бы знать, когда именно началась афера. Реально возможным представляется интервал с середины до конца 1980-х. Так или

иначе, ясно одно: Дипаскали был прикован к Мэдоффу узами безоговорочной преданности и, по его собственному признанию, такому отношению немало способствовало то, что ему доверили возглавить переезд в новый офис.

В те же годы Мэдофф развивал связи со многими крупными фирмами Уолл-стрит, с открытыми взаимными фондами и другими финансовыми структурами. Неуклонно росла доля обрабатываемых им ордеров профессиональных инвесторов, особенно ордеров на бумаги, торговавшиеся на Нью-Йоркской фондовой бирже, то есть внебиржевая торговля на так называемом «третьем рынке», развивать которую так прозорливо предложил ему Питер. Чистый капитал фирмы Мэдоффа вырос с 18 млн долларов в 1985 году до почти 60 млн долларов к концу десятилетия, а ее капитальные резервы за тот же период увеличились с менее чем 8 млн долларов до 43 с лишним миллионов долларов. Выход Мэдоффа на финансовый рынок Лондона тоже приносил свои плоды. Многие заграничные биржевые котировки росли так, что по сравнению с ними отечественные голубые фишки выглядели вяло, и для финансовой прессы Берни Мэдофф стал самым компетентным комментатором по международным вопросам.

В 1986 году Мэдоффа включили в список ста самых высокооплачиваемых руководителей Уолл-стрит журнала Financial World. По сведениям этого издания, в предшествующий год он заработал 6 млн долларов. «Основанная 26 лет назад и находящаяся в единоличной собственности Мэдоффа компания занимается брокерскими услугами, венчурным капиталом и арбитражем, – сообщал журнал. – Мало известный за пределами инвестиционных банковских кругов, 48-летний Мэдофф не ищет внимания общества».

Если широкая публика все еще считала Мэдоффа малоизвестным, его влияние в финансовых кругах выросло несоразмерно относительно скромных масштабов семейной фирмы, пусть и стремительно набирающей обороты. Статус семейной фирмы был дополнительно упрочен, когда в фирму к отцу пришел старший сын Берни, Марк Мэдофф, получивший в 1986 году диплом по экономике Мичиганского университета. К июню 1987 года Марк был уже лицензированным брокером Bernard L. Madoff Investment Securities – фирмы, которую он не без оснований мог надеяться однажды унаследовать. Через два года его брат Эндрю, только что закончивший Уортонскую бизнес-школу Университета Пенсильвании, тоже получил лицензию и включился в семейный бизнес.

Вскоре Марк Мэдофф пришел к мысли, что 1987 год – самое

время начать карьеру в индустрии ценных бумаг. Когда летом он получил лицензию, маркетмейкеры фирмы пытались приспособиться к новым реалиям. Акции Большого табло – те самые, которыми торговали трейдеры «третьего рынка» в фирме Мэдоффа, – внезапно подхватило волной корпоративных покупок и продаж. Заказы-ордера автоматически генерировались компьютерными программами, применяющими сложные стратегии хеджирования, – еще более сложные, чем его знаменитая стратегия «конверсии с разделением страйка». Между январем и июлем 1987 года рынок пошел вверх чуть ли не вертикально: доход от бумаг S&P 500 всего за семь месяцев достиг 30 %. В оставшиеся летние месяцы произошел отскок (запоздалая коррекция, говорили аналитики), но начальный рывок все же позволил свести первые девять месяцев года с прибылью.

А потом пришел «черный понедельник», 19 октября 1987 года, когда дно рынка просто провалилось. Запредельное число – 600 млн акций! – торговалось в тот день на Большом табло, и в это самое время промышленный индекс Доу-Джонса съехал на 508 пунктов, или на целых 22,6 %, причинив ущерб вдвое больший, чем худший день исторического краха 1929 года. Акции S&P 500 нырнули почти так же глубоко и так же молниеносно.

Индекс NASDAQ снизился лишь на половину этого максимума только потому, что текущий рынок NASDAQ рассыпался в прах. Отовсюду слышались жалобы, что телефоны брокеров внебиржевого рынка не отвечают. Внебиржевой рынок «лежал в руинах», в то время как бесчисленные клиентские ордера на продажу попросту не исполнялись. «Это усугубило смятение и панику на рынках», – заключила впоследствии Счетная палата США.

«Черный понедельник» стал днем, когда инвесторы узнали, что Национальная ассоциация дилеров ценных бумаг (NASD), в отличие от традиционных бирж, не требует от дилеров-маркетмейкеров фактически поддерживать непрерывный рынок внебиржевыми ценными бумагами, которыми они торгуют. Небольшие маркетмейкеры теряли огромные суммы и не могли продолжать покупать акции, которые они сумели бы продать не иначе как в убыток, если бы вообще сумели. И они побрели на скамейки запасных. Правила NASD позволяли им прекратить трейдинг, альтернативой для многих было банкротство.

Но главную тревогу внушало то, что технологии компьютерного трейдинга, которые преподносились как облик будущего, оказались совершенно несостоятельными перед лицом чрезвычайных задач этого необычного дня. Трейдеры опасались,

что котировки ценных бумаг, отображаемые на компьютерных экранах, недостоверны и устарели, и опасались они не напрасно. Торговать вслепую отказывались даже крупные фирмы, и к следующему дню внебиржевой рынок был сметен той же бурей, которая в «черный понедельник» ударила и по традиционным биржам. Ошеломленный ущербом, один из руководителей NASDAQ в интервью изданию The Wall Street Journal признался: «Мы напуганы. Разумеется, мы напуганы! Ситуация на рынке просто неописуемая, потери громадные, сущий кошмар». Казалось, что широко разрекламированный рынок будущего – тот самый, на котором создал репутацию Берни Мэдофф, – вопреки ожиданиям с треском провалился.

Фирма Мэдоффа, торгуя как оптовик для крупных институциональных клиентов, была защищена от цунами панических ордеров индивидуальных инвесторов на экстренную продажу. Она пережила бурю благодаря компьютерным сетям, с немыслимой скоростью обрабатывавшим огромные объемы информации. Друг и партнер Мэдоффа в Миннеаполисе Майк Энглер скажет потом своему сыну, что фирма Мэдоффа в те черные дни фактически деньги *заработала* для себя и своих клиентов, умело используя возможности опционного трейдинга. И регуляторы похвалили фирму Мэдоффа за четкую работу во время «черного понедельника», когда столько маркетмейкеров выбыло из игры.

В действительности все выглядело иначе. Крах рынка сильно пошатнул уверенность нескольких крупнейших клиентов Мэдоффа. Те, кто, по его мнению, должны были оставить свои портфели в неприкосновенности, а свое богатство – в его руках, такие, как Карл Шапиро и Джеффри Пикауэр, вдруг кинулись обналичивать свои бумажные прибыли и изымать деньги. «Они переполошились, что сразу после 1987 года все их доходы улетучатся», – объяснил Мэдофф в своем первом тюремном интервью.

Объем инвестиционных счетов в фирме, по оценке Мэдоффа, в период краха достигал 5 млрд долларов. Но бóльшая часть этого богатства была связана сложными стратегиями хеджирования, так что он не мог полностью выплатить наличные крупным американским клиентам без вывода средств своих французских партнеров, которые рассчитывали сохранить инвестиции в долларах США. Удовлетворив требования на изъятие, он рисковал бы потерять французские связи; не удовлетворив их, он потерял бы своих давних американских клиентов.

Эти самые давние инвесторы окончательно разнервничались

после «мини-краха», случившегося ровно через два года после краха 1987-го. Их требования на изъятие росли, и, хотя Мэдофф признавал, что «формально они имели на это право», он был взбешен. «Одним из условий моего соглашения с ними было то, что прибыли будут реинвестироваться, а не изыматься. И из всех клиентов только они одни не выполнили уговор. Они меня подставили, – сказал он в первом тюремном интервью, – бросили на произвол судьбы».

Гнев Мэдоффа несомненно указывает на то, что затянувшийся кризис наличности, который начался после краха 1987 года, был вполне реальным, даже если его объяснение скорее вызывает вопросы, чем дает ответы. Его стратегия охватывала и голубые фишки; даже на шатких после краха рынках он смог бы ликвидировать портфель голубых фишек, пусть с потерями относительно стоимости бумаг до краха. Фонд Gateway в результате краха 1987 года тоже понес потери, но между октябрем 1988 года и концом 1992-го его отчеты показали всего семь убыточных месяцев. Отчего Мэдофф не смог достичь тех же результатов при помощи той же стратегии? Уж не лгал ли он своим клиентам о хеджировании их счетов против потерь? Или, как он намекал в последующем письме, он вел со своими крупными клиентами переговоры о другом инвестиционном «договоре», не имеющем ничего общего со стратегией «разделения страйка», которую он якобы использовал?

Мэдофф признал, что в 1980-е годы он активно готовился наращивать объемы сложных «синтетических» сделок, чтобы помочь своим самым крупным клиентам (в том числе Норману Леви и Джеффри Пикауэру) уклониться от налога на прибыли от краткосрочных ценных бумаг. Он не вдавался в подробности этих транзакций, только упомянул, что они совершались в надежде на ежегодное продление с реинвестированием. До 1997 года такие сделки для минимизации налогов не были запрещены, но, как позднее нехотя признал Мэдофф, они балансировали на грани закона. «Нет, никакого мошенничества… но схемы становились все сложнее. В худшем случае, сделки были в серой зоне», – говорил он.

Было ли труднее вернуть эти сложные, уводящие от налогов сделки в исходное состояние без колоссальных потерь? Или Мэдофф просто гарантировал старым друзьям, что они не понесут потерь, если останутся с ним, – гарантировал в расчете, что в конце концов сумеет вывернуться, если они сохранят свои инвестиционные позиции и не станут изымать прибыли? Мэдофф никогда не давал прямого ответа на эти вопросы, но о последствиях этого кризиса он говорил не таясь.

«Я и сам не заметил, как образовалась задолженность в несколько миллиардов долларов», – признал он в своем первом тюремном интервью. Это случилось не вдруг. Все началось, по крайней мере, в 1988 году, и, чтобы к 1992 году достичь такого уровня задолженности, он должен был оперировать гигантскими суммами.

Понятно, что сложные портфели и затруднения с наличностью должны означать, что схема начинает принимать очертания пирамиды, даром что Мэдофф настаивал, будто его афера тогда еще не родилась и что в те годы на счетах некоторых его самых привилегированных старых клиентов зафиксировано по меньшей мере несколько сделок.

Это, конечно, рассказ «по версии Мэдоффа» – по версии, возможно, наименее достоверного в истории источника. Как знать, может быть, он и правда задолго до 1987 года уже «крал у Петра, чтобы заплатить Павлу»: обворовывал счета Avellino & Bienes, например, чтобы заплатить Чейзу и Пикауэру, Леви и Шапиро. Он упорно отрицал это, и в открытой отчетности до сих пор не нашлось свидетельств противоположного. Однако он не отрицал, что ростки пирамиды проросли из острой потребности в наличности, с которой он столкнулся после краха 1987 года, и, даже если афера была уже запущена, нежданные изъятия после краха приперли бы его к стене.

Возможно, за закрытыми дверями Берни Мэдофф и бился в отчаянии, но для внешнего мира он возник из краха как яркая звезда внебиржевого рынка. До сих пор он был членом Совета управляющих NASD, а теперь стал влиятельным лидером восстановления в последующие три года рынка NASDAQ.

Помимо убытков от биржевого краха, рынок NASDAQ боролся еще и с нарушениями дисциплины в NASD – нерешительная Комиссия под водительством Джона Шэда так и не сумела положить этому конец. К огорчению регуляторов и гневу клиентов, наказания за нарушения были мягкими и запоздалыми. Молодой рынок при всем своем технологическом блеске был еще подростком, строптивым и принимающим в штыки любое усиление надзора. Тут впору задаться вопросом: если Мэдофф не понаслышке знал о всех слабостях NASD в качестве внебиржевого регулятора, ему могло прийти в голову, что афера будет сходить ему с рук достаточно долго, чтобы придумать выход из понесенных убытков.

Примерно в это же время Мэдофф вкладывался в оборудование и программное обеспечение фирмы, с тем чтобы быстрее обрабатывать автоматические заказы и опережать конкурентов. В 1983 году Питер провел внедрение нового

специального программного обеспечения для внутренней автоматизированной системы заказов. Завершенная после краха 1987 года, эта система установила новый стандарт скорости обработки клиентских заказов.

После краха Мэдофф продолжил инвестиции в фондовую биржу Цинциннати (опять-таки удивительно высокие для его фирмы издержки!), которые помогли почтенной региональной бирже перейти на электронный способ ведения бизнеса.

Когда NASD в конце десятилетия ввел «предрассветный трейдинг», то есть перенес начало торгов на внебиржевом рынке на 4 часа утра по времени Восточного побережья, фирма Мэдоффа (и некоторые другие) как будто только того и ждала: у них уже был набран персонал, необходимый для торговых операций после завершения рабочего дня – в вечерние и ночные часы.

В 1990 году Берни Мэдофф, еще больше повысив свою и без того высокую репутацию в отрасли и у регуляторов, стал председателем NASDAQ. Работа в комитетах и инициативы его собственной фирмы на технологическом передовом рубеже имели больше практического значения для формирования NASDAQ, чем три срока председательства – каждый длиной в год, – зато высокая должность была замечательной трибуной. Трибуна понадобится ему в битве, с которой у многих ветеранов биржевого сообщества всегда будет связано имя Берни Мэдоффа, – в битве за внедренную им в 1988 году практику платить несколько центов за акцию розничным брокерским фирмам, чтобы те направляли ему заказы своих клиентов.

Эти центы он называл «отчислениями за поток заказов» и «комиссионными». Биржи, которые традиционно принимали такие заказы, в основном Нью-Йоркская фондовая биржа, назвали эти выплаты «чистой воды взяточничеством» и «откатами». Они отчаянно боролись за объявление такой практики незаконной, но в конце концов проиграли битву с регуляторами после того, как было установлено, что ордера фирм, получавших от Берни свои «центы», исполнялись быстрее и дешевле, чем на Большом табло. К началу 1990-х годов более 5 % всех сделок с акциями, котирующимися на Большом табло, будут фактически осуществляться в компьютерах Берни Мэдоффа. В одном научном исследовании рынка отмечалось, что «хотя, строго говоря, фирма Мэдоффа не является фондовой биржей, она де-факто функционирует как суррогат Нью-Йоркской фондовой биржи».

Деятельность Мэдоффа по оплате потока заказов создала ему много врагов среди могущественных людей Уолл-стрит, у которых имелся доступ к внутренним источникам информации о

нем и его фирме. Похоже, никто из этих недружественных и высокопоставленных противников не нашел никакого следа скрытой пирамиды, – найдя таковые, они бы, разумеется, воспользовались этим, чтобы дискредитировать и уничтожить его в ожесточенной битве вокруг его практики «комиссионных».
Однако то, что они ничего не нашли, еще не значит, что афера тогда не началась. Это может просто-напросто означать, что Мэдофф заложил первые камни своей пирамиды на менее всего заметном и менее всего регулируемом поле финансового ландшафта – в офшорных хедж-фондах.

К концу 1980-х годов Мэдофф играл заметную роль в обществе, что укрепляло его репутацию в среде щедрых филантропов и благотворительных учреждений, многие из которых станут его клиентами и в конечном счете жертвами.

На бумаге все его крупные клиенты, казалось, неуклонно богатели, и только Мэдофф знал, насколько шатко его финансовое положение. Согласно одному из распространенных индикаторов, между рождением «бычьего» рынка в августе 1982 года и концом 1989 года фондовый рынок шел вверх на семнадцать и более процентов в год. А в кругах, в которых он теперь вращался, богачам полагалось быть щедрыми. Поэтому и Мэдофф тоже стал активно заниматься благотворительностью, жертвуя любимым либо желаемым клиентам на приюты для животных, покупая билеты на «правильные» благотворительные обеды и встречаясь с «правильными» людьми.

На Манхэттене 1980-х годах в число «правильных» людей входил Говард Сквадрон, видный нью-йоркский адвокат, участвовавший в бесчисленных политических и культурных событиях, и именно он нечаянно стал одним из первых, кто направил влиятельные еврейские благотворительные учреждения под крыло Мэдоффа. Его отношения с Мэдоффом пойдут по образцу, с которым чем дальше, тем больше будут знакомиться юридические и бухгалтерские круги Нью-Йорка.

Сквадрон некогда считался вундеркиндом нью-йоркского юридического мира. В 1947 году, когда ему едва исполнилось 20 лет, он получил в Колумбийском университете сразу два диплома – по истории и праву. К его весьма острому уму добавилось множество полезных связей во влиятельных кругах. Два года он провел в качестве штатного юрисконсульта Американского еврейского конгресса, а позднее стал президентом этой организации. Американский еврейский конгресс был котлом, где варились богатые жертвователи еврейских благотворительных инициатив и учреждений, и именно там Сквадрон впервые повстречал Берни Мэдоффа.

Сквадрон, неутомимый участник множества советов по образованию и культуре, играл важную роль в спасении известного культурного учреждения New York City Center. Он почти четверть века был председателем совета этой организации и в какой-то момент заручился поддержкой Мэдоффа. Со временем клиентами Мэдоффа, доброго друга Сквадрона, станут влиятельные персоны Американского еврейского конгресса и New York City Center, а сам Мэдофф войдет в правление последнего, где его коллегами будут жена Сквадрона и член семьи Уилпонов, которому принадлежала бейсбольная команда New York Mets.

Когда в фирму Сквадрона пришла в качестве клиента медийная корпорация Руперта Мэрдока News Corporation, Говард Сквадрон стал очень богат. Значительную долю своего богатства он проинвестирует через Берни Мэдоффа и познакомит с Берни своих клиентов и друзей.

Юристы нескольких нью-йоркских фирм начали учреждать формальные партнерства, чтобы их клиенты могли инвестировать средства с помощью Мэдоффа. По той же схеме действовали такие видные бухгалтерские фирмы, как Konigsberg, Wolf & Co. и бухгалтерская фирма, обслуживавшая Стенли Чейза, – Halpern & Mantovani из Лос-Анджелеса. Обе фирмы открыли «перевалочные» счета, через которые их клиенты инвестировали в Мэдоффа опосредованно. Порталом для желающих инвестировать через Мэдоффа стала даже небольшая фирма Friehling & Horowitz, которая проводила аудиты в брокерской фирме Мэдоффа.

В дни «бычьего» рынка 1980-х бывший юрист Комиссии по ценным бумагам и биржам по имени Джеффри Такер решил уйти из юридической фирмы, которую он сам же и основал, и учредить с одним из своих клиентов фонд по торговле опционами. Этот клиент делил офис на Манхэттене, в Мидтауне, с представительным бывшим банкиром по имени Уолтер Ноэл-младший, который пытался построить собственный бизнес по управлению капиталом, полагаясь на обширные связи – свои собственные и жены-бразильянки. Ноэл рассудил, что новоявленный фонд Такера может оказаться перспективным для его собственных иностранных инвесторов. «Уолтер был весьма впечатлен их трейдингом, не только стратегиями, но и результатами», – вспоминал современник.

В 1989 году Такер расстался со своим прежним клиентом и стал работать исключительно с Ноэлом, чтобы окончательно сформировать новый фонд, названный Fairfield Greenwich. Примерно в то же время тесть Такера, удалившийся на покой текстильщик, посоветовал Такеру с Ноэлом приглядеться к его знакомому, блестящему инвестиционному менеджеру Берни

Мэдоффу.

Что же было в Мэдоффе такого, что заставляло всех этих умных и расчетливых людей доверять ему так много, так легко и так надолго? Несколько ключей к разгадке дают впечатления из личного опыта общения с Мэдоффом и из интервью с десятками людей, знавших его. Мэдофф, в отличие от других удачливых мошенников, не бил на эффект, не зарывался, не был утрированно «харизматичным». Он брал другим: еще не сказав ни слова, он, казалось, создавал незаметное, но мощное магнитное поле, которое притягивало к нему людей, как если бы он и точно был северным полюсом или тем, что в природе называется оком тайфуна, тихим прибежищем посреди бушующей стихии. Один его партнер назвал это «аурой». Подобно талантливому актеру, он притягивал внимание, просто ступая на сцену, просто входя в дверь.

Он не бравировал своей профессиональной компетентностью («у него словно было при себе кольцо-декодер», как выразился один бывший регулятор) и во времена, когда остальные дергались, метались и тряслись от страха, казался чарующе хладнокровным. Он внушал доверие и чувство безопасности. Еще один близкий сотрудник вспоминал улыбку Мэдоффа в течение первой недели после теракта 2001 года, когда что ни день в «Помаде» объявляли бомбовую тревогу: он всегда последним выходил из офиса, пропуская вперед на лестницу своих всполошенных подопечных. Подобно невозмутимому голосу пилота из кокпита или отцу, умеющему успокоить проснувшегося от кошмара ребенка, он каким-то образом давал понять, что все под контролем, что все будет хорошо. Его близкие знали, что он может быть сердитым, неуступчивым, придирчивым, резким и грубым, но даже тогда он держался с твердостью строгого, но справедливого сержанта, который никогда не паникует и не сдает позиций, который не дает спуску своим подчиненным, зато приводит всех живыми назад.

Какова бы ни была формула роковых чар Мэдоффа, его встреча с Такером и Ноэлом, должно быть, воодушевила их. В середине лета 1989 года они вложили в Мэдоффа 1,5 млн долларов, которые мобилизовали через структуру, позднее названную Fairfield International. Через полгода они вручили Мэдоффу еще миллион долларов. К ноябрю 1990 года они были готовы выводить на фондовый рынок свой новый четырехмиллионный фонд Fairfield Sentry и поделиться своим успехом со всем миром – как выяснилось, почти буквально «со всем миром».

Этот период вызывает самые острые вопросы об истоках

аферы Мэдоффа. Понятно, что после краха 1987 года его финансовое положение резко изменилось и давление обстоятельств могло вытолкнуть его из серых зон налоговых уверток и валютных утечек к полномасштабной финансовой пирамиде. Здесь не может быть абсолютной уверенности – не раньше чем его сообщники сами все расскажут или из-под завалов учета не извлекут новые документальные свидетельства его деловых операций. Но возможны разумные догадки, и они в конечном счете фокусируются на этих поворотных годах последней половины позолоченных восьмидесятых.

Для финансовой пирамиды имелись все условия. Помимо своей новой связи с Ноэлом и Такером, Мэдофф привлек внимание нескольких свежеиспеченных офшорных хедж-фондов. Все эти фонды, оседлавшие первую волну интереса к хедж-фондам, начали с того, что стали переводить ему большие и все разбухавшие суммы денег. Бизнес, перенятый Авеллино и Бинсом (у которых в 1960-х было, возможно, лишь несколько десятков клиентов и дела, по словам Мэдоффа, и к концу семидесятых шли «ни шатко ни валко»), после 1983 года сделал громадный рывок, принося в его руки еще больше денег. В то же время требования выплаты наличных от некоторых крупнейших клиентов после краха рынка 1987 года поставили Мэдоффа в очень напряженное положение с ликвидностью.

Этим крупным клиентам «принадлежит решающая роль в возникновении моих неприятностей», потому что они «не исполнили свою часть соглашения», писал он в электронном письме из тюрьмы. И продолжал: «Уверен, что вы спрашиваете: как я мог быть так доверчив? Наверное, я не хотел признаваться себе в том, что им нельзя доверять как близким друзьям».
Жалуясь на предательство близких друзей, он сам прекрасно понимает иронию ситуации. «Я не сомневаюсь, что некоторые из моих друзей задаются аналогичным вопросом: как я мог поступить с ними так, как поступил, – продолжает он. – Этому нет оправдания. Разница, наверное, в том, что я рассчитывал разобраться со своими проблемами, и в прошлом я столько заработал для них законным трейдингом. – И добавляет: – В любом случае это не меняет времени начала фиктивного трейдинга, которое я назвал».

Однако Мэдофф, по его собственному признанию, столкнулся с крупными и нежелательными требованиями выплат именно в тот момент, когда деньги потекли рекой. Эта временна́я привязка заставляет высказаться в пользу вывода о том, что пирамида Мэдоффа стартовала самое позднее в первые годы после краха 1987-го, чтобы деньгами новых инвесторов компенсировать

изъятия старых.

Позже он настаивал, что это неправда, что эти реки новой наличности не сподвигли его на обман – по крайней мере, вначале.

6. Во что всем хотелось верить

В начале 1990-х годов Берни Мэдофф управлял вполне законной и процветающей брокерской фирмой со штатом сотрудников 120 человек и прибылями, доходящими до 100 млн долларов в год. Доля его фирмы в общем дневном объеме торгов Большого табло составляла весомые 10 %, она проводила 385 000 сделок в месяц для крупных брокерских фирм Уолл-стрит и гигантских взаимных фондов. Как бы ни злил соперников его обычай выплачивать фирмам небольшие комиссионные за присылку клиентских заказов, научно доказано, что исполнял он никак не медленнее, чем другие брокеры, и по ценам не менее, а то и более выгодным для клиентов. Качество исполнения клиентских заказов впечатляло регуляторов и укрепляло репутацию фирмы. Его сыновья разворачивали небольшое подразделение для торговли облигациями, инвестируя прибыль на счет фирмы, а системы программного обеспечения их семейной фирмы считались едва ли не лучшими на Уолл-стрит.

Но регуляторам было невдомек, что куда более масштабный бизнес по управлению финансами он вел за закрытыми дверями. Эта тайная инвестиционно-консалтинговая деятельность, судя по всему, приносила его фирме немалый доход от комиссий, а инвесторам, объем средств на счетах которых уже превышал 8 млрд долларов, стабильные прибыли. В число клиентов входили такие частные инвесторы, как Норман Леви, Джеффри Пикауэр и Карл Шапиро; фидер-фонды наподобие тех, которыми управляли Стенли Чейз и Уолтер Ноэл; вербовщики вроде Майка Энглера и брокеров из Cohmad; и, конечно, легионы мелких инвесторов, чьи деньги оседали на крупных счетах с грифом «Avellino & Bienes».

Мэдофф становился все осторожнее и все тщательнее скрывал, насколько широкой и глубокой стала денежная река, непрерывно текущая в его консалтинговый бизнес. Он связал спонсоров донорских фондов обязательством помалкивать о том, кто на самом деле управляет их средствами. Частным клиентам он настоятельно рекомендовал не распространяться о подлинном объеме сотрудничества с ним – да и о самом сотрудничестве. Такие меры предосторожности отражают тот факт, что его стратегия «конверсии с разделением страйка», как и предшествовавшие ей арбитражные стратегии, столкнулась с жесткими ограничениями на объемы. За один раз торговалось лишь столько голубых фишек, сколько должно было быть в его портфеле, отчетность о количестве торгуемых акций была

ежедневной. На открытых площадках Чикаго торговалось лишь определенное число опционов, и отчетность об объемах этих торгов тоже была ежедневной.

Так что в рамках закона стратегию «конверсии с разделением страйка» *split-strike conversion* нельзя было наращивать до бесконечности. Чем сильнее рос Мэдофф, тем труднее было бы поверить подкованным инвесторам в то, что он зарабатывает честную прибыль. В какой-то момент опционный трейдинг на публичных и частных рынках просто не смог бы обеспечить хеджирование всего объема акций, которые ему требовалось покупать, и едва ли он смог бы покупать и продавать акции в нужном масштабе, не оказывая заметного всем влияния на колебания рынка.

Источником его славы непревзойденного управляющего инвестициями стало умение стабильно обеспечивать доходы, на которые рассчитывали инвесторы. Он с прибылью провел их сквозь все трудные времена – обвал рынка 1962 года, депрессию 1970-х и даже крах 1987 года и последующие судороги. Никто не знал, что в ранние годы он для пополнения клиентских счетов брал взаймы у Сола Альперна, и никто не знал о дефиците наличности из-за панических изъятий конца 1980-х. Зато все его клиенты твердо знали, что даже в нестабильные времена он зарабатывает им стабильные доходы, и все они хотели инвестировать через него все больше и больше денег.

Именно в этих обстоятельствах, уверяет он, и зародилась финансовая пирамида. До тех пор, пока большинство клиентов оставляло нетронутыми остатки на клиентских счетах, реинвестируя свою (предполагаемую) прибыль и практически не изымая вложенные средства, он вполне мог делать разовые выплаты из поступающих денег новых клиентов.

Это классический генезис финансовой пирамиды на Уолл-стрит. Фондовый менеджер испытывает нехватку наличности для покрытия некоторых расходов, или для того, чтобы умиротворить клиента, или чтобы расплатиться по обязательствам, и тогда он крадет немного денег с клиентских счетов. Довод всегда один: дескать, он сумеет вернуть украденное, прежде чем его уличат. Вероятно, время от времени так и происходит – это те пирамиды, о которых мы никогда не узнаем. Но, как правило, сумма украденного растет быстрее, чем честные прибыли, и мошенническая схема катится к своему верному краху.

По словам Мэдоффа, именно это с ним и произошло, хотя он оспаривает временну́ю привязку событий. Он попал в яму (возможно, еще до 1980-х годов, более вероятно – к середине 1980-х и вне всяких сомнений – к 1992 году) и просто не смог

выбраться. Его инвестиционно-консалтинговый бизнес стал бесконечной игрой в «музыкальные стулья». Единственный способ скрыть, что стульев для всех клиентов не хватит, – чтобы музыка играла как можно дольше.

Летом 1992 года музыка почти смолкла. В начале июня двое недоверчивых инвесторов послали в нью-йоркский офис Комиссии по ценным бумагам и биржам два документа, описывающих некую смутившую их инвестиционную схему. В одном содержалась подборка данных о фонде King Arthur Account. Двухстраничный документ описывал несомненно привлекательное инвестиционное предложение – «надежный фонд, выплачивающий высокий доход безо всякого риска для капитала». Вклад под 13,5 % годовых, выплачиваемых ежеквартально, для инвестиций от 2 млн долларов и выше – 14 %.

В недоверчивости двух потенциальных инвесторов нет ничего удивительного: эти ставки более чем втрое превышали процентные ставки по надежным «безрисковым» депозитным сертификатам в их банках. И эти ставки были заметно выше доходов за предыдущий год от куда более рискованных акций, согласно фондовому индексу S&P 500, – примерно 8 % без учета реинвестированных дивидендов и 11 % с учетом реинвестированных дивидендов. Согласно рекламному предложению, эти замечательные доходы генерировались посредством «безрискового трейдинга» по арбитражным счетам, которые спонсоры – Avellino & Bienes – размещали у нью-йоркского «оптового дилера», в больших объемах торговавшего акциями Большого табло. (Здесь любопытно упоминание об арбитраже: другим инвесторам Мэдофф в то время уже говорил, что использует стратегию «конверсии с разделением страйка» *split-strike conversion,* и, надо сказать, небольшой фонд Gateway в предшествующие несколько лет зарабатывал на этой стратегии законные доходы, равные либо превышающие те, которые сулил фонд King Arthur. Но никто положа руку на сердце не назвал бы это «безрисковыми» инвестициями.) Информация об инвестиционном фонде была напечатана на бланке финансового консультанта из Сан-Франциско и составлена, вероятно, около 1989 года.

Второй документ, полученный Комиссией, представлял собой краткое деловое письмо за подписью Лолы Керленд, администратора офиса Avellino & Bienes, которое один из инвесторов получил в ответ на свой запрос в августе 1991 года. Там черным по белому было написано, что фирма предоставляет финансовые услуги только «родным, друзьям и бывшим клиентам… строго ограниченному кругу лиц». Высокомерно-

уклончивый стиль безошибочно выдает авторство Авеллино. «Мы не стремимся привлекать новых клиентов и, соответственно, не прикладываем в этом направлении никаких усилий, – говорилось в письме. – Если коротко, речь идет о строго ограниченном круге лиц, и никаких финансовых отчетов, проспектов или брошюр мы не выпускаем и не предоставляем».

Из документов следовало, что деньги участников оформляются как их заем фирме и поступают на ее собственные счета у неназванного нью-йоркского брокера.

Из документов также следовало (по крайней мере, такое впечатление сложилось у юристов нью-йоркского офиса Комиссии), что с фондом King Arthur Account дело нечисто.

Один из этих юристов Комиссии связался с Фрэнком Авеллино.

Звонок из Комиссии по ценным бумагам и биржам не застал Авеллино врасплох. Незадолго до этого ему позвонил друг, юрист из Калифорнии Ричард Гланц. Отец Гланца работал в старой фирме Альперна и был одним из самых первых «субподрядчиков» по сбору денег на счетах у Мэдоффа. Гланц-младший со временем сам вошел в этот бизнес и привлекал к нему других.

Авеллино не сразу понял, что разговор предстоит серьезный, но чем дольше он слушал Гланца, тем все больше цепенел от ужаса. По словам Гланца, некий консультант по инвестициям, с которым Гланц свел Авеллино в 1989 году, получил из Комиссии официальное предупреждение относительно распространявшейся этим самым консультантом информационной листовки фонда King Arthur. Не исключено, что вскоре и самому Авеллино поступит сигнал от регуляторов, сказал Гланц.

Звонок из Комиссии не заставил себя ждать. Авеллино тут же позвонил Бинсу, который даже спустя годы сумел воспроизвести тот разговор:

– Слушай, тут такое дело. Сейчас звонили из Комиссии, у них есть к нам вопросы, – сказал Авеллино.

Вопросы касались «одного типа из Калифорнии», который перекачивал деньги Авеллино и Бинсу через Гланца. Этот калифорниец «напечатал брошюры, а там наши имена», продолжал Авеллино. Нечего и говорить, что тем самым был нарушен изначально наложенный партнерами-бухгалтерами строжайший запрет предоставлять клиентам какие бы то ни было письменные материалы.

– Боже мой, быть не может. Он что, рехнулся? Он же знает правила, – отвечал Бинс. – Все, кто с нами работают, знают правила. И что теперь?

– Ну что – теперь к нам придут.

Судя по всему, задачу разбираться с Комиссией взял на себя Авеллино. Так что, вернее всего, именно он и сообщил Берни Мэдоффу неприятную новость.

Мэдофф сделал две вещи. Сначала он позвонил своему другу и давнему инвестору Говарду Сквадрону и спросил, не возьмется ли за дело его юридическая фирма. Сквадрон перенаправил его просьбу своему партнеру по имени Айра Ли – Айк – Соркин. Коренастый, с выразительным лицом и густыми седеющими волосами, Соркин состоял в штате фирмы с 1976 года; до этого он три года работал юристом в нью-йоркском офисе Комиссии, а еще раньше пять лет служил в должности федерального обвинителя.

В 1992 году Айк Соркин был едва знаком с Мэдоффом – всего несколько обрывочных разговоров на благотворительных обедах на благо еврейской филантропии, которую они оба поддерживали. Зато он знал всех лучших юристов-защитников по ценным бумагам на Манхэттене, со многими из них он вместе работал, с другими познакомился, ведя дела против их подзащитных. С юристами Комиссии по ценным бумагам и биржам он говорил на одном языке. В 1984 году он ненадолго покинул фирму Сквадрона и вернулся в Комиссию, в нью-йоркский офис, где из-за нововведений Джона Шэда царила полная неразбериха. Два года он управлял нью-йоркским офисом, затем с превеликой радостью возвратился в фирму Сквадрона.

Подыскав для Авеллино и Бинса надежного юриста, Мэдофф развил бешеную активность по изготовлению фальшивых документов, которые подтверждали бы заявления бухгалтеров о суммах на их счетах у Мэдоффа. От этой активности на бумаге остался след, который более чем через пятнадцать лет будет воссоздан конкурсным управляющим, – след, давший несколько самых убедительных из всех имеющихся доказательств того, что задолго до разбирательства с Комиссией афера Мэдоффа шла уже полным ходом.

Когда в июне 1992 года сотрудники Комиссии впервые связались с Фрэнком Авеллино, беседа с ним лишь усилила их подозрения. Один из них по следам разговора записал: «На вопрос о том, что он делает с деньгами, взятыми взаймы, Авеллино заявил, что он инвестирует деньги в недвижимость и “кое-какие ценные бумаги”».

Но в письме Керленд, датированном августом 1991 года, подчеркивалось: «Мы не занимаемся недвижимостью и ничем иным помимо ценных бумаг». Да и в информационной листовке калифорнийского консультанта по инвестициям не было ни слова о недвижимости.

Деловая репутация Авеллино рушилась.

Вскоре одному сотруднику Комиссии позвонил Айк Соркин, который сообщил, что он представляет партнеров – владельцев компании Avellino & Bienes. Он уверял следователей, что «ничего предосудительного» в их действиях не было и что партнеры готовы добровольно явиться вместе с ним для беседы, совершенно незачем вызывать их повесткой. В изложении его клиентов все выглядит просто и понятно: они занимали деньги, пользуясь «сарафанным радио», потом инвестировали их и выплачивали кредиторам оговоренный процент из заработанных прибылей, а то, что оставалось, брали себе.

Седьмого июля 1992 года в 13.30 Фрэнк Авеллино и Майкл Бинс прибыли в офис Комиссии по ценным бумагам и биржам на Парк-Плейс, 75, ничем не примечательное здание в двух кварталах к западу от знаменитого небоскреба Вулворт-билдинг. С ними были Соркин, один из его сотрудников и практикант, взятый в фирму на лето. Их, разгоряченных июльской жарой, проводили в помещение для переговоров на четырнадцатом этаже, где за столом сидели три юриста Комиссии и еще один, на сей раз здешний, практикант. В следующие четыре часа Соркин честно трудился, препираясь с юристами Комиссии. Они терпеливо его выслушивали и вновь засыпáли вопросами Фрэнка Авеллино, который в ответ то заводил путаные речи, то отделывался краткими, ничего не значащими фразами.

– Мистер Авеллино, – спросил один из юристов Комиссии, – каким родом бизнеса занимается Avellino & Bienes?

– Частными инвестициями, – ответил Авеллино.

– Нельзя ли рассказать об этом поподробнее?

– Можно. У Майкла Бинса и Фрэнка Авеллино есть частные инвестиции, – отвечал Авеллино, следуя своей привычке избегать местоимения «я».

В конце концов он объяснил, каким именно образом ширился «ограниченный круг» клиентов его фирмы, безо всяких усилий со стороны партнеров, благодаря одному только «сарафанному радио».

– Допустим, кто-то звонит Лоле Керленд, а это обычно мой дядя Лу звонит Лоле, потому что он со мной в деле с самого первого дня… ну и он говорит, что, мол, тебе позвонит Джо, Джон, Том, это мой родственник, так что, если позвонит, можешь с ним поговорить.

– И все же сколько человек ссудили деньги партнерам Avellino & Bienes в рамках такой незатейливой доморощенной схемы?

– Примерно, предположительно? – уточнил Авеллино.

– Да, – ответил правительственный юрист.

– Около тысячи.

Трудно сказать, был ли масштаб этого дела уже тогда известен инспекторам Комиссии. Если нет, то брови у них, вероятно, взлетели.

– И сколько же Avellino & Bienes должны этой тысяче заимодавцев?

Соркин попытался было заменить вопрос уточнением, сколько влилось денег и когда, но в записи есть ответ Авеллино:

– Четыреста миллионов.

В крохотную фирму, которая действовала, по понятиям Уолл-стрит, в пыльном чулане для швабр и тряпок, «примерно» тысяча человек вложили порядка 400 млн долларов! По словам Авеллино, все эти деньги (плюс страховочная «подушка безопасности», вместе с которой сумма доходила уже до 440 млн долларов) были вложены в ценные бумаги, хранящиеся на различных инвестиционных счетах Avellino & Bienes у брокера с Уолл-стрит по имени Бернард Л. Мэдофф.

Юристу Комиссии это имя было, по-видимому, незнакомо.

Когда счета наконец проанализировали, оказалось, что «строго ограниченный круг» из заимодавцев партнерства Avellino & Bienes насчитывает более 3200 человек, а доходность их вложений колеблется в пределах 13,5 % – 20 %.

Через два дня команда Комиссии явилась в офис Avellino & Bienes, расположенный на восьмом этаже нового высотного здания Херон-тауэр на Восточной Пятьдесят пятой улице. (Похоже, что Соркин, из опасений, как бы не пошли слухи, упросил следователей не «размахивать удостоверением» перед дежурным секретарем в вестибюле, а просто назвать свои имена.) Инспекторы собрали все записи и принялись составлять перечень кредиторов.

Среди кредиторов оказалась и фирма Telfran Associates, в число основателей и партнеров которой входил отец Ричарда Гланца, приятеля Авеллино. Регуляторы приказали фирмам Avellino & Bienes и Telfran прекратить прием новых «ссуд» и начали оформлять гражданский иск по обвинению в торговле незарегистрированными ценными бумагами через структуру, представляющую собой, по сути дела, нелегальный взаимный фонд. Не на шутку встревоженные регуляторы занялись выяснением, действительно ли деньги целы и надежно вложены через Берни Мэдоффа.

Вопрос интересный.

Позднее Мэдофф будет уверять, что, когда Комиссия взялась за Avellino & Bienes, никакой финансовой пирамиды еще не было и деньги были инвестированы в арбитражный трейдинг, но

верится в это с трудом. Много позже лживость заверений Мэдоффа подтвердил его преданный порученец Фрэнк Дипаскали, мимоходом брякнув федеральному судье, что впервые осознал себя вовлеченным в мошенничество «в конце 1980-х – начале 1990-х годов».

Позже на процессе по делу о банкротстве Мэдоффа подтвердится, что Авеллино и Бинс солгали Комиссии о предположительном объеме средств на их счетах у Мэдоффа. Согласно материалам дела, заявленный совокупный остаток по счетам не включал упомянутую «подушку». В общем и целом недостача составила почти 30 млн долларов.

В иске утверждалось, что эта недостача образовалась в результате мошеннического использования денег инвесторов для собственной выгоды бухгалтеров (это утверждение их адвокаты опротестовали) и что Мэдофф их прикрывал, создав 23 июня 1992 года фальшивый счет и задним числом сфальсифицировав достаточно прибылей от трейдинга, чтобы, как по волшебству, покрыть недостачу и усыпить подозрения регуляторов.

Весь этот эпизод стал для Мэдоффа испытанием на прочность и обошелся ему в 60 млн долларов (искусно упрятанных) – столько пришлось заплатить, чтобы избежать шумихи. Это испытание было нелегким и для Фрэнка Дипаскали, который так старался быть полезным – с самого 1975 года, когда после окончания школы пришел работать в фирму. С помощью узкого круга сотрудников, занимавшихся инвестиционной клиентурой Мэдоффа, он фабриковал выписки со счетов, которые регулярно высылались клиентам. Даже после того как Мэдофф запустил свою аферу, эти выписки выглядели достаточно убедительно, чтобы отмести любые скептические вопросы инвесторов, – во многом благодаря Дипаскали.

Но фабрикация выписок была детской забавой по сравнению с задачей, которую поставило перед Мэдоффом расследование Комиссии по ценным бумагам и биржам летом 1992 года. Если пирамида, как представляется более чем вероятным, к тому времени уже действовала, Мэдоффу необходимо было по шести счетам Avellino & Bienes представить отчетность, которая показывала бы нужный объем неизменно прибыльных сделок по меньшей мере за последние семь лет. Эта отчетность должна была быть достаточно убедительной не только для клиентов и частных бухгалтеров, но и для федеральных регуляторов. И отчетность эта требовалась немедленно – прежде чем Комиссия явится взглянуть на документы.

Вот когда Мэдоффу по-настоящему пригодился Дипаскали, с его собачьей преданностью. Используя самостоятельно

приобретенные навыки работы на компьютере и доступную любой брокерской фирме историю котировок акций и опционов, он создал убедительную документацию, покрывающую несколько лет запутанных трейдинговых операций, которых почти наверняка и в помине не было. Основываясь на этих липовых отчетах, юрист SEC сообщил, что его сотрудники «исследовали» трейдинговые счета Avellino & Bienes в фирме Мэдоффа и «проверили величину инвестиционного капитала на этих счетах». В примечании указано, что Мэдофф без запинки дал все необходимые разъяснения, как будет давать их и в будущем, пуская в ход свою фирменную спокойную уверенность и жонглируя биржевой терминологией, которая по большей части была, надо думать, выше их разумения.

И все же отчетность, сфабрикованная Дипаскали, и искусные беседы Мэдоффа с регуляторами, не искушенными в современном биржевом жаргоне, были всего лишь тактикой отсрочек, необходимой, но вовсе не достаточной для того, чтобы ловушка не захлопнулась. Через несколько месяцев SEC получит судебный ордер, обязывающий Мэдоффа вернуть 400 млн долларов клиентам фирмы Avellino & Bienes до конца ноября 1992 года.

Спустя годы Мэдофф признает, что это требование поставило его в затруднительное положение, хотя он и не захочет согласиться с тем, что трудности возникли не из-за уже действующей финансовой пирамиды, а из-за того, что позиции «арбитража *bona fide* » на счетах Avellino & Bienes, как и таинственные «синтетические» сделки по счетам других крупных клиентов, не получалось аннулировать легко и быстро. «Я на самом деле проводил эти сделки», – настаивал он. Но это маловероятно. Скорее всего, на счетах Avellino & Bienes не было никаких конвертируемых облигаций и привилегированных акций.

Так или иначе, сам Мэдофф признал, что ему были срочно необходимы 400 млн долларов, а способов достать их было немного. По его словам, он мобилизовал наличность трех крупных клиентов: Карла Шапиро, Джеффри Пикауэра и Нормана Леви. Эти трое просто согласились «взять на себя соответствующие позиции» по счетам Avellino & Bienes и для этого вложить свежую наличность. «Шапиро, Пикауэр и Леви – все они перевели реальные деньги, новые деньги», – сказал он.

Документы, обнаруженные при последующих расследованиях, подтверждают, что изрядную часть необходимой наличности Мэдофф взял со счетов Нормана Леви. О том, сделал ли он это с его разрешения или хотя бы известив его, документы молчат.

Может быть, Леви и в самом деле думал, что «берет на себя» инвестиции, которые якобы находились на счетах Avellino &

Bienes, не ведая о том, что они фиктивны. Или, может, Мэдофф, распоряжаясь счетами Леви по своему усмотрению, просто перенес фальшивые позиции на его счет, чтобы объяснить, куда ушли деньги. В конце концов, Дипаскали мог легко подделать выписки со счетов, если в том была нужда.

Но чтобы Норман Леви сознательно помогал Мэдоффу сохранить финансовую пирамиду – такое всем, кто его знал, кажется совершенно неправдоподобным. Все-таки Леви назначил Мэдоффа своим душеприказчиком и позволил детям доверить ему свои целевые фонды и часть личного состояния, – если он знал, что Мэдофф мошенник, такое изъявление доверия совершенно необъяснимо.

Независимо от того, какой уловкой Мэдофф воспользовался для получения денег от Леви, она с тем же успехом сработала с Пикауэром и Шапиро. К концу ноября Мэдофф наскреб деньги, необходимые для умиротворения регуляторов, которые не стали допытываться, где он их взял, и не потянули ни за одну из любопытных ниточек, которые торчали из этого дела.

В то же самое время мультимиллионер Фрэнк Авеллино месяцами сутяжничал из-за 429 000 долларов, выставленных ему на оплату аудитором, нанять которого его заставила Комиссия. «Я не дойная корова, и нечего меня доить», – заявил он в незабываемых показаниях под присягой, приобщенных к этой тяжбе. «Я лично следил за бухгалтерией и делопроизводством в Avellino & Bienes, – сообщил он судье. – За все годы, пока мы вели бизнес, до вмешательства Комиссии по ценным бумагам и биржам, мы не оставили без внимания ни одной жалобы кредиторов. Кредиторы ни разу не подали на нас в суд. Мы никогда не отсрочивали выплату процентов».

Проблема, по его словам, в том, что инспектирующие бухгалтеры требуют всякую замысловатую документацию, которой у них просто не было, – не было, и все тут. На каждого кредитора у них по нескольку листков бумаги, и больше ему бухгалтерам передать просто нечего.

К тому времени как весной 1993 года тяжба с грехом пополам подошла к концу, Фрэнку Авеллино не верил даже ведущий дело федеральный судья. «Я не верю вашему клиенту, – напрямик заявил судья Айку Соркину. – Я слышал его свидетельские показания, видел, как он себя ведет, и заметил, как он сам себе противоречит… Я ему не верю. Так что в части решения вопроса доверия я выношу решение против вашего клиента».

Дело, которое началось и закончилось сомнениями в честности Фрэнка Авеллино, было настоящей симфонией тревожных сигналов. И некоторые из этих сигналов были

обнародованы на страницах The Wall Street Journal 17 декабря 1992 года в скромной статье, подробно рассказывающей о расследовании силами SEC денежного следа, который вел прямиком к дверям Мэдоффа. Но, к несказанному облегчению Мэдоффа, к предупреждениям не прислушались. Парадоксально, но некоторые инвесторы статье в The Wall Street Journal даже обрадовались. В конце концов, статья его ни в чем не обвиняла.

Юристы Комиссии тоже вздохнули с облегчением, полагая, что вернули 400 млн долларов тысячам инвесторов, которые по наивности забрели в сомнительный, незарегистрированный и нерегулируемый взаимный фонд. Наложенный на Avellino & Bienes штраф в 350 000 долларов, сверх оспариваемых расходов на аудит, был по тем временам немалым. Незарегистрированный инвестиционный бизнес и его подконтрольная компания Telfran прекратили свое существование.

Комиссия была удовлетворена и занялась другими делами. Одна из горьких причуд дела Мэдоффа заключается в том, что из тысяч его инвесторов свое фиктивное богатство, показанное на выписках со счетов, смогли получить и сохранить лишь те клиенты Avellino & Bienes, которые взяли возвращенные Комиссией в 1992 году деньги и вышли из игры.

Большинство этого не сделало. Они не осознали, что их вытащили из беды. Напротив, им казалось, что их изгнали из рая, отторгли от чудесных, малорискованных инвестиций, по которым тем не менее выплачивался хороший процент. И когда Мэдофф пригласил их всех открыть у него новые инвестиционные счета напрямую, они пришли в полный восторг, даже притом что процентные ставки теперь были ниже, чем у Avellino & Bienes. Значительную часть денег, выплаченных Мэдоффом, ему же и вернули.

Какую роль сыграли Авеллино и Бинс в возвращении этих денег в финансовую пирамиду Мэдоффа? Они отрицали, что были как-то к этому причастны, и Бинс громогласно заявлял, что они оба только рады выпутаться из недоразумений с Комиссией и выйти из их совместного с Мэдоффом бизнеса относительно целыми и невредимыми.

Однако иск, впоследствии выдвинутый против двух бухгалтеров в суде по банкротствам, явил миру совсем другой сценарий, по которому выходило, что эти двое намеренно хранили молчание о явно мошеннической деятельности Мэдоффа, поставляли новых игроков в расчете на то, что со временем те займут их место и сами станут вербовщиками, а своих бывших клиентов агитировали инвестировать непосредственно в Мэдоффа. Взамен, как утверждало обвинение,

эти двое требовали у Мэдоффа выплаты им гарантированных прибылей в размере 17 % годовых на их новые счета у Мэдоффа плюс тайные комиссионные – 2 % в год от тех денег, которые их бывшие инвесторы принесут ему назад.

В кругу Фрэнка Дипаскали эти комиссионные, по слухам, стали называть «шупт» (конкурсный управляющий позднее выдаст теорию, что это слово происходит от фонетически искаженного schtup – непристойного глагола на идиш).

Расследование Комиссии 1992 года, пусть и не доведенное до конца, имело важные последствия для набирающей обороты аферы Берни Мэдоффа.

Во-первых, оно вынудило Мэдоффа приспособить для своей финансовой пирамиды некоторые компьютерные технологии, которые он использовал в своем законном бизнесе. Фрэнк Дипаскали просто не смог состряпать вручную отчеты о трейдинговых сделках и ежемесячные выписки по тысячам новых клиентских счетов, которые неожиданно достались Мэдоффу от Avellino & Bienes. Мэдоффу требовалось каким-то образом автоматизировать свою пирамиду, и он обратился за помощью к Дипаскали.

Дипаскали, в свою очередь, якобы положился на двух программистов, которые поступили в фирму несколькими годами ранее, – потом их обвинят в разработке программного обеспечения для одного из новых компьютеров фирмы, IBM AS/400, которое значительно упрощало процесс фабрикации фиктивных выписок со счетов. Предположительно, Дипаскали и кто-то из его помощников подбирали подходящие сделки из трейдинговой истории, а затем соответствующим образом настроенная программа распределяла эти сделки по различным клиентским счетам в нужной пропорции, используя обычную компьютерную функцию автоматизированной рассылки.

Автоматизация не только сокращала ручной труд, но и открывала новые возможности для махинаций. Не случайно примерно в это время Мэдофф арендовал отдельную площадь на семнадцатом этаже «Помады» – официально для размещения новых компьютеров, а на самом деле для создания надежно укрытого от посторонних глаз центра управления все более усложняющейся аферы. Он устроил обособленный комплекс помещений, потому что, как вспоминал позднее, «не мог действовать на виду у сотрудников с восемнадцатого этажа». Неописуемый муравейник кабинетов и кабинетиков на семнадцатом этаже стал владением Фрэнка Дипаскали, его частной лабораторией креативного обмана.

По мере того как Дипаскали совершенствовался в ремесле, он

стал расширять дело. Он придумал фальшивые формы расчетных центров, совершенные копии которых, регулярно обновляемые, появлялись на экранах компьютеров. По заказам Мэдоффа он держал запас старых фирменных бланков и пользовался их логотипами, когда требовались составленные задним числом архивные документы, которые хотели видеть регуляторы. Со временем он даже заказал создание программы, благодаря которой стороннему наблюдателю казалось, будто сидящий за терминалом трейдер совершает сделки купли-продажи для инвестора, тогда как на самом деле трейдер был замкнут на другого члена команды, работавшего за компьютером в соседнем помещении.

Эта «потемкинская деревня» из финансовых псевдодокументов выглядела настолько убедительной, что Мэдофф годами дурачил десятки недостаточно бдительных регуляторов и недостаточно внимательных юристов и бухгалтеров.

Еще одно последствие вскрытия Комиссией неофициальной сети «друзей и семьи», руководимой Avellino & Bienes, состояло в том, что Мэдофф стал преимущественно опираться на более крупные, профессионально существующие на рынке источники денежных средств, а именно на хедж-фонды.

История хедж-фондов начинается с 1949 года, но до конца 1960-х они были по большей части незаметны. Эти организации без лишнего шума зарабатывали шикарную прибыль для своих богатых и чрезвычайно скрытных инвесторов, в то же время оставаясь вне поля зрения как регуляторов, так и, в большинстве случаев, СМИ. Идея, лежащая в основе хедж-фондов, заключается в том, чтобы рискованные по определению стратегии (покупка акций на заемные средства или короткие продажи акций) свести в единую стратегию фонда и тем фактически уменьшить общий риск и зарабатывать прибыли равно на хорошем рынке и на плохом. Цель – никогда не заканчивать год с потерями, идет ли рынок вверх или вниз, а это святой Грааль инвесторов всех времен, песнь сирены, которая привела к Мэдоффу стольких зачарованных.

Начало хедж-фондам положил социолог и финансовый журналист Альфред У. Джонс, который к началу 1960-х годов обеспечивал своих инвесторов ошеломляющим среднегодовым доходом в 65 %. Но «медвежий» рынок 1969 года сильно отрезвил многих из таких фондов. Даже легендарный фонд Джонса за первые девять месяцев года понес убытки, доходившие до 40 %.

Многие хедж-фонды терпели неудачи и на ухабистом рынке 1970-х, но никакие неприятности не смогли развеять их ауру. В 1980-е годы умами овладела идея, что хедж-фонды гораздо

предпочтительнее регулируемых взаимных фондов, используемых инвесторами со средними доходами, и в хедж-фонды толпами повалили богатые, квалифицированные инвесторы.

При каждой инкарнации хедж-фондов неизменной оставалась примечательная система вознаграждений: управляющий получал 20 % прибыли, которую заработали деньги его инвесторов. Шли годы, и к стандартному зарплатному чеку управляющего добавился бонус за годовое управление размером 1 % стоимости чистых активов фонда. Такая плата в разы превосходила вознаграждение, выплачиваемое управляющему в регулируемых взаимных фондах, но люди богатые и мудрые готовы были платить – столько и должен стоить чародей, распоряжающийся вашим портфелем. Один знаток назвал бонусы «арендой», которую инвесторы платят за то, чтобы заполучить могущественного джинна в управляющие своими деньгами.

Семейство фондов Fairfield Greenwich Group, поддерживающее самый крупный из фондов-гигантов, замешанных в скандале Мэдоффа, находилось в управлении Джеффри Такера и Уолтера Ноэла-младшего, которых вряд ли можно назвать прирожденными финансистами. Сам Мэдофф позднее заметил, что партнеры фонда Fairfield Greenwich «пороха не выдумают». А слово «гений» и вовсе неприложимо к дружелюбному председателю и сооснователю фирмы Уолтеру Ноэлу, хотя ума у него было побольше, чем считали некоторые.

Глядя на этих двоих таких непохожих людей, трудно представить, что они могли наладить длительные и прочные отношения стоимостью в миллиарды долларов. Если Мэдофф был злодей из проходного романа Горацио Элджера, состряпанного на основе черновика великого Энтони Троллопа, то Уолтер Ноэл – второстепенный персонаж, едва намеченный Ф. Скоттом Фицджеральдом, этюд в стиле старших классов частной школы, насквозь пронизанный стремлением пробиться в высшее общество.

Ноэл, родившийся в Нэшвилле и обучавшийся в Университете Вандербилта, был красив: высокий и худой, с точеными чертами лица, густыми темными волосами и косматыми бровями, – и достаточно добродушный, чтобы победить на выборах в одной из скромных из организаций кампуса. Что бы ни говорили о нем позже, он был совсем неглуп – в Университете Вандербилта состоял членом привилегированного студенческого общества Phi Beta Kappa, получил в Гарварде степени магистра и экономики, и права (соответственно в 1953 и 1959 годах). Между двумя этими курсами в Гарварде он отслужил в армии. В его объявлении о помолвке 1962 года сказано, что он

три года проработал «специалистом по русскому языку» (в то время он работал консультантом в Arthur D. Little Inc. в Лагосе, Нигерия). Позднее он помогал разрабатывать международные операции по управлению частными финансами для Chemical Bank, а в 1983 году ушел на вольные хлеба и стал консультировать частных зарубежных клиентов.

Если Мэдофф женился на прелестной девушке, за которой он ухаживал в школьном автобусе, то невестой Уолтера Ноэла стала миловидная Моника Хеглер, чьи богатые родители-космополиты делили время между Цюрихом и Рио-де-Жанейро и посылали ее в элитные частные школы Бразилии и Швейцарии.

И если красавцы сыновья Мэдоффа в 1980-х закончат хорошие университеты (Мичиганский и Пенсильванский), то пять прекрасных дочерей Уолтера Ноэла закончат *очень* хорошие университеты – Гарвардский, Йельский, Браунский и Джорджтаунский, и четыре найдут мужей из влиятельных европейских и латиноамериканских семейств. У Моники Ноэл имелись собственные связи с состоятельными семействами. Среди ее родственников был богатый бразильский финансист и промышленник, а брат одно время работал в Бразилии представителем банка Credit Suisse. За семейным столом Ноэлов говорили попеременно на португальском, испанском, итальянском и английском языках.

К тому времени как фирму Avellino & Bienes принудили закрыть лавочку, Уолтер Ноэл уже лет шесть занимался предпринимательством на пару с бывшим юристом Комиссии по ценным бумагам и биржам Джеффри Такером и почти все это время инвестировал в Мэдоффа. Ноэл с самого начала оставил юридический контроль и вопросы структуры фондов в ведении Такера, чей тесть в 1989 году познакомил их с Мэдоффом. Такер, профессионально разбиравшийся в законодательстве о ценных бумагах, играл главную роль в предынвестиционных экспертизах Fairfield Greenwich Group. Ноэл, напротив, олицетворял тип добродушного продавца-лоточника, который объяснял суть новых фондов клиентам со стажем, обхаживал новых клиентов в частных банках и представительствах иностранных организаций, в которые он был вхож благодаря прежним заслугам своей карьеры, и доверительно рассказывал о чудо-фондах богатым семьям, в обществе которых они с Моникой вращались у себя дома в Гринвиче (Коннектикут), и в таких привилегированных анклавах, как фешенебельные курорты Лонг-Айленда и Палм-Бич.

Именно в эти ранние годы становления Fairfield Greenwich (почти в точности совпавшие по времени с начальными годами финансовой пирамиды) Мэдофф и Дипаскали отточили

аргументы в пользу своей инвест-стратегии «разделения страйка» – и опробовали их на Такере и Ноэле. Сработало как магическое заклинание.

Разумеется, в самой стратегии не было ничего незаконного, и любой опционный трейдер был с ней знаком. В 1989 году Такер и Ноэл не могли знать, что в руках Мэдоффа эта якобы применяемая им стратегия годами будет приносить прибыли куда более устойчивые и весомые, чем ей положено приносить. Они не могли знать, что денежные объемы, которыми Мэдофф, по его словам, в конце концов стал оперировать, на реальном рынке акций и опционов были бы «незаметны», как мамонт в песочнице, и привели бы к соответствующим последствиям – если бы он действительно вел торги в таком масштабе. Но в самом начале такая стратегия имела смысл, да и деньги приносила, особенно им самим. Как ни крути, они, будучи управляющими фонда, клали в карман 20 % чистой прибыли, которую Мэдофф зарабатывал для их частных инвесторов.

К 1990 году они инвестировали в Мэдоффа 4 млн долларов через фонд Fairfield Sentry, зарегистрированный на Виргинских островах для обслуживания иностранных инвесторов. В 1993 году они создали аналог этого фонда для клиентов внутри страны и назвали его Greenwich Sentry.

Устойчивые прибыли фонда Fairfield Sentry делали его привлекательным, но не слишком впечатляли в сравнении с результатами других хедж-фондов, застолбивших место в этой элитной лавочке. С 1990 по 1994 год фонд просто шел в ногу со всем рынком в темпе, определяемом индексом S&P 500. Более того, некоторые открытые взаимные фонды вроде популярного Contrafund группы Fidelity или ее же легендарного фонда Magellan приносили лучший доход и брали комиссионные прямо-таки микроскопического размера в сравнении с теми, что должны были платить инвесторы Fairfield Sentry. Дальше – хуже: с конца 1996 года до конца десятилетия Fairfield Sentry фактически отставал от S&P 500.

Понятно, что Fairfield Sentry и его ответвления сами по себе были неконкурентоспособны. Скорее всего, их судьба была бы решена, не сумей они обратить свои недостатки в достоинства. Уолтер Ноэл это умел. Сам от природы консервативный инвестор, он добился того, что фонд Fairfield Sentry производил впечатление тщательно выстроенной, жестко контролируемой инвестиционной структуры, предназначенной для людей осмотрительных, которые готовы поступиться размером прибыли ради ее стабильности и надежности в перспективе.

Реклама сработала, фирма росла. Ее маркетинговые

материалы вскоре засияли лощеным профессионализмом. Нанятые в штат молодые бухгалтеры и дипломированные магистры делового администрирования изготовили замысловатые графики, позволяющие оценить производительность фонда относительно того или иного бенчмарка (фондового индекса). Они разработали формальный опросник для управляющего инвестициями, который предложили Берни Мэдоффу, увязавшись за Такером во время его визитов. Мэдофф или Дипаскали ответят на некоторые вопросы, откроют фальшивую отчетность; возможно, даже проведут напоказ через компьютеры небольшую липовую сделку, а затем предъявят поддельные выписки расчетной палаты, подтверждающие их слова.

На некоторые вопросы Мэдофф отвечать попросту отказался. В ретроспективе его неуступчивость представляется очевидным тревожным сигналом, но в то время лучшим доказательством благонадежности Мэдоффа было его положение в финансовой индустрии и очевидный успех на Уолл-стрит. Юные эксперты по проверке благонадежности явно не высказали партнерам никаких опасений. А если и высказали, те их проигнорировали.

Вера в честность Берни Мэдоффа у партнеров Fairfield Greenwich Group, вероятно, лишь укрепилась в середине 1990-х годов, когда более двух десятков фирм-маркетмейкеров были обвинены в фиксировании цен на акции NASDAQ. Ценовой сговор длился годами, невыявленный или по меньшей мере безнаказанный. На вопиющее нарушение пошли некоторые крупнейшие фирмы Уолл-стрит, а финансируемые отраслью регуляторы NASD годами не могли схватить их за руку.

Это был самый громкий скандал на внебиржевом рынке за время пребывания Мэдоффа в Совете управляющих NASD, но его руки были чисты как снег. Частный юрист, проводивший самое первое из расследований, подтвердил, что его команда не обнаружила никаких признаков причастности фирмы Мэдоффа к махинациям на торгах. Из тюрьмы Мэдофф писал, объясняя, почему его фирма не стала участником скандала: «…мы были убеждены, что доверие к рынку NASDAQ прямо зависит от создания более конкурентной, прозрачной и эффективной рыночной площадки». И к этому времени его фирма была больше сосредоточена на прибылях от торговли акциями Большого табло на «третьем рынке» и была равнодушна к играм с внебиржевыми ценными бумагами, в которые играли другие. Возможно также, что Мэдофф предостерег своих трейдеров от участия в коллективных махинациях, потому что старался избегать любых действий, которые могли вывести из тени его финансовую пирамиду.

Однако, учитывая величину фирмы Мэдоффа и ее видное положение на рынке NASDAQ, ее непричастность не могла остаться незамеченной. Для Ноэла, Такера и всей их команды по предынвестиционному аудиту убедиться в том, что они имеют дело с одним из немногих незапятнанных маркетмейкеров, было, вероятно, большим облегчением, особенно если их уже начал нервировать его экстравагантный метод ведения бизнеса и упрямый отказ откровенно рассказать все, что они желали знать.

Пока Fairfield Greenwich расширялась и добывала деньги для инвестирования куда-нибудь еще помимо Мэдоффа, ее люди изучали результаты аудитов и осторожно наводили справки о других управляющих инвестициями. Как и Мэдофф, эти другие управляющие тоже добивались успеха, и другие малые фонды тоже процветали. Но в отличие от Мэдоффа другие управляющие инвестициями охотно отвечали на все вопросы и по первому требованию предоставляли запрошенные документы. Со временем Fairfield Greenwich стала гордиться качеством предынвестиционной проверки и в своих маркетинговых материалах описывала ее в радужных цветах, чтобы выделиться из других хедж-фондов, которые всплывали тут и там и предлагали до странного сходные доходы.

К середине 1990-х годов в фонде Fairfield Sentry заметно выросла доля продаж, проводимых командой Андреса Пьедрахиты, мужа старшей дочери Ноэла, уроженца Колумбии. Предшествующая карьера Пьедрахиты на Уолл-стрит была самой обычной: шесть лет в качестве финансового консультанта в Prudential Bache, затем три года вице-президентства в Shearson Lehman Hutton. В 1991 году, менее чем через два года после женитьбы, Пьедрахита пустился в самостоятельное плавание, создав бизнес по маркетингу хедж-фондов под названием Littlestone Associates. (Фамилия Пьедрахита в буквальном переводе с испанского означает «маленький камень», и это соответствует английскому «littlestone».) В 1997 году компания Пьедрахиты с ее интернациональным штатом сотрудников слилась с партнерской компанией его тестя Ноэла, и Пьедрахита стал «партнером-соучредителем» новой фирмы Fairfield Greenwich. Одним из его первых ответственных дел в новой структуре стало открытие офиса в Лондоне.

В том же году дочь Уолтера Ноэла Аликс вышла за трейдера другого хедж-фонда, Филипа М. Туба. Романтическая церемония проводилась на роскошном острове Мустик (Британские Виргинские острова), в Бамбуковой церкви под открытым небом. (В 1995 году Моника и Уолтер Ноэл купили там белоснежный дом на холме, а Мэдоффы в это же время обзавелись прибежищем

за 3,8 млн долларов в Палм-Бич. «Мустик – полная противоположность Палм-Бич, – сказала через несколько лет Моника корреспонденту журнала Town and Country. – Там до сих пор сохраняется сельский уклад. И публика там очень интернациональная. И никто не ходит с гермесовскими сумками.) Женившись, Туб тоже влился в ряды Fairfield Greenwich и стал одним из лучших торговых агентов, умело используя деловые связи в Бразилии и на Ближнем Востоке.

В 1999 году на борт семейного бизнеса взошел еще один зять Ноэла, Янко Делла Скьява, который из своего дома в швейцарском Лугано стал продвигать фонды фирмы на рынках Южной Европы. В 2005 году в фирму поступил и четвертый зять Ноэла, калифорниец Мэтью С. Браун.

У Мэдоффа был самый лощеный и космополитичный – и, похоже, самый эффективный торговый штат. К концу 1999 года небольшой хедж-фонд, который в 1990-м доверил ему 4 млн долларов, имел на счетах у Мэдоффа умопомрачительную сумму – 3 млрд долларов, а его активы росли больше чем на 30 % в год. Сотни миллионов долларов из других фондов Европы и Карибских островов потекли в фонды Fairfield Greenwich, связанные с Мэдоффом. По мере роста активов росли и гонорары руководства фирмы, а следовательно, и размер состояний, из которых финансировался стиль жизни ее удачливых партнеров.

И Ноэлы в своей островной роскоши, и Такеры, которые на севере штата Нью-Йорк в фешенебельных окрестностях Саратоги занялись разведением чистокровных верховых лошадей, жили припеваючи. В точности неизвестно, сколько получили в 1990-е Такер и обширный клан Ноэлов за свои финансовые услуги, но в 1998 году их доход, вероятно, составил более 45 млн долларов – и это в год, когда прибыль крошечной фирмы распределялась среди горстки партнеров. (Согласно документам, приложенным к позднейшим судебным искам, между 2002 и 2008 годами фирма собрала почти 920 млн долларов.)

И хотя Ноэлы и Такеры, возможно, жили не лучше других богачей из мира хедж-фондов, они жили не таясь. На разворотах глянцевых журналов мелькали фотографии их экзотических домов, на страницах светской хроники то и дело появлялись гламурные дочки Ноэла. Заносчивые «старые деньги» Гринвича, Саратоги и Лонг-Айленда, должно быть, презрительно фыркали, но социально амбициозные «новые деньги» из мира хедж-фондов, вероятно, полагали, что семейство красавцев Ноэлов и спортсменов Такеров сорвали свой главный в жизни джекпот.

И всем этим они были обязаны Берни Мэдоффу.

Деньги офшорных хедж-фондов, богатых европейских

семейств и частных банков-бутиков – все источники богатства, не понаслышке знакомые партнерам из Fairfield Greenwich, – были жизненно необходимы Мэдоффу, чтобы наращивать резервуар для его финансовой пирамиды 1990-х. Еще один денежный кран, значение которого неуклонно росло, был подключен к сфере некоммерческих организаций – благотворительные организации, образовательные учреждения и комитеты по инвестициям стекались к Мэдоффу с благим намерением вверить ему все больше и больше своих средств.

Дж. Эзра Меркин был для тесного, братского мира еврейской филантропии тем же, кем Уолтер Ноэл был для модного, лощеного мира богачей-космополитов. В отличие от Ноэла, самостоятельно пробившегося в высшее общество, Меркин с рождения принадлежал к щедрому на пожертвования, глубоко религиозному сообществу, которое и стало ядром его клиентуры – и важной мишенью разрушительной аферы Мэдоффа.

Эзра Меркин вырос в тени своего богатого и замечательно начитанного отца Германа Меркина, твердо следующего заветам своей религии ортодоксального еврея, бежавшего из нацистской Германии и затем работавшего на американскую военную разведку. После войны Герман Меркин сколотил состояние в Нью-Йорке, в основном благодаря доле в нефтеналивной танкерной флотилии. Кроме того, он основал небольшой инвестиционный банк. Его постоянный интерес к новым идеям и биржевой игре привел к тому, что он стал опекать многих талантливых молодых трейдеров с Уолл-стрит. Один из них рассказал, как в те послевоенные годы происходил деловой ланч с Германом Меркином. Это был особый ритуал. Пожилого джентльмена всегда сопровождал молчаливый, хорошо одетый помощник, у которого всегда был при себе блокнот. Если трейдер одобрительно отзывался о каких-то акциях – скажем, многообещающей компании, делавшей ставку на новые технологии, вроде IBM, – Меркин тут же окликал компаньона (он говорил с сильнейшим акцентом): «У меня есть бумаги IBM?» Компаньон быстро справлялся с записями в блокноте. Если ответ был отрицательным, Меркин говорил трейдеру: «Я возьму тысячу акций». После чего они вновь принимались за еду. Этот бывший трейдер считает вполне вероятным, что молодой Берни Мэдофф тоже был среди тех, кого Меркин-старший приглашал для беседы за ланчем.

Но Уолл-стрит была не единственной ниточкой, связавшей Берни Мэдоффа с семьей Меркина. В 1955 году Герман Меркин расстался со своей семейной синагогой и помог основать новый храм – Синагогу Пятой авеню. За те годы, пока он был ее

президентом, а затем председателем, синагога превратилась в духовный дом множества богатых прихожан, которые, в свою очередь, стали щедрыми спонсорами еврейских начинаний и учреждений – и в конечном счете важными инвесторами Мэдоффа.

Герман Меркин и сам, по мере того как росло его богатство, жертвовал все щедрее, особенно на Университет Ешива. В попечительском совете Ешивы он прослужил более сорока лет и в 1996 году, когда Мэдоффа пригласили войти в совет попечителей, занимал пост вице-председателя.

Один из шестерых его детей, Джейкоб Эзра Меркин, был достойным преемником ученых ортодоксальных традиций семьи. Он посещал подготовительную школу Рамаз, одно из лучших еврейских учебных заведений манхэттенского Ист-Сайда. В Колумбийском университете он специализировался в области английского языка, входил в студенческое братство Phi Beta Карра и в 1976 году получил диплом с отличием. Диплом юриста (тоже с отличием) он получил в 1979 году в Гарварде и потом еще некоторое время учился в Израиле. Один из его друзей вспоминал его «ненасытную страсть к чтению», а другой описывал его как человека «благочестивого, набожного и мудрого». Близкие друзья отмечали его чувство юмора и умение посмеяться над собой, что не мешало ему порой резко отстраняться от тех, кого он считал ниже себя по интеллекту.

После краткой юридической практики в элитной нью-йоркской фирме он последовал за своим отцом на Уолл-стрит. Он поработал на солидный хедж-фонд, а затем учредил собственный, впоследствии разросшийся в Gabriel Capital Corporation. В 1988 году он создал пару хедж-фондов, которые обрели известность как фонды Gabriel и Ariel. Он умело продвигал свои фонды, но управлением инвестициями занимался куда меньше. Эту задачу он негласно отдал на сторону.

Инвестиционные решения по фондам Gabriel и Ariel с самого начала принимались почти единолично молодым человеком по имени Виктор Тайхер. Это был неуемный деятель, инвестор, который во многом руководствовался интуицией и несколько лет проработал бок о бок с Меркином. Инвесторы не знали, что в 1990 году Тайхер был осужден по обвинению в инсайдерском трейдинге, не связанном с его работой в фондах Меркина. (По словам Тайхера, после приговора в 1993 году он продолжал консультировать оба фонда Меркина по телефону в течение всех тринадцати месяцев заключения. Меркин это заявление оспаривал.)

В 1989 году Меркин, несший потери после краха 1987 года

из-за слабых показателей, начал подумывать о размещении части капиталов Gabriel и Ariel в руках другого удачливого управляющего инвестициями – Берни Мэдоффа. Примерно в 1990 году Меркин нанес визит в «Помаду», к малодоступному и крайне скрытному чародею рынка.

Любой, кто заглянул бы в тот день в «аквариум» Мэдоффа или послушал бы у дверей их беседу, поразился бы контрасту между хозяином кабинета и его гостем. Меркин был седоватый, в очках, лет тридцати пяти, склонный к полноте. Мэдофф, которому только что исполнилось пятьдесят, сложением не сильно отличался от своего телохранителя, и отлично сшитый костюм сидел на нем как влитой. Меркин был эрудит, любивший блеснуть литературной аллюзией и философским отступлением. Он производил впечатление человека, по сути, честного, хотя и склонного чуть приукрашивать факты, чтобы расцветить рассказ или уклониться от неприятной правды, тогда как речь Мэдоффа была безыскусной, без каких-либо интеллектуальных претензий. Но этот непревзойденный аферист-виртуоз несомненно стоял на пороге запуска финансовой пирамиды – если уже не запустил ее к тому моменту.

Эти двое, несмотря на разницу в возрасте и характерах, понравились друг другу. Меркин, по-видимому, получил удовольствие от их первой беседы: его сестра позднее рассуждала, что в Мэдоффе он увидел «простого доброго парня, эдакого *хаима* , совсем непохожего на моего отца».

Меркин слушал, как Мэдофф описывает инвестиционную стратегию, благодаря которой зарабатывает стабильные и полностью надежные доходы, – все ту же песню о «конверсии с разделением страйка», которая так подействовала на основателей Fairfield Greenwich. Один из помощников Меркина позднее рассуждал о том, будто бы Меркин считал Мэдоффа умелым ремесленником, а не одаренным теоретиком, как если бы Меркин был архитектором, снизошедшим до обсуждения проекта с генеральным подрядчиком. Однако подрядчик, по-видимому, знал свое дело, и в конце концов Меркин решил инвестировать с помощью Мэдоффа кое-какие деньги двух своих хедж-фондов.

Роль Мэдоффа как одного из управляющих его фондами, как и роль Тайхера, официально не оглашалась, хотя впоследствии Меркин будет доказывать в суде, что о связи с Мэдоффом было известно многим его инвесторам и что на самом деле они были только за.

По словам Меркина, Мэдоффу его изначально представил собственный отец, и произошло это в конце 1980-х годов. Герман Меркин славился чрезвычайной скупостью на похвалы, так что

для его сына услышать добрые слова о Мэдоффе, очевидно, значило очень много.

Иначе его решение трудно понять, потому что другие люди с Уолл-стрит, с которыми Меркин был знаком и которых он уважал, не разделяли благосклонного мнения его отца. Виктор Тайхер питал интуитивное недоверие к стабильным, даже на неустойчивом рынке, доходам Мэдоффа. Меркин «расписывал мне Мэдоффа, что да как он делает, чтобы обеспечить стабильный доход, и я нутром почуял, что этого просто не может быть, – скажет Тайхер позднее. – Я ничего подобного не видел, я имею в виду – таких устойчивых доходов… В такое просто невозможно было поверить». И по отношению к Мэдоффу он все последующие годы будет оставаться настороже.

О том же предостерегал Меркина и Джон Нэш, легендарный инвестор и один из основателей хедж-фонда Odyssey Partners. Нэш и его сын передали Мэдоффу для инвестирования небольшие личные средства, и результаты вызвали у них недоверие. Они изъяли свои деньги и в приватном порядке поделились сомнениями с Меркином.

Но победу одержала вера Меркина в Мэдоффа (или, возможно, вера во мнение о Мэдоффе его отца). В 1992 году – в год расследования против Avellino & Bienes и в год, который Мэдофф позднее определил как дату запуска своей финансовой пирамиды, – Меркин для инвестиций исключительно с помощью Мэдоффа сформировал новый хедж-фонд под названием Ascot Partners.

Жирные вознаграждения за управление инвестициями нового фонда целиком утекали к Меркину, а Мэдоффу оставались только комиссионные от сделок, которые он, как предполагается, проводил для Ascot. Позднейшие судебные процессы подсчитают, что от фонда Ascot между 1995 и 2007 годами Меркин получил около 170 млн долларов за управление инвестициями, а от двух других фондов, которые только частично инвестировали через Мэдоффа, – более 500 млн долларов. Благодаря Берни Мэдоффу Эзра Меркин, как и Уолтер Ноэл и Джеффри Такер, был на пути к баснословному богатству.

Эзра Меркин был щедр, как его отец, но не прочь был тратиться также на удобства и роскошь для себя и членов своей семьи. Приблизительно в 1994 году он заплатил 11 млн долларов за то, чтобы поселиться с семьей в восемнадцатикомнатной квартире в одном из легендарных зданий Манхэттена, на Парк-авеню, 740. Он накупил музейного качества предметов искусства на десятки миллионов долларов; главной его страстью были работы художника XX века Марка Ротко, чьи «цветовые поля»

займут в убранстве квартиры господствующее положение.

На протяжении всех 1990-х подобное ненасытное потребление Меркин уравновешивал внушительными дарами синагоге и таким образовательным учреждениям, как Ешива и его альма-матер, школа Рамаз. Его захватила филантропия. Он десять лет председательствовал в комитете по инвестициям нью-йоркского отделения еврейской федерации UJA (United Jewish Appeal) и со временем вошел в советы Ешивы, Карнеги-холла и других некоммерческиxx организаций. Его репутация открывала перед ним любые двери – Бард-колледж, университет Тафтса, Нью-Йорский университет и Нью-Йоркская школа права. Мало-помалу Меркину – и тем самым Мэдоффу – вверят свои деньги более трех десятков некоммерческих структур.

В письме из тюрьмы Мэдофф выразил глубокое уважение к Меркину: «Эзра Меркин один из ярчайших и [самых] удивительных людей, каких я только знал. Благородный человек». Берни и Рут от случая к случаю будут обедать с Меркином и его женой в их роскошной квартире, а на других частных обедах и благотворительных мероприятиях они будут общаться с друзьями четы Меркин, занимающими видное место в еврейских благотворительных и образовательных учреждениях.

Переживший холокост лауреат Нобелевской премии Эли Визель вспоминал один такой обед с Мэдоффами. «О рынках мы не говорили, – сказал он. – Мы говорили об этике… Он представлялся филантропом». Он помнил, как Мэдофф пытался заманить его в Квинс-колледж, альма-матер Рут, предлагая на свои средства (эндаумент) учредить там для него именную профессорскую позицию.

Даже если оставить в стороне значение подобных встреч для самих Рут и Берни, тесные отношения с Меркином очень помогли Мэдоффу упрочить репутацию среди еврейских филантропов. Расчет был предельно прост: его мастерство по части инвестиций приумножит щедрость их благородных порывов. Тот же Визель так объяснял, отчего он решил полностью инвестировать свой дарственный фонд с помощью симпатичного и скромного человека из Квинса: «Все, кого мы знали, говорили, что мы сможем принести больше пользы, если с помощью Мэдоффа заработаем больше денег».

В этих кругах репутация Мэдоффа как щедрого благотворителя повысилась после того, как в 1994 году они с Рут купили красивый дом в Палм-Бич и вступили в местный загородный клуб, пристанище (с самого его основания в 1950-х годах) по преимуществу еврейского богатства. Все знали: будущие члены клуба должны продемонстрировать, что делают

ежегодные благотворительные пожертвования по меньшей мере в размере клубного вступительного взноса, который в то время составлял предположительно 150–200 тыс. долларов.

Учредительные документы Ascot Partners давали Меркину полномочия размещать деньги своих инвесторов с помощью других инвестиционных управляющих. Но, принимая во внимание то, чем он занимался на самом деле, следует сказать, что эти документы попросту вводили клиентов в заблуждение. Они создавали впечатление, будто Меркин – основной управляющий фонда, и ясно указывали, что, в случае привлечения других управляющих, он диверсифицирует активы. Фактически же он с самого начала намеревался инвестировать фонд Ascot исключительно с помощью Мэдоффа, и так он и делал. В официальных документах, предоставлявшихся новым инвесторам, этот факт никогда не раскрывался.

Зато он бойко рассказывал, что фонд «будет заниматься в первую очередь рискованными арбитражными инвестициями в частные долговые требования, а также торгуемыми на бирже ценными бумагами компаний-банкротов и компаний, испытывающих серьезные трудности». Фонд также мог делать непрямые инвестиции во «взаимные фонды, частные инвестиционные партнерства, закрытые фонды и другие формы коллективных инвестиций, занятые сходными инвестиционными стратегиями», говорилось в документах.

Даже если бы Мэдофф честно следовал своей хваленой инвестиционной стратегии «конверсии с разделением страйка» на благо Меркина (а он и не думал ей следовать), его деятельность даже отдаленно не соответствовала этим параметрам.

7. Тревожные сигналы

Мир праздновал наступление нового века, и Берни Мэдофф был счастлив и уверен в себе. В 1990-е годы на Уолл-стрит наблюдался необычайный всплеск, в том числе полным ходом шла торговля акциями высокотехнологичных интернет-компаний в системе NASDAQ. Автоматизированная система внебиржевой торговли, созданная при участии Мэдоффа, стала теперь самым горячим рынком планеты. Электронные торги акциями, первопроходцем которых Мэдофф был в 1970-х, возникли как мощное подспорье для индивидуальных инвесторов, которые все чаще обращались к финансовым рынкам в надежде сохранить и приумножить свои пенсионные накопления. Легионы «внутридневных» трейдеров (тех, кто открывает и закрывает позиции в течение одного дня – одной биржевой сессии, не оставляя открытых позиций между сессиями) начали играть на рынке со своих домашних компьютеров, самостоятельно постигая возможности таких стратегий, как пут, колл, шорт, и других, когда-то доступных только профессиональным трейдерам вроде того же Мэдоффа.

Демократизация рынков, как ни странно, ничуть не повредила очарованию гения инвестиций Берни Мэдоффа. Да, каждый мог теперь сделать состояние, но мог его и потерять, а инвесторы по-прежнему фанатично верили в то, что существует надежный способ обеспечить высокий уровень доходности, не подвергая себя высокому риску. Когда в первые месяцы 2000 года лопнул биржевой пузырь акций хайтек-компаний, репутация Мэдоффа как надежной гавани в ненадежные времена только укрепилась. За ним утвердилась слава одного из эксклюзивных и самых удачливых финансовых управляющих. Долгое время он культивировал впечатление, будто новым инвесторам вход к нему просто закрыт: у него и так денег предостаточно, и он даже не станет вступать в переговоры с предполагаемыми клиентами. А уж если он соглашался добавить ваш хедж-фонд к элитному кругу своих институциональных клиентов, это было все равно что выиграть в лотерею. Беспроигрышная тактика! Блестящее доказательство того, что знаменитое правило великого комика Граучо Маркса («Я не хочу вступать в клуб, который согласен меня принять») работает и в обратную сторону: в клуб, в который вступить нельзя, хотят вступить все.

Счастливчики, которые уже туда проникли – Avellino & Bienes, Fairfield Greenwich, Cohmad Securities, Стенли Чейз, Эзра Меркин, уйма благотворительных и частных фондов, армия

офшорных хедж-фондов, – боялись даже случайно потревожить капризную курицу, несущую золотые яйца. Свою репутацию, свои деньги, деньги своих клиентов они поставили на постулат, что Мэдоффу можно верить. Они пропускали мимо ушей негромкий ропот, который начал раздаваться в сообществе хедж-фондов: мол, отдача у Мэдоффа слишком уж хороша – неправдоподобно хороша и стабильна.

А затем то, о чем шептались, вышло на публику.

В мае 2001 года всеобщее внимание привлекла пространная статья журналиста Майкла Окрента в отраслевом (хедж-фондовом) издании под названием «MARHедж», обнародовавшая ошеломляющий масштаб крайне закрытого бизнеса Мэдоффа по управлению инвестициями. По оценке Окрента, в управлении Мэдоффа было свыше 6 млрд долларов. В действительности эта сумма была много ниже той, которой фактически «управлял» Мэдофф, но даже названный объем делал Мэдоффа одним из крупнейших в мире независимых консультантов по инвестициям, несмотря на то что эти деньги притекали к нему через сотни других инвестиционно-консалтинговых фирм.

Окрент писал, что достижения Мэдоффа заинтриговали полтора десятка достойных доверия лиц из мира хедж-фондов (имена не названы). Никто из них не сомневался в цифре годовых доходов, но, как пишет Окрент, такие результаты, мягко говоря, «высоковаты» для стратегии, которую Мэдофф, по его собственным словам, применял. Окрент напомнил читателям о небольшом открытом взаимном фонде Gateway, который с 1978 года следовал сходной стратегии, но «за тот же период испытал куда большую волатильность и приносил куда меньшие доходы».

Специалисты, с которыми консультировался Окрент, «спрашивали себя, отчего никто не смог повторить подобные результаты с использованием той же стратегии, и отчего другим фирмам Уолл-стрит до сих пор неизвестно об этом фонде и его стратегии, и отчего никто с ним не конкурирует, как это обычно бывает». В статье также спрашивалось, отчего Мэдофф соглашается работать только за комиссию, позволяя управляющим фондами отхватывать львиную долю внушительных вознаграждений. Его роль, схема распределения вознаграждений, его скрытность – все это противоречило известным им правилам игры хедж-фондов.

Окрент признал, что среди опрошенных им «четверо или пятеро профессионалов» понимают, в чем состоит эта стратегия, и не оспаривают ее заявленные результаты – это лишний раз свидетельствует о том, что Мэдофф избрал правдоподобное прикрытие для своей аферы, которая к тому времени, похоже,

разворачивалась уже лет десять, а может быть, и больше. Но даже эти профессионалы сомневались, что Мэдофф мог следовать указанной стратегии, используя акции и опционы списка S&P 100, особенно с учетом того, что в его управлении находилось 6 млрд долларов.

В непринужденной беседе с Окрентом, происходившей, вероятно, в «Помаде», в спокойные часы после работы, Мэдофф отверг эти сомнения, заявив, что его закрытые фонды чуть более волатильны, чем может показаться, если судить по их месячной и годовой доходности, и что такие результаты объясняются исключительно его огромным опытом и умелым, тонко продуманным трейдингом его фирмы.

В этих словах об умелом трейдинге фирмы нет преувеличения – годом ранее к такому же выводу пришли некоторые из крупнейших фигур Уолл-стрит. В то время компьютеризованные трейдинговые сети множились по всей Уолл-стрит, и регуляторы настаивали на снятии ограничений Большого табло касательно того, где его участники могли торговать котируемыми на нем акциями. В предвкушении скорой свободы пять брокерских домов в 2000 году объединились, чтобы инвестировать в новую трейдинговую систему под названием Primex. Эти пятеро были: Goldman Sachs, Merrill Lynch, Morgan Stanley, Salomon Smith Barney и Bernard L. Madoff Investment Securities, причем последний фактически и разработал новую сеть. «Я не мог и мечтать о таких партнерах», – сказал Мэдофф журналистам, когда было объявлено о создании нового консорциума.

С Окрентом Мэдофф не был ни высокомерен, ни пренебрежителен, скорее – обаятелен и как будто растерян. Он без спешки провел Окрента по этажу трейдинговых операций, охотно и уверенно говорил о своей спорной инвестиционной стратегии, пересыпая рассказ правдоподобными объяснениями своего успеха. «На рынке для эффективной стратегии важно точно рассчитать время и не ошибиться в выборе акций, – писал Окрент, – и тем, кого удивляют успехи фирмы в этих сферах, Мэдофф указывает на солидный опыт, превосходную техническую оснащенность, что позволяет исполнять заказы быстро и недорого, “фирменные” модели ценообразования акций и опционов, надежную инфраструктуру, компетентность в маркетмейкинге и исследования рынка на основе ежедневно обрабатываемых массовых заказов. Все это была чистая правда, все это и давало Мэдоффу такой уровень доверия на Уолл-стрит. Просто все это не имело отношения к его инвестиционным результатам».

Мэдофф объяснил, что он не учреждал собственного хедж-фонда и, соответственно, не требовал принятых в хедж-фондах гонораров, так как полагал, что его фирма должна сосредоточиться только на развитии своих «самых сильных сторон». Это объяснение не удовлетворило «экспертов-скептиков», с которыми консультировался Окрент. «Большинство выражает недоумение, – писал он, – и никак не может взять в толк, каким образом обеспечивались такие результаты в течение такого продолжительного срока».

На следующей неделе столь же скептическое мнение об успехах Берни Мэдоффа в управлении инвестициями выразила еще одна журналистка, Эрин Арведлунд, из мейнстримного финансового журнала Barron's – по всей вероятности, эту публикацию прочло гораздо больше инвесторов, чем статью Окрента.

После выхода двух этих статей Мэдофф отказался от своего обычного отношения к крупным инвесторам («бери, что дают, а не устраивает – до свиданья») и немедленно принял меры к тому, чтобы успокоить крупнейшие фидер-фонды.

Джеффри Такер из Fairfield Greenwich почти не обратил внимания на статью Окрента, а «несколько критическая» статья в Barron's его и вовсе не смутила: «Я подумал, что это обычная безответственная журналистика». Но затем ему позвонил Мэдофф.

– Твои клиенты отреагировали? – спросил он.

– Некоторые забеспокоились, – ответил Такер и добавил: – Лично меня больше беспокоят активы.

– Зайди сегодня после обеда, – сказал Мэдофф.

Когда Такер прибыл на эту импровизированную ревизию благонадежности, Мэдофф благодаря творческим усилиям Фрэнка Дипаскали был во всеоружии. Помимо фальшивых документов на подтверждение сделок и выписок из клиентских счетов, систематически фабриковавшихся уже лет десять, он организовал липовый трейдинговый терминал, благодаря которому создавалось впечатление, будто у вас на глазах проводятся настоящие сделки с европейскими партнерами, хотя в действительности трейдер-контрагент работал на компьютере за стенкой. И в довершение всего у него имелся козырный туз: документальное подтверждение того, что все предположительно купленные им акции надежно хранятся на счету Мэдоффа в центральной расчетно-клиринговой палате Уолл-стрит – Депозитарной трастово-клиринговой корпорации (Depository Trust & Clearing Corporation, или DTCC; трейдеры-ветераны чаще пользуются прежним сокращением – DTC).

Компьютерная имитация поступающих в режиме реального времени данных DTCC стала решающим испытанием мастерства Дипаскали. Он позаботился о том, чтобы в точности скопировать логотип расчетной палаты, формат страницы и шрифты – все как в настоящих отчетах DTCC. Разумеется, эти фальшивые отчеты неизменно подтверждали, что на счету Мэдоффа хранится требуемое число акций, в целости и невредимости. Иное показал бы только официальный запрос в DTCC, но для этого требовалось специальное разрешение – расчетная палата тщательно заботилась о конфиденциальности клиентской информации.

Впоследствии Такер поведал регуляторам о том судьбоносном визите в «Помаду» к Мэдоффу. Ему был знаком роскошный кабинет в офисе руководства, располагающийся на девятнадцатом этаже. Компьютерный экран позади элегантного стола Берни был хорошо виден, за компьютером сидел Дипаскали, обложившись бухгалтерскими книгами и ведомостями.

Ничуть не обижаясь на витающие в воздухе подозрения, Мэдофф призывал Такера со всей придирчивостью удостовериться в том, что трейдинговые операции для фонда Fairfield Sentry ведутся должным образом. Такеру показали подлинную на вид «книгу учета покупок и продаж» с отчетами по каждой сделке для его фонда. Затем предъявили регистр, в котором будто бы содержались записи о фондовых ценностях Мэдоффа.

Мэдофф предложил ему выбрать любые две акции.

Любые две акции? Вначале Такер выбрал AOL Time Warner, которые, как ему было известно, имелись в активах Fairfield Sentry. Тем временем Фрэнк – или Берни – активировал экран компьютера, поясняя, что тем самым открывается доступ к счету Мэдоффа в DTCC в режиме реального времени.

«Они долго листали страницы на экране, пока не добрались до страницы AOL», – вспоминал Такер. В регистре фондовых ценностей он уже видел число акций AOL, которыми должен был располагать Мэдофф для своих клиентов из хедж-фонда. На экране Такер увидел число акций, записанных на счет Мэдоффа расчетной палатой. Числа совпадали.

На самом деле, как показали последующие судебные процессы, Такер никогда прежде не имел дела с автоматизированным клирингом DTCC. Но даже если бы у него и был такой опыт, вряд ли он сумел бы обнаружить фальшивку. В конце концов, у Дипаскали каждый день имелся доступ к настоящим данным счета в DTCC – к тем, что доступны законной брокерской фирме, – и он изо всех сил старался, чтобы его

имитация в точности соответствовала оригиналу.

Мэдофф предложил Такеру выбрать другую акцию, но тому больше доказательств не требовалось. Акции на месте, все чисто, никакого подвоха. Он ушел в полной уверенности, что статья в Barron's не стоит внимания и причин для беспокойства нет.

Даже и без устроенного для Такера шоу большинство клиентов Мэдоффа – инвесторов хедж-фондов, число которых стремительно росло, попросту отмахнулись от скептических статей мая 2001 года: личность Мэдоффа и его репутациия – вот все, что им требовалось, и доверие их не было поколеблено. Один из таких клиентов, Эзра Меркин, много лет хранил экземпляр статьи из Barron's, однако продолжал вкладывать в Мэдоффа сотни миллионов долларов.

Экземпляр статьи из Barron's на долгие годы уляжется в досье вашингтонского офиса Инспекции по проверке соответствия законодательству Комиссии по ценным бумагам и биржам OCIE. Это отдел федерального агентства, отвечающий за инспектирование брокерских фирм, подобных фирме Мэдоффа.

Директор инспекции послала своему заместителю вырезку с припиской сверху, гласящей, что Арведлунд «знает свое дело» и «отлично справилась с нашей работой». Однако никакой проверки фирмы Мэдоффа не последовало. Похоже, заместитель директора подшил статью в досье и этим ограничился.

Нехватка сотрудников, неуверенность в своих полномочиях и своих силах привели к тому, что бездействие главного регулятора страны стало почти рефлекторным. Конгресс принимал законы, сужающие простор для регулирования финансовых фирм, и 1990-е годы стали свидетелями морального упадка Комиссии. Чего стоит один только Закон о реформе судопроизводства в сфере частных ценных бумаг 1995 года, который сильно затруднил процедуру привлечения к судебной ответственности виновных за различные нарушения бухгалтерского учета и управления финансами. Годом позже Конгресс принял еще другой закон и расширил лазейку, позволявшую хедж-фондам уклоняться от регистрации в Комиссии по ценным бумагам и биржам. Запускать новые хедж-фонды без особого надзора регуляторов стало проще и прибыльнее. Этим послаблением воспользовались тысячи финансовых управляющих.

Год за годом кадровый состав Комиссии подвергался беспрестанному давлению, в первую очередь из-за жалких бюджетов, что сказывалось на уровне профессионализма. Текучесть кадров выросла до такой степени, что Счетная палата забеспокоилась. Текучесть юридических кадров Комиссии, ее бухгалтеров и следователей, достигшая в 2000 году 15 %, была

вдвое выше этого показателя для соответствующих должностей в структурах исполнительной власти. В отчете за 2001 год Счетная палата установила, что между 1998 и 2000 годами Комиссию покинула треть персонала – более тысячи ее работников, среди которых юристы составляли по меньшей мере половину. При тогдашних зарплатах на эти позиции вряд ли стал бы претендовать кто-нибудь, кроме новичков. В последующие годы за преступниками с Уолл-стрит вроде Берни Мэдоффа, все более творчески подходившим к своему делу, будут надзирать все более неопытные и плохо обученные сотрудники Комиссии. В конце концов злоупотребления 1990-х годов с их позорно оптимистическими отчетами, которые аналитики Уолл-стрит выпускали по хлипким технологическим акциям, и сфальсифицированной бухгалтерией таких технологических гигантов, как Enron и WorldCom, выйдут на свет – но не благодаря усилиям или инициативам Комиссии и не тогда, когда еще можно было предотвратить крупный ущерб, причиненный их работникам и инвесторам. На слушаниях в Конгрессе по следам этих скандалов сенатор от Мэриленда Пол Сарбейнс процитирует суждение неназванного аналитика о положении дел в Комиссии: «Моральное состояние упало ниже некуда. От того, что здесь было лет десять – двенадцать тому назад, остались одни воспоминания».

Всего за месяц до выхода статьи в Barron's к заместителю директора отдела правоприменения нью-йоркского отделения Комиссии из бостонского офиса поступила докладная записка по Мэдоффу. Это было сложное, местами путаное заявление некоего специалиста по количественному анализу, утверждавшего, что он математически проанализировал доходы Мэдоффа от инвестиций и пришел к единственно возможному выводу: Мэдофф – мошенник.

Обвинение исходило от Гарри Маркополоса, портфельного управляющего бостонского Rampart Investment Management. Маркополос проявил интерес к отдачам от инвестиций Мэдоффа несколькими годами ранее, когда руководитель Rampart попросил его исследовать вопрос, отчего стратегии хеджирования опционов в Rampart не достигают того уровня отдачи, о котором раз за разом сообщает Берни Мэдофф.

Маркополос, сын иммигранта – владельца греческого ресторана в Эри (штат Пенсильвания), получил диплом бакалавра управления бизнесом в мэрилендском Университете Лойолы и магистра финансов в Бостонском колледже. Попутно он работал в семейной ресторанной сети, служил в армейском резерве, благодаря семейным связям поступил на работу в брокерскую

фирму и работал в небольшом инвестиционном партнерстве; в 1991 году перешел в Rampart. К 1996 году он выдержал жесткие экзаменационные испытания на сертификат финансового аналитика и стал работать в Бостонском обществе аналитиков по ценным бумагам.

Маркополос был умен, в чем-то наивен, с ярко выраженной склонностью к преувеличениям и грубому солдатскому юмору. В своих воспоминаниях он описывает, как поддразнивал свою будущую жену, предлагая оплатить большие грудные имплантаты – вместо того, чтобы тратить деньги на двухкаратный бриллиант в кольце для помолвки, о котором она мечтала. «Тогда хоть мы оба получим удовольствие», – якобы сказал он ей. И чем же закончилось дело? «Мы сошлись на полутора каратах».

Даже друзья Маркополоса сходились в мнении о том, что он немного странноватый. Недаром вернейший союзник Маркополоса в бостонском отделении Комиссии, следователь-ветеран Эд Мэньен, заметил, что к Маркополосу мало кто относился равнодушно. «Он вам либо нравится, либо нет, – сказал Мэньен. – Гарри не всегда приятен в общении». Маркополос, например, мог во всеуслышание отпустить такую шутку: дескать, различие между мужчинами и женщинами, сотрудниками Комиссии по ценным бумагам и биржам, только в том, что женщина способна сосчитать до двадцати, а мужчина до двадцати одного – «если, конечно, снимет трусы». К рассказу о своей милой шутке Маркополос добавил следующий комментарий: «Женщин это жуть как бесит, но у меня в запасе есть продолжение: "…правда, трусы-то снять надо еще догадаться, а с догадливостью в Комиссии туго. Никто не видит очевидного"». Нетрудно догадаться, что он не питал почтения к регуляторам рынка.

Когда Маркополос проанализировал доходы Мэдоффа от операций, он обнаружил, что они и близко не лежали к показателям голубых фишек, которые Мэдофф якобы покупал. И он не видел никаких разумных причин, почему Мэдофф позволял руководству своих фидер-фондов огребать гигантские вознаграждения, в то время как сам он получал лишь комиссии с трейдинга. Он высказал сомнение в том, что в целом мире не хватит индексных опционов, чтобы захеджировать портфель такой величины, как портфель Мэдоффа. И еще он заметил, что между январем 1993 года и мартом 2000 года Мэдофф терпел убытки только три месяца из восьмидесяти семи, а S&P 500 за тот же период без малого двадцать восемь месяцев находился на низком уровне. «Это все равно как если бы супербэттер бейсбольной команды на протяжении всей спортивной карьеры

показывал почти стопроцентную результативность», – позднее заметил Маркополос. (Для профессиональных инвесторов эта аналогия менее убедительна, чем для широкой публики. К примеру, взаимный фонд Gateway, который следовал сходной стратегии, в тот же период терпел убытки только четырнадцать месяцев, так что он в среднем набрал больше 80 %, и даже S&P 500 с его двадцатью восемью месяцами убытков вышел почти на 70 %. Для бейсболиста и такая результативность была бы неправдоподобной, однако в двух последних случаях это реальный итог абсолютно законной рыночной деятельности, без всякого мошенничества.)

Так или иначе, Маркополос быстро и точно вывел заключение, что Мэдофф мошенничает: то ли выстраивает финансовую пирамиду, то ли пользуется конфиденциальной информацией о предстоящих ордерах, чтобы играть на опережение (а это незаконная практика). Взволнованный своим открытием, он довел его до сведения Мэньена. В мае 2000 года Мэньен устроил Маркополосу личную встречу с Грантом Уордом, старшим юристом отдела правоприменения бостонского отделения Комиссии.

Встреча прошла неважно. Мэньен позднее вспоминал: «Гарри просто не понимает, с кем как нужно говорить». Маркополос был себе на уме, интеллектуал-аналитик (на жаргоне Уолл-стрит – «квант»), и, к несчастью, он явно переоценил свое умение внятно объясняться с неквантами. Излагая у доски сложную теорию, Маркополос рисовал здесь кружок, там стрелку, указывающую на другой кружок, потом третью стрелку, указывающую на еще один кружок… По словам Мэньена, это походило на пытку нескончаемой головоломкой. «И Гарри все говорил: вот, смотри, видишь, что получается?» А ты смотришь на всю эту чертовщину и мотаешь головой: не-а, не понимаю».

Маркополос и Мэньен заметили, что глаза Уорда остекленели еще прежде, чем Маркополос дошел до первого доказательного пункта своего анализа доходности инвестиций Мэдоффа. Дело не упрощало и то, что Уорд через несколько месяцев собирался покинуть агентство ради работы в частной практике, но будем справедливы: на него обрушили такую мешанину из рыночного жаргона и математических терминов, что у любого голова пошла бы кругом: «Указанная отдача от инвестиций не может быть результатом открытой нетто-лонг позиции, а именно: часть А – конверсия с разделением страйка, то есть 30–35 лонгов на OEX-индекс, которые шортятся вне денег (дельта <.5)»… И это только начало.

Для некванта вроде Гранта Уорда (да и для большинства

юристов-регуляторов) это все равно что санскрит.

Спустя некоторое время Уорд заверил расстроенного Эда Мэньена, что дал нью-йоркскому отделению Комиссии наводку на Мэдоффа. Но открытых свидетельств тому нет, и в дальнейшем официальное расследование заключит, что он этого не сделал. На соответствующий вопрос Уорд ответил, что вообще не помнит о встрече с Маркополосом, хотя, согласно официальному заключению, это тоже неправда.

В течение следующего года Маркополос продолжал отслеживать статистически невозможные успехи Мэдоффа. В записке к Мэньену он сказал: «Эти цифры уж больно хороши, чтобы быть правдой. А всякий раз, стоит мне только подумать, что показатели компании или управляющего слишком хороши, чтобы быть правдой, оказывается, так и есть, дело нечисто».

Маркополос, ободренный Мэньеном, подготовил обновленный отчет по Мэдоффу для нового начальника отдела правоприменения в бостонском офисе Комиссии. На этот раз анализ Маркополоса от 3 апреля 2001 года был-таки отослан в Нью-Йорк, где его передали на рассмотрение заместителю директора соответствующего регионального отдела, компетентному и уважаемому юристу. Днем позже она послала своему руководителю электронное письмо, где говорилось, что она рассмотрела заявление по Мэдоффу, но не считает, что оно заслуживает дальнейшего расследования: «Не думаю, что мы должны и дальше заниматься этим».

Несколько лет спустя, читая докладную Маркополоса, она была озадачена собственным решением, о котором она, по ее словам, даже не помнит. «Мне кажется, по этому документу я должна была бы с кем-нибудь проконсультироваться, – сказала она. – Надеюсь, я с кем-то посоветовалась. Честно, я не помню. – И добавила: – Я, скорее всего, подумала бы, что автор документа, мягко выражаясь, с приветом. Но, надеюсь, я не оставила бы его без внимания только по этой причине… не помню».

Террористическая атака 11 сентября 2001 года оторвала внимание страны от фондового рынка и любых возможных расследований Комиссии по ценным бумагам и биржам, а внимание СМИ – от пристального расследования сюжетов, о которых говорилось в статьях Окрента и в Barron's, и от упорно ходивших на Уолл-стрит слухах насчет Берни Мэдоффа. После нападения на Всемирный торговый центр персоналу FINRA (Агентство по регулированию деятельности финансовых институтов) в Нью-Йорке пришлось эвакуировать офисы на Уолл-стрит, а их юридический персонал нашел прибежище в офисах Мэдоффа на Манхэттене. Когда 17 сентября фондовый рынок

открылся вновь, фирма Bernard L. Madoff Investment Securities вместе с остальной Уолл-стрит была готова отправлять предложения, принимать заказы и давать отпор.

Пока фондовый рынок постепенно приходил в себя и американцы пытались приспособить сознание к восприятию нового миропорядка, партия хедж-фондов, которая помогала питать аферу Мэдоффа, с удвоенной энергией возобновила свою деятельность. Суммы, доверенные практически никем не контролируемым управляющим хедж-фондами, между 2001 и 2003 годами выросли более чем на треть. Институциональные инвесторы добавляли хедж-фонды к своим портфелям, подгоняемые прибылями (намного превосходящими прибыли открытых взаимных фондов) и поддерживаемые верой в то, что они способны аккуратно обойти растущие риски, неизбежно сопровождающие столь высокую отдачу от инвестиций.

Несмотря на то что хедж-фонды номинально оставались закрытыми для всех, кроме богатых и искушенных, среди политиков и регуляторов крепло убеждение, уже теоретически обоснованное кое-кем из ученых мужей, в том, что американцы со средним доходом «заслужили» право разделить эти высокие прибыли. Почти никто не задавался вопросом, обладают ли инвесторы со средним доходом теми же навыками оценки рисков, что инвесторы институциональные, – или, если на то пошло, так ли хорошо оценивают риски институциональные инвесторы, как им самим представлялось. Оставался один шаг до того, чтобы простой трудящийся американец подхватил заразу хедж-фондов и при первом удобном случае побежал отдавать свои деньги, прямо или через посредника, какому-нибудь хедж-фонду – бизнес-партнеру Мэдоффа.

Для инвестора из среднего класса одна из дорожек в мир хедж-фондов пролегала через «фонд хедж-фондов» – финансовый инструмент, дебютировавший на рынке США летом 2002 года. Эту концепцию позаимствовали у индустрии взаимных фондов 1960-х годов. В те годы инвесторы могли покупать акции в «фонде взаимных фондов», уплачивая двойное вознаграждение за привилегию иметь сформированный кем-то портфель самых результативных фондов. За фондом хедж-фондов стояла та же идея, одетая в Armani. Мелкие инвесторы могли вложить всего 25 тыс. долларов в фонд, публично заявленный к размещению, чьи управляющие поставили бы эти деньги на конюшню многообещающих частных хедж-фондов. (Даже эти 25 тыс. долларов были сугубо добровольными. Юридически это были взаимные фонды, которым по закону не требовалось устанавливать минимальной суммы инвестиций.)

«Фонды хедж-фондов вызывали особую тревогу, потому что они позволяли инвесторам вкладываться не непосредственно в сами хедж-фонды, в которые они из-за законодательных ограничений едва ли могли инвестировать напрямую», – сказал в апреле 2003 года на слушаниях в Конгрессе председатель Комиссии по ценным бумагам и биржам Уильям Х. Доналдсон.

Они не могли инвестировать напрямую, потому что закон позволял хедж-фондам принимать только «аккредитованных инвесторов», – тех, кто имел чистые активы стоимостью минимум 1 млн долларов. Однако к 2003 году этому требованию отвечало растущее число американских семей со средними доходами. Стоимость жилья была высокой и все росла, а с нею у множества семей росли объемы активов, заключавшихся в стоимости их домов. А их индивидуальные пенсионные счета IRA (Individual Retirement Account) и пенсионный план 401К существовали достаточно долго, чтобы на них скопилась существенная сумма. В итоге миллионы американцев стали потенциальными клиентами хедж-фондов.

Реальность была такова, что все больше американцев передавали свои «самоуправляемые» IRA в руки Берни Мэдоффа. Самоуправляемый индивидуальный пенсионный счет обычно состоял не из традиционных (и традиционно регулируемых) акций, облигаций и взаимных фондов. Эти альтернативные вложения варьировались от товаров до недвижимости, но включали и заметную долю хедж-фондов. А раз владельцы сбережений делали выбор инвестиций, Налоговый кодекс требовал у них воспользоваться услугами фирмы-держателя, которая называлась хранителем IRA, следовала указаниям владельца счета, делала инвестиционные покупки и выполняла административную работу. Один из первых инвесторов Мэдоффа во Флориде нашел небольшую фирму Retirement Accounts Inc., которая управляла его пенсионным счетом IRA, помещенным в Avellino & Bienes, несмотря на то что весьма вольная деятельность бухгалтеров не была зарегистрирована, никакой письменной информации о фирме не было, а отчетность была минимальной.

Клич был брошен, и Retirement Accounts Inc. стала управлять сотнями самоуправляемых пенсионных счетов, вложенных в Мэдоффа. После нескольких слияний и поглощений она стала подразделением гигантской компании по оказанию финансовых услуг Fiserv Inc. К 2008 году она занималась примерно восемьюстами самоуправляемыми пенсионными счетами, инвестированными в Мэдоффа, стоимость которых превышала миллиард долларов.

Другой способ заработать на хедж-фондах и других

малорегулируемых инвестициях – и, следовательно, получить возможность угодить в ловушку Берни Мэдоффа – для американца со средними доходами был связан с пенсионными отчислениями по месту работы.

Крупные публичные и корпоративные пенсионные фонды годами отводили на «альтернативные инвестиции», в том числе и в хедж-фонды, лишь крохотную часть своих активов. К 2003 году уже и бесчисленные малые пенсионные планы инвестировались в эти высокорискованные «альтернативы» – а на самом деле десятки из них вкладывались в Берни Мэдоффа.

Уже в 1989 году шесть небольших профсоюзов севера штата Нью-Йорк через лонг-айлендскую консультационную фирму под названием Ivy Asset Management начали инвестировать пенсионные активы в Мэдоффа. Основателей Ivy Asset Management в 1987 году представил Мэдоффу один из клиентов, и с тех пор более десяти лет они поддерживали отношения. Другие едва оперившиеся финансовые консультанты вскоре тоже стали инвестировать пенсионные деньги своих клиентов через Ivy, которая оставляла себе немалое вознаграждение за консультации и экспертизу. Некоторые новые партнерства с ограниченной ответственностью формировались единственно для инвестиций в Мэдоффа через Ivy, и множество пенсионных фондов были привлечены их стабильной и надежной отдачей от инвестиций.

Согласно электронным письмам, полученным при последовавших судебных разбирательствах, к 1991 году до некоторых управляющих Ivy дошли тревожные слухи о Мэдоффе. К 1997 году они заметили, что объем публично торгуемых индексных опционов слишком мал для покрытия инвестиционных стратегий Мэдоффа – даже для их собственных клиентов, а они не сомневались, что, помимо их денег, Мэдофф управляет миллиардами долларов для других клиентов.

Один из руководителей Ivy, когда он вместе с Берни Мэдоффом летел домой после встречи с одним из профсоюзных пенсионных фондов на севере штата, якобы задал вопрос о несоответствии между объемом опционных торгов и управляемыми активами. Мэдофф от него просто отмахнулся, обронив только, что, вероятно, по некоторым опционам он проводил сделки с банками или на заграничных биржах, но, вообще, такое расхождение бывает редко.

Руководитель Ivy, по-видимому, не стал спорить с Мэдоффом (хоть и знал, что несоответствия случаются довольно часто), но, должно быть, своим видом дал понять, что его это объяснение не убедило. Несколькими месяцами позже Мэдофф, вероятно, чтобы

упредить любые оставшиеся сомнения, в разговоре с этим маловером упомянул, что временами торгует опционами на других фондовых биржах. Но опционы, которые Мэдофф для примера назвал, торговались только на опционной бирже в Чикаго. Так что в его рассказе по-прежнему одно с другим не сходилось.

Из этих нескладных объяснений руководитель Ivy вывел, что Мэдофф водит его за нос. Едва не распознав (но все же не распознав) финансовую пирамиду, этот руководитель заподозрил, что на самом деле Мэдофф пользуется деньгами инвесторов для финансирования своего законного биржевого трейдинга. «Инвестиционные доходы», записываемые на их счета, на самом деле могли быть «компенсацией за использование их денег», предположил он в записке учредителям Ivy в мае 1997 года. Одним словом, руководитель Ivy пришел к выводу, что, хотя Мэдофф и лгал о том, каким образом он зарабатывает деньги для инвесторов (не инвестируя в свои таинственные хеджированные стратегии, а выплачивая им часть прибылей от собственного законного трейдинга), он, во всяком случае, и правда зарабатывал для них деньги.

Тезис, будто инвесторы Мэдоффа выступали его «кредиторами», которые, сами того не ведая, финансировали его собственные трейдинговые операции и получали за это часть прибылей фирмы, получил неожиданное развитие два года спустя, когда руководитель Ivy поговорил с одним видным управляющим хедж-фонда, имя которого в протоколах суда не указано. Руководитель Ivy изложил беседу с ним в записке для служебного пользования. «Вчера вечером [управляющий] встретился со своим старым знакомым, который работает на Берни. [Он] сказал: “Давай поговорим начистоту”. [Он] высказал свое мнение относительно теории субординированного долга, то есть о том, что это за стратегия на самом деле. Его контакт кивнул: “Что ж, пожалуй, так и есть”».

В следующие несколько лет один из основателей Ivy проявлял свои сомнения в Мэдоффе еще более явно, хотя потом отрицал, что заподозрил финансовую пирамиду. В 2001 году в очередной записке для служебного пользования он заметил, что «Мэдофф, если он не “настоящий”, может самолично обанкротить все еврейское сообщество». В 2002 году, в ответ на попытку сотрудника проанализировать и объяснить замечательные доходы Мэдоффа от инвестиций, он написал: «А, Мэдофф! Вы упускаете еще одну возможность – что он мошенник».

Все эти тревоги и сомнения побудили руководство Ivy примерно к 2000 году забрать из рук Мэдоффа средства – свои и

своих частных клиентов. Но, согласно последующему судебному процессу, они не изъяли со счетов Мэдоффа средства своих пенсионных клиентов. Очевидно, профсоюзы были более чем довольны стабильными доходами от инвестиций. К тому же Ivy тем самым продолжала получать свои гонорары, и пенсионные деньги считались «имуществом под ее управлением», а это ключевой критерий в оценке всякого инвестиционно-консалтингового бизнеса. Поэтому у Мэдоффа остались небольшие пенсионные планы многих членов профсоюза – на общую сумму свыше 220 млн долларов.

Такие местные профсоюзы были мелкой сошкой среди легионов пенсионных фондов, стройными рядами зашагавших в мир хедж-фондов. Но когда гигантские публичные пенсионные фонды штатов, такие как калифорнийский и нью-йоркский, в совокупности увеличивали объем инвестируемых средств всего на один-два процента, это в перспективе означало поток в миллиарды долларов, готовый влиться в один из новоявленных хедж-фондов, управляемых умниками-менеджерами.

И одной из тех, кто помогал найти этих менеджеров, была хваткая, честолюбивая женщина по имени Сандра Манцке, одна из немногих женщин, поднявшихся на вершины индустрии хедж-фондов, – и одна из первых управляющих хедж-фондами, рекомендовавших Берни Мэдоффу обратить внимание на пенсионные планы и инвесторов со средним доходом.

Манцке была женщина красноречивая, уверенная и весьма проницательная. Она выслужилась из аналитиков Уолл-стрит в эпоху, когда уютные офисы руководства находились вдалеке от женских уборных. В начале 1970-х для одного небольшого, но престижного взаимного фонда она разработала методику измерения производительности фондов. После защиты диплома в художественном институте Пратта, немного потолкавшись в кинобизнесе, она вернулась на Уолл-стрит, потрясая копной светлых волос и щеголяя театральными манерами. К 1976 году она нашла место в Rogers, Casey & Barksdale, одной из наиболее многообещающих в стране фирм по консультированию пенсионных фондов.

Тогда, в 1970-х, фондовая биржа была терра инкогнита для большинства пенсионных фондов, которые долгое время ограничивались облигациями и другими менее рискованными инструментами. Но доходы по облигациям не поспевали даже за инфляцией, и тем более за ростом обещанных будущим пенсионерам выплат. К середине 1970-х годов даже «сверхосмотрительные» из мира фидуциаров (попечителей-управляющих) вынуждены были признавать, что осмотрительный

подход требует добавлять обыкновенные акции компаний к своим портфелям.

Специализация Манцке состояла в поиске многообещающих новых фондовых управляющих и в передаче в их руки средств своих клиентов – пенсионных фондов. Манцке была одной из первых, кто рекомендовал пенсионным фондам услуги таких легендарных в будущем фондовых управляющих, как Питер Линч, Фред Элджер и Марио Габелли.

В 1984 году она ушла из Rogers, Casey и пустилась в самостоятельное плавание, создав то, что станет компанией Tremont Partners. Вначале пришлось побарахтаться, но она встала на ноги, и вскоре ее небольшая фирма обрела у клиентов превосходную репутацию. Среди ее первых клиентов были публичные пенсионные фонды города Фэрфилд (штат Коннектикут), которые наняли ее в начале 1985 года.

Но настоящее богатство Манцке содержалось в ее картотеке, и не только потому, что там был телефонный номер Берни Мэдоффа. В мире, где пенсионные фонды все чаще пересекались с хедж-фондами, она, по-видимому, была знакома почти со всеми и со многими имела сложным образом переплетающиеся партнерские отношения. К 1990 году Манцке стала директором нового семейства офшорных хедж-фондов под названием Kingate, которые управлялись двумя живущими в Лондоне итальянскими бизнесменами, Карло Гроссо и Федерико Черетти. Новаторский фонд Kingate был зарегистрирован уже в начале 1991 года и, вероятно, с самого начала инвестировал через Мэдоффа. Это подтверждается и признаниями самого Мэдоффа. К марту 1994 года у Мэдоффа открыл счет второй Kingate. Менее чем два года спустя этих фондов со счетами у Мэдоффа было три.

Помимо развития офшорных фондов, Манцке сумела выдвинуть Tremont Partners в авангард открытых хедж-фондов для внутренних американских инвесторов. В 1994 году Tremont запустил фонды Rye, на которых часто останавливали свой выбор консультанты пенсионных планов и индивидуальных пенсионных счетов. В перспективе через фонды Rye в руки Мэдоффа попадет более миллиарда долларов.

Фонды Rye родились в тот же год, когда Манцке приобрела партнера по Tremont Роберта И. Шульмана, который до этого управлял в Smith Barney шестидесятимиллиардным консалтинговым подразделением и его группой по разработке новых розничных инструментов. Боб Шульман со своим круглым, открытым лицом и курчавыми волосами был на Уолл-стрит популярной и уважаемой персоной. Согласно материалам одного из судебных процессов, он годами громогласно восхвалял

Мэдоффа и его достижения, но позднейшие показания в суде указывают на то, что Манцке была знакома с Мэдоффом еще до того, как Шульман пришел в Tremont.

Весной 2001 года, когда Майкл Окрент и Barron's опубликовали скептические статьи о тайнах бизнеса Мэдоффа по управлению инвестициями, гигантская группа фондов Oppenheimer Funds произвела его комплексную экспертизу для сделки по покупке Tremont Partners. Прямыми свидетельствами того, что статьи вызвали переполох среди юристов и аналитиков, которые компоновали сделку, мы не располагаем. Сделка была заключена, и к июлю Сандра Манцке и Боб Шульман, образно говоря, смели с покерного стола громадную кучу фишек.

Tremont, помимо связей с Oppenheimer, сколачивал сложные и престижные альянсы по всей карте мира хедж-фондов. В совместном предприятии с Credit Suisse он популяризовал индекс эффективности хедж-фондов, соблазняя банкиров с творческой жилкой измышлять новые, экзотические деривативы (производные финансовые инструменты), привязанные к этому индексу.

Пока регуляторы пытались разобраться в «возможных последствиях роста хедж-фондов (в 2003 году это стало темой публичного форума), Манцке и Шульман стали модными финансовыми гуру. Они излучали веру в хедж-фонды как в отрасль, хотя та же Манцке открыто ратовала за то, чтобы регуляторы требовали от управляющих хедж-фондами теснее сотрудничать с подобными ей консультантами «фондов фондов».

На одном из форумов она заявила регуляторам: «От управляющих очень трудно получить ответы, а в карманах у них теперь лежат все ключи. Если, искренне желая вложиться в хороший фонд, вы зададите несколько трудных вопросов, ответа вы можете и не получить. Мало того, этот фонд может и не захотеть с вами работать». Вполне вероятно, что Манцке имела в виду Мэдоффа: он славился тем, что особо въедливым клиентам, одолевавшим его неудобными вопросами, он предлагал забрать свои деньги и оставить его в покое. Быть изгнанным Берни означало смертный приговор любому фонду, чье существование, включая щедрое вознаграждение управляющему, зиждилось на доступе к Мэдоффу.

Профессиональное прошлое Сандры Манцке и ее доходное настоящее вступили в прямой конфликт в 2002 году, когда аналитики ее прежней стартовой площадки, ныне называемой Rogerscasey Inc., присмотрелись к семейству хедж-фондов Tremont и предостерегли их клиентов.

Суть этого предостережения сводилась к тому, что в Tremont

просто не могли знать содержимого черного ящика Мэдоффа: в отношениях с бизнес-партнерами фирма Tremont «допускает ограниченную прозрачность третьей стороны», заявили в Rogerscasey Inc., переведя свое простое сообщение на жаргон финансовых консультантов. Аналитикам Rogerscasey не нравился обычай Мэдоффа в конце каждого года размещать средства в краткосрочных казначейских векселях, собственноручно занимаясь клирингом и рассылая только свои собственные свидетельства о сделках, что, по замечанию аналитиков, может быть признаком подтасовки. Оценка экспертами Rogerscasey фондов Tremont, связанных с Мэдоффом, сводилась к рекомендации «продавать».

И все-таки в датированном 26 февраля 2004 года заключении Rogerscasey по фондам Tremont кое-что было выражено предельно ясно, простым английским языком: «Предпринимательские риски Мэдоффа чреваты катастрофой. Даже если отдельные финансовые инструменты прямо не пострадают… в целом репутация финансовых инструментов Tremont просто испарится, как только большой корабль Мэдоффа перевернется вверх дном».

Около 2002 года тайная финансовая пирамида Мэдоффа переживала расцвет. К тому времени Fairfield Greenwich Group вложила в него более четырех миллиардов долларов, а новые миллиарды полились из фондов Kingate, из различных финансовых инструментов Tremont и из трех фондов Меркина. Сотни миллионов долларов шли от всех преданных инвесторов, набранных еще Avellino & Bienes, которых Берни самолично, телефонными звонками и личными встречами, стаскивал со спасательного плота Комиссии по ценным бумагам и биржам. Если кто-то из прокручивавших такие исполинские аферы и мог чувствовать себя уверенно, то это был Мэдофф.

Но в глубине его финансовой пирамиды тикала бомба, заложенная Джеффри Пикауэром, одним из старейших клиентов. Пикауэр, некогда пробивной налоговый юрист, попал в орбиту Мэдоффа еще в 1960-х годах, когда Майкл Бинс, партнер Сола Альперна по бухгалтерской фирме, женился на сестре Пикауэра. Теперь Бинс был женат на другой женщине, зато Пикауэр стал одним из крупнейших инвесторов Мэдоффа – и одной из заноз, которая досаждала ему все больше и больше.

В любой финансовой пирамиде главное – поддерживать приток денег, чтобы в любой момент можно было легко и быстро изъять крупные суммы и тем усыпить бдительность инвесторов и упрочить их доверие. Теперь инвесторы Мэдоффа постарели, некоторые из них были сказочно богаты, и большинство – неистощимо щедры. Каждый год они снимали со своих счетов у

Мэдоффа десятки миллионов долларов на образование внуков, на поддержку школ, строительство больниц, обновление музеев искусств, спонсирование медицинских исследований, финансирование множества достойных благотворительных учреждений и университетских кафедр, сформированных за счет целевых фондов.

Но никто, кроме Джеффри Пикауэра и его жены Барбары, не черпал из копилки своих средств у Мэдоффа так глубоко или с таким постоянством. Они были тихой парой, и их имена редко появлялись в светских колонках Палм-Бич или в списках богатейших людей Америки по версии журнала Forbes. Хотя они, несомненно, в этот список входили. На самом деле Пикауэр был куда богаче, чем осознавал даже сам Мэдофф.

Пикауэр срывал баснословные куши, делая ставки на перспективные медицинские и технологические компании и на корпоративные слияния, с одной-единственной сделки пожиная больше миллиарда долларов прибыли и регулярно прокручивая эти прибыли через свои счета у Мэдоффа. Со временем общая сумма его инвестиций в Мэдоффа составила около 620 млн долларов в деньгах и ценных бумагах. Благодаря постоянно высокому уровню отдачи от инвестиций, которым славился Мэдофф, остатки на счетах Пикауэра достигли миллиардов долларов. Уже в 1986 году он был богат настолько, чтобы вложить 28 млн долларов в арбитражный фонд, возглавляемый Айвеном Боски (или Боески; другой вариант – Иван Бойский). Этот скандально знаменитый трейдер незаконно наращивал прибыли своего фонда, покупая подсказки у инсайдеров Уолл-стрит, и стал прототипом Гордона Гекко, персонажа фильма Оливера Стоуна «Уолл-стрит», снятого в 1987 году. К концу 1990-х годов трейдинговый счет Пикауэра у Goldman Sachs – всего один из множества его брокерских счетов на Уолл-стрит – превышал 10 млрд долларов. В какой-то момент он получил пятимиллиардный маржинальный кредит, из чего следует, что в Goldman Sachs знали: повернись рынок против Пикауэра, он легко сможет расплатиться.

В папке входящих документов Фрэнка Дипаскали имя Пикауэра появлялось часто – в запросах на изъятие денег, которые резко выросли между 1995 и 2003 годами, но нешуточными стали, согласно Мэдоффу, еще раньше, после краха 1987 года. Имеющиеся документы показывают, что супруги Пикауэр в 1996 году изъяли со счетов у Мэдоффа 390 млн долларов – всемеро больше того, что они изъяли в 1995 году.

В 1997 году Пикауэры изъяли более 400 млн, в 1998-м – более 500 млн и в 1999 году – почти 600 млн долларов. За четыре

года между 2000 и 2003 годами они изъяли суммарно 3,4 млрд долларов. Только в одном 2002 году они сделали 52 изъятия на общую сумму более чем в миллиард долларов.

Условно говоря, это как если бы в 2003 году к Пикауэру ушел каждый пенни, который к 2000 году отдали Мэдоффу инвесторы Fairfield Greenwich Group.

После изъятия в 2002 году миллиарда долларов Пикауэры пробились в лидеры филантропии, основав в рамках Массачусетского технологического Институт Пикауэра (Институт обучения и памяти имени Дж. Пикауэра), стремясь сделать его главным мировым центром по изучению мозга и тяжелых неврологических расстройств – от аутизма до болезни Альцгеймера.

Со дня, когда после его ареста стало известно об этих изъятиях, одна из глубочайших тайн дела Мэдоффа скрыта в вопросе, отчего Пикауэру (который не рекомендовал Мэдоффу других клиентов, не держал для него «донорский» фонд и даже не делал крупных даров его приютам для домашних животных) было дозволено оставаться инвестором, несмотря на его огромные и стремительно возрастающие изъятия.

К этому времени Мэдофф и Пикауэр как будто бы состояли в тесной дружбе – супружеские пары часто летали вместе из Палм-Бич в Нью-Йорк на частном самолете, часто встречались на совместных обедах, но, с точки зрения Мэдоффа, дружба оказалась мнимой. «У Пикауэра не было друзей, – отрезал Мэдофф в первом тюремном интервью. – Он был очень странный. И отношения всегда были очень напряженными».

Существует предостаточно свидетельств того, что Мэдофф время от времени «увольнял» трудных клиентов. Отчего же он не сказал Пикауэру, со всей присущей ему вежливостью, чтобы тот забирал деньги и катился куда-нибудь в другое место?

Да потому, что, по словам Мэдоффа, Пикауэр в его пирамиде попросту стал эквивалентом банка, который слишком велик, чтобы рухнуть, – инвестором, слишком крупным, чтобы от него избавиться. Покрыть ежегодные изъятия Пикауэра бывало довольно трудно. Найти деньги, чтобы полностью выплатить его многомиллиардный счет, было бы невозможно. «Я вынужден был оставаться в связке с ним», – признался Мэдофф, объясняя такое положение вещей практической необходимостью, так часто в его жизни выступавшей под личиной дружбы.

В 1970-е годы Пикауэр уже побывал жертвой финансовой пирамиды. Стал ли он с тех пор настолько проницательным, чтобы осознать, что делает Мэдофф, и настолько коварным, чтобы воспользоваться рычагом, который давало ему это знание?

Мэдофф частенько подозревал, что да. В сентябре 2003 года Мэдофф в первый, но не в последний раз не удовлетворил запрос Пикауэра на изъятие, выплатив только часть затребованной суммы, и никаких жалоб или ответных действий не последовало. К тому времени Пикауэр изъял куда больше денег, чем вложил первоначально на счета у Мэдоффа. Возможно, он воображал, что будет доить питаемые аферой счета Мэдоффа, пока деньги не иссякнут, зная, что у Мэдоффа нет иного выбора, кроме как позволить ему это.

Какое-то время Пикауэр, безусловно, верил, что Мэдофф ведет законную деятельность: более чем десятью годами раньше он разместил на счетах у Мэдоффа сотни миллионов долларов в деньгах и ценных бумагах, и он оставлял деньги на этих счетах даже во время нескольких рыночных бурь, которые вполне могли опрокинуть финансовую пирамиду. Юристы и семья Пикауэра позднее настаивали, что такое поведение доказывает, что он не знал о мошенничестве Мэдоффа.

Для тех, кто досидел на этой вечеринке до самого ее горького финала, все сводится к тому, чтобы отделить злодеев от жертв, а мошенников от простаков. Если причислить Пикауэра к простакам, то он один из богатейших простаков в этой развязке – куда богаче очевидных злодеев, включая и самого Мэдоффа.

Новое столетие, помимо никому не ведомого вреда, который изъятия Пикауэра причиняли финансовой пирамиде Мэдоффа, принесло внезапную острую боль и семье Мэдофф, и законному семейному бизнесу Bernard L. Madoff Investment Securities.

В сентябре 2002 года Чарли Винер, племянник Мэдоффа и его сотрудник, узнал, что у его дочери рак. Пока ее лечили, Питер Мэдофф, который сам уже прошел курс лечения от рака мочевого пузыря, в ноябре узнал, что у его сына Роджера опасная форма лейкемии. В начале весны 2003 года, вскоре после того, как Роджер начал изнурительное лечение, которое он опишет в посмертно изданных записках под названием «Лейкемия для неопытных», сын Берни, Эндрю, отправился на тестирование. Оказалось, что у него тоже рак. Предварительный диагноз был «лимфома клеток мантийной зоны». Еще один противник, очень коварный.

В новом десятилетии все внимание Питера Мэдоффа сосредоточилось на одной-единственной больничной постели. Психолог-консультант больницы с волнением вспоминал, как Питер, всего за несколько дней до смерти сына, бережно втирал ему в ступни мазь, чтобы утишить боль. Рут и Берни на средства из семейных фондов финансировали исследования этого и других видов рака лимфатической и кровеносной систем. Шейна, сестра

Роджера, много работала, участвовала в различных мероприятиях по сбору средств, но была совершенно разбита горем. Семья переживала трудные времена.

Хваленый маркетмейкерский бизнес Мэдоффа тоже хворал, хотя позднее Мэдофф и будет отрицать это. Компьютеризация и конкуренция, которые он так долго отстаивал перед регуляторами, и впрямь снизили стоимость трейдинга, но снизили и прибыли от трейдинга, в том числе и в его фирме. Восстановленные записи дают понять, что видимый бизнес на Уолл-стрит, которым занимались Мэдофф и его семья, между 2001 и 2003 годами потерял почти 160 млн долларов. Мэдофф уверял, что скомпенсировал убытки за счет капитала, который он сохранил за эти годы. Но эти убытки еще больше усложнили схему финансовой пирамиды.

Растущий отряд хедж-фондов – клиентов Мэдоффа (по большей части невольных, но оттого не менее наивных) – собирал с ширящегося поля инвесторов достаточно денег, чтобы позволить Мэдоффу обеспечивать нежелательные изъятия Джеффри Пикауэра. А Фрэнк Дипаскали находил способы отмыть незаконные суммы и свести их в потоки доходов, которые в отчетности не самой преуспевающей брокерской фирмы выглядели бы законно и не вызывали вопросов ни в самой фирме, ни за ее пределами.

Для этого Дипаскали тщательно рассчитывал комиссионные выплаты, которые надлежало бы сделать, если бы Мэдофф на самом деле проводил для клиентов заявленный объем трейдинга. Затем он переводил нужную сумму с банковского счета пирамиды на счета аффилированного банка в Лондоне, а потом обратно в Нью-Йорк, чтобы показать их в бухгалтерских книгах нью-йоркской фирмы как законную комиссию от якобы реализованных сделок на европейских рынках. Все это в общем согласуется с легендой Мэдоффа о том, почему его брат и сыновья не знали о сделках его хедж-фонда, проводимых через трейдинговый отдел в Нью-Йорке, где все они работали.

Несмотря на личные переживания тех лет, Мэдофф и Дипаскали по части хранения своих секретов (и по части загребания денег) становились все наглее.

Всегда казалось, что денег хватит и для латания дыр в расходах внутри офиса, и для жирных чеков самому Дипаскали и его шустрым сотрудникам с семнадцатого этажа, и на зарплату и бонусы офису на этаже руководства, и на займы семейству Мэдофф на девятнадцатом этаже. Всегда были деньги на перелеты первым классом, на первоклассный шопинг, на первоклассную жизнь и, конечно, на первоклассную

филантропию. Это был стиль жизни, повторявший привычки крупнейших инвесторов Мэдоффа, доверчивых людей, которые стали его попутчиками в путешествии, обещавшем привести его в страну почти невообразимого богатства.

Карл Шапиро все еще был одним из самых уважаемых в Бостоне филантропов, а также видной, хотя теперь уже менее активной фигурой в блестящем обществе загородного клуба Палм-Бич, где они с женой Рут жили в номере люкс с полным обслуживанием роскошного отеля Breakers. Их элегантно одетые дочери и франтоватый зять Роберт Джаффи каждый год посещали множество дорогостоящих благотворительных мероприятий, а их имена и лица то и дело появлялись на страницах светской хроники местной прессы.

Один из основателей Cohmad Securities Сонни Кон все так же спокойно проживал на Лонг-Айленде, где они с братом стали видными жертвователями в систему еврейских больниц северного побережья Лонг-Айленда. Но куда больше времени он проводил в компании близких ему собратьев-мультимиллионеров в окрестностях Майами, доверив операции Cohmad своей дочери Марше Бет, которая знала Мэдоффа с детства и полностью ему доверяла.

Стенли Чейз и его жена, востребованный кинодраматург, жили в Беверли-Хиллз в почти нарочитой простоте: автомобиль – старый «японец», дом – весьма незамысловатый по стандартам их района. Судьба оказалась сурова к Чейзу, у которого началось редкое заболевание крови, унесшее его жизнь в 2010 году. Но благодаря счетам у Мэдоффа его семья и клиенты, по-видимому, процветали, а своими филантропическими дарами он заслужил почет и уважение в Лос-Анджелесе и в Израиле.

Майк Энглер, старый друг Мэдоффа и его представитель в Миннеаполисе, умер в 1994 году, но его вдова и взрослые дети оставались в орбите Мэдоффа, годами составляя компанию его семье на лыжных прогулках и на полях для гольфа и доверяя свое состояние его гению. Их тесные связи с Мэдоффом придавали уверенности другим его инвесторам из круга их друзей.

Эзра Меркин стал признанным авторитетом на Уолл-стрит. Все восторгались его красноречивыми ежеквартальными письмами к инвесторам. Он жил в окружении зримых атрибутов успеха: предметы искусства музейного уровня, престижная квартира в одном из легендарных зданий на Парк-авеню и членство в советах множества школ, университетов и благотворительных учреждений. Президент Синагоги Пятой авеню, основать которую помогал его отец, он был широко известен как благочестивый, щедрый человек великого богатства

и великой мудрости.

Брокерская фирма Мэдоффа тоже представлялась внешнему миру процветающей. К 2004 году здесь работало почти двести человек, а чистая отчетная прибыль составляла 440 млн долларов, что было впятеро больше, чем в предыдущем десятилетии, и вдвое больше, чем всего пять лет назад. Она вошла в число пятидесяти крупнейших фирм Уолл-стрит.

Похоже, никто не интересовался с пристрастием, что в ней происходило. От пары-тройки неуверенных запросов от Комиссии по ценным бумагам и биржам Мэдофф легко отбился. Кое-кто из прозорливых финансовых консультантов и банковских аналитиков наткнулся на те же противоречия, что в конце 1990-х годов встревожили аналитиков из Ivy Asset Management, и негласно занес Мэдоффа в черный список. И отдельные очень влиятельные люди списали его со счетов и предупредили своих клиентов держаться от него подальше – видные управляющие хедж-фондами, кое-кто из руководства Credit Suisse, то есть те, к чьему мнению регуляторы прислушались бы. К счастью для Мэдоффа, никто из этих влиятельных людей, похоже, не протянул руку к телефону и не поделился вескими опасениями с регулирующими службами или с иными органами правопорядка.

Судя по всему, все эти скептики понимали, что его деятельность не что иное, как ловушка, которая в случае «пожара» в любой момент может захлопнуться. Однако они предпочли поскорее проводить клиентов к выходу и тихо удалиться. Если бы переполненное людьми здание в конце концов загорелось, разве их вина, что у пожарных или инспекторов службы по эксплуатации здания не хватило ума заметить опасность самим?

Итак, несмотря на все беды и треволнения в семье Мэдофф, несмотря на его головную боль из-за миллиардов на счетах Пикауэра, дела у Берни обстояли совсем неплохо: его репутация на Уолл-стрит была лучезарна как никогда, его тайной афере не страшны были регуляторы, и чуть ли не каждый день к нему мешками прибывали все новые деньги.

8. Почти летальный исход

– Что вы ищете?

Двадцатого апреля 2005 года Берни Мэдофф столкнулся с двумя инспекторами из Комиссии по ценным бумагам и биржам, уже три недели занимавшими офис-«аквариум» на девятнадцатом этаже. Он уже не был обаятельным хозяином, еще недавно развлекавшим их байками о прежних деньках на Уолл-стрит. Он был зол. Он был тертый жизнью боец-вышибала, и ему не терпелось их выставить.

– Скажите, что вы ищете? – допытывался он.

Представители Комиссии Уильям Дэвид Остроу и Питер Лэмор удивились такому взрыву темперамента, но куда больше они удивились тому, что Мэдофф, президент фирмы, настаивал, чтобы они не вступали в контакт ни с кем из персонала. В Комиссии они были не новички и отлично понимали, до чего это странно, особенно для фирмы такого масштаба. Им полагалось иметь дело с кем-то рангом пониже.

Но Мэдофф разбирался с инспекторами лично – он всегда лично занимался проверяющими. Ему было что скрывать, и очень немногим он доверял настолько, чтобы искать у них помощи. Фрэнк Дипаскали с семнадцатого этажа был занят с момента звонка об этой проверке. Он был занят сверкой фальшивых документов и компьютерных записей, которые они подготовили для сокрытия финансовой пирамиды. Тщательно продуманные документы прикрывали вранье Мэдоффа и поддерживали его легенду – будто бы он был всего-навсего наемным работником, исполнявшим сделки хедж-фондов за символическое вознаграждение.

Прежде такое с Комиссией срабатывало.

Восемнадцатого декабря 2003 года, когда Берни Мэдофф шел по вестибюлю «Помады», зазвонил его мобильный телефон. Он узнал номер: Лори Ричардс из руководства Комиссии по ценным бумагам и биржам в Вашингтоне. Именно Ричардс отметила статью 2001 года о Мэдоффе в журнале Barron's, одобрительно отозвавшись об авторе, которая «отлично справилась с нашей работой». В то время ничего предпринято не было, но теперь, в 2003 году, некто из ее персонала получил сигнал от одного управляющего хедж-фондом, усомнившегося в отдаче Мэдоффа от инвестиций, и теперь она проверяла эти сведения.

– Берни, это Лори, – сказала она.

– Привет, Лори.

– Мне нужна твоя помощь. Не расскажешь мне о своих хедж-

фондах?

Мэдофф застыл на месте.

– У меня нет никакого хедж-фонда, – ответил он.

– Это вряд ли, – возразила она.

Спохватившись, Мэдофф быстро добавил:

– Я выполняю сделки для хедж-фондов.

По всей видимости, чиновницу удовлетворило его уточнение, хотя она и дала ему понять, что проверка все-таки состоится. Когда ее люди явились и стали задавать вопросы, Мэдофф легко их парировал. Затем расследование попросту свернули, даже не потрудившись составить отчет по результатам. Документы об этой инспекции убрали в коробки и благополучно о них забыли.

Как бы ни был готов Мэдофф в 2005 году к визиту Остроу и Лэмора, новая проверка разозлила его больше прежних. Против Лэмора он ничего не имел, сообразительный малый, но Остроу, по мнению Мэдоффа, был несносен. Он стискивал зубы, пока Остроу просматривал электронную почту, историю расходных счетов, телефонные счета, – бесцельный поиск компромата, так это выглядело на его взгляд. Он едва сдержал гнев, когда Лэмор пожелал еще пройтись по компьютерным файлам, на этот раз в другом формате.

Пока что ревизоры не задали ни одного вопроса о хедж-фондах – или о депозитарных счетах, об отчетах по трейдингу, о подтверждениях третьей стороной всех опционов и голубых фишек, которые Мэдофф якобы покупает и продает. Да что же они ищут, если не это?

Остроу и Лэмор пытались успокоить Мэдоффа. Это просто рутинная проверка учета и отчетности брокерской фирмы, говорили они, так всегда делается.

Они лукавили, проверка не была рутинной. Это была запоздалая реакция на ряд электронных писем, которые бдительный сотрудник Комиссии обнаружил в файлах одного из ведущих хедж-фондов в ходе действительно рутинной проверки годом ранее. Управляющий фондом Renaissance Technologies опосредованно участвовал в инвестициях Мэдоффа через свой хедж-фонд Meritor.

Электронные письма Renaissance, написанные в конце 2003 года, выражали те же сомнения в финансовых результатах Мэдоффа и в его трейдерской практике, что и статьи Окрента и журнала Barron’s весной 2001 года.

Один из руководителей Renaissance делился в письме своими сомнениями с комитетом по инвестициям своей фирмы. «Прежде всего мы обратились к трейдеру, который раньше работал у Мэдоффа, – писал руководитель. – Он сказал, что Мэдофф

довольно скрытен и, следовательно, он ничего не знает о нем, но главное, чего он не знает, это как они зарабатывают деньги». Затем один уважаемый консультант хедж-фонда «сказал нам по секрету, что, по его прогнозу, у Мэдоффа не позднее чем через год скорее всего будут серьезные неприятности. Через 11 дней мы собираемся поговорить [с этим консультантом], посмотрим, не удастся ли вытянуть из него чего-нибудь более определенного».

Но сам руководитель уже принял решение. «Суть в том, что, поскольку мы не знаем, почему он делает то, что делает, мы понятия не имеем, нет ли в его бизнесе противоречий, которые могут привлечь внимание регуляторов». Не было смысла рисковать угодить в скандал ради относительно скромного, по их расчетам, дохода. «В этом деле соотношение риска и выгоды не в нашу пользу, – заключил он, добавив: – Прошу соблюдать конфиденциальность».

Инспектор Комиссии показал эти загадочные письма своему начальнику, который отнесся к ним серьезно и попросил подчиненного разузнать об этом хедж-фонде побольше. Но, когда инспектор снова явился в Renaissance, глава фонда лишь пожал плечами. По его словам, автор письма присутствовал на совещании, «где немного поболтали о Мэдоффе», но, насколько им известно, все это бездоказательно. Да, верно, их хедж-фонд больше не ведет дел с Мэдоффом, но лишь из-за слабой отдачи.

Объяснение прозвучало странно. Сомнения, неоднократно высказанные в письмах, были убедительны, аргументированны и недвусмысленны. Уже в 2003 году эти люди перестали доверять Мэдоффу и начали сворачивать деловые отношения с ним. И они знали других сообразительных людей на Уолл-стрит, которые поступили точно так же. Конечно, они могли бы помочь молодому инспектору Комиссии, который пытался разобраться в том, что происходит у Мэдоффа.

Но, похоже, люди из Renaissance (как и их коллеги из Credit Suisse и Rogerscasey, которые к началу 2004 года негласно занесли Мэдоффа в черный список) не желали со всем этим связываться. Нат Саймонс из высшего руководства Renaissance позже объяснил, что вся информация, которой располагал фонд Renaissance, была, как он полагал, доступна и Комиссии. «Нас считают умниками, а мы просто посмотрели общедоступные документы… для этого не нужна ученая степень по математике», – заметил Саймонс.

Кроме того, заявил он, информацию, на которую они опирались, добыть труда не составляло. И действительно: хоть Саймонс этого и не знал, Комиссия уже получила сведения без какой-либо помощи суперигроков вроде Renaissance. В 2000 и

2001 годах Комиссия не отнеслась всерьез к обвинениям Гарри Маркополоса, однако сходные предупреждения она получила и в мае 2003 года – они-то и побудили Лори Ричардс сделать тот самый декабрьский звонок Мэдоффу и задать ему вопрос о его бизнесе с хедж-фондами.

Сигнал поступил в вашингтонское отделение Комиссии, в отдел управления инвестициями, наблюдавший, в частности, за отраслью хедж-фондов, в 2002 году. В то время Комиссия призывала руководителей сообщать о любой подозрительной деятельности, и в мае 2003 года один управляющий хедж-фондом так и поступил. Он конфиденциально поведал Комиссии, что его фирма рассматривала целесообразность инвестирования в два разных «донорских» фонда Мэдоффа, но оба варианта отклонила. Сигналов опасности было предостаточно, сказал он, но самый тревожный факт состоял в том, что среди торговцев опционами ни один не признался, что заключает сделки с Мэдоффом. Разумеется, в трейдерском сообществе не принято разглашать сведения о клиентах, но все же странно, если не существует подтверждений, пусть в самых общих чертах, деловых отношений с тем, кто, по идее, должен быть одним из их крупнейших клиентов.

Эти сведения были переданы в отдел, занимавшийся брокерскими фирмами, где и пролежали без рассмотрения несколько месяцев. Когда наконец с них стряхнули пыль, расследование не уделило первостепенного внимания странному факту отсутствия следов опционного трейдинга, но все же подошло критически близко к разоблачению аферы Мэдоффа. У кого-то из команды инспекторов возникла мысль получить отчетность Мэдоффа о трейдинге за два года от своих партнеров в области финансового регулирования, Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг – NASD, и если бы это было сделано, им тут же открылось бы, что Мэдофф вовсе не торгует акциями и опционами голубых фишек на миллиарды долларов.

Но по причинам, которых позднее никто из причастных к этой истории не смог припомнить, запрос так и не послали.

Впоследствии официальное расследование установит, что сотрудники Комиссии решили пойти простым путем и запросить отчетность по трейдингу не у NASD, а у самого Мэдоффа, и Мэдофф с помощью Фрэнка Дипаскали предоставил им отчеты – разумеется, поддельные. Вопросы остались висеть в воздухе, а в начале 2004 года неукомплектованному персоналу Комиссии было приказано перенести внимание на масштабное обследование индустрии взаимных фондов, что казалось тогда более важным, так как взаимные фонды были самым ходовым в

Америке инструментом первичного инвестирования.

Ни докладные Гарри Маркополоса в 2001 году, ни почти идентичные выводы управляющего хедж-фондом в 2003 году не попали во внутреннюю базу данных следственной информации Комиссии. Поэтому, когда в 2004 году были случайно обнаружены электронные письма в компьютерах Renaissance Technologies, никаких следов тех ранних, нерассмотренных, предупреждений не сохранилось.

Но к письмам Renaissance в Комиссии все-таки отнеслись серьезно, хотя и реагировали на них нерасторопно. И вот теперь Уильям Дэвид Остроу и Питер Лэмор сидели в офисе «Помады» и смотрели, как выходит из себя Берни Мэдофф.

Почти срываясь на крик, Мэдофф повторил свой первоначальный вопрос:

– Чего вы ищете?

Лэмор ответил встречным вопросом:

– А чего бы вы желали, чтобы мы искали? Что, по-вашему, мы ищем?

Мэдофф тут же ответил:

– Опережение. Вы же ищете опережение?

Опережение – это разновидность инсайдерской торговли. Любой трейдер, если он видит входящие заказы своей фирмы, в силах предугадать, какие из них будут достаточно велики, чтобы подвинуть цену акции вверх или вниз. Играя на опережение, то есть совершая собственные трейдинговые сделки перед этими крупными, влияющими на рынок заказами, он может извлечь личную прибыль из своего знания инсайда, или внутренней информации.

Комиссия да и многие скептики с Уолл-стрит традиционно склонялись к тому, что в игре на опережение, скорее всего, и кроется причина постоянных сомнений в Берни Мэдоффе. Трейдинговый отдел его фирмы совершал сотни тысяч транзакций в день от лица крупнейших взаимных фондов страны, онлайновых брокеров и трейдеров Уолл-стрит. Казалось абсолютно правдоподобным, что Мэдофф может войти в этот поток заказов и совершать сделки в интересах своих частных клиентов, в опережение заказов, существенно влияющих на рынок, чтобы фиксировать гарантированные прибыли. В Комиссии, по-видимому, никто не отдавал себе отчета в том, что действующие в считаные секунды компьютеризованные трейдинговые сети, которые сам же Мэдофф и помогал создавать, сильно затруднили подобную незаконную практику. И, поскольку в чем в чем, а в незаконной игре на опережение (по крайней мере, в собственном отделе трейдинга) Мэдоффа, по твердому

убеждению его сыновей и брата, обвинить было никак нельзя, пристрастность регуляторов в этом вопросе только ободрила всех, кто считал, что хорошо знает Берни.

Однако для чиновника Комиссии, руководившего действиями Остроу и Лэмором в 2005 году, выявить признаки инсайдерской игры на опережение было центральной задачей. Он поручил подчиненным расследовать «вероятность того, что Мэдофф использует огромный объем потока клиентских заказов для извлечения выгоды в пользу хедж-фондов с общим капиталом в шесть миллиардов, которыми, как мы полагаем, он управляет».

В защиту Комиссии можно сказать следующее: некоторые многоопытные инвесторы самого Мэдоффа тоже, по-видимому, думали, что производимые им прибыли некоторым образом зависят от доступа Мэдоффа к потоку заказов его фирмы, хотя потом, когда на частных судебных процессах их обвиняли в соучастии, они с негодованием отрицали такую возможность. Эту же теорию выдвигали и некоторые эксперты, процитированные в расследовании Майкла Окрента 2001 года против Мэдоффа. Через несколько лет один управляющий инвестициями из Италии говорил, что слова «рыночная разведка», «сбор сведений о рынке» были эвфемизмом, то и дело проскакивавшим на совещаниях по инвестициям в Европе, а иногда и в проспектах хедж-фондов.

В сообществе хедж-фондов шептались и о другой возможности: что самые прибыльные сделки Мэдофф распределяет по своим клиентам – хедж-фондам, то есть «снимает сливки», а это незаконная деятельность (избирательный подход). Принимая во внимание объем трейдинга, который Мэдофф проводил для своих крупных оптовых клиентов, он, вероятно, накачивал прибыли своих клиентов – хедж-фондов (или сглаживал их волатильности), снимая для них сливки лучших за день торгов, тогда как свои оптовые заказы обеспечивал не максимально выгодными, а лишь приемлемыми ценами.

Как бы то ни было, суть этих предположений сводилась к следующему: Мэдофф благодетельствует клиентам своего инвестиционно-консалтингового бизнеса, надувая крупных институциональных клиентов своей трейдинговой фирмы. Но, поскольку выгодополучателями некоторых технических нарушений были сами хедж-фонды, зачем бы им беспокоиться? В худшем случае регуляторы могли схватить Мэдоффа за руку и прикрыть его лавочку. В лучшем же случае клиенты хедж-фондов годами продолжали бы получать свои грязноватые прибыли.

И еще почти месяц Остроу и Лэмор шерстили бесполезные бумаги и собирали подробности трейдинговых операций Мэдоффа. Их начальник пошел дальше, запросив информацию по

трейдингу за март от Barclays, одного из банков, чье название просматривалось в лондонских транзакциях, предполагая, что через этот банк Мэдофф мог вести операции для своих хедж-фондов. 16 мая 2005 года от Barclays пришел любопытный ответ: банк сообщал, что фирма Мэдоффа недавно открыла счет, но что в течение марта на нем «не отражена соответствующая учетно-операционная деятельность». Начальник не проинформировал об этом ответе Лэмора и Остроу, по-видимому, за ненадобностью.

Через неделю, 25 мая, оба инспектора и их начальник встретились с Мэдоффом, чтобы порасспросить его, и поставили прямой вопрос: управлял ли Мэдофф инвестициями для хедж-фондов?

Вначале Мэдофф упорно твердил, что он только наемный работник: «Мы совершаем массу трейдинговых операций от лица брокерских фирм и учреждений, в числе которых есть и хедж-фонды». Сколько же их? Четыре, что ли.

Остроу развернул на столе перед Мэдоффом экземпляр вышедшей четыре года назад статьи Майкла Окрента и откинулся в кресле. «Ну так расскажите мне об этой статье». Мэдофф взглянул на нее. «А что такое? У Лори Ричардс целое досье с соответствующей информацией, которую я сам ей и предоставил. Они там в курсе дела». Он объяснил, что команда из вашингтонского отделения Комиссии приходила к нему еще в 2003 году, еще тогда обратив внимание на статью Окрента.

Это известие поразило инспекторов нью-йоркского отделения, хотя Мэдофф и счел их удивление притворным. Он полагал, что им отлично известно о предыдущей проверке и что теперь им поручено сделать следующий шаг в расследовании.

Опомнившись, Остроу сказал что-то вроде того, что Комиссия – организация большая и порой ее левая рука не знает, что делает правая. И вновь привлек внимание Мэдоффа к статье, разложенной перед ним на столе. Они с Лэмором к этому времени насчитали определенно больше четырех фондов.

Мэдофф признал, что, пожалуй, наберется не менее пятнадцати юридических лиц, применяющих разработанный им трейдинговый алгоритм. Но это все иностранные инвесторы, и он не хранит у себя их ценные бумаги. Разумеется, он предоставит инспекторам список этих юридических лиц, что за проблемы. Ах, и выписки со счетов? Конечно.

Вначале, сказал он, модель охватывала трейдинговые корзины акций голубых фишек и их хеджирование с помощью опционов. Но эту модель прекратили использовать около года назад, добавил Мэдофф, – несомненно, чтобы отбить у инспекторов охоту расспрашивать о несуществующих

контрагентах фиктивных опционных торгов. У Фрэнка Дипаскали были готовы поддельные выписки со счетов, но даже он не смог подделать документацию по торговле опционами. И, конечно, с первым же телефонным звонком предполагаемым контрагентам вся афера взлетела бы на воздух. На звонок им прямо так и ответят: «Никаких сделок с Мэдоффом по внебиржевым опционам у меня не было», – и конец всему.

Словом, Мэдофф признал бизнес с хедж-фондами, но как что-то малозначительное, снисходительно заверив смущенных инспекторов, что все это давно Комиссии известно, все выяснили еще в 2003 году.

На следующий день примерно в половине пятого вечера вышестоящий руководитель из Нью-Йорка послал электронное письмо заместителю Лори Ричардс в Вашингтон с сообщением о заявлении Мэдоффа: что он будто бы уже давал Комиссии объяснения о своем бизнесе с хедж-фондами. В письме говорилось: «Если в его словах есть доля правды, то, возможно, вы располагаете информацией относительно его деятельности, связанной с хедж-фондами, которую могли бы переслать нам».

Чтобы разыскать коробки с пометкой «Мэдофф», понадобилось некоторое время. Коробки были сложены в коридоре, ведущем в архив. Намного больше времени ушло у Остроу и Лэмора на то, чтобы, сидя в Нью-Йорке, получить доступ к компьютерной системе в Вашингтоне. Впрочем, в ходе телефонной конференции им сказали, что в любом случае первые проверяющие ничего полезного не нашли и что сотрудники даже не стали составлять отчет.

…Начальник Остроу и Лэмора нетерпеливо поглядывал на часы. Он был вполне удовлетворен тем, что его команда опровергла подозрение в «торговле с опережением». Поэтому на совещании 16 июня 2005 года он заявил обоим инспекторам, что им пора закругляться и приступать к следующему обследованию. За лето они составят отчет, в котором будет сделан вывод, что Мэдофф говорит правду, отрицая недобросовестное «опережение» трейдинговых сделок в пользу своих хедж-фондовых клиентов.

Вероятно, это было единственное, в чем он не солгал.

Летом 2005 года у остальных, причастных к бизнесу хедж-фондов, дела шли прекрасно, но уровень наличности на банковском счету Мэдоффа (счет в банке JPMorgan Chase служил в его финансовой пирамиде резервным, или «смазочным», фондом) стал снижаться.

Что же происходило с деньгами?

Вначале возможных объяснений было несколько.

Tremont Partners, один из крупнейших фидер-фондов

Мэдоффа, был в смятении. Его основатель Сандра Манцке в апреле объявила, что отправляется в вольное плавание и основывает собственное семейство фондов под названием Maxam Capital. Она надеялась, что некоторые из ее клиентов покинут Tremont и последуют за ней.

Но в процессе перехода возможен был некоторый спад.

В то же самое время Fairfield Greenwich Group был нанесен удар погашениями на 175 млн долларов в апреле, еще на 85 млн долларов в июле и на 30 млн долларов в начале сентября. Fairfield Greenwich резко повысил вознаграждения управляющим, и некоторые недовольные клиенты рассчитались и ушли. Показатели фонда ухудшились: отдача от инвестиций в Sentry с предыдущего октября была менее 7 %. Как оказалось, многие из инвесторов были не готовы смириться с прибылями ниже 7 % годовых.

Разумеется, Мэдофф произвольно решал, какова будет отдача Fairfield Sentry и других фидер-фондов. Единственное различие было в комиссии, которую фонды взимали со своих инвесторов. Если брутто-отдача (до взимания комиссии) Fairfield Sentry падала, то лишь потому, что ее снижал сам Мэдофф. Возможно, снижая выплачиваемые прибыли, он пытался сохранить наличность. Если это так, то подобная стратегия вышла ему боком: приходилось тратить все больше наличности для выплаты изъятий, а поскольку более низкие проценты делали фидер-фонды менее привлекательными, новой наличности поступало все меньше.

Но даже в то время он еще мог избежать настоящего кризиса, если бы не скандал конца лета 2005 года, захлестнувший ряд фондов под названием Bayou Group.

Bayou Group основал в середине 1990-х годов трейдер с большими связями, Сэмюэл Исраэл III, который использовал хедж-фондовый бум на полную катушку. К 2005 году он жил на широкую ногу благодаря гонорарам от поразительно успешных фондов, чьи активы в сумме достигали 411 млн долларов, – активы, подтвержденные независимым аудитом, ежегодно проводимым небольшой бухгалтерской фирмой Richmond Fairfield Associates.

Двадцать седьмого июля 2005 года, вскоре после того, как один крупный инвестор начал задавать острые вопросы об аудиторе группы Bayou и ее активах, Сэм Исраэл объявил, что закрывает фонды. В середине августа усомнившийся инвестор приехал в офис Bayou в Коннектикуте, чтобы забрать у финансового директора обещанный чек на изымаемые деньги. Чек оказался без покрытия. Когда инвестор вернулся, чтобы

потребовать объяснений, он обнаружил пустой офис и в нем прощальную записку «самоубийцы», в которой финансовый директор признавался, что Bayou Group была аферой.

Вызвали полицию, финансового директора обнаружили живым и невредимым, и 1 сентября его и Исраэла обвинили в создании финансовой пирамиды в 400 млн долларов. Афера разворачивалась по меньшей мере с 1998 года, прикрываемая убедительным ежегодным аудитом фиктивной бухгалтерской фирмы Richmond Fairfield Associates, состряпанной финансовым директором Bayou. Впоследствии аферисты признают себя виновными в федеральном мошенничестве и преступном сговоре и будут приговорены к двадцати годам тюрьмы каждый.

Сначала Берни Мэдофф, возможно, и не обратил внимания на разворачивающийся скандал. Когда афера стала мелькать в заголовках прессы, его старый друг Норман Леви был тяжко болен. Леви и Мэдофф были близки десятки лет, с тех пор как еще в середине 1970-х Леви начал в него инвестировать. Все эти годы они вместе путешествовали. Берни и Рут поднимали бокалы за гостеприимство Леви, смеялись его шуткам и восхищались его способностью радоваться жизни, даже когда силы стали его оставлять. К лету 2005 года его невероятная энергия почти иссякла, но ум сохранял остроту. Одним из его последних звонков со смертного ложа был прощальный звонок дорогому другу Берни. Сын Нормана Леви вспоминал последние слова отца, обращенные к детям: «Берни Мэдофф… верьте Берни Мэдоффу».

Леви умер 9 сентября 2005 года в возрасте девяноста трех лет. Он назначил Мэдоффа своим душеприказчиком и распорядителем финансовых активов, в которые входило минимум 250 млн долларов, инвестированных с помощью самого Мэдоффа. Многое требовалось привести в порядок. И Мэдофф, надо отдать ему должное, искренне горевал об утрате старого друга, несмотря на давнюю обиду, которую он затаил из-за изъятий Леви и других крупных клиентов в середине 1980-х… Из-за смерти Леви или по какой-то иной причине Мэдофф не сразу обратил внимание на крах Bayou.

Между тем случай Bayou всколыхнул сомнения у инвесторов хедж-фондов, и те начали внимательнее относиться к ежегодным аудитам и задавать больше вопросов о защищенности активов. Более того, некоторые из числа пострадавших от аферы Bayou вложили деньги и в Мэдоффа, либо непосредственно, либо через фидер-фонды. У недоверчивого инвестора, который нашел «предсмертную» записку с признанием финансового директора Bayou, имелась небольшая доля в одном из фондов Эзры

Меркина. У семьи Уилпон, владевшей бейсбольной командой New York Mets и годами инвестировавшей с помощью Мэдоффа, была доля в Bayou, инвестированная через принадлежавший семье хедж-фонд Sterling Stamos. В афере Bayou потеряли деньги и более десятка других инвесторов Мэдоффа. Если бы они вознамерились внимательнее приглядеться к остальным своим инвестициям, Мэдофф очутился бы у них прямо перед глазами.

Не приходится сомневаться в том, что дело Bayou пошатнуло фундамент доверия, на который Мэдофф опирался десятилетиями. Известно, что некоторые институциональные клиенты Fairfield Greenwich после скандала с Bayou прислали в фирму электронные письма с недвусмысленными вопросами об аудиторе Мэдоффа и о том, какие меры приняты для сохранности их активов. Вероятно, и другим его фидер-фондам задавались сходные вопросы. Во всяком случае, после появления Bayou в новостях уровень наличности Мэдоффа начал падать, несмотря на неплохой рост бизнеса в целом.

Учитывая, что крошечная фирма, проводившая аудит Bayou, оказалась фиктивной, афера привлекла внимание инвесторов и к крошечной аудиторской фирме Мэдоффа, Friehling & Horowitz. Когда эту фирму проверили несколько партнеров Fairfield Greenwich, в конце концов выяснилось, что она состояла из одного человека и находилась в крошечном офис-парке почти деревенского уголка округа Рокленд, штат Нью-Йорк. Единственным ее дипломированным бухгалтером-ревизором был Дэвид Фрилинг, приятный мужчина средних лет, который тренировал детские спортивные команды и служил в местном Обществе лицензированных бухгалтеров и аудиторов. Джерри Горовиц, партнер Фрилинга и его тесть, а в прошлом – коллега Сола Альперна, давно ушел в отставку и уехал во Флориду. Единственными клиентами Фрилинга в брокерской отрасли были Мэдофф и Cohmad Securities, крошечная фирма, совладельцем которой был Мэдофф и которая размещалась в его офисе в «Помаде».

Настоящая проблема с аудиторской фирмой Мэдоффа вовсе не в ее размере. Проблема в том, что она в действительности не проводила аудит фирмы Мэдоффа. Дэвид Фрилинг просто брал информацию, которую получал от Мэдоффа, и превращал ее в нечто смахивающее на годичный независимый аудит. Он знал, что так делать не полагается, но и представить себе не мог (как он впоследствии уверял), что Мэдофф раскручивает финансовую пирамиду. Даже притом что Мэдофф просил не слишком усердствовать при аудите, Фрилинг все равно ему доверял. Сам Фрилинг, его семья и множество его друзей вложили бóльшую

часть своих денег (если не все деньги) в Берни Мэдоффа.

Партнеры Fairfield Greenwich никогда не считали Фрилинга достаточной защитной мерой против мошенничества. Аудит каждого их фонда по отдельности проводила одна из крупнейших в мире фирм PricewaterhouseCoopers, а вовсе не Friehling & Horowitz. Но любые аудиты для брокерской фирмы Мэдоффа были делом Берни Мэдоффа, и они в это не вмешивались.

Партнеры Fairfield Greenwich не стали делиться со своими обеспокоенными инвесторами тем, что узнали сами о фирме Фрилинга. Вместо этого они выпустили рекламный материал, подробно излагающий, как комплексная экспертиза их фирмы защищает инвесторов от аферы наподобие Bayou. Например, писали они, «мы бы усомнились в безвестной аудиторской фирме, обслуживавшей Bayou».

Деньги, капля за каплей утекавшие со счета «смазочного фонда» Мэдоффа в течение лета 2005 года, осенью потекли непрерывной струйкой. Между октябрем и апрелем следующего года только с различных счетов Fairfield Greenwich у Мэдоффа было изъято более 900 млн долларов сверх 300 млн долларов, выведенных еще до кризиса Bayou.

Все это время представители различных европейских банков и клиенты – хедж-фонды настаивали на том, чтобы наведаться к Мэдоффу и ознакомиться с его финансовым контролем. Но если с наличностью у него и были перебои, то в убедительных документах и впечатляющих отзывах он недостатка точно не испытывал.

Восемнадцатого ноября Дэвида Фрилинга вызвали в офис Мэдоффа для встречи с командой экспертов, которую отрядило к Мэдоффу семейство фондов Optimal – базирующееся в Швейцарии подразделение хедж-фондов испанского финансового гиганта Banco Santander и одного популярного у инвесторов Латинской Америки донорского фонда Мэдоффа. В памятной записке о встрече сообщалось, что, по словам Фрилинга, время, затраченное им на аудиты, составляет «250 часов на одногодичный цикл» и что «активы, обязательства и доходность подтверждены на 100 %». Команду экспертов заверили, что аудит фирмы включает «сверку балансов с DTC и с другими брокерскими компаниями, а также проверку внутренних документов на соответствие клиентским выпискам».

Позднее такие заявления покажутся нелепыми. Никто не сумел бы сверить клиентские счета Мэдоффа с данными расчетной палаты DTCC (Депозитарная трастово-клиринговая корпорация), не обнаружив пирамиду. Но, судя по всему, приветливый Фрилинг вольно или невольно усыпил бдительность

Optimal. «Дэвид, кажется, искренне удивился, услышав, что Madoff Securities характеризуется как скрытная фирма, – отмечает автор записки. – Ему, видимо, неизвестно о такой репутации и в своей работе там он не сталкивался с препятствиями».

На одной из встреч с экспертной группой Фрэнк Дипаскали выдал себя за главу отдела институциональных операций, и это каким-то образом сошло ему с рук. Позднее федеральные обвинители будут утверждать, что для этой роли Дипаскали натаскивал долго работавший у Мэдоффа начальник операционного отдела Дэн Бонвентре, один из самых высокооплачиваемых руководителей фирмы.

Но главную «заслугу» Дипаскали в поддержании аферы на плаву и ее укрывательстве все время, пока сгущались тучи, скрывала материнская плата и хитроумно протянутые кабели компьютера IBM, обслуживавшего его владения на семнадцатом этаже. Дипаскали, очевидно, не сомневался, что с помощью верного сочетания клавиш он может генерировать компьютерные записи, достаточно продуманные и реалистичные, чтобы одурачить кого угодно.

Примечательна забота, с какой Дипаскали создавал убедительную компьютеризованную среду для аферы Мэдоффа: результат был достоин тех почестей, которые публично воздавали его законной брокерской фирме как пионеру в области внедрения передовых технологий. Основная программа для генерирования громадного объема фальшивых выписок с клиентских счетов для финансовой пирамиды была введена в действие по меньшей мере в 1994 году. Но начиная с конца 2003 года объем специально разработанного программного обеспечения, обслуживающего финансовую пирамиду, значительно разросся. Для обслуживания, изменения и генерирования документов отчетности, которые могли затребовать посещающие фирму регуляторы и бухгалтеры, уже использовалось шесть отдельных программ и гигантская база данных, которыми они манипулировали. Еще четыре компьютерные программы находились в разработке – они будут завершены к концу 2005 года.

Среди программ были такие, которые генерировали случайные числа покупки акций, чтобы фальшивые отчеты о трейдинге выглядели правдоподобнее. С помощью нескольких функциональных клавиш фиктивные сделки можно было разбить на части и, автоматически отрегулировав цены с учетом комиссии в четыре цента, которую якобы брал Мэдофф, пропорционально распределить по клиентским счетам. Имелась программа, которая одним махом меняла идентификационные данные множества отчетов о состоянии счетов, чтобы все выглядело так, будто

ценные бумаги, якобы находившиеся на этих счетах, содержались в банках и других учреждениях, а не у Мэдоффа. Другая программа крала у законной брокерской фирмы на верхнем этаже истинные месячные отчеты DTCC и добавляла к ним фиктивные сделки финансовой пирамиды, выдавая безупречно правдоподобно выглядящий отчет DTCC, который Мэдофф мог использовать для подтверждения состояния своих фондовых позиций.

Сфабрикованные с помощью компьютера документы уже помогли Мэдоффу пройти импровизированную аудиторскую проверку, организованную Джеффри Такером из Fairfield Greenwich в 2001 году, а также выйти сухим из воды после инспекции, проведенной Комиссией по ценным бумагам и биржам несколько раньше. Он был уверен, что теперь его документы и подавно рассеют любое сомнение любого визитера.

Но, если афера останется без наличных, без самых что ни на есть реальных денег, его не спасут даже самые убедительные компьютерные спектакли. А 2 ноября остаток «смазочного фонда» Мэдоффа на счете в JPMorgan Chase упал до 13 млн долларов, чего было совершенно недостаточно для покрытия чеков изъятий на сумму в 105 млн долларов, которые следовало выслать почтой в следующие три дня.

Любая нерешительность, любое промедление в оплате немедленно посеет панику. Все повисло на волоске: роскошная жизнь, доходящая до поклонения благодарность «инвесторов», положение в обществе и уважение в отрасли, вся стройная система его жизни – вся ложь, которой он жил так долго, что теперь она, вероятно, уже представлялась правдой.

Мэдофф с 1992 года оставался непотопляемым после любой инспекции Комиссии и любой аудиторской проверки. Он годами водил за нос регуляторов, управляющих хедж-фондами и аудиторов, в мгновение ока предоставляя им поддельные документы и фальшивые компьютерные данные, которые всем казались убедительными. Но остаток на банковском счете из воздуха не достанешь и чек на него не выпишешь. Деньги либо есть, либо их нет.

Их не было.

Его финансовая пирамида ушла в минус на 92 млн долларов. У Мэдоффа было всего три дня, чтобы найти деньги, либо его чеки вернут неоплаченными, как вернули чеки Bayou.

Денежный кризис ноября 2005 года толкнул аферу Мэдоффа на самый край пропасти. Катастрофу удалось предотвратить лишь благодаря нескольким вовремя сделанным переводам со счетов законного бизнеса и взятому в последний момент банковскому

займу. Но ценой спасения было то, что размылась до полной невосстановимости граница между аферой Мэдоффа и его законным бизнесом на Уолл-стрит – его величайшей гордостью, делом всей жизни его брата и сыновей.

Если финансовая пирамида осталась почти без денег, то брокерская фирма Мэдоффа недостатка в них не испытывала. Ее банковские счета росли, ее кредитная история была хороша, и бизнес крепко стоял на ногах – по крайней мере, так он выглядел внешне. И действительно: под руководством сыновей Мэдоффа отдел собственных торговых операций вырабатывал для фирмы прибыли, постоянно опережавшие среднерыночные. И он по-прежнему обрабатывал впечатляющую долю объема рыночного трейдинга. Поэтому для покрытия неоплаченных чеков Мэдофф в качестве временной меры перевел часть денег законной фирмы на отощавший банковский счет своей финансовой пирамиды. На следующий день он в качестве долговременной подстраховки присвоил некоторые облигации, принадлежавшие Карлу Шапиро, одному из старейших его клиентов, и воспользовался ими в качестве залога для получения банковского займа в 95 млн долларов. Вырученные средства, полученные через десять дней якобы для законного бизнеса, тут же отправились на отощавший счет пирамиды для покрытия требований об изъятиях.

В последующем уголовном обвинении утверждалось, что на самом деле эти спасательные меры принял, скрыв их от регуляторов и от других работников фирмы, Дэн Бонвентре, работавший на Мэдоффа более тридцати лет. Бонвентре упорно отрицал какую бы то ни было осведомленность об афере. Открытое против него в феврале 2001 года уголовное дело все еще не завершено. Бонвентре поступил в фирму Мэдоффа в 1968 году, когда ему было чуть больше двадцати лет, после недолгой работы аудитором в банке. Он почти всему научился сам, когда дело дошло до руководства операциями среднего размера брокерского бизнеса на Уолл-стрит. К 1975 году, когда на работу поступил Фрэнк Дипаскали, Бонвентре состоял в руководстве фирмы, а к 1978 году он возглавил операционный отдел.

Обвинители и регуляторы в лице представителей Комиссии по ценным бумагам и биржам будут утверждать, что Бонвентре годами подделывал документы, чтобы замести следы финансовой пирамиды в бухгалтерских книгах законного бизнеса Мэдоффа, и это обвинение Бонвентре также отверг. Согласно федеральным обвинителям, поскольку в конце 1990-х законный бизнес Мэдоффа пошатнулся, он подготовил перемещение целых 750 млн долларов краденых денег на счета брокерской фирмы, которое планировал осуществить за несколько лет, чтобы деньги

выглядели как законные прибыли его инвестиционно-консалтингового бизнеса. Когда наступил денежный кризис, утверждали обвинители, были сделаны фальшивые бухгалтерские проводки для объяснения, почему теперь деньги движутся в обратном направлении. Адвокаты Бонвентре настаивали, что их клиент «абсолютно невиновен» и ничего не знал об афере Мэдоффа.

Действовал ли Бонвентре сознательно, был ли он обманут Мэдоффом – во время финансового кризиса, который разразился осенью 2005 года, сотни миллионов долларов действительно были переведены со счета брокерской фирмы в финансовую пирамиду. Деньги, бóльшая часть которых была взята в кредит у банков брокерской фирмы, помогут поддержать жизнь финансовой пирамиде до весны 2006 года.

Для Мэдоффа это была долгая и тяжелая зима – и легче не стало, когда он узнал в середине ноября 2005 года, что Комиссия начала повторное расследование его операций с хедж-фондами, всего через несколько месяцев после окончания предыдущего. И на этот раз, действуя с опозданием и – в который раз – на основании неточно истолкованного сигнала, она постучалась в дверь крупнейшего «донорского» фонда Мэдоффа Fairfield Greenwich.

Причиной расследования вновь стало обвинение Гарри Маркополоса, скептически настроенного «кванта» из Бостона. В октябре 2005 года он предпринял третью попытку убедить Комиссию начать расследование по Берни Мэдоффу. Сознательно намереваясь озадачить регуляторов, он назвал свой доклад «Крупнейший в мире хедж-фонд – афера». Представленный документ, как и прежние попытки, рассматривал все настораживающие признаки, которые Маркополос углядел в действиях Мэдоффа: недостижимое для простых смертных постоянство в отдаче от инвестиций; трейдинг-невидимка, не оставляющий следов на рынках акций и опционов; абсурдно щедрые либо неисправимо тупые контрагенты, которые в сделках с Мэдоффом всегда рады оказаться проигравшей стороной. Доклад, как и все прежние послания Маркополоса, был заумным, спесивым и непочтительным по части оценки способности Комиссии к количественному анализу. «В мире очень немногие обладают математической подготовкой, необходимой для управления этими видами финансовых инструментов, и я один из них», – писал Маркополос. Ему было ясно, что Мэдофф раскручивает финансовую пирамиду. Отчего же остальные не видят этого?

Описанию того, что последовало за третьим обращением

Маркополоса в Комиссию, место в учебнике по бюрократическому головотяпству. Враждебность, чванство, отфутболивание вопросов, невежество, упрямство, невнимательность, да и просто лень – все эти «человеческие факторы» офисной жизни входили в состав уравнения. Не нужно быть «квантом», чтобы понять, можно ли такое уравнение решить.

Но начиналось все довольно хорошо.

В бостонском отделе правоприменения прочитали последнюю докладную записку Маркополоса и 25 октября 2005 года несколько часов разговаривали с ним лично. Встреча их впечатлила и, что там говорить, встревожила. В докладной не только констатировалось, что «торговля с опережением» едва ли объясняет успех Мэдоффа, но и подчеркивалось, что куда более вероятна финансовая пирамида. Если Гарри окажется прав, то убытки инвесторов будут исчисляться миллиардами долларов.

Но бостонское отделение Комиссии вновь увязло в бюрократическом болоте: Мэдофф находился в Нью-Йорке, поэтому расследование должно было вести нью-йоркское отделение. Бостонская команда изо всех сил старалась убедить Нью-Йорк в добросовестности информатора и в крайней важности его предостережения. Глава бостонского отделения лично обратился с рекомендацией к своему нью-йоркскому коллеге (такое случалось чрезвычайно редко), чтобы подчеркнуть, какое большое значение он придает этой информации.

Электронное письмо было выслано на следующий день после встречи с Маркополосом, а приложенный к нему файл резюмировал его опасения: «Информатор полагает, что Мэдофф, скорее всего, строит гигантскую финансовую пирамиду, и по некоторым признакам она близка к обрушению. Если это случится, последствия будут губительны, поскольку в Мэдоффа вложились многие и вложили много».

На следующий день, 27 октября, руководитель бостонского подразделения сделал следующий шаг, разослав электронные письма трем заместителям директора нью-йоркского отдела правоприменения, предложив напрямую подключить Маркополоса к соответствующим сотрудникам в Нью-Йорке.

Предостережение, сделанное из Бостона, не могло быть выражено яснее: Комиссии необходимо установить, не создал ли Мэдофф финансовую пирамиду.

У нью-йоркской команды, за которой закрепили это задание, практически не было опыта расследования финансовых пирамид. У ведущего следователя практически никакого опыта не было – она проработала в Комиссии всего полтора года. Впоследствии руководитель нью-йоркской команды скажет, что она была

«беспомощна из-за недостатка средств и кадров» – и из-за безответственности других работников Комиссии, которые были способны помочь ей разобраться, но не сделали этого. Корпоративная культура агентства не поощряла работников искать помощи за пределами своего «курятника», поэтому они не консультировались с теми, кто был компетентен в финансовых пирамидах. И даже те, кто считал, что им известно нечто о финансовых пирамидах, на самом деле не знали ничего. Несмотря на ясность предостережения Маркополоса, члены команды позднее припоминали, что на самом деле они не считали вероятным, что такой человек, как Берни Мэдофф, может быть преступником. Он просто не вписывался в образ «типичного» автора финансовой пирамиды, созданный их невежеством.

В результате предсказание Эда Мэньена о том, что Маркополос либо сразу нравится людям, либо нет, подтвердилось. Маркополосу показалось, что Меган Чун из нью-йоркского офиса, возглавившая команду по новому расследованию, сразу его невзлюбила. Даже после того, как за Маркополоса поручился Бостон, Чун держалась подчеркнуто сухо, а ее мнение распространялось и на двух других женщин из команды. «По слухам, она считала, что он ведет себя высокомерно, будто у нас в Комиссии ни у кого нет ни опыта, ни знаний», – вспоминала потом одна из ее подчиненных.

Наверное, кто-то скажет, что Маркополоса можно понять, принимая во внимание, как Комиссия обошлась с предыдущими его предостережениями о Мэдоффе, и тем не менее остается сожалеть, что он восстановил против себя женщин из нью-йоркского отделения: это, мягко говоря, делу не помогло. Позже он вспоминал, что в первом же телефонном разговоре с Чун он позволил себе усомниться в ее финансовой компетентности, мол, она слабо разбирается в деривативах, небрежно отмахнулся от ее прежних успешных расследований дел о бухгалтерских фальсификациях. Впоследствии он говорил, что она «вроде как обиделась». На самом деле его придирки были совершенно неуместны: для расследования финансовой пирамиды вовсе не требуется глубокого знания деривативов. В случае настоящей финансовой пирамиды никаких деривативов нет в помине, а есть всего лишь враль с банковским счетом. Зато предшествующий опыт Чун мог ей очень пригодиться, так как расследование бухгалтерских фальсификаций состоит в том, чтобы установить, существуют ли на самом деле активы, показанные в балансе, и это главный вопрос в расследовании финансовой пирамиды.

Знай Чун о финансовых пирамидах побольше, она быстро поставила бы Маркополоса на место. Но она не знала. А знай

Маркополос побольше о том, как обращаться с людьми, он не стал бы с ходу задавать ей обидные каверзные вопросы. Но он не знал. Для «кванта» человеческое уравнение зачастую решить труднее всего.

В конце 2005 года Гарри Маркополос сделал еще одну попытку разоблачить Мэдоффа, обратившись наконец в СМИ. По совету друга из вашингтонской группы защиты налогоплательщиков он обратился к Джону Уилку из вашингтонского бюро The Wall Street Journal. Большую часть своей выдающейся карьеры Уилк провел в Вашингтоне, где писал о коррумпированных конгрессменах и компаниях, которые их коррумпировали. Когда Маркополос связался с ним в первый раз, Уилк уже занимался другим важным проектом. Он выслушал Маркополоса, но, по всей вероятности, его не тянуло вторгаться на поляну нью-йоркских коллег из The Wall Street Journal, обозревателей рынка ценных бумаг. Тогда кое-кто из союзников Маркополоса посоветовал ему связаться с другими журналистами (из The Wall Street Journal или других нью-йоркских новостных изданий), но Маркополос хотел иметь дело только с Уилком. К февралю 2007 года Маркополос совсем приуныл и уже готов был истолковать нежелание Уилка заниматься его сюжетом как следствие заговора. «Я был убежден, – напишет он, – что некто из самой верхушки The Wall Street Journal решил, что наезжать на Мэдоффа слишком опасно». Ведущие редакторы The Wall Street Journal, которые не раз выводили на чистую воду могущественных персон на Уолл-стрит и в Вашингтоне, категорически заявляли, что за решением Уилка в 2006 году не расследовать дело Мэдоффа не крылось ничего, кроме его профессиональных приоритетов.

В защиту нью-йоркской команды Комиссии можно сказать, что коллеги сбили ее с толку ссылками на прежние расследования по Мэдоффу, ни одно из которых не ставило вопрос о финансовой пирамиде. Сотрудник, контролировавший инспекцию 2005 года, заявил, что Лэмор и Остроу расследовали «в принципе те же вопросы» и ничего не обнаружили. Лэмор согласился встретиться с новой командой, но дал уничижительный отзыв. «Если коротко, это все те же голословные утверждения, которые мы слышали и раньше. Мотив автора [докладной записки] – подзаработать на разоблачении предполагаемого мошенничества», – сказал он. Лэмор имел в виду денежное вознаграждение, которое Комиссия обещала за сигналы об инсайдерской торговле – незаконной финансовой деятельности, куда входит и «торговля с опережением». «Я думаю, что он обычный дилетант, охотник за компроматом, и не

разбирается в операциях Мэдоффа так, как разбираемся мы, а значит, большинство его обвинений взято с потолка», – рассуждал Лэмор. С ним соглашался и другой инспектор: «Конечно, какая-то загадка в действиях Мэдоффа все же есть», но, «судя по тому, что мы видели», это не похоже ни на пирамиду, ни на «опережение».

В итоге у новой команды сложилось впечатление, будто предыдущая инспекция не считала, что в анализе Маркополоса содержится нечто наводящее на мысль о финансовой пирамиде. Никто не удосужился как следует прочесать старые досье, поэтому осталась незамеченной почти идентичная жалоба управляющего хедж-фондом от 2003 года, а также электронные письма Renaissance, обнаруженные в 2004 году. И никто не заметил, что инспекторы Комиссии даже не пытались найти признаков финансовой пирамиды.

Правда, Лэмор указал, что его люди не обращались ни к одному хедж-фонду из клиентов Мэдоффа, поэтому новая команда решила, по крайней мере, закрыть этот пробел. Она послала письмо в Fairfield Greenwich Group с запросом о ящиках с документами, относящимися к их сделкам с Мэдоффом. Очевидно, планировалось проверить, совпадают ли выписки со счетов Fairfield (которые фабриковал Дипаскали) с отчетами, которые Мэдофф передал команде Лэмора (которые также сфабриковал Дипаскали). Что было совершенно бесполезно, если Мэдофф строил финансовую пирамиду.

Но это сразу насторожило Мэдоффа. Его остатки наличности застыли около нуля, и вдруг самый крупный, самый надежный источник денег получает письма из Комиссии по ценным бумагам и биржам, где говорится о нем, Мэдоффе.

Угроза его афере возросла 13 декабря, когда младший по должности член нью-йоркской команды Комиссии обнаружил «странное несоответствие» между документами Fairfield и записями прежней команды о майском опросе Мэдоффа. Весной Мэдофф заявлял, что уже примерно год не использует опционы в своей стратегии. Но текущие отчеты о состоянии счета Fairfield тем не менее показывали сделки с опционами. Этому не могло быть, кажется, иного объяснения, кроме того, что Мэдофф кому-то солгал. Поскольку все фидер-фонды Мэдоффа свято верили, что он до сих пор покупает для них опционы, то вывод Комиссии об обратном прозвучал бы для них как гром среди ясного неба.

Но даже нестыковка по опционам не навела команду Комиссии на мысль, что Мэдофф – не самый надежный источник информации. Насколько им было известно, он оставался весьма уважаемой на Уолл-стрит персоной. Один из следователей, размышляя над этим делом, писал коллеге, что у них не было «

реальной причины подозревать его в каком-либо правонарушении».

В декабре 2005 года главный специалист по рискам Fairfield Greenwich при опросе в Комиссии (после того, как Комиссия позволила ему предварительно проконсультироваться с Мэдоффом) подтвердил, что опционы по-прежнему остаются частью стратегии Мэдоффа. Команда следователей сочла небесполезным перед опросом Мэдоффа отследить несколько контрагентов его таинственных сделок по опционам. Мысль похвальная, и, если бы они как следует поработали в этом направлении, преступление Мэдоффа наверняка было бы раскрыто. Но этого не произошло.

Весь январь 2006 года Берни Мэдофф и Фрэнк Дипаскали занимались тем, что представляли документы в ответ на новые запросы Комиссии, хотя в гигантских кипах бумаг не было ни одного внебиржевого контракта на опционы. 26 января Дипаскали отправился в офис Комиссии отвечать на вопросы о контрагентах по сделкам Мэдоффа и солгал достаточно убедительно, чтобы на время сбить инспекторов со следа.

В дальнейшем регуляторы и прокуроры обвинили Дэна Бонвентре в том, что тогда, в январе, он, разбираясь с кризисом наличности у Мэдоффа, вновь воспользовался гособлигациями со счета Карла Шапиро на 54 млн долларов в качестве залога для банковского кредита в 50 млн долларов. Заемные средства были переведены на банковский счет пирамиды, чтобы покрыть продолжающиеся изъятия. Деньги с законных банковских счетов использовались для покрытия гигантских изъятий по меньшей мере четырежды. Неясно, сколько прошло бы времени, пока выжатая как лимон законная фирма не начала, в свою очередь, испытывать недостаток наличности или пока кто-нибудь из сотрудников не проговорился о странных денежных переводах и займах.

Тем временем следователи Комиссии продолжали изучать деятельность фидер-фондов, на которые Мэдофф рассчитывал как на источник свежей наличности, в которой он так отчаянно нуждался. 30 января 2006 года следователи опросили Джеффри Такера из Fairfield Greenwich. Через два дня они послали в Tremont Partners письмо с требованием представить тот же перечень документов, который в декабре был запрошен в Fairfield.

Затем в середине февраля Мэдоффа попросили передать в Комиссию листок бумаги, который, как ему было прекрасно известно, мог отправить его за решетку. От него потребовали список всех без исключения счетов, через которые он заключал сделки, рассчитывался и расплачивался по ним, в том числе

пресловутые сделки с опционами – сделки, в существование которых инспекторы упрямо верили, несмотря на его заявление. Он, разумеется, никаких сделок не проводил, ни с кем не рассчитывался и не расплачивался, но если отказаться выполнить запрос, тут-то и сработают все мины-ловушки Комиссии. Поэтому 23 февраля Мэдофф сыграл по-крупному и выдал шестистраничный список финансовых организаций, через которые якобы совершал сделки для своих клиентов – хедж-фондов, вместе с номером своего счета в расчетной палате DTCC.
И стал ждать худшего.

9. Мир Мэдоффа

Остается только гадать, как Берни Мэдофф в конце 2005 – начале 2006 года управлялся одновременно с затянувшимся кризисом ликвидности и расследованием Комиссии по ценным бумагам и биржам. Интенсивность оттока капитала поражает даже тем, как выглядит на бумаге. Между апрелем 2005 года и июнем 2006 года из одного только фонда Fairfield Sentry инвесторы изъяли приблизительно 975 млн долларов, или почти 20 % активов. Ситуация выглядела настолько тяжелой, что неудивительно, что Дэн Бонвентре и два программиста, работавшие на семнадцатом этаже на Фрэнка Дипаскали, весной 2006 года опустошили свои счета у Мэдоффа и перевели активы в другое место, – хоть эти трое и отрицали, будто им было что-либо известно об афере или о том, что пирамида зашаталась. Мэдофф вряд ли мог отказать им в выдаче денег. Даже если они и не помогали удерживать финансовую пирамиду от краха, а они это яростно отрицали, все же отказ в изъятии стал бы сигналом тревоги для всех. 13 апреля Мэдофф подготовил новый слив денег с банковского счета своей брокерской фирмы для покрытия запроса в 120 млн долларов от фонда Sentry, только за месяц до этого изъявшего 150 млн долларов.

Несмотря на грозящую пирамиде гибель, Берни Мэдофф явно не ограничивал доступ своей семьи к деньгам. Фондовые рынки в целом были крепки. Глобальный бизнес хедж-фондов казался устойчивым. Раз считается, будто Мэдофф ведет чрезвычайно успешный хедж-фондовый бизнес, значит, у него денег куры не клюют. Как и у всякого успешного управляющего хедж-фондом.

Если членам семьи Мэдоффа и был известен секрет, что финансовая пирамида в тисках потенциально смертельной денежной катастрофы, они определенно не делали ничего, чтобы смягчить ситуацию, и, будь они его сообщниками, он бы без лишних слов отказал им в выплате денег. В декабре 2005 года Мэдофф ссудил обоим своим сыновьям по 5 млн долларов. Между сентябрем и апрелем Берни позволил своему брату изъять 3,2 млн долларов со счетов, которыми управлял для него. Из его семьи во время этого кризиса никто не поспешил закрыть счета и перевести свои активы в безопасное место. В руках Берни осталась огромная часть их богатств: пенсии, отсроченные компенсации, доверительные фонды детей.

В ретроспективе тот факт, что семья продолжала изымать наличные, но не опустошала своих счетов, наводит на мысль о том, что осенью 2005 года им не было известно ни об афере, ни о

надвинувшейся на нее угрозе. Они по старой привычке как ни в чем не бывало запускали руку в домашнюю копилку Берни, как если бы в фирме все шло по-прежнему гладко.

Безмерная щедрость Мэдоффа, вероятно, объяснялась тем, что для его семьи жизнь за рамками бизнеса была совсем не сладкой. Роджер, сын Питера, проигрывал свою битву с лейкемией и на глазах молодой жены и убитой горем семьи соскальзывал к смерти, и так продолжалось всю зиму. Он умер 15 апреля 2006 года в возрасте тридцати двух лет. Секретарь Берни Элинор Скиллари потом скажет, что тот Питер, которого она знала столько лет, тоже умер в этот день.

Именно в эти месяцы личных страданий Мэдофф втайне ото всех сохранявший шаткое равновесие под пристальным вниманием Комиссии, отчаянно занимая и переводя деньги, едва не проиграл свою битву – за финансовую пирамиду. К апрелю 2006 года со счетов своей брокерской фирмы он перевел в «смазочный фонд» финансовой пирамиды более 260 млн долларов для покрытия изъятий и поддержания аферы на плаву, и все же этого было мало.

Положение начало меняться 18 апреля, когда «трудный» инвестор Джеффри Пикауэр внес на один из своих счетов у Мэдоффа 125 млн долларов, что было как нельзя более кстати, поскольку это вливание состоялось всего пять дней спустя после того, как фонд Fairfield Greenwich изъял 120 млн долларов. Это одно из разрозненных свидетельств, позволяющих предположить, что о длительном преступлении Мэдоффа Пикауэр знал больше, чем о том догадывался сам Мэдофф, – во всяком случае больше, чем они оба согласились признать.

Столь своевременный взнос Пикауэра на счет у Мэдоффа претерпел примечательные изменения. За две недели он благодаря прибыли от неких акций, якобы купленных на эти деньги, вырос на бумаге до 164 млн долларов. Однако, согласно отчетам о состоянии счета Пикауэра, эти прибыльные покупки были совершены тремя месяцами ранее, за десять недель до того, как для оплаты этих акций на его счет поступил чек на 125 млн долларов. В сентябре 2006 года, после того, как прошли денежные затруднения Мэдоффа и новые деньги стали поступать ежедневно, Пикауэр изъял свои 125 миллионов, оставив на счету 80 млн бумажных прибылей, накопившихся за пять месяцев. Вероятно, Пикауэр считал, что ранее он совершил покупку акций с маржей (в долг) и теперь за них расплатился. Но впоследствии управляющий банкротным имуществом истолковал эту транзакцию как косвенное свидетельство того, что Пикауэр пришел на выручку Мэдоффу, после чего был вознагражден

фальшивыми прибылями, сфабрикованными задним числом. Трудно представить, чтобы Мэдофф без ведома Пикауэра состряпал на счету столь квалифицированного инвестора откровенно фиктивные сделки.

Желанного и взаимовыгодного чека Пикауэра, как и долгожданного спада изъятий, однако, не хватало для спасения преступной схемы в кризисные времена. В спину Мэдоффа по-прежнему дышала Комиссия по ценным бумагам и биржам. К счастью для него, следователи Комиссии отказались поверить Гарри Маркополосу и его исследованию. Они не справились с трудным домашним заданием, не сумели проанализировать документы прежних провальных расследований. Они почти ничего не знали ни о финансовых пирамидах, ни о тех, кто их строит. Но при всех этих недостатках регуляторы весной 2006 года подошли к разоблачению Мэдоффа исключительно близко.

В мае командой следователей Комиссии были подготовлены письма в Barclays Bank и Bank of New York с просьбой подтвердить торговые операции Мэдоффа. Ответы на эти письма представляли бы угрозу Мэдоффу, так как сразу раскрылось бы, что никаких сделок попросту не было. Отчего-то, однако, Меган Чун и ее коллега Симона Су решили отложить отсылку писем до проведения опроса Мэдоффа позднее в этом же месяце. В результате письма так и не были отосланы, а по прошествии времени никто не мог припомнить почему.

Затем в середине мая команда Комиссии попросила персонал FINRA (Агентство по регулированию деятельности финансовых институтов) проверить сделки Мэдоффа с опционами за конкретный день. Сотрудник FINRA сообщил, что в этот день Мэдофф вообще не совершал сделок с опционами. Тем не менее в Комиссии просто проглотили этот, казалось бы, сенсационный отчет и отложили его в сторону, убедив себя в том, что Мэдофф либо не отчитался по сделкам, либо проводил их за границей. Несмотря на все его явные обманы, они так и не заподозрили, что он вообще не проводит никаких сделок. Привыкшей за долгие годы к чрезмерной осторожности, погрязшей в бюрократической косности Комиссии просто не хватило воображения представить себе обман такого масштаба.

Мало-помалу расследование добралось и до самого Мэдоффа.

В пятницу 19 мая 2006 года незадолго до десяти часов утра Берни Мэдофф прибыл в нью-йоркское отделение Комиссии в небоскребе American Express, что стоит неподалеку от огромного пустыря, оставшегося от Всемирного торгового центра. Он был один, без адвоката. За столом против него сидели пятеро сотрудников Комиссии, в том числе Меган Чун, Симона Су и

Питер Лэмор.

Мэдофф казался непринужденным и искренним. Он оживился, когда разговор зашел об искусстве трейдинга и о компьютерной науке, которая, по его признанию, была не самой сильной его стороной. Он привел пример: «Если бы я говорил с нейрохирургом и он стал бы сыпать терминологией, то я ничего бы не понял. Но если говорят: смотри – это скальпель, режь здесь – тут мне все понятно».

У всех различные компьютерные алгоритмы для ведения трейдинга, продолжал он. «Системы разрабатывают так: это мне неинтересно, а вот это интересно». Но он не придавал большого значения доступной всем информации, стекающейся на рынок. «У меня всегда спрашивают: в чем секрет хорошего трейдинга? Или: почему ты торгуешь лучше других? – И так далее. Тут то же самое: мы частные трейдеры и маркетмейкеры. Одни крутые, у других кишка тонка. Некоторые просто глупы: они не боятся того, чего нужно бояться. Некоторые просто чуют рынок. Некоторые просто понимают, как анализировать числа».

Его успех объясняется элементарно, как он дал им понять, хотя и не сказал этого прямо: он из тех, кто «просто чует рынок».

Мэдоффа спросили, отчего он ведет торговлю опционами на непрозрачном внебиржевом рынке, а не на публичных площадках. «За опционами все идут на внебиржевой рынок. Так уж повелось», – ответил он. Котирующимися на Большом табло опционами можно торговать «только в часы рабочего дня в США, а кому это нужно?». Кроме того, добавил он, «опционному рынку не хватает ликвидности. Дело постепенно улучшается, но ввязываться сейчас все равно незачем».

Он казался уверенным, знающим, непринужденным – ни намека на то, что у него кончаются деньги. Не было и признаков того, что после вручения следователям в феврале списка своих фиктивных контрагентов он боится, что времени уже не осталось. В последние три месяца он каждый день ожидал, что из Комиссии позвонят кому-то из его списка и обнаружат, что он лжет. Пока что не звонили – и не позвонят, как мы теперь знаем… И вот смертельно опасный для него список лежит перед ним на столе в переговорной комнате Комиссии.

– Мне бы хотелось пройтись по списку, чтобы вы немного подробнее объяснили назначение каждого счета, – сказала Симона Су. – Счет расчетной палаты DTCC, каково его назначение?

Мэдофф ответил правдиво:

– Это общий расчетный счет фирмы, для клиринга сделок фирмы.

На вопрос инспекторов, создает ли расчетная палата отдельные счета для разных институциональных клиентов, Мэдофф ответил:

– Ну, там один большой счет, но с различными кодами в зависимости от того, принадлежат ценные бумаги брокерской фирме или институциональным клиентам.

– Вы знаете, что это за коды?

– Нет.

– Но в DTCC знают?

– Да.

Что ж, вероятно, вот он, роковой последний шаг. Время истекло. «Я думал, это конец. В понедельник утром они позвонят в DTCC, и все будет кончено, – вспоминал он потом. – А этого так и не произошло».

Это его «изумило», сказал он, потому что, «если ищешь финансовую пирамиду, первым делом смотришь именно на такие вещи».

Если бы команда следователей проверила счет Мэдоффа в расчетной палате в тот же день или в понедельник, она бы обнаружила, что на нем менее чем на 24 млн долларов акций голубых фишек, тогда как по лежащим перед ними выпискам из счетов там должно быть на миллиарды долларов акций либо казначейских векселей.

Но следователи неправильно поняли принцип работы расчетной палаты, ошибочно предположив, что отсеять транзакции хедж-фондов от обычных крупномасштабных трейдинговых операций фирмы будет стоить непомерных трудов. Поэтому они не довели до конца работу со счетом DTCC.

К этому моменту Питер Лэмор был вне себя от возмущения. Мэдофф сидит тут и часами, не моргнув глазом, расписывает торговлю опционами, а ровно год назад говорил Лэмору, что опционы больше не входят в его инвестиционную стратегию. Симона Су указала Мэдоффу на эту нестыковку.

– Помните ли вы, как первого января две тысячи четвертого года говорили Питеру, что больше не включаете опционы в стратегию институционального трейдинга?

– Я говорил, что они не являются частью модели, – быстро солгал Мэдофф. – Опционы больше не считаются частью модели. Я не говорил, насколько я помню, что больше не применяю опционы в трейдинге. Я сказал, что опционы… что опционы были из модели выведены и что они больше не являются частью модели.

Су не отступала:

– Так на какие же изменения вы ссылаетесь, заявляя это?

– Ну, они когда-то были частью модели, – объяснил Мэдофф. – Их вывели, – продолжал он, – потому что они ослабляли его права на интеллектуальную собственность – программное обеспечение, которое реализует их инвестиционную стратегию. – Мы считаем модель своей интеллектуальной собственностью. Полагаю, это оговорено в директиве по лицензии на трейдинг, – продолжал он. – Но в опционной части модель выглядела слабовато. Поэтому мы практически изъяли их из нашей модели и обрабатывали отдельно.

Разве 1 января 2004 года он не говорил Лэмору, что клиенты могут хеджировать стратегию, покупая свои собственные опционы?

– Нет, – ответил Мэдофф.

– Вы не помните, как говорили это?

– Я помню, как сказал то, что только что сказал: опционы [первоначально] были частью модели и что они больше не являются частью этой модели, но что… Я отчетливо помню, как говорил, что опционы до сих пор используются для хеджирования транзакций.

Лэмор был в ярости. «Я как сейчас вижу: сижу я там, слушаю его показания и вдруг заявляю, что он лжет! – вспоминал он потом. – Я был потрясен…»

Лэмор, как и многие, многие другие, не ожидал, что человек, способный так нагло лгать, способен столь же нагло проворачивать грандиозную аферу. «Я хочу сказать, что *лгать* или *вводить в заблуждение* для меня одно, а, *афера, финансовая пирамида* – другое, и между ними огромное расстояние… огромный скачок».

Такой скачок Берни Мэдофф совершал каждый день, но Комиссия этого так и не поняла. Когда 3 января 2008 года после долгого бездействия Комиссия официально закрыла это полное дыр расследование, ее заключение гласило, что, несмотря на открывшуюся ложь, свидетельств мошенничества нет.

Через девять месяцев после того, как острый недостаток средств в 2005 году едва не разорил Мэдоффа, его финансовая пирамида снова стала работать «в плюс».

Битва за деньги стоила дорого. К моменту, когда в конце мая 2006 года Мэдофф сидел перед Комиссией и сочинял небылицы, он для сохранения финансовой пирамиды назанимал 342 млн долларов под аккредитив от своей брокерской фирмы. Но занятые деньги были возвращены банкам к концу августа 2006 года, когда Комиссия в конце концов отказалась от совершенно провального расследования, всего-навсего потребовав, чтобы Мэдофф зарегистрировал свой инвестиционно-консалтинговый бизнес.

Мэдофф начал ликвидировать задолженность еще в конце июня, подготовив обратный перевод на действующий счет брокерской фирмы 262 млн долларов, сторнировав бухгалтерские уловки, которые были применены для сокрытия платежей, проведенных в начале года.

Каким образом чуть не завалившаяся финансовая пирамида Мэдоффа так быстро встала на ноги? С немалой помощью его друзей, и особенно новых друзей – хедж-фондов.

Этому в значительной степени способствовало то, что глобальная страсть к инвестициям в хедж-фонды быстро растворила неприятный осадок, оставшийся после краха фонда Bayou. Наглядным примером служат европейские операции с ценными бумагами. Один европейский управляющий инвестициями, в 2001 году купивший акции Kingate, вложенные в Мэдоффа, в 2005 году решил «выйти в кэш». «Стоило мне только заикнуться, что я хочу продавать, – вспоминал он, – со всех сторон поднялся крик: мне, мне, мне продай! Я за пятнадцать минут вернул деньги». На этом он заработал 40 % – и стал выжидать возможности вложиться в Мэдоффа через другие фонды. Рассказывая об этом, он пожал плечами: «Мы все подозревали, что он торгует с опережением, ну и что?»

Благодаря энергичным продажам, которые ему обеспечивали красавцы зятья Уолтера Ноэла из Fairfield Greenwich, у Мэдоффа были неплохие шансы для выигрыша от этого биржевого «отскока», хотя до конца 2005 года Fairfield Greenwich еще не начал восстанавливаться после спада и высочайших прибылей достиг только в 2007 году.

В Европе в 2005 и 2006 годах главным генератором энергии, позволившей афере Мэдоффа уцелеть, была Соня Кон, деятельный учредитель банка-бутика под названием Bank Medici в Вене. Соня Блау, родившаяся в 1948 году, в 1970 году вышла замуж за честолюбивого банкира Эрвина Кона и вырастила пятерых детей. В начале своего супружества они заправляли бизнесом по импорту с отделениями в Милане и в Цюрихе, но в 1983 году переехали в Нью-Йорк, а к 1985 году Соня Кон получила лицензию брокера. Жизнерадостная и несколько эпатажная женщина, бегло говорившая минимум на четырех языках, Соня в конце 1980-х недолго поработала на Merrill Lynch и Oppenheimer. Хотя некоторые и помнили, что она зарабатывала для фирмы большие комиссионные, два клиента Merrill Lynch жаловались, что она нанесла им ущерб неправильными инвестициями, а документы показывают, что, улаживая разные споры, фирма уплатила более 125 тыс. долларов.

Соня Кон во всеуслышание вспоминала, как ее представили

Мэдоффу в 1990-х годах, когда ее «хедж-фонд» поддерживали «люди и компании, бывшие золотым стандартом финансового сообщества». На самом деле Соню Кон представил Мэдоффу в середине 1980-х годов Сонни Кон, веселый сосед из Рослина и деловой партнер.

Когда Кон обдумывал, чем ему заняться после выхода на пенсию, его бухгалтер из известной фирмы Oppenheim, Appel, Dixon & Company посоветовал поговорить с энергичной австриячкой, которая якобы была одним из «отличников производства» в Merrill Lynch. Они встретились, но, похоже, не пришли к согласию о какой-либо совместной деятельности. Соня Кон была весьма расчетлива, и у нее были крупные, амбициозные и обширные замыслы, а Сонни Кон, вероятно, искал некой спокойной работы для пенсионера. Тем не менее Кон представил Соню Кон Мэдоффу, который как нельзя лучше подходил ее твердости и амбициям.

В апреле 1987 года Соня Кон основала в Нью-Йорке небольшую компанию Erko. Через несколько месяцев она соорудила брокерскую фирму Windsor IBC, которая полностью принадлежала Erko. Через несколько лет Соня окажется в центре головокружительного международного комплекса номинальных корпораций, холдингов, офшорных трастовых компаний и частных партнерств, наиболее важным из которых был ее флагман, основанный в 1994 году Bank Medici.

Первой публике стала известна небольшая инвестиционная фирма Eurovaleur – основанный в 1990 году объединенный хедж-фонд, базирующийся в Нью-Йорке и работающий с лучшими инвестиционными управляющими Европы. Даже двадцать лет спустя, когда имя Сони Кон оказывалось в деловом календаре Мэдоффа, оно чаще возникало в связи с Eurovaleur, а не с Bank Medici.

В 1996 году, через десять лет после начала плодотворного сотрудничества с Мэдоффом, Кон основала еще одну небольшую компанию в Нью-Йорке под названием Infovaleur, которую позднее описывали как сервис финансовых исследований. Одним из ее самых прибыльных клиентов был Берни Мэдофф, чья законная фирма получила легкий доступ к любому из исследований Уолл-стрит, какое только желала. Через годы конкурсный управляющий, ликвидирующий фирму Мэдоффа, будет утверждать, что Infovaleur была «обманкой», одной из множества номинальных компаний, созданных для получения от Мэдоффа десятков миллионов долларов и передачи их в другие номинальные компании, контролируемые семьей Сони Кон и их приспешниками в Гибралтаре, еще где-то в Европе и в Израиле.

По мнению конкурсного управляющего, эти деньги (которые предположительно всегда передавались лично в руки и чек на которые никогда не высылался по почте) были вознаграждением Сони за миллиарды долларов, которые она годами помогала направлять в пирамиду Мэдоффа.

На другом судебном процессе все тот же конкурсный управляющий будет утверждать, что лондонская дочерняя фирма Мэдоффа Madoff Securities International Ltd. с 1987 года была звеном этой цепочки по передаче вознаграждений. В деле описывались встречи, на которых один из давних руководителей фирмы Мэдоффа в Лондоне лично передавал ежеквартальный чек Соне Кон «за чаем в лондонских отелях Ritz или Claridge's». Эти выплаты в документах Мэдоффа были отнесены к «оплате исследований», но, по утверждению конкурсного управляющего, посреднику было «хорошо известно, что исследования Кон, которые она проводила для Мэдоффа, ничего не стоят». Лондонский руководитель от комментариев воздержался, но предпринял шаги для того, чтобы оспорить эти обвинения в суде. Кон через своих адвокатов упорно повторяла одно и то же: она не имела понятия об афере Мэдоффа.

После встречи с Берни Мэдоффом в середине 1980-х годов Кон не скрывала своего восхищения им, хотя, в соответствии с его желанием, затушевала его роль в рекламных материалах своего фонда. По словам сотрудников Мэдоффа, она часто посещала его офисы и он всегда с большой теплотой приветствовал ее.

Эзра Меркин связывал Мэдоффа с кругами еврейских благотворителей, а Уолтер Ноэлс – с миром хедж-фондов. Соня Кон с начала 1990-х была для Мэдоффа звеном, связующим его с новыми источниками денег в Европе и за ее пределами. Она познакомила его с основателем швейцарской фирмы Genevalor, Benbassat & Co Марио Бенбассат и двумя его сыновьями. Их фирма организует пять первых донорских фондов в Европе, в том числе мощные фонды Thema, и в конце концов вложит в руки Мэдоффа почти 2 млрд долларов. Бенбассат был директором еще одной видной швейцарской инвестиционной фирмы Union Bancaire Privée, и в 2003 году UBP организовал собственное семейство донорских фондов, один из которых в сумме соберет для Мэдоффа 1 млрд свеженьких долларов. Последовавший судебный процесс также определил Соню Кон как лицо, представившее Мэдоффа двум итальянским управляющим инвестициями Карло Гроссо и Федерико Черетти, основавшим в 1990-х годах в Лондоне фонды Kingate для инвестирования с помощью Мэдоффа и в итоге переправившим ему 1,7 млрд долларов. Кроме того, она, по-видимому, представила Мэдоффа

наследнику греческой пивоваренной империи Чарлзу Фиксу, который устроился в Лондоне управляющим инвестициями и в конечном счете через хедж-фонды Harley и Santa Clara инвестировал с помощью Мэдоффа сотни миллионов долларов.

Эти инвесторы не могли не доверять рекомендациям, выданным Кон. Оригинальный пышный рыжеватый парик, дорогой, слегка старомодный гардероб, – она, деля время между Европой и Нью-Йорком, приобрела известность как «австриячка с Уолл-стрит». Когда в 2003 году Bank Medici получил от правительства Австрии лицензию на полный комплекс банковских услуг, они с мужем вновь обосновались в Вене, где она уже была удостоена почестей за вклад в австрийскую экономику.

Затем солидный банк, который был ее младшим партнером, когда она учреждала Bank Medici, был поглощен одним из крупнейших финансовых институтов Австрии Creditanstalt, а сама она быстро возвысилась до кругов европейской банковской аристократии. После еще нескольких слияний ее младший партнер, который теперь назывался Bank Austria, был поглощен итальянской банковской холдинговой компанией-гигантом Unicredit. Это было незадолго до того, как Unicredit обрел собственное семейство донорских фондов Мэдоффа под названием Primeo.

Из офисов с позолотой и барочной мебелью, с окнами на Венскую оперу, Соня Кон, согласно судебному иску против нее конкурсного управляющего, за десятилетия после первой встречи с Мэдоффом в 1985 году направит в его руки почти 9 млрд долларов. Ее империя хедж-фондов распространится по всей Европе и за ее пределы, в бывший СССР и мир офшорных фондов Карибских островов.

С точки зрения Мэдоффа, одно из главных достижений Сони Кон – ее помощь в основании фонда Herald, который заработал в апреле 2004 года. Согласно обстоятельным исследованиям, из полудюжины гигантских фидер-фондов, обслуживавших Мэдоффа в те годы, во время его денежного кризиса 2005 года ни один не прислал ему денег больше, чем Herald. С момента своего создания Herald перекачает в руки Мэдоффа более 1,5 млрд долларов, но большинство этих денег поступят, когда он так отчаянно нуждался в деньгах, – в первые годы деятельности фонда.

И все же Herald только проложил путь другим новорожденным европейским донорским фондам, которые помогли спасти Мэдоффа. Еще одним перспективным источником денег в 2005 году была частная фирма по управлению

инвестициями Access International, которой заправляли два элегантных француза. Access был спонсором фондов Lux-Alpha, основанных в 2004 году, которые добавили в трудное для Мэдоффа время стабильный поток свежих денег. Исполнительным директором Access был дружелюбный, но в высшей степени аристократичный Рене-Тьерри Магон де ля Вилльюше, но контакты с Мэдоффом наладил его старинный друг и партнер-банкир с более прозаическим именем, Патрик Литтэ.

На последующих судебных процессах против Access будет установлено, что Литтэ сам настоял, чтобы сделки Access с Мэдоффом шли исключительно через него. Мэдофф припоминал, что они связывались через руководителя французского банка, с которым он был, в свою очередь, знаком через старого парижского друга Альбера Игуэна, чьи контакты с Мэдоффом относятся к 1970-м годам. Литтэ позднее вспоминал, что познакомился с Мэдоффом в 1985 году, когда звонил в офис Мэдоффа, чтобы подтвердить транзакцию для одного из состоятельных клиентов. Так или иначе, эти двое, по-видимому, понравились друг другу, и европейские связи Литтэ произвели впечатление на Мэдоффа.

В 1995 году Литтэ и де ля Вилльюше основали Access International, негласно инвестируя в Мэдоффа деньги своих частных клиентов. С основанием в феврале 2004 года фондов Lux-Alpha фонд Access стал для Мэдоффа куда более внушительным источником денег. С санкции престижного международного банка UBS, находящегося в Швейцарии, фонд привлекал инвестиции таких исторических имен, как Rothschild et Co; в фонд влились состояния многих аристократических семей, в том числе собственные деньги де ля Вилльюше – богатство, которое позволяло ему содержать прекрасную усадьбу на северном побережье Франции, неподалеку от Сен-Мало, принадлежавшую его семье с 1685 года.

Казалось, ничто не может поколебать доверия, которое Литтэ и де ля Вилльюше питали к Мэдоффу. В начале 2006 года один из руководителей Access подтвердил странный факт, замеченный его сотрудниками: опционы, которыми якобы торговал Мэдофф, не отражались в отчетах центральной расчетной палаты Уолл-стрит. Когда вопрос был поднят в разговоре с основателями Access, те настояли на том, чтобы нанять опытного независимого аналитика по хедж-фондам и получить «второе мнение» о Мэдоффе, – и мнение этого аналитика было сугубо отрицательным. В начале мая аналитик завтракал вместе с Литтэ и де ля Вилльюше в сводчатой, отделанной деревянными панелями столовой University Club на Манхэттене. «Я сделал все от меня зависящее,

чтобы в вежливой, но бескомпромиссной манере заронить сомнение», – вспоминал аналитик после. Но Литтэ, показавшийся ему «весьма обидчивым и настороженным», якобы вступился за Мэдоффа, поставив под вопрос умение аналитика «разбираться в бизнесе», и отмахнулся от его предостережений.

К 2006 году флаг Мэдоффа развевался практически на каждом континенте. Его присутствие в Европе резко расширилось: венский Bank Medici и женевский Union Bancaire Privée не только напрямую управляли фидер-фондами, но и предоставляли консультационные услуги некоторым другим фондам Мэдоффа, включая Fairfield Greenwich Group, с офисами в Нью-Йорке и на Бермудских островах. Итальянские фонды Primeo банка Unicredit привлекли небольшие инвестиции некоего транснационального банка развития в Центральной Африке, внеся свою лепту в фонд Herald, куда стеклось уже полтора миллиарда долларов. Офшорная компания под названием Euro-Dutch Management, управляемая голландскими банкирами, собрала более 2,3 млрд долларов в свои «донорские» фонды для Мэдоффа, расположенные на Каймановых островах. В ходе сбора новой наличности для Мэдоффа на общую сумму в 4,5 млрд долларов Fairfield Greenwich привлечет деньги из Сингапура, Катара, Арабских Эмиратов (Абу-Даби, Дубай), Кореи и Токио. Фонды Optimal, финансируемые влиятельным испанским банком Banco Santander, соберут у инвесторов из богатых анклавов Центральной и Южной Америки в общей сложности не менее полутора миллиардов долларов.

Даже у крупных фидер-фондов были собственные «донорские» фонды, которые, в свою очередь, тоже подпитывались фидер-фондами, и все вместе они создавали необъятную всемирную ирригационную систему, которая обеспечивала аферу Мэдоффа бесперебойными денежными потоками высокого напора. Многие фидер-фонды выплачивали «отчисления», то есть попросту делились комиссионными (конкурсный управляющий назовет эту практику «откатами», но можно трактовать это и как комиссионные с продаж), что обеспечивало высокое вознаграждение и мощный стимул тем, кто поставлял новых инвесторов.

По мере того как хедж-фонды набирали силу в Европе, Азии и на Среднем Востоке, они множились и в Америке. Ярким примером распространения хедж-фондов после 2006 года – тенденция, которую Мэдофф использовал на все сто, – служит флоридский хедж-фонд под названием Anchor Holdings LLC, состоящий из одного человека.

Многими клиентами Anchor были малые семейные или

личные «хедж-фонды». Были среди клиентов и профсоюзные или профессиональные пенсионные планы. На своем пике, когда у Anchor Holdings имелось активов предположительно на 12 млн долларов, самый большой индивидуальный счет этого хедж-фонда был меньше 750 тыс. долларов, а самый маленький, пенсионный, – всего 3 224,43 доллара. Эти скромные сбережения Anchor Holdings инвестировал в другой хедж-фонд, который инвестировал все активы в как будто бы диверсифицированный портфель международных хедж-фондов. Портфель этот состоял из фонда Primeo, фонда Santa Clara и еще четырех фондов, каждый из которых инвестировал исключительно в Мэдоффа. В результате мелкие инвесторы, полагавшие, что уж им-то не грозит риск сложить все яйца в одну корзину, на самом деле вручили свои сбережения одному-единственному человеку – Берни Мэдоффу.

Неудивительно, что некоторые конгрессмены требовали, чтобы Комиссия по ценным бумагам и биржам повысила внимание к наступлению индустрии хедж-фондов на средний класс. Наглядным примером того, что хедж-фонды ринулись в розничный сектор, служит деятельность Anchor Holdings. Но, поскольку хедж-фондам не требовалось регистрироваться в Комиссии (скверно подготовленный проект правил регистрации в 2006 году был отклонен решением апелляционного суда, а новой редакции так и не составили), она знать не знала об Anchor Holdings или о подобных ему бесчисленных хедж-фондах.

В декабре 2006 года Комиссия попыталась задержать бегство среднего класса в практически нерегулируемые хедж-фонды, повысив требования к чистой стоимости активов «аккредитованных инвесторов» (тех, кто достаточно богат, чтобы на законных основаниях купить долю в хедж-фонде) с 1 млн долларов до 2,5 млн. Это требование встретило яростное сопротивление тех, кто уже инвестировал в хедж-фонды, но не отвечал новым критериям аккредитации. По замечанию в одном из отчетов Исследовательской службы Конгресса, «инвесторы не желают, чтобы их защищали от рисков, которые Комиссия полагает чрезмерными». На том и успокоились.

Некоторые критики регистрации хедж-фондов заметили, что, когда в Европе ввели режим регистрации, эта мера только содействовала тому, что инвесторам со средним доходом хедж-фонды стали казаться надежнее и потому привлекательнее. Некоторые авторитетные ученые по обе стороны Атлантики поспешили выступить в поддержку концепции «хедж-фондов для всех» (разумеется, их голос был не просто услышан, но и максимально усилен). Отчего, спрашивали они, выгоды от

инвестирования в хедж-фонды должны быть доступны только богатым и «квалифицированным»?

Дело было не только в социальных барьерах, хотя один иронический наблюдатель и заметил, что, коротая время за приятной беседой в патио, со всех сторон только и слышишь, что взаимные фонды – «это вчерашний день». Низкие процентные ставки, установленные в 2000 году Федеральным резервом для поддержки экономики после краха фондового рынка хайтек-компаний, резко снизили прирост денежных средств, которые поколение стареющих бэби-бумеров могло гарантированно получить на пенсионные сбережения. В то же время растущий пузырь на рынке недвижимости увеличивал стоимость их главного актива – жилья. При низких выплатах по закладным и высоких ценах на жилье велико было искушение взять кредит под залог дома, инвестировать с помощью Мэдоффа и получить гораздо больший доход в счет пенсии, чем можно было бы получить, вложив те же средства в банковский депозит или низкорисковый взаимный фонд.

Поэтому все больше инвесторов вкладывало свои пенсионные сбережения в хедж-фонды – у себя дома и за границей, напрямую и через пенсионные фонды, – и в корзине Мэдоффа денег оказалось более чем достаточно для выхода из кризиса, который в ноябре 2005 года казался ему смертоносным.

Еще одним важным фактором этого удивительного воскрешения Мэдоффа был бум на рынке деривативов, связанных с результативностью хедж-фондов, – одно из проявлений мании деривативов, охватившей Уолл-стрит и другие финансовые центры по всему миру.

В этом месте рассказа о Мэдоффе Гарри Маркополос стал бы рисовать на белой доске кружки и стрелки. Но целесообразнее представлять деривативы как частные договоры между продавцом и покупателем: каждый договор составлен для достижения конкретной цели. Цель этих частных договоров состоит в том, чтобы за некоторое вознаграждение позволить покупателю разделить в будущем прибыли конкретного хедж-фонда, не инвестируя напрямую в сам хедж-фонд.

Кому может такое понадобиться и зачем? Причин несколько. Возможно, заманчивый хедж-фонд не принимает новых инвесторов. А контракт по деривативам позволяет посильно воспользоваться преимуществами, которые закрытый фонд предоставляет своим инвесторам, даже если дверь в этот фонд заперта.

Для случая Мэдоффа куда важнее то, что некоторые из деривативных контрактов давали покупателю возможность

инвестировать заемные деньги, а это означало, что инвестор мог заработать вдвое, втрое, а то и вчетверо больше прибыли, произведенной конкретным хедж-фондом, то есть получить такие прибыли от внешнего финансирования, которых не мог себе обеспечить сам хедж-фонд. Со временем деривативные контракты стали давать выход на множество фидер-фондов Мэдоффа, но изначально первичным, «индексным» фондом был гигантский Fairfield Sentry, чьи активы в 2005 году достигали 5 млрд долларов.

В августе 2006 года, когда во всем мире разгоралась жажда ко всяческим экзотическим деривативам, испанская банковская группа Banco Bilbao Vizcaya Argentaria (BBVA) продала на 20 млн долларов этих деривативных контрактов, составленных так, чтобы инвесторы получили в пять раз больше будущих прибылей Fairfield Sentry. Через месяц банк BBVA продал таких бумаг еще на 5 млн долларов. Вдобавок к бизнесу в Испании, BBVA ощутимо присутствовал и в Латинской Америке, и его блестящая репутация выступала гарантом надежности нового, незнакомого финансового инструмента.

Чрезвычайно сильная на азиатских рынках, всемирно известная инвестиционная компания Nomura Bank International вскоре выпустит на 50 млн долларов деривативных контрактов с предложением выплаты троекратных будущих прибылей фонда Sentry. По сравнению с некоторыми продающимися на Уолл-стрит деривативами это предложение выглядело консервативным.

В декабре 2006 года еще на 25 млн долларов контрактов, отслеживающих фонд Sentry, – деривативных векселей, предлагающих пятикратную прибыль фонда, – выпустил банк Мэдоффа JPMorgan Chase, образованный в 2000 году. В его названии соединились два славных имени в истории американских банков. Банк J. P. Morgan & Co был, разумеется, основан легендарным финансистом, который почти в одиночку развернул финансовую панику 1907 года в обратном направлении. А Chase Manhattan Bank, чья родословная прослеживается от 1799 года, более двух десятилетий возглавлял Дэвид Рокфеллер, внук первого нефтяного барона Америки Джона Д. Рокфеллера. Векселя JPMorgan Chase привлекли внимание итальянского управляющего инвестициями, который искал способ инвестировать в Мэдоффа. Отдача от инвестиций в эти векселя была выше, но они по-прежнему были связаны с европейской дочерней структурой фонда Sentry – консервативно управляемыми фондами FairfieldSigma. «Они будто давали вам парашют, снаряжая в увлекательное путешествие, – говорил он. – Путешествие с J. P. Morgan!»

Учредители Fairfield Greenwich Уолтер Ноэл и Джеффри Такер прошли долгий-предолгий путь с тех пор, как они на паях с неким торговцем опционами арендовали офис в 1989 году. Теперь они вместе с самыми успешными в мире банками делали масштабную ставку на Берни Мэдоффа.

Для Мэдоффа развертывание этих деривативов было важно, так как банки, продающие их, должны были хеджировать риски, которые они принимали на себя, – что они и делали, инвестируя напрямую в хедж-фонды, чью производительность, как предполагалось, отражали деривативы. Фонды, в свою очередь, инвестировали в Мэдоффа. Он дал понять, что не одобряет деривативов с использованием большого кредитного рычага (левериджа), но летом 2006 года, когда ему так отчаянно были нужны деньги, эти инструменты стали их желанным источником.

Но эти и другие связанные с Мэдоффом деривативы (которые вскоре станут предлагать HSBC, Citibank, Fortis, Merrill Lynch и еще несколько транснациональных институтов) были еще и важной вехой в эволюции финансовой пирамиды Мэдоффа. Вначале в Мэдоффа инвестировали, потому что ему доверяли. Затем стали инвестировать, потому что доверяли видному бухгалтеру, адвокату или советнику пенсионного фонда, который был вхож к Мэдоффу. А потом инвестировали в видных частных инвесторов, знакомых с Мэдоффом лично, – таких как Дж. Эзра Меркин и Соня Кон, либо в фидер-фонды вроде Fairfield Greenwich и Tremont Partners, чьи основатели были с ним знакомы. Теперь же пытали счастья и те, кто никогда не слышал о Берни Мэдоффе, просто потому, что доверяли гигантским банкам, продававшим эти сложные финансовые инструменты, – банкам, чье руководство, вероятно, тоже никогда не слыхало о Мэдоффе.

Если посмотреть на конкретные условия этих деривативов, напечатанные мелким шрифтом, взглядом скептика, то доверие инвесторов представляется совсем уж из ряда вон выходящим. Банковские юристы, чтобы защитить интересы банков и оградить их от ответственности, долго работали над этими замысловатыми соглашениями. Инвесторов неоднократно предупреждали, что они рискуют потерять *все* вложенные деньги.

В условиях договоров на продажу, заключавшихся JPMorgan Chase в декабре 2006 года, слово «риск» в том или ином варианте использовано 139 раз. Вот только один пример: « *Возможность мошенничества или других неправомерных действий.* – Существует риск того, что менеджер фонда или хедж-фонд может: присвоить активы или, присвоив их, укрыться от правосудия; не суметь следовать оговоренной стратегии инвестирования; предоставить ложные отчеты о деятельности; или быть вовлеченным в другие

неправомерные действия».

Иными словами, caveat emptor: берегись, покупатель.

И, разумеется, подобные предостережения были рассыпаны по документам почти каждого хедж-фонда на рынке. Похоже, те, кто инвестировал куда больше, чем мог позволить себе потерять, не верили всерьез, что и в самом деле могут потерять все. Уж наверное, все эти башковитые управляющие фондами, сами кровно заинтересованные в высоких прибылях, держат ухо востро и сумеют распознать мошенничество, если что?

Скучные предупреждения о том, что за более высокие прибыли, которые производит хедж-фонд, ты принимаешь на себя более высокие риски, большинством воспринималось как юридическое крючкотворство, и только. Можно спать спокойно.

Заключительный маневр, который в ноябре 2005 года осуществил Мэдофф, чтобы вытащить из крутого штопора свою финансовую пирамиду, состоял в том, чтобы его фидер-фонды существенно повысили процентную ставку по вкладам и стали еще привлекательнее для инвесторов. Так, в 2006 году доходы вкладчиков фонда Fairfield Sentry по сравнению с 2005-м выросли почти на треть. Это была дерзкая авантюра. Если бы Мэдофф не угадал точку, в которой, вечно балансируя между жадностью и страхом, пребывали на тот момент его инвесторы, такой шаг привел бы к катастрофическим последствиям: если бы изъятия не прекратились, повышенный процент только ускорил бы исчезновение его денег.

Но на финансовом ландшафте начала 2007 года подобный риск не вызывал особой тревоги. Цены на недвижимость росли многие годы, и казалось, что так будет всегда. Индекс S&P 500 почти вернул позиции, утраченные после хайтек-коллапса в 2000 году. Даже многострадальный сводный индекс NASDAQ восстановился на уровне января 1999 года, когда интернет-пузырь еще не лопнул. Дерегулирование фондового рынка по-прежнему казалось превосходной идеей. Превосходной идеей представлялся и креативный финансовый инжиниринг, породивший деривативные ноты Fairfield Sentry и несметное число других сложных деривативов, которые с энтузиазмом восприняли институциональные инвесторы всего мира.

Так что Мэдофф, судя по всему, не прогадал, подняв процент доходности, игра стоила свеч. Высокие прибыли по-прежнему интересовали инвесторов больше сохранности денег. Само собой разумеется, его инвесторы – будь то управляющие хедж-фондами или скромные пенсионеры, прогрессивные экономисты или недалекие лидеры промышленных профсоюзов – все, не сговариваясь, убедили себя в том, что, покуда они с Берни

Мэдоффом, им обеспечены и высокие прибыли, и сохранность средств.

В глубинах, недоступных вниманию публики, к лету 2007 года многое уже рушилось – для Мэдоффа и для страны.

В собственном царстве Мэдоффа банкиры и управляющие хедж-фондов начинали косо посматривать на его скрытность и неизменные результаты. Быстрый рост числа инвесторов его хедж-фонда и построение всех этих сложных деривативов увеличили внимание к нему банковских кругов. Множество банковских экспертных команд все больше беспокоило то, что они узнавали (и то, чего не узнавали) при встречах с управляющими различных донорских фондов Мэдоффа. К 2007 году руководство крупного банка, обслуживающего его клиентов из числа хедж-фондов, искало способов юридической защиты с иммунитетом от любой ответственности на случай, если деяния Мэдоффа закончатся плохо.

Подозрения росли и в JPMorgan Chase, давнем банке-партнере самого Мэдоффа, – или, по крайней мере, у некоторых руководителей банка. 15 июня 2007 года руководитель одного инвестиционного банка конгломерата Chase по управлению рисками разослал некоторым коллегам электронное письмо: «Спешу поделиться: сижу за ланчем с [имя другого представителя руководства Chase], он только что сказал, будто все знают, что вокруг Мэдоффа сгущаются тучи, вроде бы его прибыли – результат финансовой пирамиды». К счастью для пирамиды, у банкиров Chase не прибавилось ни внимания, ни недоверия, так что Мэдофф мог и дальше беспрепятственно переводить миллиарды долларов со счетов и на счета Chase, и вопросов ему не задавали. Но перешептывание с каждым днем становилось все громче.

Если взглянуть на картину событий шире, то основания карточного домика Уолл-стрит задрожали. Росло число просроченных ипотечных закладных, ипотечные деривативы слабели, а банки Уолл-стрит и их аналитики были обеспокоены долгами множества страховых компаний и хедж-фондов, которые обильно инвестировали в обваливающиеся ипотечные деривативы.

Даже если большинство не обладающих инсайдом инвесторов фондового рынка все еще не видело причины для тревоги, то ощущал ли сам Берни Мэдофф с его «чутьем на рынок», до чего хрупкой становится ситуация? Уловил ли он ветер растущих сомнений? Подозревал ли, что его время на исходе?

Возможно. Так или иначе, в 2007 году он жил на широкую ногу, наподобие королей фидер-фондов, в чьей страсти к

расточительству и дорогостоящим покупкам были и его заслуги. В марте он получил сделанный на заказ в Бразилии частный реактивный самолет, отделанный в черном и сером цветах – цветах его офиса. Чтобы компенсировать расходы на покупку и содержание самолета (который обошелся им с другим совместным собственником по меньшей мере в 24 млн долларов), планировалось выполнять на нем чартерные перевозки, а семья все же предпочла путешествовать в роскоши. В июне 2007 года к причалу его дома недалеко от Кап-д'Антиб на юге Франции доставили яхту за 7 млн долларов. Блестящее пополнение к армаде Мэдоффа – белая 27-метровая суперъяхта Leopard была снабжена тремя гостевыми каютами с отдельными ванными и тремя каютами для команды. Весной Мэдофф посетил ряд дорогостоящих благотворительных мероприятий: там 50 тыс. долларов за столик, тут 25 тысяч… Он сидел, улыбаясь и попивая диетическую колу, одетый в смокинг, сшитый на заказ в Англии.

У себя в «Помаде» он принимал парад гостей со всего света: Мануэля Эчеварриа из фондов Optimal испанского Banco Santander, Патрика Литтэ из Access International и итальянца Карло Гроссо из лондонских фондов Kingate – одних из первых своих «доноров». Дела все еще выглядели отлично, продажи шли хорошо.

Весной Мэдофф присутствовал на вручении почетной степени Университета Хофстра ветерану Уолл-стрит Фрэнку Дж. Зарбу, которого в свое время призвали на помощь, чтобы вытащить NASD из скандала 1994 года, связанного с фиксированием цен. В регуляторских битвах Зарб несколько раз скрещивал мечи с Мэдоффом.

Спонсоры не были уверены, что Мэдофф удостоит альма-матер своим присутствием. На образование он жертвовал очень немного, предпочитая иные области филантропии. Но на сей раз он посетил церемонию и в какой-то момент подошел к президенту Хофстра и прилюдно пообещал университету миллион долларов.

Семья Мэдоффа тоже, конечно, наслаждалась привалившим богатством. Отчего бы им не разделить очевидный успех Берни? Питер Мэдофф и сыновья Мэдоффа, возможно, и знали, что показатели прибыли маркетмейкерского бизнеса стали символическими и что прибыли от собственного отдела трейдинга были хороши, но колебались вместе с рынками. Так что с того? Эти источники дохода выглядели все менее значительными по сравнению с деньгами, которые гипотетически приносили хедж-фонды Мэдоффа. Всем было известно, что именно так в те дни обстояли дела во многих фирмах Уолл-стрит.

Многие годы, пока вместе с хедж-фондами рос и бизнес Мэдоффа, фирма обеспечивала его семье самый пышный образ жизни. Во все еще безоблачные дни начала 2007 года казалось, что так будет всегда.

В 2007 году Мэдофф удвоил годовое жалованье Фрэнка Дипаскали, с 2 млн долларов до почти 4 млн долларов – недурной заработок для услужливого выпускника средней школы из Квинса. Это был не единственный источник доходов Дипаскали. С 2002 года он, подделав документы, чтобы те выглядели законно, забрал около 5 млн долларов прямо с банковского счета, который Мэдофф держал для финансовой пирамиды. Частью этих денег он воспользовался для покупки нового 19-метрового рыболовного катера и разных «игрушек» в свой пригородный дом в Нью-Джерси – от бильярдного стола до ярко-красной тележки под аппарат для попкорна. Дипаскали не стал делиться этими радостями с налоговой службой. Ни в 2002-м, ни в 2006 году он вообще не подавал личных налоговых деклараций, – вероятно, просто потому, что был завален бумажной работой по финансовой пирамиде. Не станет он заполнять декларацию и в 2007 году.

Аннет Бонджорно, коллега Дипаскали, в последние десять лет работавшая в основном во Флориде и на протяжении тридцати лет занимавшаяся у Мэдоффа разного рода административной рутиной, в 2007 году обнаружила, что ее годовое жалованье и бонус утроились, с 200 тыс. до 624 тыс. долларов. В недалеком будущем Бонджорно будет предъявлено обвинение в том, что она долгое время играла важную роль в афере, руководя созданием фальшивых отчетов о состоянии инвестиционных счетов для крупнейших частных инвесторов Мэдоффа. Это обвинение она решительно отвергла, и суд над ней был запланирован на 2011 год [4] .

В середине мая Берни и Рут снялись с места, чтобы проследовать на юг Франции и отдохнуть пару месяцев на своей маленькой вилле. Они играли в гольф в разных клубах на побережье Средиземного моря, наслаждались бодрящими прогулками на своей новой яхте – словом, благодатной гармонией французского лета.

Осенью Мэдофф посетил свадьбу своей племянницы Шейны с бывшим юристом Комиссии Эриком Суонсоном. Когда Суонсон работал в Комиссии (еще до того, как начал встречаться с племянницей Мэдоффа), он контролировал одну из провалившихся проверок Мэдоффа. Впоследствии предпринятое генеральным инспектором Комиссии расследование привело к выводу, что, хотя взаимоотношения Мэдоффа и Суонсона и

выглядят как конфликт интересов, не существует доказательств, что именно в этом кроется причина недальновидных решений, из-за которых тогдашняя проверка не дала результатов. Сам же Мэдофф впоследствии уверял, что почти до самой их свадьбы он даже не знал, что у Шейны роман с сотрудником Комиссии, – по его словам, Питер не хотел ему об этом рассказывать.

Мэдофф, как всегда, для семьи и персонала был «личным банком». Он давал взаймы Шейне, чтобы она вместе с его сыном Эндрю смогла вложиться в учреждаемую ими энергетическую компанию. Он ссужал деньги сыновьям и некоторым сотрудникам. Он согласился предоставить заем на 9 млн долларов своему безутешному брату и планировал для него особый подарок – весной 2008 года ему должны были доставить винтажный «астон-мартин» – автомобиль Джеймса Бонда из первых фильмов Бондианы.

А 20 октября 2007 года Мэдофф в порядке любезности Фрэнку Леви, сыну Нормана Леви, выступил на заседании Центра Филоктета, основанного при участии Леви в 2003 году. Заседание было посвящено теме «Будущее фондового рынка», и Мэдофф выступил превосходно. «Надо понимать, что Уолл-стрит – это постоянная борьба и дележка, – говорил он. – Одного наделяешь – другого обделяешь». И нельзя забывать, продолжал он, что в мире финансов все нацелены на прибыль, – факт, «который регуляторы, а также ученые теоретики порой упускают из виду. И тот, кто покупает акцию, убежден, что знает нечто, чего не знает тот, кто продает ему эту акцию».

Мэдофф доступным языком разъяснил слушателям, какие мощности высвободила на Уолл-стрит автоматизация. «Уолл-стрит – так чтобы вы понимали масштаб перемен – одна из немногих отраслей, где затраты на потребителя, если иметь в виду комиссионные, резко снизились. Но, с точки зрения самой отрасли, затраты на ведение бизнеса резко возросли. Как и стоимость регулирования».

Он рассмеялся и пожал плечами. «Так вот, никто не станет заниматься благотворительностью в пользу Уолл-стрит, – продолжал он. – Так что всякий раз, как я еду в Вашингтон на встречу с Комиссией и жалуюсь им то на зарегулированность отрасли, то на чрезмерную нагрузку на нее, они там начинают закатывать глаза, – ну, знаете, как дети, которым рассказывают о старых добрых временах».

Отвечая на вопрос, как же фирмы выживают, он сказал: «Сегодня большие деньги на Уолл-стрит делаются в основном на рисках. Фирмы, включая нас самих, загнаны в этот бизнес, потому что на комиссиях не заработаешь». Трейдинг для себя – «вот где

делаются деньги».

Он обсудил и тему преступности на Уолл-стрит: «По большому счету в нынешней регулируемой среде нарушать правила практически невозможно. Но публика этого не понимает. Если вы читаете в газете о том, что кто-то нарушает правило, вы думаете: ну, они так делают всегда. Но скрыть нарушение невозможно, и тем более невозможно долго скрывать его».

Он говорил это спустя почти ровно два года после того, как его финансовая пирамида оказалась на грани разоблачения, и сейчас он достиг высшей точки одного из самых ошеломительных преступлений в истории финансов. По одной из оценок, только за прошлые 24 месяца в его финансовую пирамиду со всего мира стеклось более 12 млрд долларов, а в следующие 12 месяцев утечет почти столько же, окончательно размывая фасад, который он поддерживал с таким успехом и так долго.

10. Год жизни на грани

Среда, 12 декабря 2007 года

Сегодня первый день последнего года великой аферы Берни Мэдоффа.

Составлены документы на необеспеченный заем в 9 млн долларов, предоставленный фирмой Питеру Мэдоффу, чьи «титулы» в фирме теперь таковы: исполнительный директор; начальник отдела корпоративного регулирования; начальник отдела опционного трейдинга; и (уже несколько лет) руководитель отдела внутреннего контроля бизнеса по управлению частными инвестициями, которым Берни занимается на семнадцатом этаже.

Хотя в фирме Мэдоффа титулам не придают большого значения: Берни, похоже, придумывает их на ходу. Главный титул Питера всегда был «брат Берни». И эту реальность отражает тот самый последний заем для финансирования инвестиций в недвижимость. Заем выдан на пять лет под 4,13 % годовых – при нынешней неуверенности, охватившей рынки кредита, это почти даром.

В такое время в большинстве крупных фирм на просьбу одного из управляющих предоставить ему инсайдерский кредит на 9 млн долларов под льготный процент последовал бы холодный и твердый отказ. Притом что на фондовом рынке дела, по-видимому, идут пока неплохо, кредитные рынки с конца лета все больше свертываются. Рынок недвижимости буксует. Риски, которыми пренебрегали всего год назад, начинают в представлении игроков принимать угрожающие размеры. А между тем штатные сотрудники фирмы Берни Мэдоффа без хлопот занимают деньги, когда им понадобится. Берни редко говорит «нет».

Но ссуда Питеру, как и все инсайдерские ссуды, выданные прежде, и те, что будут выданы в следующие месяцы, высасывают деньги, которые очень понадобятся Берни Мэдоффу, когда на Уолл-стрит обрушится небывалое цунами финансового кризиса.

Этим вечером фирма задает рождественскую вечеринку. В популярном ресторанчике Rosa Mexicano на Первой авеню в нескольких кварталах от офиса сотрудники потягивают «Маргариту» и мексиканское пиво. Фирма устроила здесь праздник впервые. В прошлом году гуляли в модном у молодежи ночном клубе Au Bar, с громкой музыкой и танцами. Нынешнее заведение лучше подходит для праздника в стиле уютных семейных посиделок.

Рут Мэдофф в восторге от перемены места. «Арендуй это

кафе на следующий год, и немедленно», – обращается она к одному из сотрудников со счастливым смехом.

Словно вся семья собралась на праздник. Семейные связи не только у Мэдоффа: его работники трудятся рядом со своими отцами, кузенами, племянниками, зятьями и даже соседями. Некоторые из них, а особенно персонал семнадцатого этажа, приняты на работу сразу после средней школы и нигде больше не работали.

Пусть трейдеры посмеиваются над почти маниакальной одержимостью, с которой Мэдофф следит за чистотой и опрятностью их письменных столов, пусть закатывают глаза из-за его грубых шуточек, а все равно работать в его фирме – это класс. Мэдофф не только щедро выдает кредиты сотрудникам, он еще и управляет значительной частью накоплений родни и руководства фирмы – их отложенными компенсациями и пенсионными накоплениями. Всем известно – хотя Мэдофф отругивается или отмалчивается, когда разговор заходит на эту тему, – что огромные хедж-фонды и состоятельные частные лица неотступно добиваются того, чтобы заполучить Мэдоффа в управляющие своими деньгами. Сотрудники рады, что он блюдет и их интересы тоже.

Сегодня чуть нервозная атмосфера. Трейдеры Мэдоффа всегда по-свойски общались с другими трейдерами из разных серьезных контор с Уолл-стрит, но в последнее время, прячась за смешками, они прислушиваются к далеким раскатам приближающейся бури.

Наверное, они убаюкивают себя мыслями о том, что Берни Мэдофф попадал в бури и прежде, от потрясений рынка после терактов 2001 года и до давнего завала канцелярщины, едва не задушившего Уолл-стрит в конце 1960-х. Он все это пережил и уцелел.

Среда, 23 января 2008 года

В календаре Мэдоффа этот вечер посвящен новаторской культурной организации New York City Center, которую он и Рут поддерживали годами и в правлении которой он состоит больше десяти лет. Центр дает представление из популярного цикла «Encores!» – театрализованную программу знаменитого танго-шоу, для которой идеально подходит необычный, отделанный в мавританском стиле зрительный зал Центра на Западной Пятьдесят пятой улице. (Бывший храм масонов-шрайнеров, построенный в 1923 году, нуждается в обширной реставрации, и уже запланирована кампания по сбору средств.)

Пока Рут и Берни устраиваются в креслах, их, вероятно, не слишком волнует растущая озабоченность Уолл-стрит перед лицом наступающей рецессии. У Мэдоффа в банке не меньше пяти миллиардов долларов для подпитки финансовой пирамиды. Малые ее крохи внесли те, кто окружает его в этом зале, а огромные глыбы вложили его клиенты – хедж-фонды со всего света.

По идее, эта подушка должна была бы уберечь его даже от тяжелой рецессии.

Но хедж-фонды ведут себя непредсказуемо, мечутся из стороны в сторону, как стадо обезумевших животных. Если они разом всполошатся от очередного удара экономического грома, то как бы Мэдоффу не угодить под копыта.

А если падет Мэдофф, то вместе с ним падут и многие богатые жертвователи, на которых рассчитывает Центр.

Четверг, 14 февраля 2008 года

Вечером Берни Мэдофф вылетает в Палм-Бич, где живут сотни его инвесторов. Среди них Карл Шапиро, в прошлом предприниматель, занимавшийся производством одежды, и клиент Мэдоффа с 1960-х. Шапиро отмечает свой девяносто пятый день рождения, празднество организует его дочь. Мэдоффы приглашены.

Прием на следующий вечер – выдающееся даже для Палм-Бич событие. Охапки орхидей, горы роз, одуряющее изобилие черной икры и шампанского. Шеннон Доннелли, ведущий обозреватель местной светской хроники, прилежно берет на заметку разные подробности – вроде трогательного момента, когда Шапиро берет микрофон и поет серенаду жене, с которой они вместе уже почти семьдесят лет.

Доннелли насчитывает среди гостей до сорока громких светских имен, в том числе владельца футбольного клуба New England Patriots и знаменитого финансиста из Чикаго. Берни и Рут Мэдофф она не упоминает – их имена редко появляются в местных светских обзорах, хотя они почти пятнадцать лет владеют собственным домом в анклаве богачей.

Многие из гостей, упомянутых в колонке Доннелли, – клиенты Мэдоффа. Не то чтобы они безоглядно доверяли Мэдоффу, если они вообще с ним знакомы, и, очень может быть, их насторожила бы его почти маниакальная замкнутость, которая удерживает на расстоянии большинство людей. Но они доверяют Карлу Шапиро, а Карл Шапиро явно доверяет Мэдоффу. Разве можно сомневаться в суждениях Карла Шапиро?

День рождения удался на славу. Немного поболтав с семьей Шапиро, Берни и Рут Мэдофф прощаются и ускользают в ласковую ночь Палм-Бич, чтобы совершить недолгую поездку мимо принадлежащего отелю Breakers поля для гольфа и вдоль окаймленного пальмами Ройял-Пойнсиана-уэй к своему дому на Норт-Лейк-уэй.

Причудливое баньяновое дерево почти закрывает фасад дома, бросая тени на проезд и роняя листья на узкий балкон второго этажа. Этот большой дом с обманчиво скромным фасадом простирается далеко вглубь. По местным стандартам этот дом не роскошен, он всяко уступает великолепному особняку Питера Мэдоффа тут же неподалеку, а уж поместью многолетнего клиента Берни, Джеффри Пикауэра, ценой в 33 млн долларов на Южном побережье, он и в подметки не годится.

По меркам Палм-Бич Берни и Питер Мэдоффы считаются

новичками. Но Шапиро и его семья поручились за Мэдоффа: подавая заявку на членство в загородном клубе Палм-Бич, Берни назвал своим поручителем зятя Шапиро, Роберта Джаффи, и был принят. Вскоре после того десятки мультимиллионеров из клуба станут искать случая познакомиться с Берни, будут добиваться возможности инвестировать в Берни.

Они еще не знают, что Берни рискует больше, чем любой из них может представить. Если его клиенты – хедж-фонды останутся с ним, то ему и не нужны веселые гости, что собрались сегодня на празднике Шапиро. А если хедж-фонды его покинут, то его не спасет даже Шапиро, при всем его желании и доверии.

Четверг, 21 февраля 2008 года

В своем офисе на девятнадцатом этаже Берни Мэдофф приветствует руководителя британского банка. Банкир работает в Лондоне на банковскую корпорацию HSBC, которая ведет административную документацию для растущего числа крупных международных хедж-фондов, включая и те, что ведут бизнес с Мэдоффом.

Это деловой визит. Некоторые подразделения HSBC на протяжении ряда лет рекомендуют своим клиентам различные фидер-фонды Мэдоффа, начиная с фонда Fairfield Sentry еще в 1999 году. Многие офшорные хедж-фонды – клиенты банка вложились в Мэдоффа и передают его фирме свои активы в доверительное хранение. С юридической точки зрения это делает Мэдоффа субкастодианом фондов, поскольку HSBC выступает в качестве их официального кастодиана. И пусть все уверены в репутации Мэдоффа, но это необычное соглашение, особенно когда настроения [делового] мира так изменчивы.

Банкиру нужен ответ на простой вопрос: «Действительно ли ценные бумаги, помещенные хедж-фондами на хранение к Мэдоффу, находятся у него?»

Конечно нет. Мэдофф-то знает это – и теперь, когда слухи о нем расползаются по сообществу хедж-фондов, резонно предположить: о том, что ему хорошо известно, другие тоже начинают догадываться.

Скептики нашлись даже в HSBC. Еще в 2001 году кое-кто в руководстве банка открыто сомневался в Мэдоффе. В сентябре 2005 года банк предложил крупной бухгалтерской фирме KPMG оценить «операционные риски» бизнеса Мэдоффа. В отчете, полученном от KPMG в начале 2006 года, содержался леденящий кровь перечень возможных нарушений – от недобросовестных сделок до прямого мошенничества. Однако, несмотря на предупреждения и некоторые внутренние сомнения, в банке, похоже, сочли, что такие кошмарные предположения по адресу Мэдоффа звучат нелепо. В конце концов, нельзя закрывать глаза на его незапятнанную репутацию, как и на то, что у регуляторов рынка он на хорошем счету.

И все же в следующем месяце банк попросит KPMG повторно оценить риски партнерства с Мэдоффом. Может быть, об этом и пришел сообщить ему банкир. А может быть, проверку закажут по результатам его сегодняшнего визита.

Несмотря на эту новую тщательную проверку, HSBC будет еще почти десять месяцев оказывать административные и

кастодиальные услуги фондам, которые сотрудничают с Мэдоффом.

Пятница, 14 марта 2008 года

Когда взмыленный фондовый рынок, пошатываясь, подходит к сегодняшнему закрытию, сослуживцы видят, как Марша Бет Кон поднимается по винтовой лестнице на девятнадцатый этаж и опускается в секретарское кресло рядом с кабинетом-аквариумом Берни Мэдоффа. Это жилистая, атлетически сложенная женщина, с коротко подстриженными волосами темно-каштанового цвета. Развернув кресло к стоящему рядом Мэдоффу, она спрашивает с неуверенной улыбкой: «О мудрейший, поведай, что станется с нами?»

Несколько часов назад Федеральный резерв выделил экстренную кредитную линию брокерской фирме Bear Stearns, ставшей жертвой старого доброго «набега на банк» – панического изъятия вкладов. Впервые в истории Федеральный резерв, банковский регулятор, принял меры для спасения брокерской фирмы. Слухи о непризнанных убытках по ипотечным закладным подтачивают доверие людей и к другим колоссам Уолл-стрит: акции Morgan Stanley и Lehman Brothers затянуло в тот же нисходящий поток, что сегодня уполовинил курс акций Bear Stearns. Индекс Доу-Джонса упал почти на 200 пунктов.

Из брокерских фирм Уолл-стрит, пожалуй, ни одна не связана с фирмой Мэдоффа теснее Bear Stearns, которая уже давно числится клиентом отдела трейдинга Bernard L. Madoff Investment Securities. У Берни и Рут хорошие друзья в руководстве Bear Stearns. Когда в 1999 году отделение Американского еврейского комитета на Уолл-стрит чествовало Мэдоффа на благотворительном собрании в клубе Harmony, роль хозяина вечера была отведена председателю совета директоров Bear Stearns Алену Гринбергу.

Марше Бет Кон грозит опасность, и отнюдь не теоретическая. Она президент мелкой брокерской фирмы Cohmad Securities, делящей офисную площадь с фирмой Мэдоффа, но ведущей клиринговые расчеты по своему небольшому объему биржевых сделок через Bear Stearns. Несмотря на ироничный тон, она, видимо, по-настоящему испугана. Что, если какие-то заказы ее клиентов угодят под крушение Bear Stearns?

Такой денек кого хочешь напугает, но Мэдофф, по своему обыкновению, спокоен. Не повышая голоса, он читает собравшейся вокруг Марши группке скромную, но убедительную лекцию о «страховочной сетке», охраняющей счета клиентов на Уолл-стрит. Он уверен, что, как только схлынет сегодняшняя паника, Bear Stearns обретет опору.

Но федеральные регуляторы уже срочно ищут покупателя для Bear Stearns – нужно успеть до вечера воскресенья, пока не открылись азиатские рынки. В последний момент JPMorgan Chase, после обещаний Федерального резерва солидных гарантий по кредитам, согласится купить фирму – но всего по 2 доллара за акцию, притом что на момент закрытия торгов акции Bear Stearns шли по 30 долларов.

В конце концов банк поднимет цену, но это уже не спасет дела. Инвесторы бросятся прочь от финансового сектора, опасаясь крахов, о каких прежде и помыслить было нельзя. Начиная с этого уик-энда, пенсионные фонды и другие институциональные инвесторы будут требовать больше информации о банках и брокерах, с которыми ведут дела. Мэдоффу тоже будут задавать больше вопросов, требовать больше ответов и все чаще в испуге изымать деньги.

День выдался тревожный, едва ли не устрашающий, но дальше будет куда как хуже. Все это только пролог.

Пятница, 25 апреля 2008 года

Некий партнер Fairfield Greenwich Group (FGG), одного из старейших и крупнейших хедж-фондов – инвесторов Мэдоффа, оценивает скорость утечки денег из их ведущего инструмента, фонда Fairfield Sentry, чьи семимиллиардные активы полностью инвестированы в Мэдоффа. Fairfield Greenwich без лишних слов выставила себя на продажу, и этот партнер знает, что любой серьезный покупатель досконально изучит цифры для подсчета потенциальной стоимости фирмы.

И кое-какие объяснения определенно потребуются, судя по цифрам, разосланным сегодня все тем же партнером по электронной почте ряду коллег. Темы изъятий высоки: вдвое выше средней величины по отрасли хедж-фондов. Партнер может объяснить это: «При возможности ежемесячных изъятий с уведомлением за 15 дней многие инвесторы используют Sentry как текущий счет. Это делает фонд Sentry более популярным, но и более уязвимым».

Положительный момент в том, что Мэдофф уже назвал предельную сумму, которую он заберет из Fairfield Greenwich, так что изъятия позволят удовлетворить тех инвесторов, которых прежде в фонд не пускали. Отрицательный момент в том, что быстрый отток капитала может перечеркнуть надежды фирмы найти покупателя.

В более неофициальном письме, посланном несколькими минутами ранее, партнер высказался откровеннее. Отрицательная составляющая – риск того, что не удастся возместить утечку наличности, – «весьма значительна», писал он. Это означает, что уменьшится доход фирмы в части комиссионных за управление инвестициями и, соответственно, ценность ее в глазах возможного покупателя.

«И, к несчастью, – продолжал он, – положительная составляющая ограничена возможностями Мэдоффа, так что соотношение риск – выгода непропорционально – хотя риск партнерства с Мэдоффом менее очевиден, чем риск, что он погорит, но тем не менее риск есть».

Хедж-фонды, частные банкиры и состоятельные частные инвесторы со всех концов света инвестировали в фонд Fairfield Sentry миллиарды. Если один из их рисков – вероятность, что Мэдофф погорит, то они этого явно еще не осознали.

Среда, 14 мая 2008 года

Берни Мэдофф вопросительно глядит на двоих, с 11 утра ожидающих его в конференц-зале, и жестом приглашает их в свой офис.

«Не знаю, зачем я согласился встретиться с вами», – говорит он. Он не груб, просто немного растерян.

Мэдофф занимает свое место за письменным столом, а посетители – бизнесмен на пенсии из Нью-Джерси и его бухгалтер – устраиваются в креслах напротив.

Бизнесмен называет имя состоятельного инвестора Мэдоффа, когда-то их познакомившего. Мэдофф смотрит равнодушно, словно не помнит, кто это. У него тысячи вкладчиков… но гости этого не знают. Они все еще считают Берни Мэдоффа эксклюзивным консультантом по инвестициям, работающим для немногих избранных. Бизнесмену далеко не с первой попытки удалось зарезервировать приемное время в расписании Мэдоффа.

«Ладно, раз уж вы здесь…» – говорит Мэдофф, и на его пухлом лице появляется добродушная улыбка. Он не сможет уделить им много времени, предупреждает он, – назавтра он отбывает на юг Франции. Они обмениваются дежурными любезностями о его планах на отпуск. Он не торопится предлагать свои услуги и не выказывает желания завладеть деньгами бизнесмена.

Внезапно бизнесмен спрашивает: «Вы росли в небогатой семье, правда?»

Мэдофф улыбается. Он начинает вслух вспоминать о своих скромных первых шагах, излагая классическую биографию самоучки, которая некоторым образом роднит их с визитером.

Наконец они добираются до подробностей.

Каковы его комиссионные? – Никаких комиссионных.

Каков минимум инвестиций? – Пять миллионов долларов.

«Я вообще-то не готов вложить столько сразу», – говорит бизнесмен. Обычно работу с новым финансовым управляющим он начинает с небольших вложений и, только убедившись в хорошем результате, вкладывает такие крупные суммы.

Мэдофф пожимает плечами. «Ну, пока можете дать два миллиона, но до конца года придется вложить остальное».

В эту минуту бухгалтер понимает, что разговор зашел в тупик, и переводит внимание на окружающую обстановку. На столе Мэдоффа нет ничего, даже карандаша. Взгляд бухгалтера блуждает по стене, отмечая серию дорогих шелкографий Роя Лихтенстайна с разными вариантами фигуры быка, талисмана

Мэдоффа. Затем посетитель отмечает про себя эксклюзивную белую сорочку Мэдоффа, щегольской галстук, прихотливую укладку серебряных кудрей. Похоже, Мэдоффу все равно, чем закончится встреча.

Бизнесмен продолжает расспросы – бухгалтер знает, что у шефа такой стиль. Он копает и прощупывает, добиваясь ответов.

Внезапно Мэдофф проявляет твердость. «Послушайте, – говорит он, – вы задаете уйму вопросов. Я хочу сразу внести ясность. При всем моем уважении вы не сможете звонить мне, если вложите деньги. Вами будут заниматься другие».

Бизнесмен улыбается, а бухгалтер понимает, что это замечание уничтожило всякую возможность договориться. Может, Мэдоффу это и было нужно. Как бы ни нуждался он в деньгах этого человека, нельзя потворствовать его назойливому любопытству. Мило побеседовав еще немного, они встают, обмениваются рукопожатиями и идут к стеклянной двери, ведущей к лифтам.

Пятница, 6 июня 2008 года

Сегодня фирма Мэдоффа посылает чек на шесть с лишним миллионов долларов адвокатам, оформляющим покупку Марком и Стефани Мэдофф нового дома на побережье в Нантакете, штат Массачусетс.

Прекрасное владение, расположенное лучше и удачнее, чем их тамошний старый дом для отпуска, только что проданный за 2,3 млн долларов.

Южный берег уединенного острова, пять спален с ванными, изящный домик для гостей, бассейн, джакузи и обзор на 180 градусов с просторной террасы – трава, песок и океан.

Есть и игровая комната для их двухлетней дочки и для двоих детей Марка от прошлого брака – они будут гостить здесь каждое лето, полное велогонок, рыбалки и игр.

Может, Мэдофф поступает неразумно, одалживая Марку такую сумму именно сейчас. Положение все тревожнее. Некоторые ключевые «донорские» фонды Мэдоффа изымают больше, чем приносят. Деньги теряет даже семимиллиардный левиафан Fairfield Sentry.

Но отказать Марку едва ли возможно. Как он объяснил бы это, после того как столько лет выполнял роль семейного банка? Его двое сыновей живут, как полагается наследникам преуспевающего менеджера хедж-фонда. Миллиарды инвестированных активов, чистый доход в сотни миллионов, три собственных загородных дома – если ты достиг такого уровня, а он сумел им всем внушить такую уверенность, тогда как объяснить, что сейчас совсем некстати расставаться с какими-то шестью миллионами?

Младшие Мэдоффы приедут в понедельник – как раз вовремя, чтобы насладиться летом в Нантакете.

Пятница, 13 июня 2008 года

Финансовый консультант из Боулдера, штат Колорадо, считает, что, хотя это и не входит в его обязанности, он должен предостеречь Fairfield Greenwich Group насчет сделки по опционам, которую Мэдофф заключил в прошлом месяце для Fairfield Sentry. Во-первых, сделка нарушает правила, которым полагалось следовать Мэдоффу при совершении операций для фонда. Опционы на акции должны использоваться только для хеджирования существующих позиций, а не для собственно извлечения прибыли. Но, по всей видимости, именно так и поступил Мэдофф в прошлом месяце – скупил вдвое больше опционных контрактов, чем требовалось для его позиций. Фактически излишек опционного трейдинга составил в доходах фонда за месяц 95 млн долларов.

Что-то тут не так. Не впервые консультант замечает, что Мэдофф «перехеджировал», но это уж слишком.

В электронном письме, отправленном этим утром директору по управлению рисками Амиту Виджаверджья, консультант признает, что, возможно, вмешивается не в свое дело, так как его наняли для резюмирования деловой деятельности, «а не для сочинения передовицы в газету». Однако, продолжает он, «должен заметить, что нахожу майскую торговлю опционами необычной и труднообъяснимой, и поддержал бы ее дальнейшее расследование».

Директор по управлению рисками чуть позже отвечает, что он тоже «счел эти действия чем-то из ряда вон выходящим». Но сейчас он на полмесяца уезжает, так что они договариваются в скором времени вернуться к этой теме по телефону.

Во время телефонного разговора консультант делится своим главным опасением. Даже такой искусный трейдер, как Мэдофф, не может проворачивать с выигрышем все опционные сделки подряд, а значит, существует вероятность, что он регистрирует свои сделки задним числом для показа фиктивной прибыли. Нужно бы выяснить, кто его контрагенты. Более того, необходимо срочно удостовериться в том, что Мэдофф действительно держит активы, которые он будто бы приобрел для фондов Fairfield Greenwich Group.

Возможно, для этих сделок с опционами есть простое объяснение. Скорее всего это единственные фиктивные сделки, затеянные Мэдоффом, чтобы объяснить, как он сделал деньги во время общего спада.

Но уж очень все это неуклюже – и слишком очевидно.

Вероятно, консультант недоумевает, почему в Fairfield Greenwich до сих пор никто не призвал его к ответу.

И не призовет, несмотря на его сегодняшнее настойчивое предупреждение.

Вторник, 15 июня 2008 года

У Берни Мэдоффа четверо посетителей из Флориды, и он знает, что встреча может обойтись ему в целых 33 млн долларов.

Трое из визитеров связаны с фондом MorseLife Foundation в Вест-Палм-Бич, обслуживающим один из высококлассных домов для престарелых на золотом восточном побережье Флориды. Четвертый занимается финансовым планированием в представительстве банка Merrill Lynch в Вест-Палм-Бич и недавно выразил мягкое недоумение руководству фонда насчет инвестиций в Мэдоффа. Он особо обратил внимание на то, что фонд кладет в корзину Мэдоффа слишком много яиц. Весной он советовал забрать у Мэдоффа часть денег и вложить их куда-либо еще.

MorseLife Foundation, в правлении которого преобладают те же богатые еврейские благотворители, которых Мэдофф обхаживает повсюду, открыл у него счет в 1995 году. С тех пор фонд инвестировал более 11 млн долларов и ни разу не изымал средства. В этот жаркий летний день визитеры уверены, что на счете MorseLife около 33 млн долларов, составляющих почти 60 % их суммарного целевого капитала.

Конечно, на счете ничего нет. Этот счет просто один из малых магистралей, качающих деньги в огромное преступное предприятие Мэдоффа. Но если MorseLife попросит часть денег назад, Мэдоффу придется выписать чек, то есть снова уменьшить массу наличности, держащей его аферу на плаву.

Он в ловушке рыночной конъюнктуры, которая становится все опаснее. Акции некогда бессмертного ипотечного монстра Fannie Mae на этой неделе камнем летят вниз. Мэдофф понимает, что кое-кто из его крупных (и нервных) клиентов – хедж-фондов может вскоре потребовать свои миллиарды обратно. Но степенные, долгосрочные фонды вроде MorseLife годами обеспечивали его верным куском хлеба. Если и они начнут выводить средства, забот у него сильно прибавится.

Само собой, он намерен очаровать человека из Merrill Lynch.

Мэдофф раскован и спокоен, как всегда, и он весьма успешно убеждает посетителей в преимуществах своей консервативной тактики хеджирования с применением «конверсии с разделением страйка». Вскоре после этого представитель Merrill Lynch сменит свою позицию и согласится с дальнейшим инвестированием в Мэдоффа.

И все же эта победа ничего хорошего не сулит. Еще недавно вопрос, следует ли фонду оставаться с Мэдоффом, не мог даже

возникнуть, и уж подавно он не мог возникнуть в ежедневнике Мэдоффа.

Среда, 20 августа 2008 года

Сегодня в Fairfield Greenwich Group от потока электронных писем сильно несет тревогой. Обеспокоенные инвесторы и потенциальные клиенты добиваются ответов насчет Мэдоффа – а один из клиентов изымает 74,5 млн долларов из фонда Sentry именно из-за опасений по поводу Мэдоффа. Сотрудники HSBC задают неудобные вопросы в ходе оперативной экспертизы фонда Sentry.

Главный специалист по рискам в Fairfield Greenwich Амит Виджаверджья признал во вчерашнем письме: «Некоторые аспекты действий Мэдоффа все еще остаются неясными» ему и его коллегам. Они пытаются как могут ответить на вопросы HSBC, с лазерной точностью нацеленные на Мэдоффа.

Корень всех тревог в опасениях по поводу несостоятельности контрагента. Даже уверенные в собственном финансовом здоровье фирмы могут споткнуться на крахе заемщика или партнера по сделке. По Уолл-стрит гуляют тревожные слухи о Lehman Brothers и Morgan Stanley. Эти робкие пока шепотки могут обернуться пророчествами: если контрагенты Lehman и Morgan боятся, как бы партнеры не рухнули, они могут отказаться от предоставления им займов или от сделок с ними и тем самым приблизить пугающий всех крах.

Доверие… все сводится к доверию.

В одном из сегодняшних кратких посланий Виджаверджья напоминает комитету по оценке рисков фирмы, что «у нас в FGG крупнейший риск потерь связан с одним контрагентом» – Бернардом Л. Мэдоффом. «Считаю, что сейчас важнее ответить на вопрос: уверенно ли себя чувствует наша группа по рискам ввиду контрагентского риска в лице Мэдоффа?»

До недавнего времени ответ был бы «да». А теперь?

Воскресенье, 7 сентября 2008 года

На западном побережье Лонг-Айленда жаркая и влажная погода, но ласковый ветерок с запада делает ее чуть приятнее. В ежедневнике Берни Мэдоффа записано, что его сын Эндрю с детьми должны провести этот уик-энд с ним и Рут в доме на пляже в Монтоке.

Сегодня всякий, кто придет с пляжа и включит телевизор, узнает почти немыслимую новость: федеральные власти берут под контроль крупнейшие в стране ипотечные компании Fannie Mae и Freddie Mac. Спасти их от банкротства замыслил глава Казначейства (министр финансов) Генри Полсон, а цена вопроса, по слухам, перевалила за 25 млрд долларов.

Альтернатива обошлась бы куда дороже. Fannie Mae и Freddie Mac выпустили вторичных долговых обязательств (ценных бумаг, обеспеченных ипотечными кредитами) на миллиарды долларов. Неуверенность в надежности этих бумаг гонит инвесторов прочь от рынков вторичных долговых обязательств, а средства на финансирование новых залогов иссякают.

Эндрю Мэдофф не сомневается, что эта новость завтра взбаламутит рынки, и у него, как и у других брокеров отцовской фирмы, денек будет горячий.

Берни Мэдоффу известно и другое: еще больше эта новость встревожит его институциональных инвесторов, особенно зарубежные хедж-фонды, которые он обирает через свою пирамиду.

Но только провидец мог знать, что эти беспрецедентные меры по спасению утопающих (назавтра подробно описанные под аршинными заголовками во всех газетах и раскритикованные в телевизионных ток-шоу как неоправданное и вредное вторжение федерального правительства в частный сектор) скоро покажутся сущим пустяком на фоне настоящей беды, обрушившейся на Уолл-стрит.

Понедельник, 15 сентября 2008 года

Сентябрь – лучшая пора для поездки на юг Франции. Воздух приятен и свеж, рдеют виноградные гроздья, море яркое и прозрачное. Берни и Рут Мэдофф с друзьями прилетели к уик-энду на служебном самолете. Здесь, в типичном для Французской Ривьеры оштукатуренном особнячке Мэдоффов, укрывшемся в уголке скромного ансамбля Шато-де-Пин, они планируют побыть несколько дней, прежде чем лететь дальше, в Италию.

Но вести из Нью-Йорка так тревожны, что Мэдоффы с гостями словно приклеились к телевизору в доме, не замечая прекрасной погоды на холмах Кап-д'Антиба.

Инвестиционный банк Lehman Brothers, подлинная легенда Уолл-стрит, этим утром (после провала в уик-энд отчаянных переговоров с регуляторами и правительственными чиновниками) объявил о банкротстве. Казначейство отказалось бросить банку спасательный круг, Федеральный резерв не предложил финансовой помощи, которая привлекла бы покупателя. Теперь, после Bear Stearns, Fannie Mae и Freddie Mac, вливания денег из федеральных источников не произошло. Это крупнейшее банкротство в истории Америки.

Через считаные часы звучат мрачные пророчества: страховая фирма AIG (American International Group), еще один исполин Уолл-стрит, того и гляди, пойдет ко дну под грузом потерь на деривативах. В поисках долгосрочного капитала охваченное ужасом руководство Merrill Lynch бросается в брак «по обстоятельствам» с Bank of America. Фондовый рынок вошел в штопор, и даже бывалых ветеранов Уолл-стрит потряхивает от уже различимых ноток паники в голосах клиентов, регуляторов и телекомментаторов.

«Едем домой».

К такому решению приходят все они, не только Берни. Глубоко в основании Уолл-стрит что-то раскалывается, и отголоски этого землетрясения слышны даже здесь. Звонят в аэропорт, чтоб подготовили самолет. Спешно пакуют багаж. Когда самолет набирает крейсерскую высоту, Мэдофф, наверное, бросает последний взгляд на чарующий пейзаж, оставшийся где-то там, далеко.

Он летит навстречу страшнейшей финансовой буре, еще не зная, что свое он уже отлетал.

Вторник, 16 сентября 2008 года

Финансовый мир шатается.

Lehman Brothers – банкрот. Merrill Lynch продана Bank of America – ясно же, в пожарном порядке, и акции всех брокерских фирм и банков посыпались вниз. Пока регуляторы разбирались, спасать ли AIG, и если да, то каким образом, весь рынок просел вчера на неслыханные 5 %. AIG была на грани дефолта по своим кредитным деривативам, грозя утянуть за собой своих контрагентов – других корпоративных инвесторов-гигантов по всему миру.

Наутро Казначейство объявило о пакете антикризисных мер для AIG, но от удара, нанесенного крушением Lehman Brothers, вдруг пошли трещины в других местах. Из-за срочного списания долговых обязательств рухнувшего гиганта старейший в стране фонд денежного рынка (рынок высоколиквидных краткосрочных ценных бумаг) Reserve Primary Fund «разбивает бакс» до 97 центов, нарушая однодолларовый паритет пая (в фонде денежного рынка номинальная стоимость актива фиксирована и приравнена к одному доллару). Новости подстегивают нарастающую панику. Если финансовый крах поразил даже слывшие надежными фонды денежного рынка, десятки лет заменявшие среднему классу банковский сберегательный счет, значит, безопасной гавани просто не существует.

Клиенты Fairfield Greenwich Group, богатые инвесторы, у которых Мэдофф давно ассоциируется с чем-то вроде плутократического фонда денежного рынка, жаждут ясности и покоя.

Сегодня FGG от лица директора по управлению рисками Амита Виджаверджья рассылает ободряющее письмо, начинающееся словами: «Дорогой инвестор…» В письме бегло упоминается, что в портфеле фонда Sentry нет бумаг Lehman, Bank of America или Merrill Lynch. «В настоящее время, – продолжает он, – инвестиционный портфель Sentry полностью состоит из краткосрочных векселей Казначейства США».

В нынешней буре нет ничего надежнее. Так что для инвесторов Fairfield Sentry это радостное известие и еще одно доказательство деловой сноровки Мэдоффа.

Вернее, так было бы, будь это правдой. Но это полуправда, за которой скрывается ложь, помноженная на ошибку.

Накануне в электронном письме, разосланном коллегам утром, в 10.55, Виджаверджья сообщил о своей беседе с Фрэнком Дипаскали, сидящим на телефонах на загадочном семнадцатом

этаже офиса Мэдоффа. Дипаскали признался, что почти 20 % активов фонда Sentry до сих пор инвестировано в акции и опционы, самые уязвимые инструменты ополоумевшего рынка. И это вряд ли мгновенно изменится, потому что Мэдофф и Дипаскали «не хотят торговать себе в убыток сегодня и надеются на возможности выйти из этих инвестиций завтра утром или в среду».

В следующем телефонном разговоре Дипаскали сказал, что надеется на «упорядоченный выход [из рискованных инвестиций]» назавтра, сообщил партнерам Виджаверджья. И вот это «завтра» наступило, и уже разослано ободряющее, пусть и не совсем достоверное, письмо: в действительности Дипаскали не подтвердил «упорядоченный выход» с рынка, пребывающего в беспорядке.

Обещанный «упорядоченный выход», конечно, чистейшая выдумка. «Выходить» никто ниоткуда не собирается. Нет никаких акций, не будет никаких казначейских векселей, и никакие чрезвычайные меры не нужны. Все это мистификация.

Это вранье не согласуется с последующим враньем Мэдоффа и Дипаскали. Через несколько дней Fairfield Greenwich получит отчеты о состоянии инвестиционных счетов в эти мучительные дни. Они покажут, что и через три дня, считая от сегодняшнего, до самой пятницы Мэдофф не пристанет к спасительной гавани казначейских векселей. Отчеты о состоянии счетов, разумеется, тоже врут, но, похоже, Дипаскали, который истерикует все больше, уже не следит за тем, кому и какую ложь преподносит.

Понедельник, 22 сентября 2008 года

Весь Вашингтон – как один большой оперативный центр. Регуляторы из Федерального резерва, FDIC – Федеральной корпорации по страхованию вкладов, Казначейства (Министерства финансов) и Комиссии по ценным бумагам и биржам сообща пытаются противостоять панике, которая то тут, то там прорывает линию обороны. Чтобы остановить массовый сброс акций, Комиссия возобновляет чрезвычайный запрет на короткие продажи (сделки без покрытия), временно введенный в июле. Это затруднило бы Мэдоффу возможность применять свою излюбленную стратегию «конверсии с разделением страйка», если бы он и впрямь собирался ее применять. Возобновленный запрет касается ценных бумаг большого числа финансовых компаний, в том числе тех, пакеты которых традиционно присутствуют в портфеле фидер-фондов Мэдоффа.

В сегодняшней внутренней переписке Fairfield Greenwich один из партнеров выражает обеспокоенность тем, как эта мера скажется на Мэдоффе и его контрагентах, имея в виду крупные банки, которые гипотетически обслуживают его опционные сделки. Другой партнер задается более фундаментальным вопросом: почему банки вообще соглашаются работать с Мэдоффом именно сейчас, когда рынки практически парализованы? Если он правильно понимает ситуацию, банки сейчас «не связываются с рисковым капиталом».

Фрэнк Дипаскали постарается заверить обеспокоенных партнеров в том, что операции с акциями финансовых компаний уже исключены из их трейдинговой стратегии, так что «запрет на короткие» их не пугает.

Но остается ключевой вопрос: как объяснить, почему среди нарастающей паники находятся банки, готовые как ни в чем не бывало заключать миллиардные сделки с Мэдоффом по все более рискованным опционам?

Самый очевидный ответ, и он же самый немыслимый: никаких сделок нет.

Вторник, 23 сентября 2008 года

Согласно записи в ежедневнике Берни Мэдоффа, сегодня ему наносит визит Соня Кон, учредитель и держатель контрольного пакета акций венского инвестиционного банка-бутика Bank Medici. Жизнерадостная австриячка всегда является в личные владения Берни, будто лучезарная эрцгерцогиня, неизменно приветливая со всеми: ее визиты создают в офисе приподнятое настроение. Кон и Мэдофф знакомы лично больше двадцати лет, и это знакомство сделало ее богатой и уважаемой европейской банкиршей – небо и земля по сравнению с ее статусом рядового брокера с Уолл-стрит до знакомства с Мэдоффом.

Со времени последнего визита Кон в ноябре 2007 года произошло столько перемен. В то время сеть фидер-фондов Мэдоффа под эгидой Bank Medici еще отчитывалась о росте инвестиций. В общем и целом эти фонды и поныне оставались надежным источником наличности для тайной пирамиды Мэдоффа. Но тревога, охватившая рынок после «уик-энда братьев Леман», закралась в душу его даже самых стойких инвесторов.

Никто еще не знает, что сегодня Соня Кон навещает Берни Мэдоффа в последний раз. Никто не расскажет, о чем они говорят за стеклянными стенами его офиса. Более того, по словам конкурсного управляющего, Мэдофф обычно приказывал уничтожать все записи о своих сделках с Кон. Но, судя по чековой книжке, которую он использует в делах с пирамидой, новости скверные.

Через девять дней Мэдофф выпишет чек на 113 млн долларов, изъятых фондом Herald, главной опорой сети Bank Medici. Месяц спустя он выпишет еще один чек – на умопомрачительную сумму в 423 млн долларов. Больше полумиллиарда утечет с его банковского счета, и в самое неподходящее время.

Если такова весть, которую Соня Кон принесла сегодня своему другу Берни Мэдоффу, едва ли он пребывает в приподнятом настроении.

Среда, 24 сентября 2008 года

Чек выписан на 10 млн долларов.

Для разнообразия он выписан на Берни Мэдоффа, а не им самим. Чек отражает активы 35 профсоюзных пенсионных планов, управляемые единым доверенным лицом. Эти мелкие пенсионные планы – идеальные жертвы его пирамиды. Деньги поступают регулярно, заявления о снятии средств обычно предсказуемы, выводимые суммы малы. Эти фонды не так велики, как те, на которые он когда-то зарился, но деньги есть деньги.

И сегодня они как нельзя более кстати.

На следующей неделе в Cohmad Securities будут ждать ежемесячный чек – комиссионные за поставку инвесторов Мэдоффу – на сумму ровно 214 722 доллара и три цента. К тому же он, исполняя роль семейного банкира, обещал помочь Эндрю приобрести новую квартиру в Верхнем Ист-Сайде, которых всего дюжина в современном семиэтажном доме эксклюзивной планировки на Восточной Семьдесят четвертой улице. За квартиру просят больше четырех миллионов долларов.

Конечно, для Берни было бы разумнее отклонить просьбу Эндрю о займе и просто добавить все 10 млн долларов к банковскому счету пирамиды, который тает на глазах из-за панических изъятий хедж-фондов.

Может, Мэдофф опасается, что возбудит слишком много подозрений, если вдруг откажет младшему сыну после стольких лет демонстративной щедрости – и после того, как одолжил куда больше Марку на дом в Нантакете, который они с женой купили в июне. А может быть, Мэдоффу просто хочется, чтобы Эндрю, вышедший победителем из страшной борьбы с раком, порадовал себя шикарным жильем.

Но вот чего он точно не собирается делать – это инвестировать 10-миллионный чек, с тем чтобы полученная прибыль в будущем обеспечила пенсиями трудящихся членов профсоюзов. Он вливает их в денежную реку, питающую его аферу, к вящей выгоде его семьи, как делал столько раз прежде.

Но он не может не видеть, что половодье давно схлынуло.

Четверг, 2 октября 2008 года

Кабинеты Fairfield Greenwich в сорокаэтажной башне на Восточной Пятьдесят шестой улице всего в паре кварталов от комплекса офисов Берни Мэдоффа в «Помаде». Легкая прогулка в этот прохладный облачный день.

Троим прогуливающимся – Джеффри Такеру, Уолтеру Ноэлу и их младшему коллеге главному юрисконсульту Марку Маккифри – требуются пояснения инвестиционной стратегии, которая, похоже, опровергает закон земного притяжения. Применить инструменты, на которые полагается Мэдофф, от голубых фишек до конфиденциальных опционных сделок, крайне сложно – все несет на себе печать леденящего страха, сжимающего рынки. И в такой обстановке кто-то еще захочет заключать сделки с Мэдоффом? Этот вопрос не одну неделю мучит кое-кого из партнеров Fairfield Greenwich.

Такер, Ноэл и Маккифри заходят в офис Мэдоффа. К ним присоединяется Фрэнк Дипаскали с семнадцатого этажа. Амита Виджаверджья поймали по телефону, возможно, в офисе в Гамильтоне на Бермудах.

Мэдофф прибегает к своей испытанной магической формуле: эксклюзивность, конфиденциальность, уверенное знание предмета. Он снова напоминает, что при его-то востребованности у глобальных инвесторов ему не следовало бы даже снисходить до смехотворной проверки на благонадежность. Он упоминает, что приятель из JPMorgan Chase недавно тоже попросил его потолковать с лондонской командой, которая в этом могущественном банке занимается экспертизами, так вот им он просто отказал. «Через неделю опять то же самое», – говорит он, брезгливо морщась. Он снова отказал. Незачем ему жать руки невесть кому и устраивать экскурсию по офису.

Он сообщает по секрету, что его маркетмейкерский бизнес сейчас прибыльнее, чем в предыдущие годы. У него все еще имеется «доступ к ликвидности», небрежно замечает он, как если бы весь мир не оцепенел от ужаса. Оказывается, где-то там полно оборотного капитала для потребителей его «конверсии с разделением страйка» и его маркетмейкинга. Несмотря на всю эту сумятицу, у него дела идут просто отлично.

Призвав на помощь свои познания в истории рынка, он досконально объясняет, как другие фирмы Уолл-стрит попали в беду. Отказавшись от закрытых партнерств в пользу публичных брокерских компаний, управляющие утратили стимул держаться на гребне волны в бизнесе. Они стали заботиться только о том,

чтобы достичь намеченного на следующий квартал уровня прибыли. Недолго думая, они связались с экзотическими финансовыми инструментами, в которых ничего не понимали, и погрязли в долгах. Он умеет избегать таких ловушек, говорит он, потому что выстроил весь свой бизнес с нуля.

Это классический Берни. Но это не дает ответов на вопросы, заданные людьми из Fairfield Greenwich.

Мэдофф просто отказывается назвать имена сотрудников фирмы, вовлеченных в реализацию стратегии фонда Sentry. Он не намерен раскрывать иерархию служащих фирмы. Он не назовет тех, чьи подписи требуются для перевода денег с клиентских счетов. Досаднее всего, что он не желает назвать и ни одной из «крупных корпораций» – контрагентов в опционном трейдинге – «по очевидным причинам», говорит он.

Никто не давит на него, никто не требует объяснить, отчего он может заниматься трейдингом, когда никто больше не может. Никто не задает вопросов о недобросовестном опционном трейдинге, выявленном консультантом из Колорадо прошлой весной. Вообще никто ни на чем не настаивает, притом что всего неделю назад в офисах у них происходил постоянный обмен электронными письмами с беспокойными вопросами о том, каким чудом Мэдофф продолжает действовать, когда встал даже валютный рынок, один из крупнейших и активнейших мировых рынков.

Тем не менее и Мэдофф, и Дипаскали невозмутимо подчеркивают, что все, о чем говорили сегодня, должно остаться в секрете.

На следующей неделе люди из Fairfield Greenwich в обычных и электронных письмах клиентам выставят этот визит в наилучшем свете. Но у них самих, выходящих в октябрьскую прохладу, по-прежнему нет ответов, способных унять тревогу инвесторов – и затормозить утечку денег из Fairfield Sentry.

Среда, 8 октября 2008 года

Стенли Чейз, прибывший из Лос-Анджелеса клиент Берни Мэдоффа, из окна своей квартиры на Пятой авеню любуется первыми мазками осенних красок в Центральном парке.

Чейзу чуть за семьдесят, и он все еще внешне привлекательный, высокий, крепкий, загорелый, с белыми как снег волосами и щегольскими усиками кинозвезды. Но он страдает редкой болезнью крови, постепенно слабеет и в июне написал инвесторам своих партнерств, что управление их счетами примет на себя его сын Марк.

Клиентские счета Чейза весь год иссушали банковский счет Мэдоффа, а вчера Чейз сделал еще одно небольшое изъятие. У них давние и очевидно теплые отношения, но про себя Мэдофф гадает, не подозревает ли его Чейз в мошенничестве. Не играет ли он с Мэдоффом, воображая, что тот скорее удовлетворит любую заявку на снятие денег, чем рискнет разоблачением?

Мэдофф не слишком уверен и вряд ли станет задавать вопросы. Позже Стенли Чейз будет яростно отрицать, что вообще знал что-либо об афере Мэдоффа, когда снимал деньги, и тем более не знал этого на протяжении их долгого знакомства.

Надо сказать, что чек, который Мэдофф выписал Чейзу вчера, едва ли сравним с активами в сотни миллионов долларов, предположительно содержавшихся на счетах Чейза, – с состоянием, которое исчезнет, когда обрушится афера Мэдоффа.

С точки зрения Мэдоффа, средства, выводимые со счетов Чейза, – мелочь в сравнении с суммами, которые он перевел недавно в один из своих старейших офшорных фидер-фондов Kingate Euro.

Нет, такой клиент, как Чейз, чей номер в меню быстрого доступа телефона Мэдоффа стоит первым, никогда не сможет навредить пошатнувшейся пирамиде так, как пугливые заграничные клиенты – хедж-фонды.

Когда безоблачный день уступает пасмурному вечеру, Берни Мэдофф и Стенли Чейз встречаются в уютно освещенном ресторане на девятом этаже престижного универмага Barneys – просто ужин двух старых друзей.

Четверг, 16 октября 2008 года

Для Амита Виджаверджья день начинается плохо. Начинается он со звонка из отдела деривативов JPMorgan Chase, одного из всемирных банков, занятых структуризацией и продажей сложных деривативов. Звонят в порядке отслеживания показателей работы фонда Fairfield Sentry.

Виджаверджья выслушивает вопросы сотрудника банка – о чем же еще? – о Берни Мэдоффе. В последнее время из банка звонят чаще и настойчивее, и все, что сообщает Fairfield Greenwich о Мэдоффе, похоже, звучит неубедительно.

Затем банк предъявляет заявки на предстоящие погашения, и они приводят в оторопь руководство Fairfield Greenwich. Один из руководителей лондонского офиса Fairfield на минувшей неделе обменивался электронными письмами со своим коллегой из банка, но речь шла о почти обычном объеме погашений в несколько миллионов евро. А в сегодняшнем запросе обозначена сумма куда больше первоначально намеченной.

Внезапный рывок сумм на погашение, да еще эти придирчивые расспросы о Мэдоффе – что-то явно неладно. Что случилось?

Янко Делла Скьява, зять Уолтера Ноэла и один из основных агентов фондов Fairfield по продажам в Европе, пытается разобраться. Он звонит своим контактным лицам в JPMorgan Chase, но безуспешно.

JPMorgan Chase набирает обороты и требует от Fairfield Sentry 250 миллионов, по сути, все свои вложения. Он также забирает деньги из нескольких других управляемых Мэдоффом фондов, вовлеченных в его сделки с деривативами, включая фонд Herald. Понятно, что банк тревожит нечто большее, чем просто «риск контрагента».

Четверг, 23 октября 2008 года

Мориса Э. Мертенса, директора по инвестициям целевого фонда Нью-Йоркского университета, прибывшего со своим ассистентом, проводят в кабинет Дж. Эзры Меркина в черной гранитной башне на Парк-авеню, 450. Тридцатитрехэтажное здание занимают хедж-фонды, и роскошный офис Меркина на тридцать втором этаже считается в этом сообществе недвижимостью высшего класса.

Мертенс, много лет возглавлявший пенсионный фонд автомобильной компании Ford Motor, довольно рано отошел от дел, но в 1997 году университетский комитет по инвестициям призвал его на помощь. К тому времени университет уже инвестировал в фонд Меркина Ariel, купив первую долю в 20 млн долларов в январе 1994 года. С тех пор вложения (которыми, как считают в комитете, управляет Меркин) значительно возросли и составляют более чем 85 миллионов.

На сегодняшней рабочей встрече Меркин рекомендует университету инвестировать непосредственно в фонд, управляемый Берни Мэдоффом. Правда, Мэдофф занимается клирингом своих сделок сам, и его активы не поступают на кастодиальное хранение третьей стороне, зато он предлагает хороший стабильный доход – из года в год, говорит Меркин.

Мертенс и его ассистент и слушать дальше не хотят. В качестве корпоративного инвестора Нью-Йоркский университет не собирается вкладываться ни в какой «самоклирингуемый» фонд. Мертенс без обиняков отвечает Меркину, что инвестировать в Мэдоффа нецелесообразно.

Почему-то Меркин не говорит: «Но вы уже инвестировали в Берни Мэдоффа через фонд Ariel». Меркин вложил в Мэдоффа около трети активов Ariel, более трехсот миллионов. Всего же на счетах трех его хедж-фондов у Берни лежит, как полагает Меркин, около двух миллиардов долларов. И до того крепка вера Меркина, что уже в этом месяце он положил на свой счет у Мэдоффа еще десять миллионов.

Позже Мертенс скажет: разговор сам собой перешел на другие темы. Закончив обычные дела, сотрудники фонда Нью-Йоркского университета обмениваются рукопожатиями с Меркином и уходят.

Четверг, 23 октября 2008 года

Один из руководителей высшего звена лондонского JPMorgan Chase ставит дату и подпись под сенсационным докладом для Агентства по борьбе с организованной преступностью, одной из британских правоохранительных служб. В разделе, озаглавленном «Основания для подозрений», говорится о сделках со сложными деривативами, в которых задействованы три фонда – партнеры банка, инвестирующие в фирму Bernard L. Madoff Investment Securities.

Банк обеспокоен результатами деятельности Мэдоффа, «которые систематически и значительно превосходят результаты аналогичных фирм, год за годом, даже в существующих условиях рынка, – иными словами, они слишком хороши, чтобы это было правдой, хотя обратное и не доказано», – пишет банкир. В довершение всего Мэдофф отказывается хоть как-то объяснить, каким образом он достигает таких результатов. Поэтому банк уже послал уведомление о погашении инвестиций одному из фондов и готовится изъять деньги из двух других.

После отправки этого первого уведомления ответственный сотрудник банка побеседовал с одним менеджером женевского фонда, продававшего своим клиентам связанные с операциями Мэдоффа деривативы – из тех, что имели отношение к предстоящему погашению. В записанной на диктофон беседе, которая шла по-французски, швейцарский менеджер упоминает о «колумбийских деловых кругах, которые не одобрят» действий JPMorgan Chase, «и заявляет, что стоимость упомянутых фондов не должна упасть, а также едва ли не открыто угрожает безопасности штатных сотрудников банка», – сообщает банкир.

Впечатление от расшифровки этого телефонного разговора, опубликованной позже во французской печати, заставляет согласиться с мнением лондонского банкира, который, по его словам, никогда не заблуждался насчет рискованности сложных деривативов.

– Я понимаю, какой цены вы хотите, – говорит банкир, – но ее вы не получите…

– Вас известили, что цена будет ниже? – спрашивает человек из Женевы.

– Сейчас – да, – отвечает банкир.

Не желая отступать, человек из Женевы говорит чуть сбивчиво:

– Если до этого дойдет… мы же не хотим ссориться… я также настаиваю на втором пункте… понимаете, наши друзья в

Колумбии могут наломать дров, если их при… если разозлятся, а мне кажется, что кое-кто пытается их расстроить.

Банкир опешил:

– Это угроза?..

В Женеве смеются, не дослушав вопрос.

– Нет, просто для вашего сведения. В Швейцарии, знаете, люди простые.

В тот же самый день, когда сотрудник JPMorgan Chase сообщает о подозрениях относительно Мэдоффа, из Дубая прибывает один встревоженный бизнесмен на встречу со своим личным банкиром. Подобные встречи сейчас происходят по всему земному шару, потому что каждый ищет убежища от свирепого шторма, разыгравшегося на финансовых рынках. Спасения нет нигде, даже в этом цветущем оазисе на берегу Персидского залива.

Успешный бизнесмен и четверо его партнеров с 2004 года инвестировали в фонд Fairfield Sentry. Он отлично помнит, как банкир рекомендовал ему в качестве альтернативы наличным деньгам хедж-фонд, в течение многих лет обеспечивающий небольшой, но верный и регулярный доход. Ну да, он помнит, какое впечатление произвели на него слова банкира о том, что по части постоянства фонд достиг статуса «легенды». Он был немало польщен тем, что, хотя Sentry считался закрытым для новых инвесторов, банк помог ему сделаться клиентом знаменитого фонда. Инвестиции, которые он с партнерами вложил в инвестиционные счета Sentry, предположительно выросли с тех пор до более чем 5,3 млн долларов.

Но сейчас бизнесмен хочет выйти из дела. Он приказывает своему банкиру погасить все акции Sentry, которые имеются у него и у его партнеров. Он берет с собой бланки бумаг для оформления заявки на погашение и на следующий день возвращает в банк готовые заявки, полагая, что им с партнерами вернут деньги к концу ноября.

Вторник, 4 ноября 2008 года

Сегодня Америка идет на избирательные участки, чтобы решить, кто будет следующим Президентом Соединенных Штатов, сенатор Барак Обама или сенатор Джон Маккейн, а рынок ценных бумаг затевает по этому случаю лихую гонку – индекс S&P 500 взлетает более чем на 4 %, а индекс Доу-Джонса на 300 пунктов.

А еще сегодня день, когда Берни Мэдофф почти наверняка впервые задумывается, переживет ли он коллапс 2008 года – да и стоит ли.

Фрэнк Дипаскали на семнадцатом этаже узнает первым: фонд Fairfield Sentry прислал две заявки на погашение в следующем месяце на сногсшибательную сумму в 850 млн долларов. Таким образом, с сентября один только Fairfield Sentry вывел 1,25 млрд долларов, и это не считая миллионов, выведенных мелкими фондами Fairfield Greenwich.

Другие крупные хедж-фонды тоже забирают свои деньги. Но Sentry больше десяти лет был для Мэдоффа главным источником средств. И то, что он же сейчас главный источник забот, быть может, только справедливо.

День за днем он звонит в Палм-Бич, ласково упрашивая старого друга Карла Шапиро поскорее внести 250 млн долларов на свой клиентский счет у Мэдоффа. Деньги идут, отвечает Шапиро. Так и есть. Когда они поступят, на банковском счете Мэдоффа снова заплещется обмелевший денежный пруд.

Может, ему просто нужно достаточно наличных, чтобы выстроить мост между днем сегодняшним и завтрашним, когда Уолл-стрит наконец успокоится и деньги послушно потекут в финансовую пирамиду.

Конечно, любой реалист понимает, что денег Шапиро слишком мало и пришли они слишком поздно. Но этот любой реалист – не Берни Мэдофф. Даже теперь Мэдофф верит, что сумеет упредить катастрофу. Встречи с ним по-прежнему ищут перспективные клиенты. Можно поднажать на Джеффри Пикауэра, чтобы тот добавил еще денег на счета, – вот у кого водятся доллары, миллиарды долларов. А может, и еще кто-то из верных клиентов тоже подбросит денег.

Так или иначе он сможет добыть денег, чтобы остаться на плаву, говорит он себе. Он не признает себя проигравшим или побежденным – разве что уставшим. Он так долго отбивал степ, жонглируя банковскими счетами, нашептывая утешительную ложь, завораживая всех ловкостью ног. Но теперь он нет-нет да и

спросит себя: хочу ли я плясать и дальше, даже если смогу?

И ему все чаще хочется ответить: нет.

Четверг, 27 ноября 2008 года

День благодарения, и со стороны манхэттенского Вест-Сайда, где проходит традиционный парад «Мейси», несутся веселые вопли, барабанная дробь и перебранка клаксонов. На Ист-Сайде, на Третьей авеню, тихо, в праздник закрыты почти все магазины и учреждения. Прибывшие в «Помаду» люди из Banco Santander видят, что газетный киоск в вестибюле заперт, а сотрудники охраны собрались у стойки секретаря. Их направляют к лифтам, и они поднимаются на девятнадцатый этаж безмолвного здания.

Из едущих в лифте самая важная персона – Родриго Эченике Гордильо, солидный мужчина слегка за пятьдесят, уже двадцать лет входящий в правление огромной испанской банковской компании. Эченике Гордильо прилетел из Мадрида только для этой встречи с Берни Мэдоффом. Он удивлен, что Мэдофф назначил ее на праздничный день, но Мэдофф сказал, что в другие дни он занят, а встреча важная.

По образованию Эченике Гордильо юрист, и здесь он по просьбе председателя правления холдинговой компании, владеющей Banco Santander. У банковского хедж-фондового подразделения Optimal в Мэдоффа инвестировано более трех миллиардов.

За прошедшие шесть лет аналитики Optimal по меньшей мере дважды указывали на недостатки финансового и аудиторского контроля Мэдоффа. Тем не менее команде экспертного отдела и руководству всякий раз удавалось убедить себя, что с Мэдоффом все в порядке, – ведь он столько лет управлял инвестициями, его контролировала Комиссия по ценным бумагам и биржам, у него стабильный и уважаемый брокерский бизнес, и, вообще, он один из старожилов Уолл-стрит с превосходной репутацией.

Но то было до гибели Bear Stearns, банкротства Lehman Brothers, операций по спасению Fannie Mae, Freddie Mac и AIG. Теперь другие времена. Риски нынче весят больше, чем прежде, а репутации – меньше.

Эченике Гордильо с коллегами выходят из облицованного камнем лифта. Мэдофф собственной персоной стоит перед стеклянной дверью, ведущей в офис руководства. На этаже нет больше никого, даже личного секретаря Мэдоффа. Мэдофф устраивается в кресле и после обмена любезностями Эченике Гордильо выкладывает свои вопросы.

К удивлению Гордильо, Мэдофф не пытается его успокоить, улестить или убедить. Когда всплывает тема изъятий, атмосфера становится напряженной, если не грозовой.

Потом в Мадриде пойдут противоречивые слухи о том, что было дальше. По одной версии, Мэдофф предупредил испанцев: заберете деньги сейчас – больше сюда не сунетесь. Двери Мэдоффа – на кону 77 млн долларов ежегодных комиссионных за управление активами, поступающие на счет хедж-фондового подразделения банка, – закроются для Santander навсегда. Нет сомнений, что Мэдофф не в первый раз и не только испанцам угрожал такими мерами.

Если сегодня и прозвучали угрозы, то впустую. Встреча завершилась быстро, и банкиры спускаются в лифте обратно в безмолвный вестибюль. Santander, вне всяких сомнений, заберет свои деньги со счетов Мэдоффа.

Среда, 3 декабря 2008 года

В какой-то момент Берни Мэдофф садится поговорить с Фрэнком Дипаскали и убеждается в том, что верному подручному ясна диспозиция. Банковский счет пирамиды в JPMorgan Chase, на котором всего полгода назад было больше 5,5 млрд долларов, съежился до нескольких сот миллионов, чего и близко не хватит на покрытие уже нависших над головой и маячащих на горизонте погашений.

А когда деньги на этом счету в банке закончатся, говорит Мэдофф Дипаскали, инвесторы останутся ни с чем. Он смертельно устал снова и снова наскребать где-то деньги. Все кончено.

Дипаскали давно понял, что Мэдофф проворачивает крупную аферу, да и как не понять? Он изготавливал подложные документы на бумаге и в компьютере, ловко камуфлируя махинации, так что ни одно из полудюжины расследований не вывело их на чистую воду. Он водил за нос регуляторов, бухгалтеров и клиентов по меньшей мере пятнадцать лет.

Позже он заявит, что лгал и себе, успокаивая себя нелепой верой в то, что у Берни есть «другие активы», океаны богатства, скрытые за чертой ограниченного кругозора Дипаскали, но достаточные для исполнения всех обещаний, отражаемых в банковских отчетах.

Если когда-то в мыслях Дипаскали и жил этот утешительный обман, сегодня иллюзии умирают. Если и был где-то сокрытый от взора океан богатства, Мэдофф сейчас вовсю черпал бы из него, чтоб удержаться на плаву. Панический ужас не навсегда сковал рынки. Будь у него еще несколько миллиардов, их, возможно, хватило бы, чтобы выпутаться из беды.

Но всех денег только и оставалось, что на этом, почти исчерпанном, банковском счету, а Мэдофф устал от изнурительных усилий пополнять его. Он хочет использовать оставшиеся деньги на обналичивание счетов ближайших друзей и семьи, а не на чеки, которые следовало бы выписать разным хедж-фондам. Он просит Дипаскали подготовить список избранных счетов и отчет об остатках на них, чтобы можно было по справедливости поделить среди них остающиеся деньги.

Немного позже Дипаскали якобы скользит вниз в лифте, чтобы на продуваемом ветром углу возле «Помады» встретиться со своей сотрудницей, Джоанн (Джоди) Крупи. Сторона обвинения заявит впоследствии, что именно тогда Дипаскали откроет Крупи, что Мэдофф на мели и у него нет активов, за счет

которых он смог бы покрыть многомиллиардные долги и расплатиться с клиентами.

Верил ли когда-нибудь Дипаскали в этот обман? Если так, то он стойко переносит утрату иллюзий. Он не хватает первые подвернувшиеся под руку активы и не бежит из страны. Он не сообщает о своем наставнике в ФБР ради смягчения наказания за свои преступления. Он возвращается со встречи на углу и садится выполнять распоряжения шефа. Чеки на подпись Мэдоффу будут готовы к середине следующей недели.

Четверг, 4 декабря 2008 года

Джоди Крупи, угловатая женщина с оливковой кожей и густыми темными волосами, работает у Берни Мэдоффа с 1983 года и предположительно примерно с 2000 года оформляет выписки по банковскому счету по меньшей мере для одного из самых крупных частных инвесторов. Основываясь на конфиденциальных показаниях Дипаскали, обвинение установит, что в ее обязанности входило также составление «ежедневного отчета» для Мэдоффа, отражающего движение на счетах его инвестиционно-консалтингового бизнеса, наряду с полученными, но еще не удовлетворенными заявками на погашение.

Если это так, то сейчас на лежащей перед ней странице написано: катастрофа. На банковском счету меньше трехсот миллионов, а ожидающие своей очереди заявки на погашение подходят к полутора миллиардам – за десять последних дней запросы на изъятие удвоились.

Воскресенье, 7 декабря 2008 года

По сведениям федеральных прокуроров, в этот морозный и ветреный день Фрэнк Дипаскали выходит из своего просторного дома на холме в пригороде Нью-Джерси и едет к расположенной неподалеку кондитерской сети Panera Bread на встречу с Джоди Крупи. Она живет в Вестфилде, Нью-Джерси, но в прошлом месяце купила роскошный дом прямо на берегу Атлантического океана.

Дипаскали признается, что все дни накануне этой встречи они с Крупи постоянно обсуждали, как им объяснять правоохранителям свою работу в фирме Мэдоффа, когда афера окончательно раскроется. Вот и сегодня они бьются над тем же вопросом. По словам Дипаскали, приведенные в официальном обвинении, Крупи говорит ему, что будет «стоять на своем» – будто она всегда считала, что Мэдофф занимается совершенно законными сделками за рубежом.

Крупи будет последовательно отрицать, что когда-либо сознательно помогала Дипаскали обеспечивать гигантскую аферу Мэдоффа. Она будет заявлять о непричастности к преступлению, в котором ее обвиняют федеральные власти, и настаивать, что ее, как и всех прочих, одурачил ее такой умный и респектабельный с виду босс.

То, что случится потом, ни изменить, ни исправить будет нельзя. Еще до конца наступающей недели фирма, которой они служили не один десяток лет, перейдет под федеральный контроль, их хладнокровный вождь Берни Мэдофф будет арестован, а их самих обвинят в том, что они помогли ему построить величайшую в истории финансовую пирамиду.

11. На руинах

Звезда Берни Мэдоффа закатилась, и для его жертв начался долгий, трудный путь. Крах финансовой пирамиды, подобно катастрофическому землетрясению или опустошительному урагану, оставил после себя массу обездоленных, обманутых и неприкаянных. Знакомый мир рухнул, и нужно было найти пристанище, но пока они могли лишь гадать о путях, способных вывести их в менее опасное будущее.

Униженным регуляторам и измученным юристам, вынужденным разбирать завалы, тоже предстояла долгая дорога – от хаоса к спасению.

Каждый переживший катастрофу должен был пройти свой путь, изнурительный и коварный, но едва ли героический. Инспекторы из Комиссии по ценным бумагам и биржам будут стремиться восстановить свою честь. Юристы, нанятые для распутывания аферы Мэдоффа в суде по банкротствам, будут не жалея сил искать спрятанные сокровища, чтобы вернуть их тем, кто разорился. Но сами жертвы аферы, так долго верившие в этого чародея лжи, отправятся на поиски самой труднодостижимой на свете цели – справедливости.

Большинство пускалось в путь, имея лишь смутное представление о том, что ждет их впереди. Им было невдомек, что иные мосты уже смыты. Трагичнее всего то, что за поворотом они не могли разглядеть перекрестка, и не меньше половины из них угодит в лабиринт бессильной ярости и отчаяния.

Вначале было невозможно представить даже число жертв, и тем более – куда они направятся и что там обнаружат. Единственной подсказкой была ошеломляющая цифра, названная самим Мэдоффом: 50 млрд долларов.

Через считаные часы после ареста Мэдоффа многие доморощенные финансовые эксперты в Интернете отмахнулись от этой цифры как от завышенной и неправдоподобной. Другие предположили, что она верна, но отражает лишь бумажные прибыли, а не денежные убытки, – как будто убыток на бумаге, уничтоживший все, чем вы владели, приносит меньше ущерба, чем потеря денег в кошельке. На самом-то деле оценка Мэдоффа была заниженной. Вскоре будет установлено, что на момент ареста Мэдоффа исчезло 64,8 млрд долларов «бумажного» богатства, в том числе наличных на сумму примерно 20 млрд долларов.

Несколько институциональных жертв быстро вышли на свет. Фонд Пикауэра, семейный фонд Чейзов и фонды семьи Норман

практически тут же закрылись, ввергнув в ступор и своих сотрудников, и получателей субсидий.

К пятнице 12 декабря несколько элитных хедж-фондов, несмотря на все их прежние заверения о тщательных проверках и экспертизах, застенчиво признались инвесторам, что их тоже ободрали.

По всему миру «дорогие инвесторы» начали получать факсы, электронные письма с вложениями и курьерские доставки с вежливыми посланиями: «… Вчера, как вы несомненно знаете, был арестован Бернард Л. Мэдофф…» (Хотя вряд ли вы знаете, что ваш фонд проинвестировал фактически все свои активы в другой фонд, который инвестировал в три других фонда, и вся эта троица полностью вложилась в Мэдоффа.) «Мы потрясены… консультируемся с юристами… собираем информацию… будем держать вас в курсе дел». Получатели этих писем звонили своим адвокатам, и этим же адвокатам названивали из СМИ.

Особенно острым было потрясение, ужас и замешательство в гигантских донорских фондах Мэдоффа, чьи управляющие так гордились своей осмотрительностью – и понесли такие громадные убытки: Fairfield Greenwich Group, Эзра Меркин, Bank Medici, фонды Tremont. Блоггеры тут же заклеймили их вероятными пособниками мошенника, отказываясь поверить в то, что такой элементарной аферой, как финансовая пирамида, можно столько времени дурачить таких многоопытных профессионалов.

По всей Европе главные банки один за другим стали выпускать заявления для прессы: фонды Optimal испанского Banco Santander инвестировали в Бернарда Л. Мэдоффа… аффилированные с UBS фонды скорее всего инвестировали… банк HSBC мог быть втянут своим отделом управления хедж-фондами… у BNP Paribas под угрозой 500 млн долларов, вовлеченных в сделки и займы хедж-фондов.

Осведомители о биржевых колебаниях, годами вслушивавшиеся в то, как их компаньоны по загородному клубу хвастают или шушукаются о своих инвестиционных счетах у Мэдоффа, разослали журналистам анонимные доносы или оставили голосовые сообщения, назвав все известные им имена.

Списки составлялись, расширялись, уточнялись. Первыми шли, естественно, громкие имена: владелец New York Mets Фред Уилпон и бывший владелец Philadelphia Eagles Норман Бремен; Сэнди Коуфакс – бейсболист, избранный в Зал славы бейсбола; магнат недвижимости и владелец газеты New York Daily News Морт Цукерман; актеры Кира Седжвик, Кевин Бэкон и Джон Малкович; известный киносценарист Эрик Рот; бывшая жена

Майкла Дугласа; наследники автора и исполнителя песен Джона Денвера; фонд, основанный Джеффри Каценбергом, одним из основателей голливудской киностудии DreamWorks, совместно с продюсером кинозвезд Дэвидом Геффеном и обладателем «Оскара» Стивеном Спилбергом, чьи фонды тоже пострадали.

Сразу же открылся поразительный географический охват аферы Мэдоффа – своеобразный антипамятник двум десятилетиям финансовой глобализации. Вскоре в списки попали банкиры частных швейцарских банков, сингапурская страховая компания, корейский учительский пенсионный фонд, итальянский банковский холдинг, главные японские банки и страховые компании, гонконгские трастовые фонды, голландские управляющие инвестициями, суверенный фонд благосостояния Абу-Даби, французская наследница косметической империи, члены королевских семей Англии и Монако, две католические школы с острова Санта-Круз, люксембургские хедж-фонды, богатые семьи из Мексики, Бразилии, Аргентины и Дубая. Один европейский юридический консорциум позднее оценит число людей, затронутых скандалом, в три миллиона.

В США видные жертвы включали членов попечительских советов культурных учреждений Нью-Йорка, бывших управляющих с Уолл-стрит, богатых девелоперов из Чикаго, уважаемых деятелей науки из Бостона, фонд из Сиэтла, члена законодательного собрания штата Нью-Джерси и группу пенсионеров из Аспена (штат Колорадо). Небольшую часть своих активов вложил в Мэдоффа даже Международный Олимпийский комитет.

На фоне этого космополитического полотна стали проступать черные пятна низменной обывательской реакции. Новостным интернет-сайтам приходилось регулярно вычищать антисемитские оскорбления из комментариев к материалам о Мэдоффе и его афере. Когда нобелевский лауреат и автор воспоминаний о холокосте Эли Визель, почитаемый за мужество и гуманизм, подтвердил, что Мэдофф украл все вклады в его небольшой благотворительный фонд, многие члены еврейского сообщества сочли это верхом цинизма и предательства, но другие испугались негативной реакции, на которую в столь неспокойные, опасные времена мог спровоцировать толпу Мэдофф.

На одной из дискуссий за завтраком в манхэттенском клубе «21» Визель предложил собственное объяснение того, как мог случиться подобный скандал. «Это же проще простого, – сказал он. – Воображение преступника превосходит воображение невинных». Смысл понятен: преступник способен во всех подробностях представить задуманное им преступление, тогда

как его жертвам сама вероятность такого преступления не приходит в голову.

Когда Визеля спросили, сможет ли он простить Берни Мэдоффа, последовало долгое, почти мучительное молчание. И человек, который, кажется, так много – и многим – простил, тихо ответил: «Нет».

Манхэттенский Институт еврейских исследований организовал вечернюю дискуссию группы специалистов для рассмотрения, как выразился ее модератор Мартин Перетц, «гнусности, учиненной Мэдоффом». Аудитория была набита битком. Диспутанты были представительны, вдумчивы и полны тревог. Некоторые опасались, что предательство Мэдоффа наносит удар по узам доверия, которые позволили евреям диаспоры столетиями выживать и преуспевать в финансовых центрах. Но историк Симон Шама напомнил аудитории, что Америка, становясь все более толерантной, только что избрала первого чернокожего президента Барака Обаму; быть может, старая как мир нетерпимость выходит из моды. Кроме того, подчеркнул он, в эти постмэдоффские дни как будто не наблюдается заметных выбросов антисемитского яда.

Присутствующие в аудитории журналисты знали, что это не совсем так: достаточно было просмотреть папку входящих электронных писем.

Через неделю после ареста Мэдоффа Антидиффамационная лига (правозащитная организация, призванная противостоять антисемитизму) сообщила о резком росте злобных оскорблений евреев в Интернете, по большей части связанных с Мэдоффом. Тот факт, что Мэдофф и многие из его жертв были евреями, вызвал «у антисемитов настоящий взрыв», – предостерегал Абрахам Фоксман, долгое время возглавляющий организацию. В составленный Антидиффамационной лигой список примеров вошли комментарии, которые появлялись на веб-сайтах многотиражных газет и журналов: «Один еврей-ворюга обирает кучу других евреев-ворюг – вот вам, что называется, преступление без жертв»; «Старая песня: еще один жулик-еврей с Уолл-стрит. Вы лучше покажите еврея, который не жулик, то-то все удивятся!»; «Очередной еврейский вор-меняла. Три тыщи лет одно и то же»…

В реальности преступление Мэдоффа вышло далеко за пределы его первоначальных еврейских связей. Почти все деньги, сгинувшие в результате мошенничества, стеклись к нему после его кризиса наличности 2005 года и поступили от хедж-фондов, разбросанных по всему миру, – от европейских аристократов, теневых русских и суверенных фондов национального

благосостояния стран Персидского залива. Эти инвесторы если и слышали о Берни Мэдоффе, то связывали его с подъемом NASDAQ и автоматизацией Уолл-стрит, а не с еврейскими загородными клубами на Лонг-Айленде и в Палм-Бич и не с попечительским советом Университета Ешива.

Но он и правда состоял в членах еврейских загородных клубов – и сотни их членов потеряли десятилетиями копившиеся на бумаге прибыли. Он и правда состоял в совете Ешивы – и вот университет судорожно подсчитывает средства, которые так внезапно исчезли из его целевого капитала. Свои первоначальные сети продаж он строил, полагаясь на «сарафанное радио», а оно работало там, где с самого начала собирались его еврейские друзья и родственники, – в синагогах, в еврейских клубах и курортных местах, в советах еврейских благотворительных учреждений, больниц и школ.

Так что его преступление начиналось как «воровство на доверии» – этот приятно звучащий термин криминологи применяют, когда один член тесно спаянного доверием сообщества злоупотребляет этим доверием, чтобы обворовать членов группы. Такое случается всюду, где члены сплоченной группы настолько верят друг другу, что способны слепо доверять любому нагромождению лжи. Пастор крадет у своих преданных прихожан. Отставной военный использует своих однополчан. Иммигрант с Гаити, из России, из Китая, с Кубы – да из любой страны – запускает руку в карман земляков, которые осели на новой родине.

С самого начала Мэдофф воспользовался доверием и уважением, которые он завоевал в тесно сплоченном еврейском сообществе. Его репутация в этих кругах на первых порах служила ему паспортом финансовой надежности в более широком мире. Свою репутацию он укрепил связями с другими пользующимися доверием членами группы, такими как Эзра Меркин и Стенли Чейз. Его некоммерческие инвесторы включали таких гигантов, как Американский еврейский конгресс, Фонд еврейского сообщества Лос-Анджелеса и женская благотворительная организация «Хадасса». Под конец он стягивал к себе деньги со всех уголков земного шара, но вырос этот урожай на его собственных еврейских корнях.

Так что его афера неизбежно вылилась в еврейский скандал в среде самих евреев. Раввины размышляли о его уроках, еврейский загородный клуб приглашал лекторов с докладами о нем, профессор Университета Ешива включил его в свой курс религиозной этики. Еврейские благотворительные организации и целевые фонды клялись впредь в своей инвестиционной практике

быть менее доверчивыми и более придирчивыми. Одни инвесторы посыпали голову пеплом, другие рвали и метали при мысли о том, как дело Мэдоффа может сказаться на евреях, а третьи, мужественно приняв удар, смеялись сквозь слезы. Новостной сайт журнала Jewish Journal завел новый блог для обмена мнениями о том, как разворачивается дело Мэдоффа, и назвал его «Список Свиндлера» [5] .

Важнейшая загадка этих первых дней, которая на месяцы вперед определит реакцию общества, состояла в следующем: кто были жертвы Мэдоффа? Помимо нескольких достойных благотворительных и культурных учреждений, были ли они всего лишь горсткой кинозвезд, плутократов и хедж-фондов, каждый из которых скорбел о потере ста миллионов долларов? Или же это десятки тысяч обычных семей из среднего класса, которые лишились сотен тысяч долларов в пенсионных сбережениях?

К несчастью, второй сценарий оказался ближе к правде. На каждое громкое имя вроде Стивена Спилберга или Ларри Кинга приходилось множество стоматологов, мелких адвокатов, учителей-пенсионеров, водопроводчиков и владельцев мелких предприятий. Примерно на тысяче инвестиционных счетов Мэдоффа фиктивный остаток составлял менее 500 тыс. долларов. Но этого никто не знал – пока не знал.

Были электронные письма и звонки в СМИ от обычных людей вроде домохозяйки из Бруклина, или юриста по вопросам зонирования земель из Корал-Гейблс (Флорида), или работающего неполный день музейного куратора из Коннектикута – и все они объясняли, что они сами или их престарелые родственники жили за счет скромных сбережений, доверенных Мэдоффу кем-то из предыдущего поколения семьи. Теперь у некоторых не осталось ничего, кроме государственной пенсии. Вскоре появились сообщения о канувших в небытие пенсионных планах небольших медицинских бизнесов и местных отделений профсоюза строителей. И все же некоторые из жертв сами не желали объявляться, а кто-то помалкивал, послушавшись совета своего адвоката. Да и до них ли всем было, когда среди жертв оказались создатели киностудии DreamWorks и владельцы New York Mets?

Общество и СМИ не сразу поняли, что важнейший вопрос не в том, сколько вы потеряли, а в том, сколько у вас осталось. Многие знаменитости, если не большинство, потеряли десятки миллионов долларов, но все же у них осталось достаточно по любым разумным стандартам человеческого комфорта. Некоторые из неприметных жертв потеряли всего несколько тысяч, но у них не осталось ничего, за исключением машины,

заложенного банку дома и наличных денег в кошельке.

Пожалуй, можно понять, отчего этот важнейший вопрос не всплывал так долго. Первая заповедь инвестирования гласит: «Не складывай все яйца в одну корзину». Трудно было представить, чтобы этим азбучным правилом пренебрегли столь многие и со столь катастрофическими последствиями, – даже распорядители доверительной собственности и пенсионные планы с фидуциарными обязательствами. Обычно крах законной брокерской фирмы среднего пошиба, наподобие фирмы Мэдоффа, не изничтожает все средства клиентов до последнего гроша. В пенсионном плане компании, на банковском счете или в фонде денежного рынка остается достаточно или на худой конец хоть что-то! Про хедж-фонды и говорить нечего – они предположительно обслуживали только состоятельных, бывалых людей, которые, по определению, слишком умны, чтобы рисковать всем состоянием, вкладываясь в один-единственный инвестиционный проект. В частности, по этой причине хедж-фонды на протяжении многих лет регулировались не слишком сурово.

Пожары, землетрясения и ураганы охотно признают форс-мажорными обстоятельствами, требующими чрезвычайных мер для облегчения человеческих страданий. Аферу Мэдоффа к таковым не отнесли. Вначале мало кто даже задавался вопросом: нет ли среди жертв таких, кто попросту уничтожен этим преступлением, жертв, которым требуется немедленная помощь, потому что им не к кому обратиться, – их родственники так внезапно тоже оказались обездоленными?

Поэтому в фокусе общественного внимания оказались блистательные имена богатейших из жертв, для которых убытки от деятельности Мэдоффа были не более чем конфузом. Преступление Мэдоффа, таким образом, оставило впечатление запоздалого возмездия богатым и алчным, тем, кто помог загнать страну в яму, где она и оказалась в 2008 году. Политики опасались вставать на защиту несчастных жертв, в которых всем мерещились одни лишь незадачливые управляющие хедж-фондами да приятели Мэдоффа по загородному клубу.
Вместо того чтобы сосредоточиться на помощи самым нуждающимся из жертв, они все силы бросили на поиск виновных.

В день ареста Берни Мэдоффа, когда опытный юрист по делам о банкротствах Ирвинг Х. Пикард находился в своем манхэттенском офисе, в отделанном серым камнем небоскребе, возвышавшемся над Мэдисон-сквер-гарден, когда ему позвонил из Вашингтона главный юрист SIPC – Корпорации защиты

инвесторов в ценные бумаги.

«Не согласитесь ли вы стать конкурсным управляющим Мэдоффа, если понадобится?» – спросил юрист.

Ясно, отчего выбрали именно Пикарда: с подачи SIPC он провел больше банкротных ликвидаций, чем любой другой юрист в стране. Он пообещал немедленно выяснить, нет ли у его юридической фирмы конфликта интересов, мешающего ему принять это назначение.

Это было совсем не ко времени. Шестидесятисемилетний Пикард уже одной ногой был за дверью своей юридической фирмы в Ньюарке (штат Нью-Джерси) с отделением на Манхэттене. Он всерьез рассматривал переход в расположенные в Рокфеллер-центре кабинеты Baker & Hostetler, крупной юридической фирмы из Кливленда, расширявшей свое представительство в Нью-Йорке. Его друг и бывший юридический партнер Дэвид Дж. Шиэн, которому тоже было за шестьдесят, уже работал в Baker & Hostetler и звал его туда. Но официально пока ничего не было решено, и два друга планировали обсудить дальнейшее в первые дни нового года.

Вскоре после того, как Пикард, закончив разговор с SIPC, повесил трубку, он сообразил, откуда ветер дует: его фирма долго представляла интересы сенатора от Нью-Джерси Фрэнка Лотенберга – дети сенатора и его семейный фонд были инвесторами, а теперь и жертвами Мэдоффа. Он обсудил потенциальный конфликт интересов со своими партнерами в Ньюарке и полагал, что вопрос улажен: фирма согласна не заниматься исками Лотенберга, чтобы Пикард мог беспрепятственно взяться за дело от имени SIPC.

Вечером, когда Пикард с женой, поужинав в ресторане на Западной Пятьдесят седьмой улице, шли на концерт Бостонского симфонического оркестра в Карнеги-холл, он получил СМС от юриста-партнера: мол, репортеры спрашивают о Лотенберге. Укрывшись от дождя, он перезвонил партнеру и напомнил о конфликте интересов, который создает дело SIPC.

В утренних газетах цитировалось заявление его партнера, сделанное от лица Лотенберга. Значит, Пикарду нужно было выбирать: либо нынешняя юридическая фирма, от которой он отдалялся все больше, либо дело Мэдоффа. Шиэн, с которым SIPC консультировалась насчет кандидатуры конкурсного управляющего, в тот же вечер обсудил это с Пикардом за обедом с женами в уютном бельгийском бистро рядом с Центральным парком.

К полудню воскресенья Шиэн собрал команду партнеров Baker & Hostetler для беседы с Пикардом. Пикарду предложили

работу и заверили, что это предложение остается в силе независимо от того, примет ли он назначение SIPC. Рано утром в понедельник 15 декабря он позвонил в свою юридическую фирму, чтобы заявить о немедленном увольнении, а затем сообщил Шиэну, что принимает предложение Baker & Hostetler.

Когда юристы SIPC после полудня пришли в федеральный суд, чтобы договориться о встрече с Пикардом как с конкурсным управляющим Мэдоффа, он находился на «ничьей земле», в коротком промежутке между прежней работой и будущей. Более чем год спустя его новый кабинет на девятом этаже Рокфеллер-центра с потрясающим видом на окно-розетку собора Св. Патрика (всего через улицу!) выглядел так, будто он только что прибыл и еще не успел разложить вещи.

Пикард и Шиэн за годы совместной работы провели с десяток ликвидаций брокерских форм, но стиль работы был у каждого свой.

Под два метра ростом, с аккуратно подстриженными редеющими волосами, Пикард был чрезвычайно методичный, уравновешенный, всегда тщательно, а порой слишком тщательно подбирал слова, дабы не погрешить против юридической точности в разговоре, и по негласному офисному обычаю одевался в консервативные костюмы. Он вырос в Фолл-Ривер (Массачусетс) и был сыном обеспеченного врача-дерматолога и внуком богатых немецких евреев-иммигрантов. Сперва он собирался стать бухгалтером, но передумал и занялся правом.

После нескольких лет работы корпоративным юристом на Уолл-стрит и пяти лет в Комиссии по ценным бумагам и биржам Пикард стал первым федеральным конкурсным управляющим в нью-йоркском федеральном суде по банкротствам. Эту новую должность Конгресс создал при Министерстве юстиции в ответ на рост мошеннических банкротств. Затем Пикард ушел в частную практику и в 1984 году был впервые нанят SIPC для руководства ликвидацией. С годами ликвидация фирм-банкротов стала одной из его специализаций.

Другой половиной этой странной пары был Дэвид Дж. Шиэн, малорослый, лохматый, подвижный, – воинственный соперник в зале суда и едкий насмешник. Он носил седую бороду, почтальонскую сумку через плечо куртки-парки и «чертовски шикарные» очки в черной оправе.

Шиэн был сыном уборщика в городке Кирни (Нью-Джерси). Он заочно окончил колледж и юридическую школу. Чтобы по призыву не попасть во Вьетнам, он добровольно поступил во флотскую военно-юридическую службу (в звании лейтенанта) и отслужил положенный срок в бруклинском Арсенале.

Его гражданская юридическая практика была эклектичной: от дел об ответственности производителя за качество выпускаемой продукции и битв за торговые марки до работы *pro bono* , на общественных началах, по делам, тянувшим на смертный приговор.

Общим у Пикарда и Шиэна был опыт работы в суде. Если Пикард, по-видимому, прекрасно себя чувствовал в помещениях для переговоров, обсуждая условия мирового соглашения сторон и тонкости судопроизводства – его главный конек, то Шиэн упивался открытой битвой в зале суда и наслаждался интеллектуальными и тактическими задачами сложного судебного процесса. За ним прочно закрепилась слава одного из лучших судебных адвокатов в городе.

С другой стороны, SIPC как учреждение, на которое Пикард и Шиэн будут работать все долгие годы процесса по ликвидации фирмы Мэдоффа, было судном слишком хилым и плохо оснащенным, чтобы доверяться ему в бурных морях, которые им предстояло бороздить.

Задача SIPC, определенная федеральным законом, в соответствии с которым в 1970 году и было учреждено агентство, состояла в том, чтобы требования индивидуального клиента в суде по банкротству непременно удовлетворялись в первую очередь, до претензий таких кредиторов, как владелец сдаваемой в аренду недвижимости или служба уборки, а также в том, чтобы обеспечить фонд для авансовых выплат клиентам, ожидающим рассмотрения своих исковых заявлений в суде. Хотя методика SIPC была лучше прежнего подхода, когда все претензии рассматривали на равных и без выплаты аванса, по существу, эти методы всего лишь приоритет интересов инвесторов в судах по банкротствам. Однако SIPC практически ничего не сделала для ускорения движения очереди ожидающих компенсаций через судебную систему, и в этом будет состоять величайшая трудность жертв Мэдоффа, так как некоторые из них остались без всякого денежного резерва даже для насущных расходов.

Дело Мэдоффа напомнит и о том, что SIPC обеспечивала куда менее действенную «страховочную сетку», чем программы страхования депозитов, созданные для банков, сбережений и займов после Великой депрессии. (Да и странно было бы, если бы Конгресс в 1970 году вознамерился сделать инвестирование в акции таким же надежным, как вложение денег на банковский счет. Акции обеспечивают более высокую, чем банки, отдачу от инвестиций именно потому, что они сопряжены с бóльшим риском.) Несмотря на высказывания некоторых законодателей того времени, лишь немногие в Вашингтоне считали, что SIPC

должна быть «страховкой» против серьезного мошенничества внутри брокерской фирмы – до тех пор, пока не появились жертвы Мэдоффа.

К 2008 году у SIPC накопился свой опыт участия в судебных тяжбах, но, к сожалению, это был не тот опыт, на который хотелось бы опереться, разбираясь с тяжкими последствиями гигантской аферы Мэдоффа. До сих пор, если брокерская фирма терпела крах по чисто финансовым причинам, все соглашались, что роль SIPC состояла в том, чтобы наблюдать за передачей клиентских счетов в более крепкую брокерскую фирму. Если же активы клиентов были украдены нечистым на руку брокером, ясно, что первой линией защиты клиентов служил работодатель этого брокера.

Но что, если сама брокерская фирма потерпела крах в результате систематического мошенничества – скажем, финансовой пирамиды, подобной пирамиде Мэдоффа? К несчастью, за минувшие годы судебные процессы с участием SIPC в делах, связанных с мошенничеством, оставили за собой хвост половинчатых, а подчас и непоследовательных, решений, которые могли смешать боевые порядки защиты задолго до окончания дела Мэдоффа. По большей части эти судебные споры (если не все они) возникали из-за ликвидаций ничтожных брокерских фирм, продающие грошовые акции, – фирм, чьи клиенты либо имели относительно скромные претензии, либо, в некоторых случаях, были не совсем невинными свидетелями. Такой опыт окажется полностью бесполезен в плане подготовки SIPC к колоссальной работе по ликвидации фирмы Мэдоффа.

А еще SIPC славилась, мягко выражаясь, неровным обслуживанием клиентов. Еще в 1992 году Счетная палата США призывала SIPC объяснить инвесторам, на что распространяется деятельность Корпорации защиты инвесторов и на что не распространяется. Но и двенадцать лет спустя Счетная палата по-прежнему критиковала SIPC за слабые связи с общественностью. У SIPC не было даже отдела по связям с общественностью, чтобы общество получало точные и своевременные сведения о ходе громких дел. Наоборот: всякий раз эту задачу Корпорация взваливала на юриста, нанятого вести данное дело, что было попросту глупо, ибо юристы обычно научены ничего не говорить о процессе вне зала суда или кабинета судьи.

По сути, SIPC, подобно множеству людей в Вашингтоне, на Уолл-стрит и на всех Мейн-стрит по всей Америке, просто сузила свое поле зрения относительно возможных нарушений на финансовых рынках. По мере того как фирмы становились профессиональнее, а их капитализация росла, опасность

большого краха стала казаться эфемерной. К 1996 году чрезвычайный фонд SIPC для покрытия авансовых выплат обманутым клиентам достиг миллиарда долларов, превысив, по представлениям Корпорации, все разумные пределы, – когда и зачем ей могут понадобиться такие суммы, учитывая, что за год она разбирала всего несколько мелких дел? И в тот год SIPC сократила долевые взносы участников, заменив процент от дохода каждой фирмы твердой суммой – 150 долларов в год.

Еще в 1992 году Счетная палата предупреждала, что SIPC не готова к колоссальному краху. Но предупреждение не восприняли всерьез ни Конгресс, ни Уолл-стрит, ни Комиссия по ценным бумагам и биржам, ни инвесторы, ни сама SIPC.

Несмотря на все недостатки, SIPC после 1970 года почти не привлекала внимания общества и Конгресса – просто потому, что играла все менее заметную роль в мире Уолл-стрит. Устойчивые рынки и действенные меры регулирования резко сократили число крахов брокерских фирм. В начале 1970-х годов, в первые четыре года своего существования, SIPC ликвидировала 109 фирм, из них несколько известных. С тех пор ее самым хлопотливым годом был 1992-й, когда у нее в производстве было тринадцать дел. За четыре года перед 2008 годом дел было всего пять, в 2007 году – ни одного. В 2008 году крах потерпели три мелкие фирмы, и уж они точно не привлекли к SIPC внимания общественности.

Ситуация начала меняться 15 сентября, когда Lehman Brothers заявила о своей несостоятельности, возвестив о крупнейшем в истории крахе брокерской фирмы. Но поскольку в Lehman и обслуживание клиентов, и инфраструктура учета были в полном порядке, все прошло гладко. Более 135 000 клиентских счетов, на которых было свыше 140 млрд долларов активов, за считаные недели плавно перешли в руки двух других брокерских фирм. Хотя судебные баталии крупных контрагентов Lehman на Уолл-стрит будут продолжаться годами, это массивное банкротство едва ли причинило неудобства розничным клиентам.

А потом грянуло дело Мэдоффа. Фирма Bernard L. Madoff Investment Securities была членом – основателем SIPC, но это еще не означало, что афера Мэдоффа автоматически становится делом SIPC или что его жертвы будут иметь право на ограниченные авансовые выплаты, предлагаемые организацией.

Жертвы явно были не из тех, кого обслуживал легальный оптовый брокерский бизнес Мэдоффа. Клиентами этого бизнеса были такие фирмы, как Fidelity и Merrill Lynch, чьи трейдеры сами принимали решения, что и когда покупать и продавать.

Кроме того, Мэдофф с 2006 года был зарегистрирован в Комиссии по ценным бумагам и биржам в качестве консультанта

по инвестициям. Хотя его клиенты открывали свои инвестиционные счета в соответствии со стандартной для брокерской фирмы процедурой оформления документов, они явно полностью полагались на Мэдоффа, чтобы тот от их имени следовал собственной инвестиционной стратегии. Именно по этой причине Комиссия прежде всего и призвала его зарегистрироваться в качестве консультанта по инвестициям.

В туманном законодательстве о банкротстве брокерских фирм кристально ясным было лишь то, что SIPC не обеспечивает покрытие инвестиционно-консалтингового бизнеса члена своей организации.

В дни после ареста Мэдоффа немногочисленный персонал вашингтонского отделения SIPC ломал голову над определением меры своей ответственности. Решение следовало принять прежде, чем все узнают, что произошло. Совет и персонал SIPC, похоже, быстро пришли к выводу, что отказ отвечать по искам, связанным с аферой Мэдоффа, даже если этот отказ возможно отстоять в суде, стал бы политическим самоубийством.

Единственным официальным бизнесом Мэдоффа была брокерская фирма, защищенная SIPC. Даже зарегистрировавшись консультантом по инвестициям, он не открыл отдельного подразделения для клиентов своих консультаций. Все отчеты о состоянии клиентских счетов печатались на бланках брокерской фирмы. И на этих бланках был крохотный, с божью коровку, логотип, оповещающий, что фирма Мэдоффа состоит в SIPC.

Пока в первые недели после ареста Мэдоффа собирались грозовые тучи, SIPC, эта финансируемая Уолл-стрит организация, просто не имела возможности отвернуться от грандиозной аферы, возникшей в недрах Уолл-стрит. Так что совет и персонал SIPC махнули рукой на формулировки и взялись разбираться с претензиями по афере Мэдоффа.

Затем они сделали еще один благородный жест и постановили, что под действие самых крупных авансовых выплат, предлагаемых SIPC, подпадает всякая юридически обоснованная претензия. По закону авансовые выплаты жертвам, предъявляющим претензию, ограничены суммой в 100 тыс. долларов, а авансовые выплаты по претензиям, связанным с ценными бумагами, могут быть подняты до 500 тыс. долларов. Хотя SIPC и не знала, что должно быть на счетах у Мэдоффа или что там еще оставалось, корпорация решила рассматривать каждую претензию к Мэдоффу как претензию по ценным бумагам, а не по деньгам.

Так что не успело большинство разоренных жертв Мэдоффа прослышать о SIPC, как агентство приняло два решения, которые

за счет собственных средств SIPC многим из этих жертв весьма бы помогли. Эти широкие жесты в грядущих битвах не добудут ей лавров. SIPC столкнется с самыми трудными в своей истории юридическими проблемами, и разгневанные инвесторы Мэдоффа будут требовать ее полного реформирования.

Но на понедельник 15 декабря эти битвы пока еще в будущем. А пока Пикард и Шиэн отправились на слушания, которые судья Луис Л. Стентон ведет на двадцать первом этаже здания федерального суда неподалеку от Фоли-сквер. В пути их сопровождает старший юрист SIPC, а прямо перед слушанием к ним присоединяются юристы Комиссии по ценным бумагам и биржам. Судья Стентон знаком с вопросом: в вечер ареста Мэдоффа он уже после окончания рабочего дня подписал срочный судебный ордер, наделяющий Ли Ричардса полномочиями немедленно взять под контроль деятельность фирмы Мэдоффа в Нью-Йорке и в Лондоне.

На слушаниях Комиссия предложила, чтобы SIPC было позволено объявить о банкротстве брокерской фирмы, зарегистрированной в США, назначив конкурсным управляющим от SIPC Пикарда, а фирму Baker & Hostetler (точнее, армию юристов во главе с Дэвидом Дж. Шиэном) – советником конкурсного управляющего.

В начале пятого судья Стентон подписал ордер, удовлетворяющий запрос Комиссии после внесения Пикардом залога в 250 тыс. долларов.

Ричардс еще несколько дней будет состоять в руководстве лондонским филиалом – до тех пор, пока британские суды не начнут процедуру банкротства. Он управлял делами из «Помады», куда вечером в понедельник после инструктажа в офисе генерального прокурора прибыли Пикард и Шиэн.

Покидая «оперативный центр» в конференц-зале на девятнадцатом этаже, Ричардс провел экскурсию для двух юристов: через впечатляющий зал трейдинга в черно-серых тонах на противоположном конце этажа, потом вниз по закругленной лестнице к тесным кабинетам администрации и, наконец, к сердцу загадки, на семнадцатый этаж. Офисы этого этажа невзрачны и до странного обычны. С их обликом как-то не вяжется гигантский финансовый ущерб и накал порожденных в этих стенах страстей, отголоски которых вот уже пять дней расходятся, как круги по воде. Всего-навсего простые письменные столы, несколько компьютеров да картотек, и ни души. Возвращаясь наверх, Ричардс со смехом вспомнил, что на прошлой неделе Фрэнк Дипаскали был здесь, но «вышел выпить чашку кофе и не вернулся». Затем Ричардс направился в

аэропорт, на рейс в Лондон, а Шиэн и Пикард приступили к работе.

Для этой пары старых друзей ликвидация фирмы Мэдоффа будет возможностью, которая случается раз в жизни, кульминацией их долгих карьер – а еще самым трудным делом из всех, что они провели.

Они и прежде встречались со случаями мошенничества и даже с финансовыми пирамидами. Но с делами такого масштаба – никогда. Список потерь клиентов просто ошеломлял, жертвы были рассеяны по всему земному шару. На месте преступления дежурили агенты ФБР и прокуроры – и местом преступления была сама фирма. Сотрудники, на которых они обычно полагались на этапе сбора информации, сами нанимали адвокатов и помалкивали. Отчетность, которую юристы ожидали обнаружить, найти было невозможно. Зато они обнаружили миллионы страниц каких-то загадочных документов, по большей части старомодных микрофишей, сложенных в тысячи коробок и рассредоточенных по трем разным адресам.

В фирме было более ста служащих, бог знает сколько генеральных кредиторов и минимум четыре тысячи активных клиентских счетов, каждый из которых представлял частное лицо, семью, партнерство, получателей выплат по пенсионному плану, крупный хедж-фонд с тысячами собственных клиентов или государственное учреждение, инвестирующее в пользу всей страны. Некоторые клиенты фирмы были определенно невинны и почти разорены, зато другие были сказочно богаты и, возможно, причастны к преступлению, а Пикард и Шиэн в день своего назначения и понятия не имели, как отделить одних от других.
На бумаге их задача выглядела очень просто: собрать максимум растраченных денег и поделить их между правомочными заявителями под контролем суда по банкротствам. Но дорога, которую для этого должны одолеть Пикард и Шиэн, приведет их к конфликту с более чем половиной клиентов Мэдоффа.

На следующий день, во вторник 16 декабря, разыгралась еще одна юридическая драма – в запруженной людьми комнате манхэттенской федеральной прокуратуры: такие декорации раздосадованные прокуроры выбрали для своей первой конфиденциальной встречи с Берни Мэдоффом и его адвокатами. Некоторые бывшие федеральные обвинители находили эти декорации странными для деликатного обряда под названием «предложение сотрудничества».

Предложение сотрудничества – это ситуация, когда адвокат-защитник предлагает своему клиенту ответить на вопросы стороны обвинения и предоставить важные сведения в обмен на

ограниченный иммунитет, распространяющийся на состоявшийся в этот день разговор. Если сведения обвиняемого ценны, а его желание сотрудничать убедительно, такое предложение может стать первым шагом к заключению своего рода сделки обвиняемого с прокуратурой, в результате которой обвиняемый добровольно признает свою вину и предоставляет обвинителям «дорожную карту» для будущих дел против тех, кто замешан в преступлении.

Атмосфера много значит для любого наполненного эмоциями допроса. Умный прокурор захочет, чтобы с людьми, опрашивающими обвиняемого, тот чувствовал себя непринужденно, без робости, почти как при задушевной беседе. Но в этом «предложении» на такое нельзя было и надеяться. В комнату набилось с десяток людей. Одни сидели за длинным столом в центре, другие на стульях, расставленных вдоль стен, а Мэдоффа все еще не было.

Обвинитель Марк Литт и его начальник Билл Джонсон сидели в центре по одну сторону стола. Вокруг них были агенты ФБР, несколько юристов из Комиссии и кое-кто из SIPC.

Затем, около одиннадцати утра, вошел Мэдофф, сопровождаемый своими адвокатами Айком Соркином, Дэном Хорвицем и Николь Дебелло. Они уселись за стол прямо против Литта и Джонсона.

После формальностей, в основном сводившихся к разъяснению сути соглашения об ограниченном иммунитете, Литт и Джонсон начали опрашивать Мэдоффа, пытаясь его разговорить.

Мэдофф рассказал о том, как начал свой бизнес, как хотел установить связи с обеспеченными еврейскими бизнесменами, чьей дружбы он искал. Он хотел произвести на них впечатление. Тогда, в 1962 году, у него были кое-какие проблемы и, чтобы покрыть некоторые убытки клиентов, он вынужден был занять денег у тестя. Он занимался всеми видами сложного трейдинга, которые всячески старался всем объяснить. Потом он снова попал в беду и начал понемногу обманывать. А потом соскользнул к настоящей финансовой пирамиде. Он снова понадеялся быстро выбраться, но не смог. Пирамида стала слишком велика.

Мэдофф утверждал, что сам запустил финансовую пирамиду. Никто ему не помогал.

«А когда вы брали отпуск? Вы отдавали распоряжения через Фрэнка Дипаскали?»

Мэдофф пожал плечами. Нет, сказал он, осторожность превыше всего. Больше никто не был замешан.

Никто из присутствующих ему не поверил.

Через несколько часов сделали перерыв на ланч. Мэдофф с адвокатами выложили на стол магазинные сэндвичи в коричневой обертке.

Предварительное обсуждение продолжилось. Теперь вопросы задавали все присутствующие, порой невпопад, мешая Мэдоффу отвечать и сбивая с мысли других опрашивающих.

В какой-то момент Мэдоффа спросили, как и когда началась его преступная деятельность, и впоследствии все разошлись во мнениях о том, что именно он ответил, – возможно, потому что никто не уточнил, о каком из преступлений шла речь. Некоторые услышали, что он датирует возникновение своей финансовой пирамиды шестидесятыми годами, когда он потерял деньги клиентов и, чтобы возместить их, был вынужден занять у Сола Альперна. Когда Мэдофф снова потерял деньги (потом никто не вспомнил, сказал ли он, когда именно), то, по его словам, снова идти за помощью к Альперну было невозможно. Так что он начал красть у одного клиента, чтобы заплатить другому.

Потом кто-то из присутствующих доказывал, что первая описанная Мэдоффом афера была не финансовой пирамидой – она, по его утверждениям, началась в начале 1990-х годов, – а скорее фальсификацией доходов от инвестиций, по которым он тогда, в 1960-х, отчитывался своим клиентам.

Так что же это было? Истина – как и всегда с Берни Мэдоффом – существо увертливое. Она шмыгнула прочь из этой комнаты, прежде чем ее смогли поймать и запереть.

Но если истину не смогли запереть, это не значит, что сам Мэдофф мог передвигаться свободно. В прошлый вторник на предварительных слушаниях перед судьей Дугласом Итоном адвокаты Мэдоффа сошлись с обвинителями на поручительском залоге в 10 млн долларов за подписью «четырех финансово ответственных граждан». Теперь, спустя неделю, Мэдофф не мог найти четверых, которые подписали бы поручительскую гарантию, чтобы добиться своего освобождения. Готовность подписать выразили только его жена и брат.

Сыновья Мэдоффа такую возможность и не рассматривали. Даже если бы гнев и горе не заткнули им рот, адвокат не позволил бы им говорить с родителями, чтобы иметь возможность защитить их от любого подозрения в сговоре с отцом и в контактах с ним.

Мэдофф не мог обратиться и к самым близким своим друзьям: они тоже были его жертвами. Даже если бы их адвокаты позволили им откликнуться на призыв, то помощь человеку, который украл столь много у столь многих, оказала бы губительное влияние на степень доверия к ним в предстоящих

судебных битвах.

Так что в среду 17 декабря Литт согласился на компромисс. Решили обойтись без подписей. Вместо этого Мэдофф подвергнется домашнему аресту под электронным наблюдением и отдаст в залог дома́ в Монтоке и Палм-Бич, записанные на имя Рут. Вдобавок Рут сдаст свой паспорт, как сдал его Мэдофф. Судья-магистрат Габриель Горенстайн одобрил новое соглашение без слушаний.

После полудня Мэдофф, небрежно одетый в холщовую бейсболку темно-синего цвета и черную стеганую куртку, вернулся в свою квартиру на Восточной Шестьдесят четвертой после того, как ему приладили электронное следящее устройство. У его адвокатов не было времени принять меры безопасности для поездки домой, так что Мэдофф, подходя к строю телекамер и микрофонов на тротуаре возле своего дома, был один.

Его лицо было как маска, а губы сжаты в ниточку, пока он, окруженный толпой журналистов, не выпускающих его из объективов, упорно продвигался к дверям. Кто-то преградил ему путь, выкрикивая вопросы. Еще кто-то толкнул его в левое плечо. Он попытался удержать грубияна на расстоянии, отступив и вновь рванувшись вперед. Потрясенный, он наконец добрался до вестибюля и скрылся в здании. В ближайшие дни по телевизору снова и снова будут показывать запись этой сцены.

Если обвинители, ошарашенные гневной реакцией публики на освобождение Мэдоффа под залог, искали возможность пересмотреть решение, то сцена, заснятая телекамерой, таковую им предоставила. К утру среды они начали спрашивать адвокатов Мэдоффа, безопасно ли тому оставаться на свободе.

Его адвокаты предприняли попытку сохранить ему свободу без траты активов, которые правительству понадобится отсудить в пользу его жертв. Им удалось договориться о круглосуточной охране, возглавляемой бывшим нью-йоркским полицейским, детективом Ником Казале, и укомплектованной отставными полицейскими.

Когда это было улажено, прокуроры согласились, что Мэдоффа будут круглые сутки содержать в его квартире, выпуская только в суд либо по срочным медицинским показаниям.

В комедийных ток-шоу это тут же назвали «арестом в пентхаусе».

У людей из Комиссии, особенно из нью-йоркского отделения, от ареста Мэдоффа свело животы.

Всего несколько часов понадобилось, чтобы найти в делах следы предыдущих расследований. Некоторые кадры принимали

участие в самых недавних из них и подписали заключение, которое гласило: «Свидетельств мошенничества не выявлено». Они очень недолго могли все же надеяться, что Мэдофф запустил свою гигантскую финансовую пирамиду после того, как было закрыто расследование 2006 года, возбужденное по сигналу от Гарри Маркополоса. Эта неоправданная надежда прожила меньше дня.

«Когда я впервые услышал в новостях о том, что Мэдофф арестован, я не думал, что это меня как-то касается, – вспоминал руководитель проверки, проводившейся в 2006 году. – Я думал, что он еще что-то натворил, и только на следующий день сообразил, что это все та же история».

Реакция Гарри Маркополоса на новость об аресте была весьма характерной. По его собственным словам, он вооружился дробовиком на тот случай, если инспекторы Комиссии нападут с оружием на его дом, изымут компьютер и уничтожат документы, чтобы спасти себя от публичного унижения. Но, перейдя к более практическим мерам, он заготовил копии обширной документации для журналистов из The Wall Street Journal. Во вторник 16 декабря из журнала позвонили в вашингтонский офис Комиссии с вопросами насчет сигналов Маркополоса.

Поздним вечером этого для председатель Комиссии Кристофер Кокс явился с совещания, растянувшегося на весь день, и составил пресс-релиз о деле Мэдоффа. По его словам, следователи Комиссии сотрудничают с правоохранительными органами, изучая «большой объем» информации, которая указывает на «запутанные ходы, предпринятые мистером Мэдоффом для обмана инвесторов, общества и регуляторов».

Упоминание о преступной изобретательности Мэдоффа – не более чем неуклюжая попытка сохранить лицо, перечеркнутая следующим откровением того же Кокса: «Нами установлено, что начиная по меньшей мере с 1999 года сотрудникам Комиссии неоднократно поступали тревожные и обоснованные сигналы по поводу финансовых нарушений мистера Мэдоффа, однако ни одному из них не был дан ход… Я глубоко обеспокоен очевидной неспособностью Комиссии на протяжении последних десяти лет должным образом расследовать эти жалобы».

Кокс лично обратился к известному своей хваткой генеральному инспектору Комиссии Х. Дэвиду Котцу с приказом начать независимое расследование провалов. Он также приказал отстранить от расследования всех сотрудников Комиссии, которые имели «реальные связи с мистером Мэдоффом или его семьей».

Заявление Кокса отозвалось скорбным гулким звуком:

грозное когда-то агентство стукнулось о дно. Комиссия, которая годами держалась на плаву благодаря своей былой славе, уперлась в твердокаменные последствия десятилетней небрежности и отлынивания. Кокс и сам поддерживал множество дерегулирующих мер и бюджетных приоритетов – в ущерб эффективности руководства и уровню профессионализма, – что немало способствовало печальному итогу. Проколов у Комиссии и без Мэдоффа было предостаточно.

В тот год, только раньше, репутация Комиссии изрядно пострадала из-за неумелого надзора за крупными инвестиционными банками и другими регулируемыми финансовыми институтами, которые потерпели банкротство или наделали глупостей, включая Bear Stearns и Lehman Brothers. Особенно беспомощной Комиссия выглядела в разгар всебщей паники после падения Lehman Brothers, когда Кокса постоянно отодвигали на задний план во время пресс-конференций, где царили министр финансов Генри Полсон и председатель Федерального резерва Бен Бернанке. Теперь уже всем стало ясно, что Комиссия с треском провалила свою основную задачу – защиту инвестора. Это не укладывалось в голове. Прозевать аферу Мэдоффа, несмотря на «обоснованные» сигналы и предупреждения, поступавшие годами! Такого провала Комиссия по ценным бумагам и биржам не знала за все семьдесят пять лет своего существования.

Однако Кокс проводил в своей должности последние дни. Вновь избранный президент Барак Обама собирался на днях объявить о намерении назначить преемницей Кокса на посту председателя Комиссии Мэри Шапиро. Маленькая, стройная, со светлыми волосами, приветливая и мягкая в обращении, Мэри Шапиро с 1996 года была президентом саморегулируемого агентства FINRA, которое отпочковалось от NASD. Ко времени ее назначения в FINRA Берни Мэдофф отошел от активной деятельности в этой организации, и за время пребывания в должности она встречалась с ним всего несколько раз. Они не виделись по нескольку лет. Шапиро не знала, что Мэдофф ворочает инвестициями огромного масштаба, да и зачем бы ей знать, если управляющие хедж-фондами или консультанты по инвестициям не были подведомственны ни NASD, ни FINRA? Не обратила она внимания и на статьи о загадочной инвестиционной удачливости Мэдоффа, опубликованные в 2001 году.

Когда впервые прозвучало известие об афере Мэдоффа, Шапиро собирала вещи в вашингтонском отделении FINRA. Ее поглотили заботы, связанные с процедурой назначения на новый ответственный пост: финансовые декларации, анкеты ФБР,

подготовка к слушаниям об утверждении в должности. В один прекрасный день она, не отрываясь от дел, включила телевизор у себя в кабинете и тут услышала сообщение об аресте. Она была потрясена. Но, подобно прокурорам, которые согласились на освобождение Мэдоффа под залог, она не сразу осознала, какие бедствия уготовал Мэдофф своим инвесторам – и агентству, которое она согласилась возглавить.

В среду 17 декабря после обескураживающего признания Кокса Обама объявил о назначении Шапиро. Но она приступила к исполнению обязанностей только через месяц с лишним: до инаугурации Обамы Сенат не мог утвердить ее в должности. Так что ей оставалось лишь наблюдать за тем, как Кокс и его соратники из руководства Комиссии пытаются справиться с ситуацией в первые дни сокрушительного скандала.

Она понимала, что от Комиссии потребуются ответные меры, если она хочет убедить общество в том, что сумеет вновь наладить компетентное и действенное регулирование рынка, – в противном случае она просто прекратит свое существование.

В сочельник, оставшись в пентхаусе одни, Берни и Рут Мэдофф разбирали личные ценности. С годами у них скопилось немало прелестных вещиц: пара старинных бриллиантовых серег начала XIX века, изящные эдвардианские браслеты и серьги с черным ониксом, изумрудами и бриллиантами, десятки новых и классических наручных часов и замечательная барочная нитка из трехсот двадцати жемчужин, которую можно было разобрать на части и сделать колье, браслеты и ожерелья.

Мэдофф, разумеется, знал, что большинство его ценностей, если не все, были куплены на краденые деньги. Более того, на следующий после своего ареста день он согласился на пожелание суда заморозить все его активы. Право суда арестовать драгоценности Рут было не столь очевидно: ведь ее не обвинили в преступлении и не предложили добровольно заморозить имущество, хотя она сделала бы это в считаные дни. Но, вне зависимости от юридических нюансов, они оба не заблуждались насчет того, что драгоценности Рут, как и окружающие их стены, мебель, сами стулья, на которых они сидели, а также пальто и обувь в шкафу – все это вскоре будет арестовано в пользу жертв Берни.

И все же пентхаус, мебель и одежда пока еще были на месте – только протяни руку. После почти сюрреалистической драмы прошлых двух недель ценности, как и весь комфортабельный мир внутри пентхауса, все еще как будто оставались в их распоряжении.

Рут собрала четыре бриллиантовые броши, алмазное

ожерелье, кольцо с изумрудом, ожерелье из нефрита и еще несколько красивых вещиц. Берни выбрал два комплекта запонок (один из них – не имеющий большой цены подарок от внучки), несколько дорогих перьевых авторучек, более десятка экземпляров из своей обожаемой коллекции наручных часов – некоторые были украшены алмазами или заключены в корпус из платины, золота или серебра.

Они тщательно все это упаковали, сложили пакетики в аккуратную стопку и снабдили их записочками со словами любви и раскаяния. В тот же день Рут отослала их почтой своим сыновьям и невестке, сестре и зятю, брату Берни Питеру и его жене, а также кое-кому из близких друзей.

Через несколько дней один из сыновей Мэдоффа известил прокуратуру о получении ценных подарков и вернул их в распоряжение конкурсного управляющего. Опрометчивое решение разослать к празднику подарки даст Марку Литту дополнительные основания утверждать, что Берни Мэдоффу доверять нельзя – нельзя выпускать его из-под стражи.

Через неделю Рут на встрече с одним из адвокатов мужа сама упомянула подарки, которые они с Берни разослали перед Рождеством. Адвокат тотчас же предупредил ее, что нужно постараться забрать все назад, и немедленно. Она сразу же разослала сыновьям электронные письма с просьбой вернуть подарки.

Ответа не было.

12. Подсчитывая ущерб

Как всегда и бывает при личном разорении, они в подробностях помнили, где были и что делали, когда узнали, что разорены.

Управляющего недвижимостью из Миннесоты Тима Мюррея, чья семья первой инвестировала в Мэдоффа через Майка Энглера, новость застала в пути, за рулем автомобиля, и он чуть не съехал в кювет, услышав об аресте Мэдоффа. Сперва он решил, что это очередные слухи, распускаемые завистниками, и нужно спокойно ждать, когда их, как это всегда и бывало, расследуют и опровергнут. Учитывая положение Мэдоффа на Уолл-стрит, он сказал: «Так я и поверю, что его арестовали! Хотите сказать, он как-то раз с утра встал и что-то натворил? Это вряд ли». И тем не менее Мэдофф был под арестом, а все деньги, которые доверили ему Мюррей и его семья, пропали.

Одна женщина – инвестор во втором поколении – была в парикмахерской, когда сестра позвонила ей с известием, что «все испарилось». Осознать, что ее престарелые родители вмиг потеряли все, «было тяжким ударом».

Светло-серый свиток выполз из факса Мэри Томаджан через день после ее возвращения из поездки в Индию в поисках духовного просветления. Она ждала выписки со счета, подтверждающей, что у нее есть деньги на воплощение ее мечты обосноваться в Санта-Фе (штат Нью-Мексико). Факс пришел из небольшого фонда, которому она уже восемнадцать лет доверяла свои накопления. В бумаге говорилось, что все ее деньги были инвестированы в Мэдоффа, а он арестован. «За 50 секунд, пока я читала факс, я из мультимиллионера стала неудачником – сбережения всей жизни уничтожены, привычная жизнь изменилась навсегда».

Эллен Бернфелд, автор и исполнитель песен, мечтающая о карьере писателя, завтракала с друзьями, когда раздался «телефонный звонок, разбивший жизнь и изменивший мой мир». Она печально размышляла: «Моего отца уже нет, и он не узнает об этой ужасной катастрофе и не почувствует ее последствий, но моя мать и узнает, и почувствует, а она дитя Великой депрессии, так что это для нее возвращение худшего из кошмаров».

Сын Роберта Хейлио позвонил ему с печальным известием в дом престарелых в Рока-Бартоне. «Я чуть не рухнул на месте, – вспоминал он. – Не мог перевести дыхание и подумал, что у меня сердечный приступ. Я был в полном шоке». Все сбережения, обналиченные суммы страховых полисов – 95 % состояния его

жены! – были доверены Мэдоффу и теперь пропали безвозвратно. Его жена Стефани как раз с подругой, которая тоже была инвестором Мэдоффа, входила в кинотеатр, когда подруге позвонили с той же страшной вестью. Минутой позже ей позвонил муж. «Я надеялась, что все это ужасная ошибка», – вспоминала она.

Одна дама-инвестор с мужем были в кабинете ортопеда в Нью-Йорке, где ей делали укол кортизона от болей в бедре. Ее мужу позвонили на мобильный в тот момент, когда она натягивала джинсы. Супруг был в шоке. Почти в истерике. Ей пришлось срочно усадить его в автомобиль и отвезти домой, в пригород Нью-Джерси. «Пропало все, что он заработал за всю жизнь, – фьюить, и нет ничего!» Когда они наконец вошли в дом, рассказывала она, «я пошла в ванную и меня стошнило».

Стивен Нортон из Форт-Лодердейла неторопливо ехал домой с заупокойной службы по брату своего партнера. С голосовым сообщением от его брокера пришло известие о том, что исчезли его пенсионные сбережения. Затем Нортон позвонил с той же ужасной новостью в Майами вдове умершего. Только что потерявшая мужа (тоже инвестора Мэдоффа), женщина теперь потеряла все, что он накопил, чтобы содержать ее в довольстве.

Кейт Каролейн услышала весть об аресте Мэдоффа, когда ее муж Гордон Беннетт разбудил ее со словами: «Кейт, мы только что лишились дома». Беннетт в 1988 году продал свой успешный бизнес, связанный с натурпродуктами, чтобы посвятить свое время и деньги делу защиты окружающей среды и, рассчитывая на сбережения, которые все были вложены в Мэдоффа, они с Кейт трудились над новым, наполовину законченным домом поблизости от великолепного заповедника в Понт-Рейес, к северу от Сан-Франциско. Вначале она решила, что муж шутит. «Кейт, говорю тебе – Мэдофф арестован за аферу с ценными бумагами», – повторил он.

Еще одна жертва с весьма скромными средствами сказала, что почувствовала себя, как если бы вдруг выпустила из рук бесценный талисман. Знать, что ее деньги вложены в Мэдоффа, было как «ухватить за хвост жар-птицу, – говорила она. – Как будто у тебя в руках волшебная палочка… У нас была все равно что страховочная сетка, а теперь ее нет».

Телефоны звонили неистово. Племянницы звонили теткам, дочери отцам, внуки бабушкам, старые друзья – друзьям: «Берни Мэдоффа только что арестовали!» И с этим арестом их мир менялся навсегда.

Беда, постигшая десятки тысяч жертв Мэдоффа по всему миру, во всей их трагичности предстала изумленным взорам

общества во вторник 23 декабря 2008 года.

Француза-аристократа, финансиста-комиссионера Рене-Тьерри Магона де ла Вилльюше, одного из учредителей Access International, непосредственно предупреждали о Мэдоффе. Одно такое предупреждение весной 2006 года исходило от аналитика хедж-фонда, которого он с партнерами нанял, но которому не внял. Другое вроде бы поступило от Гарри Маркополоса, который в своих мемуарах вспоминает, как ездил с французом по Европе с предложениями о продаже созданного им нового финансового инструмента. По словам Маркополоса, он сделал предупреждение еще до поездки, но француз «не желал ничему верить» и с ходу отверг возможность мошенничества. Маркополос заявляет, что де ла Вилльюше проигнорировал его призыв изложить его, Маркополоса, доводы руководителю аналитических исследований Access International.

Когда 11 декабря пришло известие, что Мэдофф арестован, потерявшие дар речи сотрудники офиса Access International на Мэдисон-авеню молча сгрудились вокруг телевизора в кабинете своего босса. «Это были бесконечные минуты, – вспоминал один из сотрудников. – Карточный домик рушился из-за единственного новостного выпуска Си-эн-би-си».

Шестидесятипятилетний де ла Вилльюше все дни после ареста Мэдоффа проводил в лихорадочных консультациях с партнерами и юристами о судьбе доли своих фондов, вложенных в Мэдоффа, – всего примерно 1,6 млрд долларов, включая 50 млн долларов его собственных средств. Тогда казалось, что нет никаких надежд возместить хоть что-нибудь. «Полный кошмар», – сказал он преданному клиенту из Парижа в телефонном разговоре в понедельник 22 декабря.

В тот же день де ла Вилльюше спокойно попросил своего молодого помощника купить канцелярский нож, зачем-то ему понадобившийся.

– Оставь у меня на столе, – сказал он.

В конце рабочего дня он попросил молодого человека одолжить ему ключ от кабинета, сказав, что засидится допоздна и сам запрет кабинет. Он позвонил жене и предупредил ее, что у него приглашение на поздний ужин, а потом поторопил уборщиков, чтобы те управились к семи часам вечера. И запер за собой дверь.

Корзину для мусора он поставил так, чтобы не очень запачкать ковер, полоснул себя по запястью и по плечу, истек кровью и умер.

Ирвинг Пикард не был поэтической натурой. Если бы ему сказали, что судебная драма вокруг банкротства брокерской

фирмы, конкурсным управляющим которой он назначен, была героическим путешествием в хаос или мифическим поиском утраченного сокровища, он лишь поднял бы брови. На рациональном уровне, единственном, на котором он предпочитал действовать, это было обычное дело о банкротстве, рассматриваемое по Закону о защите инвесторов в ценные бумаги, – самое крупное, самое печальное, самое тяжкое, самое бурное и, вероятно, самое долгое дело, которое когда-либо рассматривалось судом по этому закону. И все же это было самое обычное дело о банкротстве.

То есть одно из 10 629 дел, рассмотренных десятью федеральными судьями Манхэттена по банкротствам. Этот список включал дело гиганта Lehman Brothers, и скоро в нем будут значиться банкротства Chrysler и General Motors. Всякое дело о банкротстве, знаменующее смерть делового предприятия, движется мерным шагом похоронного марша. Оно не мчится галопом, не срывается с места в карьер и не срезает углы на поворотах.

В типичном деле о банкротстве такой погребальный темп раздражает, но его терпят. Должника реорганизуют либо провалившийся бизнес полностью ликвидируют, и работы хватает, а банки, поставщики и другие опытные кредиторы знают, чего ожидать. Но в этом банкротстве множество кредиторов были отчаявшимися жертвами преступления, потерявшими все в крупной афере, и некоторые из них полагались на деньги из имущества должника, чтобы уплатить следующий взнос по ипотечному кредиту за жилье или купить лекарства на следующий месяц. Фразу «отсроченное правосудие есть отказ в правосудии» можно считать юридическим афоризмом, а в переводе на обыденный язык это значит, что пройдет много времени, пока свершится правосудие в деле о сложной ликвидации, проводимой SIPC в ходе длительного уголовного расследования аферы, которая расползлась по всему миру и нанесла удар миллионам людей.

Способ, каким Мэдофф организовывал свою аферу, умножил трудности SIPC, создав узел болезненных вопросов, на распутывание которого уйдут долгие годы.

Для начала необходимо было ответить на вопрос, кого считать «клиентом», подлежащим защите SIPC. Считать ли клиентами Мэдоффа только фидер-фонды вроде Fairfield Sentry и Ascot Partners Эзры Меркина, названия которых значились на отчетах о состоянии счетов? Или разнообразных инвесторов в эти донорские фонды определять как отдельных клиентов? В долгосрочной перспективе это, возможно, и не имело значения,

ведь любые возвращенные активы попадут в правильные руки, прямо или после прохождения через фонды-«доноры». Но в ближайшей перспективе ответ определялся тем, получит ли «донорский» фонд от SIPC аванс в 500 тыс. долларов, чтобы поделить его между своими инвесторами, или право на такой же аванс будет иметь каждый из инвесторов.

Второй, и, вероятно, куда более важный, вопрос – величина убытка, который могут объявить соответствующие клиенты. Считать ли убытком сумму, показанную в последней выписке со счета, полученной за несколько недель до ареста Мэдоффа? Или сумму, первоначально выложенную клиентом из его собственного кармана, без добавления фиктивных прибылей? Если на счете жертвы оставались значительные деньги, но первоначально вложенная сумма была уже снята со счета в форме «прибылей», позволять ли такому клиенту участвовать в дележе активов, которые сумеет вернуть Пикард? Или каждый цент, который вернет конкурсный управляющий, лучше оставить для тех, кто к моменту краха аферы не вернул себе всей первоначально вложенной суммы?

И что делать с жертвами, которые сняли со своих счетов на миллионы долларов больше, чем вложили, считая, что забирают свои законные прибыли? Может ли конкурсный управляющий предъявить судебный иск, чтобы вернуть эти деньги? А если да, то будет ли его решение основано на том, сколько денег они забрали? Или сколько оставили на счете? Или, скажем, на том, сколько им могло быть известно о том, что делал Мэдофф?

Чтобы ответить на все эти вопросы, кому-то придется выступить в роли царя Соломона, и любой ответ разгневает одних – и обездолит других. И, как в библейском прецеденте, для «справедливого решения» потребуется не только знание законов, но и знание человеческого сердца. Небезупречно проведенный поиск ответов на эти вопросы больше чем на два года затормозит ликвидацию фирмы Мэдоффа и причинит новые страдания всем причастным.

Пикард и Шиэн полагали, что применительно к финансовой пирамиде закон ясен: жертвы могут получить только те суммы, что вложили сами, а не фиктивные прибыли, якобы произведенные аферой. Их точку зрения разделяли юристы SIPC, руководство Комиссии по ценным бумагам и биржам и множество юристов по делам о банкротстве.

Ее поддерживали и постановления, принятые к тому времени по итогам дела хедж-фонда Bayou, финансовой пирамиды, крах которой в середине 2005 года чуть не положил конец афере Мэдоффа. Еще в 2007 году судья постановил по делу Bayou, что,

если жертва сняла со счета сумму, превышающую его первоначальное вложение, эти фиктивные прибыли следует вернуть в активы. Почти всем инвесторам фонда Bayou, которые снимали деньги в течение шести лет до краха (срок исковой давности нью-йоркского Закона о защите кредиторов), было приказано вернуть фиктивные прибыли.

Но, приняв эту точку зрения применительно к тому, как подсчитывать убытки величайшей финансовой пирамиды мира, Пикард и Шиэн стали благодетелями одних жертв Мэдоффа (которые вообще не изымали вложенных денег либо сняли совсем немного) и люто поносимыми врагами других (вернувших первоначальные вложения и, возможно, изъявших много более).

Противостоявшие Пикарду инвесторы Мэдоффа вскоре будут утверждать, что Bayou – это совсем другое, потому что SIPC его делом не занималась, и что SIPC обязана уважать «законные ожидания» клиентов, отраженные в последних перед крахом аферы отчетах по счетам. Они считали, что все прочее попросту незаконно.

Вскоре для некоторых из них непреложной истиной стало то, что Пикард и Шиэн намеренно и бессердечно нарушают закон, чтобы за счет тысяч разоренных жертв Мэдоффа встать на защиту SIPC. И, по их мнению, всякий, кто доказывал иное, тем самым переходил в стан врага.

Чуть позже половины третьего дня в понедельник 5 января 2009 года судья-магистрат Рональд Эллис, чуть подавшись вперед, сказал: «Мистер Литт, не напомните ли нам, для чего мы здесь находимся».

Федеральный обвинитель Марк Литт находился здесь, чтобы еще раз попытаться посадить Берни Мэдоффа под арест.

К тому времени возмущение в адрес Мэдоффа и его семьи превратилось в непрерывные громовые раскаты. Сыновья Мэдоффа не могли выйти из дому без того, чтобы за ними не увязались фотографы. Шейна Мэдофф и ее муж Эрик Суонсон, в прошлом юрист Комиссии по ценным бумагам и биржам, ожидавшие первенца, оказались под пристальным вниманием после того, как The Wall Street Journal опубликовал статью, намекающую на то, что их роман мог помочь отвести внимание Комиссии от тайной аферы ее дяди.

Что до Рут Мэдофф, то городские таблоиды и злобная трескотня в Интернете выставляли ее чуть ли не новой Марией-Антуанеттой, избалованной транжиркой и, вернее всего, прямой соучастницей своего мужа-преступника. Она не могла выйти из квартиры за продуктами без сопровождения следующих по пятам папарацци. Пристальное внимание недовольных к Мэдоффу и его

семье достигло апогея.

На слушаниях в суде Литт сделал все возможное, чтобы убедить судью Эллиса изменить прежнее решение об освобождении Мэдоффа. Но он воевал с основным принципом права – презумпцией невиновности обвиняемого. Даже в случае признания обвиняемым своей вины в глазах закона он по-прежнему считается невинным, и бремя обвинителя – доказать его вину при отсутствии обоснованного сомнения. В силу этой презумпции все обвиняемые имеют право на освобождение под залог, если только они не представляют опасности для общества или для самих себя и если не существует вероятности их побега.

Литт доказывал, что с тех пор, как коллега магистрата судья Итон 11 декабря впервые одобрил освобождение Мэдоффа под залог, обстоятельства изменились. Правительственное расследование продвинулось вперед и подтвердило экстраординарный масштаб преступления. Мэдоффу предстоит «очень, очень долгий» срок заключения, продолжал Литт вкрадчивым учительским голосом. «С учетом возраста обвиняемого, срока вероятного приговора, весомости доказательств против обвиняемого, включая его собственные признания, – налицо явная опасность побега».

Судья Эллис мягко указал, что все эти факты были известны государственному обвинению, когда оно совсем недавно согласилось с условиями освобождения Мэдоффа под залог, получившими одобрение судьи Горенстайна (через неделю после ареста Мэдоффа). К тому же Мэдофф уже сдал свой паспорт. Так что же изменилось фактически?

Изменилось то, объяснил Литт, что вечером сочельника Мэдоффы разослали посылки с ценными праздничными подарками своей семье и друзьям вопреки решению о замораживании активов, вынесенному на предварительном слушании по иску Комиссии по ценным бумагам и биржам. Хотя разосланные вещи были быстро возвращены, сам эпизод служит доказательством того, что Мэдофф «неспособен соблюдать ограничения, наложенные судом».

Когда настала очередь возражений Айка Соркина, он указал, что Литт даже теперь не утверждает, что Мэдофф нарушил какое-либо из условий освобождения под залог. Скорее, сказал Соркин, Литт недоволен тем, что Мэдофф нарушил приказ о замораживании активов, наложенный другим судьей по другому делу, а к личным средствам Рут замораживание и вовсе не применялось.

Что же за нарушение допустил Мэдофф? Отослал то, что «правильнее всего описать как фамильные ценности», – сказал

Соркин. Да, некоторые вещи имеют материальную ценность, но другие – ценность по большей части сентиментальную: какие-то перчатки, какие-то запонки. Он обрисовал инцидент как невинную ошибку, вызванную желанием Мэдоффа сделать жест примирения, протянуть руку своим отдалившимся сыновьям, брату, друзьям.

В суде Литт всегда скрывал свой гнев, но тут он не выдержал: «Обвинение здесь не из-за каких-то перчаток и запонок! – И продолжал, уже спокойно: – Мы здесь из-за очень дорогих часов стоимостью в сотни тысяч долларов, а возможно, и миллионы, и других драгоценностей». Обвиняемый нарушил приказ суда, разослав эти подарки, и «в этом состоит изменение обстоятельств. Именно это привело нас сюда».

И вновь Литту не удалось убедить суд в том, что до процесса Мэдофф должен находиться в тюрьме. Судья Эллис постановил, что обвиняемый может оставаться на свободе под залогом, будучи круглосуточно ограничен пределами своей квартиры в пентхаусе.

Через месяц в другом суде с другими полномочиями председательствовал судья Бертон Р. Лифланд.

Лифланд, один из судей-ветеранов манхэттенского федерального суда по банкротствам, надзиравший за ликвидацией активов Мэдоффа, был еще и докой в сложной системе взаимосвязи между американскими законами о банкротстве и нормами, применяемыми за границей. Когда речь зашла о деле Мэдоффа, охватившем весь земной шар, стало ясно, что у семи нянек дитя без глазу.

После получения конфиденциального отчета бухгалтеров, ликвидировавших фирму Мэдоффа по законам Британии, расследованием дочерней структуры Мэдоффа в Британии занялось лондонское Бюро по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах. Но управляющий конкурсной массой Ли Ричардс III, которого Комиссия по ценным бумагам и биржам поставила во главе лондонской «дочки», так и не дождался от лондонских ликвидаторов сотрудничества, на которое надеялся. Тем временем собственные расследования против Мэдоффа завели несколько других европейских стран. Французская прокуратура открыла предварительное следствие и с надеждой поглядывала на собственность Мэдоффа во Франции как на источник компенсации для его местных жертв: таунхаус, яхта за 7 млн долларов и слип, у которого она была ошвартована, за 1,5 млн долларов. Испанские регуляторы изучали убытки фондов Optimal. Австрийские чиновники начали чрезвычайную инспекцию Bank Medici. Ирвинг Пикард уже испросил разрешения судьи Лифланда нанять британского юриста-консультанта и

готовил запросы на дополнительную правовую помощь в еще нескольких странах.

Да и в самой Америке наметились ведомственные конфликты. Дэвид Шиэн сцепился с федеральными прокурорами из-за повесток с вызовом в суд – Шиэн намеревался разослать их десяткам лиц, к которым прокуроры пока не желали его подпускать. Кое-какое конфискованное имущество Мэдоффа, намеченное Пикардом к продаже в пользу жертв, зарезервировали для продажи Службой судебных приставов, а эта служба, в отличие от SIPC, вычла бы собственные расходы из сумм, предназначенных для жертв, что взбесило Пикарда и Шиэна. Кроме того, Комиссия по ценным бумагам и биржам пыталась расследовать дело Мэдоффа в то время, как сама находилась под расследованием собственного генерального контролера.

Поэтому в среду 4 февраля после очередного слушания по делу судья Лифланд подал Пикарду и Шиэну знак остаться.

«Кажется, дела идут чуть медленнее, чем хотелось бы. По крайней мере, так это видится публике, – мягко предупредил он их. – Я и правда не знаю, что происходит за кулисами».

Но «обязанность вернуть как можно больше средств возложили на столько агентов, агентств и правительственных подразделений», и Лифланд начинал ощущать, что «агентства работают недружно».

Он добавил: «Я хочу сказать, что выход для всех сторон в том, чтобы работать в согласии, а не в разладе».

В его словах не было оптимизма, и не без причин. Разлад явно побеждал. Лучший тому пример имел место в тот же самый день в Вашингтоне, округ Колумбия, где Финансовый комитет Конгресса проводил свои вторые в этом году публичные слушания по скандалу Мэдоффа.

Жертвы Мэдоффа надеялись найти справедливость в Конгрессе, но для искавших непосредственной практической помощи или быстрых изменений законодательства не найдется никаких решений. Однако Конгресс жаждал угодить тем, кто требовал привлечь к ответственности Комиссию по ценным бумагам и биржам за ее катастрофический провал. В этот день свидетелем-звездой был Гарри Маркополос, дотоле игнорируемый частный осведомитель из Бостона. Его свидетельские показания были приправлены крепкими словцами и заряжены праведным негодованием против Комиссии. Это негодование с зеркальной точностью отражало гнев бессчисленных жертв Мэдоффа.

«Отступничество – не просто красивое слово, для Комиссии оно стало руководством к действию, – заявил он. – Комиссия – это

три с половиной тысячи безмозглых куриц, которым велено ловить лис. Берни Мэдоффу, как и множеству других аферистов по ценным бумагам, пришлось сдаться самому, потому что куры-дуры не сумели его поймать, даже когда их ткнули носом и показали, куда смотреть».

А сколько было выкрутасов в стиле шпионского триллера!

«Чтобы минимизировать риск раскрытия нашей деятельности и потенциальную угрозу для меня и моей команды, я подавал доклады в Комиссию анонимно, – рассказывал Маркополос членам Комитета. – Мы с моей командой исходили из того, что, если Мэдофф получает сведения о нашей деятельности, он может почуять угрозу и попытается нас задушить».

Раз Мэдоффу грозит пожизненное заключение, утверждал Маркополос, «то ему нечего больше терять» и он может запросто убрать свидетелей обвинения. И добавил: «Все эти девять лет каждый из нас боялся за свою жизнь всюду, где бы ни находился».

Эти драматические разоблачения удлинили список не заданных Маркополосу вопросов: если он убежден, что Мэдофф опасный уголовник, отчего не сообщил о нем уголовным правоохранительным органам? Отчего сигналы о мошеннике и потенциальном убийце он упорно посылал в гражданское ведомство, и всегда в одно и то же? И если бостонское отделение Комиссии считало Маркополоса источником, заслуживающим доверия, разве не могло оно поручиться за него перед нью-йоркским отделением ФБР или Министерством юстиции, а не только перед Комиссией по ценным бумагам и биржам? Он так и не помог решить эти загадки.

Несколько членов Конгресса слегка смутились, особенно когда Маркополос описал, как он надевал латексные перчатки, чтобы подготовить к анонимной пересылке те сведения, которые он так безуспешно пытался всучить Элиоту Спитцеру (в то время генеральному прокурору штата Нью-Йорк) в ходе его визита в Гарвардский университет (Бостон) с лекцией. Никто не задал сам собой напрашивающийся вопрос: отчего было просто не послать ему доклад по почте?

Впрочем, Маркополоса в основном хвалили, ему аплодировали. После чего началась публичная порка Комиссии.

В качестве свидетелей в Конгресс вызвали группу регуляторов, возглавляемую директором отдела Комиссии по правоприменению Линдой Чатмен Томсен. Похоже, люди из Комиссии очень смутно представляли себе, зачем их вызвали: они явились, вооруженные лишь юридическими терминами да туманными намеками на привилегию исполнительной власти не предоставлять суду или законодательному органу

конфиденциальной информации.

Финансовый комитет Конгресса не желал и слышать о том, что текущее уголовное следствие и внутреннее расследование генерального инспектора Комиссии делают юридически невозможным оглашение свидетелями многих обстоятельств, хотя в этом свидетели, вероятно, не покривили душой. Члены комитета обстреливали команду Комиссии наводящими вопросами и все больше сердились на уклончивые ответы. Оскорбления, которыми сыпали конгрессмены, красноречиво указывали на их враждебный настрой.

Самое безапелляционное высказывание раздалось из уст конгрессмена-демократа из Нью-Йорка Гэри Л. Акермана: «Мы считали, что враг – мистер Мэдофф, – заявил он выстроившимся перед ним чиновникам Комиссии. – Но я думаю, что враги – это вы все».

В тот же день вновь назначенный председатель Комиссии Мэри Шапиро послала председателю комитета и конгрессмену-республиканцу одного с ним ранга извинительное письмо, пообещав в дальнейшем работать с ними коллегиально.

Но дело было сделано. В свете финансового кризиса сентября 2008 года Конгресс вынес на рассмотрение масштабную реформу регулирования. Провал Комиссии в деле Мэдоффа мог перечеркнуть все достижения, способные оправдать ее независимое существование. И в этом смысле явно прозвучавшие на слушаниях в Конгрессе презрение и досада ничего хорошего не предвещали.

Ирвингу Пикарду с его попытками ускорить рассмотрение исков по убыткам требовалось найти как можно больше инвесторов Мэдоффа и как можно скорее. SIPC уже открыла веб-сайт и горячую линию, и теперь Пикард решил действовать с опережением и искать жертв самолично, а не ждать, когда те к нему явятся. 6 февраля он поручил своим судебным консультантам зарегистрировать и представить в суде по банкротствам открытый для всех документ из тринадцати тысяч имен, обнаруженных в архивах Мэдоффа, в отчетах о состоянии клиентских счетов. В качестве официального документа этот список был доступен всем желающим и вскоре появился в Сети.

«Список Мэдоффа» немедленно стал мировой сенсацией, реестром обманутых звезд и титанов, а также обычных людей, имеющих – или имевших когда-то – счета у Мэдоффа. В Англии газета The Guardian отвела ему важнейшее место. The Wall Street Journal построил карту географической концентрации жертв. New York Times создала онлайновую базу данных с поиском по именам, городу, штату и почтовому индексу. База тут же

привлекла невероятное число посетителей. Практически во всех региональных изданиях страны, если не мира, появился очерк о местных жителях, чьи имена значились в «списке Мэдоффа». Некоторые клиентские счета были активны, другие – нет. Некоторые люди из списка утверждали, что никогда не инвестировали в Мэдоффа, а другие признали, что инвестировали.

В числе неожиданностей, обнаружившихся в списке, были имена покойных родителей Айка Соркина, Натана и Розали Соркин из Бока-Ратон (Флорида). В списке также содержалось название исчезнувшей юридической фирмы Squadron, Ellenoff, Plesent & Sheinfeld, партнером которой когда-то был Соркин.

Казалось бы, нелепо: клиент Айка Соркина заманивает в свою финансовую пирамиду его родителей и бывших партнеров-юристов. Но так и было.

В деле, привлекавшем столь пристальное внимание общества, прокурорам следовало быть уверенными в том, что все делается «строго по учебнику». А по учебнику адвокат обвиняемого не должен иметь столь тесной связи с предполагаемыми жертвами обвиняемого. Такой конфликт интересов мог вызвать сомнения в решимости Соркина защищать клиента – и если бы на этом основании Мэдофф подал апелляцию на признание его виновным или на приговор, то у прокуратуры возникли бы проблемы. Закулисно прокуроры стали настаивать на том, чтобы Мэдофф отказался от любого права ссылаться на подобные конфликты интересов при апелляции. Через несколько недель он откажется. Публично.

Возможно, обнародованный список сыграл в этом свою роль. Нет сомнений в том, что он в первую очередь привлек внимание людей, чьи имена в нем значились, и это позволило Пикарду быстро отсеять давно не функционирующие или просто ошибочные клиентские счета. Но для многих испытавших потрясение жертв Мэдоффа такая огласка была равносильна бесцеремонному вторжению в их частную жизнь – и в этом вторжении будут винить Ирвинга Пикарда.

Список охватывал только непосредственных клиентов, а не тех, кто инвестировал через фидер-фонды. Поэтому там не оказалось клиентского счета фонда Herald на имя Уильяма Фокстона – румяного, рыжеволосого отставного майора британской армии.

Как вспоминал его сын Уиллард Фокстон (в фильме, снятом Би-би-си), майор Фокстон всю жизнь храбро служил в горячих точках. В бою он потерял руку и был награжден орденом Британской империи. Позднее он присоединился к гуманитарным

миссиям и выступал со свидетельствами против военных преступников. По общему мнению, майор Фокстон был человеком мужественным, порядочным и не терпящим вмешательства в свою частную жизнь.

Разыскания его семьи показали, что Фокстон инвестировал примерно 3 млн долларов в фонды Herald USA и Herald Luxembourg, которые оба были организованы венским Bank Medici примерно в конце 2004 или в начале 2005 года. Он рассчитывал безбедно жить на эти инвестиции после выхода на пенсию в ноябре 2008 года.

Потом Уиллард Фокстон скажет, что его отец и понятия не имел, что был инвестором Мэдоффа. Он считал, что его деньги инвестированы в надежный, диверсифицированный фонд почтенного австрийского банка.

В начале февраля майор Фокстон сообщил сыну, что у него имеются разногласия с банком на предмет инвестиций. Затем его сын получил электронное письмо: «Дорогой Уилл, я буду краток. У меня были кое-какие, а фактически все деньги в двух хедж-фондах, Herald USA и Herald Luxembourg, инвестировавших в Австрии. Сейчас я обнаружил, что офис закрыт, а деньги были инвестированы в хедж-фонды финансовой пирамиды Мэдоффа. Я потерял все. Теперь я раздумываю, объявлять себя банкротом или нет. Чувствую себя довольно паршиво, подавлен. Пока это все».
Десятого февраля Фокстон принес в небольшой закрытый сквер рядом с домом в Саутхемптоне армейский пистолет. Он лег на деревянную скамью под деревом с облетевшими листьями и застрелился.

Обычно SIPC не проводит «встреч кредиторов» в делах о банкротстве. Но в этом деле не было ничего обычного, а Кодекс о банкротстве позволяет проведение таких информационных встреч. Так что Ирвинг Пикард и Дэвид Шиэн решили, что проведут встречу, только не кредиторов, а клиентов-инвесторов. Собрание назначили на среду 20 февраля.

Рано утром у Старой таможни – классического здания с колоннами, где располагается манхэттенский федеральный (округа Нижний Манхэттен) суд по банкротствам, собралась очередь из инвесторов. Некоторые жертвы по-прежнему надеялись, что нашлись остатки тех 64,8 млрд долларов, которые, как считали они всего несколько месяцев назад, имелись у них.

Вскоре после десяти часов утра Пикард и Шиэн прошли на пустую сцену конференц-зала и сели за металлический складной стол вместе со старшим юристом SIPC по имени Кевин Белл, высоким, молчаливым, с характерной армейской стрижкой серо-стальных волос. На столе и по обеим сторонам зала у сцены были

установлены микрофоны.

Аудитория, собравшаяся в зале, была многочисленна и разнообразна: одни в свитерах и фланелевых рубашках, другие в костюмах с дорогими галстуками. Многие рассказывали журналистам о трудностях, которые испытывают они и их семьи с момента ареста Мэдоффа, и гневались на федеральных регуляторов, которым не удалось защитить их от преступления Мэдоффа.

Открывая встречу, Пикард разъяснил, что они с Шиэном кратко проинформируют инвесторов, а затем ответят на их вопросы.

«Существуют два основных правила, – сказал Пикард. – Первое: это дело, как вы знаете, затрагивает преступление, поэтому мы действуем с места преступления».

И рассказал, что, хотя они с командой и работают вместе с федеральными прокурорами, агентами ФБР и следователями Комиссии по ценным бумагам и биржам, «существует предел того, о чем нам можно говорить». Он попросил инвесторов «проявлять уважение к правовой системе, чтобы она сделала свое дело».

Его формулировки были подробны и юридически точны, но, возможно, слишком профессиональны для не самых квалифицированных инвесторов в зале. Он объяснил, что жертвам уплатят из двух источников: из авансовых выплат SIPC и из любых активов, которые корпорация сумеет вернуть в состав имущества, что займет «определенное время. Сейчас мы не можем даже предположительно сказать, какое именно».

Он обсудил возможность продажи маркетмейкерской фирмы Мэдоффа в пользу инвесторов. Он рассказал, что нанял консультанта, чтобы воспользоваться его советами по продаже графики Роя Лихтенстайна и других предметов искусства, обнаруженных в офисных помещениях. Он нанял и других консультантов для восстановления и оцифровывания отчетов о состоянии клиентских счетов, и эту гигантскую работу следовало проделать до того, как приступить к выплатам по клиентским претензиям. Дел было еще невпроворот.

В следующие четыре месяца с фамильного письменного стола из капа в кабинете Пикарда в Рокфеллер-центре раскрутится торнадо юридических действий.

Он разошлет более 230 повесток с вызовом свидетелей, чтобы приобщить их показания к материалам дел, открытых на Багамах и Бермудах, на островах Британской Виргинии и на Кайманах, во Франции, Великобритании, Ирландии, Люксембурге, Испании и Швейцарии.

Он будет выцарапывать активы везде, где только их найдет, начиная, естественно, с тех, что лежали на поверхности. Он заключит сложную сделку продажи маркетмейкерского бизнеса Мэдоффа. Он закроет все брокерские и банковские счета фирмы, сняв с них около 37 млн долларов, и уладит все незавершенные сделки с ценными бумагами на более чем 297 млн долларов. Его команда продаст долю фирмы Мэдоффа в небольшой чартерной авиакомпании. Он продаст оставшиеся у фирмы билеты на матчи New York Knicks и New York Rangers, а билеты на игры New York Mets 2009 года продаст с аукциона.

Ни одна мелочь не будет оставлена без внимания. Пикард отменит страховые полисы, премии по которым составят около 234 тыс. долларов. Он порекомендует политикам и благотворительным учреждениям вернуть почти 145 тыс. долларов пожертвований, полученных ими от признанного ныне преступником жертвователя. Он обратит в деньги – более 200 тыс. долларов – долю фирмы в DTCC, центральной расчетно-клиринговой палате Уолл-стрит. Как только поступит разрешение от ФБР, он отменит арендные выплаты на все офисные площади, кроме семнадцатого этажа «Помады». Он аннулирует даже подписку фирмы на журналы, членства в клубах и лизинг транспортных средств, собрав в результате еще 54 тыс. долларов.

На эти планы он едва намекнул, когда говорил с жертвами Мэдоффа 20 февраля. Но на той встрече он твердо пообещал, что SIPC, финансируемая Уолл-стрит, оплатит все относящиеся к делу расходы, включая его собственные и счета его юридической фирмы. Несмотря на широко разошедшиеся сообщения об обратном, пояснил он, ни один из счетов конкурсного управляющего не будет оплачен из активов, предназначенных для жертв, как это было бы в случае «обычного» банкротства. Все счета юристов и другие затраты на данную ликвидацию оплачиваются SIPC, а жертвам не стоят ни гроша.

Месяцем позже в новостях появились неверные сообщения о том, что Пикарду как конкурсному управляющему предоставили право на 3 % активов, которые он вернет по суду. Такое правило действительно записано в федеральном Кодексе о банкротстве, но для дел SIPC оно не применялось. Мало того, Пикард и его юридическая фирма представили свои счета SIPC, которая немного поторговалась и послала их председательствующему судье для окончательного решения. Затем SIPC их оплатила из членских взносов, взимаемых с фирм Уолл-стрит. Сумма, о которой идет речь, не имеет отношения к тому, сколько Пикард вернул от тех, кого преследовал в судебном порядке.

Но отмыться до конца ему так и не удалось. Даже спустя три

года некоторые из рассерженных жертв все еще будут выступать против «трехпроцентного гонорара» Пикарда и оспаривать любой выставленный им счет на том основании, что он получает деньги, которые иначе отошли бы им.

Возможно, первым сигналом грядущих недоразумений по линии общения с жертвами стало то, что о самом своем потрясающем открытии Пикард сообщил на этой встрече как бы между прочим, в ходе довольно путаных рассуждений о сроках исполнения претензий.

Некоторые юристы говорили своим клиентам, что их претензии должны быть приняты к исполнению к 4 марта, тогда как Пикард сказал, что единственно разумный крайний срок – 2 июля 2009 года, спустя шесть месяцев после того, как инвесторам было разослано официальное уведомление о банкротстве. Крайний срок 4 марта, объяснил он, приложим только к тем делам SIPC, в которых инвесторы выбирают возмещение в виде реальных акций, а не денежную стоимость ценных бумаг на их клиентском счете.

Крайний срок 4 марта не относится к жертвам Мэдоффа, разъяснил он, потому что (как подтвердит его команда, подняв документы за последние тринадцать лет) на их счета не приобреталось никаких акций. Поэтому для них уместным сроком принятия претензий к исполнению может быть только 2 июля.

Тут впору вспомнить жестокую старую шутку о том, как сержант в учебке сообщает рядовому о смерти в его семье: «У кого родители живы, шаг вперед. Не торопись, рядовой Джонс».

Все, кто считает, что на его клиентском счету осталось по крайней мере несколько голубых фишек или немного наличных, шаг вперед. Эй, вы все, не торопитесь!

«Это значит, что ради удовлетворения исков мы не будем опираться на выписки по счетам от 30 ноября, рапортующие о наличии у вас ценных бумаг, – заявил Пикард. – В нашем случае мы собираемся смотреть на движение денег на счет и со счета».

Новостные заголовки следующего дня разнесли известие, что команда Пикарда изучила все имеющиеся документы с 1995 года (и некоторые датированные 1993 годом) и не нашла доказательств, что Мэдофф вообще когда-либо покупал для клиентов ценные бумаги.

Это была финансовая пирамида в чистом виде – самая масштабная афера в финансовой истории, но тем не менее, по сути, классическая пирамида, где грабили Петра, чтобы заплатить Павлу. А когда имеешь дело с пирамидой, и Пикард прекрасно это понимал, есть четкие правила – правила, никакого отношения не имеющие к последним выпискам по счетам, которыми набиты

сумки и портфели, стоящие рядом со стульями в этом враждебно настроенном зале.

Многие жертвы с этим не согласились – и не согласятся никогда.

Через две с половиной недели, во вторник 10 марта, у северного входа в здание манхэттенского федерального суда на Ворт-стрит на Манхэттене остановился серебристый седан. Боковая от Фоли-сквер улица была тесно заставлена фургонами со спутниковыми антеннами и телекамерами. У металлических заграждений, образующих коридор от автомобиля к входу в здание, толпились телеоператоры.

Охранник помог Берни Мэдоффу выбраться с заднего сиденья автомобиля и поспешно повел его к зданию суда. Со всех сторон за ними наблюдали судебные приставы, чьи бдительные глаза обшаривали толпу, в то время как Мэдофф неотрывно смотрел куда-то вниз и чуть вбок. Он был словно этюд в серых тонах – мягкий темно-серый костюм, сизый вязаный галстук. Виски обрамляли зачесанные назад серебристые волосы. Серое, пустое лицо.

Незадолго до того, как пробило три часа дня, его препроводили через боковую дверь в зал похожего на подростка судьи Денни Чина, которому было за пятьдесят. Судья Чин, родившийся в Гонконге и выросший в Нью-Йорке, был первым американским судьей китайского происхождения, назначенным в федеральный суд Манхэттена. Дело Мэдоффа он получил по жребию, и сейчас Мэдофф предстал перед ним впервые.

За столом возле стоявшего на возвышении кресла судьи Чина ждали прокурор Марк Литт, его коллега Лиза Барони и специальный агент ФБР Тед Качиоппи, который арестовал Мэдоффа три месяца назад.

К сидящим за тесным столом защитникам Мэдоффа присоединился новый юрист Питер Чавкин. Чавкин, жилистый и настороженный, был очень похож на лас-вегасского магната Стива Уинна, за тем исключением, что сегодня он был мрачен и неулыбчив.

Чавкин явился, чтобы заверить судью Чина в том, что Мэдоффа объективно информировали о конфликте интересов, с которым столкнулся Айк Соркин и который заключался не только в инвестициях родителей Соркина в пирамиду Мэдоффа и в его связях с прежней юридической фирмой, но и в том, что в 1992 году он представлял партнерство Avellino & Bienes.

Соркин от имени Мэдоффа со дня его ареста вел переговоры с обвинением. В прошлую пятницу, 6 марта, судью уведомили о том, что Мэдофф отказался читать целиком обвинительный акт и ему будет предъявлено только более сжатое обвинительное

заключение. Этот отказ был первым признаком того, что Мэдофф, скорее всего, еще до суда признает себя виновным.

Но вначале судье Чину требовалось увериться в том, что конфликт интересов Соркина не приведет в дальнейшем к осложнениям и не будет использован Мэдоффом в качестве козыря для успешной апелляции.

Мэдоффа привели к присяге, и судья Чин начал его опрашивать на предмет конфликта интересов, неоднократно задавая один и тот же вопрос в разных вариантах: понимает ли мистер Мэдофф, что у него есть право на адвоката, у которого нет конфликта интересов или конфликтов лояльности? Понимает. И, несмотря на это, он желает оставить своим адвокатом мистера Соркина? Желает. А понимает ли он, что он тем самым отказывается от права ссылаться на эти конфликты при обжаловании любого аспекта этого дела? Понимает.

Судья Чин был удовлетворен: Мэдофф сознательно отказался воспользоваться своим правом сменить адвокатов. Затем он быстро провел обвиняемого через этапы, связанные с его отказом знакомиться с обвинительным актом и с определением объема возмещения вмененного ему ущерба.

В заключение он взорвал бомбу.

– Вправе ли мы ожидать, что мистер Мэдофф в четверг признает себя виновным по предъявленному обвинительному заключению? – спросил судья.

– Полагаю, для такого ожидания есть все основания, ваша честь, – негромко ответил Айк Соркин.

– И это касается всех одиннадцати пунктов обвинительного заключения?

– Да, ваша честь.

Никто из заполнивших зал суда не читал обвинений и не знал об ожидаемом признании обвиняемым своей вины. Судья Чин попросил Марка Литта сделать подробный обзор пунктов обвинения, касающихся мошенничества.

– Да, ваша честь, с превеликим удовольствием, – ответил Литт. – Это: мошенничество с ценными бумагами, мошенничество при консультациях по инвестициям, мошенничество с использованием почтовых отправлений, мошенничество с использованием электронных средств связи, три пункта обвинения в отмывании денег, фальшивые выписки по счетам, лжесвидетельство, представление фальшивых отчетов в Комиссию по ценным бумагам и биржам и присвоение средств из корпоративного пенсионного плана. – И добавил: – Сделка между сторонами о досудебном признании обвиняемым своей вины не заключена.

Судья Чин поспешил дожать его:

– И это означает, что если мистер Мэдофф пожелает в четверг сделать признание вины, то, с точки зрения государственного обвинения, он должен признать себя виновным по всем пунктам обвинительного заключения?

Литт ответил:

– Верно.

Судья откинулся в кресле, не сводя глаз с Литта.

– Хорошо, не скажете ли нам, каков максимально возможный суммарный срок заключения по всем одиннадцати пунктам?

– Суммарно – сто пятьдесят лет, – последовал ответ прокурора.

Через два дня у здания федерального суда еще до рассвета собрались сотни жертв Мэдоффа, желающих попасть в зал судьи Чина на двадцать четвертом этаже. На втором этаже по такому случаю оборудовали просторное помещение, где на телеэкраны предполагалось в реальном времени транслировать слушания.

Были приняты усиленные меры безопасности. Близлежащие улицы оказались запружены телекамерами, фургонами с оборудованием для спутниковой трансляции, журналистами и операторами. В небе кружили вертолеты, следившие за продвижением внедорожника Мэдоффа от самого его дома.

Когда наконец открыли зал суда, испачканные цветными мелками художники-репортеры, вцепившись в огромные планшеты, заняли первый ряд скамьи присяжных. За ними теснились газетчики.

В 9.36 утра прокуроры Марк Литт и Лиза Барони заняли места за столом, ближайшим к судье Чину. Литт был в темно-синем костюме и белой рубашке с крапчатым галстуком бордового цвета. Барони – в черной юбке и жакете, свои негустые русые волосы она зачесала назад и подколола. К прокурорам присоединились Тед Качиоппи, его начальник Кейт Келли (руководитель оперативной группы ФБР по делу Мэдоффа) и еще два агента ФБР в офисных костюмах.

В 9.47 в отсек зала суда для обвиняемых против скамьи присяжных вошли Берни Мэдофф и Айк Соркин. Мэдофф был в сером, как и во вторник. Только сегодня на нем не было часов и обручального кольца.

Команда защиты была в полном сборе. Мэдофф сидел в центре, между убеленным сединами Соркином и молодым темноволосым Мауро Вулфом, спокойно и неподвижно, сложив руки на коленях. Соркин установил перед своим клиентом микрофон и показал, как его включать и выключать.

В 10.00 в зал быстро вошел судья Чин в мантии и занял свое

место. Суд представили, а затем Мэдоффа привели к присяге.

– Мистер Мэдофф, – обратился к нему судья Чин, – понимаете ли вы, что находитесь под присягой и, если в ответ на мой вопрос скажете неправду, ваши слова могут быть использованы против вас и повлечь за собой новое обвинение в лжесвидетельствовании или даче ложных показаний?

Мэдофф тихо подтвердил:

– Да. Понимаю.

– Постарайтесь говорить громче, чтобы я вас слышал, – сказал судья Чин.

Мэдофф повторил погромче:

– Да, понимаю.

Соркин попросил дежурного клерка принести воды.

После нескольких предварительных замечаний судья Чин напомнил Мэдоффу, что он отказался от своего права на ознакомление с официальным обвинительным актом и согласился удовлетвориться менее детальным обвинительным заключением, излагающим выдвинутые против него обвинения.

– Все верно? – осведомился судья.

– Да.

– И каков ваш ответ на обвинительное заключение, «виновен» или «невиновен»?

Мэдофф ответил:

– Виновен.

Правительственные юристы описали обвинения, что заняло некоторое время.

Наконец судья Чин сказал:

– Мистер Мэдофф, опишите ваши действия.

Соркин встал рядом с Мэдоффом. Тот развернул напечатанное заявление и начал его зачитывать, чуть запнувшись на официальном названии своей фирмы.

– Ваша честь, на протяжении многих лет вплоть до моего ареста 11 декабря 2008 года я управлял финансовой пирамидой, частично использовав для этого мой инвестиционно-консалтинговый бизнес, фирму Bernard L. Madoff Securities LLC… Я действительно благодарен за возможность публично рассказать о моих преступлениях, о которых я глубоко сожалею и которых стыжусь. Я сознавал, что поступаю дурно, а если называть вещи своими именами, – совершаю преступление. Когда я начинал аферу, я верил, что вскоре прекращу ее, выйду из нее сам и выведу своих клиентов. Однако это оказалось непросто, а в конечном счете и невозможно, и с годами я понял, что меня неизбежно ждет арест и рано или поздно настанет этот, сегодняшний, день. – Он говорил бесстрастно, не теряя

самообладания. – Я с болью сознаю, что глубоко ранил многих, очень многих людей, включая членов моей семьи, моих ближайших друзей, деловых партнеров и тысячи клиентов, отдавших мне свои деньги. У меня нет слов, чтобы выразить, как глубоко я сожалею о содеянном. Здесь я затем, чтобы принять ответственность за то, что совершил, чтобы признать свою вину.

Хотя Мэдофф взялся чистосердечно объяснить, как вел и как скрывал свою аферу, его показания местами были далеки от истины.

– Сегодня я хочу подчеркнуть, что, хотя мой инвестиционно-консалтинговый бизнес – орудие моего преступления – был частью фирмы Bernard L. Madoff Securities LLC, другие направления деятельности моей фирмы, то есть собственный трейдинг и маркетмейкинг, были во всех отношениях законны, прибыльны и успешны… Насколько я помню, моя афера началась в начале 1990-х годов…

Он единолично отдавал распоряжения производить и рассылать клиентам фальшивые документы и гонял деньги между Нью-Йорком и Лондоном, чтобы создать иллюзию трейдинговой активности, сообщил он.

Некоторые из этих утверждений (о финансовом благополучии его фирмы, о дате начала мошенничества) так и останутся в тумане сомнений. Другие, вроде заверений о том, что он действовал в одиночку, вскоре разоблачат как прямую ложь.

Когда Мэдофф завершил описание собственного преступления и сел, судья Чин повернулся к Литту:

– Считает ли государственное обвинение, что признания мистера Мэдоффа охватывают все пункты предъявленного ему обвинения?

– Да, ваша честь, – отвечал Литт. – Обвинение не во всем согласно с предложенным описанием поведения обвиняемого. Однако обвинение считает, что его признание охватывает все пункты предъявленных ему обвинений.

Обвинители знали, что Фрэнк Дипаскали уже ведет переговоры о том, чтобы признать вину и назвать имена. И все же Литт пока не мог публично оспаривать заявление Мэдоффа о том, что он будто бы совершил свое преступление в одиночку. Несмотря на эту очевидную ложь, было бы глупо тратить время и силы, чтобы уличить Мэдоффа в даче ложных показаний, учитывая, сколько дел еще впереди.

Изложенная Мэдоффом версия преступления преследовала очевидную цель – выгородить его сотрудников и по возможности сохранить состояние семьи, так как обвинение не могло посягнуть на имущество, нажитое до начала аферы. Он поклялся

говорить правду, но вместо этого ясно продемонстрировал намерение взять всю вину на себя и утаить своих сообщников.

Когда жертвам Мэдоффа предоставили возможность высказаться, некто Джордж Ниренберг принялся с жаром настаивать на том, что Мэдоффа должны обвинить в заговоре, – совершенно очевидно, что он не мог в одиночку обеспечить весь объем фальшивой документации. Морин Эбел, вдова, потерявшая все сбережения, призвала судью лишить Мэдоффа права до суда признать вину и заставить его пройти судебное разбирательство, с тем чтобы «все лучше поняли глобальный масштаб этого чудовищного преступления».

Судья предложил Марку Литту ответить на заявления жертв, и тот, взяв минуту на раздумья, произнес:

– Думаю, обвинение ограничится тем, что скажет: расследование продолжается. Продолжается непрерывно. Задействованы большие ресурсы, прикладываются большие усилия как по розыску имущества, так и по поиску всех тех, кто может быть причастен к этой афере.

Человек, способный ответить на все вопросы, молча сидел за столом защиты.

Далее последовал монолог защиты по вопросу освобождения под залог. Когда Айк Соркин упомянул кордон охраны, выстроенный вокруг Мэдоффа «на средства его жены», жертвы в зале суда горько рассмеялись, свято уверенные в том, что все деньги Рут вынуты из их кармана. Судья Чин призвал зал к порядку.

После пространной речи Соркина Литт встал, чтобы возразить ему. Судья Чин знаком велел ему сесть.

– Мне нет нужды заслушивать сторону обвинения, – сказал он. – Я намерен в дальнейшем содержать мистера Мэдоффа под стражей.

Поднялся одобрительный шум.

– Прошу вас, леди и джентльмены… – воззвал судья Чин, обведя строгим взглядом заполненный зал суда. Воцарилась тишина, но это была другая тишина, не тревожная и враждебная, а миролюбивая тишина благодарной аудитории. Судья продолжил: – У него есть мотив совершить побег, есть средства совершить побег, и, следовательно, налицо опасность побега. Освобождение под залог аннулируется.

После еще каких-то процедурных действий он взглянул на обвиняемого и сказал:

– Мистер Мэдофф, увидимся на вынесении приговора. Заседание окончено.

Мэдофф стоял за столом защиты, в упор глядя на

приблизившегося к нему судебного пристава в офисном костюме. По неслышной команде он сложил руки за спиной. Наручники защелкнулись.

Берни Мэдоффа увели в боковую дверь и повели по выложенному белой плиткой коридору – к жизни за решеткой.

13. «Вчистую выигравшие» и «вчистую проигравшие»

В среду 18 марта, после недели шумихи в СМИ вокруг Мэдоффа, в федеральный суд Манхэттена прибыл Дэвид Фрилинг со своим адвокатом – они появились тихо, никем не замеченные.

Бухгалтер Берни Мэдоффа, высокий, подтянутый, в бежевом костюме, явился добровольно и выслушал оглашенное в то утро обвинение в преступном мошенничестве. После обычных действий агентов ФБР и судебных приставов его привели к федеральному судье-магистрату, где он заявил о своей невиновности и был тут же выпущен под залог в 2,5 млн долларов.

В минувший вторник, когда Мэдофф признал свою вину, в Палм-Бич-Гарденс (штат Флорида) после долгой борьбы с раком умер тесть Фрилинга и его бывший партнер Джерри Горовиц. Горовиц был аудитором Мэдоффа еще в 1960-х годах, когда работал на Манхэттене рядом с Солом Альперном, Фрэнком Авеллино и Майклом Бинсом. Даже основав собственную практику, Горовиц продолжал проводить независимые аудиты, отчеты о которых фирма Мэдоффа ежегодно представляла в Комиссию по ценным бумагам и биржам. И он регулярно инвестировал в Мэдоффа солидную долю собственного состояния и состояний своих родных и друзей.

Схема не то чтобы кошерная. Бухгалтера нельзя считать «независимым», если он инвестирует деньги в фирму, где сам же и проводит аудит. Но в фирме Альперна в Мэдоффа вкладывались все.

В начале 1990-х годов, когда Джерри Горовиц нацелился уйти на покой, Фрилинг унаследовал его практику и перевел ее в небольшой офис в Нью-Сити (штат Нью-Йорк) в пятидесяти километрах к северу от Манхэттена, куда они с женой переехали в 1986 году. Он унаследовал и независимый аудит брокерской фирмы Мэдоффа – и по-прежнему вкладывал в Мэдоффа свои личные и семейные сбережения, как до него поступал его тесть.

Фрилинг, отпущенный под залог, быстро зашагал из суда к черному внедорожнику, ожидающему у тротуара, не обращая внимания на журналистов, выкрикивающих вопросы. Его защитник Эндрю Ланклер, молчаливый человек с волосами цвета платины, сел с ним на заднее сиденье, и автомобиль тронулся. Ланклер изрядно поработал, чтобы не доставить СМИ удовольствия запечатлеть сцены ареста своего клиента агентами

ФБР и «выхода преступника» из здания суда. Но его переговоры с прокурорами остались незавершенными, поскольку до сих пор не было ясно, насколько полезным окажется им Фрилинг в поисках сообщников Мэдоффа. Обвинения, выдвинутые против Фрилинга 18 марта, были всего лишь первым ходом этой игры.

Арест, то есть первое за три месяца публичное событие в уголовном расследовании, принес мало ответов на вопросы об афере. Прокуроры прямо не утверждали, что сорокадевятилетний Фрилинг знал о финансовой пирамиде. Его обвинили лишь в косвенном пособничестве афере Мэдоффа посредством лживых утверждений о том, что он проводил независимые профессиональные аудиты фирмы Мэдоффа, тогда как это не соответствовало действительности.

Ни в обвинениях прокуратуры, ни в поданном в тот же день иске Комиссии по ценным бумагам и биржам не упоминалась любопытная встреча Фрилинга в ноябре 2005 года с группой экспертов из фондов Optimal – встреча в самый разгар денежного кризиса с почти летальным исходом, та самая встреча, когда он солгал, будто сверил остатки на клиентских счетах Мэдоффа с данными расчетной палаты DTCC.

Впрочем, юристы Комиссии и федеральная прокуратура говорили, что расследование продолжается.

Между тем в SIPC вопрос «Куда же делись деньги?» так и повис в воздухе. Этот вопрос Ирвингу Пикарду задавали везде, где бы он ни оказался. Этот вопрос был постоянным рефреном на интернет-сайтах и в дискуссиях ток-шоу, чьи участники и слышать не хотели о том, что все эти миллиарды долларов просто исчезли. Источники на Уолл-стрит время от времени звонили журналистам, делясь интригующими намеками и теориями: Мэдофф обратил эти миллиарды в мелкие бриллианты и попрятал их в депозитные ячейки по всей Европе; он скупил роскошную недвижимость по всему миру через панамские подставные компании; его шантажировали русские гангстеры; он был частью заговора по тайному финансированию «черных операций» израильской разведки МОССАД. Не может же один человек потратить на себя столько денег!

Даже не считая фиктивные 64,8 млрд долларов на последних выписках с клиентских счетов, то есть сумму, большая часть которой изначально никогда не существовала на самом деле, все же оставались огромные суммы настоящих денег, по которым требовалось отчитаться. Эксперты Пикарда оценили сумму всех денежных потерь жертв Мэдоффа (то есть денег, которые они выплатили, но так и не изъяли) примерно в 20 млрд долларов.

Но Пикард знал, куда делась бóльшая часть денег.

Помимо сотен миллионов, которые Мэдофф за все эти годы обратил в свое личное пользование, деньги, внесенные инвесторами, выплачивались другим инвесторам – как «прибыли от инвестиций». У Пикарда имелись банковские документы, показывающие, когда и кем изымались деньги. И он знал, на чей счет и в какую страну переводились те или иные суммы. По его расчетам, между крахом Lehman Brothers в сентябре 2008 года и арестом Мэдоффа в декабре из финансовой пирамиды было изъято более 6 млрд долларов. В последний год существования пирамиды изъятия составили почти 13 млрд долларов, большинство из которых поступило в систему с начала 2006 года.

И все же знать, куда делись деньги – это одно, а получить их обратно – другое.

Если федеральный Кодекс о банкротстве позволял Пикарду добиваться возвращения денег, изъятых не ранее чем за два года до объявления о банкротстве Мэдоффа, то закон штата Нью-Йорк удлинял этот интервал до шести лет. (Дело о банкротстве было открыто 15 декабря 2008 года, но суд постановил считать официальной датой 11 декабря, день ареста Мэдоффа.) Изъятия в последние три месяца существования схемы были квалифицированы как недопустимые приоритетные выплаты, или «преференции», и признать их недействительными большого труда не составляло. Изъятия, сделанные в предыдущие пять лет и девять месяцев, в суде по банкротствам подпадают под определение «мошенническая передача собственности», и за их возврат обычно приходится побороться в суде.

Как известно тем, кто хорошо разбирается в законодательстве о банкротстве, термин «мошенническая передача собственности» в данном случае подразумевает недобросовестное намерение Мэдоффа в собственных интересах передавать денежные средства другим людям – именно так он и поступал ради сохранения финансовой пирамиды. Слово «мошеннический» не относится к мотивам тех, кому передавались деньги, и тех, кто просто изымал принадлежащее им, как они полагали, по праву. Но многие инвесторы не были знакомы с юридическим языком и страшно возмущались, когда в письмах Пикарда их законные изъятия именовались «мошеннической передачей собственности», а им самим приказывали связаться с его офисом, чтобы решить вопрос о возврате денег.

По законодательству о банкротствах не имеет значения, насколько чисты мотивы инвестора. Пикарду позволили возвращать через суд все «приоритетные выплаты» и вообще любые деньги, полученные от Мэдоффа в результате его неправомочных трансфертов в установленный шестилетний

период. На жаргоне дел по банкротствам такие судебные иски назывались «выцарапыванием», и мелких инвесторов при одном упоминании этой жуткой перспективы бросало в дрожь. Пикард и сам терпеть не мог это слово, но сути дела это не меняло: к концу июня он подал восемь исков против крупных инвесторов и фидер-фондов, чьи изъятия составляли сотни миллионов, а в некоторых случаях и миллиарды долларов.

Против управляемых Карло Гроссо фондов Kingate он подал иск о возврате 395 млн долларов, включая почти 260 млн долларов, изъятых в последние девяносто дней жизни финансовой пирамиды.

Еще примерно миллиард долларов он рассчитывал получить в судебном порядке с десятков счетов, открытых Стенли Чейзом, которому стукнуло уже восемьдесят три. Основатель первого донорского фонда Мэдоффа переехал из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, где проходил лечение. Даже после того, как разразился скандал с Мэдоффом, Чейза заочно чествовали за многолетнюю щедрость к израильским некоммерческим организациям, в числе которых были Научно-исследовательский институт им. Х. Вейцмана, Технион (израильский технологический институт) и Еврейский университет в Иерусалиме.

От Cohmad Securities Пикард добивался возврата 250 млн долларов – среди ответчиков значились имена одного из основателей Cohmad, Мориса (Сонни) Кона и его дочери и президента фирмы Марши Бет Кон, не считая длинного списка работающих там брокеров. Пикард заявил, что брокерская фирма сознательно обслуживала коммерческие цели финансовой пирамиды Мэдоффа, но это утверждение упорно отрицали и вся пошатнувшаяся фирма, и семейство Кон.

Из фондов Fairfield Sentry, управляемых Уолтером Ноэлом, Джеффри Такером и их партнерами из Fairfield Greenwich Group, Пикард пытался вытянуть еще 3,5 млрд долларов. На Fairfield Greenwich работали и другие мелкие фонды, и поэтому Мэдофф его вымел не подчистую. Но в фирме все в один голос отрицали, что им что-либо известно о преступлении Мэдоффа, а нанятые фирмой юристы окопались для затяжных боев.

И, наконец, 12 мая Пикард подал самый многообещающий из первых исков – против Джеффри и Барбары Пикауэр на сумму более 6,7 млрд долларов. Через несколько месяцев эта ошеломительная сумма в ходе дальнейшего расследования группы Пикарда вырастет до 7,2 млрд долларов. Никто, даже сам Мэдофф со всей его семьей, не изымал из финансовой пирамиды сумм, хотя бы приближающихся к этой.

На сенсационный иск против Пикауэра поборники теории

заговора слетелись как мухи на мед. Вытягивал ли Пикауэр деньги, чтобы припрятать их для семьи Мэдофф? Мэдофф отрицал это. Будь это правдой, уж он бы точно потребовал деньги назад, чтобы в эти последние месяцы удержать на плаву свою пирамиду. Более того, Мэдофф ясно понимал, что правоохранительные органы будут под микроскопом изучать источники дохода его родных, отныне и до конца их жизни. Другие рассуждали, что, вероятно, Пикауэр-то и был настоящим вдохновителем финансовой пирамиды, а Мэдофф всего лишь вывеска. Мэдофф отрицал и это: будь это правдой, Мэдофф перед лицом страшного 150-летнего тюремного срока непременно разоблачил бы Пикауэра в обмен на снисхождение. Разумных объяснений этому просто не было, разве что, как подозревал сам Мэдофф, Джеффри Пикауэр был чертовски проницателен и понимал: не стоит надолго оставлять в руках Мэдоффа свои прибыли – возможно, фиктивные.

По закону Пикард должен был подать свои иски по возврату ранее выплаченных сумм до 11 декабря 2010 года. До истечения лета 2009 года он обратился в суд с требованием вернуть 13,7 млрд долларов. Все эти суммы были затребованы от крупных фондов либо чрезвычайно богатых частных лиц, чьи юристы были готовы к длительной обороне посредством ходатайств и возражений, которые в конце концов приведут либо к судебному вердикту, либо к некоему соглашению сторон. Такая позиционная война затягивает время и увеличивает судебные издержки, хотя вообще-то подача исков обходилась Пикарду в одну и ту же сумму независимо от того, подавался иск против гиганта или против карлика. Поэтому воевать с карликами не имело смысла, когда вокруг было столько гигантов с деньгами Мэдоффа в карманах.

Тем не менее многие мелкие инвесторы больше всего боялись, что он будет преследовать и их. Их страхи говорили о том, каким настороженным и недоверчивым стало их отношение к Пикарду после встречи 20 февраля. Рост враждебности огорчал его самого и тревожил его коллегу Дэвида Шиэна. Им-то казалось, что Пикард демонстрирует максимальную открытость, гибкость и сочувствие, – насколько это позволял закон. Он лично или через кого-либо из своих сотрудников отвечал на тысячи электронных писем и звонков. Да, это было сложнейшее международное дело о банкротстве, но Пикард, по его убеждению, делал все возможное, чтобы объяснить эти сложности тем, кто пострадал наиболее тяжко. Несмотря на злобные обвинения, которыми его закидывали чуть ли не каждый день, он редко выходил из себя.

Но он не мог отбросить два камня преткновения со своего пути: медленный темп выплат по претензиям и метод подсчета убытков.

К концу июня, после более шести месяцев труда, из 13 705 претензий решение удалось вынести менее чем по шестистам. Это было невыносимо мало, и жертвы Мэдоффа, находящиеся в наиболее отчаянном положении, рвали и метали.

Вина за создавшуюся ситуацию лежала не только на конкурсном управляющем. Ввиду того, что документация Мэдоффа устарела, команда Пикарда потратила сотни часов и десятки тысяч долларов на оцифровку миллионов бумажных страниц и микрофишей, чтобы можно было исследовать и сортировать их с помощью компьютера. ФБР тщательно просматривало документы в поисках возможных сообщников, скрывающихся за вымышленными именами на клиентских счетах, и дополнительно отсрочило выплаты по ряду претензий. Министерство юстиции запретило команде Пикарда опрашивать более четырех десятков человек, в том числе более двух десятков сотрудников Мэдоффа. К тому же банкротство – процесс небыстрый даже в лучшие времена.

И даже зная все это, злопыхатели кляли персонально Пикарда, будучи убеждены, что проволочки – прямое следствие его метода подсчета потерь инвесторов. Они уверяли, что дорогостоящее и отнимающее уйму времени восстановление клиентских счетов не потребовалось бы, если бы Пикард просто взял за основу исков от лица SIPC последние выписки со счетов, чего, по их убеждению, и требовал от него закон. Наилучшим способом для Пикарда ускорить процесс удовлетворения претензий, по их разумению, состоял в том, чтобы отказаться от жесткого принципа «сколько вложил, столько и получишь».

Команда Пикарда в конце концов ускорит процесс выплаты по претензиям, создав компьютерную сеть, в которой юристы из разных мест смогут работать одновременно. Но по вопросу о том, как конкурсный управляющий подсчитывал убытки инвесторов, он вместе со своими противниками оказался в патовой ситуации. Он полагал, что толкует закон единственно правильным образом, а тысячи инвесторов – что он абсолютно не прав.

SIPC признала, что некоторые разоренные инвесторы тяжко страдают от задержки выплат. Принуждаемая адвокатами нескольких инвесторов оказать хоть какую-нибудь временную помощь, организация в мае учредила беспрецедентную программу «тяжелых случаев» для ускоренного разбирательства по особо неотложным претензиям, что делалось впервые (либо потребовалось впервые). Но незнакомые и запутанные правила,

прилагавшиеся к этой новой программе, лишь пуще разгневали некоторых пожилых инвесторов, нуждающихся в срочной помощи.

Пикард стоял на своем. Суммы выплат будут подсчитываться исходя из принципа «сколько вложил, столько и получишь». При таком подходе на нескольких тысячах клиентских счетов, затрагивающих благосостояние тысяч неведомых людей, «чистых активов» не было вовсе, потому что владельцы счетов к тому времени уже сняли наличных больше, чем вложили. Согласно обидному речевому обороту суда по банкротствам, такие счетодержатели оказались «в чистом выигрыше» и потому им не причиталось ничего до тех пор, пока другие инвесторы не вернут себе свои первоначально внесенные денежные средства, – в переводе с языка юристов это означало «никогда». А что еще важнее для тех, кто оказался в «чистом выигрыше» и в острой нужде, их лишили права на авансовые выплаты SIPC в размере до 500 тыс. долларов.

Такого исхода ожидали многие специалисты по законодательству о банкротствах. С их точки зрения, это был единственно возможный метод подсчета потерь от пирамиды, не раз обкатанный в суде. Но некоторые инвесторы Мэдоффа были убеждены, что во всем виновата SIPC, это она своей властью меняет устоявшийся порядок ликвидации финансовой пирамиды, а иные были готовы вступить в битву, чтобы доказать это. Одним из таких инвесторов была юрист из Нью-Джерси по имени Хелен Дэвис Чейтмен.

По резюме Хелен Чейтмен не скажешь, что она годится на роль Жанны д'Арк в войне, разразившейся вокруг методологии подсчета чистых активов. В середине 1970-х годах она закончила колледж Брин-Мор и решила поступить в школу права. В фирме Phillips Nizer она занималась частной практикой, попеременно работая в офисе фирмы на Манхэттене и в небольшом ее представительстве в Нью-Джерси. Она специализировалась на делах, связанных с ответственностью кредитора, которая определяется законом о банкротстве и представляет собой весьма загадочную область – в этом отношении она под стать ликвидационной стратегии SIPC. Чейтмен даже написала на эту тему авторитетный учебник.

Высокая, худая и бледная, с коротко подстриженными соломенными волосами, Чейтмен выглядела гораздо моложе своих лет и говорила с мягкой, успокаивающей интонацией. Но своих клиентов она защищала неутомимо и напористо. В делах, которые Чейтмен вела *pro bono* , на общественных началах, она яростно отстаивала интересы обездоленных, и ее несомненный дар говорить напористо и убедительно – в суде и вне его стен –

очень помогал ей в юридических баталиях.

В этом деле у нее был свой интерес. По рекомендации знакомого она в 2004 году вложила все свои сбережения в Мэдоффа. Стратегия выглядела «надежной и консервативной», писала она позднее. «Я сказала другу, что единственный риск в том, что Мэдофф – мошенник, – продолжала она. – Друг засмеялся и сказал, что у Мэдоффа безупречная репутация среди финансистов и он был председателем NASDAQ».

Со дня ареста Мэдоффа Чейтмен была полна решимости спасти из-под руин все что только можно и найти виноватых. В своих аргументах она опиралась на одно апелляционное дело, которое было связано с куда меньшей финансовой пирамидой, ликвидированной SIPC несколькими годами раньше. Случай финансовой компании New Times Securities Services был сложный и запутанный, и в нем были три группы жертв, в каждой – свои обстоятельства, плюс внутренние разногласия между SIPC и ее собственным конкурсным управляющим, и в результате два отдельных обращения в апелляционный суд.

Одной группе жертв New Times, которая считала, что украденные у них деньги были использованы для покупки известного взаимного фонда, SIPC сделала выплаты по последним выпискам с клиентских счетов, движение средств на которых, в отличие от клиентских счетов Мэдоффа, в точности повторяло реальные отклонения цен котирующихся на Большом табло акций взаимных фондов, повышаясь и понижаясь в соответствии с движением рынка. Это решение никогда не оспаривалось в апелляционном суде.

Но в отношении другой группы жертв New Times, покупавших высокодоходные ценные бумаги, которые были чистой выдумкой построившего «пирамиду» афериста, суд поддержал отказ SIPC делать выплаты в соответствии с последними выписками по клиентским счетам. «Рассмотрение… фиктивных бумажных прибылей в качестве прибылей, находящихся в границах законных ожиданий клиента, приведет к абсурдной ситуации, когда “обманутые” инвесторы в результате мошеннических обещаний фальшивых ценных бумаг пожинают незаслуженные подарки судьбы», – решил суд.

Так какое из решений по New Times применимо к делу Мэдоффа? Акции голубых фишек, которыми клиенты Мэдоффа, по их мнению, владели, были очевидно более похожи на настоящие взаимные фонды, чем на вымышленные ценные бумаги в деле New Times. Но ценность, приписываемая Мэдоффом этим акциям, больше напоминала непостижимую фантастическую ценность фиктивных ценных бумаг New Times, чем правильные

цены на взаимные фонды, меняющиеся вверх и вниз. Так что было бы преувеличением сказать, как на том настаивала Чейтмен, что постановление по делу New Times кристально ясно доказывает ее правоту – и вообще кристально ясно доказывает что бы то ни было.

Были и другие решения судов, которые прямо опровергали ее мнение: например, в решении по делу против Old Naples Securities, вынесенном в 2002 году во Флориде, суд признал, что «в судебной практике слишком мало прецедентов, чтобы с уверенностью установить чистые активы клиента в подобной ситуации», а именно в небольшой финансовой пирамиде, ликвидированной SIPC. И тем не менее суд постановил, что позволить жертвам «вернуть себе не только первоначальное вложение капитала, но и фиктивный процент… противоречит логике».

Поэтому Чейтмен основывала свои доводы против Пикарда еще и на собственном прочтении закона 1970 года, создавшем SIPC, и комментариях, сделанных составителями закона для пояснения своих намерений. Она понимала их так, что SIPC была программой страховки, созданной для восстановления доверия клиентов после краха диких рынков 1960-х годов. Доверие инвестора можно было поддержать, только если SIPC удовлетворит «законные ожидания» клиентов. В этом случае, доказывала Чейтмен, законные ожидания клиентов были основаны на последних выписках по счетам, которые они получили непосредственно перед тем, как волшебное королевство Мэдоффа растаяло в воздухе.

Однако этот тезис не бесспорный. Сам по себе закон о SIPC не предписывал конкурсному управляющему рассчитывать чистые активы в пирамиде каким-либо определенным способом. Он также не содержал прямого указания конкурсному управляющему удовлетворить требования по последним выпискам, вне зависимости от обстоятельств. Однако витиеватое определение «чистых активов» в законе могло укрепить позицию Чейтмен. Там говорилось, что термин «чистые активы» означает «сумму, которой обладала бы брокерская фирма, если бы ликвидировала все позиции по ценным бумагам клиента, за вычетом тех денег, которые клиент еще был должен фирме за эти ценные бумаги».

Ирвинг Пикард сообщил, что жертвы Мэдоффа годами выплачивали за показанную в отчетах о состоянии их счетов «торговлю ценными бумагами» чисто символические деньги – из фиктивной прибыли, которую Мэдофф записывал на их счета. В действительности за ценные бумаги, показанные в выписках по счетам, они не заплатили Мэдоффу ни цента настоящих денег, за

исключением сделанных ими нескольких взносов наличными, за что Пикард отдает им должное.

Некоторые предыдущие судебные решения противоречили тому, как Пикард трактовал эту часть закона, и вопрос требовал разъяснений суда или Конгресса. Однако нельзя сказать, что он взял свое определение «чистых активов» с потолка или что его позиция прямо противоречила закону и всем предшествующим постановлениям судов.

Но об этом-то и говорила Хелен Чейтмен – говорила неоднократно, красноречиво, пространно, на любой из доступных ей площадок. По ее мнению, в этом вопросе между разумными людьми не может быть расхождений и здесь нет нужды в юридических разъяснениях. Она доказывала, что определяет «чистые активы» правильно и что Пикард умышленно игнорирует закон, чтобы обсчитать жертв Мэдоффа и защитить SIPC, а заодно и хозяев Уолл-стрит.

Ее клиенты и почитатели не усомнились в ее правоте ни на минуту. Для тех, кого трагически ошибочным образом назвали «вчистую выигравшими» и кому в соответствии с исследованием Пикарда SIPC отказала в компенсационных выплатах, Чейтмен была светочем надежды на лучший исход. Они безоговорочно ей доверяли.

Непоколебимое мнение Чейтмен зазвучало с удвоенной силой благодаря набравшему популярность интернет-блогу, который создал и вел декан школы права Лоуренс Р. Велвел, тоже жертва Мэдоффа и критик Пикарда.

Велвела, как и Чейтмен, к Мэдоффу привел доверенный друг, и теперь все его сбережения пошли прахом. Сама его биография ясно говорила о том, что он с первого же дня станет заклятым врагом SIPC: со времен антивоенного движения 1960-х годов он придерживался радикальных взглядов и не скрывал этого. Он был одним из основателей Массачусетской школы права в Эндовере, небольшой и недорогой, призванной обучать студентов из трудящихся классов.

Внешне Велвел походил на добродушного гнома – маленький, коренастый, с округлой белой бородой и в круглых очках. Однако энергии у него было столько, что хватило бы отапливать небольшой город.

На его взгляд, правосудие должно соединяться с «простыми велениями человечности», или это вообще не правосудие. Это означало, что единственно справедливое определение чистых активов – определение, которое обеспечит деньгами SIPC жертв Мэдоффа, иначе они «должны будут жить на пособие или копаться в мусорных контейнерах». Если итогом формулы

«чистых активов» «по Пикарду» будет нищета (а для некоторого, пока еще не известного, числа жертв так оно и будет), то формулу Пикарда нельзя назвать справедливой.

Чейтмен и Велвел стали двумя самыми заметными защитниками несчастных «вчистую выигравших». Их анализ дела New Times распространяли по электронной почте и рассылали журналистам как некую непогрешимую доктрину. Любой, кто с ними не соглашался, становился объектом их уничижительной критики в СМИ и на интернет-форумах жертв.

Любопытно, что они пользовались лексикой Уолл-стрит, которую Мэдофф использовал для маскировки своего преступления. Его жертвы именовали себя «клиентами», которые «делали инвестиции». Он зарабатывал «прибыли», а они изымали их в виде «дохода от инвестиций» и даже, видит Бог, платили с них налоги. На тот момент, когда Мэдофф признался в мошенничестве, у них на счетах благодаря этим «прибылям» еще сохранялись определенные суммы денег. Вот эти-то последние зафиксированные остатки по счетам и есть их потери от аферы Мэдоффа. Все ясно и просто.

Но Ирвинг Пикард и Дэвид Шиэн не видели ни «инвестиций», ни «прибылей», ни фигурировавших в отчетах «остатков» на клиентских счетах. Зато они видели махинации, вранье и краденое добро. По их мнению, Мэдофф был обыкновенный вор-гастролер – въехал в город и всех надул. Некоторых посетила счастливая мысль потребовать вернуть деньги, прежде чем он прыгнул в седло и ускакал на закат. Он отдал деньги, чтобы никто не закричал: «Держи вора!» – а откажи он, так бы и случилось. Этим немногим просто повезло – они увернулись от пули и еле-еле избежали ограбления.

Другие жертвы – те, которым не повезло, – не вернули себе ни гроша, прежде чем Мэдофф ускакал не попрощавшись. В их случае пуля нашла свою цель и ограбление состоялось. В понимании Пикарда и его команды, любая добыча, обнаруженная в седельных сумках жулика, когда его наконец изловили, по праву принадлежала тем самым невезучим, тысячам «проигравших вчистую», и больше никому.

Но «выигравшие вчистую» не чувствовали себя везучими. Они тоже считали себя ограбленными, лишившись богатства, которое, как они полагали, у них было. Они чувствовали себя преданными и Мэдоффом, и Комиссией по ценным бумагам и биржам, и они были правы: их предали, как в трагедии. Но предали и «проигравших вчистую», и цену они заплатили повыше – по крайней мере, в пересчете на наличные. Короче говоря, «счастливчики, выигравшие вчистую» не были счастливы и ничего

не выиграли. Они, по калькуляции Пикарда, попросту не имели права на немедленную помощь, независимо от того, насколько кто-то из них нуждался.

Работа Пикарда, как долго понимал ее суд, состояла в том, чтобы попытаться усадить всех невинных жертв Мэдоффа в одну лодку, с общим правилом для всех пассажиров: они жертвуют всеми своими фиктивными прибылями, но возвращают себе все изначально вложенные деньги. На день ареста Мэдоффа «выигравшие вчистую» уже получили вложенные деньги назад, а «вчистую проигравшие» – нет. «Проигравшие вчистую» никогда не получали фиктивных прибылей, а «выигравшие вчистую» их получали.

Мэдофф грабил Петра, чтобы заплатить Павлу. Единственный способ исправить это состоял в том, чтобы теперь отобрать деньги у Павла и отдать их Петру. Даже если конкурсный управляющий и нашел бы способ уплатить Петру из некоего иного источника денег, Павел по-прежнему оставался бы состоятельнее Петра, потому что получал фиктивные прибыли, а Петр их не получал. И до тех пор, пока всем каким-то образом не удалось бы вернуть полную сумму, указанную на последних выписках по клиентским счетам, неизбежно получалось бы, что «вчистую проигравшие» будут ущемлены по сравнению с «вчистую выигравшими», а это, как ни крути, несправедливо.

Не было ли сразу после ареста Мэдоффа такого момента, когда для помощи наиболее тяжко пострадавшим от преступления можно было применить иной подход?

Правосудие, обеспечиваемое судами по банкротствам, слепо. К «выигравшим вчистую» богачам вроде владельцев New York Mets оно относется точно так же, как к обнищавшим «выигравшим вчистую» – школьным учителям на пенсии или начинающему писателю. Оно одинаково относется и ко всем «вчистую проигравшим», будь то богатый хедж-фонд с Карибских островов или вышедший на пенсию мэр из маленького городка в Нью-Джерси. И это правосудие не только слепо, но и медлительно, слишком медлительно, чтобы оказывать срочную помощь.

Существует образец иного подхода. После террористического нападения 11 сентября 2001 года Конгресс признал, что судебная система, которая должна заниматься исками семей жертв против авиакомпаний, аэропортов и Управления аэропортами Нью-Йорка и Нью-Джерси, – это гиблый вариант. Погибли тысячи кормильцев, и их семьям требовалась немедленная помощь, справедливо распределенная. Поэтому Конгресс создал фонд возмещения убытков жертвам, и его чрезвычайный распорядитель был уполномочен разрабатывать решения о возмещении таким

образом, чтобы те отражали и справедливость, и милосердие. Все это финансировал Конгресс – в обмен на согласие не подавать в суд на авиакомпании либо иное лицо, которое суд мог признать виновным в небрежности или неосторожности. Окончательное распределение заняло два года, и общее мнение признало его справедливым.

Совсем недавно, когда катастрофический разлив нефти весной – летом 2010 года на северном побережье Мексиканского залива причинил населению и бизнесу огромный ущерб, был предпринят похожий подход: чтобы ускорить процедуру распределения фондов, выделенных корпорацией British Petroleum для выплат по компенсациям ущерба, в точности так же был назначен чрезвычайный распорядитель. Эта попытка захлебнулась после того, как чрезвычайный распорядитель пообещал решить проблему быстрее, чем было в его силах. Но притом что у недовольных его постановлениями оставалась возможность обратиться в суд, общее мнение все же признало такой подход более эффективным способом возмещения убытков, чем долгий путь через судебную систему.

Разумеется, чрезвычайный распорядитель гипотетического «Фонда возмещения убытков жертвам Мэдоффа» столкнулся бы с теми же проблемами, с которыми столкнулся конкурсный управляющий SIPC: уголовное следствие, вероятность того, что некоторые жертвы Мэдоффа на самом деле были его сообщниками, недостоверные либо несуществующие документы. Налогоплательщики, не возражающие против денежных возмещений вдовам и сиротам жертв 11 сентября, несомненно, отказались бы платить богатым офшорным хедж-фондам, а единственным карманом, который в возмещении по искам мог сыграть роль British Petroleum, была сама SIPC, которая для того и была создана, чтобы принимать на себя обязательства по банкротному процессу.

И все же была, наверное, возможность некоего принципиального решения SIPC, неформального, индивидуального подхода для оказания экстренной помощи наиболее нуждающимся жертвам, если бы только Комиссия по ценным бумагам и биржам сразу осознала масштаб катастрофы и обратилась в Белый дом, чтобы призвать Конгресс отреагировать более адекватно.

Но действительность конца 2008 года была такова, что Комиссия оказалась связанной по рукам и ногам своей историей отношений с Мэдоффом и к тому же сама находилась в процессе смены руководства, пока новая администрация переезжала в Белый дом. Разделенный Конгресс уже вступил в борьбу за

рушащиеся банки, с трудом балансирующие страховые фирмы, автопроизводителей на грани банкротства и несколько крупных брокерских компаний, попавших в опасное положение. Поднималось цунами конфискаций заложенного под ипотечный кредит жилья, росла безработица, а большинство источников потребительского и делового кредита страны охватил паралич.

За отсутствием более продуктивного и гибкого выбора основной возможностью была слепая, медлительная и вызывающая яростные протесты ликвидация в суде по банкротствам руками SIPC.

Судебные иски на предмет «возврата сумм, выплаченных ранее» – неотъемлемая часть ликвидации в суде по банкротствам. Обычно конкурсный управляющий первым делом ищет случаи изъятия денег непосредственно перед крахом финансовой пирамиды. При некотором везении может обнаружиться несколько нетронутых банковских или брокерских счетов либо несколько дорогостоящих игрушек и миленьких домиков, которые можно забрать и продать. Хотя по своей сути финансовая пирамида – это просто банковский счет обманщика с пачкой приходных ордеров на одном конце и чековой книжкой на другом. Источник жизненной силы пирамиды – в деньгах, текущих в нее в виде «инвестиций» и вытекающих в виде «изъятий».

Чтобы вернуть инвесторам утекшие деньги, Пикарду требовалось судиться с теми, кто их изымал, и эту обязанность «выигравшие вчистую» рассматривали как угрозу, направленную непосредственно против них, особенно это касалось тех, кто изъял на миллионы долларов больше, чем вложил изначально. Если бы Пикарда можно было заставить признать за основу их исков последние выписки по их клиентским счетам, тогда в их собственности по-прежнему оставались бы деньги из ликвидационной массы, независимо от того, сколько они изъяли. Это означало бы, что они полностью защищены от процессов по «возврату сумм, выплаченных ранее», и, в свою очередь, возвращение по суду многих миллиардов долларов, чего требовал Пикард, стало бы невозможным.

Пикард исходил из того, что на удовлетворение всех претензий жертв Мэдоффа имеется в наличии ограниченная сумма денег. В его понимании «выигравшие вчистую» уже получили на руки каждый цент каждого доллара, который они вручили Мэдоффу. Но – при самых оптимистичных прогнозах – Пикард опасался, что «вчистую проигравшие» получат лишь двадцать, в лучшем случае тридцать центов на доллар, если Дэвиду Шиэну очень повезет с крупномасштабными исками по

«возврату ранее выплаченных сумм».

Если ему не повезет и этот ограниченный фонд наличности уменьшится, а затем будет разделен между всеми клиентами Мэдоффа на основании конечных остатков на их счетах, может статься, что выплата будет исчисляться в лучшем случае несколькими центами на доллар.

Но что, если активы не ограничены? Что, если найденные седельные сумки жулика бездонны? Что, если кто-либо – та же SIPC или Комиссия – возьмет да и прискачет со всеми этими 64,8 млрд долларов, необходимыми для выплаты всех ста процентов остатка по счету каждого клиента?

По закону SIPC могла обратиться за деньгами к Уолл-стрит, а Комиссия могла получать деньги из Казначейства. Вероятно, этот вариант многим жертвам Мэдоффа казался справедливым: жирные коты с Уолл-стрит должны обеспечить те фиктивные прибыли, которые пообещал им Мэдофф, да и нерадивые регуляторы, позволившие случиться этому бедствию, тоже должны скинуться.

Дискуссия вокруг компенсаций ширилась. Почему нужно ограничиться спасением жертв Мэдоффа? В 2008 и в первой половине 2009 года распались или были закрыты буквально десятки финансовых пирамид. И как быть с законными прибылями остальных американцев, потерпевших убытки в том же самом крахе рынка, который вызвал падение Мэдоффа? Отчего фиктивные прибыли, обещанные жуликом, могут волшебным образом вернуться на банковские счета его клиентов, тогда как законные прибыли от реальных честных сделок всей остальной Америки попросту исчезли?

Эти вопросы предвещали если не войну, то что-то вроде нее, и первый выстрел прозвучал 5 июня 2009 года.

В этот день небольшая фирма Lax & Neville подала коллективный иск против Пикарда от имени истцов, чьи требования он отверг. Одним из истцов был семидесятишестилетний житель Нью-Йорка Алан Голдстайн, который, будучи жертвой Мэдоффа, вскоре после его ареста давал показания в Конгрессе.

На слушаниях Конгресса он был красноречив. «Я – человеческое лицо трагедии, – говорил он Финансовому комитету 5 января. – Я говорю не только за себя, но и за многих, которые из-за этой финансовой пирамиды потеряли все».

За свою трудовую жизнь он накопил 4,2 млн долларов пенсионных сбережений и все вложил в Мэдоффа. На протяжении 21 года растущих рынков и подъема конъюнктуры Мэдофф выплачивал ему устойчивый годовой доход, варьирующийся от 8

% до 12 %. «Я был готов отказаться от сверхвысоких прибылей в годы бума в пользу большей надежности, – говорил он. – Мы доверили мистеру Мэдоффу все, что имели, а теперь пропало все, что я заработал за пятьдесят лет».

После краха он был вынужден обратить в деньги свой полис по страхованию жизни, чтобы выплатить взнос по закладной, пытался продать дом на депрессивном рынке и опасался, что его лишат права выкупить дом. «До этой поры я не мог и представить, что с нами случится такое финансовое бедствие, – добавил он. – В мгновение ока исчезли все сбережения, ради которых я трудился всю мою жизнь… Сегодня, когда я сижу перед вами, я конченый человек».

Он потребовал от Конгресса основать фонд реституции и ввести в действие своего рода чрезвычайное законодательство, которое позволило бы SIPC «ослабить нормы» и распределять деньги с большей скоростью. И заключил: «Мы не доверительные фонды, не хедж-фонды и не банки. Мы обычные люди, которые были жертвами непостижимого преступления и жизни которых перевернулись вверх дном. Мы обращаемся к вам, единственной нашей надежде, за помощью, в которой мы так отчаянно нуждаемся».

Но Конгресс не ввел в действие ни чрезвычайного законодательства, ни фонда реституции. Не вызвали изменений в политике SIPC и призывы к Комиссии по ценным бумагам и биржам. В частном порядке регуляторы могли раздражаться на то, что SIPC решает назревший вопрос расширения связи с общественностью. Но и у самой Комиссии в отношениях с общественностью имелись громадные проблемы, и в битве вокруг чистых активов она вообще не принимала на себя никаких обязательств, пока этого не потребовал суд.

Иск Lax & Neville последовал почти сразу после аналогичного иска Хелен Чейтмен. Она доказывала, что Пикард несправедлив и непоследователен, что процессы по «возврату выплаченных ранее сумм» попросту аморальны и что и иски по возврату, и Пикарда следует исключить из процесса по искам к Мэдоффу, если жертвы вообще хотят добиться правосудия.

Вдохновленные своими неутомимыми защитниками, «выигравшие вчистую» стали более организованными. В письмах в редакции, в постингах в Интернете, в интервью СМИ и в письмах в Конгресс и в суд они отточили свои аргументы против подходов Пикарда, основанных на анализе входящих и исходящих денежных потоков. Некоторые из них учреждали группы защиты, формировали альянсы с другими группами жертв мошенничества и лоббировали в Конгрессе в пользу законодательного акта,

который заставил бы Пикарда и SIPC признать их претензии.

«Проигравшие вчистую» были менее склонны к публичным выступлениям. Они нашли молчание не столь ранящим – все-таки Ирвинг Пикард и Дэвид Шиэн вели их бой, и они не хотели подставляться под атаки более шумных «вчистую выигравших». Но так как никто не выступал публично от имени «вчистую проигравших», то сторонников подхода, основанного на анализе денежных потоков, кроме Пикарда и Шиэна, не было видно.

14. За грехи отца

Незадолго до трех часов дня среды 17 июня 2009 года генеральный контролер Комиссии по ценным бумагам и биржам Х. Дэвид Котц, невысокий и подвижный темноволосый человек с глубоко посаженными глазами, вошел в здание шоколадного цвета исправительного центра Metropolitan в глубине федерального комплекса на манхэттенской Фоли-сквер. Котца сопровождала его заместитель, стройная блондинка по имени Ноэль Френджипейн.

Они пришли расспросить Берни Мэдоффа о том, каким образом он более десятилетия ускользал от десятков следователей Комиссии.

В исправительном центре – попросту говоря тюрьме – им указали небольшое помещение для свиданий, обставленное лишь несколькими стульями и не имеющее даже стола, где к ним присоединились Айк Соркин и его коллега Николь Дебелло.

После короткого ожидания вошел Мэдофф в сопровождении охранника, который освободил его от наручников. Несмотря на три месяца в тюрьме, он, если не считать тюремной униформы, выглядел почти так же, как в новостных выпусках и тематических телепередачах последних шести месяцев.

Котц попросил его принести свидетельскую клятву, но Мэдофф отказался. Когда Соркин напомнил, что он обязался «говорить правду», он просто кивнул.

Мэдофф тут же захотел прояснить некоторые вопросы. Он заявил, что прокуратура и Ирвинг Пикард неверно поняли кое-что из сказанного им на декабрьской встрече, когда они обсуждали отказ от обвинения. «Ходит много ложной информации» о деле, начал он, поспешно добавив: «Я не говорю, что я невиновен».

Затем он пустился излагать историю, сплетенную из правды и лжи, о том, что якобы произошло на самом деле, позволив Котцу узнать из первых уст, как он годами вертел юристами Комиссии.

Он утверждал, будто все, что он рассказывал Комиссии о своей стратегии опционной торговли – «конверсии с разделением страйка» – и о компьютерных алгоритмах, было чистой правдой: в начале своей брокерской деятельности он в самом деле с успехом покупал и продавал акции и опционы. «Тут надо нутром чуять, хотя теперь у нас и есть искусственный интеллект, – продолжал он. – Это сочетание новейшей технологии и интуиции трейдера, а я был хорошим трейдером». Он повторил то, что говорил в суде: что афера началась в начале 1990-х как временная мера. «Я набрал обязательств на слишком большую сумму, и стратегия

забуксовала, – говорил он Котцу, пересыпая свою речь биржевым жаргоном и переплетая выдумку с правдой. – У меня был европейский банк, я исполнял прямые конверсии, а они делали обратные… Я думал, что справлюсь».

Когда же прибыли снизились, говорил он, «Я подумал: ладно, я просто сгенерирую эти [фальшивые] сделки, а потом рынок придет в порядок и я отыграю назад. Но этого не произошло. Это была моя ошибка. Надо было примириться с потерей пары сотен миллионов и смотать удочки».

В почти сюрреальной манере Мэдофф продолжал уверять Котца – дословно, – что инвестиционная стратегия, которую он якобы применял все эти годы, работала и была настоящей и «не такой уж экзотичной». Крупные фирмы Уолл-стрит могут сколько угодно уверять, что видели его насквозь, но в числе его клиентов было несколько бывших высших руководителей Merrill Lynch и Morgan Stanley, сказал он – и это была чистая правда.

«Люди, более чем достойные доверия, знали, что так можно, иначе они не стали бы клиентами… нужно всего-навсего посмотреть, на каких людей я работал, и вы сами поймете, что это правдоподобная стратегия», – продолжал он. Эти люди «знали всяко побольше, чем этот ваш Гарри» (он имел в виду Гарри Маркополоса). Мэдофф не отказывается признать то, что, даже если бы его стратегия применялась честно, она не приносила бы таких прибылей каждый месяц на протяжении почти двадцати лет, а в многомиллиардном масштабе ее вообще невозможно было применять честным образом, не завалив рынки.

Относительно провальных попыток Комиссии поймать его он отозвался учтиво, но убийственно: «Вероятно, все сводится к слабому финансированию».

Мэдофф ответил и на другие вопросы Котца. В мае 2006 года он, свидетельствуя перед Комиссией, не консультировался с адвокатом, полагая, что отсутствие адвоката убедит всех, что ему нечего скрывать. К тому же он за себя не беспокоился. «У меня на все были ответы, – говорил он. – Концы с концами сходились».

И, нет-нет, он не встревожился, когда в начале 2006 года опросили и Фрэнка Дипаскали, сказал он, как всегда легко солгав: «Он к тому же вообще не знал ни о каких нарушениях». И, нет-нет, он никогда не подделывал документов DTCC для того, чтобы предъявить их Комиссии. Более того, он настаивал, что следователи Комиссии, разбиравшие в 1992 году дело Avellino & Bienes, убедились, что его сделки были настоящими. Он и сам понятия не имел, что у этих двоих «были тысячи клиентов».

Мнение Мэдоффа, которое, по-видимому, складывалось по мере того, как он отвечал на вопросы Котца, состояло в том, что

неослабное внимание Комиссии к преступлению, которого он не совершал, ослепило ее в отношении преступления, которое он совершил. Иными словами, они легко могли бы его поймать. Они «задали все правильные вопросы и все же зациклились на торговле с опережением», сказал он. И добавил: «Им в Комиссии и в голову не приходило, что это финансовая пирамида». Даже выяснив номер его счета в расчетной палате DTCC, Комиссия не удосужилась проверить, есть ли на нем ценные бумаги, показанные на выписках с клиентских счетов.

«Это первое, что делают, когда ищут финансовую пирамиду», – заявил он Котцу. Мэдоффа это изумило. Он тогда подумал: «В конце концов, я легко отделался».

В один из редких моментов задумчивости Мэдофф заметил: «Я сам себя загнал в ужасное положение. Это кошмар». До тех пор деловой и собранный, он на миг утратил самообладание, раздумывая о «сущем аде», с которым столкнулась его семья: «Это трагедия, это кошмар». Но вскоре уверенность к нему вернулась, и он принялся уверять, что сделал для отрасли много хорошего – до того, как совершил преступление. «Помимо того, что люди потеряли деньги, хуже всего, на мой взгляд, то, что я отбросил отрасль назад», – сказал он.

К этому моменту Котц начал задаваться вопросом, знает ли сам Мэдофф, где у него проходит граница между правдой и ложью. Один из диалогов этого дня останется в его памяти и месяцы спустя, четко и выразительно.

Подделывали ли вы документы, чтобы представить их Комиссии?

Нет, отвечал Мэдофф почти оскорбленно. И сказал, что представил Комиссии те же документы, что и клиентам.

Но разве эти выписки по клиентским счетам не были фальшивыми?

Нет, не были. Мэдофф сделал паузу секунд в тридцать, прежде чем сделать крохотный поклон в сторону реальности.

«Я понимаю, отчего они вам кажутся фальшивыми», – промолвил он.

В понедельник 22 июня Айк Соркин доставил письмо судье Денни Чину, который на следующей неделе осудит Мэдоффа. «Мы не ищем ни милосердия, ни сочувствия, – писал Соркин. – Со всем почтением мы просим только справедливости, которая всегда была и, надеемся, будет краеугольным камнем системы нашей уголовной юстиции».

Его письмо – дань обрядам американской юстиции. Это был шанс Соркина убедить судью Чина игнорировать требования обвинения – 150 лет заключения, которые обвинители насчитали

уже после того, как Мэдофф согласился признать свою вину, – как и требование пожизненного заключения, выдвинутое жертвами Мэдоффа в электронных и обычных письмах, которые прокуроры собрали для предъявления в суде.

Конфиденциальный «доприговорный доклад» федеральной службы пробации только что лег на стол судьи Чина. В нем подробно излагалась история преступлений Мэдоффа и описывался нанесенный им ужасающий ущерб. Доклад рекомендовал тюремный срок продолжительностью 50 лет.

В своем письме Соркин призывал судью подумать о приговоре с десятилетним тюремным сроком. Принимая во внимание возраст Мэдоффа и ранний возраст смерти его родителей, такой срок оставлял хотя бы слабую надежду на то, что однажды Мэдофф выйдет из тюрьмы (в возрасте восьмидесяти трех лет).

Соркину было известно о буре справедливого гнева и «разбивающих сердце историях утрат и обнищания», отраженных в посланиях жертв к суду. Послания, все как одно, требовали посадить Мэдоффа в тюрьму до конца жизни. Гнев жертв, писал он, был «несомненно, оправданным в свете обстоятельств» дела, которое повлекло за собой столь тяжкие последствия для столь многих. Соркин пообещал, что на заслушивании приговора Мэдофф «будет говорить о стыде, который он ощутил, и о боли, которую причинил».

Соркин отметил, что в письмах жертв, представленных судье Чину, не было антисемитского яда и смертельных угроз, как в тех письмах, которые получали Соркин и его клиент. Но все же эти письма глубоко беспокоили Соркина. «Одинаковое звучание заявлений жертв наводит на мысль о желании своего рода группового возмездия, – писал он. – Долг суда в том, чтобы отодвинуть эмоции и истерию, сопутствующие этому делу, и вынести приговор справедливый и соразмерный рассматриваемому поступку».

Когда слова ходатайства Соркина стали известны публике, они только подлили масла в огонь гнева жертв Мэдоффа.

В пятницу 26 июня в кабинете Питера Чавкина ожил факс, извергнув «страницу подписей» юридического документа. Когда Чавкин и его клиентка Рут Мэдофф подпишут эту страницу, Рут должна будет передать в пользу государства свое имущество более чем на 800 млн долларов: портфель муниципальных облигаций, манхэттенский пентхаус, пляжный дом в Монтоке, дом в Палм-Бич, квартиру о трех спальнях на Французской Ривьере, яхты и автомобили, мебель и предметы искусств, рояль Steinway, на котором играл ее сын Эндрю, ее шубы, поношенные дизайнерские сумки, старинные драгоценности, веджвудский

фарфор и серебро Christofle и даже принадлежавшее Берни студенческое кольцо выпуска 1960 года Университета Хофстра.

Она подписала бы изъятие любой ценимой ею вещи, которую считала своей до того декабрьского дня, когда муж открыл ей, что ее мечта полностью построена на украденных им мечтах других людей, многих из которых она знала и любила всю жизнь.

Предлагая Рут Мэдофф это гражданско-правовое соглашение, прокуратура сделала некоторые существенные признания, как открыто, так и в неявном виде. Обвинение открыто признало, что оно не в состоянии доказать в суде правомерность своих притязаний на имущество Рут стоимостью 14,5 млн долларов (пентхаус на Манхэттене и пляжный дом в Монтоке), приобретенное до того, как началась, согласно заявлению Мэдоффа, его афера. Они признавали также, что она может побороться с ними в суде за другое передаваемое ею имущество стоимостью в 70 млн долларов.

С другой стороны, негласный посыл соглашения состоял в том, что прокуратура не выдвигает уголовных обвинений против Рут Мэдофф. Если бы основания для таковых имелись, не было бы надобности в гражданско-правовом соглашении. Если бы ее можно было обвинить и осудить, они, в соответствии с законодательством о конфискации в уголовном порядке, наложили бы руку на каждый имеющийся у нее пенни, и она никаким образом не смогла бы им воспрепятствовать.

Поэтому в обмен на согласие подписать передачу этих активов без борьбы Рут позволили сохранить 2,5 млн долларов, чтобы она устроила себе новый дом, новую жизнь, какое-нибудь будущее.

Пожалуй, это было единственным возможным для нее облегчением, даже если это соглашение защищало ее только от будущих претензий прокуратуры. Оно не защищало ее от чьих-либо еще исков, включая конкурсного управляющего Ирвинга Пикарда. И оно безусловно не защищало ее от подозрений и оскорблений, с которыми она сталкивалась каждый день в мире за стенами тихой юридической конторы в башне рядом с Крайслер-билдинг.

Так или иначе, она подписала соглашение недрогнувшей рукой, как и Чавкин. В какой-то момент эту страницу передали по факсу судье Чину и в федеральную прокуратуру.

Теперь сцена была готова к понедельничному спектаклю. 29 июня зрители тесно расселись на полированных скамьях богато украшенного официального зала суда со стенами, забранными деревянными панелями и золоченым потолком с кессонами, на девятом этаже здания федерального суда. Судебные приставы

внимательно изучали толпу, готовые к любой вспышке неконтролируемых эмоций.

Судья Чин быстро и грациозно, как всегда, занял свое место в высоком резном кресле, а обвинение и адвокаты защиты уже сидели за столом перед ним. За несколько минут до того, как пробило десять часов утра, привели Берни Мэдоффа и усадили его рядом с Айком Соркином. Он похудел. Знакомый серый костюм, белая сорочка и серый галстук, которые Рут дозволено было забрать на прошлой неделе из его квартиры, выглядели взятыми с чужого плеча. Он выглядел осунувшимся, серым, серебряная шевелюра стала тускло-оловянной.

Ждали начала четырехактной драмы вынесения уголовного приговора.

После церемоний, похожих на подъем занавеса, судья Чин пригласил на сцену жертв Мэдоффа. Сотни жертв прислали суду письма и многие в тот день присутствовали в зале. Девять человек попросили разрешения обратиться к суду, и на богато украшенных перилах, отделявших скамьи для публики от места судьи и адвокатов, разместили микрофоны.

Бывший служащий тюрьмы, пенсионер Доминик Амброзино еле протолкался к микрофону с тесной скамьи. Он описал решения, которые изменили жизнь людей и которые были приняты в уверенности, что их деньги размещены надежно. Его пенсионные выплаты, его сбережения, доход от продажи их с женой дома, покупка ими дома на колесах во исполнение мечты о путешествиях – все эти решения они уже не могли отменить, решения, принятые потому, что они доверились Мэдоффу.

Морин Ибел, миниатюрная вдова в возрасте 61 года, выступившая на слушании, направила свою первую стрелу в Комиссию по ценным бумагам и биржам, которая «по своей полной некомпетентности и преступной небрежности позволила психопату обокрасть меня и весь мир». Теперь она работала на трех работах, продала свой дом и множество пожитков. «Я опустошена тяжкими переживаниями», – сказала она.

Несколько мест работы – только это и поддерживало существование Томаса Фицмориса и его жену, которым было по шестьдесят три года. Мэдофф «выманил деньги у своих жертв, чтобы он с женой Рут и двумя сыновьями могли жить в немыслимой роскоши, – сказал он, – жизнью, «подобающей разве что королевской семье, но не обычному вору».

Фицморис зачитал послание своей жены к Мэдоффу. Ее дети наделяют ее «всегдашней любовью и поддержкой», писала она. «А ваши двое сыновей, мистер Мэдофф, наоборот, презирают вас. Вашу жену, и это только справедливо, поносят и избегают друзья

и соседи. Вы оставили своим детям наследие позора. Мой брак заключен в раю. Ваш брак заключен в аду, и туда вы, мистер Мэдофф, и вернетесь».

Карла Хиршхорн рассказала, что лишилась фонда на учебу дочери в колледже, зато приобрела полную неясность в связи с тем, как ей теперь оплачивать счета. «С 11 декабря жизнь стала сущим адом, – говорила она. – Это страшный сон, от которого нельзя проснуться».

Шарон Лиссауэр, хрупкая красивая блондинка в светлом летнем платье, перед тем как начать, была готова заплакать. Она доверила Мэдоффу все, а он все украл. «Он разрушил столько жизней, – говорила она мягким, до странного нежным голосом. – Он убил мой дух и разбил мои мечты. Он разрушил мою веру в людей. Он разрушил мою жизнь».

Берт Росс, обаятельный пожилой мужчина, опирающийся на две клюки, подсчитал, что лишился пяти миллионов долларов. Затем он красноречиво описал жизнь Мэдоффа. «Что можно сказать о Мэдоффе? – спросил он. – Что он был филантропом? Он был филантропом на краденые деньги. Хороший семьянин? Он оставляет своим внукам имя, позорящее их. И это он-то правоверный еврей? Он как никто постарался упрочить проклятый стереотип, будто мы заботимся только о деньгах». Росс припомнил Дантов «Ад» и посулил Мэдоффу самый ужасный, нижний круг.

Молодой человек по имени Майкл Шварц объяснил, что часть трастового фонда, которую Мэдофф украл у его семьи, предназначалась «на уход за моим умственно отсталым братом-близнецом». Он заключил: «Я только надеюсь, что его приговорят к такому долгому сроку, что тюремная камера станет ему гробом».

Следующей выступила Мириам Зигман. Она повторила свое пожелание, сделанное во время слушания о признании вины: чтобы его судили публично, чтобы в суде перед присяжными раскрылась вся правда, чтобы он признал «губительные последствия» преступления, из-за которых несколько человек уже дошло до самоубийства.

Последней выступила прекрасно владеющая литературным языком бухгалтер Шерил Вайнстайн, бывший финансовый директор «Хадассы». Через два месяца ее бледное белокожее лицо, обрамленное мягкими светлыми волосами, появится на обложке воспоминаний, в которых она утверждает, что состояла в недолгой связи с Берни Мэдоффом. В этот день она сказала: «Я знала, что важно выступить тому, кто был лично знаком с Мэдоффом». Она красочно описала «эту тварь по имени Мэдофф»:

«Он среди нас. Он одет как мы. Он водит машину, ест, пьет и говорит. Под этой личиной настоящая тварь».

Это был печальный многоголосый хор жалобщиков, и песня его то прерывалась тихими рыданиями, то вновь наливалась гневом. Каждая жертва, красноречивая или косноязычная, говорила о том, как горько чувствовать себя обманутым – обманутым Мэдоффом, Комиссией, ходом судебных разбирательств, самой жизнью.

Судья Чин серьезно поблагодарил их и вопросительно склонил голову: «Мистер Соркин?»

В подобных случаях выступление защитника не более чем дивертисмент между актами. Кто сможет защитить человека, причинившего столько горя, загипнотизировавшего зал суда почти на час? И все же Соркин должен был попытаться.

«К тому, что мы услышали, нельзя остаться равнодушным, – сказал он. – Нельзя не проявить сочувствия к страданиям жертв. Это, как выразились некоторые жертвы, трагедия на всех уровнях… Мы представляем глубоко ущербную личность – но, ваша честь, мы представляем человека».

Свою речь Соркин заключил настоянием вынести приговор без мести и гнева. «Мы лишь просим, ваша честь, чтобы к мистеру Мэдоффу отнеслись с пониманием и поступили с ним по справедливости».

Теперь наставало время второго акта, самого Берни Мэдоффа.

Он приготовил речь, похожую на его мартовское заявление, но звучащую куда более характерно для того человека, который существовал до 11 декабря 2008 года.

«Ваша честь, моему поведению нет оправдания, – начал он, повернувшись к судье. – Как простить предательство тысяч инвесторов, доверивших мне сбережения всей жизни? Как простить обман двухсот сотрудников, которые провели бóльшую часть своей карьеры, работая на меня? Как простить ложь брату и двум сыновьям, которые провели всю свою взрослую жизнь, помогая выстраивать успешный и уважаемый бизнес? – Он остановился, чтобы перевести дыхание. – Как простить то, что я лгал жене и обманывал ее – жену, которая пятьдесят лет была рядом и все еще остается рядом?»

Он мало-помалу продвигался к смазанному, невнятному описанию содеянного.

«Когда я начал это – свое преступление, – я был убежден, что смогу справиться и выберусь, но это стало невозможным. Чем больше я пытался выбраться, чем глубже увязал в яме».

Он привык к промахам трейдинга, сказал он, они – часть ремесла и он прощал себе их. Но в этом случае он допустил

больше чем промах, он допустил «ужасную ошибку в суждениях. Я отказывался принять факт… не смог принять тот факт, что на этот раз потерпел неудачу. Я не смел сознаться в этой неудаче, и в этом заключалась трагическая ошибка».

На бумаге его слова казались глубоким раскаянием, хотя они были зачитаны холодным свинцовым голосом.

«Я в ответе за страдания и боль многих людей. Я это сознаю. Ныне я живу в мучениях, изведав всю боль и все страдания, которые причинил другим. Как указали некоторые из моих жертв, я оставил наследие позора семье и внукам. И с этим я проживу остаток моей жизни. – Слишком поздно он попытался устранить вред, нанесенный месяцами глухой немоты. – Меня винят в том, что я молчал и не выражал сочувствия. Это неправда. Мою жену винят в том, что она молчит и не выражает сочувствия. Нет ничего более далекого от правды. Понимая, какую боль и какие муки я причинил, она каждый вечер плачет, пока не уснет, и меня терзает также и это».

Он рассказал, что они с Рут молчали по совету адвоката. Но добавил, что Рут позже в тот же день выпустит письменное заявление, выражающее ее душевную боль и сострадание к жертвам.

«Я прошу вас прислушаться к этому. Рут невиновна. И я прошу вас выслушать ее».

Невозможность что-либо исправить или изменить, казалось, перечеркивала даже его заключительные слова. Он почти признал это сам: «Я не могу сказать ничего, что исправит содеянное мною… я не могу сделать ничего, чтобы облегчить чью-либо участь. – И напоследок добавил: – Но весь остаток своей жизни я буду жить с этой болью, с этими страданиями. Я прошу прощения у моих жертв. – Он, с изможденным лицом и глубокими серыми ямами в подглазьях, резко повернулся и взглянул на заполненный людьми зал суда. – Я обращаюсь к вам, стоя перед вами, и говорю: простите. Я знаю, что вам это не поможет. – Он вновь повернулся к судье. – Спасибо, что выслушали, ваша честь». – И сел.

Речь обвинения тоже была кратким привычным соло перед заключительным актом. Все знали, что прокуратура требовала приговора в 150 лет. Свои резоны прокуроры изложили в меморандуме, несколько дней назад представленном публике. «Более двадцати лет он обкрадывал людей без жалости и раскаяния, – сказала прокурор Лиза Барони. – Ему доверились тысячи, и всех он систематически обманывал».

Но кульминация в этой драме была прерогативой исключительно судьи Чина.

«Несмотря на эмоциональную атмосферу, я не поддерживаю предположения, будто бы жертвы и другие добиваются коллективного отмщения», – заметил он. И согласился с тем, что Соркин и Мэдофф вправе рассчитывать на приговор, «вынесенный объективно, без истерии и неуместных эмоций».

Но на этом он не остановился.

«Говоря объективно, афера была грандиозной, – продолжал судья. – И продолжалась более двадцати лет».

Возможно, говорил судья, до второй половины 1990-х годов Мэдофф не смешивал деньги аферы с активами фирмы, «но ясно, что мошенничество началось еще раньше».

Судья Чин не обнаружил смягчающих обстоятельств. «В подобном случае беловоротничкового мошенничества я бы ожидал видеть письма от семьи, друзей и коллег. Но не поступило ни одного письма с описанием добрых дел мистера Мэдоффа, или его доброй натуры, или гражданской и благотворительной деятельности. Отсутствие такой поддержки говорит само за себя».

Судья признал, что, с учетом возраста Мэдоффа, любой приговор сроком свыше двадцати лет является пожизненным. «Но важен сам символ», – добавил он. Предательство Мэдоффа оставило многих, а не только жертв «в сомнениях касательно наших финансовых институтов, нашей финансовой системы, в способности нашего правительства регулировать и защищать и, как ни грустно говорить об этом, в сомнениях в самих себе».

Жертвы «не поддались искушению коллективной мести», заключил он. «Напротив, они поступали так, как было должно: доверились нашей системе правосудия… Осознание того, что мистер Мэдофф наказан по всей строгости закона, может в немалой мере помочь скорее заживить нанесенные жертвам раны».

Он сделал паузу.

«Мистер Мэдофф, прошу вас встать, – приказал он. Мэдофф и Соркин встали. – Решением суда обвиняемый Бернард Лоуренс Мэдофф признан виновным и приговаривается к тюремному заключению сроком 150 лет…»

Его прервали радостные выкрики из зала, но он немедленно пресек беспорядок и начал перечислять приговоры за каждое преступление по отдельности. «По букве закона, – добавил он, – приговор должен быть выражен… в месяцах, а сто пятьдесят лет равны одной тысяче восьмистам месяцам». После этого в запись добавили несколько уточнений, а Мэдоффа известили, что у него есть ограниченное право на апелляцию.

Занавес опустился: «Объявляется перерыв».

Мэдоффа снова заковали в наручники и повели к боковой двери. Ему исполнился семьдесят один год, и, будь у него еще две таких жизни, он провел бы их в тюрьме.

Еще одна глава истории аферы Мэдоффа была закрыта всего через три дня после вынесения приговора. В восьми километрах от федерального суда по направлению к окраине в гардеробной главной спальни пентхауса на Восточной Шестьдесят четвертой стояла судебный маршал (пристав), и Рут Мэдофф выясняла у нее, какие вещи можно разложить по коробкам и забрать с собой.

Рут Мэдофф оставляла технику, мебель, предметы искусства, дизайнерскую одежду, вечерние платья, шубы из лучших мехов – все «застрахованное и готовое к продаже имущество» в доме, который когда-то был ее собственным. Ей сказали, что она может сохранить вещи, которые маловероятно продать, и она надеялась сохранить сильно поношенную меховую шубу тридцатилетней давности, которую держала в руках и которая была слишком старой и не стоила ни гроша.

Ну, хоть доллар-то она стоит, ответила пристав. И шуба осталась.

Остались и принадлежности для гольфа: ношеные туфли, три пары старых перчаток, разные и неновые мячи, вязанные крючком чехлы для клюшек; и семь почтовых марок в память Эллы Фицджералд, найденные в кошельке; и двадцатипятицентовик 1967 года, выуженный со дна черной кожаной сумки.

Тем временем каким-то образом стало известно, что в этот день судебные маршалы будут описывать имущество, и снаружи дома установили телекамеры. Чтобы не проходить сквозь их строй, Рут Мэдофф незаметно вышла с черного хода. Так она покинула свой дом в последний раз.

За день до этих событий The Wall Street Journal сообщил в Интернете, что после шести месяцев расследования не найдено доказательств тому, что Рут Мэдофф принимала участие в афере своего мужа.

Даже после того, как в марте 2009 года Берни Мэдофф был признан виновным, многое в его преступлении оставалось загадкой. Но одно все знали совершенно точно: его жена и сыновья тоже виновны.

С первых же недель после его ареста разные СМИ постоянно цитировали утверждения неназванных «бывших работников прокуратуры» и «юристов по уголовным делам, следящих за ходом расследования», что Рут, Марк и Эндрю Мэдофф находятся под следствием и вскоре им будет предъявлено обвинение. Статьи в глянцевых журналах будут осторожны в своих спекуляциях. Бесцеремонные комментаторы блогов будут

обвинять их огульно. Тележурналисты будут подмигивать и понимающе кивать. Вся эта свирепая самодовольная уверенность в их вине, не подкрепленная ссылками на факты, по сути довела семью Мэдоффа до изгнания.

В эпоху всепроникающих медиа, папарацци с мобильными телефонами и самозваных интернет-комментаторов, постоянно озабоченных, чем бы привлечь внимание к себе, стоит отметить, что эти нападки резко отличались от типичной реакции общества на случаи беловоротничковой преступности в последние сто лет.

Разумеется, такие преступники (мошенники, казнокрады, бесчестные политики, аферисты всех мастей), когда их преступления выходили на свет, подвергались резким нападкам прессы и общества. Но эти атаки почти никогда не были направлены против их жен и детей. Чаще всего на них никогда не обращали внимания либо, по крайней мере вскоре, оставляли в покое. Было несколько исключений, когда иски по уголовному обвинению подавали против близких родственников, которых затем пригвождали к позорному столбу внимания общества. В целом, однако, даже жен и детей казненных убийц оставляли устраивать свои жизни в относительной безвестности, разве что они сами искали всеобщего внимания.

Поучительно изменение с годами отношения к обвиняемым в организованной преступности. Несмотря на широко распространенную увлеченность кровавыми похождениями так называемых «донов мафии» и «капо» преступных семеек, крайне редки были случаи внимания к пожилым миссис Дон-Мафии или к детям капо, даже притом что реалистично мыслящий человек задавался вопросом, насколько известно им, почему муж или отец попросил всех своих близких приятелей носить оружие и спать на матрасах в гараже. Лишь в редких случаях родственники мафиозо искали внимания публики. (Вспомним семью мафиозного дона Готти.) Но тех, кто не искал известности, СМИ обычно игнорировали и тем более не обвиняли публично и многократно в соучастии в преступлениях их мужей и отцов.

И все же возмущение общества, направленное против Рут Мэдофф и ее сыновей, поднялось сразу после ареста Мэдоффа и не прекращалось. Ко времени, когда его признали виновным, это возмущение было оглушительным.

Однако в деле Мэдоффа с самого начала были факты, которые попросту не согласовывались с виной семьи.

Во-первых, тот факт, что никто из них не сбежал из страны. Возможно, Берни Мэдофф, которому ко времени его признания было семьдесят лет, чувствовал себя слишком старым и усталым, чтобы жить как богатый скиталец. И, вероятно, Рут не сбежала бы

без него, даже будь она виновной, угрожай ей арест и долгое заключение. Но у его сыновей, если они были виновны, имелись возможность и мотив побега. Финал был ясен еще за несколько недель до его наступления, в банке все еще была кругленькая сумма, а они и их семьи были молоды и относительно подвижны. Нет сомнений, что Мэдофф, прежде чем сдаться, вручил бы сыновьям ключи от самолета компании и достаточно денег, чтобы позволить им комфортно жить остаток жизни за пределами досягаемости закона. В конце концов, если они были его сообщниками, их единственным альтернативным выбором было бы остаться и сесть в тюрьму.

И все же не сбежали ни Мэдофф, ни его сыновья.

К тому же существует его признание. Некоторые враждебно настроенные комментаторы тут же стали измышлять, что Мэдофф и его виновные сыновья инсценировали его признание, чтобы выдать его и тем самым отвести от себя подозрение. Но это бы оказалось бесполезным жестом, разве что они были абсолютно уверены в том, что позднее не выплывет никаких уличающих их доказательств и никто из их сообщников более низкого уровня не укажет на них в обмен на снисхождение суда, – а все эти предположения могли быть близки к реальности, если сыновья Мэдоффа и в самом деле были виновны. Более того, если Мэдофф искренне верил, что кто-либо может избавиться от подозрений, сдав его, разве он не обеспечил бы такой возможности для Рут?

Вопреки логике, предположения о виновности семьи начали раскручиваться в противовес тому факту, что по мере того, как продвигалось следствие по делу Мэдоффа, предсказанных арестов его жены и сыновей так и не произошло.

Надо признать, что юридические препоны для доказательства того, что Рут, Марк или Эндрю Мэдофф разделяют вину Берни Мэдоффа, были существенны. Чтобы связать членов его семьи с финансовой пирамидой, прокуратуре пришлось бы не только доказать, что имеются основания подозревать их в мошенничестве либо в том, что, зная о мошенничестве, они сознательно отвернулись в сторону. Недонесение о преступлении, которое некто просто наблюдает, практически никогда не считалось нарушением федерального уголовного законодательства. Напротив, прокуратура должна была доказывать, что они сознательно помогали планировать аферу, осуществлять ее или ее прикрывать.

И все же за два года расследования, притом что другие подозреваемые в соучастии потихоньку пытались вести переговоры с прокуратурой и заработать у судов чуточку снисхождения, ни обвинение, ни эти самые подозреваемые не

выдвинули никаких публичных (или ставших таковыми в результате искусной утечки) обвинений против Рут, Марка или Эндрю. В самом деле, прокуратура никогда не уведомляла членов семьи официально, как требует закон, что они подозреваются или являются целью уголовного расследования.

Конечно, все эти обстоятельства не означают, что прокуратура когда-нибудь в будущем не станет работать против семьи Мэдоффа. Даже через несколько лет могут всплыть новые улики. И, помимо аферы, семья не защищена от исков федеральной налоговой службы по причине использования ею время от времени денег компании, кредитных карт и займов под низкий процент. Но это указывает на недостаток доказательств в поддержку даже формального извещения о том, что они были объектами уголовного расследования в те месяцы и годы, когда их неоднократно публично обвиняли в том, что они сообщники Берни Мэдоффа.

Еще один факт, выявившийся в этом деле очень рано, наводит на мысль, что прокуратура не верила, будто сыновья Берни хоть что-то знали о преступлении до признания их отца: Марка и Эндрю Мэдоффов продолжал представлять все тот же адвокат, Мартин Флюменбаум.

Обычно двух подозреваемых никогда не представляет в уголовном расследовании один и тот же адвокат по причинам столь очевидным, что большинству людей даже не нужно размышлять над этим. Что будет, если у подозреваемых А и В один и тот же адвокат и при этом подозреваемый А решает заключить сделку и дать показания против подозреваемого В? Кто поможет А в переговорах с прокуратурой – тот же самый адвокат, для которого также дело чести действовать в наилучших интересах подозреваемого В? Уж точно не он.

Если бы братьям стало известно, что они находятся под уголовным преследованием и для них лучше пойти друг против друга и постараться договориться с прокуратурой, то представлять их обоих было бы для Флюменбаума поступком неэтичным. Даже если бы братья по какой-то причине поклялись в виновности друг друга и если бы уголовное дело велось против одного из них или против них обоих, прокуратура едва ли разрешила бы Флюменбауму представлять обоих сыновей.

Но Флюменбаум оставался на посту в одиночестве. Опытный адвокат защиты понимал значение этого, а публика в целом – нет.

Еще 16 декабря 2008 года New York Times сообщала, что следователи не нашли свидетельств, связывающих сыновей Мэдоффа с финансовой пирамидой, разве что как жертв и свидетелей признания отца. Тем не менее Марка и Эндрю

Мэдоффов поносили в Интернете, оскорбляли публично, обвиняли в суде, порицали в книгах и журнальных статьях, и всюду, куда бы они ни пошли, их преследовали фотографы.

Братья жили в тени аристократичного, сдержанного отца, которого вся семья считала гением и с чьим мнением всегда считалась мать. Несмотря на трудности, которые его характер создавал в семейных взаимоотношениях, они его несомненно любили, восхищались им. Преступление отца разрушило их отношения и в то же самое время швырнуло их из почти полной безвестности под жаркие прожекторы СМИ, где ничего нельзя укрыть от внимания публики.

Семнадцатилетний брак Эндрю Мэдоффа с его женой Деборой уже почти распался, и они больше года жили раздельно. Документы для развода были поданы в день ареста отца, и это совпадение послужило лакомым кормом для таблоидов. Выходили репортажи – полные небылиц, как в один голос скажут позже друзья Эндрю, – о том, что будто бы родители друзей двоих их малых детей стали проявлять «осмотрительность», не желая, чтобы их собственные дети попали под яростный словесный огонь разгневанных жертв Мэдоффа, иными словами – перестали приглашать маленьких Мэдоффов на детские праздники. Во время ареста отца Эндрю жил со своей невестой Кэтрин Хупер, элегантной женщиной – инструктором по рыбной ловле, чей шаржированный образ был мигом обглодан до костей падкими на сплетни злопыхателями.

Одно из первых посещений Эндрю их квартиры после ареста отца, чтобы поесть на скорую руку, закончилось потасовкой на тротуаре с разгневанным трейдером Мэдоффа. Тот узнал Эндрю, стал громко обзывать его преступником, выкрикивать похабные оскорбления в адрес Хупер. Эндрю сцепился с трейдером и после короткой потасовки уехал разозленный. Потом, успокоившись, он сам заявил об инциденте в полицию. Дела не завели.

Борьба Эндрю с раком, которая началась в марте 2003 года, когда у него на шее обнаружили лимфатические узлы, по-видимому, положила конец прежней карьере в семейной фирме. В тридцать семь лет он заболел лимфомой – предположительно ее редкой и почти всегда смертельной формой, которая называется лимфомой клеток мантийной зоны, хотя поставить точный диагноз в его случае оказалось затруднительно. Он прошел шестинедельный курс лечения и «вышел из испытаний с обритой головой, новообретенным интересом к йоге и с открытой людям душой, чего я не замечал прежде», как отметил его молодой родственник Роджер в записках о своей собственной безнадежной борьбе с раком, опубликованных посмертно. После лечения

Эндрю стал больше отдыхать, больше времени проводить со своими детьми, всерьез занялся игрой на фортепиано и часто говорил о том, как важно наслаждаться каждым днем, потому что «жизнь коротка».

Жизнь Марка Мэдоффа тоже стала напоминать жизнь в витрине. Все таблоиды Нью-Йорка знали, что у них со второй его женой Стефани в феврале 2009 года родился малыш, четвертый ребенок Марка и второй – Марка и Стефани. Вся пишущая о Мэдоффе блогосфера знала, что ни Рут, ни Берни не видели новорожденного внука, так как Марк, подобно Эндрю, со дня признания отца избегал любого контакта с родителями. В будущие месяцы любой обладатель телевизора или компьютера будет знать, что жена Марка обратилась в суд с просьбой изменить фамилии ее и детей на «Морган», чтобы избежать опасного клейма «Мэдофф» – фамилии, отказаться от которой ее мужу было не так легко.

Большинство из тех, кто был знаком с семьей Мэдофф, полагали, что Берни был ближе к Марку, более душевному и менее рассудочному, чем Эндрю, хотя Мэдофф всякий раз, возвращаясь после долгого отпуска на этаж трейдинга, обнимал и целовал каждого из сыновей. Один многолетний друг вспоминал обед с Рут и Берни в 1999 году: «Берни девяносто процентов времени, пока длился обед, провел не за столом, а за разговором с Марком, вроде как держа его за руку». Марк к тому же с большей, чем Эндрю, охотой присоединялся к отцу, когда тот приветствовал участников многочисленных мероприятий, проводимых индустрией ценных бумаг, и гостей ежегодных рождественских вечеринок для сотрудников, а также в его поездках на побережье в Монток.

Но каковы бы ни были личные драмы сыновей, оба они занимали в фирме Мэдоффа официальные должности, которые налагали на них юридическую ответственность как на лицензированных профессионалов Уолл-стрит. Поэтому оба были легкой добычей для гражданского судебного процесса Комиссии по ценным бумагам и биржам, которая могла обвинить их в неспособности должным образом надзирать за деловым предприятием, особенно после того, как фирма начала получать постоянные вливания капитала от тайной аферы их отца. Но даже осенью 2010 года федеральные регуляторы еще не предъявили ожидаемых обвинений сыновьям Мэдоффа.

Понятное дело – ведь это те же регуляторы, которые не сумели распознать и хитрые стратегии Мэдоффа. Таков парадокс общественного мнения, на все сто убежденного в вине семьи, хотя никто не оспаривал всерьез, что Мэдофф успешно и на

протяжении многих лет скрывал свое преступление от регуляторов, иностранных бухгалтерских фирм, специалистов по комплексной экспертизе хедж-фондов и многоумных профессиональных инвесторов. Что же неправдоподобного в том, что он сумел скрыть это от жены, которая не имела в фирме официальной должности, и от сыновей, трудившихся в совершенно отдельной части бизнеса и знавших о его частном, закрытом ото всех бизнесе по управлению инвестициями только то, что хотел сказать им сам Мэдофф?

Пусть так, но ничто не мешало регуляторам обвинить сыновей Мэдоффа в том, что они не справились с руководством по контролю отцовской фирмы.

Если бы их привлекли к ответственности за то, что произошло в утробе брокерской фирмы Мэдоффа, в этом была бы определенная доля иронии, потому что отец даже не сделал их партнерами. Они были просто наемными сотрудниками, хотя и высокооплачиваемыми. Их отец был единственным собственником Bernard L. Madoff Investment Securities. Никто не оспаривал того, что он всегда был едва ли не одержим тем, чтобы единолично отвечать за все.

После признания и ареста Мэдоффа жертвы определенно претендовали на любые их активы, которые не поглотило преступление, на том основании, что все, полученное ими от фирмы за годы работы в ней, по большей части, если не полностью, было незаконными прибылями их отца. Бизнес, который они ожидали унаследовать, был уничтожен, как и профессиональные и личные репутации, на основе которых они могли выстраивать новые карьеры. Полмира считало их преступниками, а другая половина – слишком наивными или ленивыми, чтобы обнаружить, что их отец был преступником.

Хотя в первые два года после ареста Мэдоффа Марку и Эндрю не предъявили обвинений ни Комиссия по ценным бумагам и биржам, ни прокуратура, их обвиняли почти все. Им все больше казалось, что единственным для них способом сохранить для семей вообще что-либо из имущества будет личное банкротство. Независимо от их квалификации и опыта, лишь самый отважный работодатель решится открыто предложить сыну Берни Мэдоффа работу на Уолл-стрит.

Положение Рут Мэдофф в месяцы, последовавшие за арестом ее мужа, было и того сложнее. У сыновей, по крайней мере, оставались их молодые семьи, родня со стороны жен, близкие друзья. Но решение Рут не расставаться с Берни отрезало ее от сыновей и почти ото всех остальных из ее круга, кроме мужниных адвокатов.

В течение недели некоторые из жертв Мэдоффа оскорбляли ее в печати, публиковали карикатуры на нее и открыто винили в уголовщине. В тех редких случаях, когда она покидала квартиру, чтобы пойти в магазин или, позднее, чтобы раз в неделю навестить мужа в тюрьме, ее донимали толпы журналистов. Самыми злобными были нападки в Интернете. Один специалист по культурной антропологии метко заметил, что Рут «воспринимали как суккуба при Берни-инкубе», то есть как демоницу, высасывающую жизнь на пару с распутным злым демоном.

В чем состоит ее единственное доказанное преступление? В том, что после признания мужа она его не оставила. Согласно конфиденциальному источнику, вот как она позже объяснила свое решение: «Я пятьдесят лет любила человека – я не могу покинуть его, даже если он совершил ужасное преступление. Что вы сделаете, если ваш взрослый ребенок совершил страшное преступление? Вы его покинете?» Так что она осталась, потрясенная преступлением, но тем не менее неспособная отступиться от того, кто его совершил.

Некоторые родственники и несколько ближайших доверенных друзей поддерживали ее украдкой, даже притом что ее муж ограбил их, но публично никто не смел выступить в ее защиту. Ее избегали многие друзья, которых она знала всю жизнь, – одни из-за ограничений, наложенных их юристами, другие из праведного гнева, оскорбленные предательством Мэдоффа по отношению к ним. Ее не принимал парикмахер, от нее прятался флорист, ее отказались обслуживать в любимом ресторане. Собственные сыновья осудили ее за то, что она не покинула отца, хотя и не верили в то, что она его сообщница.

За одну ночь женщина, образ жизни которой люди ее круга никогда не считали безвкусным или вульгарным, обнаружила, что ее обвиняют в неумеренности – алчной, кричащей, почти преступной, как если бы квартира на Восточной Шестьдесят четвертой вдруг превратилась в мраморный этаж башни Трампа, а Монток начал бахвалиться богатством, побивая чванство любого насельника Хемптона. Даже после гражданской конфискации имущества, оставившей ей на все про все 2,5 млн долларов, то и дело появлялись лихо заверченные рассказы, предрекающие ее неминуемый арест.

К тому времени казалось, что она потеряет и это. 29 июля 2009 года против Рут Мэдофф подал иск лично Ирвинг Пикард, потребовавший возврата 44,8 млн долларов, которые, как он заявил, она получила от фирмы Мэдоффа за шесть лет, предшествующих банкротству ее мужа. В иске он подробно

перечислил более ста трансфертов со счета фирмы на ее личные счета или на счета компаний, в которые она инвестировала. В иске не приводилось никаких доказательств того, что Рут Мэдофф принимала участие в афере или хотя бы знала о ней.

После конфискации в пользу жертв 80 млн долларов Рут Мэдофф едва ли могла удовлетворить требование конкурсного управляющего. У нее не было 44,8 млн долларов, ей оставили ровно 2,5 млн долларов, и теперь она боялась, что большая часть их уйдет на улаживание тяжбы с Пикардом.

Пикард не пытался получить свой фунт мяса. Ему просто нужно было получить решение суда против Рут Мэдофф, которое обязало бы ее выплачивать любой будущий доход (например, от публикации воспоминаний) в пул активов для жертв Мэдоффа. Ее адвокат Питер Чавкин возмутился и выразил это публично. Берни Мэдофф не мог давать публичных комментариев, но и он был в ярости. В день, когда он узнал об иске против жены, испарились все его намерения сотрудничать с Пикардом (каковые намерения, признаться, были вовсе не очевидны). Пройдет больше года, прежде чем он согласится хотя бы встретиться с командой Пикарда.

Могла ли жизнь Рут быть менее унизительной? Могла. В августе Шерил Вайнстайн, одна из жертв ее мужа, бухгалтер и финансовый директор благотворительной организации «Хадасса», которая на чтении приговора так красноречиво рассказывала, какая тварь Берни Мэдофф, опубликовала воспоминания, поведав читателям, что в середине 1990-х имела с ним краткую сексуальную связь. Скандальная книжка была усеяна оскорбительными комментариями по адресу Рут и ее сыновей: и что жена «держала Берни на коротком поводке», и что «в кругах общества, в которых они вращались, всем было за нее неловко», и что, судя по отзывам самого Берни, сынки у него «избалованные и наглые».

Конечно, у Мэдоффа могли быть романы. Он был мужчина привлекательный, обольстительный, а любой брак натыкается временами на камешки, которые могут сбить супругов с пути истинного. Но если трезво смотреть на вещи, это служит скорее доказательством того, что Рут не знала о преступлении мужа: какой ненормальный рискнет обманывать жену, которой известно, что он жулик, и которая может в любой момент его выдать, – жену, чьи адвокаты могли бы заключить превосходную сделку в обмен на такое разоблачение? Если бы Рут была сообщницей Мэдоффа и поймала его на обмане, ему грозила бы не только ярость женщины, которой пренебрегли, но и кое-что посерьезнее.

Адвокаты Рут Мэдофф снова и снова сухо отрицали или вовсе отказывались комментировать еще более диковинные наговоры. Но когда были опубликованы записки Вайнстайн, Чавкин решил извлечь из скандала полезный для многих урок. Он заявил, что Рут ничего не было известно ни о преступлении мужа, ни о его мнимом романе.

Если роман и вправду случился, продолжал Чавкин, то «тем, кто твердит, будто Рут не могла не знать о преступной деятельности своего мужа, самое время напомнить о том, что есть вещи, которыми супруги не делятся, как близки бы они ни были».

И все же потребность публики в компромате на эту хрупкую шестидесятивосьмилетнюю женщину была беспредельной. Спустя более чем восемнадцать месяцев после ареста Мэдоффа телекомпания ABC News разместила на своем веб-сайте статью и сделанную камерой с длиннофокусным объективом короткую видеозапись, раструбив о сенсационной новости: Рут Мэдофф сменила цвет волос со светлого на светло-каштановый – вероятно, в расчете, что это поможет ей передвигаться по Манхэттену инкогнито. Конечно, ее надежды не оправдались.

Нет никаких сомнений, что Рут, Марк и Эндрю заслужили бы все эти (и бóльшие) лишения, будь они в самом деле виновны в пособничестве этому злостному преступлению, сломавшему столько людских жизней, или если бы они что-то знали и промолчали. Будь они сообщниками, они заслуживали бы куда большего, чем поношение в СМИ. Они заслуживали бы скамьи подсудимых, приговора, разорения и пожизненного срока.

Но в океанах чернил и галактиках киберпространства, посвященных Рут Мэдофф и ее сыновьям, лишь немногие комментаторы задали очевидный вопрос: что, если они невиновны?

Может быть, они просто верили Берни Мэдоффу, не задавая вопросов, как верили все его жертвы. Может, они искренне полагали себя удачливыми бенефициарами его крайне закрытого, но исключительно успешного хедж-фондового бизнеса, как несомненно полагал бы любой наследник миллиардера с Уолл-стрит. Может, задай они этот вопрос, Мэдофф обвел бы их вокруг пальца с помощью той же самой фальшивой документации, которой годами дурачил регуляторов.

Вот в чем состоит неприятная правда.

Тысячи жертв Мэдоффа жестоко пострадали от того, что он предал их финансовое доверие: нет сомнений, что их жизни были почти загублены. Хотя у большинства жертв все же оставались семьи и друзья, они потеряли деньги, место в обществе, ощущение уверенности в завтрашнем дне, веру в собственные

суждения – и все это они утратили в одночасье, в одно мгновение.

Рут, Марк и Эндрю Мэдофф тоже утратили все это: все свои деньги, общественное положение, уверенность в завтрашнем дне, доверие к собственным суждениям, всякую надежду на лучшее будущее. И в то же самое мгновение они утратили почти все сокровенные отношения с близкими людьми, в том числе связи друг с другом.

Если Рут Мэдофф была невиновна, она в один страшный миг узнала, что почти пятьдесят лет была замужем за ходячей ложью. Она утратила все счастливые воспоминания, все бережно хранимые в памяти моменты долгой совместной жизни. Под маской мужа, которого она любила с тринадцати лет, на самом деле был закоренелый преступник, который десятилетиями обкрадывал тысячи людей, включая почти каждого члена ее семьи и практически всех друзей.

Если правда то, что Марк и Эндрю были невиновны, они вмиг поняли, что их отец лгал им в каждом своем наставлении, в каждом требовании быть честными, в каждом подарке, в каждом празднике. Он лгал им, выдавая роскошь за плоды своего гения и тяжкого труда, когда на самом деле это было награбленное добро, часть которого была украдена у тех, кого все они любили. Они думали, что помогают строить фирму, а она оказалась местом исторического преступления. Некоторые из сотрудников, которым они всю жизнь доверяли, оказались сообщниками отца. Он разрушил их будущее – и разрушил их прошлое. От отца у них не осталось ничего, даже воспоминаний.

За один вечер они стали изгоями в обществе, презренными, оклеветанными, обвиненными в тяжких грехах и настолько всем ненавистными, что с ними даже грозили расправиться физически. Никто, кроме наемной охраны, не защитит их от враждебной толпы, и лишь немногие выразят им сочувствие вслух. И так может длиться всю их оставшуюся жизнь, даже если прокуратура никогда ни в чем их не обвинит. Высший суд общественного мнения уже вынес приговор без права на апелляцию и изгнал их, не посмотрев на то, что нет ни единого документально подтвержденного факта их вины.

Будь они виновны, такой расклад должен был бы вполне их устроить.

И все же если Рут, Марк и Эндрю были невиновны, то они, все трое, тоже были жертвами Мэдоффа и, возможно, понесенный ими урон был весомее, чем у других. Но летом 2009 года с таким предположением не был готов согласиться никто. А многие жертвы Мэдоффа никогда с этим не согласятся.

15. Жернова правосудия

Туман подозрений, поглотивший семью Мэдофф, особенно плотно сгустится вокруг Питера Мэдоффа.

Питер почти сорок лет служил брату верной опорой, устраняя его промахи и выстраивая технологическую структуру, которая заставила всю отрасль восхищаться его фирмой. Их кабинеты всегда были в десятке шагов друг от друга. Они поддерживали друг друга в беде и вместе отмечали победы.

Близость отношений Питера с братом в офисе и вне офиса сделала его уязвимым для гражданских исков и уголовного расследования как никого другого из семьи Мэдофф. Он был одним из руководителей и ведал корпоративным регулированием в фирме Мэдоффа, и понятно, что Комиссия по ценным бумагам и биржам считала его ответственным за неспособность предупредить или обнаружить преступление брата, даже если формально его не обвиняли в том, что он знал о мошенничестве. Регуляторы будут доказывать, что, как юрист и лицензированный профессионал по ценным бумагам, он не мог не обнаружить преступления, выполняй он свою работу должным образом.

Примерно до 1985 года у Питера было право подписи по одному из банковских счетов фирмы. Не бухгалтер по образованию и не партнер в фирме, он все же мог получать доступ к главным книгам фирмы и видеть «творческую» бухгалтерию и чрезвычайные ссуды, оформленные во время денежного кризиса 2005 и начала 2006 года, несмотря на то, что болезнь сына в эти безумные месяцы затмила для него все. А как руководитель операционной деятельности инвестиционно-консалтингового бизнеса он, пожалуй, по должности был обязан знать о том, что происходит на семнадцатом этаже, как бы брат ни пытался его отвадить.

Питер, как и остальные члены семьи, был мишенью судебных исков жертв Мэдоффа. В конце марта 2009 года против него подал иск Эндрю Росс Сэмюэлс, внук Мартина Дж. Джоэла-младшего, давнего брокера и друга Мэдоффа. Питер был попечителем фонда, который Джоэл учредил для оплаты образования своего внука, целевого фонда, полностью опустошенного аферой Мэдоффа. К середине лета Питер пришел к соглашению по иску, но к тому времени он был впутан в судебный процесс в Нью-Джерси по иску двух взрослых детей сенатора Фрэнка Лаутенберга и их семейного фонда, который потерял в финансовой пирамиде около 9 млн долларов.

Согласно иску, Питер в силу своей должности в фирме брата

был в ответе за ущерб, нанесенный аферой, знал он о ней или нет. Из материалов судебного разбирательства по иску Лаутенбергов видно, что Питер Мэдофф в показаниях под присягой неоднократно ссылался на свои права в соответствии с Пятой поправкой (в частности, на право не свидетельствовать против себя), поскольку прокуратура известила его, что он объект уголовного преследования.

Мог ли Питер не знать? Конечно, он был вечный «младший братишка», и Берни так и не сделал его партнером в бизнесе. И все же, как Берни мог столько лет скрывать от Питера свои преступления? Даже тем, кто знал Питера Мэдоффа и верил в его добропорядочность, было нелегко найти правдоподобные ответы на этот вопрос после ареста Берни.

Адвокат Питера Джон Расти Уинг неизменно повторял одно и то же: его клиент не знал об афере брата и не принимал в ней участия.

К тому времени, как уголовное следствие перевалило на третий год, против Питера так и не выдвинули обвинений, а Комиссия по ценным бумагам и биржам так и не подала гражданский иск в связи с недобросовестным исполнением им обязанностей по корпоративному регулированию в фирме брата. И все-таки, если говорить о членах семьи Мэдофф, то роль Питера в глазах закона была самой неясной.

И постоянные метания из стороны в сторону в деле Лаутенбергов в точности отражали эту неясность.

В сентябре 2009 года председательствующий на процессе федеральный судья отклонил ходатайство Питера о прекращении дела, сославшись на спор, связанный с фактической стороной, о том, в достаточной ли мере исполнял он свои обязанности в фирме, чтобы нести часть вины за аферу брата. Однако в ноябре 2010 года тот же судья ответил отказом на ходатайство Лаутенбергов о вынесении решения в их пользу в порядке упрощенного судопроизводства. Как объяснил судья, недостаточно доказать, что Питер Мэдофф не мог быть обманут или введен в заблуждение по поводу истинного содержания деятельности брата. Судья признал, что должность Питера в фирме, «многолетняя тесная связь с братом» и «отвратительная сущность» аферы «подводит к достаточно мотивированному подозрению о преступной причастности обвиняемого к этой деятельности». Но, заключил он, «подозрения, основанные на должностной позиции, без конкретных доказательств проступка или ответственности за него не могут быть основанием судебного решения». А на тот момент, по словам судьи, конкретных доказательств представлено не было.

Возбудив в июле 2009 года дело против Рут Мэдофф на 44,8 млн долларов, Ирвинг Пикард 2 октября подал иск «по возврату сумм, выплаченных ранее», против Питера, Марка и Эндрю Мэдоффов и дочери Питера Мэдоффа Шейны, которая тоже работала в группе по корпоративному регулированию ликвидированной фирмы.

Но этот тщательно подготовленный иск (составленный теми, кто заполнил сотни судебных запросов на документы, провел десятки опросов и рассмотрел внутренних документов Мэдоффа больше, чем-кто либо еще, за возможным исключением сотрудников ФБР) не представил никаких доказательств того, что Питер или кто-либо из обвиняемых был сообщником Мэдоффа.

Напротив: в иске без обиняков утверждалось, что конкурсный управляющий не обвиняет их в недонесении о мошенничестве прежде, чем Берни Мэдофф признался в нем сам, хотя те, кто был убежден в виновности семьи, и не обратили внимания на эту аккуратную формулировку. Суть претензии сводилась к тому, что должностные лица из семьи Мэдофф должны были обнаружить мошенничество и могли предупредить его, если бы они не «уклонились от исполнения» своего профессионального долга. «Говоря проще, если бы члены семьи честно и исправно делали свою работу, финансовая пирамида Мэдоффа никогда бы не достигла цели либо не продержалась бы так долго», говорилось в исковом заявлении конкурсного управляющего.

В последующих судебных документах Дэвид Шиэн еще доходчивее прояснил позицию конкурсного управляющего: конкурсный управляющий «не стал взваливать на себя бремя доказывания преступного сговора или мошенничества этих обвиняемых по общему праву. Энергично отрицая свое сознательное участие в финансовой пирамиде, обвиняемые тем самым ходатайствовали о прекращении дела, которого конкурсный управляющий не возбуждал». Адвокаты Питера Мэдоффа не преминули указать суду, что «признание конкурсного управляющего крайне важно: за полгода своего расследования он явно не обнаружил никаких доказательств того, что Питеру Мэдоффу было известно об афере брата или что он в ней участвовал».

Ну и что с того? Кухонные аналитики, не знакомые ни с одним из имеющихся у Пикарда свидетельств, все равно считали, что сообщниками Берни были все члены семьи, и в том числе Питер, и неустанно пророчили их арест. Некоторые жертвы публично называли семью Мэдофф организованной преступной группой.

Иск Пикарда составил примерно 200 млн долларов, которые

были изъяты со счетов семьи Мэдофф. Он также требовал возмещения неуточненного ущерба и отклонения любых заявок на помощь, которые семья могла подать в SIPC.

В то же время во всем мире против крупных хедж-фондов подавали иски их собственные инвесторы, хотя Пикард утверждал, что имеет преимущественное право на активы этих фондов. То же самое происходило и с «донорскими» фондами поменьше, разными мелкими фирмами по пенсионному консультированию и управлению частными инвестициями, против которых подавали иски по всей Америке, в Европе и на Карибских островах. Гора исков росла, обвинения всюду были одни и те же: «Вы знали (или вам *следовало* знать), что Мэдофф мошенник».

В этих исках упоминались «тревожные сигналы» Гарри Маркополоса и первые звоночки сомнения, о которых рассказали клиентам несколько бдительных банкиров и консультантов хедж-фондов. Они ссылались на статью 2001 года в журнале Barron's, случайные ошибки в выписках по клиентским счетам, неправдоподобно единообразные доходы от инвестиций. Каким образом никто из искушенных в вопросах финансов не заподозрил аферы Мэдоффа на фоне всех этих сигналов?

Однако крайне сложно было провести разграничительную черту между теми, кому следовало заподозрить аферу Мэдоффа, и теми, от кого этого и нельзя было ожидать. На Уолл-стрит ходила горькая шутка, что дело Мэдоффа доказало: никаких «квалифицированных инвесторов» не существует. Даже люди финансово проницательные могли, глядя на сомнительные факты, делать ободряющие выводы, и даже тревожные выводы можно было объяснить небрежностью в документации или излишней скрытностью. Сами по себе эти факты не указывали автоматически на крупное мошенничество. Судя по всему, доверие к Берни Мэдоффу могло ослепить менеджера хедж-фонда так же легко, как пенсионерку – вдову лавочника.

Несомненно, были знаки, которые даже неквалифицированного инвестора могли заставить помедлить, прежде чем инвестировать в Мэдоффа. Веб-сайт фирмы не упоминал ни о предоставлении консультационных услуг, ни о хедж-фонде, ни о клиентских счетах. Годы шли, а выписки по клиентским счетам по старинке распечатывались на бумаге и рассылались обычной почтой, тогда как клиенты фондов Fidelity или Merrill Lynch могли следить за своими счетами онлайн. Некоторых Мэдофф предупреждал никому не рассказывать о том, что они его инвесторы. Бóльшую часть своей карьеры он не был зарегистрирован в Комиссии по ценным бумагам и биржам в

качестве консультанта по инвестициям, и попечитель-управляющий, фидуциар, небольшого пенсионного фонда или инвестор индивидуального пенсионного плана непременно должен был обратить на это внимание. Правда, он выплачивал относительно скромный доход на инвестиции, примерно равный доходу взаимного фонда индекса S&P 500, но его результаты были куда менее волатильны и, следовательно, куда более гарантированны. Как такое возможно? Если Мэдофф намного стабильнее, чем индексный фонд, разве не должна его процентная ставка быть намного ниже?

Пока жертвы Мэдоффа требовали компенсации, вопрос о том, кому все это следовало бы знать, аккуратно поделил мир на две группы. Одна группа обращала внимание на положение Мэдоффа в финансовой отрасли, его многолетний успех в инвестициях, его очевидное богатство и его фальшивую, зато крайне убедительную документацию (объемные отчеты о состоянии клиентских счетов, имитация веб-страниц DTCC, фальшивые трейдинговые терминалы для фабрикации сделок) и спрашивала: «Да как его жертвы могли такое представить?» Другая группа обращала внимание на тревожные сигналы (аномалии, невероятный масштаб, неправдоподобное постоянство доходов, секретность, тревожные слухи на Уолл-стрит) и спрашивала: «Как его жертвы могли не знать всего этого?»

По правде говоря, ответ на вопрос «должны ли они были знать» зависит от того, кем были «они», каковы были «их» личные обстоятельства и насколько «они» доверяли Уолл-стрит, – словом, насколько «они» были доверчивы в жизни вообще. Мир желал единственного ответа. На самом деле ответов были тысячи, и все разные, и каждый из них был спорным, и последствия каждого можно было прогнозировать не иначе как чисто теоретически.

Спору нет, поймать Мэдоффа должна была Комиссия, и поймала бы, если бы не ее прискорбно неадекватные следственные навыки. Но правда и то, что все жертвы Мэдоффа со средним доходом должны были сами защитить себя от разорения, попросту придерживаясь таких знакомых и жестко регулируемых инвестиционных инструментов, как взаимные фонды или банковские депозитные сертификаты, и обходя стороной менее жестко регулируемый сегмент хедж-фондов, не говоря уже о вовсе не регулируемых фондах, подобных Avellino & Bienes с их голословными обещаниями.

Тем не менее все инвесторы, которые честны с самими собой, поймут, что жертвы Мэдоффа из менее искушенного среднего класса при выполнении домашнего задания в области финансов были, вероятно, не менее прилежны и не более легковерны в

выборе инвестиций, чем большинство инвесторов в те галопирующие, головокружительные дни перед кризисом 2008 года. Столько людей пыталось в свободное время управлять своими пенсионными сбережениями, притом что они знали слишком мало, а дел у них было слишком много. Поэтому доверие и инстинкт им заменили мелкий шрифт в договоре и юридический жаргон, который, по мнению регуляторов, они обязаны были изучить. Одни доверились Vanguard и Citibank, а другие Мэдоффу, но все они действовали наудачу.
И именно это должно было бы тревожить всех гораздо больше, чем тревожило.

Во вторник 11 августа 2009 года, в 2.45 дня Фрэнк Дипаскали вошел в зал федерального суда в Нижнем Манхэттене. С улыбкой и, казалось, непринужденно он обнялся со своими адвокатами во главе с Марком Мукасеем и перекинулся язвительными остротами с одним из юристов.

В 3.05 судья Ричард Дж. Салливан занял свое место в черном кресле с высокой спинкой. У Салливана, высокого и привлекательного, был глубокой, густой голос, который, должно быть, гипнотизировал присяжных в те времена, когда он был федеральным прокурором. Простыми словами он объяснил цель слушания двум десяткам жертв Мэдоффа в зале суда.

– В пятницу я получил уведомление, что мистер Дипаскали отказывается от своего права подробно ознакомиться с обвинительным заключением, – сказал он. – Обвиняемый согласился признать вину в десяти отдельных уголовных преступлениях, включая сговор с целью мошенничества с ценными бумагами и уклонение от налогов.

Судья механически зачитал длинный перечень вопросов к Дипаскали, составленный таким образом, чтобы показать, что он понимает, что делает. Он и вправду все понимал. Его ум был «кристально чист», сказал он.

Прокурор Марк Литт от имени обвинения изложил суть иска – Дипаскали обвиняется в сговоре с Берни Мэдоффом «и другими» с целью нарушения закона. Он вводил регуляторов в заблуждение фальшивыми документами, лжесвидетельствовал перед Комиссией, осуществлял переводы денег с целью симулировать фальшивые доходы в виде комиссионных и вовлекал в эти преступления других неназванных лиц, заявил Литт.

Дипаскали угрожал срок тюремного заключения в 125 лет, но обвинение согласилось, в случае если он окажет «существенную помощь» следствию, просить суд о снисхождении при вынесении приговора.

Затем Дипаскали зачитал заявление, описывающее его преступления.

«С начала 1990-х годов до декабря 2008 года я помогал Берни Мэдоффу и другим совершать мошенничество», – сообщил он.

Он припомнил, как Мэдофф нанял его в 1975 году прямо после окончания школы. «Примерно к 1990 году Берни Мэдофф стал для меня наставником, и не только. Я был верен ему, – сказал Дипаскали, – и в итоге лояльность привела меня к ужасной, ужасной ошибке».

Годами, продолжал он, он обрабатывал запросы клиентов Мэдоффа. Но ни клиентам, ни регуляторам он не сообщал «одного-единственного факта». «Ни одна покупка или продажа ценных бумах на их счетах на самом деле не имела места. Все это была фальшивка, все это была фикция».

Он перевел дыхание.

«Это было неправильно, и я знал, что это неправильно, сэр».

«Когда вы осознали это? – спросил судья Салливан.

«В конце 1980-х или в начале 1990-х», – ответил он, слегка подкорректировав свое утверждение о том, что мошенничество началось в «начале 1990-х».

Он признал, что сфабриковал массу фальшивых документов, неоднократно одурачив ими Комиссию, и что в своих свидетельских показаниях в январе 2006 года лгал непосредственно регуляторам.

Отчего он лгал юристам Комиссии?

«Чтобы сбить их со следа, сэр», – отвечал Дипаскали.

«У вас было ощущение, что они взяли след?» – спросил судья, относившийся к тем злополучным расследованиям явно скептически.

«Да, сэр. – И Дипаскали сорвавшимся голосом заключил: – Я не знаю, как от восемнадцатилетнего мальца, который просто искал, где бы подработать, я дошел до места, где стою перед вами сегодня. Я никому не хотел навредить, никогда. Я прошу прощения у каждой жертвы. Простите, пожалуйста, простите, простите меня».

Литт быстро пояснил, что афера началась «по крайней мере еще в начале 1980-х», но не представил этому никаких доказательств. Пока прокурор обращался к суду, Дипаскали, сидевший за столом защиты, утирал слезы, а Мукасей, чтобы успокоить его, положил ему руку на плечо.

Судье осталось лишь заслушать жертв. Единственным выступающим была Мириам Зигман, которая вновь настоятельно призвала судью отклонить соглашение о признании вины и назначить судебные слушания, чтобы удовлетворить «стремление

общества к истине».

«Я могу понять ваши требования, – отвечал судья Салливан, – но между уголовным процессом и миссией по выяснению истины есть разница. Не думаю, что поиск истины завершится сегодня».

Он принял признание вины Дипаскали, но ошеломил Мукасея и Литта отказом принять условия их сделки в части разрешения оставить Дипаскали на свободе под залог.

Обвиняемому грозит «астрономическое» число лет заключения, заявил судья. И его участие в мошенничестве продолжительностью двадцать лет «не внушает мне доверия к нему». Существует ли достаточная перспектива сотрудничества, чтобы существенно сократить 125-летний тюремный срок? «Я в этом не уверен», – сказал он сурово.

И приказал поместить Дипаскали в тюрьму. В 5.18 дня протеже Мэдоффа, потрясенного и раздавленного, заковали в наручники и увели из зала суда. Прежде чем его адвокаты и обвинение окончательно согласуют условия освобождения под залог, которые удовлетворят судью Салливана, пройдут месяцы.

В считаные недели после ареста Мэдоффа с большой помпой объявили о расследовании преступлений Мэдоффа в Европе, но к лету 2009 года результатов набралось немного.

Официально интерес к некогда престижному Bank Medici Сони Кон оставался высоким. В апреле Кон частным порядком три часа допрашивали в венском суде в присутствии чиновников из Министерства юстиции США, Комиссии по ценным бумагам и биржам и ФБР. А в мае главный финансовый регулятор Австрии отозвал банковскую лицензию Bank Medici. Но Кон продолжала настаивать на том, что она не более чем еще одна доверчивая жертва Мэдоффа, и почти ничто не свидетельствовало о том, что дело расследуется официально.

Лондонское Бюро по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах (The Serious Fraud Office) открыло расследование дочерней фирмы Мэдоффа в Британии в считаные дни после его ареста. Но известий о выдвинутых обвинениях не последовало и спустя несколько месяцев. В начале 2010 года бюро тихо закроет расследование без предъявления кому-либо каких-либо обвинений.

Швейцарская прокуратура, реагируя на жалобы инвесторов, рассмотрела роль женевского подразделения хедж-фонда Optimal, принадлежащего испанскому Banco Santander, а также других управляющих хедж-фондами, инвестировавших в Мэдоффа или в один из его «донорских» фондов. Но выдвинула лишь предварительные обвинения в мошенничестве против нескольких руководителей, а те отрицали любое правонарушение.

Во Франции следователи сосредоточились на банках, вовлеченных в торговлю связанными с Мэдоффом деривативами. Но никаких уголовных обвинений предъявлено не было. Парижская прокуратура занималась расследованием конкретных претензий облапошенных инвесторов. В ноябре судья в ходе судебного следствия обвинит одного из соучредителей Access International Патрика Литтэ в преступном злоупотреблении доверием путем помещения денег клиентов в фидер-фонд Мэдоффа, принадлежащий его фирме, но потом эти обвинения будут сняты – после того как судья определит, что Литтэ и сам стал жертвой мошенничества, а обвинения против него не подтвердятся.

В Люксембурге, на развивающемся перекрестке хедж-фондов и других коллективных инвестиций Европы, официальные расследования и частные иски накапливались почти так же быстро, как в Нью-Йорке. В люксембургские суды было подано по меньшей мере двадцать связанных с Мэдоффом гражданских исков.

За всеми этими делами пристально наблюдали юристы, нанятые Ирвингом Пикардом, который старался удостовериться, что любой фидер-фонд, сделавший крупные изъятия средств из пирамиды, держался за них достаточно долго, чтобы востребовать их в пользу жертв Мэдоффа.

В конечном счете множество исков частных инвесторов против европейских банков и «донорских» фондов будет улажено в судах к лету 2010 года, при этом так и останется неясным, что произошло и кто за это в ответе.

В судах США по гражданским делам тоже не наблюдалось особенного прогресса. Введенные Конгрессом в 1990-х годах ограничения на иски по ценным бумагам усложнили порядок привлечения к суду тех банкиров, бухгалтеров, консультантов хедж-фондов и «донорских» фондов, которые оставили средства инвесторов в руках Мэдоффа, и многие иски были судами отклонены. Среди них был иск Комиссии по ценным бумагам и биржам против мелкой брокерской фирмы Cohmad Securities, которую основали Мэдофф и его многолетний друг Сони Кон.

В иске Комиссии утверждалось, что Cohmad и его руководство «знали либо должны были знать», что имеют дело с финансовой пирамидой. Но в постановлении окружного суда, которое поставило под сомнение множество подобных дел, ожидающих решения, судья Луис Л. Стентон объявил, что для поддержания этой версии недостаточно простого утверждения Комиссии, даже после того как он рассмотрел притязания агентства в самом благоприятном для них свете.

«В заявлении не приводится подтвержденных фактов, которые позволили бы взять обвиняемых на заметку в связи с аферой Мэдоффа», – отметил судья Стентон. Ни разоблачающих электронных писем, ни показаний о подслушанных разговорах, ни заявления самого Мэдоффа о том, что руководство Cohmad замешано в афере, – ничего этого там не было.

«Заявление скорее поддерживает тот разумный вывод, что Мэдофф одурачил обвиняемых, как он одурачил частных инвесторов, финансовые институты и регуляторов», включая самого истца, то есть Комиссию.

Судья, который рассматривал ключевые элементы дела с дня, последовавшего за арестом Мэдоффа, отказался проигнорировать несколько технических нарушений, связанных с точностью годичных отчетов Cohmad для Комиссии, и предоставил агентству шанс попробовать вновь, отклонив иск с сохранением возможности повторной подачи. Тем не менее это решение было предостережением – даже для федеральных регуляторов, – что для суда значим вопрос «кто знал на самом деле», а не «кто должен был знать». И ответ на этот вопрос так и останется неясным.

К середине лета 2009 года Комиссия подала всего два других иска, связанных с Мэдоффом: против Дэвида Фрилинга, бухгалтера Мэдоффа, и против Стенли Чейза, управляющего первого фидер-фонда Мэдоффа.

Чиновники Комиссии, будучи гражданскими регуляторами, должны были полагаться на уголовное следствие, проводимое Министерством юстиции, хотя и тут не наблюдалось видимого прогресса. К октябрю 2009 года единственными арестованными были Мэдофф, который сделал признание, Фрилинг, которому не предъявили четкого обвинения в осведомленности о финансовой пирамиде, и Дипаскали, который сдался сам.

Дело Мэдоффа попало в прокуратуру Манхэттена в то время, когда она находилась на полпути грандиозного расследования дела об инсайдерской торговле в индустрии хедж-фондов, а людей и так не хватало. К тому же дело Мэдоффа представляло собой типичное уголовное расследование, вывернутое наизнанку. Вместо классического процесса постепенного сбора сведений и ловли мелкой рыбешки, чтобы шаг за шагом добраться до главаря, прокуроры схватили главаря и теперь должны были идти по цепочке назад, по большей части без его, главаря, помощи.

Даже в этих обстоятельствах глава Комиссии Мэри Шапиро полагала, что выстроен достаточно сильный перечень важных направлений деятельности регуляторов, чтобы вернуть часть утраченного агентством уважения. Комиссия подала иск против

гигантской компании нефтепродуктов Halliburton, обвинив ее в нарушении закона о противодействии коррупционной практике иностранных государств (Foreign Corrupt Practices Act). Комиссия обвинила швейцарского банковского гиганта UBS в оказании помощи тысячам граждан США в уклонении от федеральных налогов. Комиссия обвинила три крупных банка в том, что они вводили инвесторов в заблуждение о рисках финансового инструмента под названием «аукционные ценные бумаги», или бумаги с аукционной ставкой. А еще Комиссия обвинила генерального директора крупного кредитного учреждения, выдававшего субстандартные (низкокачественные) ипотечные кредиты, – по утверждению Комиссии, печально известная практика компании помогла подорвать не только национальные кредитные рынки, но и саму компанию. Тем временем за кулисами велось масштабное, пока не завершенное расследование против Goldman Sachs.

В начале августа в Нью-Йорке новый руководитель отдела правоприменения Комиссии Роб Хузами в теплой и непринужденной речи перед группой их коллегии адвокатов оповестил присутствующих, что Комиссии удалось снять наложенные предыдущими администрациями ограничения и уполномочила его выписывать повестки с вызовом в суд собственной властью – властью, которую он намеревался делегировать другому достойному руководителю из состава Комиссии.

Больше никакой бесхребетной терпимости к чинящим препятствия подозреваемым, предупредил он сидящих в аудитории адвокатов. Если они станут противиться запросам на документы или свидетельства или тянуть с ответом, то «весьма вероятно, что на следующее утро на вашем столе окажется повестка в суд».

Это был тот жесткий стиль речи, в котором следовало разговаривать с Мэдоффом. Увы, этого не было сделано, о чем весь мир узнал через несколько недель, 31 августа, когда генеральный инспектор Комиссии Дэвид Котц послал Мэри Шапиро окончательный отчет о своем монументальном восьмимесячном расследовании провалов Комиссии в деле Мэдоффа. Через четыре дня полный текст отчета был опубликован.

Для Комиссии единственной хорошей новостью в этом отчете было то, что Котц не нашел никаких доказательств того, что Мэдофф коррумпировал предыдущие расследования посредством взяток или что чиновники Комиссии намеренно пытались выгородить его и прикрыть его преступление. Роман Шейны

Мэдофф с бывшим юристом Комиссии Эриком Суонсоном, за которого она вышла замуж в 2007 году, был рассмотрен самым пристальным образом (были опрошены даже его бывшие подружки!), но Котц пришел к выводу, что их отношения не повлияли на действия Комиссии и результаты проверок Мэдоффа или его фирмы, хотя задним числом это и выглядело скверно.

Остальная часть отчета была позорным перечислением хорошо документированной некомпетентности и упущенных возможностей. В годы, предшествовавшие аресту Берни Мэдоффа, Комиссия получила минимум шесть жалоб, наводящих на мысли о действующей финансовой пирамиде. Исходный шаг в выявлении финансовой пирамиды – сверка сделок или подтверждение существования активов. «Тем не менее Комиссия по ценным бумагам и биржам ни разу не проверила сделки Мэдоффа через независимую третью сторону», – заключал Котц. Называя вещи своими именами, она вообще «никогда по-настоящему не проводила проверку или исследование Мэдоффа на финансовую пирамиду».

Пожалуй, самым убойным стал вывод Котца о том, что Мэдофф намеренно пользовался головотяпством Комиссии для того, чтобы уверить жертв в своей честности. «Когда потенциальные инвесторы выразили сомнение по поводу инвестирования в Мэдоффа, он, чтобы возбудить доверие и усыпить подозрения, сослался на проверки Комиссии», – заметил Котц. Таким образом, провал Комиссии в деле выявления мошенничества еще и повысил уровень доверия к преступной деятельности Мэдоффа.

Готовая к новой буре критики, Мэри Шапиро тут же обнародовала заявление с новыми извинениями за прошлые провалы Комиссии. По ее словам, отчет генерального инспектора «указывает на то, что Комиссия упустила множество возможностей раскрыть аферу. Эта неудача, о которой мы не перестанем сожалеть, привела нас к необходимости всестороннего реформирования методики регулирования рынка и защиты инвесторов».

Шапиро и руководство Комиссии уже занялись стремительной реорганизацией структуры и процедур, которая будет направлена на множество приведенных в отчете недостатков, заявила она, и эти реформы были с готовностью приняты «целеустремленными сотрудниками» Комиссии. Однако 477-страничный отчет не оставлял сомнений, что в число тех, кому «следовало знать», что Мэдофф мошенник, входило множество целеустремленных сотрудников Комиссии.

Через шесть недель, в среду 14 ноября, адвокаты двух жертв

провели в Нью-Йорке пресс-конференцию, на которой объявили, что подают иск против Комиссии по ценным бумагам и биржам, добиваясь компенсации потерь инвесторов от мошеннической схемы Мэдоффа. Здесь объединились требования жертв Мэдоффа о компенсации и прозрачности. В иске утверждалось, что Комиссия в ответе за потери истцов, потому что эти потери вызваны ее (прекрасно документированной) нерадивостью.

Иск был рискованным предприятием. Получить право подать иск против госслужбы США всегда было делом нелегким, а выиграть сам процесс и того труднее. Граждане, как и в большинстве стран, пронизанных традициями английского общего права, не могут подать жалобу в суд на официальную деятельность федерального правительства: суверен обладает иммунитетом от судебного разбирательства. Логика «суверенного иммунитета» проста: гражданам подобает оспаривать деятельность избранного ими правительства у избирательных урн, а не в судах.

Есть несколько исключений из этого основополагающего принципа. Одно из них – федеральный закон о деликтных актах, который позволяет гражданину предъявлять иск, если ущерб частному лицу причинен нерадивыми или намеренно недолжными действиями правительственного служащего. Но эта лазейка не распространяется на политические решения или шаги по собственному усмотрению, предпринятые федеральными служащими при выполнении ими своих официальных обязанностей.

Жертвы Мэдоффа доказывали, что они пострадали из-за нерадивости Комиссии, а не из-за ее тактики принятия решений по собственному усмотрению. На их взгляд, открытие нескольких расследований по Мэдоффу могло быть политическим решением, защищенным «суверенным иммунитетом», но неумелая работа с почти всеми подробностями этих расследований была нерадивостью и не защищена от судебного разбирательства.
Министерство юстиции с едва ли не железной логикой обосновывало отклонение иска. В одном из меморандумов говорилось: «Бесспорно, потери истцов катастрофичны. И в контексте этого ходатайства суд может предположить, что они были предотвратимы, если бы только Комиссия по ценным бумагам и биржам остановила заговор Мэдоффа либо если бы она только наняла следователей с квалификацией повыше и более опытных, а также была бы понастойчивее в расследовании фактов или посвятила бы их рассмотрению дополнительные время и силы». Тем не менее, утверждало Министерство юстиции, федеральные агентства запретили истцам использовать суды для

«повторного обращения по решениям, вынесенным федеральными агентствами».

В последующие месяцы будет подано минимум с десяток подобных исков, в том числе один групповой иск, добивающийся возмещения ущерба всем жертвам Мэдоффа. Им предстояла небывало тяжелая битва даже при том, что они ссылались на отчет генерального контролера в поддержку своих аргументов. Более двух лет прошло после ареста Мэдоффа, а они намертво застряли в федеральных судах в ожидании ключевого решения о том, есть ли у них вообще право преследовать правительство по суду.

Если таков путь к правосудию, то дорога к почти недостижимой цели будет долгой.

Перед первой годовщиной ареста Мэдоффа стало ясно, что, учитывая судьбу частных исков в стране и за рубежом, наиболее перспективный путь поиска денег для компенсации жертвам проходит через тяжбу конкурсного управляющего Ирвинга Пикарда.

Крайний срок подачи претензий SIPC настал 2 июля 2009 года, и кабинеты Пикарда в Рокфеллер-центре не закрывались допоздна для почты и курьерских доставок. К окончанию рабочего дня число исков превысило 15 000. Окончательным итогом станет 16 518 исков. Многие из них поступили от жертв, которые инвестировали через донорские фонды или партнерства, то есть от людей, не отвечавших данному SIPC определению клиента и, таким образом, вообще не имевших права на помощь SIPC.

Похоже, что спор вокруг вопроса, кто в глазах SIPC считается клиентом, а кто нет, продлится годы. Сегодня для судов задача номер один состоит в том, чтобы решить, каким образом Пикард должен исчислять потери жертв. Так что 28 августа Пикард подал в федеральный суд по банкротствам официальное ходатайство назначить слушание, посвященное исключительно спору о так называемых «чистых активах». Путь к слушанию повлечет за собой месяцы совещаний, встречных совещаний и совещаний в ответ на встречные совещания. Но, по крайней мере, вопрос значится в списке, и для «выигравших вчистую» назначен день судебного заседания – их шанс потребовать справедливости в их собственном понимании.

За лето 2009 года правительство распродало с аукциона собственность Мэдоффа: пляжный дом в Монтоке продал более чем за 9 млн долларов, пентхаус ушел примерно за 8 млн долларов, дом в Палм-Бич все еще выставлен на продажу за 7,25 млн долларов. «Мерседесы»-седаны были проданы, а яхты и

катера ушли с аукциона. В ноябре судебные приставы устроили что-то вроде блошиного рынка, чтобы распродать смесь из личных пожитков, взятых из домов Мэдоффа, от куртки New York Mets с монограммой Берни до нескольких старинных подсадных уток для охотников. За все перечисленное вместе со складом вещей, предназначенных для будущих продаж, судебные приставы получили на аукционе 900 000 долларов, – для почти любого другого дела это впечатляющая сумма, но для аферы Мэдоффа не более чем ошибка округления.

К осени 2009 года Пикард в одиночку собрал примерно 1,5 млрд долларов от брокерских и банковских счетов фирмы, продажи имущества и нескольких внесудебных соглашений, включая соглашение с семьей покойного Нормана Леви на 234 млн долларов. Он также продвинулся в своей тяжбе против Джеффри Пикауэра и его жены за 7,2 млрд долларов. Пикауэры утверждали, что ничего не знали об афере Мэдоффа, однако начали переговоры о мировом соглашении.

Тем не менее в воскресенье 25 октября Барбара Пикауэр обнаружила тело мужа, неподвижно дрейфующее у дна бассейна в их поместье в Палм-Бич. С помощью экономки она выудила Джеффри из бассейна, но оживить его они не смогли. Около 1.30 дня он был объявлен мертвым. Тут же пошли слухи о самоубийстве или об убийстве, но оперативное вскрытие показало, что Пикауэр перенес обширный инфаркт и утонул. Ему было шестьдесят семь лет, и он страдал от проблем с сердцем и болезни Паркинсона. Многолетний семейный юрист Уильям Д. Забел сказал, что переговоры с Пикардом о мировом соглашении продолжатся от лица наследников.

К концу октября Пикард принял 1561 иск и отклонил 1309 на том основании, что этими держателями счетов у Мэдоффа было изъято больше, чем вложено изначально. Так называемым «проигравшим вчистую» SIPC уже была обязана выплатить авансом больше, чем выплатила в целом со дня своего основания в 1970 году: 535 млн долларов. Сумма принятых к исполнению исков равнялась примерно 4,4 млрд долларов, что весьма скромно по сравнению с суммой исков «проигравших вчистую» – 18–21 млрд долларов, которой ожидал собрать конкурсный управляющий.

Предварительные подсчеты обнадеживали больше, чем можно было представить в день ареста Мэдоффа. Если бы в последующие месяцы общая сумма исков и общая сумма активов выросли в примерно равной пропорции, то Пикард смог бы выплатить «проигравшим вчистую» (большинство из которых без особой надежды, но упорно ожидали, что не получат ничего)

всего 30 центов на каждый доллар, на который те имели право.

Но эти цифры были условными. Пока суды не решат, прав ли Пикард, отклоняя иски тысяч «проигравших вчистую», никто не будет знать в точности, как выглядит реальное уравнение.

Этот процесс начнется во вторник 2 февраля 2010 года со словесной перепалки в споре о расчетах Пикарда по искам жертв. В тот день в здании суда в очереди к стойке секьюрити стояло более трех десятков адвокатов. Среди них была Хелен Чейтмен, которая больше года без устали требовала в суде начала этого события.

Небольшой зал суда был заполнен, а опоздавших разворачивали и направляли в помещение-отстойник. Простая металлическая вешалка у дверей давно исчезла под горой пуховиков и шарфов.

После сорокапятиминутной задержки (чтобы больше юристов смогло пройти через запруженный людьми пост проверки безопасности внизу) судья Бертон Лифланд занял свое место в невзрачной комнате с низкими потолками, примечательной лишь видом нью-йоркской гавани из старомодных глубоких окон.

Коллеги характеризовали судью Лифланда как юриста «старой школы», и это не было преувеличением: он родился в 1929 году, получил степень в области права в 1954 году и с 1980 года занимал место судьи в суде по банкротствам. Даже в свои восемьдесят он был трудолюбивым судьей и изучил все 33 юридические записки, приложенные к материалам дела, а также 32 письма от частных инвесторов. Маленького роста, в очках, с непринужденной улыбкой, он редко повышал голос и еще реже выходил из себя.

Дэвид Шиэн, представлявший дело Пикарда, по знаку судьи положил стопу записок и документов толщиной в кирпич на приземистую кафедру между столами адвокатов.

Шиэн был, как обычно, резок и прям. Большинство его оппонентов утверждало, что финансовая пирамида Мэдоффа отличается от других финансовых пирамид уже тем, что это дело SIPC. Шиэн сказал: «Они ошибаются». Они игнорировали тот факт, что их обожаемые последние выписки из клиентских счетов – просто вещественные доказательства мошенничества. «Никто в здравом уме не скажет, что последняя выписка и есть последнее слово», – заявил он, гневно вспыхнув.

Слова Шиэна тут же утонули в смешках из зала. Он на миг умолк, покраснев от смущения или гнева. Затем негромко продолжил: «Весьма прискорбно то, что некоторые мои коллеги повели людей по этой дорожке».

Судья Лифланд поразился этой вспышке. Обычно в суде по

банкротству такого не бывает. И он кивком разрешил Шиэну продолжать.

Через несколько секунд, когда Шиэн упомянул некую деталь из запутанного дела New Times, которое было основой такого множества противоречивых исков по установлению потерь от финансовой пирамиды, снова раздался презрительный смех.

На этот раз Лифланд не остался в долгу. Присутствующие «не на стадионе», строго сказал он. «Давайте придерживаться в суде некоторых приличий». Во время его речи несколько человек из рядов противной стороны залились краской. Если хамское поведение их клиентов оскорбит судью, даже такого уравновешенного, как Лифланд, делу это не поможет.

В число противников Шиэна входили юристы «бейсбольной» семьи Уилпон и миллионера Карла Шапиро из Палм-Бич. Однако они сосредоточились на наиболее внушаемых клиентах – на тех самых жертвах из среднего класса, которые жили на поступления с клиентских счетов Мэдоффа, – и доказывали, что Пикард, настаивая на чистых активах, тем самым отказывал этим клиентам в авансовых выплатах SIPC, достигающих 500 тыс. долларов, в которых многие из них отчаянно нуждались.

Хелен Чейтмен рассказала судье, что в число ее клиентов входят как «проигравшие вчистую», так и «вчистую выигравшие», «но из этих людей каждый верит, что SIPC гарантирует им 500 тыс. долларов». Спокойно, серьезно, красноречиво она продвигала свои доводы: выплата всем прямым инвесторам по 500 тыс. долларов каждому, независимо от их статуса относительно чистых активов, обойдется членам SIPC с Уолл-стрит всего на 700 млн долларов больше, чем уже имеется в резервном фонде. «Для членов SIPC 700 млн долларов – деньги совсем небольшие», – говорила она, зато для некоторых ее клиентов выплаты SIPC «означают разницу между жизнью здорового человека и жизнью человека с кровоточащими язвами».

Для Шиэна предложение Чейтмен было несправедливым. Оно означало, что многие из тех, кто уже возвратил свои начальные инвестиции, теперь получат еще больше – 500 тыс. долларов. В то же время жертвы, которым вообще не удалось восстановить свои начальные инвестиции, могут вовсе ничего не получить. Шиэн заявил: «В конце этого дня они останутся не более обеспеченными, чем те, кто изъял все свои деньги».

После почти года противостояния, шести месяцев составления судебного досье и четырех часов споров мало что осталось невысказанным. Судья Лифланд поблагодарил адвокатов обеих сторон, но напомнил им: «К чему бы я ни пришел и что бы ни постановил, решение будет неприятным… для той

или иной стороны».

Ровно месяц спустя, 2 марта, судья Лифланд утвердил принадлежащее Пикарду определение чистых активов в финансовой пирамиде Мэдоффа исходя из принципа «что вложил, то и получишь». В аккуратно составленной мотивирующей части решения судья признавал, что в законодательстве есть некоторая нечеткость, но заключал, что «тщательный и всесторонний анализ прямого значения и законодательной истории статута, проверка… прецедента и соображения справедливости и практичности» говорят в пользу подхода конкурсного управляющего.

Рассуждение судьи Лифланда в точности следовало аргументам Шиэна: после первоначального внесения денег все ценные бумаги, якобы купленные для клиента, на самом деле оплачивались фиктивными прибылями, поэтому не представляли собой законных «позиций по ценным бумагам» в определении устава SIPC. Он отметил: «Принимая во внимание то, что в мире подделок Мэдоффа на самом деле не велось никакой торговли ценными бумагами, активы клиентов никогда не зависели от ценовых колебаний, а выписки по их счетам никогда не имели отношения к рынку ценных бумаг США».

Следовательно, «единственными верифицируемыми транзакциями» были депозиты и изъятия денег, а не остатки, показанные на последних выписках по счетам, которые были «полностью фиктивными, не отражали настоящих позиций по ценным бумагам, которые можно ликвидировать и которые не могут служить основанием для определения чистых активов».

Он заключил: «Было бы просто нелепо идти на поводу у мошенника и узаконить призрачный мир, созданный Мэдоффом». Судья и адвокаты обеих сторон договорились добиваться ускоренного рассмотрения в апелляционном суде второй инстанции – на следующей остановке долгого и бесплодного поиска справедливости «выигравших вчистую».

Тем временем уголовные дела медленно продвигались вперед. 3 ноября 2009 года Дэвид Фрилинг изменил свое заявление о невиновности и признал себя виновным, но лишь в преступлениях, затрагивающих оформление сертифицированных обманным путем аудитов и финансовых отчетов для Комиссии по ценным бумагам и биржам. Когда Фрилинг встал, чтобы обратиться к председательствующему судье от своего имени, он был весьма решителен. Он сказал: «Первое, и главное: вашей чести крайне важно знать, что мне вовсе не было известно о том, что Берни Мэдофф занимался финансовой пирамидой». И указал, что на самом деле он вместе со многими членами своей семьи

поместил в руки Мэдоффа сбережения и пенсионные фонды – и потерял их полностью.

Фрилинга после признания им своей вины выпустили под залог. Он пообещал сотрудничать с продолжающимся следствием.

Следующими перед судом предстали обвиняемые Джером О'Хара и Джордж Перес.

Когда агенты ФБР 13 ноября пришли арестовать сорокашестилетнего О'Хару, он находился в своем доме в Малверне (штат Нью-Йорк), компактном зеленом пригороде на Лонг-Айленде примерно в десяти километрах к востоку от первого дома Мэдоффа в Лорелтоне (Квинс). О'Хара, рослый и румяный, с проглядывающей в волосах сединой, работал у Мэдоффа программистом с тех давних пор, когда ему еще не было тридцати. Теперь в обвинительном заключении, открытом в то утро, он обвинялся в использовании своих компьютерных навыков для оказания помощи Фрэнку Дипаскали в создании фальшивой документации, которая годами скрывала финансовую пирамиду Мэдоффа.

Джорджа Переса, коллегу Дипаскали с семнадцатого этажа, арестовали в то же утро и по такому же обвинению. Агенты ФБР прибыли рано утром в его дом в Ист-Брунсвике (штат Нью-Джерси), одном из тех спальных пригородов, что как бусы нанизаны на магистраль центра Нью-Джерси. Сорокатрехлетний Перес, небольшого роста, мускулистый, с толстой шеей, мелкими чертами и несколько задиристым выражением лица, пришел в фирму Мэдоффа примерно через год после О'Хары.

Комиссия по ценным бумагам и биржам тоже возбудила дело против этих двоих, повторив претензии из обвинительного заключения, самым интригующим из которых, по утверждению Комиссии, было то, что О'Хара и Перес, после того как они помогли Мэдоффу одолеть денежный кризис 2005 года и последовавшее обследование Комиссии, в сентябре 2006 года якобы вступили с ним в конфликт и отказались в дальнейшем ему помогать, посоветовав шефу в следующий раз, когда понадобится делать грязную работу, «обратиться к Фрэнку».

Согласно обвинительному заключению и исковому заявлению Комиссии, Мэдофф – с набитым кошельком и вне размытого поля зрения Комиссии – тогда просто велел Дипаскали предложить О'Харе и Пересу за молчание столько, сколько понадобится.

О'Хара и Перес предстали перед судьями-магистратами федерального суда Манхэттена, и их освободили под залог в миллион долларов с каждого. Их адвокаты заявили, что те невиновны и что они будут энергично бороться против обвинений, которым сопутствует тюремный срок до тридцати лет.

В 6.00 утра слякотного и снежного дня 25 февраля 2009 года группа агентов ФБР подъехала к многоквартирному дому на Восточной Семьдесят девятой улице недалеко от Ист-Ривер. Они направились прямо в квартиру Дэна Бонвентре и сообщили ему, что он арестован.

Рутинная процедура. Ему позволили одеться, сообщили об ограничениях на предметы гардероба, надели наручники, проводили вниз и усадили на заднее пассажирское сиденье казенного седана. Некогда Бонвентре был так похож на Берни Мэдоффа, что сотрудники пошучивали, будто они близнецы, разделенные после рождения. Теперь это сходство исчезло. С тех пор как Бонвентре в последний раз приходил на работу в «Помаду», он отрастил седую, аккуратно подстриженную бородку и похудел. На Фоли-сквер его, укрывшегося под зонтом, обступили телеоператоры. Он выглядел опустошенным и напуганным.

У Мэдоффа он более тридцати лет был одним из старших руководителей, а теперь его обвиняли в сговоре с целью поддержки и укрывательства финансовой пирамиды, – в частности, помогая Мэдоффу выжить в денежном кризисе конца 2005 года. Комиссия по ценным бумагам и биржам выдвинула против него параллельный гражданский иск, как и в случае с О'Харой и Пересом.

Адвокат Бонвентре, Эндрю Дж. Фриш быстро организовал залог и затем стал отвечать на звонки СМИ, заявляя, что дело – это расчет прокуратуры на чудо. «Я не просто заявляю, что он невиновен или что нет доказательств его вины. Я заявляю, что Дэн Бонвентре *абсолютно* невиновен».

Начинался 2010 год, но не было видно конца ни одному из изнурительных путей, начало которым положил арест Мэдоффа, за исключением дороги Мэдоффа в жизнь за решеткой. Следствие прокуратуры из-за частой смены сотрудников продвигалось мелкими шажками, но уголовные дела неуклонно приближались к далеким еще дням начала судебных процессов. Гражданские иски все так же направлялись в апелляционные суды, где обе стороны будут ждать и молиться о защите. А реформа регулирования в отдельно взятой Комиссии по ценным бумагам и биржам продвинулась настолько, насколько позволяли бюджет и наложенные Конгрессом ограничения.

SIPC все-таки заплатила тысячам жертв, и те начали восстанавливать свои разбитые жизни. Тем временем летом 2010 года более двух десятков жертв (в основном «выигравших вчистую») объединились для совместной работы, чтобы опубликовать трогательный сборник эссе «Клуб, в который никто

не хотел вступать» – свидетельство жестокого разочарования и спокойного героизма, проявившихся вследствие преступлений Мэдоффа. А группы защитников, сформировавшиеся в противостоянии Пикарду, все так же добивались налоговых льгот для жертв Мэдоффа и конструктивных реформ в SIPC, которые будут рассматриваться осенью на слушаниях в Конгрессе.

За кадром же весна и лето 2010 года были отмечены почти безостановочной деятельностью группы Ирвинга Пикарда ввиду того, что они с Дэвидом Шиэном подгоняли свой персонал к 11 декабря – крайнему сроку подачи самого крупного и самого сенсационного иска «по возврату ранее выплаченных сумм». Но эти месяцы принесли и непредвиденное давление, а также постоянные закулисные трения между сотрудниками Пикарда и генеральной прокуратурой из-за имущества, конфискованного у Мэдоффа и других обвиняемых. Шиэн с самого начала утверждал, что продажу имущества следует оставить конкурсному управляющему, поскольку все расходы в этом случае оплачивала SIPC и жертвам, таким образом, оставалось больше денег. Прокуратура же предпочитала проводить продажи конфискованного имущества через службу судебных приставов: этот процесс был им лучше знаком и более выгоден для их бюджета.

Конфликт достиг апогея весной 2010 года, когда прокуратура влезла в затянувшиеся переговоры между Ирвингом Пикардом и наследником Пикауэра. Главный юрист Пикауэра, Билл Забел, в шаге от мирового соглашения, требующего уплаты наследником 5 млрд долларов конкурсному управляющему, заартачился, когда прокуратура стала угрожать подачей иска о гражданской конфискации, претендуя на дополнительные активы сверх любого соглашения с Пикардом. Забел вежливо, но неумолимо настаивал на том, что мировая будет окончательной – или не состоится вовсе.

Позднее Шиэн скажет, что день, когда он услышал об «успехах» прокуратуры, стал для него худшим в этом мучительном деле.

16. Надежда утраченная и обретенная

Времени у Дэвида Шиэна почти не оставалось.

Согласно правилам суда по банкротствам он был должен до полуночи 11 декабря 2010 года (второй годовщины ареста Мэдоффа) подать иски о возврате денег, изъятых из финансовой пирамиды. К концу сентября около тысячи исков о «выцарапывании» ранее выплаченных сумм все еще были в стадии оформления в его фирме. К ним относились мелкие иски против родни Мэдоффа и против родни со стороны его жены, средние – против элитных хедж-фондов и бывших сотрудников Мэдоффа, и крупные – против самых первых спонсоров Мэдоффа и некоторых крупнейших мировых финансовых институтов.

Почти четыре десятка юристов в офисах Baker & Hostetler в Рокфеллер-центре работали чуть ли не круглосуточно. Иски против более мелких инвесторов были отданы на откуп десяткам юристов, рассеянных по отделениям компании в Орландо, Хьюстоне, Денвере и Лос-Анджелесе. Вместе с командами юристов работали бухгалтеры-криминалисты и частные детективы, а также помощники юристов, судебные компьютерные специалисты и секретари на все руки. Вдобавок фирма рекрутировала батальон юристов из-за рубежа для наблюдения за более чем 275 судебными процессами – от Люксембурга до Каймановых островов – и оперативного реагирования.

Шиэн, любитель сложных комбинаций, распределил работу между несколькими специализированными командами. Одни команды были брошены на подготовку исков против таких отдельных статусных обвиняемых, как крупный банк или хедж-фонд. Другие занимались обширным списком «добросовестных» изъятий «излишков средств» на счете, выведенных весьма скромными инвесторами из категории «выигравших вчистую», тех самых, что противились усилиям Пикарда выцарапать эти деньги обратно. Еще одна многочисленная команда сосредоточилась на изъятиях, которые Шиэн называл «недобросовестными», – на крупных денежных суммах, снятых квалифицированными инвесторами, которые в момент изъятия, скорее всего, имели веские основания подозревать мошенничество.

И наконец, от каждой команды были выделены представители, которые составили рабочую группу по «сверке исков», которая несколько раз в неделю сравнивала заготовленные черновики документов на предмет единообразия и

точности формулировок.

Обстановка в фирме смахивала на сумбур в школе права в день выпускных экзаменов: размокшие коробки из-под пиццы, смятые контейнеры от обедов навынос, а в комнатах для переговоров – оперативных центрах – давно не мытые и не чесанные «бойцы» корпели над тем или иным делом, источая крепчающий запах спортзала. Все отлучки были отменены до дальнейших распоряжений, как и положено во время боевых действий. Однажды, ощутив секундное ослабление напряженности, Шиэн спросил коллегу, не желает ли она во благо цивилизации сбегать за бутербродом. «Нет, спасибо… по мне, важнее личная гигиена», – ответила та. Будь у нее время на бутерброд, она бы потратила его на душ.

К середине ноября Шиэн был готов подать иски о возврате денег от бывших сотрудников Мэдоффа. Некоторые из них трудились в фирме с первых ее дней.

Он выдвинул обвинение против Ирвина и Кэрол Липкин, чье знакомство с Берни Мэдоффом началось в 1964 году, когда Ирвин Липкин стал самым первым сотрудником Мэдоффа. В письме, найденном в компьютере Липкина и датированном 1998 годом, он писал, что Мэдофф ему как брат, которого у него не было. Кэрол Липкин, вначале работавшая на биржевого брокера Марти Джоэла, соседа Мэдоффа по офису в начале 1960-х годов, в конце концов тоже перешла в его фирму. Их сына Эрика наняли в 1992 году, и на день ареста Мэдоффа он значился в платежной ведомости. Согласно материалам иска, среди чеков, которые Мэдофф приготовил в последние часы своей аферы, имелся чек почти на 7 млн долларов, который планировалось отправить Липкинам по почте на адрес их дома во Флориде.

В тот же день были поданы и другие иски: против бойкой молодой дамы с темными вьющимися волосами по имени Энрика Котеллесса-Питц, которая работала у Мэдоффа с 1978 года, а с конца 1990-х значилась главным бухгалтером фирмы; против Дэвида Кугела, ветерана Уолл-стрит с аристократической внешностью, нанятого в 1970 году арбитражным трейдером и обвиненного конкурсным управляющим в содействии фиктивным арбитражным сделкам в первые годы аферы Мэдоффа. Шиэн также подал иск против Дэниела Бонвентре, начальника операционного отдела у Мэдоффа, который уже был обвинен в уголовном порядке.

В исках, поданных командой Шиэна 11 ноября, фигурировали имена еще двоих сотрудников Мэдоффа – Джоанн (Джоди) Крупи, дамы под пятьдесят с двумя несовершеннолетними детьми, и невысокой, плотной Аннет Бонджорно, которой перевалило за

шестьдесят. Через неделю эти гражданские иски оказались наименьшей из забот Крупи и Бонджорно.

Перед рассветом во вторник 18 декабря в белый дом с островерхой крышей на тенистой улице пригорода Вестфилд (штат Нью-Джерси) прибыли агенты ФБР и арестовали Джоди Крупи по уголовному обвинению в сговоре с Мэдоффом и другими с целью организации финансовой пирамиды. Ее отвезли на Фоли-сквер в Манхэттене, на слушания об освобождении под залог. Далеко на юге другие агенты ФБР подъехали мимо тенистых каналов и прудов загородного клуба Вудфилд в Бока-Ратон к дому в испанском стиле, принадлежавшем Аннет Бонджорно. Ее тоже арестовали по уголовному обвинению в сговоре и отвезли недалеко на север, в современное здание федерального суда в Вест-Палм-Бич, где после полудня должно было начаться слушание о залоге.

Имена этих двух женщин были добавлены в иск, который прокуратура предъявила в ноябре 2009 года двум программистам, Джорджу Пересу и Джерому О'Харе, и в который внесла поправку в феврале, включив туда Дэниела Бонвентре. Все трое отрицали обвинения и заявили о своем намерении оспорить их в суде.

Теперь обвиняемых стало пятеро. Все они обвинялись в пособничестве Берни Мэдоффу и Фрэнку Дипаскали в осуществлении искусной инсценировки на семнадцатом этаже «Помады». Крупи, которой грозило заключение сроком на 65 лет, обвинялась в ведении текущей отчетности по движению денег на банковском счете финансовой пирамиды, подготовке фальшивых сделок и помощи в администрировании компьютерных программ, которые генерировали фальшивые выписки по клиентским счетам. Бонджорно, которой угрожал тюремный срок продолжительностью 75 лет, обвинялась в создании фальшивых сделок и поддельных выписок по сотням индивидуальных клиентских счетов, включая те, что Мэдофф открыл для крупнейших клиентов и членов своей семьи.

Обе женщины, вслед за своими коллегами, проходящими по делу, отвергли обвинения, заявили о своей невиновности и приготовились предстать перед судом – предположительно в 2011 году.

Общественность почти не заметила первых исков Шиэна и двух новых арестов и обвинений. Зато неделей раньше, в четверг 10 ноября, все проявили жгучий интерес к делу Мэдоффа – в тот день судебные приставы пригласили журналистов осмотреть личные вещи из домов Рут и Берни Мэдофф. В конце недели конфискованное имущество пойдет с молотка.

Грядущий аукцион моментально стал сенсацией. Съемочные

команды местных телестанций и новостных сайтов, толкаясь среди расставленной мебели и ломящихся от одежды вешалок, соперничали с иностранными документалистами за ракурсы с наилучшим освещением. Журналисты строчили, фотографы щелкали, а приставы снабжали их историями о том, где располагались все эти вещи в домах Мэдоффов. Сотни разнокалиберных предметов, от богато украшенных двуспальных кроватей с балдахинами до личной кофейной чашки Рут, подаренной на День матери, были собраны из комнат, шкафов и ящиков манхэттенского пентхауса и дома в Монтоке и расставлены теперь в пустом неиспользуемом помещении Бруклинской верфи.

Это был уже второй аукцион личных вещей, изъятых у Мэдоффов. На проводившемся годом ранее аукционе 2009 года главную роль играла легендарная коллекция наручных часов Берни, несколько эксклюзивных драгоценностей Рут и разные диковины, вроде шелковой куртки New York Mets с вышитой монограммой Берни, которая ушла за 14 500 долларов. Общая сумма, вырученная на тех торгах, не доходила до 900 000 долларов.

На этот раз приставы продавали намного более интимные реликвии канувшей в небытие частной жизни Мэдоффов. Больше всего фотографировали пару черных бархатных ночных туфель с красной подкладкой и вышитой золотой нитью монограммой Мэдоффа. Другим объектом, приковывающим внимание, стали боксерские трусы Мэдоффа с защипами спереди, аккуратно отглаженные и сложенные среди прочих «фирменных» вещей, выставленных на продажу.

Но где же свидетельства изощренного расточительства и безвкусной пышности, которых ожидали от короля финансовой пирамиды и его презренной королевы?

Нет, конечно, они любили наряжаться, эти Мэдоффы, тут никаких сомнений, хотя они покупали все больше классику, много классики, и носили годами. Вешалкам с костюмами Берни, сшитыми на заказ на лондонской Сэвил-роу, не было конца, но иным костюмам было лет по десять, а то и больше. Штабеля сшитых на заказ рубашек и семь дюжин неношеных пар туфель-лоферов ручной работы – все одного образца – вызвали смешки, однако выручили за них больше, чем ожидали приставы. Дизайнерские сумки Рут вызвали ажиотаж, но у некоторых была изношена подкладка и потерты углы. Ее традиционные жакеты от Шанель без воротничка, все второго размера, служили ей далеко не один сезон, а вечерних платьев было немного, все скромно-элегантные.

Занавеси из набивного ситца на балдахине выцвели. Серый кожаный диван, если приглядеться, уже в дырочках. Вообще мягкая мебель из гостиной старая, как видно, привычная хозяевам, уютная. Множество вытертых, чиненых или кое-где испорченных пятнами ковров. В одном из перечней каталога имелось предупреждение: «Внимание! Снизу прожжено сигаретой».

Предметы искусства авторства второстепенных художников, самое известное имя – Томас Хорт Бентон. Ценности невелики, а порой даже слишком скромны и не впечатляют судебных приставов. За масляную живопись американского художника Эрнеста Лоусона они ожидали выручить не более 12 300 долларов, но ее продадут за 40 000 долларов. С другой стороны, они оценили прелестный фигурный секретер с откидной панелью начала георгианской эпохи, из орехового и розового дерева, в 22 500 долларов, а продать его удалось только за 9500 долларов.

По мере того как стали перебирать выставленные на другом конце пакгауза самые скромные предметы домашнего обихода, возникло робкое замешательство. Ой, вы только посмотрите, ведь это же… блюдо для картофельных блинчиков-латкес?

Нет ничего удивительного в том, что у Рут Мэдофф изъяли дизайнерскую одежду, элегантные эдвардианские браслеты и великолепное бриллиантовое кольцо в 10,5 карата в платиновой оправе, проданное за 550 тыс. долларов. Из таких предметов роскоши можно было извлечь существенные суммы в пользу жертв ее мужа. Но аукционный каталог красноречиво свидетельствует, до чего основательно ее обобрали. Восемь пар колготок, косметические кисти, пар двадцать носков (ношеных), «спортивная одежда разная», в том числе сильно старый топ на лямках и штаны для занятий йогой, майки Gap и два стираных носовых платка, а также «коробка носовых платков, новых». Забрали и выставили на продажу содержимое ее ванной и кухни: шампунь и крем для рук, прихватки и кухонные полотенца, сушилку для салата и держатель туалетной бумаги – сгребли все подчистую.

В лот № 448 вошли рыболовный приз, который Берни получил в 1975 году за голубого марлина весом почти 160 килограммов, набор игрушек из дома в Монтоке: табакерка с чертиком, воздушный змей, настольные игры, карточные колоды. Там были и «2 (две) неполные коробки лампочек», коробочка скрепок, десять батареек размера D. В другом лоте были плоскогубцы и прочий ручной инструмент, шнуры-удлинители, садовый инструмент и с десяток коробок разных шурупов и гвоздей. В лотке с бижутерией лежала потускневшая скаутская медаль с

надписью «Будь готов».

Торги (в мидтаунском отеле – очные, в Интернете – заочные) попали в заголовки новостей. Как и ожидалось, особый интерес вызвали тапочки с монограммой, которые в лоте, включавшем одну из рубашек Рут фирмы Ascot Chang, ушли за шесть тысяч долларов. Пятнадцать пар ношеных слаксов и джинсов из гардероба Берни ушли за 25 долларов.

Известно, что два аукциона не собрали вместе и трех миллионов долларов. Выручка от продажи трех домов, трех катеров и автомобиля принесла в итоге 27 млн долларов, не считая 10 млн долларов будущей выручки от таунхауса во Франции и ошвартованной там же 27-метровой яхты, из-за которой возникла склока в лондонском суде по банкротствам.

Это была жалкая капля в разливанном море претензий «проигравших вчистую», которые Пикард суммарно оценил ни много ни мало в 20 млрд долларов. Собрать такую безумную сумму можно было только через принудительные возвраты по суду. По мере того как приближался День благодарения, команда Шиэна извещала о все новых и новых процессах, порой подавая в электронном виде по нескольку исковых заявлений в день по крупным делам и десятки в день – по мелким.

Двадцать четвертого ноября против швейцарского банка-гиганта UBS был подан иск минимум на 2 млрд долларов. Банк обвинялся в том, что своей репутацией он прикрывал различные фидер-фонды Мэдоффа, ничего не предпринимая для защиты инвесторов. В деле прозвучало и название компании Access International, французский основатель которой, аристократ Рене-Тьерри Магон де ла Вилльюше, после ареста Мэдоффа покончил жизнь самоубийством. Через несколько дней UBS станет ответчиком по второму иску в связи с другой группой фидер-фондов, и общая сумма претензий Пикарда к UBS достигнет 2,5 млрд долларов.

Начало декабря ознаменовалось судебным процессом по истребованию возврата комиссионных и компенсации убытков на 6,4 млрд долларов от JPMorgan Chase, основного банка, которым Мэдофф пользовался десятки лет, пока длилась афера. Материалы иска были закрыты для публики, но Шиэн объявил публично, что процесс покажет: банк в отношении Мэдоффа проявлял «преднамеренную слепоту», годами игнорируя «обоснованные и документированные сомнения» его, банка, собственных специалистов. Дело будет «запечатано» запретом на разглашение деталей до начала февраля, когда общественности представят документы, отражающие рост сомнений относительно благонадежности Мэдоффа. Могущественный банк объявил все

обвинения нелепыми и поклялся оспорить их в суде.

Через три дня, в субботу 5 декабря, команда Шиэна подала иск по истребованию 9 млрд долларов от всемирной банковской корпорации HSBC со штаб-квартирой в Лондоне, а также от десятков хедж-фондов и лиц, с которыми банк имел дело в годы аферы Мэдоффа. Обвинения были все те же: сотрудники банка подозревали Мэдоффа, но предпочитали смотреть сквозь пальцы, чтобы и дальше получать от него комиссионные. Эти обвинения также были решительно отклонены.

Во вторник 7 декабря были переданы в суд иски еще по двум крупным делам, оба закрытых для публики. Один – против второго по величине после Fairfield Greenwich фидер-фонда Мэдоффа Tremont Group Holdings. Другой – против ряда компаний и партнерств, связанных с семьей Уилпон, владельцев бейсбольной команды New York Mets. На этот раз Шиэн не стал опережать события, только сообщил, что юристы конкурсного управляющего «в настоящее время ведут переговоры по добровольному урегулированию спора» с адвокатами Уилпонов. К концу января 2011 года газета New York Times предаст гласности некоторые ключевые детали «запечатанного» иска, а в день, когда Фред Уилпон открыто объявит, что New York Mets ищет новых инвесторов, газета сообщит, что исковые претензии конкурсного управляющего к Уилпонам измеряются сотнями миллионов долларов.

В Лондоне был подан закрытый для публики иск против руководителей дочерней британской фирмы-банкрота Мэдоффа и иск на миллиард долларов против семи крупных банков, которые продавали деривативы, привязанные к фидер-фондам Мэдоффа. Иски против менее крупных, но именитых управляющих хедж-фондами, размещенными на Манхэттене, в Европе и на Карибских островах, в том числе против специалиста по пенсионным фондам Сандры Манцке и ее коннектикутского фонда Maxam, составляли многие миллионы долларов. И наконец, было подано около девятисот исков против частных инвесторов Мэдоффа и их семейных партнерств и трастовых фондов – иски, которых «вчистую выигравшие» в гигантской афере со страхом ожидали почти два года.

К тому времени спринтерский рывок конкурсного управляющего, изо всех сил стремящегося успеть с исками по «возврату ранее выплаченных сумм» к крайнему сроку – 11 декабря, стал постоянной темой ежечасных заголовков новостных сайтов. Учитывая всеобщую измотанность и вероятность всяких непредвиденных сбоев в сложном процессе, Пикард и Шиэн согласились, что глупо было бы рисковать из-за какого-нибудь

глюка в электронной системе регистрации документов в суде на последней минуте, так что они установили для себя свой крайний срок – полночь пятницы 10 декабря. Если что-то пойдет не так, у них будет хотя бы минимальный резерв времени.

Каждая половина этой странного юридического тандема играла собственную роль. Пока Шиэн эффектно и громогласно предъявлял все новые и новые иски, Пикард за закрытыми дверьми вел переговоры по улаживанию старых.

В понедельник 6 декабря Пикард уладил 500-миллионное дело о возврате денег с элитным семейным швейцарским банком Union Bancaire Privée, который для инвестирования в Мэдоффа учредил собственный хедж-фонд. На следующий день Пикард совместно с прокуратурой объявил о крупном соглашении с Карлом Шапиро и его семьей из Палм-Бич, в том числе с бывшим руководителем Cohmad, зятем Шапиро Робертом Джаффи. Хотя Пикард и назвал имя Джаффи в своем иске против Cohmad, против Шапиро он иска не подавал, и, в соответствии с условиями соглашения, ни он сам, ни прокуратура не предъявили Шапиро обвинения в противоправных деяниях. Эта сделка прибавила в общий денежный котел для жертв Мэдоффа 624 млн долларов. Через несколько дней конкурсный управляющий сообщил о договоренности с несколькими известными благотворительными учреждениями, включая «Хадассу». Эти соглашения почти удвоили суммы, собранные Пикардом: теперь они достигали 2,5 млрд долларов.

Но все прежние претензии и соглашения затмил иск, поданный в пятницу 10 декабря. В пространном исковом заявлении на 161 странице команда Шиэна обвиняла австрийского банкира Соню Кон, членов ее семьи, ее флагман Bank Medici, ее основных партнеров в Европе и целую армию трастов, партнерств, фиктивных компаний и частных лиц. Всего обвиняемых было около сорока. Те из них, кто согласился прокомментировать исковое заявление, свою вину отрицали. В этом иске, единственном из всех, поданных от имени Пикарда, против ответчиков были выдвинуты обвинения в вымогательстве, согласно которым Кон осознанно помогла направить в руки Мэдоффа 9 млрд долларов, подключив его к новым источникам средств для его финансовой пирамиды в обмен на десятки миллионов долларов тайных вознаграждений.

Истец требовал возврата выплаченных денег и возмещения ущерба на сумму около 20 млрд долларов. А поскольку обвиняемым в вымогательстве суд мог назначить возмещение ущерба в тройном размере, потенциально дело Кон могло принести жертвам Мэдоффа более 60 млрд долларов. Адвокаты

Кон тут же отвергли предположение, что она знала или хотя бы подозревала, что Мэдофф управляет финансовой пирамидой, и заявили, что она и ее семья будут решительно оспаривать иск конкурсного управляющего в суде.

В тот же вечер, всего за несколько часов до полуночи, был подан последний крупный иск: дело, уходящее корнями в первые дни славы Мэдоффа – чародея фондового рынка. Основными обвиняемыми в данном случае были Фрэнк Авеллино и Майкл Бинс, два бухгалтера, чьи судьбы пересеклись в бухгалтерской фирме тестя Мэдоффа. Теперь Пикард добивался выплаты 900 млн долларов от них, их жен и множества принадлежавших семье трастовых фондов и партнерств. В иске утверждалось, что оба бухгалтера сознательно миллионами клали в карманы краденые деньги, которые Мэдофф платил им в награду за то, что те поставляли ему инвесторов после того, как Комиссия по ценным бумагам и биржам в 1992 году прикрыла деятельность Avellino & Bienes. Их адвокаты ничего не комментировали, но приготовились парировать обвинениями в суде.

В снежном буране судебных исков не различить было крохотной снежинки – иска о выплате компенсаций с различных трастовых счетов, открытых в пользу внуков Берни Мэдоффа, детей его сыновей, Марка и Эндрю.

Лицо, близкое к Марку Мэдоффу, позднее утверждало, что этот иск не стал неожиданностью: он появился, когда ажиотаж вокруг приближающегося крайнего срока подачи исков, 11 декабря, и второй годовщины скандала вновь сделал сыновей Мэдоффа объектом всеобщего внимания.

И потому Марку Мэдоффу было очень неуютно.

К этому времени он был обвиняемым как минимум по девяти федеральным искам, в том числе по тем, что направил в суд Пикард, который публично характеризовал его как безответственного и некомпетентного лоботряса. Друг Марка говорил, что его не так ранило презрение Пикарда, как упорное молчание бывших коллег с Уолл-стрит, которые могли защитить его публично. Другие припоминали, что Марк всегда был чувствителен к критике, долго переживал обиду и вслух досадовал, если случались неприятности. «Вот потому-то я никогда и не верил в то, что он знал про аферу, – сказал один друг семьи и бывший партнер по бизнесу. – У него нервы всегда были ни к черту. Он бы просто не смог держать такое в тайне, он с ума бы сошел».

Ни Марк, ни его брат Эндрю не разговаривали с родителями со дня ареста отца. И все же отрыв от золотого прошлого, по-видимому, травмировал Марка глубже, чем брата. Эндрю

довольно скоро стал невозмутимо относиться к гримасам официанта, вертящего в руках его кредитную карточку, или сотрудников службы безопасности в аэропорту, рассматривающих его водительские права. Да, пожимал он плечами, я тот самый Эндрю Мэдофф. Друзьям он говорил, что повсюду его встречает только учтивое сострадание. Но Марк, по-видимому, страшился возможной враждебности незнакомцев. Он не возражал, чтобы жена и дети сменили фамилию с Мэдофф на Морган.

«Он всегда так гордился своим именем, тем, что он сын Берни Мэдоффа, – вспоминал другой его друг. – И вдруг оказалось, что все только и видят в нем сына Берни Мэдоффа».

Однако к осени 2010 года его друзьям показалось, что он наконец пришел в себя. Понимая, что открыто работать на Уолл-стрит ему нельзя, Марк тем не менее поддерживал дружеские знакомства в финансовой индустрии. Кто-то предоставлял ему место в офисе, когда это требовалось, другие были рады повидаться с ним за ланчем и поговорить о делах. Его кошелек был в руках Пикарда: активы заморожены, а все расходы под надзором конкурсного управляющего. Но он искал новых способов содержать свою семью.

Его основной сферой деятельности был вновь созданный бизнес Sonar Report – электронная рассылка предложений на рынке недвижимости, и со временем он надеялся наладить разветвленную систему узко специализированных онлайновых финансовых публикаций. Ежедневно он вставал в 4.00 утра для прочесывания Интернета в поисках значимых для рассылки новостей, составлял бюллетень и примерно в 9.00 рассылал его по электронной почте. Это был толковый и полезный сервис, и некоторые из его постоянных читателей были готовы оформить платную подписку. Но большинство понятия не имело, что к рассылке имеет касательство Мэдофф: он знал, что его имя не должно появляться ни на страницах рассылки, ни в сведениях о предприятии.

Выпуск от пятницы 10 декабря был, как обычно, разослан в 9.00 с минутами. Жена Марка Стефани и их четырехлетняя дочь уехали вместе с тещей Марка во Флориду, в Диснейуорлд, оставив на его попечении сына, которому не было еще двух лет, и собаку, очаровательного лабрадудля по кличке Групер. Днем Марк пообщался с друзьями, провел запланированные встречи. Казалось, он чувствовал себя неплохо – по крайней мере, усилившееся в эту неделю внимание к нему СМИ удручало его не больше прежнего. В гараже, где стояли их семейные автомобили, он любезно кивнул работнику, поблагодарившему его за ежегодные рождественские чаевые. В тот вечер он минут на

десять вывел погулять собаку, сказал позднее швейцар, и вернулся в квартиру.

В субботу, во вторую годовщину ареста отца, он, встав, как обычно в 4.00, разослал несколько электронных писем. Одно из них было адресовано его адвокату Марти Флюменбауму: «Никто не хочет верить правде. Пожалуйста, позаботься о моей семье». Он написал жене: «Я люблю тебя» и «пришли кого-нибудь» позаботиться о сыне.

Когда через несколько часов Стефани увидела записку, она позвонила своему отчиму и попросила его немедленно зайти в ее квартиру. Он пришел и увидел, что Марк висит на черном собачьем поводке, перекинутом через металлическую балку в потолке гостиной.

Это было явное самоубийство, что позднее подтвердит вскрытие, но о его намерении покончить счеты с жизнью говорили и улики на месте происшествия. Полиция нашла отрезанный шнур от пылесоса, привязанный к той же металлической балке, а на столе неподалеку – брошенную петлю из того же шнура. Сына Марка и собаку обнаружили в другой комнате «невредимыми», как гласит полицейский рапорт.

Человек, который был рядом с Марком с самого его детства, выразил мнение, что приближающаяся годовщина и сопутствующая ей волна разговоров о его вине или невиновности «разбередили рану Марка. Должно быть, он просто не мог больше выносить всего этого».

Самоубийство Марка Мэдоффа в возрасте сорока шести лет стало еще одним ударом по разваливающейся семье. У Рут разбито сердце, сказал ее адвокат. Берни, когда ему сообщили, зарыдал. Они не смогли посетить похороны – даже если бы их позвали, дикий шабаш в СМИ сделал их присутствие невозможным. Шейну, двоюродную сестру Марка, и его дядю Питера, может быть, и позвали, но их адвокаты отсоветовали любые контакты с зачумленной семьей. Жена Марка и его брат организовали закрытую церемонию кремации и скромные поминки – только две их семьи и немногие друзья; Рут в этот круг не включили.

Эндрю Мэдофф, в свои сорок четыре года переживший рак, выстоял на руинах. По-видимому, прошлое терзало его меньше, чем брата. Всего за несколько недель до смерти брата Эндрю со своей невестой Кэтрин Хупер собрали друзей на обед в честь Дня благодарения в своей квартире в манхэттенском Верхнем Ист-Сайде. Музыка всегда была частью его жизни, и он много времени проводил за фортепиано, занимаясь со своим давним учителем музыки. Хупер запустила новый бизнес семейных консультаций

по стратегиям поведения при катастрофических жизненных крахах. По ее словам, в катастрофическом крахе под названием «скандал Мэдоффа» они с Эндрю намеревались вести себя разумно. «Когда это произошло, мы решили, что не станем сидеть с лэптопами на коленях и отравлять себя чтением блогов, – впоследствии говорила Хупер журналистам. – Мы не собирались снова и снова пережевывать, как все это ужасно».

Вероятно, все сводится к разнице в складе ума, открывшейся в резком противопоставлении два года назад. Как вспоминал Берни Мэдофф в одном из тюремных интервью, Эндрю, выслушав его признание, заплакал и в последний раз обнял отца, зато Марка с того дня сжигал невысказанный гнев. Пока адвокаты Эндрю занимались судебными процессами и торговались с Пикардом об условиях соглашения, сам Эндрю продолжал жить нормальной жизнью, не отказываясь носить фамилию Мэдофф, но и отказываясь вечно носить клеймо сына отца-преступника.

Ко времени наступления крайнего срока подачи исков Пикард представил в суд иски на общую сумму в 90 млрд долларов, хотя на «выцарапывание» даже малой доли этой суммы могли уйти годы. Его бульдожья хватка в погоне за активами ободряла «вчистую проигравших» – и тем рисковым спекулянтам с Уолл-стрит, которые скупили обоснованные претензии по двадцать – тридцать центов за доллар в надежде, когда дело окончательно решится, вернуть побольше. Но «вчистую выигравшим» снежный вихрь крупных исков принес жестокий холод – с ними, на основании действующего закона и решений суда, вряд ли поделятся хоть чем-то из возвращенных Пикардом средств. Пока (и если) «вчистую проигравшим» не вернут все их потерянные деньги, «вчистую выигравшим» нет места за столом.

Несколько «выигравших вчистую», чьи претензии были отклонены Пикардом (а его действия, еще не рассмотренные апелляционным судом, были поддержаны судом по банкротствам), обратились за помощью в Конгресс. С начала года они добивались законодательного акта, который потребовал бы от SIPC признания последних выписок по клиентским счетам всех жертв финансовой пирамиды в качестве доказательства величины потерь, независимо от того, кто сколько внес и сколько получил.

К лету некоторые из «выигравших вчистую» скрепя сердце поддержали «Билль о правах жертв финансовой пирамиды». Билль для них оказался в лучшем случае синицей в руках – в него не вошло их ключевое требование признания последних выписок. Но лидеры организованной группы жертв утверждали, что билль как минимум ускорит слушания и следствие, которые «вместе с нашим усиленным лоббированием позволят настоять на внесении

необходимых поправок».

Несмотря на их лоббистскую деятельность, соответствующий законодательный акт к концу сессии Конгресса так и не прошел слушания в комитете. Но в конце декабря несколько поддерживающих его конгрессменов пообещали после начала новой сессии в январе 2011 года заменить этот билль более решительным законопроектом.

Этот новый билль, как предполагалось, запретит конкурсному управляющему SIPC подачу исков «по возврату ранее выплаченных сумм» против невинных жертв финансовой пирамиды и потребует у него санкционировать выплату компенсаций по последним выпискам инвесторов, если они не являются профессионалами Уолл-стрит, которые «знали… или должны были знать» об афере, но не предупредили о ней регуляторов.

Билль под названием «Акт о равноправии инвесторов», внесенный на рассмотрение в феврале 2011 года, в принципе не запрещал иски «по возврату ранее выплаченных сумм», но не позволял конкурсному управляющему требовать обратно те деньги, которые невинные жертвы изъяли из пирамиды до ее краха. Запрет сократил бы число тех инвесторов, от которых конкурсный управляющий вправе требовать возврата денег, тем самым уменьшив вероятность того, что «проигравшие вчистую» в конце концов получат все, что вложили. Самое любопытное то, что билль законодательно закреплял категорию тех, кто «должен был знать», что Мэдофф жулик, ограничивая ее брокерами и консультантами по инвестициям.

Согласно этому биллю, Пикарду запрещалось подавать иски против некоторых богатейших и наиболее квалифицированных инвесторов, которые не были брокерами или управляющими инвестициями. Более того: балансы на последних выписках по клиентским счетам этих инвесторов-«непрофесионалов» были астрономическими. Они могли бы претендовать на сотни миллионов долларов, тем самым резко уменьшив суммы, на которые могли рассчитывать «проигравшие вчистую». И Пикарду пришлось бы удовлетворить эти претензии, если ему не доказать, что эти лица на самом деле были в курсе аферы Мэдоффа. И наоборот: если менеджер только что получившего лицензию взаимного фонда оказался в числе «выигравших вчистую» в финансовой пирамиде, билль не защищал его от «возврата выплаченных ранее сумм», независимо от степени неопытности такого менеджера.

У некоторых из «выигравших вчистую» были основания заявлять, что Пикард не должен требовать у них возврата денег,

которых у них нет, а если и есть, они не могут их выплатить, не скатившись в полную нищету. Но если «вчистую выигравший» подпадал под программу SIPC о «тяжелых случаях», то Пикард оставлял его в покое. В последние недели до истечения крайнего срока подачи исков изрядное число «выигравших вчистую» ходатайствовали о статусе «тяжелый случай» и получили его, и дела против более двухсот «выигравших вчистую» к декабрю были Пикардом закрыты.

Возвращаясь к пресловутому биллю, заметим, что он не требовал распространить защиту SIPC на непрямых инвесторов финансовой пирамиды. Между тем тысячи инвестировавших через «донорские» фонды Мэдоффа точно так же напрасно уповали на SIPC как «выигравшие вчистую». Конкурсный управляющий отказал им в удовлетворении исков не потому, что они получали фиктивные прибыли, а потому, что у них не было клиентских счетов в брокерской фирме Мэдоффа. Зато фидер-фонды, принимавшие у них деньги, были клиентами, имеющими право на помощь SIPC. Чтобы вернуть свои деньги, потерянные из-за банкротства Мэдоффа, такие инвесторы могли затребовать их только у своих фидер-фондов при условии, что притязания самого фонда были признаны обоснованными.

Более десяти тысяч непрямых инвесторов подали иски Пикарду, и тот их отклонил. Был ли Пикард правомочен отклонять их иски? Это была одна из узловых проблем, которая стояла перед судами и два года спустя после ареста Мэдоффа. Непрямые инвесторы доверили «донорским» фондам свои вложения и, по действующему праву, могли рассчитывать на возврат денег в связи с банкротством Мэдоффа от этих фондов либо от стоявшей за ними материнской корпорации. К несчастью, в случае многих малых или обанкротившихся фондов инвесторы могли рассчитывать только на многолетние судебные тяжбы.

В первые дни и недели после ареста Мэдоффа внимание публики было поглощено поиском его сообщников. Ко второй годовщине его ареста признание сделали сам Мэдофф и еще двое (незаменимый Фрэнк Дипаскали и нерадивый бухгалтер Дэвид Фрилинг). Еще пятерых обвиняли в поддержке финансовой пирамиды, но все они заявили о своей невиновности и готовились отбиваться от обвинений в суде. Прокуратура при каждой возможности утверждала, что уголовное следствие продолжается, но также поясняла и то, что бремя доказательства вины «при отсутствии обоснованного сомнения» куда тяжелее, чем бремя доказывания по гражданским искам, поданным в суд по банкротствам, независимо от того, насколько безусловными и впечатляющими представляются обвинения в таких делах.

Дни и недели после ареста Мэдоффа вызвали и гневные требования реформ всех структур – Комиссии по ценным бумагам и биржам, SIPC и судов, где работу этих двух агентств доводили до логического конца. Комиссия под председательством Мэри Шапиро претерпела одно из самых радикальных в своей истории преобразований. Ее отдел правоприменения enforcement наделили новыми инструментами – расширенной системой поощрения информаторов о правонарушениях («свистунов»), правом выписывать повестки в суд, упрощенной структурой управления, высвобождающей кадры для борьбы с мошенничеством «на месте», усовершенствованными программами обучения для юристов и следователей, – и выделили деньги на развертывание этих инструментов. Эти достижения могли быть сведены на нет будущими сокращениями бюджета, однако отдел правоприменения вновь обрел бесстрашие и получил поддержку в Конгрессе, где всего два года назад один конгрессмен назвал Комиссию «врагом».

В конце сентября 2010 года Шапиро заседала в экспертной группе школы права университета Фордхэм вместе с двумя экс-председателями Комиссии (оба были назначенцами республиканской партии), которые публично хвалили ее за сохранение оказавшейся одно время под большой угрозой независимости Комиссии, почти в одиночку. «Если вы всего лишь спасли Комиссию и не сделали больше ничего, это уже прекрасное начало», – сказал Ричард Бриден, возглавлявший Комиссию с 1989 по 1993 год. Харви Питт, председатель Комиссии в 2001–2003 годах, поддержал его, заметив, что Шапиро вступила в должность «во время сурового кризиса».

В SIPC изменения шли куда медленнее, но и они представлялись неизбежными. Организация, побуждаемая комитетами Конгресса, взвешивающими различные законодательные предложения, одно мудрее другого, сама учредила особую группу для изучения и устранения тех слабых мест, что выявил скандал Мэдоффа. Что до банкротства и судебных процессов, то на разрешение вопросов, поставленных делом Мэдоффа, уйдут годы. Как исчислять потери? Кто имеет право подавать иски? Какую ответственность за необнаружение такой гигантской аферы несут управляющие хедж-фондами, бухгалтеры, банкиры и консультанты по инвестициям, и несут ли они ее вообще? Можно ли привлечь к ответу в суде саму Комиссию по ценным бумагам и биржам?

В конце концов, в первые недели после ареста Мэдоффа его жертвы считали, что возврата денег можно добиться разве что волшебством.

К концу 2010 года было подано немногим более 16 500 исков. Около двух третей этого числа составляли претензии непрямых инвесторов, которые не могли получить ничего, пока суды наконец не вынесли решение. Около 120 исков забрали назад. Более 500 исков оставались в обработке: это были иски крупнейших «проигравших вчистую», чьи суммарные потери Пикард оценил в 14 млрд долларов, хотя и понимал, что эта цифра может измениться по результатам судебных решений. Примерно половина этих щекотливых дел была уже в суде, а еще больше ожидало передачи в суд.

К концу года из оставшихся исков Пикард отклонил более 2700 исков от «выигравших вчистую» и принял более 2400 исков от «проигравших вчистую», доказанные потери по которым составили немного менее 6 млрд долларов.

Итак, во вторую годовщину ареста Мэдоффа у Пикарда для покрытия потерь, которые он скромно оценил в 20 млрд долларов, имелось около 2,5 млрд долларов, то есть примерно 10 центов на доллар. У него, конечно, были надежды выплатить больше, но надежду в банк не положишь и чек на нее не выпишешь. Неутомимая юридическая команда Шиэна подала иски к различным обвиняемым на сумму 90 млрд долларов, но фактически для того, чтобы собрать хотя бы скромную долю этих денег, понадобился бы кудесник под стать Мэдоффу.

И все же покрытие 10 центов на доллар (и вдвое или втрое больше, если считать судебные процессы, победу в которых Пикард считал возможной) было куда весомее, чем можно было ожидать мрачной весной 2009 года.

Через неделю, прошедшую с момента второй годовщины ареста Мэдоффа, арифметика для «вчистую проигравших» поменялась, да так резко, что этот день вошел в историю, как и многое другое в этой печальной саге.

Пятница, 17 декабря, была днем, которого Дэвид Шиэн боялся не дождаться – прокуратура переносила срок из месяца в месяц, надеясь достичь наилучшего для жертв Мэдоффа результата. Ясным и очень холодным утром резкий ветер хлестал на Манхэттене, у небоскребов Фоли-сквер. Еще прежде чем прокурор Прит Бхарара объявил, что в полдень проведет пресс-конференцию, чтобы объявить о соглашении по наследству Джеффри Пикауэра, многолетнего инвестора Мэдоффа, эта новость облетела Интернет. Адвокаты вдовы Пикауэра достигли всеобъемлющего соглашения с правительством и конкурсным управляющим на сумму 7,2 млрд долларов. Это была полная сумма, которой добивался Пикард в первоначальном иске – на 2,2 млрд долларов больше, чем конкурсный управляющий

получил бы, не вмешайся прокуратура в переговоры несколькими месяцами ранее.

И это крупнейший в истории американской системы права единичный акт конфискации.

Пресс-конференцию проводили в небольшом странной формы уголке вестибюля главного здания Генеральной прокуратуры со стенами рифленого бетона, частью покрытого бархатными драпировками глубокого синего цвета. Над головами, на уровне второго этажа, свисал гигантский мобиль из металлических труб и сфер с напыленной на него краской. Перед шеренгой телекамер были установлены четыре ряда типовых металлических складных кресел. В 12.15 дверь, обрамленная синими драпировками, открылась, вошла группа людей и несколько неловко выстроилась вдоль стен: настроенный по-боевому Дэвид Шиэн, Ирвинг Пикард в скромном сером костюме. В темном углу встали двое руководителей SIPC, старшие правительственные функционеры из нью-йоркских подразделений ФБР и Налогового управления, а также сонм молодых прокуроров во главе с боссом, федеральным прокурором Южного округа Нью-Йорка.

Прит Бхарара, импозантный человек с редеющими темными волосами и уверенной манерой держаться, сразу встал за кафедру, а операторы пригибались и перебегали, ища ракурс, чтоб снять и его, и Пикарда у него за плечами.

– Сегодняшнее поистине историческое соглашение по наследству Джеффри Пикауэра – событие, меняющее развитие ситуации для жертв Мэдоффа, – начал Бхарара, читая по листку. – Вернув все семь и два десятых миллиарда долларов, которые ее покойный муж получил [от фирмы Мэдоффа], чтобы помочь наиболее тяжко пострадавшим, Барбара Пикауэр поступила по справедливости.

Сумма, которую передала Барбара Пикауэр, представляла собой разность между деньгами, которые ее муж изъял со своих клиентских счетов у Мэдоффа, и суммой, которую он на них положил, что, по оценкам, составляло лишь 620 млн долларов. Но эта сумма далеко не отражала всего чрезвычайно богатого наследства ее мужа. Остальное должно было пойти на образование нового Фонда Пикауэра, который продолжил бы филантропические деяния супружеской пары.

Многолетний адвокат Пикауэров и их советник Билл Забел больше года провел за подготовкой соглашения, которое позволило бы Барбаре Пикауэр спокойно жить и заниматься благотворительными трудами. Пока в даунтауне шла пресс-конференция, офис Забела в мидтауне выпустил заявление от имени вдовы: «Я полагаю, что соглашение исполняет пожелания

Джеффри вернуть деньги так, чтобы они пошли непосредственно жертвам Мэдоффа. Я абсолютно уверена, что мой муж Джеффри никоим образом не замешан в аферу Мэдоффа… Я – свидетель его честности и в нашем браке, и в его жизни на протяжении всех сорока совместных лет».

Среди общей шумихи заявление не привлекло внимания, но в отрывке из него, приведенном в выпущенном в тот же день заявлении SIPC, цитировались слова Ирвинга Пикарда о роли Джеффри Пикауэра в огромной финансовой пирамиде и одновременно беглый обзор стратегий, которые в исках, поданных за предыдущие два года, навлекли на различных инсайдеров Мэдоффа и крупных инвесторов столько яростных обвинений.

«Когда весной 2009 года мы подали иск против мистера Пикауэра и остальных, имеющиеся у нас тогда документы привели нас к предположению, что мистер Пикауэр должен был знать или мог знать об афере Мэдоффа, – признавал Пикард. – Благодаря открывшимся дополнительным документам, я уверился в том, что у нас нет оснований преследовать мистера Пикауэра по суду, и вместо этого мы пришли к деловому решению».

Такое «деловое решение», несомненно, не станет последним в процессах, в которых Пикард обвинял различных ответчиков в умышленно неправомерных действиях или в преднамеренном соучастии в крупнейшей афере века. Но до сих пор это решение было крупнейшим, и, несмотря на то, что оно так и не пролило свет на роль Пикауэра в афере Мэдоффа, оно сразу улучшило перспективы и «выигравших вчистую», и «вчистую проигравших».

Имея на руках около 10 млрд долларов, Пикард был настроен вернуть примерно половину денег, инвестированных «проигравшими вчистую» в Мэдоффа. Возврат мог возрасти даже при самых скромных успехах Шиэна в суде, а сам Шиэн начал частным образом заявлять, что полагает, будто сможет привести «проигравших вчистую» к святому Граалю банкротных управляющих – к ста центам на доллар.

Если так и случится, то для «выигравших вчистую» откроется новое поле деятельности. Даже в отсутствие юридически действительных клиентских претензий у них имеются обвинения в мошенничестве, с которыми они могут по суду претендовать на наследство Мэдоффа, как делали все обманутые инвесторы, хотя этот факт до сих пор казался бесполезным и отвлеченным. Если блиц Пикарда «по возврату ранее выплаченных сумм» принесет куда более 20 млрд долларов, необходимых для выплаты «вчистую проигравшим» (а у него на руках было уже почти 10 млрд долларов), то выплата по искам о мошенничестве станет

реально возможной.

И, если это произойдет, то самое крупное в истории, совершавшееся на протяжении долгого времени, очень разветвленное преступление поставит еще один рекорд. Им будет самый примечательный в истории возврат денег финансовой пирамиды. Рекордное соглашение по наследству Пикауэра подарило жертвам Мэдоффа то, что два года назад казалось им еще недостижимее, чем справедливость: надежду.

Странно, но о том, что в этом деле возможен возврат денег исторического масштаба, думали не только Пикард и Шиэн. Так считал и Берни Мэдофф.

В нескольких электронных письмах из тюрьмы после соглашения по наследству Пикауэра Мэдофф едва ли не с одержимостью боролся против расчетов Пикарда, заявляя, что они выглядят так, будто конкурсный управляющий «собирается из выплаченных ранее и ныне возвращенных сумм выплатить по юридически обоснованным искам клиентов, составляющим 20 млрд долларов, по меньшей мере 24 млрд долларов». Он был уверен, что весной 2010 года несколько европейских банков и хедж-фондов достигли со своими инвесторами конфиденциального соглашения в том, что они полностью покроют иски на 15,5 млрд долларов. И добавил: «Я знаю это со стопроцентной достоверностью, а больше не скажу ничего». Поэтому ему казалось, что Пикард ликвидирует имущества на сумму куда бóльшую, чем нужно для возмещения причиненного самим Мэдоффом ущерба.

Разумеется, эти 20 млрд долларов лишь покрыли бы потерю непосредственно вложенных денег, а не прибыли – накопленное за многие годы богатство, которым его инвесторы рассчитывали обеспечить свое будущее и которое обернулось жестокой иллюзией. И никакими деньгами не излечить разбитые сердца, обездоленные семьи и сломанные жизни, которые он оставил в память о себе, как не восстановить веру в себя и в справедливость мира, которую навсегда утратили его жертвы. Да и на чисто денежном уровне – те иностранные инвесторы, которые посредством конфиденциальных соглашений якобы вернули свои потери, даже не могли подать иск Пикарду. А у иностранных банков и хедж-фондов, которые расплатились по этим соглашениям, возможно, и поныне имеются собственные юридически обоснованные претензии.

При всем том Мэдофф сохранял завидное хладнокровие и уверенность в благополучном исходе: «У меня складывается впечатление, что, если все заграничные иски были так или иначе на сто процентов улажены, а по внутренним искам инвесторы

получат все причитающееся из возвращенных активов, то, значит, всем вернут основные инвестированные суммы».

Эпилог

Во вторник 14 июля 2009 года, через две недели после вынесения ему приговора судьей Денни Чином, проведя недолгое время в камере федеральной тюрьмы в Атланте, Бернард Л. Мэдофф прибыл в Федеральный исправительный комплекс площадью более 283 гектаров в Батнере, штат Северная Каролина.

В прежние годы в этом комплексе содержалось немало выдающихся беловоротничковых преступников, и среди нынешних заключенных тоже были знаменитости – израильский шпион Джонатан Поллард, пожилой гангстер Кармине Персико и севший в 2004 году за приписки один из учредителей Adelphia Communications.

Мэдоффа поместили в FCI-1, одну из двух тюрем общего режима на территории комплекса. Ему, официально названному заключенным 61727054, выдали стандартную тюремную робу – рубашку и брюки цвета хаки, и начались недели ознакомления и привыкания.

В памятке заключенного сказано, что все личные вещи должны умещаться в единственный запирающийся шкафчик, но с разрешения администрации можно использовать место под койкой. Дозволенные ювелирные изделия ограничены одними недорогими часами и обручальным кольцом без драгоценных камней. Покупки в тюремном магазине можно делать не более чем на 290 долларов в месяц.

Его контакты с внешним миром будут теперь сведены к написанным от руки перлюстрируемым письмам, ограниченному числу также подлежащих проверке электронных писем от заранее согласованного списка лиц и редким встречам с Рут и адвокатами.

В первое время он работал в тюремной библиотеке и образовательном отделе. Потом его определили в магазин – на хорошо оплачиваемую и всегда желанную для заключенных работу. Он не мыл полы и не чистил уборные, как потом напишут в некоторых репортажах. По его мнению, он был относительно здоров, и, вопреки «всем нелепостям», появлявшимся в СМИ, к нему «хорошо относились и заключенные, и персонал тюрьмы». Что до сообщений об уничижительных словах по адресу его сыновей или жертв, то Мэдофф категорически возражал: «Я никогда не говорил гадостей о сыновьях, я люблю их и тоскую по ним. Я чувствую огромную вину перед своими жертвами».

Двадцать четвертого августа 2010 года, больше чем через год

пребывания в Батнере, Берни Мэдофф дает свое первое интервью под запись. Он сидит в почти пустой комнате для посетителей и повествует о своей долгой карьере на Уолл-стрит и афере, навсегда теперь связанной с его именем.

Первый животрепещущий вопрос: «Кто еще знал?»

Он настаивает, что семья ничего не знала об афере. «Я знал, что неминуема катастрофа, я должен был принять вину на себя, – говорит он. – Я понимаю, что заслужил наказание и принял его почти с облегчением, но я должен был отвести удар от семьи». Так что он, не дрогнув, встретил арест и, по его словам, был в ужасе от того, что оказались замараны имена его жены, брата и сыновей. Против членов его семьи не было ни свидетелей, ни документов, ни малейших улик, продолжает он, потому что они ни в чем не замешаны. «Я не понимал, как можно было их обвинить, – утверждает он, – я знал, что против них никто ничего не мог раскопать».

В таком случае кто еще мог заподозрить его в мошенничестве?

«Только Пикауэр, – говорит он. – То есть как он мог *не* заподозрить?» Джеффри Пикауэр предлагал его клиентам сомнительные схемы минимизации налогов и был клиентом нечистого на руку арбитражера Айвена Боски в жаркие восьмидесятые. «Он раздал много конвертиков», – говорит Мэдофф о Пикауэре, но не хочет признать, что другие гигантские фидер-фонды и крупные инвесторы знали, что инвестируют в пирамиду. Самое нелицеприятное, что он скажет по их адресу, – что некоторым из них «не хватило квалификации».

Второй из наиболее насущных вопросов: «Когда это началось?»

Мэдофф, как и на суде, продолжает настаивать, что его грандиозная афера началась не раньше 1992 года. До тех пор, по его словам, он занимался только законными инвестициями. Он заявляет, что прокуратура и конкурсный управляющий заблуждаются, утверждая, что афера началась раньше или что это с самого начала было жульничество.

Разумеется, от ответа на вопрос «Когда это началось?» многое зависит. Чем раньше началась афера, тем больше активов, пока еще остающихся у семьи Мэдоффа, сможет конфисковать правосудие в пользу жертв. Так что на этот простой вопрос прямого ответа не будет – по крайней мере, пока Мэдоффы не удовлетворят все предъявленные им финансовые претензии. И даже тогда сам Мэдофф вряд ли поставит под сомнение их легитимность, дав на этот вопрос ответ, отличный от сегодняшнего.

Прокуроры при каждом удобном случае говорили, что пирамида началась «по меньшей мере с восьмидесятых». Конкурсный управляющий заявляет, что в период, за который удалось восстановить внутренние отчеты Мэдоффа, начиная с конца семидесятых, по нескольким счетам крупных клиентов был проведен лишь минимум сделок. Но выписки по клиентским счетам за те же годы действительно показывают инвестиционные активы на этих счетах. Отчеты банков и расчетных палат сохранились только начиная с 2002 года, то есть отчетов из независимых источников, подтверждающих, что Мэдофф действительно делал эти инвестиции, попросту не существует. После двух лет расследования по-прежнему нельзя предъявить ни одного юридически обоснованного документа, который бы точно указывал, когда началась афера. Отчетности нет, а люди, способные дать ответ, либо не хотят отвечать, либо повторяют версию Мэдоффа.

Пирамида могла существовать с первого же дня, но такое предположение Мэдофф решительно отвергает. По его заверениям, в первые двадцать лет, во времена богатых возможностей для арбитражных сделок, он был достаточно успешным трейдером, чтобы построить витринную, законную часть своего бизнеса. И вряд ли наивно предположение, что некто столь удачливый в своей законной деятельности, как Мэдофф, вполне мог преуспеть и в управлении частными инвестициями, применяя типовые приемы арбитражных операций, по крайней мере, на первых порах – до того, как деньги потекли к нему рекой.

Анализ всех вероятностей чуть склоняется в сторону того мнения, что собственно пирамида в крупном масштабе началась где-то с середины или конца восьмидесятых. Многие инвесторы припомнили, как примерно в это время им говорили, что Мэдофф отходит от арбитражных операций – быть может, с умыслом замести следы. Вскоре после 1986 года он сказал Майку Энглеру, что теперь предоставляет свои услуги по управлению «корпоративными» деньгами также и частным инвесторам, – еще одна правдоподобная история. До 1985 года Мэдофф изредка подписывал родственникам Рут чеки на погашение, но никто не помнит, чтобы он так поступал и позже. В середине восьмидесятых клиентские счета «друзей и семьи», первоначально открытые Солом Альперном у Avellino & Bienes, начали расти с астрономической скоростью, возможно, перекачивая для Мэдоффа больше денег, чем он мог использовать в законном арбитраже. Даже Мэдофф признает, что вывод активов после обрушения рынка в 1987 году поставил его в крайне тяжелое

положение, и тут как раз огромные деньги потекли к нему от первых его клиентов – хедж-фондов.

Как бы то ни было, сегодня из ответов Мэдоффа ясно, что с самых первых дней своей карьеры он скользил по грани между правдой и ложью. Он сам рассказывает, как в 1962 году, будучи молодым брокером, угодил в беду, потеряв деньги «друзей и семьи», но возместил потери, заняв средства у Альперна, – и позволил обманутым клиентам считать себя гением. Рассказывает он и об иностранцах, в восьмидесятые с его помощью обходивших законы о валютном регулировании своих стран, – и он помогал им не моргнув глазом.

Так что даже если бы Мэдоффа обязали пройти через детектор лжи, вполне возможно, что не получилось бы точно выяснить, когда именно он стал жуликом. Было ли это решение принято в один прекрасный день, или оно стало логичным итогом, к которому он десятилетиями шел, балансируя на грани правды и лжи?

Из ответов Мэдоффа очевидно еще и то, что он считает предателями крупных клиентов, которые после краха 1987 года вдруг начали вырывать деньги из его рук, – тех самых клиентов, которые среди тысяч других теперь числятся жертвами его собственного грандиозного предательства.

«Одним из условий моего соглашения с ними было то, что прибыли будут реинвестироваться, а не изыматься, – говорит он скорее обиженно, чем сердито. – И из всех клиентов только они одни не выполнили уговор. Пикауэр и Шапиро хуже всех, Чейз и Леви получше». Но он признает, что Карл Шапиро, Джеффри Пикауэр и Норман Леви выручили его новыми вливаниями, когда в 1992 году к нему с проверкой нагрянула Комиссия по ценным бумагам и биржам и ему отчаянно понадобились деньги. И все же он считает, что вышеперечисленные «меня подставили. Бросили на произвол судьбы».

Мэдофф без тени иронии говорит: «Пикауэр заявил, что потерял кучу денег на облигациях Goldman Sachs. Как оказалось, он соврал – никаких денег он не терял, и не потому он изъял у меня [деньги]». Другие крупные клиенты тоже выводили деньги, хотя и несопоставимо меньшие суммы. Он туманно намекает, что их инвестиционные портфели включали нереализованные прибыли по долгосрочным ценным бумагам, которые были компенсированы контрагентскими позициями его зарубежных клиентов, позициями, которые, по его словам, он мог закрыть лишь с огромными потерями.

Это на первый взгляд правдоподобное объяснение по зрелом размышлении начинает рассыпаться, как и многое из того, что

говорит Мэдофф. Какие законные контрагентские позиции могли создать ему такие проблемы? Если имелась нереализованная прибыль по реальным бумагам, уж наверное можно было реализовать хотя бы часть этой прибыли. Почему его квалифицированные клиенты не понимали, что резкий сброс огромного числа акций вызовет снижение цен и, соответственно, сократит или даже обнулит их прибыли?

Но Мэдофф, прежде чем возникнут подобные вопросы, уже перескакивает к ударной концовке истории про нежелательные изъятия 1987 года: «Я и сам не заметил, как образовалась задолженность в несколько миллиардов долларов».

Просто признаться в потерях в такой момент – это «грандиозный скандал». Поэтому он прикрыл потери деньгами, украденными у других, в том числе родных и давних друзей, которые с каждым годом его несокрушимого успеха верили в него все безоговорочнее.

От просьбы объяснить отношения с рядом крупных инвесторов и менеджеров фидер-фондов он уворачивается и – впервые – едва ли не огрызается в ответ. «Люди алчны», – говорит Берни Мэдофф, похоже, не отдавая себе отчета в том, что кому-кому, только не Берни Мэдоффу рассуждать о *чьей-то* алчности. «Я всем говорил: не вкладывайте в меня больше половины своих денег – почем вы знаете, что я могу выкинуть». Но он тем не менее брал деньги, а тысячи людей, пропуская его мудрый совет мимо ушей и безоглядно в него веря, ставили на кон состояние своей семьи.

Возвращаясь к вопросу, почему он начал красть у крупных корпоративных клиентов, он объясняет: «Не знаю почему, но [поначалу] я считал, что все получится. Это когда я начал брать деньги у всяких хедж-фондов. И ведь как думал: мне бы только выбраться из ямы, а там разберемся».

Но выбраться он не смог. «Я увяз. Я не стал бы вот так просто воровать деньги», – говорит он.

И тем не менее воровал, строил гигантскую безысходную пирамиду. Если он не собирался покончить с собой или скрыться, какой выход он для себя видел?

«Это было почти как… теперь страшно сказать, но я мечтал о конце света. – Он замолкает, оглядывается на адвоката и пожимает плечами. Да, звучит страшно, но он продолжает, хочет объяснить. – Когда случилось одиннадцатое сентября, я подумал, что вот он, единственный выход, – мир кончится, я погибну, и не будет вообще никого».

Он, конечно, понимал, что просто исчезнуть с лица земли не получится, если только не наложить на себя руки или сбежать, и

в обоих случаях он оставил бы семью один на один с позором. А этого, по его словам, он не мог допустить. «Такое мне и в голову не приходило», – добавляет он.

Вопреки всякой логике и доказательствам противного, он твердит, что мог и дальше продолжить свою грандиозную аферу, если бы захотел. Якобы тайфун, бушевавший на рынках летом и осенью 2008 года, вовсе его не сбил с ног: просто он решил завязать. «Я мог скрывать все и дальше, – говорит он. – У меня были договоренности, обязательства, влились бы новые деньги. И я еще мог бы… но устал… Ко Дню благодарения я понял, что хочу все бросить. Я решил поставить точку».

Он сдает назад. «Я шестнадцать лет хранил это в тайне от жены, брата, сыновей. Как я сумел провернуть все это и не повредиться в уме… сам не знаю, даже странно, если вдуматься», – говорит он, покачивая головой, словно до сих пор сам себе удивляется.

Даже в конце он говорит: «Я всегда считал, что именно хедж-фонды понесут наибольшие потери» – а не друзья, родные, управляющие благотворительными фондами, руководители колледжей и доверчивые инвесторы-индивидуалы, столько лет смотревшие ему в рот. Он вспоминает бесчисленные благотворительные вечеринки и обеды, дежурные события в его расписании: «Терпеть не мог ходить по этим тусовкам – все заискивают, распинаются, какой я необыкновенный, а я-то знаю, что это не так. Сплошной фарс. Вроде нового платья короля».

Самообладание изменяет Мэдоффу только раз, когда его спрашивают, благоразумно ли поступила Рут, не отступившись от него и после его ареста. По-видимому, это его больное место, и тут его язык теряет всякую бойкость.

«Я вовсе не просил Рут не бросать меня. Я сказал: если хочешь, уходи. И друзья ей советовали [уйти]. Это непросто понять. – Пауза. – Когда люди вместе пятьдесят лет… – говорит он, глядя в окно, и снова умолкает. – Для нее было бы лучше уйти».

Сыновья «все еще злятся на меня», признает он. «Им не понять, почему она не проклянет меня, почему не рвет и мечет, как они».

Она в ярости, говорит он, и его голос дрожит. «И все же она нашла в себе какое-то сочувствие ко мне».

Он утирает слезы грубыми бумажными салфетками, которые откуда-то достает его адвокат, и постепенно берет себя в руки.

Уже увереннее он встречает вопрос о том, как они с женой провели в марте 2009 года последнюю ночь дома, накануне того дня, когда он признал себя виновным. «Тогда еще оставалась

надежда», что до приговора его отпустят под залог. Они немного посмотрели телевизор, вспоминает он, а может быть, она что-то читала. «Рут держалась – и я старался держаться ради нее». Наверное, так все и было.

Хотя он страшно возмутился, когда в 2009 году конкурсный управляющий подал иск против Рут, в последнее время Мэдофф начал сотрудничать с ним, чтобы помочь возместить убытки жертвам пирамиды. Он сообщает, и его адвокат это подтверждает, что члены юридической команды Пикарда этим летом опрашивали его в тюрьме почти шестнадцать часов подряд. Мэдоффу кажется, что он сумел им помочь.

Когда заканчивается отпущенное для интервью время, Мэдофф встает, жмет руки и благодарит посетителя за внимание и желание понять его, хотя, по правде говоря, его ответы породили еще столько же новых вопросов. Охранник, безмолвно дожидавшийся в уголке, отпирает дверь в дальнем конце комнаты для посещений, а помощник начальника тюрьмы, который препроводил его на интервью, жестом велит выходить. Он выходит в эту дверь во внутренний двор, и дверь за ним закрывается.

Дело Мэдоффа, мошенничество глобального масштаба, задевшее несколько поколений, преподало миру новый тяжелый урок о природе далеко не нового преступления. Мошеннические пирамиды по сути своей двояки. Как и ограбление, пирамида подразумевает перемещение богатства. Но, в отличие от ограбления, богатство здесь перемещается не только от жертвы к злоумышленнику, но и от жертвы к жертве. Это преступление, совершаемое прошлым против будущего; а в настоящем, на пике успеха, пирамида на удивление безвредна.

Возможно, тем, кто строит пирамиду, это помогает ладить с собой. Не режешь ножом, чтобы отобрать бумажник, не бьешь по голове, чтобы угнать роскошную машину, не похищаешь ребенка, угрожая пистолетом. Не видишь ужаса на лицах, крови, горя, отчаяния. Поначалу видишь одну только благодарность.

Преступление выглядит так благопристойно – пока не грянет гром. Но до тех пор любой, кому понадобится изъять деньги для личного употребления или на благое дело, может беспрепятственно их забрать. А те, кто их не забирает, тоже не тревожатся за свое богатство и чувствуют себя в безопасности от мировых финансовых невзгод. Пока деньги не иссякнут, народ любит аферист а и благодарен ему. С чего бы ему страдать?

Нет сомнений, что именно так Берни Мэдофф и жил день за днем. Он не видел «жертв», он видел только «бенефициаров». Легко понять, как это соблазнительно. Кто не мечтал вытянуть

счастливый билет и поиграть в бога, раздающего направо и налево деньги без счету, кто не мечтал ощутить пьянящий восторг, веселое всесилие?.. Пока гром не грянет, вероятность, что кто-то когда-то пострадает, остается всего лишь вероятностью. В конце концов, он мог и не дожить до развязки. А может, раньше случился бы конец света, как он надеялся.

А может быть, и того лучше – нашелся бы выход! Эли Визель говорил о способности преступника вообразить преступление, о котором его жертвы не в состоянии даже помыслить. Верно – но почему в таком случае не предположить, что преступник сумеет изобрести способ уйти от ответственности за свои действия? Если Мэдоффу хватило воображения, чтобы совершить преступление исторического масштаба, то, несомненно, ему, как всякому аферисту, хватило воображения и на мечту выйти сухим из воды. «Тут все спрашивают меня, почему я попросту не сбежал, – писал он в электронном письме из тюрьмы. – В последние несколько лет у меня были, конечно, возможности припрятать деньги, при моих-то связях… Но, по правде говоря, я всерьез об этом не задумывался. Наверное, мне не хотелось думать о том, что я у кого-то краду. Где-то в голове у меня сидела мысль, что я сумею все уладить… каким бы абсурдом это сегодня ни казалось». Преступники не скованы логикой, иначе не было бы никаких пирамид, логических выходов из которых для аферист раз, два и обчелся – самоубийство, тюрьма или жизнь пугливого беглеца.

Если бы Берни Мэдофф, несмотря на всеобщее обожание, в своем отражении в зеркале видел только жулика, он был бы честнее с самим собой, чем большинство из нас. Но, как всякий аферист, он потому умел изо дня в день смотреть в глаза своим, что они вовсе не казались жертвами, до самых последних дней и недель, когда – и тому есть неоспоримые свидетельства – он уже не находил себе места от страха и безысходности, как любой пойманный с поличным, загнанный в угол человек.

Такова финансовая пирамида: преступление эгоцентриста – не садиста. Испытывать удовольствие от чужой боли – не то же самое, что управлять финансовой пирамидой. Да никакой боли и нет до последних мгновений. Ты помогаешь, а не истязаешь. И эту изначально ложную иллюзию каждый благодарный клиент, что ни день, подпитывает словами: «Благослови тебя бог, Берни!»

Но пирамида Мэдоффа не просто подтвердила то, что мы всегда знали об этом виде преступлений. Она впечатала в нашу душу новый урок.

Все финансовые пирамиды перемещают богатство от одной жертвы к другой. Но ввиду специфики многих жертв Мэдоффа – благотворительных учреждений, целевых фондов, крупных

филантропов, великодушных людей со всех ступеней экономической лестницы, – его пирамида перемещала богатство еще и от отдельных жертв в более широкое сообщество. Выходит, Мэдофф грабил Петра, чтобы заплатить Павлу, а Павел отдал награбленные деньги в помощь всем остальным, в помощь всем нам.

Случай Джеффри Пикауэра, конечно, неординарный, но показательный. Как и многие инвесторы Мэдоффа, Пикауэр накопил огромное богатство, отчасти, если не полностью, с его помощью. А потом пустил часть средств на поддержку медицины, научных исследований, образования – словом, на то, чтобы сделать мир лучше.

Так же поступал и Карл Шапиро, филантроп из Палм-Бич. Как и всякий инвестор пирамиды из первого эшелона, он получал деньги, взятые у следующих жертв, и использовал их на пожертвования больницам и художественным музеям, на помощь нуждающимся.

Норман Леви умер, оставив в фиктивной прибыли на руках Мэдоффа целое состояние, а его дочь использовала часть этого дутого состояния на создание фонда за справедливость и равенство для всех. Семейные фонды таких жертв Мэдоффа, как хозяин команды New York Mets Фред Уилпон и знаменитый кинорежиссер Стивен Спилберг, поддерживали множество благородных начинаний. Даже семейный фонд Мэдоффов вносил свою лепту в исследование лейкемии.

Вообще, если говорить о жертвах Мэдоффа, на какой бы социально-экономических ступени общества они ни стояли, то нельзя не заметить, что у многих сотен отдельных историй есть одна общая черта – щедрость к другим. Типичный пример – Гордон Беннетт, частный поставщик натуральных продуктов, накопивший благодаря инвестициям в Мэдоффа на безбедную пенсию. Скромные сбережения принесли приличный доход, и остаток жизни он смог посвятить жизнь делу охраны природы, чем принес обществу немалую пользу. По списку жертв Мэдоффа разбросаны скромные семейные фонды из малых и больших городов Америки, и каждый внес пусть небольшие, но несомненно ценные улучшения в жизнь тех, кто оказался в орбите его деятельности.

Богатые и, вероятно, эгоистичные менеджеры хедж-фондов инвестировали в Мэдоффа, а тот выплачивал их деньгами инвестиционный доход «Хадассы», шедший на благотворительность и разные полезные дела. Богатые арабские суверенные фонды национального благосостояния тоже инвестировали в Мэдоффа, а из их денег он выплачивал доход и

комиссионные Стэнли Чейзу, который щедро жертвовал образовательным учреждениям в Израиле. Купающиеся в роскоши инвесторы давали деньги Мэдоффу, а он использовал их для постоянных, стабильных выплат скромным инвесторам, которые в результате жили уютнее и умирали достойнее, чем было бы в ином случае.

Эти благородные цели, конечно, никак не оправдывают недопустимых, преступных средств, которыми достигались. Но они добавляют новую грань к нашему пониманию того, как работают в обществе пирамиды и почему они способны занять такое место в жизни и мечтах людей.

Но пирамида Мэдоффа принесла и другую, новую и пренеприятную, весть тем, у кого хватает здравого смысла ее понять. Сумевший обезоружить самых квалифицированных корпоративных инвесторов, Берни Мэдофф наглядно показал, что сейчас, в двадцать первом веке, регуляторам дьявольски трудно защитить общество.

И если даже история Мэдоффа не доказывает ничего другого, она определенно доказывает, что регуляторы живут в мире грез, мало напоминающем тот мир грез, в котором обитают инвесторами. Пропасть между ними наводит на мысль о пресловутой дихотомии Марс – Венера. Регуляторы, даже очень хорошие, – с Марса. Инвесторы, даже очень богатые, – с Венеры.

Хорошие регуляторы исповедуют скептицизм, а инвесторы в массе своей – простые пути. Как только в поле зрения регуляторов попадает некто, сулящий безопасные высокодоходные инвестиции, прибыль по которым упорно растет, когда весь рынок падает, регуляторы хотят с ним судиться. А инвесторы хотят с ним пообедать. Они жаждут простого выхода из бесконечно сложных проблем, с которыми столкнулись после медленной кончины корпоративных пенсий и победного шествия пенсионных планов, которые каждый формирует самостоятельно. Эта тяга к чему-нибудь попроще способна, кажется, задушить любой скептицизм, прежде чем он успеет сказать свое слово.

Для регуляторов важнейшие качества инвестиций – прозрачность и ликвидность, и, по их убеждению, любой привлекательный инвестиционный план должен обладать обоими этими достоинствами. Инвесторов интересует исключительно надежность и доходность, и они упрямо, вопреки всякой логике, настаивают, что любой привлекательный инвестиционный план должен обладать обоими достоинствами. Они свято верят в то, что где-то на свете есть чародей, который обеспечит им абсолютно надежные инвестиции с годовым доходом минимум восемь процентов.

Регуляторы верят в примечания мелким шрифтом. Инвесторы вообще не читают мелкий шрифт – никогда.

Из-за этих «культурных различий» скандальная афера Мэдоффа почти у всех в Вашингтоне вызвала ошибочные вопросы: как поправить мир, в котором живут регуляторы? Как повысить эффективность регулирования, основываясь на том, что напечатано мелким шрифтом? А следовало бы задать другие вопросы: как поправить мир, в котором живут инвесторы? Какая система будет эффективно работать в мире, где никто не читает мелкий шрифт, где инвестирование – почти всегда прыжок наобум?

Урок Мэдоффа кристально ясен. Требование «полной открытости», в соответствии с которым уже больше семидесяти пяти лет составляются договоры для инвесторов с примечаниями мелким шрифтом, себя не оправдало – и не только потому, что Комиссия по ценным бумагам и биржам не сумела среагировать на полученные сигналы. Оно не оправдало себя, потому что не отражает критериев, которыми руководствуются нынешние инвесторы.

Причина катастрофических потерь многих жертв Мэдоффа коренится вовсе не в отсутствии «полной открытости». Причина в том, что инвесторы вовсе не интересовались, есть ли в договоре примечания мелким шрифтом, и уж подавно их не читали. Они пренебрегли фундаментальными принципами инвестирования: высокие доходы прямо связаны с высокими рисками: нельзя класть все яйца в одну корзину; не следует вкладываться в то, чего не понимаешь. Они забыли, что нельзя отдавать кому бы то ни было, просто потому, что ты этому человеку доверяешь, или потому, что ему доверяет кто-то, к кому ты прислушиваешься.

И все же миллионы людей именно так и поступают. Мы не читаем мелкий шрифт, чтобы решить, можно ли доверять человеку или фирме. Мы полагаемся на советы друзей, родных, сослуживцев, сыновей, отцов, состоятельных знакомых, мы полагаемся на свой жизненный опыт и свою интуицию. И при таком положении дел, как хорошо усвоил Берни Мэдофф, однажды завоеванное доверие надежно защищает афериста от всех тревожных сигналов. В конце концов, мошенник – тот же фокусник-иллюзионист, творящий чудеса на глазах у изумленной публики, которая хочет верить в волшебство и не замечает ловкости рук.

Сколько ни вводи правил, сколько ни пиши примечаний мелким шрифтом, это вряд ли остановит следующего Берни Мэдоффа. Что же остановит? Вот вам и новая игра на смекалку для будущих поколений – придумать такую регуляторную схему, которая

оказалась бы эффективной не только на Марсе, но и на Венере. Возможно, кто-то предложит позаимствовать опыт из области медицины и продавать инвестиции строго по рецепту, согласно официально утвержденному перечню, гарантирующему их надежность. Регуляторы могут определить в качестве надежных ряд крупных, хорошо регулируемых категорий капиталовложений – взаимные фонды, аннуитеты (страхование ренты или пенсии), банковские депозитные сертификаты, ипотечные инвестиционные трасты – и с ястребиной зоркостью следить за этими категориями, чтобы ни один аферист не прошмыгнул. Инвесторы, конечно, будут вольны инвестировать во все остальное, но на свой страх и риск, по принципу caveat emptor: раз купил то, чего нет в списке надежных инвестиций, так не бегай к регуляторам, если нарвешься на жульничество.

А можно пойти и с другого конца – выдвинуть требование лицензировать частных инвесторов, обязать их сдать экзамен, как все сдают экзамен, чтобы получить водительские права. Пусть ответят экзаменатору, как распознать аферу, как выбрать лучшее помещение капитала из возможных вариантов ответа или как вычислить строителя пирамиды. Самостоятельно управлять пенсионным планом намного сложнее, чем автомобилем, и нам, пожалуй, стоило бы заставить инвесторов учиться и сдавать экзамен, чтобы они не пустили по ветру сбережения всей жизни.

А может быть, решение – в таких драконовских санкциях за малейшее жульничество, что Уолл-стрит будет рьяно надзирать сама за собой, немедленно донося о подозрительных лицах и защищая инвесторов от их же собственных низменных инстинктов. Штрафы – всего лишь деньги, а на Уолл-стрит денег больше, чем воды в туче. Серьезные наказания вроде потери свободы на ощутимый срок или серьезного сбоя в карьере могут оказаться действеннее новых, чуть более строгих правил, проводимых в жизнь чуть более многочисленными, но по-прежнему неопытными инспекторами.

Вопрос не в той или иной частной реформе, а в поиске целостных решений, которые были бы направлены на уязвимые места, четко выявленные аферой Мэдоффа, а не просто улучшали бы формулировки «примечаний мелким шрифтом». Без надлежащего обучения мы все ужасно переоцениваем свои способности обнаружить риски и распознать махинаторов на рынке. В этом состоит суровый урок дела Мэдоффа, с которым никто из нас не хочет согласиться. Мы все инвестируем на авось. Мы все считаем, что главное – доверие, оно и понятно: большинству из нас недостает ни времени, ни знаний, чтобы полагаться на что-либо, кроме доверия или информации. Если

регуляторы и законодатели не осознáют этого, их подход к решению хронической проблемы рыночных афер так и останется политикой неэффективных полумер.

Пятнадцатого февраля 2011 года Берни Мэдофф дает второе интервью в тюрьме Батнер. Тот же кордон безопасности, тот же учтивый помощник начальника тюрьмы, та же комната для свиданий, темноватая, немного обшарпанная. Но человек, ожидающий нас, страшно изменился. Он худ, почти изможден. Слишком просторная роба цвета хаки немного помята, воротничок как-то странно заутюжен. Длинный конец плетеного ремня сложен вдвое, чтоб не болтался сбоку. В середине беседы он замечает, что пуговица на рубашке не застегнута, и суетливо застегивает ее. На смену его «фирменной» спокойной уверенности пришла нервозная опасливость.

Он по-прежнему считает, что Джеффри Пикауэр – единственный, кто мог подозревать его в афере. Правда, теперь он также считает, что работавшие с ним крупные банки и фонды некоторым образом «соучаствовали» в его преступлении. Когда ему указывают на противоречивость двух этих утверждений, он обвиняет банки и фонды в «умышленной слепоте» – как еще объяснить неспособность видеть явные несоответствия между его обязательной отчетностью и всей той информацией, которая имелась в их распоряжении.

«Они намеренно игнорировали тревожные сигналы, – говорит он. – Они не могли не знать. Но отношение у них было примерно такое: если ты там что-то проворачиваешь, мы ничего не желаем знать». Как и в августовском интервью, он заявляет, что его задача – помочь конкурсному управляющему взыскать с этих гигантских корпораций деньги для компенсации потерь жертвам.

Он вновь настаивает на том, что семья ничего не знала о преступлении, но уклоняется от всякого разговора о самоубийстве сына и говорит лишь, что не ожидал, что его арест принесет такие личные потери. Впервые он признается, что работает с психотерапевтом, желая докопаться до психологических корней своей жизни во лжи.

«Я всегда старался всем угодить, была у меня такая слабость, – говорит он. – Я преуспел в бизнесе, принял вызов Нью-Йоркской фондовой биржи… вот и решил, почему бы мне не попробовать управлять инвестициями? Почему бы не заняться еще и этим?» Он качает головой и смотрит в пол. «Как я уживался сам с собой? Мой адвокат говорит, что у людей есть способность к “раздельному мышлению”. Я не считал, что ворую. Я думал, что беру на себя деловой риск, как брал всегда. Я думал, что это все временно».

И добавляет: «Начинается все очень просто, это уж потом становится сложно». Когда помощник начальника тюрьмы объявляет, что время вышло, Мэдофф встает и направляется к двери во внутренний двор. Потом вдруг останавливается, вспомнив недавнюю статью в журнале People о его жене. «Зачем только они использовали ту ее фотографию с Марком, когда он был мальчиком!..» – говорит он, качая головой. На этом он отрывисто прощается и следует из комнаты за охранником в форме.

Дело Мэдоффа с беспощадной ясностью убеждает в справедливости еще одной истины об «аферисте среди нас», которой мы просто не хотим посмотреть в лицо: он не какой-то «другой» или «особенный». Он такой же, как мы, – только в утрированном виде.

Даже юристы в Комиссии по ценным бумагам и биржам считали, что старожил Уолл-стрит вроде Берни Мэдоффа, несомненно внушающий доверие, несомненно преуспевший, не вписывается в наше представление об организаторе пирамиды. Но именно таков и есть организатор пирамиды. Жалкий косноязычный жулик с бегающим взглядом, в скверно пошитом костюме и обшарпанных ботинках может совершить какие угодно преступления, но только не создать финансовую пирамиду. Однако почти все попавшиеся на удочку Мэдоффа, в том числе и Комиссия, доверяли ему именно потому, что он всем своим обликом и репутацией внушал доверие, – эту ошибку жертвы финансовых пирамид совершают снова и снова.

Почему? Может быть, потому, что они отказываются признать разоблаченного аферист обычным человеком в полном смысле слова.

Конечно, удобнее считать, что только бездушный, бессердечный монстр мог причинить столько зла тем, кого он знал и, вероятно, любил, что ни один нормальный человек не станет строить жизнь на такой наглой, убийственной лжи.

Мы льстим себе. Все люди способны на обман. Мы причиняем боль нашим любимым, заставляем в себе сомневаться. Мы и самих себя обманываем изо дня в день. Я не заболею раком, хоть и курю. Я даже лучше вожу машину после пары рюмок. Я выплачу долг по кредитной карте – в следующем месяце. Большинство из нас умеют лгать от рождения. Мы, по определению, не видим у себя «слепых пятен».

Так что настаивать, подобно множеству жертв Берни Мэдоффа, что он не человек, что он исчадье ада, психопат, – поспешное суждение, последний утешительный самообман, который навсегда оставит нас беззащитными перед чарами

соблазна, наводимыми строителями пирамид.

Мэдофф не был бесчеловечным чудовищем. Он был чудовищно человечен. Он был жаден до денег и похвал, он был беспечно уверен в своей способности проворачивать дела, он самодовольно пренебрегал предостережениями скептиков – как и всякий, кто закладывал дом, чтобы вложиться в акции хайтек-компаний; или выводил деньги из неприкосновенного фонда колледжа, чтобы с риском вложиться в новый бизнес; или отдавал все пенсионные накопления в непонятный ему хедж-фонд; или слегка мухлевал с налоговыми вычетами или с накладными расходами или плел небылицы жене.

Ему были свойственны те же слабости, что и каждому из нас, – только в утрированном виде. Его фантазия возвела гигантские подмостки обмана, высоко вознесшиеся над нехитрыми выдумками, какие мы при случае сколачиваем на скорую руку. Его ложь была значительно масштабнее нашей, жизнеспособнее, надежнее защищена на случай внезапной проверки, амбициознее по замыслу и обстоятельнее по подготовке. В результате десятки тысяч уповавших на него жертв верили, что гений Мэдоффа мог год за годом воспарять над законами рынка.

И свою веру в него они поддерживали точно так же, как он свою веру в то, что ему все сойдет с рук, – веру, подкрепленную повседневным опытом, если видеть в нем то, что хочется видеть. Он не желал помнить, что нет никаких доходов от инвестиций для выплат клиентам. Его клиенты не желали знать, что его результаты становились все неправдоподобнее, а деятельность была подозрительно засекречена. Пока деньги капали, жертвы не терзались ежедневно и ежеминутно вопросом, не может ли статься, что все их богатство и положение в один день развеются как дым. Пока деньги капали, Мэдофф, вероятно, тоже не мучился подобными вопросами.

Но этот скрытый занавесом волшебник, накачивающий мехи, жмущий на кнопки и орудующий микрофоном – словом, создающий вполне правдоподобные иллюзии даже после того, как за ним захлопнулись двери тюрьмы, – сумел построить свой Изумрудный город только потому, что невероятное количество людей решило ему поверить. Его сообщники полагали, что могут сесть ему на хвост и огребать деньги и что до расплаты никогда не дойдет. Добавим сюда друзей и членов семьи, регуляторов – чинуш-формалистов или просто нестреляных воробьев, ушлых бухгалтеров и юристов, вкрадчивых брокеров из «донорских» фондов, международных банкиров, членов комитетов по благотворительным инвестициям, блистательных специалистов

хедж-фондов по комплексной экспертизе – каждый из них уговаривал себя, что все будет хорошо, пусть это не вполне объяснимо, несколько непривычно и, возможно, даже немного подозрительно.

Мэдоффа снова и снова ловили на явной лжи, но всякий раз вовремя вспоминали о презумпции невиновности – не потому, что его считали особенным, наоборот, считалось, что он такой же, как все, только лучше: умнее, опытнее, увереннее, сдержаннее. Понятный человек, который жил, казалось, в том же понятном мире, что и мы все, и потому верилось, что все получится, что можно не обращать внимания на неприятные факты без риска расхлебывать потом пагубные последствия.

Словом, Берни Мэдофф, как и всякий неверный супруг, всякий предприимчивый плут, всякий отчаянный сорвиголова – как многие из нас, только еще хлеще, – думал, что сможет выбраться из тупика, избежать неизбежного финала любой пирамиды и выйдет сухим из воды.

И следующий Берни Мэдофф тоже рассчитывает выйти сухим из воды.

Когда бы вы ни читали это, следующий Берни Мэдофф уже тайно кирпичик за кирпичиком что-то где-то строит. Мир, не подверженный риску пирамид, – это мир, полностью лишенный доверия, и жить в подобном мире не хочет никто. И, разумеется, в подобном мире не может функционировать никакая здоровая экономическая система. Поэтому никому пока не ведомый новый Берни Мэдофф в этот самый момент эксплуатирует нашу потребность в доверии, чтобы построить еще одно царство лжи.

Мы прочтем о нем через месяц или через год. А пока его жертвы рассказывают друг другу, до чего он великодушен и как его уважают в обществе. Они любуются несуетной роскошью его жизни, им лестно, когда он их к себе приближает, они с завистью смотрят, как он делает деньги для их более преуспевающих друзей из круга избранных, которые на все лады его превозносят. Они убеждают себя, что он превосходный, благородный, человек – человек с большой буквы.

Как бы их ни точил червь сомнения, они в эту самую минуту уверяют себя в его благонадежности, а он тем временем плетет свою искрящуюся, прекрасную, фантастическую паутину.

Потом, когда эта новая паутина лжи и обмана разлетится в клочья, они станут проклинать его за то, что он принес им столько боли и столько потерь, заклеймят его как злокозненного, бесчеловечного монстра. Но, если они будут честны с собой, им придется признать, что в каждом своем шаге он был, сколь ни печально в этом признаться, по-человечески очень понятен –

точно так же, как последний Берни Мэдофф и первый из Берни Мэдоффов.

Это и есть главный, непреходящий урок аферы Мэдоффа: в мире, где кругом столько лжи, самая опасная ложь – это самообман.

Примечания

По состоянию на февраль 2011 года судебные решения по всем упомянутым в книге гражданским и уголовным делам, кроме особо оговоренных случаев, вынесены не были.

… тюремная охрана носится со своим знаменитым подопечным … – Документальный телевизионный фильм «Алчность по-американски: Мэдофф за решеткой» (American Greed: Madoff Behind Bars) производства Kurtis Productions (продюсер Майк Уэст), снятый по заказу CNBC; премьера – 25 августа 2010 г.

… его якобы избил повздоривший с ним заключенный … – *Searce, D. and Efrati, A.* Madoff Beaten in Prison // Wall Street Journal. Mar. 18, 2010.

… он «чихать хотел» на собственных сыновей . – Со слов адвоката Джозефа Котчетта; цит. по: *Ross, Brian and McCarthy, Kate.* First Madoff Interview: Can't Believe I Got Away with It. – ABC News. July 28, 2009.

«Жертвы, жертвы! Чтоб им пусто было!..» – Fishman, Steve. Bernie Madoff, Free at Last // New York. June 14–21, 2010. P. 32.

… припрятал миллиарды долларов . – *Mangan, Dan .* Madoff's Hidden Booty // New York Post. June 21, 2010.

…в полтора раза крупнее банковского гиганта JPMorgan Chase… – Согласно рейтингу Hedge Fund 100 журнала Institutional Investor, в 2008 г. в лидеры вышел JPMorgan Chase с активами 44,7 млрд долларов, Goldman Sachs занял седьмое место – 29,2 млрд, Soros Fund Management восемнадцатое – 17 млрд.

… сказал он в одном из тюремных интервью. – Интервью с Бернардом Л. Мэдоффом 15 февраля 2011 г. (далее – Второе интервью Мэдоффа).

1. Катастрофа на Уолл-стрит

Он готов поставить точку … – Глава основана на следующих источниках: интервью автора с Бернардом Л. Мэдоффом, Элинор Скиллари, Ирвингом Х. Пикардом, Дэвидом Дж. Шиэном и Ли С. Ричардсом III; четырнадцать конфиденциальных интервью с участниками событий той недели; электронные и обычные письма Бернарда Л. Мэдоффа; личные впечатления автора от осмотра тех мест, где происходили описанные события, включая здание ФБР и вестибюль и офисные помещения в «Помаде»; протоколы судебных заседаний, расшифровки стенограмм и другие опубликованные документы.

… Fairfield Greenwich должна компенсировать утечку средств … – Электронное письмо Джеффри Такера от 8 декабря 2008 г.: In

the Matter of: Fairfield Greenwich Advisors LLC and Fairfield Greenwich (Bermuda) Ltd., Commonwealth of Massachusetts, Office of the Secretary of the Commonwealth Securies Division, Docket No. 2009–0028 (далее – Galvin Fairfield Greenwich Complaint), Exhibit 44. 8 сентября 2009 г. Fairfield Greenwich пошла на мировую с секретарем штата Массачусетс У. Гэлвином, выплатив, без признания или отрицания обвинений со стороны штата, 50 тыс. долларов следственных издержек и согласившись выплатить около 8 млн долларов возмещения своим инвесторам из Массачусетса.

«Мои трейдеры сыты по горло всеми этими хедж-фондами» . – Там же.

Мэдофф высмеивает саму мысль о том … – Там же.

«Только что говорил по телефону с Берни, он рвет и мечет…» – Там же.

… сможет изъять с одного из своих счетов 35 млн долларов . – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Stanley Chais, et al. (далее – Picard v. Chais), filed as Adversary Proceeding No. 09–01172 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York, Declaration of Matthew B. Greenblatt. Oct. 1, 2009. P. 3.

Исполнительный директор фонда Джей Фейнберг … – Интервью со Скиллари.

… никак не дозвониться до Нормана Бремена… но в конце концов они с ним связываются … – Там же.

…листки с изложением позиции фонда относительно конфликта интересов … – Gift of Life Bone Marrow Foundation, Boca Raton, Fla., Internal Revenue Service Form 990 for 2008, Schedule O. P. 2.

Мэдофф планировал встретиться с сыном своего друга Дж. Айры Харриса … – Интервью со Скиллари; рабочий календарь Берни Мэдоффа; его электронное письмо от 20 февраля 2011 г.

Он велит Марку набросать список сотрудников отдела трейдинговых операций … – Интервью с Берни Мэдоффом от 24 августа 2011 г. (далее – Первое интервью Мэдоффа); *Margolick, David* . The Madoff Chronicles. Part III: Did the Sons Know? // Vanity Fair. July 2009. P. 72.

Не на шутку встревоженный, Марк советуется со своим братом Эндрю . – *Margolick* . P. 72.

… Мэдофф пересекает овальную приемную, где сидят секретари, и входит в кабинет Питера . – Первое интервью Мэдоффа.

… спрашивает Питера, есть ли у него минутка для разговора

. – *Kirtzman, Andrew* . Betrayal: The Life and Lies of Bernie Madoff. New York: HarperCollins. 2009. P. 229.

«Я должен рассказать тебе, что происходит» . – Первое интервью Мэдоффа.

«Ты должен сказать сыновьям» . – Там же.

Просто все никак не решит когда . – Там же.

Вначале Мэдофф пытается их переубедить . – U.S.A. v. Bernard L. Madoff, criminal complaint by FBI special agent Theodore Cacioppi (далее – Madoff Criminal Complaint), U. S. District Court, Southern District of New York, Dec. 11, 2008. P. 3.

Сыновья стоят на своем . – Там же.

… больше не может «держать все в руках» . – Первое интервью Мэдоффа.

Элинор Скиллари вспоминает, что спросила Берни, куда они идут … – Интервью со Скиллари; *Seal, Mark and Squillari, Eleanor* . The Madoff Chronicles. Part II: What the Secretary Saw // Vanity Fair. June 2009. P. 103.

… на то, чтобы подогнать к выходу седан, у него ушло часа полтора . – *Kirtzman* . P. 231.

Марк впереди, Эндрю с отцом сзади . – *Ross, Brian* . The Madoff Chronicles: Inside the Secret World of Bernie and Ruth. New York: Hyperion, 2009. P. 20.

… винного цвета кожа, гобелены… – Первое интервью Мэдоффа; конфиденциальное интервью, видеоэкскурсия по комнате, заснятая судебными исполнителями, а также осмотр автором обстановки комнаты на конфискационном аукционе в ноябре 2010 г.

« … по сути, гигантская финансовая пирамида» . – Madoff Criminal Complaint. P. 4.

…он планирует выплатить эти деньги самым верным своим соратникам, членам семьи и друзьям . – Там же.

… с нежностью, которая навсегда врезалась в память Мэдоффа . – Первое интервью Мэдоффа; конфиденциальные интервью.

…«предательство библейских масштабов». – *Margolick* . P. 68.

Братья уходят… – *Kirtzman.* P. 233.

Лондон собаку съел на судебных тяжбах … – *Margolick* . P. 72–73. Лондон был адвокатом на уголовном процессе против бесславного вице-президента Спиро Агню в 1973 г., которому предъявили обвинение во взяточничестве; Агню добровольно ушел в отставку.

… с младшим коллегой по имени Мартин Флюменбаум . – Там же; конфиденциальные интервью.

… Марк по телефону приказывает ему ехать в офис, где уже

началась вечеринка . – *Kirtzman* . P. 235.

…рассказ о недавнем потрясении … – Madoff Criminal Complaint. P. 3.

…речь действительно идет о миллиардах? – Конфиденциальные интервью.

С. 38–39. *Он припоминает, что вернулся из дома в офис …* – Первое интервью Мэдоффа.

«Для нас вы наиважнейший деловой партнер и бесконечно уважаемый друг… » – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Fairfield Sentry Fund LLC, et al. (далее – Picard v. Fairfield Sentry), Amended Complaint, Adversary Proceeding No. 09–01239 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. Exhibit 78.

С. 39–40. *Даже не сняв пальто, он валится на кровать …* – *Margolick* . P. 73.

… механически продолжают делать что положено . – Первое интервью Мэдоффа.

Один из опрошенных утверждает … – *Arvedlund, Erin.* Too Good to Be True: The Rise and Fall of Bernie Madoff. New York: Portfolio, 2009. P. 265.

Других поразила «печать смерти на его лице»… – *Margolick* . P. 73.

… выглядел потрясенным, зажатым, «отрешенным». – *Oppenheimer, Jerry.* Madoff with the Money. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2009. P. 11.

… «будто … им не о чем волноваться». – *Seal and Squillari* . P. 104.

Мэдофф скажет потом, что они провели там «пару часов» . – Первое интервью Мэдоффа.

… шведский стол с тако и гуакамоле … – *Kirtzman* . P. 235.

… прежде чем пойдет сдаваться . – Первое интервью Мэдоффа.

… собирается одеваться на работу . – Там же.

«Нет никаких объяснений», – отвечает Мэдофф . – Madoff Criminal Complaint. P. 4.

…« из несуществующих денег»… – Там же.

«Их там нет» . – *Seal and Squillari* . P. 104–105.

Скиллари впервые замечает его … – Там же. P. 106.

… Дипаскали пытается удалить компрометирующую информацию с компьютеров семнадцатого этажа . – U.S.A. v. Frank DiPascali Jr., filed in the U. S. District Court for the Southern District of New York (далее – DiPascali Criminal Information). P. 32.

… отвезти внучку в детский сад, расположенный в пригороде

Мэриленда . – Конфиденциальные интервью; похожие подробности приведены в: *Kirtzman* . P. 236–237; *Ross* . P. 1.

… что произошло и как он здесь оказался . – Первое интервью Мэдоффа.

Его расспрашивают со всей возможной учтивостью . – Там же.

…« не предпринял никаких экстренных мер и сидел дома в ожидании ареста». – Hamblett, Mark. Dreier Remains Jailed as Court Imposes Bail Beyond His Reach. – Law. com. Jan. 23, 2009. Комментарий сделан с занесением в протокол на дополнительном слушании о залоге для Марка Дрейера.

… устанавливают круглосуточное наблюдение за офисом … – Securities Investor Protection Corp. v. Bernard L. Madoff Investment Securities LLC (далее – Initial SIPC Filing), 08-CV-10791 (LLS); U. S. District Court, Southern District of New York, «Report of the Receiver Lee S. Richards and Application to Terminate the Receivership» (далее – First Richards Report). Feb. 26, 2009. P. 8–10.

… не займется ли его фирма конкурсным производством . – Интервью с Ричардсом.

… в деталях рассказывать о той работе, которой столько лет занимался у Мэдоффа . – DiPascali Criminal Information, transcript of plea hearing on Aug. 11, 2009. P. 85.

Мэдофф тоже проведет день с адвокатами … – Электронное письмо Мэдоффа от 4 января 2011 г.

… изъяли у работников Мэдоффа карточки-ключи . – Initial SIPC Filing, First Richards Report. P. 4–9.

… как можно скорее вернуть сделки в исходное состояние либо завершить их с наименьшими потерями . – Там же.

… на командный пост Ричардса прибывают двое полицейских . – Интервью с Ричардсом.

2. Через тернии к «Берни»

… войдет в историю под именем «годы гоу-гоу» . – Неясно, кто первым придумал эту фразу и применил ее к фондовому рынку шестидесятых, но в лексикон Уолл-стрит ее впечатал Джон Брукс, талантливый финансовый обозреватель журнала The New Yorker и автор книги: *Brooks, John* . The Go-Go Years. New York: Weybright and Talley, 1973.

… впятеро превышающие промышленный индекс Доу-Джонса . – *Reilly, Frank K* . Price Changes in NYSE, AMEX and OTC Stocks Compared // Financial Analysts Journal. March – April 1972. P. 54–59. В своих расчетах Рейли опирался на средние котировки акций тридцати пяти промышленных компаний по данным Национального бюро котировок. По его словам, это те ценные бумаги, которые «называли голубыми фишками внебиржевой торговли». Столь весомые доходы – без учета выплачиваемых

наличными дивидендов – оспариваются в работе П. Джессапа и Р. Апсона «Доходы на внебиржевом рынке ценных бумаг» (*Jessup, Paul and Upson, Roger* . Returns in the Over-the-Counter Stock Markets. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973): авторы утверждают, что совокупный доход от внебиржевых акций лишь незначительно превышает доходы от акций, котирующихся на Нью-Йоркской фондовой бирже (с учетом поправки на операционные издержки и выплату дивидендов). Расчеты Джессапа и Апсона были, впрочем, слишком заумными, а методология порой весьма странной, чтобы формировать мнение общества о внебиржевом рынке. Например, они по какой-то причине решили исключить банки и страховые компании из своей выборки ценных бумаг, торгуемых вне биржи, хотя практически все подобные компании торговались именно на внебиржевом рынке и практически все они выплачивали дивиденды. Быструю эволюцию внебиржевого рынка можно проследить, сопоставляя данные в третьем и четвертом (1981 г.) изданиях книги: *Loll, Leo Jr. and Buckley, Julian* . The Over-the-Counter Securities Markets. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1973.

« … я считал, что могу эффективно конкурировать со стариками в этом бизнесе … » – Editors of Institutional Investor. The Way It Was: An Oral History of Finance: 1967–1987. New York: William Morrow, 1988. P. 270–271.

…« *изготовление розовых страниц – без преувеличения самая поразительная операция на финансовом рынке» . – Mayer, Martin* . Wall Street: Men and Money. New York: Harper & Brothers, 1959. P. 142.

… довольствовался «розовыми страницами» предыдущего дня… – Электронное письмо Мэдоффа от 17 января 2011 г.

… для маленького предприятия A.L.S. Steel из Короны (Квинс). – Там же.

Поддавшись общему безумию, Мэдофф, наперекор всем нормам и правилам и даже вопреки простому здравому смыслу … – Национальная ассоциация дилеров ценных бумаг, регулировавшая деятельность таких состоявших в ней брокеров, как Мэдофф, еще в 1939 г. ввела для них «правило годности». От брокеров требовалось давать рекомендации по инвестициям применительно к индивидуальным обстоятельствам и целям клиента. Как отмечалось в одном из ретроспективных отзывов на это правило, любой брокер, замеченный в нарушении правила, подвергался «временному отстранению от работы и/или денежному штрафу». (См.: *Ebaugh, Nelson and O'Malley, Grace* . Picking Your Battles // Journal of Texas Consumer Law. [Jan. 24, 2009].)

… наихудшие в десятилетии недельные потери … – *Brooks* . P. 56–58.

…« молодым-горячим, спекулянтам мусорными акциями…» . – Там же. P. 57–58.

«Я осознал, что не должен был продавать им эти бумаги» . – Первое интервью Мэдоффа.

Он просто вымарал потери с клиентских счетов… – Там же.

«Я чувствовал себя обязанным выкупить позиции моих клиентов» . – Письмо Мэдоффа автору от 3 октября 2010 г.

…« в те дни это были для меня большие деньги» . – Там же. По меркам 2009 г. Мэдофф взял у тестя взаймы более 200 тыс. долларов.

… запутанные подробности совершенно разных по времени дел, в том числе высокорисковых коротких продаж … – В своей ортодоксальной форме «короткие продажи (шорт)» – это практика заимствования акций (таких, которые, по вашим прогнозам, должны подешеветь) и продажи их. Если цена упадет, как вы и ожидали, вы купите подешевевшие акции для возмещения заимствованных и положите в карман разницу в цене – вашу прибыль. Если же цена возрастет, готовьтесь покупать подорожавшие акции для возмещения заимствованных и нести потенциально неограниченные убытки. Например, если вы заимствуете и продаете акции, оцененные по 10 долларов за акцию и цена падает до 1 доллара, ваша прибыль – 9 долларов с акции. Но если цена будет расти, и расти неограниченно, до 20, или 40, или 100 долларов за акцию, вместе с ней будут расти и ваши убытки. Ошибка в прогнозе роста или падения цен может за один вечер разорить игрока, торгующего «в короткую». Это довольно рискованная игра, если вы впервые заимствуете акции у какой-нибудь брокерской фирмы, готовой одолжить их под процент. Но как настоящему маркетмейкеру, Мэдоффу были разрешены короткие продажи без предварительного заимствования акций – то, что называется «непокрытые короткие продажи», которые он, по его словам, иногда использовал для клиентов. Без комиссионных за заимствование акций потенциальный доход больше. Но без гарантированного запаса соответствующих ценных бумаг для подстраховки заимствованных акций риски – еще больше. «Короткий продавец» мог обнаружить, что просто нельзя купить акции кроме как по астрономической цене – опасная ситуация «короткого сжатия». Другой вид коротких продаж, которые, как рассказал Мэдофф, он часто практиковал, – «короткая продажа против сейфа». При этом брокер продает не свои акции, а такие же, только заимствованные, оставляя свои в резерве – «в сейфе». Его активы

защищают его от «короткого сжатия» при растущей цене; если цена снижается, короткая продажа обеспечивает его накопленную прибыль без необходимости продавать акции и налоговых последствий. Впоследствии налоговые выгоды этой тактики были законодательно уменьшены.

Его деды и бабки по отцу и по матери … – Самое обширное исследование генеалогии Мэдоффа см. в: *Arvedlund* . P. 14–15. Переезд семьи в Бронкс зафиксирован в переписи 1930 г.

… Ральф Мэдофф в графе «род занятий» написал коротко: «Кредит». – Этот факт приводится в нескольких биографиях Мэдоффа от 2009 г.; особенно см.: *Kirtzman* . P. 17.

Мэдофф говорил, что его отец посещал колледж … – Первое интервью Мэдоффа.

… ведущим в стране поставщиком профессионального боксерского инвентаря . – См. некролог основателю Everlast: Jacob Golomb, 58, a Manufacturer // New York Times, Aug. 25, 1951.

… с героем популярного комикса, боксером-тяжеловесом Джо Палукой . – Интервью с Берни Мэдоффом и конфиденциальный источник, который знал Ральфа Мэдоффа и был знаком с историей его семьи. Комикс Хэма Фишера «Джо Палука» о кристально честном боксере-профессионале впервые появился в газете в 1930 г. С газетной полосы он перебрался в книжки-комиксы, радиопьесы и фильмы и стал одним из популярнейших героев комиксов военного времени.

С. 69–70. *В апреле 1946 г. они с Сильвией и тремя детьми переехали …* – *Kirtzman* . P. 17–18.

Юный Берни Мэдофф ходил в школу № 156, вступил в бойскауты… – *Ross* . P. 26.

… ко времени подачи искового заявления о признании себя банкротом она задолжала около 90 тыс. долларов . – Долги Dodger Sporting Goods Corporation превышали активы более чем на 725 тыс. долларов. Об открытии дела о банкротстве сообщалось в набранной мелким шрифтом колонке в отделе бизнес-новостей New York Times 23 января 1951 г. В заметке бизнес описан как «изготовление игрушек, спортивных товаров и сопутствующих кожаных изделий»; зарегистрирован по адресу: Бруклин, Кэрролл-стрит, 345. Пассивов имелось приблизительно на 150 тыс. долларов, а активов приблизительно на 61 тыс. долларов. Компания включена в «Справочник промышленных предприятий штата Нью-Йорк» издания 1949 г., но не включена в издание 1946 г. – по данным исследователей из Файрстоунской библиотеки Принстонского университета, где хранится архивный экземпляр каталога. Так что жизнь компании длилась не меньше двух лет, но, вероятно, меньше пяти.

… дом был передан в налоговый залог . – *Kirtzman* . P. 35. Согласно Эндрю Керцману, цитирующему «отчеты о недвижимости, составленные секретарем суда округа Квинс», арест имущества должника в качестве залога за неуплату налогов на сумму 9 тыс. долларов – около 70 тыс. долларов в пересчете на цены 2009 г. – был наложен на семейный дом Мэдоффов в 1956 г., когда Берни учился в предпоследнем классе школы, после того как Ральф Мэдофф и его деловые партнеры не смогли уплатить так называемый удерживаемый налог. Согласно Мэдоффу, эта беда случилась в связи с вторым недолговечным предприятием спорттоваров, основанным его отцом после разорения Dodger.

… основал единоличную брокерскую фирму … – Фирма, основанная Ральфом Мэдоффом, не имеет никакого отношения к любой существовавшей в прошлом или существующей ныне фирме, использующей название Gibraltar Securities.

… именно через эту фирму он проводил свои разовые маклерские сделки . – Первое интервью Мэдоффа.

… что-то вроде молодежного братства … – Oppenheimer . P. 30–31.

… вступил в команду пловцов, делал успехи… – Kirtzman . P. 24.

Коли у тебя есть сбережения – держи их в банке … – Sobel, Robert . Inside Wall Street. New York: W. W. Norton, 1977. P. 103–104.

… руководство большинства топовых белых-англосаксонских-протестантских фирм Уолл-стрит… – Editors of Institutional Investor. P. 551–553.

… решил, что хочет продавать спортивное оборудование как представитель производителя… – Первое интервью Мэдоффа.

Сол Альперн… был вторым сыном Бенджамина Альперна, умелого часовщика… – Arvedlund . P. 21.

… Майкл Либербаум… был сыном одного из первых героев фондового рынка . – Отец Майкла Либербаума – Луис Б. Либербаум. Согласно архивам Комиссии по ценным бумагам и биржам, Либербаум-старший основал Lieberbaum & Company на Бродвее, 50, в Нью-Йорке в январе 1961 г. В 1963 г. Луис Б. Либербаум зарегистрировал вместо прежней новую компанию: L. B. Lieberbaum & Co по адресу: Эксчейндж-Плейс, 40. Мэдофф в 1961 г. арендовал офис на Эксчейндж, 40, но к 1963 г. он уже был на Бродвее, 39. В одном из интервью Мэдофф признал, что Луис Либербаум был одной из фигур Уолл-стрит, сильно заинтересовавших его, и что его крепкая дружба с Майклом Либербаумом стала одной из причин того, что от спортивных товаров его внимание обратилось к Уолл-стрит. Брат Майкла,

Шелдон, позже представит Мэдоффа одному из его первых крупных клиентов, Карлу Шапиро.

… лучший в жизни биржевой совет … – *Oppenheimer* . P. 98–100.

С. 77–78. *…« дробила сделки на отдельные транзакции…»* – Письмо Мэдоффа от 3 октября 2010 г.

… в зеленом пластиковом блокноте с вкладными листами … – Интервью Майкла Бинса для «Дела Мэдоффа» – передачи производства RainMedia для программы «Фронтлайн» (Frontline, WBGH Boston, No. 2714) от 12 мая 2009 г.; далее – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

« *Нет, я отказываюсь управлять такими мелкими счетами…»* – Там же.

«Я возьму зеленый блокнот с собой во Флориду…» – Там же.

… «разросся максимум до 50–75 инвесторов» . – Письмо Мэдоффа от 3 октября 2010 г.

… основали отдельный фонд для инвестирования в Мэдоффа через счета A&B . – Счет был открыт Эдвардом Гланцем и его партнером Стивеном Менделовом, привлекавшими инвесторов под именем фонда Telfran.

Эта стратегия называлась безрисковым арбитражем … – «Безрисковый» арбитраж на деле не лишен риска; заминки в сделках или задержки в подготовке бумаг могли свести выигрыш на нет. Этот термин применяли для описания молниеносной стратегии, когда ценная бумага или ее почти точный эквивалент, скажем, конвертируемая облигация или варрант, покупается по одной цене и продается по другой, более высокой, почти одновременно.

… из рук в руки по ценам, которые иногда предоставляют возможности арбитража . – Чаще такие возможности включают дробление акций компании, чьи акции уже торгуются. Например, компания может разрешить дробление акций, выгодное ей на данный день. Еще не выпущенные акции могут торговаться по ценам, не отражающим точной арифметики, стоящей за дроблением. Скажем, компания объявляет, что в известный день раздробит каждую акцию пополам. После этого объявления, но перед фактической датой выпуска, еще не выпущенные акции должны будут торговаться на рынке точно за половину цены акций до дробления. Например, если на данный момент данные акции идут по 100 долларов за акцию, то дробные акции, выпуск которых еще не осуществлен, в этот же момент следует торговать по 50 долларов за акцию. Но так происходит не всегда. Если брокер сумеет купить акцию до дробления по 100 долларов и продать две «невыпущенные» дробные акции по 51 доллару

каждая, то он закроет позицию с прибылью 2 доллара.

Иногда он брал на себя еще больший риск … – Электронное письмо Мэдоффа от 13 января 2011 г.

… продаваемых в паре с загадочными бумагами под названием «варранты»… – Варрант (ордер) – вид опциона, дает право покупки соответствующих обыкновенных акций по оговоренной цене, которая может оказаться выше или ниже текущего курса акций. Приобретя опцион, брокер может использовать его для одновременной покупки акций по фиксированной цене и их продажи по более высокой цене, закрывая позицию с арбитражной прибылью.

… активно и открыто занимающихся арбитражем варрантов… – *Chapman, Peter* . Before the Fall: Bernard L. Madoff // Traders Magazine. March 2009.

… прибыльность конвертируемых облигаций была чуть выше … – *Lummer, Scott L. and Riepe, Mark W.* Convertible Bonds as an Asset Class: 1957–1992 // Journal of Fixed Income (September 1993) (недатированный репринт Ibbotson Associates, Inc., Чикаго, Иллинойс).

… фальсифицировал в клиентских счетах прибыли от арбитражных сделок с конвертируемыми облигациями . – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. David L. Kugel, et al. (далее – Picard v. Kugel). P. 19–21. Суд по гражданским делам утверждает, что, поскольку многочисленные пары арбитражных сделок по конвертируемым облигациям за двадцать семь месяцев подряд начиная с августа 1977 г. приносили постоянные высокие доходы на счет Кугела, эти сделки должны быть поддельными. Согласимся: они могли быть поддельными; но постоянство само по себе не это доказывает. Возможно, Мэдофф закрывал позиции по реальным арбитражным сделкам, получив намеченный доход, а не оставлял их открытыми. Это тоже могло приносить постоянную прибыль, но такая стратегия еще не означает мошенничества. Адвокат Кугела не отвечал на просьбы прокомментировать заявления конкурсного управляющего относительно пирамиды. На февраль 2011 г. против Кугела не было выдвинуто официальных обвинений.

3. В погоне за прибылью

… Комиссия на 75 дней отстранила его от брокерского бизнеса … – Пресс-релиз Комиссии по ценным бумагам и биржам от 15 августа 1970 г.; дисциплинарная картотека Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг (ныне Агентство по регулированию деятельности финансовых институтов – FINRA).

… стал первым служащим Bernard L. Madoff Investment Securities, пришедшим со стороны . – Ирвин Липкин останется в фирме Мэдоффа до конца своей карьеры, а его сын Эрик на момент ареста Мэдоффа по-прежнему был его сотрудником.

Мэдофф и Джоэл, при всех различиях в стиле работы, близко общались и дружили семьями. – Их взаимоотношения подтверждены самим Берни Мэдоффом и были описаны в книге Оппенгеймера, где приводятся беседы с членами семьи Джоэла. Они подтверждаются и тем, что после ареста Мэдоффа члены семьи Джоэла инициировали гражданский процесс против конкурсного управляющего Ирвинга Пикарда. В 1981 г. Джоэл начал работать с Мэдоффом, а его дочь Эми пришла работать в фирму следом за ним в 1989 г. Он умер в 2003 г., а Эми Джоэл на момент ареста Мэдоффа оставалась его штатным сотрудником.

С. 88–89. *В 1970 году Конгресс… учредил Корпорацию защиты инвесторов в ценные бумаги …* – Законом, учреждавшим корпорацию и вносившим поправки в Кодекс о банкротстве, был Акт о защите инвесторов в ценные бумаги (Securities Investor Protection Act) от 1970 г.

«Когда намечалась сделка, Мэдоффу звонили не чаще, чем всем остальным». – См.: *Chapman* .

« *Мы, как малая фирма-маркетмейкер, считали …*» – *Weiner, Eric* . What Goes Up: The Uncensored History of Modern Wall Street as Told by the Bankers, CEOs, and Scoundrels Who Made It Happen. New York: Back Bay Books, 2007. P. 188–192.

…« нужно раскрывать карты, а они этого не хотели» … – Там же. P. 189.

…дополняли разнообразные меры NASD по саморегулированию . – NASD, созданная согласно Акту Мэлони от 1938 г., юридически определялась как подконтрольная Комиссии по ценным бумагам и биржам «саморегулирующаяся организация» с правом утверждения правил и обеспечения их соблюдения.

… автоматизированная система, построенная для NASD… – *Welles, Chris* . The Last Days of the Club. New York: E. P. Dutton, 1975. P. 6–8, 286–287.

… по меньшей мере один бывший сотрудник… разделял эту точку зрения . – Andrew M. Cuomo, the Attorney General of the State of New York v. Ivy Asset Management LLC, Lawrence Simon and Howard Wohl (далее – Cuomo v. Ivy), filed May 11, 2010, in the Supreme Court of the State of New York, County of New York, pp. 22–23, 36–37. На процессе исследовались события, происшедшие уже после признания Мэдоффа, однако в материалах приводятся (в пересказе) слова бывшего сотрудника Мэдоффа, работавшего в фирме ранее.

… подал заявление и был принят в так называемую Бруклин-Тек … – Веб-сайт школы (The Brooklyn Tech High School) сообщает, что он выпускник 1963 г.

… Мэдоффы пристрастились к гольфу . – К 2000 г. Мэдофф имел гандикап 12 и стабильно проходил поле за 80–90 ударов – более стабильно, чем предположили многие эксперты по гольфу, опрошенные после его ареста репортерами телеканала CNBC. Репортеры пользовались данными онлайновых записей результатов, сообщаемых игроками в Ассоциацию гольфа штата Флорида. Загадочно стабильные результаты Мэдоффа также приводятся в: *Frank, Robert and Lauricella, Tom* . Madoff Created Air of Mystery // Wall Street Journal. Dec. 20, 2008.

…« почти всем на Уолл-стрит нравился». – Chapman .

…« были просто превосходные, замечательные люди» . – Там же.

Его единственной долей в активах главной фирмы Мэдоффа … – Питер Мэдофф позднее будет владеть девятипроцентной долей в фирме Cohmad Securities, учрежденной в 1985 г. его братом и Морисом Дж. (Сонни) Коном. Но эта фирма, в отличие от Bernard L. Madoff Investment Securities, не была подконтрольна Берни Мэдоффу – он сам владел только миноритарным пакетом.

… родители время от времени помогали Берни – выезжали на проверку какой-нибудь компании … – Конфиденциальное интервью с лицом, знакомым с историей семьи Мэдофф.

Она не дожила до своего шестьдесят третьего дня рождения … – Первое интервью Мэдоффа.

«Бернард (основатель фирмы) и Питер (компьютерный гений компании)» . – Blume, Marshall E., Siegel, Jeremy and Rottenberg, Dan . Revolution on Wall Street: The Rise and Decline of the New York Stock Exchange. New York: W. W. Norton, 1993. P. 221.

… отмечалась его ключевая роль в переводе фирмы на современные рельсы… – The Lautenberg Foundation, Joshua S. Lautenberg and Ellen Lautenberg v. Peter Madoff (далее – Lautenberg v. Madoff), filed in U. S. District Court for the District of New Jersey on Feb. 24, 2009. P. 4.

«Именно благодаря этому решению…» – Chapman .

… стало, по словам Бинса, слишком трудоемким . – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

«В четырех словах: давай платить твердый процент» . – Там же.

… как заверял Майкл Бинс спустя много лет, их бухгалтерская фирма сознательно пошла на это . – Там же.

«Если первый был отчаянным прыжком с шестидесятого этажа…» – Smith, Adam (George J. W. Goodman). Paper Money. New

York: Summit Books, 1981. P. 271–272.

« *Инфляция такого масштаба в мирное время не знает прецедентов в истории Америки* ». – Carl E. Walsh, Visiting Scholar, Federal Reserve Bank of San Francisco Economic Letter. No. 2004–35, Dec. 3, 2004. P. 1.

… *инвестиционные операции Мэдоффа составили более трети оборота бухгалтерской фирмы* . – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

В нью-йоркском офисе фирмы четверо сотрудников принимали звонки и заявки … – Показания Авеллино и Бинса Комиссии по ценным бумагам и биржам от 7 июля 1992 г. (далее – Avellino-Bienes SEC Transcript) вошли в досье конкурсного управляющего, озаглавленное: «In the Matter of King Arthur, MNY-1490». См.: U. S. Securities and Exchange Commission Inspector General H. David Kotz, «Investigation of Failure of the SEC to Uncover Bernard Madoff 's Ponzi Scheme – Public Version», Case No. OIG-509, Aug. 31, 2009 (далее – Kotz Report). Exhibit 117. P. 33–34.

…« *ничего не рекламировали, не продвигали, даже рождественской открытки ни разу никому не послали…»* – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

«Разговор у нас был короткий. Мы не церемонились» . – Там же.

«У нас были клиенты средние, мелкие – частные клиенты». – Там же.

«Ну что вам сказать? Однажды Майкл Бинс и Фрэнк Авеллино взяли в банке … » – Avellino-Bienes SEC Transcript. C. 53.

«Не люблю я раскрывать финансовую отчетность … » – Там же.

«У Майкла Бинса и Фрэнка Авеллино были собственные активы … » – Там же.

4. Большая четверка

… *обычно не более эффективен, чем портфель, сформированный наугад* . – См.: *Malkiel, Burton G* . A Random Walk Down Wall Street. New York: W. W. Norton, 1973.

… *Чейз, благовоспитанный солидный господин* … – Picard v. Chais Complaint, Declaration of Stanley Chais in support of his request for a temporary restraining order. P. 3.

… *ее цветущий вид и аккуратно уложенные светлые волосы* … – *Funke, Lewis* . News of the Rialto: Inside Musicals // New York Times. Apr. 27, 1969.

… *дочь бродвейского драматурга и, ко времени переезда семьи на Запад, сама подающий надежды драматург* . – *Calta, Louis* . News of the Rialto: A Guest Shot Back Home // New York Times. July 24, 1966.

… *решил вложить в арбитраж часть своих денег* . – Первое

интервью Мэдоффа.

… в том числе с его тестем Солом Альперном. – Вышедший на пенсию Сол Альперн основал в 1983 г. во Флориде компанию под названием Onondaga Investment Company. Необычное слово «Онондага» Стенли Чейз использовал для нескольких своих счетов у Мэдоффа: оно перекликается с заголовком ежегодного альманаха Сиракьюсского университета, альма-матер Чейза. О каких-либо связях Альперна с этим университетом или округом Онондага, где он находится, неизвестно. Эта компания-пустышка – одна из трех, созданных Альперном в то время и закрытых в 1986 г. В руководстве всех трех значились одни и те же лица: Сол Альперн – президент, главный бухгалтер и директор, и Брюс М. Стиглиц, видный лос-анджелесский налоговый юрист из фирмы Loeb & Loeb, – второй директор. Стиглиц, скончавшийся в 2004 г., был специалистом по законодательству в сфере развлечений и налоговому законодательству и обслуживал творческое сообщество Голливуда. За исключением флоридских записей Альперна, нет никаких прямых свидетельств того, что Стиглиц был знаком с зятем Мэдоффа, но он точно знал Стенли Чейза: они были соседями и близкими друзьями. И конечно, Стиглиц знал Мэдоффа: одним из попечителей трастовых фондов его семьи был Ирвин Липкин, много лет служивший у Мэдоффа, а сам Стиглиц был непрямым (через Чейза) вкладчиком Мэдоффа. Возможно, что Альперн, как и Мэдофф, познакомился с Чейзом через Марти Джоэла, клиента бухгалтерской фирмы Альперна.

Она называлась Lambeth Company … – The Securities and Exchange Commission v. Stanley Chais (далее – SEC Chais Complaint), filed in U. S. District Court for the Southern District of New York on June 22, 2009. P. 4–5. Дело против самого Чейза было закрыто после его смерти в сентябре 2010 г.

… не считал нужным … – Конфиденциальные интервью.

… это совпадает с воспоминаниями первых инвесторов Мэдоффа и других источников, осведомленных об инвестиционных счетах … – Одна дама-сенатор от Нью-Джерси вспоминала, что в ее семье счет у Чейза называли «арбитражным партнерством» и всегда считали, что Чейз лично принимает решения об инвестициях, приносящих от десяти до четырнадцати процентов годовых. См.: Victims of Scandal Reflect on a Shocking Turnabout // Wall Street Journal. Dec. 20, 2008.

«…с помощью своей компьютеризованной системы он придумал способ…» – Конфиденциальное интервью с давним инвестором Мэдоффа.

… быстро исчезают, когда в арбитраж слишком поспешно вбрасывают чересчур много денег . – Рассмотрим пример с

конвертируемой облигацией, которую следовало бы торговать за 150 долларов, но торговали лишь за 130 долларов. Если множество людей кинутся скупать эти облигации за 130 долларов, возросший спрос снова поднимет цену до 150 долларов и прибыль от арбитражной сделки исчезнет.

… приказывал Мэдоффу помечать сделки задним числом … – Первое интервью Мэдоффа; конфиденциальные интервью с рядом людей, осведомленных о показаниях Мэдоффа команде юристов конкурсного управляющего Ирвинга Пикарда.

« *Когда учреждали Kay Windsor…» – Spielvogel, Carl* . Work Horse' Dress Builds a $22,000,000 Business // New York Times. Jan. 27, 1957.

Шелдон, брат Майкла Либербаума, работал на более крупную брокерскую фирму … – Хотя документы регулирующих органов отражают работу Шелдона Либербаума только с 1967 г., Мэдофф вспоминал, что Либербаум работал в инвестиционной компании D. H. Blair, которая была членом Нью-Йоркской фондовой биржи, но также была андеррайтером ряда внебиржевых ценных бумаг.

Шапиро «заинтересовался арбитражем … » – Первое интервью Мэдоффа.

«В те дни на исполнение сделки уходило три недели». – *Kirtzman* . P. 41.

… Шапиро в арбитражной игре поставил на Берни … – Там же. P. 42.

… за два года он немного скопил … – *Wedemeyer, Dee* . At 12 % Rates, a Housing Boom // New York Times. Aug. 29, 1982.

… с приятелем Леви по загородному клубу Артуром Шлихтером … – Шлихтер, возможно, и сам стал инвестором Мэдоффа, поскольку его имущество значилось в списке клиентских счетов, составленном конкурсным управляющим. Но главное – он был близким другом Глэдис Лурия, наследницы сталелитейного промышленника, чья семья основательно инвестировала в Мэдоффа.

… Мэдоффа, по-видимому, согревало его тепло . – *Seal, Mark* . Madoff 's World // Vanity Fair. April 2009; конфиденциальное интервью с давним другом семьи Леви.

…« близкого друга Леви и его трейдера». – Конфиденциальные документы, предоставленные автору.

… его баланс вырастет до полутора миллиардов . – Там же.

… откуда ни возьмись, появятся 35 млрд долларов … – Письмо Стивена П. Харбека, президента и исполнительного директора SIPC, Скотту Гарретту, председателю подкомиссии по рынкам капитала и предприятиям, финансируемым государством, Комиссии по регулированию финансовых услуг при палате

представителей (далее – SIPC – Garrett Letter), 24 января 2011 г. С. 14–15. В своем втором тюремном интервью Мэдофф намекнул, что Леви «надувал» денежные суммы, переводившиеся с одного его банковского счета на другой, в том числе счет у Мэдоффа, чтобы сделать поток своей наличности более впечатляющим в глазах кредиторов.

Мэдофф вспоминал, что в то время Альперн был личным бухгалтером Пикауэра … – Первое интервью Мэдоффа.

Отец Пикауэра был польский иммигрант … – *Ward, Nathan* . Madoff 's Mystery Man // Forbes, Oct. 11, 2010. Уточнено в конфиденциальных интервью.

… *попал в известную всей стране бухгалтерскую фирму Laventhol & Horwath* . – *Amon, Michael* . The Jeffry Picower File // Newsday. Oct. 25, 2009.

… *наглой и прилипчивой бродвейской продюсерши* … – *Ward* . Речь идет об Аделе Холцер, продюсировавшей мюзикл «Волосы» (Hair) и в 1979 г. осужденной за мошенничество. См.: *Kaiser, Charles* . Adela Holzer Is Given 2-to-6-Year Sentence for Investment Fraud // New York Times. May 4, 1979.

…« *взаимоотношения Пикауэра с Мэдоффом начались как сугубо профессиональные»…* – Ответы Джеффри и Барбары Пикауэр на вопросы автора летом 2009 г.

… *массированное наращивание участия в сети супермаркетов Shopwell* … – French Investor May Seek Shopwell // New York Times. May 5, 1979. Биржевая игра Амселлема также документирована в различных выпусках SEC News Digest конца 1970-х годов.

Биография Игуэна довольно любопытна … – Биографические сведения приведены со слов Мэдоффа и находят подтверждение в превосходной статье на французском языке «Неприметные французские друзья Бернарда Мэдоффа» (Les discrets amis français de Bernard Madoff), опубликованной на сайте Eco89 и доступной по адресу: http://www.rue89.com/2009/06/12/les-discrets-amis-francais-de-bernard-madoff.

… *Питер Мэдофф без устали колесил по стране* … – Точнее, Питер Мэдофф продавал местным дилерам услуги фирмы Мэдоффа в качестве «брокера-корреспондента», предлагая за небольшие комиссионные обслуживать их сделки на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Деловому партнеру Энглера Питер понравился … – Телефонное интервью 2010 г. со Стивеном Энглером, сыном и бывшим сотрудником Майкла Энглера.

Сам Энглер совместно с родственниками открыл магазин алкогольных напитков … – Obituary of Mike Engler // Minneapolis Star Tribune. Dec. 20, 1994.

… Мэдофф пригласил его к себе советником по инвестициям … – Телефонное интервью со Стивеном Энглером.

… все больше приятелей Энглера по загородному клубу … – *Kansas, Dave* . Madoff Does Minneapolis. – Fortune/CNNMoney.com. Jan. 16, 2009.

« *Я называла эти инвестиции “мои безотказные”»* . – Телефонное интервью 2010 г. с инвестором Мэдоффа Рене Зоскин.

… Мэдоффы купили красивый загородный дом … – Многие источники датируют покупку 1980 г., но в инвентарной описи активов, составленной Мэдоффом после ареста и приобщенной к делу, назван 1979 г.

Вместе с несколькими управленцами с Уолл-стрит … – Сага о гидроплане упоминается в разных источниках, в том числе: *Arvedlund* . P. 51–52. Приведенные здесь подробности подтверждены тремя конфиденциальными источниками, в те годы близкими к семье Мэдофф.

5. Деньги рекой

…поставили ярко-красный телефонный аппарат, символизирующий ядерную «горячую линию» Белого дома, у заднего стекла … – Конфиденциальное интервью с бывшим соседом по Рослину.

…« никогда не унывал». – Конфиденциальное интервью.

Он все чаще думал о том, что неплохо бы найти себе новое занятие … – In the Matter of: Cohmad Securities Corporation, administrative complaint filed Feb. 11, 2009, by the Commonwealth of Massachusetts, Office of the Secretary of the Commonwealth Securities Division (далее – Galvin Cohmad Complaint), Exhibit 3.

…в легендарном клубе Harmony. – Частный клуб на Восточной Шестидесятой улице, 4, основанный в 1854 г. германо-еврейской элитой Нью-Йорка. Многие годы обязательным условием членства в клубе были германские корни. Со временем клуб стал избранным местом для иудейских свадеб, приемов и благотворительных вечеров. Когда в 1999 г. уолл-стритское отделение Американского еврейского комитета чествовало Мэдоффа, прием был устроен именно в Harmony.

… после шести лет работы в небольшой брокерской фирме Cowen & Company … – Данные Центрального регистрационного депозитария (SRD-FINRA) на Маршу Бет Кон.

Остальные 25 % были поделены на неравные доли … – SEC v. Cohmad Securities Corporation, et al. (далее – SEC v. Cohmad), filed as Case No. 09-cv-5680 (LLS) in U. S. District Court for the Southern District of New York. P. 6.

Карьеру на Уолл-стрит он начал в 1969 году… – Данные

Центрального регистрационного депозитария (SRD-FINRA) на Роберта М. Джаффи.

Важнее то, что он был женат на Эллен Шапиро… – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Cohmad Securities Corporation, et al. (далее – Picard v. Cohmad), filed as Adversary Proceeding No. 09–01305 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 15.

… на судебных процессах прозвучит утверждение, что это входило в обязанности Шейны, дочери Питера Мэдоффа . – Там же. P. 14.

… несколько сотен клиентов с обычными брокерскими счетами . – Cohmad занималась клирингом сделок для этих клиентов через инвестбанк Bear Stearns, пока его в начале 2008 г. не поглотил JP Morgan Chase.

Некоторые опционные трейдеры именуют его новую стратегию «бычьим спредом» . – *Markopolos, Harry* . No One Would Listen: A True Financial Thriller. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2010. P. 27.

… право продать или купить определенные акции по определенной цене в определенный период времени . – Право покупки называется «опцион колл», или «опцион на покупку». Продавец опциона на покупку обещает предоставить покупателю возможность приобрести акции по цене, зафиксированной на срок действия опциона.

Право продажи ценных бумаг называется «опцион пут», или «опцион на продажу». В этом случае продавец обещает предоставить покупателю возможность продать акции по цене, зафиксированной на срок действия опциона. Брокеры обычно сокращают названия до «пут» и «колл»; Мэдофф применял опционы обоих видов.

Новая стратегия Мэдоффа состояла в приобретении обширного портфеля бумаг … – Предполагают, что Мэдофф формировал портфель из акций тридцати – тридцати пяти компаний первого эшелона из списка S&P 100 (так называемых «голубых фишек»), а затем продавал опционы на покупку, позволяющие покупателю приобрести у него акции, если их цена поднималась до оговоренной в контракте. (По сути, это был так называемый покрытый колл, знакомый многим частным инвесторам.) Опцион на покупку ограничивал его возможную прибыль, но на деньги, вырученные за продажу такого опциона, он, по-видимому, покупал встречный опцион пут, дающий *ему* право продажи портфеля акций по оговоренной цене – чуть ниже текущей рыночной цены. Опцион пут определял максимум его

возможных убытков на случай резкого падения курса акций. Таким образом, применение опционов ограничивало как его прибыли, так и убытки.

… его месячная отдача резко колебалась … – Данные рейтингового агентства Morningstar, собранные с помощью ведущего финансового обозревателя New York Times Флойда Норриса.

…« упрощенной и, что самое важное, очень консервативной». – Galvin Cohmad Complaint exhibits, letter from Maurice J. Cohn dated Nov. 21, 1991.

… после жарких баталий в зале суда, вызванных результатами аудитов … – Дело (In re: M. Frenville), которое еще много лет цитировалось в судебных схватках, связанных с банкротствами.

… Бинс жаловался, что судебная тяжба обернулась грандиозной тратой денег и сил . – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

… Фрэнк Авеллино изрядно выдохся . – Avellino-Bienes SEC Transcript. P. 36.

… полностью посвятить себя операциям с Мэдоффом … – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

Но в делопроизводстве они отличались все той же небрежностью . – Показания Фрэнка Авеллино под присягой в суде по банкротствам (1993) в связи с суммой бухгалтерских услуг, которые ему пришлось уплатить после расследования Комиссии в 1992 г.

… легендарного директора отдела правоприменения Стенли Споркина … – *Vise, David A. and Coll, Steven* . Eagle on the Street. New York: Charles Scribner's Sons, 1991. P. 1–20.

… Джона Шэда, ветерана Уолл-стрит . – Шэд, на момент назначения вице-президентом E. F. Hutton, был первым управленцем с Уолл-стрит, возглавившим Комиссию с тех пор, как президент Франклин Рузвельт в 1934 г. назначил Джозефа П. Кеннеди, отца президента Джона Ф. Кеннеди, ее первым председателем. Рейган перевел Споркина на пост главного юрисконсульта ЦРУ, а спустя четыре года назначил его федеральным судьей.

Шэд оказался не таким покладистым … – *Seligman, Joel* . The Transformation of Wall Street: A History of the Securities and Exchange Commission and Modern Corporate Finance. Boston: Northeastern University Press, 1995. P. 576.

…« по большому счету это честное место» … – *Vise and Coll* . P. 128.

… по общему мнению Конгресса, NASD не справляется с

регулированием . – «Комитет считает… [что] саморегулирующиеся организации должны ответственнее относиться к возложенным на них обязанностям и слаженнее координировать свои функции и действия. В новой среде регулирования, согласно настоящему закону, саморегулирование будет продолжено, однако Комиссии по ценным бумагам и биржам следует играть более значительную, чем прежде, роль в устранении зазора между результатами саморегулирования и потребностями регулирования». См.: Senate Report No. 94–75, at 2 (1975), as reprinted in 1975 U.S.C.C.A.N. P. 179, 181.

…« *комиссия компетентная, но осмотрительная». – Seligman* . P. 577.

… *обладает неброской солидностью* . – Здание, спроектированное Кеннетом Мерчисоном, с характерным набором элементов, присущих домам этого стиля и времени: скромный по размерам, но изящно оформленный вестибюль, обилие света (дом находится в стороне от тесной застройки жилых кварталов с высотными зданиями), на нижнем этаже – элегантный ряд благородно отливающих бронзой магазинных фасадов. – *Gray, Christopher* . Streetscapes: 133 East 64th Street: If a Building Could Blush // New York Times. Sept. 16, 2009.

Рут Мэдофф обновила кое-что по мелочи … – Там же. Архитектор Ховард Р. Голдин сообщил, что, «в отличие от некоторых знаменитостей, которые просят не упоминать их имен при оформлении бумаг на строительные работы, Мэдоффы не ставили никаких условий. Поскольку клиенты не были привередливы и платили вовремя, все “прошло как по маслу”».

… *для финансовой прессы Берни Мэдофф стал самым компетентным комментатором по международным вопросам* . – К примеру, в декабре 1986 г. он сообщил руководству газеты Securities Week о своем участии в двухдневном совещании в Вашингтоне между должностными лицами Сингапурской фондовой биржи и руководителями NASD. Обсуждалась возможность создания электронной связи между рынками, подобно той, что NASD установила с Лондонской фондовой биржей.

«Основанная 26 лет назад и находящаяся в единоличной собственности Мэдоффа компания … » – В статье также сообщалось (неверно), что Мэдофф «основал больницу Норт-Шор в Мэнхассете, на Лонг-Айленде, рядом с одним из трех его домов». Согласно информации, полученной из учреждения – правопреемника больницы, Мэдофф не был причастен к ее основанию, а вот его друг Сонни Кон много лет оказывал больнице существенную поддержку.

Внебиржевой рынок «лежал в руинах»… – *Metz, Tim* . Black Monday: The Catastrophe of October 19, 1987… and Beyond. New York: William Morrow, 1988. P. 198.

«Это усугубило смятение и панику на рынках». – General Accounting Office. Financial Markets: Preliminary Observations on the October 1987 Crash, GAO/ GGD-88–38. P. 6.

«Мы напуганы. Разумеется, мы напуганы!..» – Цит. по: *Metz* . P. 199. По правде говоря, компьютерная техника на Нью-Йоркской фондовой бирже тоже вышла из строя. Позже лидеры NASD будут доказывать, что неисправности технологии NASDAQ были преувеличены в правительственном докладе о финансовом крахе 1987 г.

Друг и партнер Мэдоффа в Миннеаполисе Майк Энглер скажет потом своему сыну … – Телефонное интервью 2010 г. со Стивеном Энглером.

… всего семь убыточных месяцев . – Данные рейтингового агентства Morningstar, собранные по просьбе автора.

… в надежде на ежегодное продление с реинвестированием . – Второе интервью Мэдоффа.

«Нет, никакого мошенничества…» – Первое интервью Мэдоффа.

… стал влиятельным лидером восстановления в последующие три года рынка NASDAQ . – Как председатель одного из ключевых комитетов, отвечающий за автоматизированный поток заявок, Берни Мэдофф был среди тех, к кому СМИ обращались за комментариями. 16 ноября 1987 г. в газете Securities Week в заголовок было вынесено известие о том, что правление NASD ставит на голосование четыре пункта для улучшения ситуации на рынке ВРЦБ. В статье отмечалось: «Первым номером идет требование ко всем внебиржевым маркетмейкерам участвовать в организованной NASD системе исполнения мелких заявок (SOES), как заявил Бернард Мэдофф, председатель комитета по SOES и основатель носящей его имя нью-йоркской брокерско-дилерской фирмы».

… с нарушениями дисциплины в NASD . – Собственная официальная история рынка NASDAQ позже признала, что брокеры быстро научились пользоваться ритмом публикации и взвинчивания котировок в новомодной автоматизированной системе, чтобы, как встарь, манипулировать ценами акций.

… новый стандарт скорости обработки клиентских заказов . – В номере от 10 июля 1989 г. Forbes обратил внимание на революционную систему Мэдоффа, описав автоматическую покупку системой предложенных акций IBM: «Как только компьютер получает только что купленные акции IBM, он

показывает брокеру варианты и стоимость хеджирования позиций. Он даже показывает текущие издержки на нехеджирование. Хеджирование генерируют программы Питера Мэдоффа. Компьютерное хеджирование Мэдоффов намного опережает все, что имеется в арсенале специалистов [торговой площадки Нью-Йоркской фондовой биржи]».

…« хотя, строго говоря, фирма Мэдоффа не является фондовой биржей … » – Blume, Siegel and Rottenberg . P. 221.

Согласно одному из распространенных индикаторов … – Имеется в виду фондовый индекс S&P 500 с поправкой на инфляцию и дивиденды.

Сквадрон некогда считался вундеркиндом … – «Выдающегося юриста Говарда М. Сквадрона будут чествовать 10 июня на обеде в юридической школе имени Бенджамина Н. Кардозо» (Yeshiva University press release. May 10, 1999). Мэдофф был одним из сопредседателей мероприятия, наряду с медиамагнатом Рупертом Мэрдоком, партнером Сквадрона по юридической фирме Стенли Плезентом и владельцем команды New York Mets Фредом Уилпоном.

… играл важную роль в спасении известного культурного учреждения New York City Center . – Там же. См. также оплаченное сообщение о смерти, помещенное под именем Сквадрона на странице объявлений City Center в New York Times за 28 декабря 2001 г.

… бывший юрист Комиссии по ценным бумагам и биржам по имени Джеффри Такер … – Первоначально Такер был связан с управлением инвестициями через другого клиента, торговца опционами Фреда Колбера, с которым основал фонд для опционных сделок. Такер стал главным партнером в Fred Kolber & Company, сформировавшей фонд Greenwich Options.

Ноэл рассудил, что новоявленный фонд Такера может оказаться перспективным для его собственных иностранных инвесторов . – Picard v. Fairfield Sentry. P. 80.

«Уолтер был весьма впечатлен их трейдингом … » – Интервью с бывшей сотрудницей Fairfield Greenwich Шерри Шамир Коэн.

… тесть Такера, удалившийся на покой текстильщик … – Picard v. Fairfield Sentry. P. 81–82.

Один его партнер назвал это «аурой» . – Интервью Бинса для «Фронтлайн». Бинс сказал: «У него была аура. Не харизма, а аура – уверенность, манера держаться, говорить, смотреть, апломб. Он просто заставлял вас верить, что он все знает и контролирует и что если он рядом, то все прекрасно».

… как выяснилось, почти буквально «со всем миром» . – Распределение клиентов фирмы по всему миру зафиксировано в

предоставленном автору конфиденциальном документе «Fairfield Greenwich Group: Firm Profile», датированном 15 ноября 2007 г. (с. 5).

… Мэдофф привлек внимание нескольких свежеиспеченных офшорных хедж-фондов . – Первое интервью Мэдоффа. Мэдофф вспоминал, что Fairfield Greenwich был первым хедж-фондом, начавшим инвестировать через него. Он также назвал фонды Kingate из Лондона, управляемые Карло Гроссо и Федерико Черетти, фонд Thema, которым руководила австрийская банкирша Соня Кон, и других инвесторов первых лет. Но его отношения с Кон датированы 1985 г., и в те первые годы она предположительно способствовала переориентации на Мэдоффа еще нескольких европейских хедж-фондов, так что версия Мэдоффа, может быть, не совсем верна. См.: Irving H. Picard v. Sonja Kohn, et al., filed as Adversary Proceeding No. 10–05411 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York, Dec. 10, 2010 (далее – Picard v. Kohn). P. 6, 9, 65.

… писал он в электронном письме из тюрьмы . – Электронное письмо Мэдоффа от 26 декабря 2010 г.

6. Во что всем хотелось верить

… законной и процветающей брокерской фирмой … – Пояснительная записка Национальной ассоциации дилеров ценных бумаг (NASD) о надзорной проверке фирмы Мэдоффа за период по 30 сентября 1994 г., датированная 26 января 1995 г. Проверка показала, что к середине 1994 г. годовой доход фирмы Мэдоффа был чуть ниже 125 млн долларов, так что это предположение выглядит достоверным.

… составляла весомые 10 % … – Там же.

… считались едва ли не лучшими на Уолл-стрит . – *Chapman* . Согласно Чапмену, бывший главный трейдер инвестиционной компании Legg Mason Деннис Грин оценивал фирму Мэдоффа так: «У них всегда было лучшее техническое оснащение. Всегда. Даже когда никто из нас не мог себе позволить такое… У них всегда были лучшие системы».

… объем средств на счетах которых уже превышал 8 млрд долларов … – Письмо Мэдоффа от 3 октября 2010 г. Мэдофф примерно оценил суммарные активы клиентов за 1987 г. в 5 млрд долларов; если так, то ежегодные доходы от инвестиций должны были бы к началу девяностых увеличить это число, даже по осторожным подсчетам, примерно до 8 млрд.

… тем труднее было бы поверить подкованным инвесторам … – Действительно, еще в 1991 г. один из новаторов в области количественного анализа, Эдвард Торп, рассмотрел результаты работы Мэдоффа для одного из пенсионных фондов и обнаружил

тревожные сигналы, обратив внимание, в частности, на один день в апреле 1991 г. В тот день один Мэдофф отчитался о бóльшем числе сделок с опционами Procter & Gamble, чем было суммарно по ним заключено. См.: *Patterson, Scott* . The Quants: How a New Breed of Math Whizzes Conquered Wall Street and Nearly Destroyed It. New York: Crown Business, 2010. P. 63.

… двое недоверчивых инвесторов послали в нью-йоркский офис Комиссии по ценным бумагам и биржам два документа … – Kotz Report. P. 42–44; Там же. Exhibit 113. P. 1.

Информация … была напечатана на бланке финансового консультанта из Сан-Франциско … – Там же. P. 43.

…« родным, друзьям и бывшим клиентам … » – Там же.

… ему позвонил друг, юрист из Калифорнии Ричард Гланц . – Avellino-Bienes SEC Transcript. P. 12–14.

… был одним из самых первых «субподрядчиков»… – Гланц-старший был партнером бухгалтера Стивена Менделоу по фонду Telfran – непрямому фидер-фонду Мэдоффа, инвестировавшему через Avellino & Bienes. Не позднее 1985 г. Менделоу возглавил Konigsberg Wolf, бухгалтерскую фирму Пола Конигсберга.

Гланц-младший со временем сам вошел в этот бизнес и привлекал к нему других . – *Halstead, Richard* . San Rafael Lawyer Helped Friends and Family Invest Money with Madoff // Marin Independent Journal. Feb. 12, 2009; а также ряд интервью с инвесторами Гланца. Гланц не отрицал, что основывал фонды, посредством которых люди инвестировали в Мэдоффа, но отметил, что оказался жертвой, как и они, потеряв в пирамиде все свое богатство.

По словам Гланца … – Avellino-Bienes SEC Transcript. P. 14.

Авеллино тут же позвонил Бинсу, который даже спустя годы сумел воспроизвести тот разговор . – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

… он позвонил своему другу и давнему инвестору Говарду Сквадрону … – Бинс вспоминал, что Мэдофф сам сразу назвал Айка Соркина, но Соркин утверждает, что запрос пришел через Сквадрона.

В 1992 году Айк Соркин был едва знаком с Мэдоффом … – Интервью 2009 г. с Айрой Ли Соркином.

С. 165–166. *«На вопрос о том, что он делает с деньгами, взятыми взаймы…»* – Kotz Report. Exhibit 112. P. 1.

«Мы не занимаемся недвижимостью и ничем иным помимо ценных бумаг» . – Там же.

… одному сотруднику Комиссии позвонил Айк Соркин … – Kotz Report. P. 45.

Они терпеливо его выслушивали и вновь засыпáли вопросами

Фрэнка Авеллино … – Avellino-Bienes SEC Transcript. P. 35.

В конце концов он объяснил, каким именно образом ширился «ограниченный круг…» – Там же. P. 67.

… Четыреста миллионов . – Там же. P. 61–62.

Среди кредиторов оказалась и фирма Telfran Associates . – См.: SEC v. Telfran Associates Ltd., Telfran Associates Corp., Steven Mendelow, and Edward Glantz, filed as 92-cv-8564 in the U. S. District Court for the Southern District of New York. – Kotz Report. Exhibit 126.

…впервые осознал себя вовлеченным в мошенничество « в конце 1980-х – начале 1990-х годов» . – Transcript of DiPascali Plea Hearing before U. S. District Court Judge Richard J. Sullivan, Aug. 11, 2009. P. 46.

… недостача составила почти 30 млн долларов . – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Frank J. Avellino, et al. (далее – Picard v. A&B), filed as Adversary Proceeding No. 10–05421 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 3, 39. В частности, на суде сторона обвинения утверждала, что Avellino & Bienes передали в Комиссию список, по которому сумма долгов инвесторам составляет 399 819 455 долларов, в то время как, согласно выписке из банковского счета Мэдоффа, на их шести счетах было только около 364 млн долларов. Адвокаты Авеллино и Бинса оспаривали достоверность этих данных.

… мошеннического использования денег инвесторов … – Там же. P. 40.

… 60 млн долларов (искусно упрятанных) – столько пришлось заплатить, чтобы избежать шумихи . – Там же. P. 51–54.

С помощью узкого круга сотрудников, занимавшихся инвестиционной клиентурой Мэдоффа … – Пункты обвинения, по которым признал себя виновным Дипаскали, подтверждают, что в эти действия были вовлечены и другие лица, знавшие о мошенничестве. Против Аннет Бонджорно, Джоанн Крупи, Дэниела Бонвентре, Джорджа Переса и Джерома О'Хары были выдвинуты обвинения в пособничестве Мэдоффу и Дипаскали, осуществлявшим и намеренно скрывавшим мошеннические действия. Ни один из них виновным себя не признал. Сходные обвинения были выдвинуты конкурсным управляющим в суде по банкротствам против Бонджорно, Крупи, Бонвентре, Эрика Липкина, его отца и матери, а также постоянного арбитражного трейдера из фирмы Мэдоффа, Дэвида Кугела. Все обвинения были отвергнуты подозреваемыми.

В примечании указано, что Мэдофф без запинки дал все

необходимые разъяснения … – В частности, в памятной записке Комиссии (Kotz Report. Exhibit 114) в примечании 10 на с. 9 отмечено, что «Мэдофф хеджирует портфель A&B, главным образом приобретая ценные бумаги с долгосрочной перспективой (LEAPS), по сути являющиеся долгосрочными (сроком действия два года) опционами базисных активов или фондовых индексов. За период, рассмотренный сотрудниками (то есть с мая по октябрь 1992 г.), Мэдофф приобрел опционы пут (на продажу) акций S&P 100 и применил «короткую тактику против сейфа», чтобы гарантировать прибыль от трейдинга. «Короткая тактика против сейфа» (продажа без покрытия ценных бумаг, которыми инвестор уже владеет) – способ выжимания прибыли при текущей цене продажи без продажи собственно акций и, соответственно, без уплаты налога на прибыль с капитала.

«Я на самом деле проводил эти сделки…» – Первое интервью Мэдоффа.

«Шапиро, Пикауэр и Леви – все они перевели реальные деньги, новые деньги». – Там же.

«Я не дойная корова, и нечего меня доить». – Из показаний Фрэнка Авеллино 10 марта 1993 г. См.: SEC v. Avellino & Bienes, Frank J. Avellino and Michael S. Bienes (далее – 1992 SEC Case), filed as 92-cv-8314 (JES) in U. S. District Court for the Southern District of New York. P. 1.

«Я лично следил за бухгалтерией и делопроизводством в Avellino & Bienes…» – Там же. P. 2.

«Я не верю вашему клиенту…» – Выдержка из протокола допроса 1992 SEC Case, зачитанного окружному федеральному судье Джону Э. Спридзо 21 апреля 1993. P. 147.

Они отрицали, что были как-то к этому причастны … – Интервью Бинса для «Фронтлайн».

… совсем другой сценарий … – Picard v. A&B. P. 51.

… эти комиссионные, по слухам, стали называть «шупт»… – Там же. P. 55. В отдельном иске конкурсный управляющий выдвинет предположение, что Стивен Менделоу из Konigsberg Wolf тоже получал и гарантированные прибыли, и выплаты «schupt» за то, что направлял своих бывших инвесторов из Telfran обратно к Мэдоффу. См.: In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Steven B. Mendelow, et al. (далее – Picard v. Mendelow), filed as Adversary Proceeding No. 10–04283 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 25. В телефонном интервью в январе 2011 г. Стэнли Аркин, адвокат Менделоу, отверг эти предположения и сказал, что его клиент «был жертвой, среди многих других, и понятия не

имел, что Мэдофф организовал пирамиду».

Дипаскали, в свою очередь, якобы положился на двух программистов … – На февраль 2011 г. эти программисты, Джером О'Хара и Джордж Перес, отказались признать себя виновными и ожидали суда.

С. 175–176. *…« не мог действовать на виду у сотрудников…»* – Электронное письмо Мэдоффа от 27 декабря 2010 г. В письме Мэдофф настаивает, что переехать пришлось из-за «проблем, возникших на фоне развертывания преступной деятельности», тем самым вновь отрицая, что пирамида началась еще до расследования Комиссии. Более вероятно, что масштаб его махинаций был достаточно скромен, чтобы не привлекать внимания на восемнадцатом этаже до того момента, как вслед за действиями Комиссии против Avellino & Bienes число частных клиентских счетов резко возросло.

Идея, лежащая в основе хедж-фондов … – Как заметил один ученый, «высокая долговая нагрузка, компетентное управление, комиссионные по результатам работы и совершенная стратегия получения доходов – вот критерии этой отрасли. [Руководители хедж-фондов] разделяют убеждение в том, что рынки не вполне эффективны и что умелые менеджеры могут использовать наилучшую информацию, анализ и минимизацию торговых издержек для безусловного достижения доходов в любых рыночных условиях». *Verret, J . W* . Dr. Jones and the Raiders of Lost Capital: Hedge Fund Regulation. Part II. A Self-Regulation Proposal // Delaware Journal of Corporate Law, 32, No. 3 (2007).

Начало хедж-фондам положил … – *Loomis, Carol* . Personal Investing: The Jones Nobody Keeps Up With // Fortune. April 1966. P. 237.

Даже легендарный фонд Джонса … – *Loomis, Carol* . Hard Times Come to the Hedge Funds // Fortune. January 1970. P. 134.

… партнеры фонда Fairfield Greenwich «пороха не выдумают». – Kotz Report. Exhibit 104. P. 5.

Ноэл, родившийся в Нэшвилле и обучавшийся в университете Вандербилта… – Эти и другие подробности личной жизни, если не отмечено иного, взяты из его брачного объявления («Моника Хеглер выходит замуж за экономиста») в New York Times за 8 апреля 1962 г. Как во всех объявлениях на странице светской хроники, сообщение не проверено газетой.

Позднее он помогал разрабатывать международные операции по управлению частными финансами … – Официальная биография Уолтера Ноэла содержалась в рекламных материалах Fairfield Greenwich Group.

… четыре найдут мужей из влиятельных европейских и

латиноамериканских семейств . – Янко Делла Скьява – муж Лайзины Ноэл, сын видного итальянского фабриканта текстиля и деятеля индустрии моды, и его жены, редактора итальянской версии журнала Cosmopolitan. Филип Дж. Туб – муж Аликс, связанный родством с крупной транспортной компанией в Швейцарии, где он вырос. Андрес Пьедрахита – муж Корины, честолюбивый сын торговца драгоценными металлами из Боготы; учился в Бостоне. Ариана Ноэл вышла за Марко Соди, банкира-инвестора, уроженца Флоренции. Пятая дочь Ноэлов, Мариза, – единственная, принявшая предложение от земляка: она вышла за Мэтью Брауна, чей отец был в числе руководителей IBM, а мать недолгое время пробыла мэром калифорнийского города Сан-Марино. Эти подробности взяты из объявлений в New York Times о помолвках и свадьбах дочерей.

У Моники Ноэл имелись собственные связи с состоятельными семействами . – *Stewart, Kristina* . Golden in Greenwich // Vanity Fair. October 2002; *Medford, Sarah* . Easy in the Islands // Town & Country. May 2005. P. 207.

«Мустик – полная противоположность Палм-Бич» . – *Medford* .

… в 1998 году их доход, вероятно, составил более 45 млн долларов … – Предположение основано на сравнении суммы комиссионных за управление всеми активами Sentry, достигшими в 2002 г. 4 млрд долларов, – 87 млн долларов, согласно документам, предъявленным на процессах конкурсным управляющим, инвесторами фонда Sentry и фондовыми регуляторами из Массачусетса. Так как активы фонда Sentry в 1998 г. были чуть меньше 2 млрд долларов, резонно заключить, что и доход фирмы от комиссионных был примерно вдвое меньше, чем в 2002 г.

… между 2002 и 2008 годами фирма собрала почти 920 млн долларов. – См., напр.: Picard v. Fairfield Sentry Amended Complaint. P. 34.

Дж. Эзра Меркин был для тесного, братского мира еврейской филантропии … – *Fishman, Steve* . The Monster Mensch // New York. Mar. 2. 2009. P. 18. Фишман отмечает: «Эзра привел Bernard L. Madoff Investment Securities в такие места, куда сам Берни не мог и мечтать попасть. Список людей и фирм, которых Эзра Меркин свел с Берни Мэдоффом, напоминает справочник по еврейскому высшему свету. Среди них были и Морт Цукерман, магнат медиа и недвижимости, и Айра Реннерт, глава Синагоги Пятой авеню в Нью-Йорке и владелец прибрежного поместья на Лонг-Айленде площадью 27,5 га. Эзра финансировал свыше тридцати благотворительных учреждений, многие из них принадлежали еврейским общинам».

Один из них рассказал, как… происходил деловой ланч с Германом Меркином . – Конфиденциальное интервью с бывшим деловым партнером Мэдоффа.

… синагога превратилась в духовный дом множества богатых прихожан … – Сведения предоставлены автору репортером New York Times Элисон Ли Коуэн и основаны на ее пространном репортаже о роли Меркина в афере Мэдоффа.

…« ненасытную страсть к чтению»… – Fishman .

…« благочестивого, набожного и мудрого». – Feiden, Douglas . Famed for Piety, Jacob Merkin Put Faith and Funds in Bernie Madoff // New York Daily News. Jan. 18. 2009. В статье цитируется Рафи Вайсс, «отставной инвестор, который молился с Меркином в ортодоксальных синагогах Манхэттена и Лонг-Айленда». Эта же цитата приведена в: *Fishman* . P. 20.

… резко отстраняться от тех, кого он считал ниже себя по интеллекту. – Fishman . P 24.

После краткой юридической практики в элитной нью-йоркской фирме … – In re: J. Ezra Merkin and BDO Seidman (далее – NYLS v. Merkin), filed in U. S. District Court for the Southern District of New York as 08-Civ. – 10922 (DAB), p. 23 of the Amended Complaint. Идентичная хронология изложена в: The People of the State of New York, by Andrew M. Cuomo, Attorney General v. J. Ezra Merkin and Gabriel Capital Corp. (далее – Cuomo-Merkin Summons), filed as Index No. 450879/09 in Supreme Court of the State of New York, County of New York, on Apr. 6, 2009. P. 24. Иск основан на показаниях Меркина и других причастных лиц.

… но управлением инвестициями занимался куда меньше . – NYLS v. Merkin. P. 4, 12–18, 25–32. См. те же утверждения в: Cuomo-Merkin Summons. P. 29.

… почти единолично молодым человеком по имени Виктор Тайхер . – Cuomo-Merkin Summons. P. 26–27.

По словам Тайхера, после приговора… он продолжал консультировать оба фонда Меркина … – Там же.

… Меркин… начал подумывать о размещении части капиталов Gabriel и Ariel … – См. выдержки из: Deposition of J. Ezra Merkin on Jan. 30, 2009 (далее – Merkin Transcript). – Cuomo-Merkin Summons. Exhibit 1. P. 8.

…« простого доброго парня, эдакого хаима, совсем непохожего на моего отца ». – *Fishman* . P. 77.

Один из помощников Меркина позднее рассуждал … – Там же.

… Меркин будет доказывать в суде, что о связи с Мэдоффом было известно многим его инвесторам … – Cuomo-Merkin Summons, Opinion Denying Defendants' Motion to Dismiss by Justice Richard B. Lowe III (далее – Lowe MTD Opinion), Feb. 8, 2010. P. 11.

По словам Меркина, Мэдоффу его изначально представил собственный отец… – Merkin Transcript. P. 8.

… для его сына услышать добрые слова о Мэдоффе, очевидно, значило очень много. – Там же.

…« расписывал мне Мэдоффа, что да как он делает…» – Deposition of Victor Teicher, filed in Cuomo-Merkin Summons. P. 39–45.

О том же предостерегал Меркина и Джон Нэш… – *Arvedlund* . P. 252–253, 258–259.

Позднейшие судебные процессы подсчитают, что… Меркин получил около 170 млн долларов … – Lowe MTD Opinion. P. 3.

«О рынках мы не говорили» . – Заметки автора с семинара «Портфолио» (Portfolio) с участием Визеля.

«Все, кого мы знали, говорили, что мы сможем принести больше пользы…» – Там же.

Все знали: будущие члены клуба должны продемонстрировать … – Конфиденциальное интервью с одним человеком из Палм-Бич, знакомым с реестром и практикой членства в клубе с конца 1980-х годов. Этот человек говорил, что вступительный взнос в клуб в 1990–1991 гг. составлял 125 тыс. долларов и к 2010 г. вырос до 400 тыс. долларов. Если разницу в 275 тыс. долларов распределить равномерно на девятнадцать лет, получим, что взнос в 1996 г. должен был составлять 197,5 тыс. долларов.

7. Тревожные сигналы

… пространная статья журналиста Майкла Окрента … – Статья приводится в: *Markopolos* . P. 288.

… результаты, мягко говоря, «высоковаты» для стратегии … – Там же.

«…испытал куда большую волатильность и приносил куда меньшие доходы». – Там же. P. 289. Действительно, фонд Gateway с 1993 примерно до 1997 г. весьма близко повторял результаты фонда Fairfield Sentry. Затем, по мере того как Gateway стал более волатилен и менее прибылен, расхождение между ними увеличилось.

«Я не мог и мечтать о таких партнерах». – *Carroll, M., Lux, H. and Schack, J* . Trading Meets the Millennium // Institutional Investor. January 2000. P. 36–53.

«На рынке для эффективной стратегии важно точно рассчитать время и не ошибиться в выборе акций…» – Статья М. Окрента, цит. по: *Markopolos* . P. 289.

На следующей неделе столь же скептическое мнение … – *Arvedlund, Erin* . Don't Ask, Don't Tell // Barron's. May 7, 2001.

«Я подумал, что это обычная безответственная журналистика» . – Galvin Fairfield Greenwich Complaint, transcript

excerpts from interview with Jeffrey Tucker. Mar. 12, 2009. (Выдержки из расшифровки интервью Джеффри Такера также цит. в: Picard v. Fairfield Sentry, Amended Complaint. Exhibit 85.)

«Зайди сегодня после обеда». – По свидетельству Такера, Мэдофф распространил это приглашение и на Карло Гроссо, главу лондонских фондов Kingate, который был с визитом в Нью-Йорке.

… в центральной расчетно-клиринговой палате Уолл-стрит… – Расчетная палата, вначале называемая Depository Trust Company (Депозитарная трастовая компания) – DTC, позднее объединилась с особой расчетной палатой под названием National Securities Clearing Corporation (Национальная корпорация клиринговых расчетов по ценным бумагам), в совете директоров которой Мэдофф служил в конце 1980-х годов, и была переименована в Depository Trust & Clearing Corporation, или DTCC. Согласно официальной истории DTCC, обе расчетные палаты были «созданы в ответ на кризис в делопроизводстве, который в конце 1960-х – начале 1970-х годов проявился в индустрии ценных бумаг. В то время брокеры все еще обменивались бумажными сертификатами и чеками по каждой сделке, рассылая сотни курьеров, которые сновали по Уолл-стрит, вцепившись в сумки с ценными бумагами и чеками».

Впоследствии Такер поведал регуляторам о том судьбоносном визите … – Galvin Fairfield Greenwich Complaint, transcript excerpts from interview with Jeffrey Tucker. Mar. 12, 2009. P. 97–100.

… «отлично справилась с нашей работой». – Kotz Report. P. 89.

… Конгресс… расширил лазейку … – Прежде количество инвесторов в хедж-фонде не могло превышать 99 человек. Закон о совершенствовании национальных рынков ценных бумаг 1996 г. позволил таким частным партнерствам иметь неограниченное число инвесторов при условии, что каждый из них «квалифицированный покупатель» с инвестиционным активом минимум 5 млн долларов.

В отчете за 2001 год … – Счетная палата США выпустила три отчета и добилась слушаний в Конгрессе по вопросам кадрового обеспечения Комиссии по ценным бумагам и биржам: GAO-01–947, GAO-02–302, GAO-03–120 и GAO-02–662T. Однако эти меры не привели к ощутимому прогрессу в разрешении серьезных кадровых проблем Комиссии.

… между 1998 и 2000 годами Комиссию покинула треть персонала … – General Accounting Office. «Securities and Exchange Commission: Human Capital Challenges Require Management Attention». Report No. GAO-01–947. P. 1.

Маркополос проявил интерес к отдачам от инвестиций

Мэдоффа несколькими годами ранее … – Harry Markopolos. Testimony Before the House Committee on Financial Services (далее – Markopolos Testimony). Feb. 4, 2009. P. 5

… сын иммигранта – владельца греческого ресторана в Эри (штат Пенсильвания) … – Эти подробности личной жизни и карьеры взяты из *Markopolos* .

«Мы сошлись на полутора каратах». – Там же. P. 65–66.

«Гарри не всегда приятен в общении». – Kotz Report. Exhibit 18. P. 18–19.

… а мужчина до двадцати одного … – *Markopolos* . P. 161.

«Это все равно как если бы супербэттер… показывал почти стопроцентную результативность». – Markopolos Testimony. P. 9.

… в тот же период терпел убытки только четырнадцать месяцев … – Данные рейтингового агентства Morningstar за тот же период, который проанализирован в записке Маркополоса в Комиссию в 2000 г. (Kotz Report. Markopolos 2000 Submission. Exhibit 134), собраны по просьбе автора.

«И Гарри все говорил: вот, смотри, видишь, что получается?» – расшифровка беседы с Эдом Мэньеном в: Kotz Report. Exhibit 18. P. 24.

… заметили, что глаза Уорда остекленели … – Kotz Report. P. 64.

«Указанная отдача от инвестиций не может быть результатом открытой нетто-лонг позиции…» – Там же. Markopolos 2000 Submission. Exhibit 134. P. 2.

… согласно официальному заключению, это тоже неправда . – Kotz Report. P. 67: «Основываясь на показаниях Хуана Марселино [в то время глава регионального отделения Комиссии по биржам и ценным бумагам в Бостоне] и на подтверждающем их заявлении [предшественника Уорда – Джима] Эделмана, показания Уорда службе генерального инспектора Комиссии не заслуживают доверия в части следующих пунктов: 1) помнит ли он встречу с Маркополосом или слухи о проблемах с хедж-фондом Мэдоффа в 2000 г.; 2) сути его беседы 4 февраля 2000 г. с Марселино. Соответственно, служба генерального инспектора, основываясь на большинстве свидетельств, заключает, что Уорд встречался с Марселино в 2000 г. и говорил Мэньену, что передал жалобу на рассмотрение в нью-йоркский офис Комиссии, хотя он этого не сделал».

«Эти цифры уж больно хороши, чтобы быть правдой» . – Kotz Report. P. 67.

«Не думаю, что мы должны и дальше заниматься этим». – Там же. P. 27.

«Мне кажется, по этому документу я должна была бы с кем-

нибудь проконсультироваться». – Там же. P. 72–73.

За фондом хедж-фондов стояла та же идея … – Фонды хедж-фондов, которые были открыто зарегистрированы в качестве взаимных фондов, появились на международном рынке никак не позднее 1990 г., когда их, согласно данным Van Hedge Fund Advisors International, было около пятидесяти. К августу 2005 г., по оценке этой консультационной фирмы, таких фондов было три тысячи и они составили около 40 % активов всей индустрии.

«Фонды хедж-фондов вызывали особую тревогу…» – William H. Donaldson. Testimony Concerning Investor Protection Implications of Hedge Funds. U. S. Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. Apr. 10, 2003.

… все больше американцев передавали свои «самоуправляемые» IRA в руки Берни Мэдоффа . – *Henriques, Diana B .* Questions for a Custodian After Scams Hit IRAs // New York Times. July 24, 2009.

… небольшую фирму Retirement Accounts Inc. … – В 2008 г. подразделение, занимавшееся самоуправляемыми индивидуальными пенсионными счетами, отделилось от Fiserv, после чего услуги по самоуправляемым счетам перешли в руки частной компании, основанной бывшим президентом подразделения. Сам же он перешел в TD Ameritrade. В 2009 г. Fiserv от имени клиентов обвинили в «пособничестве» афере Мэдоффа.

К 2008 году она занималась примерно восемьюстами самоуправляемыми пенсионными счетами … – См.: *Henriques .* Три другие фирмы, обвиненные в пособничестве финансовой пирамиде, направляли своих инвесторов, держателей индивидуальных пенсионных счетов, в консультационные службы Fiserv. Изъяны регулирования и непоследовательные судебные решения в части обязанностей финансово-консалтинговых фирм сделали судебную перспективу абсолютно неясной. Судебное разбирательство, вызванное делом Мэдоффа, вероятно, прояснит меру их ответственности.

… более десяти лет они поддерживали отношения . – Cuomo v. Ivy. P. 12.

Некоторые новые партнерства с ограниченной ответственностью формировались единственно для инвестиций в Мэдоффа … – Там же. P. 1–4.

… к 1991 году до некоторых управляющих Ivy дошли тревожные слухи … – Эти и последующие подробности взяты из различных частей дела Cuomo v. Ivy, где приводятся электронные и обычные письма того времени из архивов Ivy.

…« компенсацией за использование их денег»… – Cuomo v. Ivy. P. 23.

Руководитель Ivy изложил беседу с ним в записке для служебного пользования . – Там же. P. 36.

«…Вы упускаете еще одну возможность – что он мошенник» . – Там же. P. 42. Решение по делу Ivy еще не вынесено, но автор записки, партнер-основатель фирмы, давший в суде официальные показания, отказывается признать свою вину и отрицает, что подозревал Мэдоффа в возведении финансовой пирамиды. См.: Cuomo v. Ivy. Answer and Affirmative Defenses of Howard Wohl. Aug. 28, 2010.

В начале 1970-х… она разработала методику измерения производительности фондов . – Официальная биография Сандры Манцке в проспекте фонда Maxam; *Newton, Greg* . A Talented Talent Scout // Barron's. Aug. 2. 2006.

… таких легендарных в будущем фондовых управляющих, как Питер Линч, Фред Элджер и Марио Габелли . – *Newton* .

Это подтверждается и признаниями самого Мэдоффа . – Первое интервью Мэдоффа.

…(в 2003 г. это стало темой публичного форума) … – Расшифровку записи этого форума, проведенного в Вашингтоне, округ Колумбия, 14–15 мая 2003 г. (далее – Вашингтонский форум по хедж-фондам), см. на веб-сайте Комиссии по ценным бумагам и биржам; на февраль 2001 г. она находилась по адресу: www.sec.gov/spotlight/hedgefunds/hedge2trans.txt.

«От управляющих очень трудно получить ответы…» – Там же.

… и предостерегли их клиентов . – *Lynch, Kevin; Colfer, Charles; Kukla, Tomas* . Flash: Rogerscasey's Buy-Rated Hedge Fund Managers Have No Exposure to Madoff Investment Securities LLC / Rogerscasey Inc. internal publication. December 2008.

Оценка… сводилась к рекомендации «продавать» . – Эти предупреждения вкладчикам были опубликованы, когда шли судебные процессы по искам, поданным жертвами Мэдоффа в Колорадо против подразделений Fiserv, которые предоставляли кастодиальные услуги по более чем восьмистам индивидуальным пенсионным накопительным счетам, инвестированным в Мэдоффа.

«Предпринимательские риски Мэдоффа чреваты катастрофой» . – *Lynch, Colfer, and Kukla* . P. 2.

… общая сумма его инвестиций в Мэдоффа составила около 620 млн долларов … – *Henriques, Diana B* . Deal Recovers $7.2 Billion for Madoff Fraud Victims // New York Times. Dec. 17, 2010.

… прототипом Гордона Гекко, персонажа фильма Оливера Стоуна «Уолл-стрит», снятого в 1987 году. – *Stewart, James B* . Den of Thieves. New York: Simon & Schuster, 1991. P. 202–203. Стюарт заметил, что Рейд Негл, помощник Боски, «понятия не

имел, откуда взялись деньги Пикауэра. Он занимал непримечательный офис в безымянном манхэттенском небоскребе».

… трейдинговый счет Пикауэра у Goldman Sachs… – *Henriques* . Deal Recovers $7.2 Billion; а также заметки, предоставленные автору Питером Латтманом.

…супруги Пикауэр в 1996 году изъяли со счетов у Мэдоффа 390 млн долларов … – *Bernstein, Jake* . Madoff Client Jeffry Picower Netted $5 Billion – Likely More Than Madoff Himself. – ProPublica.org. June 23, 2009 (и последующие обновления); графическое сопровождение: *Nguyen; Bernstein* . Chart: The PicowerMadoff Transfers, from 1995–2008.

… в посмертно изданных записках под названием «Лейкемия для неопытных»… – *Madoff, Roger* . Leukemia for Chickens: One Wimp's Tale About Living Through Cancer. New York: privately published, 2007.

Психолог-консультант больницы с волнением вспоминал … – Там же. P. 273–274. Сцену, происходившую за два дня до смерти Роджера, описал консультант Ларри Дич из медицинского колледжа Альберта Эйнштейна: «Я шел длинными коридорами туда, где лежал Роджер. Сквозь стеклянную дверь его палаты я увидел человека, втирающего мазь в ноги Роджера… Это был отец Роджера, человек, широко известный на Уолл-стрит. Извинившись за то, что не подает мне руку, он встал, чтобы мы могли побыть одни. Видно было, что он отдал бы все на свете, лишь бы сохранить сына».

… списали его со счетов и предупредили своих клиентов держаться от него подальше … – В ходе судебного разбирательства против одного из фидер-фондов Мэдоффа конкурсный управляющий заметил: «Основываясь на всех вышеизложенных фактах, многие банки, финансовые консультанты и инсайдеры, которые пытались провести проверку соответствия букве закона, напрямую отказались иметь дело с BLMIS и Мэдоффом, так как имели серьезные опасения относительно законности деловых операций его [инвестиционно-консалтингового] бизнеса. Насколько известно, среди упомянутых структур были Société Générale, Goldman Sachs, CitiGroup, Morgan Stanley, Merrill Lynch, Bear Stearns и Credit Suisse». In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Thybo Asset Management Ltd. (далее – Picard v. Thybo), filed as Adversary Proceeding No. 09–01365 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 18.

8. Почти летальный исход

«Что вы ищете?» – Kotz Report. Эти подробности извлечены из расшифровок разговора Котца с Лэмором (Exhibit 48) и Остроу (Exhibits 36, 37), а также из отчета о его беседе с Мэдоффом (Exhibit 104) и из конфиденциальных интервью с людьми, хорошо знакомыми с работой Комиссии по ценным бумагам и биржам. Прямые цитаты, использованные в этом отрывке, – фразы из официальных расшифровок участников разговора.

… настаивал, чтобы они не вступали в контакт ни с кем из персонала . – Kotz Report. Ostrow Transcript. Exhibit 36. P. 22, 34.

С. 228–229. *Фрэнк Дипаскали с семнадцатого этажа был занят* … – Securities and Exchange Commission v. Frank DiPascali Jr. (далее – SEC v. DiPascali), filed as 09-cv-7085. U. S. District Court in the Southern District of New York on Aug. 11, 2009. P. 16; DiPascali Criminal Information. P. 14–15.

Восемнадцатого декабря 2003 года, когда Берни Мэдофф шел по вестибюлю «Помады»… – Kotz Report. Exhibit 104 (Madoff Interview). P. 3.

«Берни, это Лори». – Согласно отчету Котца, Ричардс признала, что позвонила Мэдоффу перед проверкой, и подтвердила, что разговор мог происходить примерно так, как его изложил Мэдофф, но не смогла воспроизвести диалог в точности. См.: Kotz Report. P. 87.

Документы об этой инспекции убрали в коробки и благополучно о них забыли . – Kotz Report. P. 136–137.

Против Лэмора он ничего не имел … – Kotz Report. Exhibit 104 (Madoff Interview). P. 1–3, 6.

Остроу и Лэмор пытались успокоить Мэдоффа . – Электронное письмо от 20 апреля 2005 г. – Kotz Report. Exhibit 233.

… запоздалая реакция на ряд электронных писем … – Kotz Report. P. 145.

… опосредованно участвовал в инвестициях Мэдоффа через свой хедж-фонд Meritor . – Meritor вошел в своп на совокупный доход с другой стороной, которая обещала фонду Meritor платежи на основе процентной ставки, равной производительности одного из хедж-фондов, связанных с Мэдоффом. См.: Kotz Report. P. 145.

Электронные письма Renaissance, написанные в конце 2003 года … – Внутренняя электронная переписка руководства *Renaissance* . См.: Kotz Report. Exhibits 211–213.

«Прежде всего мы обратились к трейдеру, который раньше работал у Мэдоффа». – Там же. Exhibit 211.

…на совещании, « где немного поболтали о Мэдоффе»… – Там же. Exhibit 215. P. 2.

«Нас считают умниками…» – Там же. P. 151.

… в мае 2003 года один управляющий хедж-фондом … – Там же. P. 77–78.

… запрос так и не послали . – Там же. P. 97–98.

«Опережение. Вы же ищете опережение?» – Интервью с Лэмором, см.: Там же. Lamore Transcript. Exhibit 48. P. 77.

…только ободрила всех, кто считал, что хорошо знает Берни . – Конфиденциальные интервью с людьми, знакомыми с операциями трейдингового отдела Мэдоффа.

…« вероятность того, что Мэдофф использует…» – Kotz Report. P. 131.

… хотя потом, когда на частных судебных процессах их обвиняли в соучастии, они с негодованием отрицали такую возможность . – Это обвинение, звучавшее на многих судебных процессах против различных фидер-фондов, основано на показаниях Эдварда Сидли: Affidavit of Edward H. Siedle, filed Mar. 26, 2009, in Retirement Program for Employees of the Town of Fairfield, et al. v. Bernard L. Madoff; Tremont Partners, Inc., et al. (далее – Town of Fairfield Complaint), filed in Connecticut State Superior Court, Judicial District of Fairfield at Bridgeport. P. 6. Эдвард Сидли (Siedle) – финансовый консультант, которого истцы предложили в качестве эксперта-свидетеля по делу.

… один управляющий инвестициями из Италии говорил, что слова «рыночная информация», «сбор сведений о рынке» были эвфемизмом … – Конфиденциальное интервью.

…« снимает сливки», а это незаконная деятельность … – Kotz Report. P. 146.

Начальник не проинформировал об этом ответе Лэмора и Остроу … – Там же. P. 189–190.

«Мы совершаем массу трейдинговых операций от лица брокерских фирм и учреждений … » – Там же. Exhibit 104. P. 2; 244–245.

Это известие поразило инспекторов … – Там же. Exhibit 36. P. 24.

… Комиссия – организация большая … – Там же. Exhibit 104. P. 4.

… наберется не менее пятнадцати юридических лиц … – Kotz Report. Exhibit 245. В приобщенном к докладу электронном письме Лэмор пишет коллегам: «Берни сознаётся». Его начальника, как выяснится впоследствии, не обеспокоило, что Мэдофф явно лжет: «…в чужую голову не залезешь, поди знай, отчего человек сказал то, а не это». – Там же. P. 194–195.

Но эту модель прекратили использовать около года назад … – Kotz Report. Exhibit 104. P. 4.

… все выяснили еще в 2003 году. – Kotz Report. Exhibit 48. P. 103.

«…возможно, вы располагаете информацией… которую могли бы переслать нам». – Kotz Report. Exhibit 247. P. 2.

Коробки были сложены в коридоре, ведущем в архив . – Kotz Report. P. 136.

… даже не стали составлять отчет . – Там же. P. 137.

… заявил обоим инспекторам, что им пора закругляться … – Там же. P. 222–223.

Она надеялась, что некоторые из ее клиентов покинут Tremont … – Newton .

… погашениями на 175 млн долларов в апреле, еще на 85 млн долларов в июле и на 30 млн долларов в начале сентября . – Fairfield Greenwich Group: Firm Profile. P. 13–14. Этот конфиденциальный материал от 15 ноября 2007 г., очевидно, готовился партнерами с целью найти для фирмы покупателя или нового крупного инвестора (далее – FGG 2007 Profile).

… не готовы смириться с прибылями ниже 7 % годовых . – Там же.

Bayou Group основал в середине 1990-х годов … – Письмо Сэмюэла Исраэла III судье окружного суда Колину Макмахону от 9 апреля 2007 г. С. 1.

… активы в сумме достигали 411 млн долларов … – *Morgenson, G., Anderson, J., Fabrikant, G. and Atlas, R. D .* What Really Happened at Bayou // New York Times. Sept. 17, 2005.

В середине августа усомнившийся инвестор приехал в офис Bayou … – Там же.

… обвинили в создании финансовой пирамиды в 400 млн долларов . – *Morgenson, Gretchen .* U. S. Sues Bayou; Fraud Cited // New York Times. Sept. 2, 2005.

Впоследствии аферисты признают себя виновными … – Оба они, Сэмюэл Исраэл и его финансовый директор Дэниел Марино, в ответ на выдвинутые обвинения признали себя виновными и были приговорены окружным судом Южного округа Нью-Йорка к двадцати годам тюрьмы (каждый). Case No. 1:05-cr-01036-CM-1, U. S. District Court, Southern District of New York.

Одним из его последних звонков со смертного ложа … – Конфиденциальное интервью с давним другом семьи Леви.

«Берни Мэдофф… верьте Берни Мэдоффу» . – Из расшифровки выпуска передачи «Деньги на завтрак» (Money for Breakfast) от 9 января 2009 г.: «Быки и медведи» – интервью с Френсисом Леви на телеканале Fox Business News.

Он назначил Мэдоффа своим душеприказчиком … – SIPC v. Bernard L. Madof f Investment Securities, Debtor; In re: Bernard L. Madoff, Debtor (далее – Main Madoff Liquidation), case number 08–01789-BRL in U. S. Bankruptcy Court, Southern District of New York, "Motion for Entry of Order Pursuant to Section 105 (a) of the Bankruptcy Code and Rules 2002 and 9019 of the Federal Rules of Bankruptcy Procedure Approving an Agreement by and Among the Trustee and Jeanne Levy-Church and Francis N. Levy," dated Jan. 27, 2010. P. 4.

… некоторые из числа пострадавших от аферы Вауои вложили деньги и в Мэдоффа … – Эта взаимосвязь определена и задокументирована автором посредством сравнения документов по делу Мэдоффа с претензиями инвесторов в деле о банкротстве Bayou Group LLC: Case No. 06–22306 (ASH), U. S. Bankruptcy Court in the Southern District of New York.

… институциональные клиенты Fairfield Greenwich после скандала с Вауои прислали в фирму электронные письма … – Picard v. Fairfield Sentry, Amended Complaint. P. 100–102; упомянутую электронную переписку см.: Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit 18.

… вложили бóльшую часть своих денег (если не все деньги) в Берни Мэдоффа . – Transcript: Plea Hearing in U.S.A. v. David Friehling (далее – Friehling Plea Transcript), filed as Case No. 09-cr-700 (AKH), U. S. District Court, Southern District of New York. Nov. 3, 2009. P. 34–35.

…« мы бы усомнились в безвестной аудиторской фирме, обслуживавшей Вауои ». – Picard v. Fairfield Sentry, Amended Complaint. Exhibit 56: «Fairfield Greenwich Group Investment Team Presentation, November 2, 2005». P. 15.

…« 250 часов на одногодичный цикл»… – Памятная записка Джонатана Кларка от июля 2006 г. в приложении к делу: In re: Optimal Strategic U. S. Equity Fund Securities Litigation, Multi-District Case No. 2073, U. S. District Court, Southern District of Florida. P. 6–7.

«Дэвид, кажется, искренне удивился, услышав, что Madoff Securities характеризуется как скрытная фирма». – Там же.

… для этой роли Дипаскали натаскивал … – U.S.A. v. Daniel Bonventre, Sealed Complaint, sworn by Special Agent Keith D. Kelly

before Magistrate Judge Theodore H. Katz and filed as Case No. 10-MAG-385 on Feb. 24, 2010. P. 22. Иск, послуживший основанием для ордера на арест по этому делу, через месяц был заменен официальным обвинением, в котором дело Бонвентре было объединено с уже находящимися на рассмотрении делами двух других сотрудников Мэдоффа, Джерома О'Хары и Джорджа Переса. Бонвентре отверг все выдвинутые против него обвинения.

… *специально разработанного программного обеспечения, обслуживающего финансовую пирамиду* … – О существовании этих компьютерных программ и об их использовании для обмана регуляторов, бухгалтеров и инвесторов никаких юридических споров не велось. Спор шел только о том, кто их создал и зачем. Дипаскали признал, что заказывал их создание и ввод в эксплуатацию. Два программиста, которых он обвинил в создании этих программ, Джером О'Хара и Джордж Перес, отказались признать за собой какое-либо правонарушение и потребовали суда присяжных. Подробности выдвинутого против них обвинения содержатся в гражданском иске: SEC v. Jerome O'Hara and George Perez (далее – SEC v. O'Hara and Perez), filed in U. S. District Court for the Southern District of New York. Nov. 13, 2009. Эти подробности связаны с уголовным обвинением против Переса и О'Хары, оглашенным в тот же день. Обвинительный акт с добавлением Дэниела Бонвентре в качестве обвиняемого был предъявлен 24 мая 2010 г. Бонвентре также отказался признать вину и потребовал суда присяжных.

Среди программ были такие, которые генерировали случайные числа… – SEC v. O'Hara and Perez.

… *остаток «смазочного фонда» Мэдоффа* … – U.S.A. v. Daniel Bonventre, Jerome O'Hara and George Perez (далее – First Superseding Bonventre Indictment), filed on Mar. 24, 2010, as S1–10-cr-228 (LTS), U. S. District Court, Southern District of New York. P. 29.

… *отдел собственных торговых операций* … – In re: Bernard L. Madoff, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities LLC. v. Peter B. Madoff, Mark D. Madoff, Andrew H. Madoff and Shana D. Madoff (hereafter Picard v. Madoff Family), filed as Adversary Proceeding No. 09–01503 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court, Southern District of New York, «Declaration of Martin Flumenbaum in Support of Mark and Andrew Madoff 's Reply Memorandum of Law in Further Support of Their Motion to Dismiss», Exhibit A: Memorandum by Lazard Freres & Co., dated Dec. 23, 2008. P. 1.

В последующем уголовном обвинении утверждалось … – Бонвентре был арестован по уголовному обвинению

прокуратурой Южного округа Нью-Йорка 25 февраля 2010 г., через три месяца после предъявления обвинительного акта двум программистам, которые предположительно помогали Дипаскали составлять фиктивную документацию для аферы. Официальные обвинения против Бонвентре см.: First Superseding Bonventre Indictment. P. 28–30.

Обвинители и регуляторы в лице представителей Комиссии по ценным бумагам … – Комиссия по ценным бумагам и биржам в день ареста Бонвентре выдвинула против него сопутствующее гражданское обвинение в мошенничестве, в котором представлены дополнительные подробности о его предполагаемой роли в финансовой пирамиде: SEC v. Daniel Bonventre (далее – SEC v. Bonventre), in U. S. District Court, Southern District of New York.

… чтобы деньги выглядели как законные прибыли … – Там же. P. 14.

… были сделаны фальшивые бухгалтерские проводки … – Там же. P. 2.

…« Крупнейший в мире хедж-фонд – афера» . – Kotz Report. Exhibit 268. P. 1.

«В мире очень немногие обладают математической подготовкой, необходимой … » – Там же.

Встреча их впечатлила… – Kotz Report. P. 240.

… расследование должно было вести нью-йоркское отделение . – Kotz Report. P. 242.

«Информатор полагает, что Мэдофф, скорее всего, строит гигантскую финансовую пирамиду … » – Там же. P. 243.

У ведущего следователя практически никакого опыта не было… – Там же. P. 245–246.

… она была «беспомощна из-за недостатка средств и кадров»… – Там же. Exhibit 281. P. 4.

«*… она считала, что он ведет себя высокомерно…»* — Kotz Report. P. 250–251.

… она «вроде как обиделась» . – Там же. P. 241. Note 174. В заявлении от имени Чун ее адвокаты заявили Котцу, что, хотя неудача с раскрытием преступления Мэдоффа – «это бремя, которое г-жа Чун несет ежедневно и будет нести всегда», она с коллегами провела «важное и добросовестное расследование», которое полностью «отвечало нормам Комиссии, ее политике и практике». Адвокаты опротестовали прозвучавшее по адресу Чун обвинение «в том, что эта неудача, по-видимому, является системным провалом». См.: Там же. Exhibit 281. P. 1–2.

… он обратился к Джону Уилку из вашингтонского бюро The Wall Street Journal . – Markopolos . P. 152.

… писал о коррумпированных конгрессменах и компаниях… – *Holley, Joe* . John Wilke, 54: Acclaimed Investigative Reporter // Washington Post. May 4, 2009.

… кое-кто из союзников Маркополоса посоветовал ему … – Среди электронных писем, которые Маркополос представил в качестве части его свидетельства на слушаниях Конгресса в 2009 г., было несколько писем, в которых друзья настоятельно советовали ему обратиться к другим журналистам.

… Маркополос хотел иметь дело только с Уилком . – *Markopolos* . P. 154.

… некто из самой верхушки The Wall Street Journal решил … – Там же.

… категорически заявляли, что за решением Уилка в 2006 году не расследовать дело Мэдоффа … – *Strupp, Joe* . Former 'WSJ' Editor Does Not Recall Madoff Tip. – Market Rap blog. Feb. 5, 2009. См. также: *Tofel, Richard J* . Bookshelf: Shadowing a Swindler // Wall Street Journal. Mar. 8, 2010.

… расследовали « в принципе те же вопросы» … – Kotz Report. P. 255.

«Я думаю, что он обычный дилетант, охотник за компроматом … » – Там же. P. 256.

«Конечно, какая-то загадка в действиях Мэдоффа все же есть»… – Там же.

Этому не могло быть, кажется, иного объяснения … – Там же. P. 271–272.

…не было « реальной причины подозревать его в каком-либо правонарушении». – Там же. P. 292.

… (после того, как Комиссия позволила ему… проконсультироваться с Мэдоффом) … – Беседа, которая состоялась у свидетеля с Мэдоффом, стала сенсацией, когда часть ее расшифровки в качестве Приложения 1 вошла в материалы иска Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Согласно расшифровке, Мэдофф начал разговор с того, что заявил главному юрисконсульту Fairfield Greenwich Марку Маккифри: «Прежде всего, этого разговора никогда не было, Марк, договорились?» (см.: Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit 1. P. 30). Юристы Fairfield Greenwich на это заявили, что звонок, как бы Мэдофф теперь его ни интерпретировал, был сделан с разрешения Комиссии по ценным бумагам и биржам, и о его содержании Комиссия была тотчас уведомлена.

… воспользовался гособлигациями со счета Карла Шапиро на 54 млн долларов … – SEC v. Bonventre. P. 18–19.

30 января 2006 года следователи опросили Джеффри Такера … – Kotz Report. P. 293.

Через два дня они послали в Tremont Partners письмо … – Там же. P. 269. Note 189.

… Мэдофф… выдал шестистраничный список финансовых организаций … – Список включал собственную фирму Мэдоффа, DTCC, Bank of New York, Barclays Capital of London; сорок два заграничных брокера-дилера – тридцать шесть в Великобритании, два в Ирландии, по одному в Бельгии, Германии, Нидерландах и Испании, двенадцать контрагентов по опционным сделкам, в том числе UBS и другие швейцарские финансовые учреждения, Royal Bank of Scotland (RBS), лондонский Bank of Bermuda, четыре финансовых учреждения в Германии и по одному в Австрии, Франции, Нидерландах и Испании. См.: Kotz Report. Exhibit 334.

9. Мир Мэдоффа

… почти 20 % активов . – FGG 2007 Profile. P. 13.

… весной 2006 года опустошили свои счета у Мэдоффа … – SEC v. Bonventre. P. 22. Все трое отвергли обвинения прокуратуры в том, что эти изъятия отражали их осведомленность о финансовой пирамиде.

Они по старой привычке как ни в чем не бывало запускали руку в домашнюю копилку Берни … – Там же. P. 17. Комиссия по ценным бумагам и биржам подсчитала, что между 2001 и 2008 годами Мэдофф оформил на членов своей семьи займов на сумму 50 млн долларов.

… решили отложить отсылку писем … – Kotz Report. P. 304.

… в этот день Мэдофф вообще не совершал сделок с опционами . – Там же. P. 307–308.

… не хватило воображения представить себе обман такого масштаба . – Профессор-историк, прочтя один из первых черновых вариантов этой книги, заметил, что реакции Комиссии в деле Мэдоффа напоминали реакцию лидеров США в годы, приведшие к Перл-Харбору, на сообщения о том, что японцы планируют атаковать Гавайи с воздуха. С учетом неравенства военной и экономической мощи двух наций такие сообщения казались слишком неправдоподобными, чтобы воспринимать их всерьез, – если только не судить задним числом.

«Если бы я говорил с нейрохирургом…» – Выдержки из расшифровки беседы см.: Kotz Report. Exhibit 267. P. 47.

«За опционами все идут на внебиржевой рынок…» – Там же. P. 64–65.

«Мне бы хотелось пройтись по списку … » – Там же. P. 88–89.

«Я думал, это конец» . – Kotz Report. Exhibit 104. P. 3–4.

…« если ищешь финансовую пирамиду … » – Там же. P. 3.

«Помните ли вы, как первого января две тысячи четвертого года говорили Питеру … » – Kotz Report. Exhibit 267. P. 103–105.

Лэмор был в ярости . – Kotz Report. Exhibit 48. P. 182.

«Я был потрясен…» – Там же. P. 250.

« *…лгать или вводить в заблуждение – для меня одно, а афера, финансовая пирамида – другое…»* – Там же. P. 184.

… несмотря на открывшуюся ложь, свидетельств мошенничества нет . – Kotz Report. Exhibit 390. Постановление о закрытии дела, содержащее этот вывод, было составлено еще в январе 2007 г., но автор документа, Симона Су, ушла в отпуск по беременности и родам, и в ее отсутствие дело официально закрыто не было. Когда она вновь вернулась на службу, завершение дела было еще на некоторое время отсрочено в связи с анонимным сигналом (небезосновательным), согласно которому Мэдофф незаконно распоряжался средствами Нормана Леви; Мэдофф опроверг подозрение на том основании, что он не управляет деньгами Леви, и по данному обвинению расследование не проводилось.

Наглядным примером служат европейские операции с ценными бумагами . – Для иллюстрации роста мирового рынка хедж-фондов достаточно привести пример популярных транснациональных фондов UCITS, акроним Undertakings for Collective Investments in Transferable Securities (Соглашение о коллективных инвестициях в обращающиеся ценные бумаги). Продажи инструментов UCITS – наилучшее сравнение с фондами, которые обслуживал Мэдофф, – в первые девять месяцев 2006 г. выросли на 25 % по сравнению с тем же периодом 2005 г.

«Стоило мне только заикнуться, что я хочу продавать…» – Конфиденциальное интервью.

Соня Блау … – В иске, поданном конкурсным управляющим Мэдоффа в декабре 2010 г., говорится, что она была известна под двумя девичьими фамилиями: Соня Блау и Соня Турк. Последнее имя также упомянуто в: *Shaviv, Miriam* . Could This Frum Lady Be Madoff's $40m Agent? // Jewish Chronicle. July 9, 2009; *Simonian, Haig and Frey, Eric* . Profile: Bank Medici's Sonja Kohn // Financial Times. Jan. 7, 2009. Имя матери Кон, которой конкурсный управляющий также предъявил обвинение, – Нетти Блау.

С. 268 … *заправляли бизнесом по импорту с отделениями в Милане и в Цюрихе…* – Picard v. Kohn. P. 61.

… к 1985 году Соня Кон получила лицензию брокера . – Данные Центрального регистрационного депозитария (SRD-FINRA) на Соню Кон.

… улаживая разные споры, фирма уплатила более 125 тыс. долларов . – Там же.

… ее представили Мэдоффу … – Picard v. Kohn. P. 62. Конкурсный управляющий утверждал, что за годы после этого

знакомства Мэдофф выплатил Cohmad «минимум 526 000 долларов».

… посоветовал поговорить с энергичной австриячкой … – Конфиденциальные интервью.

… работающий с лучшими инвестиционными управляющими Европы . – *Arvedlund* ; корпоративная отчетность секретариата канцелярии штата Нью-Йорк.

… оно чаще возникало в связи с Eurovaleur … – Интервью с Элинор Скиллари.

… Infovaleur была «обманкой»… – Picard v. Kohn. P. 23.

…« за чаем в лондонских отелях Ritz или Claridge's». – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Leon Flax, et al. (далее – Picard v. Flax), filed as Adversary Proceeding No. 10–05267 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 19–20. Одним из тех директоров и руководителей дочерней компании Мэдоффа в Лондоне, против которых Пикард выдвинул иск в британском суде, был Леон Флакс. На момент выхода этой книги в печать не зарегистрировано ни одной явки Флакса в суд по банкротствам и ни одного ответа на претензии конкурсного управляющего.

Кон через своих адвокатов упорно повторяла одно и то же… – *Crawford, David* . Madoff Kickbacks Alleged in Austria // Wall Street Journal. July 3, 2009; телефонный разговор 12 декабря 2010 г. с венским адвокатом Кон Андреасом Тайссом.

… представила Мэдоффа наследнику греческой пивоваренной империи Чарлзу Фиксу … – *Theodoracopulos, Taki* . Madoff's Make Away. – Taki's Magazine (интернет-публикация от 12 января 2009 г. на сайте www.takimag.com). Теодоракопулос был клиентом-инвестором и приятелем Чарлза Фикса.

…« австриячка с Уолл-стрит» . – *Schwartz, Nelson D. and Werdigier, Julia.* Austria's 'Woman on Wall St.' and Madoff // New York Times. Jan. 7, 2009.

… до кругов европейской банковской аристократии . – Корпоративная родословная Creditanstalt, в отличие от принадлежавшего Кон банка-бутика Medici, действительно включала легендарную итальянскую семью банкиров Медичи.

… фонда Herald, который заработал в апреле 2004 года. – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Herald Fund SPC, et al. (далее – Picard v. Herald Fund), filed as Adversary Proceeding No. 09–01359 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 10.

… во время его денежного кризиса 2005 года ни один не

прислал ему денег больше, чем Herald . – Онлайновая публикация от 8 апреля 2009 г.: *Clauss, Pierre; Roncalli, Thierry; Weisang, Guillaume* . Risk Management Lessons from Madoff Fraud. Электронная копия исследования находится по адресу: www.ssrn.com/abstract=1358086.

… Herald перекачает в руки Мэдоффа более 1,5 млрд долларов … – Picard v. Herald Fund. P. 10.

… Литтэ сам настоял, чтобы сделки Access с Мэдоффом шли исключительно через него . – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. UBS AG, et al. (далее – Picard v. UBS), filed as Adversary Proceeding No. 10–04283 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 53.

… связывались через руководителя французского банка … – *Masse - Stamberger, Benjamin* . Revelations: Affair Madoff: Le rapport secret qui accuse JPMorgan // L'Express. Oct. 7, 2010.

… познакомился с Мэдоффом в 1985 году … – *Katz, Alan* . Madoff Investor Awaits 'Imbecile' or 'Dupe' Verdict (Update 1). – Bloomberg news service. Jan. 5, 2009.

… европейские связи Литтэ произвели впечатление на Мэдоффа . – *Katz, Alan* . Madoff Investor's Suicide Was an 'Act of Honor', Brother Says. – Bloomberg news service. Jan. 2, 2009.

… прекрасную усадьбу на северном побережье Франции, неподалеку от Сен-Мало … – Там же.

…один из руководителей Access подтвердил странный факт … – Подробности этого эпизода 2006 г. взяты из: Picard v. UBS. P. 55–57. Согласно этому иску, мнение основывалось на внутренней документации, затребованной от Access International конкурсным управляющим посредством судебной повестки, а также опросом под присягой сотрудника Access по имени Теодор Дамболд и независимого аналитика Криса Катлера, основателя Manager Analysis Services LLC.

«Я сделал все от меня зависящее, чтобы в вежливой, но бескомпромиссной манере заронить сомнение» . – Описание попытки Катлера и реакции Литтэ взято из электронной переписки Дамболда и Катлера, цит. по: Picard v. UBS. P. 57.

… небольшие инвестиции некоего транснационального банка развития в Центральной Африке … – Auditors' General Report. Central African States Development Bank (CASDB). Year ended December 31, 2008. P. 73.

…« донорские» фонды для Мэдоффа, расположенные на Каймановых островах . – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Harley International

(Cayman) Limited (далее – Picard v. Harley), filed as Adversary Proceeding No. 09–01187 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 11.

… новой наличности для Мэдоффа на общую сумму в 4,5 млрд долларов … – Picard v. Fairfield Sentry, Original Complaint. P. 13.

… из богатых анклавов Центральной и Южной Америки в общей сложности не менее полутора миллиардов долларов . – Main Madoff Liquidation: «Motion for Entry of Order Pursuant to Section 105 (a) of the Bankruptcy Code and Rules 2002 and 9019 of the Federal Rules of Bankruptcy Procedure Approving an Agreement by and Among the Trustee and Optimal Strategic U. S. Equity Limited and Optimal Arbitrage Limited». P. 4.

Многие фидер-фонды выплачивали «отчисления»… – Picard v. Kohn. P. 96.

… самый большой индивидуальный счет этого хедж-фонда был меньше 750 тыс. долларов … – Эти подробности почерпнуты из: Main Madoff Liquidation: «Affidavit of Gregory J. Adams in Support of Anchor Holdings LLC's Claim».

…« инвесторы не желают, чтобы их защищали от рисков, которые Комиссия полагает чрезмерными». – Jickling, Mark . Hedge Funds: Should They Be Regulated? // Congressional Research Service. Updated July 2, 2007. P. 6.

… концепции «хедж-фондов для всех» … – См.: *Edwards, Franklin R* . Hedge Funds and Investor Protection Regulation // Federal Reserve Bank of Atlanta quarterly review. Fourth Quarter 2006; а также: *Edwards, Franklin R* . New Proposals to Regulate Hedge Funds: SEC Rule 203 (b) (3) –2 // Conference on New Initiatives to Regulate Hedge Funds. Columbia University. Oct. 21, 2004. P. 15. В последней из названных работ Эдвардс пишет: «Вместо того чтобы защищать инвесторов, всемерно ограничивая их доступ в хедж-фонды, Комиссии следовало бы подумать над тем, как сделать хотя бы некоторые из хедж-фондов *доступнее* для инвесторов».

… продала на 20 млн долларов этих деривативных контрактов … – FGG 2007 Profile. P. 64.

… Nomura Bank International вскоре выпустит… – Рекламная брошюра Fairfield Sentry Ltd. USD 3X Leveraged Version.

… вскоре станут предлагать HSBC, Citibank, Fortis, Merrill Lynch… – См. пресс-релиз Ирвинга Пикарда: Trustee for Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities Seeks $1 Billion from Seven Global Financial Institutions in Madoff Ponzi Scheme. Dec. 8, 2010. Иски против упомянутых банков были внесены «за печатью» (т. е. на разглашение содержащихся в них сведений был наложен запрет) в Федеральный суд США по

банкротствам Южного округа Нью-Йорка.

… в 2006 году доходы вкладчиков фонда Fairfield Sentry… выросли почти на треть. – Годовая доходность по вкладам в фонде Sentry в 2004 г. составила 6,44 %, в 2005 г. – 7,26 %, а в 2006 г. – 9,38 %.

… вокруг Мэдоффа сгущаются тучи … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. J. P. Morgan Chase & Co., et al., filed as Adversary Proceeding No. 10–04932 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 31. Банк решительно отверг выводы конкурсного управляющего по этому делу, которое вплоть до 2 февраля 2011 г. оставалось «за печатью».

… пообещал университету миллион долларов . – Конфиденциальные интервью.

… удвоил годовое жалованье Фрэнка Дипаскали … – DiPascali Criminal Information. P. 44.

… нового 19-метрового рыболовного катера … – Там же; The United States of America's Application for a Preliminary Order of Forfeiture (Final as to the Defendant) etc., filed Apr. 21, 2010. Из имущества Дипаскали многое было продано с аукциона судебными приставами 24 июня 2010 г. Катер и три семейных автомобиля принесли всего миллион долларов.

Ни в 2002-м, ни в 2006 году он вообще не подавал личных налоговых деклараций … – DiPascali Criminal Information. P. 43–45; SEC v. DiPascali. P. 15.

Это обвинение она решительно отвергла … – В телефонном интервью Роланд Райопел, адвокат Бонджорно, подтвердил, что его клиентка «решительно настроена оспорить» поданные против нее уголовный и гражданский иски и «приложит все силы, чтобы оправдать себя, потому что она невиновна».

… не существует доказательств, что именно в этом кроется причина недальновидных решений … – Kotz Report. P. 408–409.

… он даже не знал, что у Шейны роман с сотрудником Комиссии … – Kotz Report. Exhibit 104. P. 10.

… выступил на заседании Центра Филоктета … – Расшифровка протокола (далее – Philoctetes Transcript) взята с веб-сайта Центра Филоктета (Philoctetes Center).

«*… Уолл-стрит – это постоянная борьба и дележка…»* – Philoctetes Transcript. P. 7–8.

«*… регуляторы, а также ученые теоретики порой упускают из виду…»* – Там же. P. 8.

«Уолл-стрит – так чтобы вы понимали масштаб перемен … » – Там же.

«Так вот, никто не станет заниматься благотворительностью в пользу Уолл-стрит» . – Там же.

С. 288–289. *«Сегодня большие деньги на Уолл-стрит делаются в основном на рисках».* – Там же.

«По большому счету в нынешней регулируемой среде … » – Там же. P. 9.

10. Год жизни на грани

… руководитель отдела внутреннего контроля бизнеса по управлению частными инвестициями … – SEC Public Filings, Form ADV, Uniform Application for Investment Advisory Registration filed by Bernard L. Madoff Investment Securities in February 2005.

Заем выдан на пять лет под 4,13 % годовых … – Picard v. Madoff Family. P. 29.

Этим вечером фирма задает рождественскую вечеринку . – Этот отрывок основан на обзоре списка сотрудников Bernard L. Madoff Investment Securities в ежегоднике индустрии ценных бумаг (Securities Industry Yearbook) и на беседах с Элинор Скиллари, самим Мэдоффом и тремя конфиденциальными источниками из числа присутствовавших на корпоративной вечеринке в 2007 г.

В календаре Мэдоффа этот вечер посвящен новаторской культурной организации New York City Center … – Календарь встреч Мэдоффа за 2008 г.

Вечером Берни Мэдофф вылетает в Палм-Бич … – Там же.

… вроде трогательного момента, когда Шапиро берет микрофон … – Donnelly, Shannon . He's 95, and He'll Sing if He Wants To // Palm Beach Daily News. Feb. 20, 2008.

… подавая заявку на членство в загородном клубе Палм-Бич … – Picard v. Cohmad. P. 15.

Некоторые подразделения HSBC… рекомендуют своим клиентам различные фидер-фонды Мэдоффа … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. HSBC Bank PLC, et al. (далее – Picard v. HSBC), filed as Adversary Proceeding No. 09–01364 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York, as amended. P. 106.

Еще в 2001 году кое-кто в руководстве банка открыто сомневался в Мэдоффе . – Там же. P. 16.

… леденящий кровь перечень возможных нарушений … – Там же. P. 107–111.

… банк попросит KPMG повторно оценить риски … – Там же. P. 111.

… отделение Американского еврейского комитета на Уолл-стрит чествовало Мэдоффа … – Автору предоставили программу

мероприятия, состоявшегося 15 ноября 1999 г., в клубе Harmony. Список жертвователей на мероприятие «В честь Бернарда Мэдоффа» – своего рода справочник «Кто есть кто» по жертвам Мэдоффа. В число «попечителей», внесших по 10 тыс. долларов и больше, входили девелопер Эдвард Блюменфелд; глава первого из фидер-фондов Стенли Чейз; сооснователь Cohmad Securities Морис (Сонни) Кон; Соня Кон из Bank Medici; Роберт Лаппин, чей благотворительный фонд потерял миллионы; Норман Ф. Леви, доверивший Мэдоффу целевые фонды своих детей; Роберт Лоуб с супругой, члены легендарного семейства с Уолл-стрит; Уолтер М. Ноэл-младший и Джеффри Такер из Fairfield Greenwich Group; больше всех поживившийся на пирамиде Мэдоффа Джеффри М. Пикауэр; один из первых инвесторов Мэдоффа Карл Шапиро и Sterling Equities, инвестиционная компания Фреда Уилпона и семьи Уилпон, владельцев бейсбольной команды New York Mets. Ряды менее щедрых дарителей тоже плотно набиты жертвами Мэдоффа. Здесь Джером Фишер из Nine West, вдова прежнего соседа Мэдоффа по офису Мартина Джоэла; бухгалтерская фирма Пола Конигсберга; семья Бернарда А. Мардена; Ivy Asset Management; приятель Мэдоффа по средней школе Майкл Либербаум; наследница сталелитейного магната Глэдис С. Лурия; вдова Майка Энглера Мария; Роберт Джаффи, зять Карла Шапиро; видный нью-йоркский адвокат Говард Сквадрон и его жена Энн; а также продюсер и импресарио Говард Тау.

… *пенсионные фонды и другие институциональные инвесторы будут требовать больше информации* … – Электронная переписка между Fairfield Greenwich и руководством фонда компании Unigestion в августе 2008 г. приводит «новый набор правил, которые после краха Bear Stearns должны ввести в действие пенсионные фонды» в качестве причины, по которой Unigestion изымает свои деньги из хедж-фондов Fairfield Greenwich, инвестировавших в Мэдоффа.

«… *многие инвесторы используют Sentry как текущий счет».* – Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit No. FAI 00005367; электронное письмо Чарлза Мэрфи, отосланное в пятницу 25 апреля 2008 г. в 12.37.

«Не знаю, зачем я согласился встретиться с вами» . – Этот отрывок основан на беседе с пенсионером-бизнесменом и его бухгалтером, а также на записях, предоставленных секретарем бизнесмена, и на календаре встреч Мэдоффа.

… *пять спален с ванными* … – Онлайновый каталог (Killen Real Estate) с описанием и фотографиями дома по адресу Уонома-уэй, 51, в период, когда после ареста Мэдоффа он был выставлен на продажу за 7,5 млн долларов.

Финансовый консультант из Боулдера, штат Колорадо … – Отрывок основан: Picard v. Fairfield Sentry, Amended Complaint. P. 133–136; Exhibits 76, 77.

У Берни Мэдоффа четверо посетителей из Флориды … – Подробности этой встречи и ее последствий содержатся в деле: MorseLife Foundation Inc. v. Merrill Lynch, Pierce, Fenner & Smith, Inc., filed in the Circuit Court of the Fifteenth Judicial Circuit in and for Palm Beach County, Florida, on July 16, 2009; а также в газетной статье: *Chapman, Kathleen* . Merrill Lynch Negligent on Madoff, Lawsuit States // Palm Beach Post. July 28, 2009. Фирма отвергла обвинения. Дело затем перешло из суда штата в окружной суд Южного округа Флориды, где ответчиком выступала не Merrill Lynch Bank & Trust Company, а Merrill Lynch. В решении от 21 июля 2010 г. суд постановил передать дело в арбитраж, что предусмотрено контрактами фонда с подразделениями Merrill Lynch.

… один из клиентов изымает 74,5 млн долларов из фонда Sentry… – Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit 27.

«Некоторые аспекты действий Мэдоффа все еще остаются неясными»… – Там же. Exhibit 19.

«…у нас в FGG крупнейший риск потерь связан с одним контрагентом…» – Там же. Exhibit 28.

…в… оштукатуренном особнячке Мэдоффов … – Подробности о доме взяты из: *Katz, Alan* . Madoff's Three-Bedroom Riviera Retreat Belied Ponzi Scheme Role. – Bloomberg news service. Jan. 8, 2009. Остальная часть отрывка основана на конфиденциальных интервью.

… ободряющее письмо, начинающееся словами: «Дорогой инвестор…» – Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit 49. P. 1.

… надеется на «упорядоченный выход [из рискованных инвестиций]» назавтра… – Там же. Exhibit 13. P. 1.

… Дипаскали не подтвердил «упорядоченный выход»… – Galvin Fairfield Greenwich Complaint. P. 89. В пункте 254 сообщается, что директор по рискам и другой партнер фирмы в показаниях под присягой признали, что письмо инвесторам было неточным.

… до самой пятницы Мэдофф не пристанет к спасительной гавани казначейских векселей . – Там же. Exhibit 49. P. 2–16.

Отчеты о состоянии счетов, разумеется, тоже врут … – Регуляторы из Массачусетса резюмировали это следующим образом: «Инвесторов обманули дважды. Мэдофф посылает Fairfield фальшивые отчеты о состоянии счетов, которые Fairfield объявляет утерянными, и, в свою очередь, сообщает клиентам заведомо ложные сведения о содержании этих отчетов». См. пункт 255 в: Galvin Fairfield Greenwich Complaint. P. 89.

…« *не связываются с рисковым капиталом».* – Там же. Exhibit 33.

… *приказывал уничтожать все записи о своих сделках с Кон* . – Picard v. Kohn. P. 8.

Больше полумиллиарда утечет с его банковского счета … – Picard v. Herald Fund. P. 11.

… *в современном семиэтажном доме эксклюзивной планировки на Восточной Семьдесят четвертой улице* . – В этом новом доме под названием LUX 74 проживал и Кен Старр, строитель финансовой пирамиды для звезд, который в сентябре 2010 г. признал себя виновным.

… *чего он точно не собирается делать* … – Madoff Criminal Complaint. P. 22.

Такер, Ноэл и Маккифри заходят в офис Мэдоффа . – Отрывок основан на подробностях, взятых из отчета о комплексной проверке фирмы Мэдоффа 2 октября 2008 г.: Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit 35.

Стенли Чейз, прибывший из Лос-Анджелеса … – Календарь встреч Мэдоффа; Первое интервью Мэдоффа.

… *в июне написал инвесторам своих партнерств* … – SEC Chais Complaint. P. 12.

… *про себя Мэдофф гадает, не подозревает ли его Чейз в мошенничестве.* – Первое интервью Мэдоффа.

… *в сравнении с суммами, которые он перевел недавно в один из своих старейших офшорных фидер-фондов Kingate Euro.* – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Kingate Global Fund et al., Second Amended Complaint in Adversary Proceeding No. 09–01161 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 13.

Для Амита Виджаверджья день начинается плохо . – Отрывок основан на электронных письмах, представленных в: Galvin Fairfield Greenwich Complaint. Exhibit 30.

JPMorgan Chase набирает обороты и требует от Fairfield Sentry 250 миллионов … – *Gatti C* ., *Henriques D* . JPMorgan Exited Madoff-Linked Funds Last Fall // New York Times. Jan. 28, 2009. Пресс-секретарь банка признал, что банк «испытывает беспокойство в связи с недостатком прозрачности в некоторых вопросах, которые мы выдвинули в ходе нашего обследования». Близкий к банку источник вспоминал, как ему говорили в то время, что «у людей из банка, занимавшихся комплексной экспертизой, появилось слишком много сомнений» в деятельности фондов, которыми управляла Fairfield Greenwich Group. По словам источника, «было ясно, что их стабильность уже не внушает доверия» с учетом

спада общей деловой активности на рынке.

… кабинет Дж. Эзры Меркина в черной гранитной башне на Парк-авеню, 450 . – Подробности отрывка взяты из судебного дела: New York University v. Ariel Fund Ltd., Gabriel Capital Corp., J. Ezra Merkin et al., Supreme Court of the State of New York, County of New York, filed Dec. 24, 2008, а также из приложения B к этому делу (Affidavit of Maurice Maertens).

Почему-то Меркин не говорит … – На это умолчание будет указано в гражданском иске о мошенничестве, поданном против него в 2009 г. генеральным прокурором штата Нью-Йорк Эндрю М. Куомо. Адвокаты Меркина, что он что-либо знал о финансовой пирамиде, а также отрицали, что он, как утверждал Куомо, ввел в заблуждение своих инвесторов и представил в ложном свете образ действий своего хедж-фонда.

(В июле 2012 г. прокуратура штата Нью-Йорк сообщила, что достигнуто соглашение о добровольной выплате Дж. Э. Меркином 405 млн долларов в качестве компенсации жертвам аферы Мэдоффа. – *Примеч. ред.*)

…« которые систематически и значительно превосходят результаты аналогичных фирм … » – Подробности, извлеченные из указанных документов, выложенных в Интернете автором статьи.: *Masse - Stamberger, Benjamin* . Affaire Madoff: le rapport secret qui accuse JPMorgan // L'Express. Oct. 7, 2010. (Статья написана на французском, но документы приведены на английском.)

«Я понимаю, какой цены вы хотите … » – Цитируемый диалог основан на заверенном переводе разговора, предоставленном автору.

«В Швейцарии, знаете, люди простые» . – Швейцарский банкир, участвовавший в разговоре, в статье газеты L'Express (см. выше) определен как Лоран Матисон-Герст, директор женевской инвестиционной фирмы Aurelia Finance. Его имя и имена других четырех директоров фирмы фигурировали в уголовных обвинениях, связанных с недобросовестным управлением активами клиента, инвестированными в Мэдоффа. На момент выхода книги дело находилось на рассмотрении, а директора отрицали какое-либо правонарушение со своей стороны. Что касается записанного разговора, то соответствующее исковое заявление в суд не подавалось. См.: *Koltrowitz, S* ., *Thomasson, E* . Swiss Judge Allows Charges in Madoff Losses Case. – Reuters. April 24, 2009.

… из Дубая прибывает один встревоженный бизнесмен … – Подробности этой встречи извлечены из материалов дела: Jitendra Bhatia et al. v. Standard Chartered International, et al.,

originally Case No. 1:09-cv-02410 (LTS) in U. S. District Court for the Southern District of New York; объединено с делом: Anwar et al. v. Fairfield Greenwich Limited, et al., Master File No. 09-cv-0118 (VM), also for the Southern District of New York. P. 5. P. 7–8. P. 10–12.

… *на сногсшибательную сумму в 850 млн долларов* . – Picard v. Fairfield Sentry. Exhibit 2.

… *Мэдофф верит, что сумеет упредить катастрофу* . – Первое интервью Мэдоффа; его электронное письмо от 20 февраля 2011 г.

И ему все чаще хочется ответить: нет . – Там же.

День благодарения … – Этот отрывок основан на новостных сообщениях, свидетельстве председателя банковской холдинговой компании Grupo Santander, конфиденциальных заметках и интервью, а также судебных исках, поданных против банка.

Он удивлен, что Мэдофф назначил ее на праздничный день … – Подтверждено пресс-секретарем банка и основано на сообщении председателя банка в ходе ежегодного собрания компании в феврале 2009 г.

… *Эченике Гордильо юрист, и здесь он по просьбе председателя правления холдинговой компании* … – Там же.

… *аналитики Optimal по меньшей мере дважды указывали на недостатки* … – In re: Santander – Optimal Securities Litigation (далее – Santander Litigation), Consolidated Amended Class Action Complaint, Case No. 09-cv-20125 (PCH), U. S. District Court, Southern District of Florida.

… *удавалось убедить себя, что с Мэдоффом все в порядке* … – См. внутренний доклад Optimal Investment Securities, составленный в июле 2006 г. Джонатаном Кларком, под названием «Madoff Securities», а также с. 4 служебной записки «To: Manuel Echeverria, From: Karine Courvoisier, Re: Meetings with Bernard Madoff and lawyers in New York – September 18–19, 2002». Оба документа представлены в виде приложений к иску Santander Litigation.

… *атмосфера становится напряженной, если не грозовой* . – Теренс Оуэн Джонс, бывший руководитель Optimal, заявил адвокатам истца на процессе Santander Litigation, что поводом для встречи стало решение Optimal изъять у Мэдоффа 400 млн долларов, но не указал, когда Мэдоффу сообщили о планируемом изъятии. Согласно информации, полученной из банка, запрос на изъятие был сделан определенно после возвращения Эченике Гордильо в Мадрид, хотя, по сообщению испанской газеты El Confidencial, Гордильо привез в Нью-Йорк новости, вызвавшие гневную реакцию Мэдоффа. (См.: *Penty, Charles* . Santander Sought to Withdraw Madoff Funds, El Confidencial Says. – Bloomberg news

service. Dec. 24, 2008.) Однако в последовавшем сообщении Financial Times говорилось, что «о происшедшем на этой встрече нет единого мнения» и что один «информированный банкир» говорит, будто это была «обычная» проверка. (*Chung J .*, *Mallet V .*, *Masters B* . Santander Praised Madoff Weeks Before His Arrest for Alleged Fraud // Financial Times. – FT. com. Jan. 23, 2009.) Банк подтвердил автору, что встречу назначили из-за того, что председатель был обеспокоен инвестициями в Мэдоффа и что визит был рутинным, так что сообщение El Confidencial, по всей вероятности, запечатлело если не подробности встречи, то ее атмосферу.

… Берни Мэдофф садится поговорить с Фрэнком Дипаскали … – DiPascali Criminal Information. P. 19.

Он смертельно устал … – Первое интервью Мэдоффа.

Он хочет использовать оставшиеся деньги … – Согласно обвинению, предъявленному сотруднице Дипаскали Джоанн (Джоди) Крупи, именно она и Дипаскали убедили Мэдоффа распорядиться таким образом оставшейся суммой. Как бы то ни было, он либо сам инициировал это предложение, либо одобрил его; сыновьям он рассказал об этом как о своей собственной идее.

Он возвращается со встречи на углу и садится выполнять распоряжения шефа . – DiPascali Criminal Information. P. 20.

… Фрэнк Дипаскали выходит из своего просторного дома на холме … – U.S.A. v. Daniel Bonventre, Annette Bongiorno, JoAnn Crupi a/k/a/ Jodi, Jerome O'Hara and George Perez (далее – Second Superseding Bonventre Indictment), filed on Nov. 18, 2010, as S2–10-cr– 228 (LTS), U. S. District Court, Southern District of New York. P. 41, 69. Обвинительное заключение против Бонджорно и Крупи было приобщено к делу против Бонвентре, Переса и О'Хары.

… Крупи говорит ему, что будет «стоять на своем»… – Там же. P. 69.

11. На руинах

… практически тут же закрылись … – Фонд Роберта Лаппина тоже закрылся сразу, но потом открылся на новой финансовой основе. Фонд Пикауэра был восстановлен после того, как вдова Пикауэра заключила внесудебное соглашение с конкурсным управляющим.

На одной из дискуссий за завтраком в манхэттенском клубе «21» … – Из заметок автора, освещавшей это событие в печати.

Манхэттенский Институт еврейских исследований организовал вечернюю дискуссию … – Из заметок автора, освещавшей это событие в печати.

… вызвал «у антисемитов настоящий взрыв»… – Пресс-релиз Антидиффамационной лиги от 19 декабря 2008 г.

Примерно на тысяче инвестиционных счетов Мэдоффа … – SIPC – Garrett Letter. P. 10. Претензии будут поданы не по всем этим счетам. Из 846 принятых к рассмотрению претензий на суммы менее 500 тыс. долларов фиктивные остатки составляли в общей сложности 1,5 млрд долларов. Нефиктивные, реальные денежные потери жертв, подсчитанные по методу «чистых активов», составили 176,5 млн долларов.

… вопрос не в том, сколько вы потеряли, а в том, сколько у вас осталось . – Этот отрывок был написан автором вчерне в начале 2010 г., но ту же мысль убедительно развивает в своем эссе Стефани Хейлио: *Halio, Stephanie* . How Our Lives Have Changed // The Club No One Wanted to Join: Madoff Victims in Their Own Words. Andover, Mass.: Doukathsan Press, 2010. P. 121.

… лишь немногие в Вашингтоне считали, что SIPC должна быть «страховкой» против серьезного мошенничества внутри брокерской фирмы … – См. отчеты Счетной палаты США по SIPC, в том числе: General Accounting Office. Securities Investor Protection: A Regulatory Framework Has Minimized SIPC's Losses. September 1992.

… Счетная палата по-прежнему критиковала SIPC за слабые связи с общественностью . – См.: Letter to the Honorable John D. Dingell, Ranking Minority Member, Committee on Energy and Commerce, House of Representatives, et al., from Orice M. Williams, Acting GAO Director for Financial Markets and Community Investment, GAO. July 9, 2004. P. 5–7.

Еще в 1992 году Счетная палата предупреждала, что SIPC не готова к колоссальному краху . – General Accounting Office. Securities Investor Protection. P. 3.

… SIPC ликвидировала 109 фирм … – Цифры взяты из соответствующих ежегодных отчетов SIPC, доступных в Интернете на веб-сайте www.sipc.org.

… первой конфиденциальной встречи с Берни Мэдоффом и его адвокатами . – Весь отрывок представляет собой реконструкцию на основе многочисленных конфиденциальных интервью с участниками этого эпизода и собственных воспоминаний Мэдоффа.

… Мэдофф не мог найти четверых, которые подписали бы поручительскую гарантию … – Письмо заместителя прокурора Марка Литта от 17 декабря 2008 г. судье-магистрату Габриелю Горенстайну в окружном суде Южного округа Нью-Йорка, приобщенное к уголовному делу Мэдоффа за номером 08-Mag. 2735.

«Когда я впервые услышал в новостях о том, что Мэдофф арестован … » – Kotz Report. P. 363.

… вооружился дробовиком на тот случай … – *Markopolos* . P. 207–208.

… он заготовил копии обширной документации для журналистов … – Там же. P. 209.

…« запутанные ходы, предпринятые мистером Мэдоффом … » – См. пресс-релиз Комиссии (SEC): Statement regarding Madoff Investigation. Dec. 16, 2008. Press Release No. 2008–297.

«…сотрудникам Комиссии неоднократно поступали тревожные и обоснованные сигналы…» – Там же.

… начать независимое расследование провалов . – Интервью с Дэвидом Котцем.

… она встречалась с ним всего несколько раз . – В июне 2009 г. Мэдофф заявит генеральному инспектору Комиссии Котцу (см.: Kotz Report. Exhibit 104. P. 9), что Шапиро была ему «дорогим другом» и что она, «вероятно, думает: лучше бы мне вовек его не знать». Когда были выпущены приложения к докладу Котца, Комиссия немедленно распространила заявление для общественности, отрицающее притязания Мэдоффа на эту дружбу. Котц подтвердил, что в документах Шапиро не обнаружил никакой переписки между ней и Мэдоффом.

… разбирали личные ценности . – Подробности взяты автором из документов суда и расшифровок, аукционных каталогов и конфиденциальных интервью.

12. Подсчитывая ущерб

«Так я и поверю, что его арестовали!..» – Arvedlund, Roth . P. 16–17.

…«все испарилось». – Там же. P. 179.

«За 50 секунд, пока я читала факс…» – Там же. P. 35–36.

…« телефонный звонок, разбивший жизнь…» – Там же. P. 160.

«Не мог перевести дыхание и подумал, что у меня сердечный приступ» . – Там же. P. 46.

«Я надеялась, что все это ужасная ошибка» . – Там же. P. 117.

«Пропало все, что он заработал за всю жизнь, – фьюить, и нет ничего!» – Там же. P. 99.

Стивен Нортон из Форт-Лодердейла неторопливо ехал домой … – Там же. P. 171.

«Кейт, мы только что лишились дома» . – Интервью с Гордоном Беннеттом.

«Как будто у тебя в руках волшебная палочка…» – Конфиденциальное интервью с жертвой.

Другое вроде бы поступило от Гарри Маркополоса … – *Markopolos* . P. 99.

«Карточный домик рушился из-за единственного новостного выпуска Си-эн-би-си» . – Конфиденциальное интервью.

«Полный кошмар». – См. репортаж: *Kouwe Z .*, *Wilson M .*, *Schwartz N .* Financier Is Found Dead in a Madoff Aftermath // New York Times. Dec. 24, 2008.

И запер за собой дверь . – Конфиденциальное интервью.

… судья постановил по делу Bayou… – См. публикацию юридической фирмы K&L Gates: *Missal M .*, *Kirby R .*, *Kline Dubill R .*, *Ricciuti M .* The Madoff Dissolution: A Consideration of the Bayou Precedent and Possible Next Steps. Dec. 17, 2008. P. 4.

… эти фиктивные прибыли следует вернуть в активы . – Хотя иные аспекты постановления суда по банкротствам в деле Bayou и были отменены по апелляции в окружной суд, решение о фиктивных прибылях было утверждено. См.: Judge Paul G. Gardephe, In the Matter of Bayou Group LLC, et al., Debtors, Christian Brothers High School Endowment, et al., Appellants. WestLaw 2010. WL 3839277. P. 42–43.

«Мистер Литт, не напомните ли нам, для чего мы здесь находимся» . – Эпизод основан на официальной расшифровке слушаний под председательством судьи Эллиса. Копия расшифровки была предоставлена автору.

… The Wall Street Journal опубликовал статью … – *Slater, Dan .* SEC to Probe Relationship Between Madoff's Niece and Ex-SEC Lawyer // Wall Street Journal. Dec. 17, 2008.

… расследованием дочерней структуры Мэдоффа в Британии занялось лондонское Бюро по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах . – Помимо прочих британских публикаций, см.: *Griffiths, Katherine .* Bernard Madoff's UK Staff Investigated by Serious Fraud Office. – Telegraph.co.uk. Mar. 27, 2009.

… так и не дождался от лондонских ликвидаторов сотрудничества… – Letter from Joon P. Hong of Richards, Kibbe & Orbe to U.S. district judge Louis L. Stanton, dated Jan. 23, 2009. First Richards Report.

Французская прокуратура открыла предварительное следствие … – Paris Prosecutor to Investigate Madoff's France Businesses for Fraud // Jurist Legal News & Research. Jan. 21, 2009. Эта публикация доступна по адресу: www.jurist.law.pitt.edu/paperchase/2009/01/dnp-madoff-france.php.

Испанские регуляторы изучали убытки фондов Optimal. – *Catan T .*, *Bjork Ch .*, *Cordoba J .* Giant Bank in Probe over Ties to Madoff // Wall Street Journal. Jan. 13, 2009.

Австрийские чиновники начали чрезвычайную инспекцию Bank Medici . – Austria Regulator Assumes Control of Bank Medici // New York Times. Jan. 2, 2009.

«Кажется, дела идут чуть медленнее…» – Расшифровка записи слушания по основной ликвидации Мэдоффа, пункт,

озаглавленный «In the Matter of the SIPA Link». P. 20–21.

«Отступничество – не просто красивое слово, для Комиссии оно стало руководством к действию». – Заметки автора, освещавшей слушание.

«Комиссия – это три с половиной тысячи безмозглых куриц…» – Там же.

«Чтобы минимизировать риск раскрытия…» – Testimony of Harry Markopolos, Chartered Financial Analyst, Certified Fraud Examiner, Before the U. S. House of Representatives Committee on Financial Services, Wednesday, Feb. 4, 2009. 9.30 AM. P. 3–4.

«*… каждый из нас боялся за свою жизнь…»* – Там же.

… вооруженные лишь юридическими терминами … – Заметки автора, освещавшей слушание.

«Мы считали, что враг – мистер Мэдофф…» – Henriques Diana . Anger and Drama at a House Hearing on Madoff // New York Times. Feb. 4, 2009.

Как вспоминал его сын Уиллард Фокстон (в фильме, снятом Би-би-си) … – Allan Little. Banking Crisis Killed My Father. – BBC News. Feb. 12, 2009; Roger Corke (продюсер), Lucy Hetherington (исполнительный продюсер), and Fiona Stourton (executive producer). The Madoff Hustle. – BBC 2 broadcast. This World. June 28, 2009.

«Дорогой Уилл, я буду краток» . – Repex Ventures S. A. et al., v. Bernard L. Madoff, et al., case number 09-cv-00289 (RMB) in U. S. District Court, Southern District of New York; Declaration of Gregory B. Linkh, Exhibit A, Certification of Proposed Lead Plaintiff Pursuant to the Federal Securities Laws, by Willard Foxton, dated May 2, 2009. P. 2.

Вскоре после десяти часов утра Пикард и Шиэн прошли на пустую сцену … – Из заметок автора, освещавшей эту встречу в печати.

«Существуют два основных правила». – Прямая цитата из расшифровки записи встречи, хранящейся у автора.

Он разошлет более 230 повесток … – Эти подробности взяты из доклада конкурсного управляющего суду, других судебных документов и репортажных заметок, сделанных автором для последующего освещения этих событий.

…у северного входа в здание манхэттенского федерального суда на Ворт-стрит остановился серебристый седан . – Отрывок основан на наблюдениях и репортажных заметках коллег автора из New York Times, Уильяма Рашбаума и Джека Хили, различных видеозаписях, размещенных в Интернете, и расшифровке записи слушания.

Через два дня у здания федерального суда еще до рассвета

собрались сотни жертв … – Подробности взяты из заметок автора, освещавшей событие.

13. «Вчистую выигравшие» и «вчистую проигравшие»

… прибыл Дэвид Фрилинг со своим адвокатом… – *Rashbaum W ., Henriques D* . Accountant for Madoff Is Arrested and Charged with Securities Fraud // New York Times. Mar. 19, 2009.

У Пикарда имелись банковские документы … – *Henriques D* . Court Denies Madoff Aide's Request for Bail // New York Times. Oct. 28, 2009; заметки автора по нескольким интервью с Пикардом.

… в суде по банкротствам подпадают под определение «мошенническая передача собственности»… – В законе штата Нью-Йорк о мошеннической передаче собственности предусмотренная система доказательств для аннулирования неправомочных трансфертов несколько отличается от положений федерального кодекса о банкротствах, но сам термин «мошенническая передача собственности» также используется для описания подлежащих возврату изъятий, произведенных за двухлетний или шестилетний период до подачи заявления о банкротстве.

Но многие инвесторы не были знакомы с юридическим языком и страшно возмущались … – Многие жертвы сообщали автору о своей гневной реакции на стандартное письмо Пикарда. Впоследствии текст письма был исправлен, с тем чтобы оно звучало в менее обвинительном ключе.

… к концу июня он подал восемь исков … – Все цифры ниже взяты из материалов отдельных исков, поданных Пикардом, которые перечислены как «Ассоциированные дела» в главном иске SIPC о банкротстве против фирмы Мэдоффа.

… о возврате 395 млн долларов … – Trustee's First Interim Report for the Period December 11, 2008, to June 30, 2009 (далее – Trustee's First Report) // Main Madoff Liquidation. P. 34.

… Чейза заочно чествовали … – *Greenberg, Brad* . Stanley Chais Targeted in Madoff Suit // Jewish Journal. May 6, 2009.

… заявил, что брокерская фирма сознательно обслуживала коммерческие цели … – Picard v. Cohmad, First Amended Complaint. P. 3.

Из фондов Fairfield Sentry… Пикард пытался вытянуть еще 3,5 млрд долларов. – Trustee's First Report. P. 38.

Через несколько месяцев эта ошеломительная сумма… вырастет до 7,2 млрд долларов . – Trustee's Second Interim Report for the Period Ending. October 31, 2009 // Main Madoff Liquidation. P. 60–61.

… как подозревал сам Мэдофф, Джеффри Пикауэр был чертовски проницателен … – Первое интервью Мэдоффа.

Тем не менее многие мелкие инвесторы больше всего боялись

… – Именно такие опасения чаще всего высказывали инвесторы-жертвы в электронной переписке и в телефонных разговорах с автором, а также в своих блогах.

С. 399–400. *Рост враждебности огорчал его самого и тревожил его коллегу Дэвида Шиэна* . – Интервью с Пикардом и Шиэном, а также конфиденциальные интервью с другими участниками широкой волны недовольства их действиями.

Команда Пикарда в конце концов ускорит процесс выплаты по претензиям … – *Henriques, Diana* . It's Thankless, but He Decides Madoff Claims // New York Times. May 28, 2009; *Henriques, Diana* . Trustee's Total of Madoff Losses Nears $3 Billion // New York Times. July 1, 2009.

… метод подсчета потерь от пирамиды, не раз обкатанный в суде . – Примечательно, что меморандум юридической фирмы K&L Gates о значении дела Bayou для инвесторов Мэдоффа (*Missal, Kirby, Kline Dubill, Ricciuti* . The Madoff Dissolution: A Consideration of the Bayou Precedent and Possible Next Steps. Dec. 17, 2008) был опубликован через считаные дни после ареста Мэдоффа. Сходным образом конкурсный управляющий по выделенному делу финансовой пирамиды (SEC v. Joseph S. Forte et al.) в письме от 2 декабря 2009 г. федеральному судье в Филадельфии, рассматривающему это дело, ссылается на то, что «право конкурсного управляющего на возвращение чистых выигрышей (то есть сумм, на которые изъятия превышают инвестиции) от инвестировавших в финансовую пирамиду давно стало нормой».

… она закончила колледж Брин-Мор … – Эти подробности взяты из биографии, опубликованной на сайте Phillips Nizer в связи с переходом Чейтмен в фирму Becker & Poliakoff.

… она яростно отстаивала интересы обездоленных… – В нескольких случаях адвокаты противной стороны просили (безуспешно), чтобы суд наказал ее за то, что они считали препятствованием судопроизводству. Однажды банковские регуляторы наложили на нее дисциплинарное взыскание за якобы излишне ревностную защиту собственников закрывшегося банка. См.: Office of the Comptroller of the Currency. Quarterly Journal, 24. No. 1 (March 2005): 69.

Стратегия выглядела « надежной и консервативной»… – Письмо Хелен Дэвис Чейтмен председателю Комиссии по ценным бумагам и биржам Мэри Шапиро от 2 апреля 2009 г. (с. 2).

… два отдельных обращения в апелляционный суд . – Два апелляционных решения суда второго круга по делу New Times были опубликованы: 371 F.3d 68 (2004) (далее – New Times I) and 463 F.3d 125, 130 (2006) (далее – New Times II).

«Рассмотрение… фиктивных бумажных прибылей…» – New Times II.

… и вообще кристально ясно доказывает что бы то ни было . – Кратко сформулированные здесь аргументы приводились Чейтмен и Пикардом в сотнях исков по делу о банкротстве Мэдоффа. См. аргументы обеих сторон в постановлении судьи Бертона Лифланда: *Lifland, Burton* . Memorandum Decision Granting Trustee's Motion for an Order (1) Upholding Trustee's Determination Denying Customer Claims for Amounts Listed on Last Customer Statement; (2) Affirming Trustee's Determination of Net Equity; and (3) Expunging Objections to Determinations Relating to Net Equity // Main Madoff Liquidation. Mar. 10, 2010.

…« *в судебной практике слишком мало прецедентов…»* – Focht v. Athens (In re: Old Naples Securities, Inc.), 311 B.R. 607 (Middle District, Fla., 2002). P. 616–617.

… не содержал прямого указания конкурсному управляющему удовлетворить требования по последним выпискам … – Закон обязывал конкурсного управляющего рассматривать последние выписки по клиентским счетам лишь для того, чтобы установить, претендуют ли клиенты на денежные выплаты, ограниченные авансовой суммой в 100 тыс. долларов, или же на ценные бумаги, в каковом случае клиент имел право на аванс в 500 тыс. долларов. SIPC уже постановила, что жертвы Мэдоффа имеют право быть приравненными к клиентам, если они заявляют претензии на ценные бумаги, а не на деньги.

… Массачусетской школы права в Эндовере … – Эта школа права имеет разрешение штата на присвоение ученых степеней, но не аккредитована Ассоциацией американских адвокатов.

…« *должны будут жить на пособие или копаться в мусорных контейнерах».* – Цитата из блога Велвела: www.velvelonnationalaffairs.blogspot.com.

… общее мнение признало его справедливым . – См., например, редакционную статью: Mr. Feinberg and the Gulf Settlement // New York Times. Aug. 29, 2010.

… в точности так же был назначен чрезвычайный распорядитель . – См.: *Robertson C ., Schwartz J* . Rethinking the Process for BP Spill Claims // New York Times, Sept. 15, 2010. Программу официально назвали Gulf Coast Claims Facility (Служба претензий побережья Залива), и она начала действовать в июне 2010 г. по соглашению между British Petroleum и администрацией Обамы.

… общее мнение все же признало такой подход более эффективным … – Mr. Feinberg and the Gulf Settlement.

… Lax & Neville подала коллективный иск против Пикарда … –

Mary Albanese et al. v. Irving H. Picard, filed as Adversary Proceeding No. 09–01265 (BRL) // Main Madoff Liquidation on June 5, 2009, and amended on June 23, 2009.

«Я – человеческое лицо трагедии». – Заявление Алана Голдстайна перед Финансовым комитетом Конгресса: Assessing the Madoff Ponzi [sic] and the Need for Regulatory Reform. Jan. 5, 2009. P. 1.

«Я был готов отказаться от сверхвысоких прибылей…» – Там же. P. 2.

«Сегодня, когда я сижу перед вами, я конченый человек» . – Там же. P. 3.

«Мы не доверительные фонды, не хедж-фонды и не банки» . – Там же.

… *после аналогичного иска Хелен Чейтмен* . – Diane and Roger Peskin and Maureen Ebel v. Irving H. Picard, filed as Adversary Proceeding No. 09–01272 // Main Madoff Liquidation.

14. За грехи отца

Они пришли расспросить Берни Мэдоффа … – Kotz Report. Exhibit 104.

… *несколько бывших высших руководителей Merrill Lynch и Morgan Stanley*… – Доля в инвестициях Мэдоффа через фирму Эзры Меркина Ascot Partners имелась у хедж-фонда под руководством бывшего главы брокерского подразделения Merrill Lynch Джона (Лонни) Стивенса, а в число прямых инвесторов Мэдоффа входила семья бывшего председателя Morgan Stanley & Co Фрэнка Петито.

« *Я понимаю, отчего они вам кажутся фальшивыми* ». – Конфиденциальные интервью с людьми, хорошо знакомыми с материалами встречи Котца с Мэдоффом.

«Мы не ищем ни милосердия, ни сочувствия». – Madoff Criminal Complaint. Document 84.

… *ожил факс* … – Рассказ об этом эпизоде основан на протоколах, содержащихся в соглашении о гражданской конфискации между прокуратурой и Рут Мэдофф.

29 июня зрители тесно расселись … – Эпизод основан на заметках и наблюдениях автора во время зачитывания приговора и на расшифровке записи слушаний.

И шуба осталась . – Конфиденциальные интервью с людьми, хорошо знакомыми с действиями судебных маршалов (приставов) по возврату имущества в деле Мэдоффа.

… *ношеные туфли* … – Инвентарный список изъятого имущества содержится в приложении A к документу 121 уголовного иска против Мэдоффа (Madoff Criminal Complaint).

… *не найдено доказательств тому, что Рут Мэдофф*

принимала участие … – См.: Ruth the Truth? Feds Find No Evidence on Bernie's Wife // WSJ.com. The Law Blog. July 1, 2009. 3:36 pm EST; см. также: *Efrati, Amir* . Evidence to Charge Ruth Madoff Lacking // Wall Street Journal. July 2, 2009.

… следователи не нашли свидетельств, связывающих сыновей Мэдоффа с финансовой пирамидой … – *Berenson A* ., *Henriques D* . Inquiry Finds No Signs Family Aided Madoff // New York Times. Dec. 16, 2008.

… перестали приглашать маленьких Мэдоффов на детские праздники. – *Margolick* .

… Кэтрин Хупер, элегантной женщиной – инструктором по рыбной ловле … – Там же.

Эндрю сцепился с трейдером … – Там же.

…« вышел из испытаний с обритой головой…» – *Madoff R* . P. 132.

… изменить фамилии ее и детей … – *Martinez J, Gendar A* . Take Off My 'Madoff '; Daughter-in-Law Begs Court to Let Her and Small Kids Change Name from Hated Label // New York Daily News. Feb. 25, 2010.

…« воспринимали как суккуба при Берни-инкубе»… – Слова профессора Ричарда Шведера, антрополога культуры из Чикагского университета, процитированные в: *Browning L* . The Loneliest Woman in New York // New York Times. June 12, 2009.

Ее избегали многие друзья … – Там же.

… потребовавший возврата 44,8 млн долларов … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Ruth Madof f, filed as Adversary Proceeding No. 09–01391 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 3.

Ее адвокат Питер Чавкин возмутился и выразил это публично . – Заявление для общественности Питера А. Чавкина, выпущенное его юридической фирмой Mintz Levin 29 июля 2009 г.

…« держала Берни на коротком поводке»… – *Weinstein, Sheryl* . Madoff 's Other Secret: Love, Money, Bernie, and Me. New York: St. Martin's Press, 2009. P. 43, 47, 53.

… извлечь из скандала полезный для многих урок. – *Henriques D* ., *Strom S* . Woman Tells of Affair with Madoff in New Book // New York Times. Aug. 13, 2009.

… Рут Мэдофф сменила цвет волос … – Первоначальное сообщение см.: *Schecter A* ., *Eslocker A* . Ruth Madoff: Summer in the City with No Apologies, Red Dye Job // ABC News: Brian Ross Investigates. July 16, 2010. Видеозапись, выложенная на сайте Brian Ross Investigates, включает съемку Рут Мэдофф телескопической камерой: она обедает за ресторанным столиком,

выставленным на тротуар.

15. Жернова правосудия

Примерно до 1985 года у Питера было право подписи по одному из банковских счетов фирмы . – *Henriques D* . Judge Freezes Madoff Brother's Assets // New York Times. Mar. 25, 2009.

… *против него подал иск Эндрю Росс Сэмюэлс* … – Andrew Ross Samuels v. Peter B. Madoff. Verified Petition-Complaint. Index No. 09–5534. Supreme Court of the State of New York. County of Nassau. Mar. 16, 2009.

…*он объект уголовного преследования* . – Letter to the Honorable Madeline Cox Arleo, U.S.M.J., from Charles T. Spada of Lankler, Siffert & Wohl, dated Jan. 26, 2010 // Lautenberg v. Madoff. Document 40.

В сентябре 2009 года председательствующий на процессе федеральный судья … – Opinion by U.S. district judge Stanley R. Chesler // Lautenberg v. Madoff. U. S. District Court for the District of New Jersey. Sept. 9, 2009.

…« *многолетняя тесная связь с братом*»… – Opinion by U.S. district judge Stanley R. Chesler // Lautenberg v. Madoff. U. S. District Court for the District of New Jersey. Nov. 18, 2010. P. 6–7.

… *Ирвинг Пикард 2 октября подал иск «по возврату сумм, выплаченных ранее»*… – Picard v. Madoff Family.

« *Говоря проще, если бы члены семьи честно и исправно делали свою работу* …» – Там же. P. 2.

…« *не стал взваливать на себя бремя доказывания преступного сговора…*» – Picard v. Madoff Family. Trustee's Memorandum of Law in Opposition to Defendants' Motions to Dismiss. May 21, 2010. P. 1.

…« *признание конкурсного управляющего крайне важно* …» – Picard v. Madoff Family. Defendant Peter B. Madoff's Reply Memorandum of Law in Further Support of His Motion to Dismiss the Complaint. June 21, 2010. P. 1.

Во вторник 11 августа 2009 года, в 2.45 дня … – Эпизод основан главным образом на заметках и наблюдениях автора, а также на расшифровке записи слушаний, в которой одна из приводимых здесь цитат слегка искажена.

… *Кон частным порядком три часа допрашивали в венском суде* … – Конфиденциальные интервью. Заявление, составленное адвокатами Кон для закрытого судебного процесса, подтверждает, что сотрудник их юридической фирмы представлял ее в нескольких разбирательствах, включая «уголовное расследование, проведенное Венской государственной прокуратурой». См.: Letter to the Honorable Richard M. Berman, United States District Court for the Southern District of New York, from Price O. Gielen, of Neuberger,

Quinn, Gielen, Rubin & Gibber, dated Nov. 2, 2010 // In re: Herald, Primeo, and Thema Fund Secs. Case No. 09-cv-00289 (RMB). Document 146. P. 3. Адвокаты Кон признали, что на момент публикации этой книги расследование продолжается, но заявили, что, вероятно, никаких обвинений против Кон, которая отрицает какую-либо роль в афере Мэдоффа, выдвинуто не будет.

… *отозвал банковскую лицензию Bank Medici* . – Picard v. Kohn. P. 35. P. 110.

… *бюро тихо закроет расследование без предъявления кому-либо каких-либо обвинений* . – *Henriques D* ., *Saltmarsh M* . Two Decisions Reshape Inquiry into Madoff Case // New York Times. Feb. 2, 2010.

… *потом эти обвинения будут сняты* … – *Smith, H* . Access International's Littaye Charged in Madoff Case (Update 3) // Bloomberg news service. Nov. 4, 2009; а также: *Masse-Stamberger B* ., *Pontaut J. – M* . Madoff L'heure des comptes // L'Express. Sept. 29, 2010.

… *для поддержания этой версии недостаточно простого утверждения Комиссии* … – SEC v. Cohmad. Opinion and Order of Judge Louis L. Stanton. Feb. 2, 2010.

«В заявлении не приводится подтвержденных фактов…» – Там же. P. 4.

… *перечень важных направлений деятельности регуляторов…* – В феврале 2009 г. компания *Halliburton* и ее подконтрольная компания Kellogg Brown & Root заплатили 177 млн долларов для урегулирования разногласий с Комиссией по ценным бумагам и биржам, не сознаваясь в преступлении, но и не отрицая его. Помимо этого, Kellogg Brown & Root заплатила 402 млн долларов для урегулирования уголовных обвинений, предъявленных Министерством юстиции. По словам Комиссии, общая сумма, уплаченная за мировую, была самой крупной, когда-либо выплаченной по закону о коррупции за рубежом. См.: SEC Litigation Release No. 20897A. Банковская компания UBS согласилась выплатить 200 млн долларов для улаживания гражданских обвинений, не сознаваясь в преступлении и не отрицая его. См.: SEC Litigation Release No. 20905. «Крестным отцом» всей ипотечной индустрии был Анджело Мозило, бывший генеральный директор Countrywide Financial, против которого Комиссия выдвинула обвинение 4 июня 2009 г. Не сознаваясь в преступлении и не отрицая его, он 15 октября 2010 г. уплатил за мировую сделку 67,5 млн долларов. См.: SEC Litigation Release No. 21068A; Press Release No. 2010–197. В апреле 2010 г. Комиссия обвинила Goldman Sachs в предположительном обмане инвесторов при продаже сложных ипотечных деривативов. В июле

2010 г. Goldman Sachs выплатила для улаживания дела 550 млн долларов, не сознаваясь в преступлении и не отрицая его, но признавая, что ее маркетинговые материалы были «неполными». См.: SEC Litigation Release No. 21592.

…« *весьма вероятно, что на следующее утро на вашем столе окажется повестка в суд».* – См.: *Khuzami, Robert* . My First 100 Days as Director of Enforcement. Aug. 5, 2009. Материал доступен по адресу: www.sec.gov/news/speech/2009/spch080509rk.htm.

… *отношения не повлияли на действия Комиссии и результаты проверок Мэдоффа или его фирмы* … – Kotz Report. P. 408.

«Тем не менее Комиссия по ценным бумагам и биржам ни разу не проверила сделки Мэдоффа… » – Там же. P. 23.

«Когда потенциальные инвесторы выразили сомнение…» – Там же. P. 25.

… *Мэри Шапиро тут же обнародовала заявление с новыми извинениями* … – См.: Statement by SEC chairman Mary L. Schapiro. Sept. 2, 2009. Заявление доступно по адресу: www.sec.gov/news/speech/2009/spch090209mls-2.htm.

В иске утверждалось, что Комиссия в ответе … – Phyllis Molchatsky and Stephen Schneider, M.D. v. U.S.A. (далее – Molchatsky v. U.S.A.), filed as Case No. 09-cv-8697 (LTS/AJP) in U. S. District Court for the Southern District of New York. Иск был подан от лица неких Молчатски и Шнайдера. Молчатски, пенсионерка-инвалид, в 2001 г. вложила в фидер-фонд Мэдоффа сбережения всей жизни – 1,7 млн долларов, а доктор Шнайдер в 1997 г. инвестировал в Мэдоффа более 750 тыс. долларов своих пенсионных сбережений.

«Бесспорно, потери истцов катастрофичны» . – Molchatsky v. U.S.A. United States of America Memorandum of Law in Support of Its Motion to Dismiss. P. 1–2.

Окончательным итогом станет 16 518 исков . – См.: Main Madoff Liquidation. Third Interim Trustee's Report for the Period Ending. March 31, 2010. P. 27. На сайте конкурсного управляющего цифры обновлены 21 февраля 2011 г., см.: www.madofftrustee.com.

… *судья Бертон Лифланд занял свое место* … – Эпизод основан на заметках и наблюдениях автора, а также на расшифровке слушаний.

…« *тщательный и всесторонний анализ* …» – Main Madoff Liquidation. Memorandum Decision Granting Trustee's Motion, Judge Burton R. Lifland. Mar. 2, 2010. P. 6.

«Принимая во внимание то, что в мире подделок Мэдоффа…» – Там же. P. 10–11.

«Было бы просто нелепо идти на поводу у мошенника…» – Там же. P. 30.

«*… мне вовсе не было известно о том, что Берни Мэдофф занимался финансовой пирамидой»* . – Friehling Plea Transcript. P. 34–35.

Следующими перед судом предстали обвиняемые … – Изначально дело называлось: U.S.A. v. Jerome O'Hara and George Perez, filed as Case No. 09-mj-02484-UA-1 in U. S. District Court for the Southern District of New York.

… посоветовав шефу в следующий раз, когда понадобится делать грязную работу, «обратиться к Фрэнку» . – SEC v. Jerome O'Hara and George Perez, filed as Case No. 09-cv-9425 in U. S. District Court for the Southern District of New York. P. 23–24.

… а теперь его обвиняли в сговоре с целью поддержки и укрывательства финансовой пирамиды … – First Superseding Bonventre Indictment.

«Я заявляю, что Дэн Бонвентре абсолютно невиновен» . – *Henriques, Diana B* . Another Madoff Aide Faces Fraud Charges // New York Times. Feb. 25, 2010.

Главный юрист Пикауэра, Билл Забел… – Конфиденциальные интервью с участниками переговоров.

… день, когда он услышал об «успехах» прокуратуры, стал для него худшим в этом мучительном деле . – Интервью с Дэвидом Шиэном.

16. Надежда утраченная и обретенная

Обстановка в фирме смахивала на сумбур в школе права в день выпускных экзаменов … – Интервью с Дэвидом Шиэном.

… среди чеков, которые Мэдофф приготовил … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Irwin Lipkin et al., filed as Adversary Proceeding No. 10–04218 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. P. 16. Адвокат Липкинов-старших, Гэри С. Ридиш, отверг претензии конкурсного управляющего. Он заявил: тот факт, что Липкины воспользовались своим клиентским счетом у Мэдоффа для покупки подарков внукам, доказывает их «полное неведение относительно финансовой пирамиды». Джеймс К. Филэн, адвокат Эрика Липкина, и вовсе отказался комментировать претензии конкурсного управляющего.

… значилась главным бухгалтером фирмы … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Enrica Cotellessa-Pitz and Thomas Pitz, filed as Adversary Proceeding No. 10–04213 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of

New York. Адвокат этой пары, Ричард Р. Лефф, подал официальное возражение против иска, оспаривая претензии конкурсного управляющего и отрицая, что Котеллесса-Питц либо ее муж что-либо знали о финансовой пирамиде.

… обвиненного конкурсным управляющим в содействии фиктивным арбитражным сделкам … – Picard v. Kugel. На момент выхода книги в печать адвокат семьи Кугел Майкл Блюменталь не отвечал на запросы о комментариях по поводу претензий конкурсного управляющего.

… Шиэн также подал иск против Дэниела Бонвентре … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Daniel Bonventre, filed as Adversary Proceeding No. 10–04214 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York.

В исках, поданных командой Шиэна 11 ноября … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Annette Bongiorno and Rudy Bongiorno, filed as Adversary Proceeding No. 10–04315 (BRL); а также: In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. JoAnn Crupi et al., filed as Adversary Proceeding No. 10–04216 (BRL), both in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York. Роланд Райопел, адвокат Бонджорно, при рассмотрении иска конкурсного управляющего в суде отверг все обвинения. Эрик Бреслин, адвокат Крупи, сказал, что его клиент будет «решительно» оспаривать утверждения конкурсного управляющего и любые подобные обвинения в иске, поданном против нее Комиссией по ценным бумагам и биржам.

… в который внесла поправку в феврале, включив туда Дэниела Бонвентре . – Второй (замененный) обвинительный акт Бонвентре.

Съемочные команды местных телестанций и новостных сайтов … – Эпизод основан на наблюдениях и заметках автора, а также на аукционных каталогах, доступных на веб-сайте онлайновых аукционов Proxibid, которыми пользуются судебные приставы США, по адресу www.proxibid.com.

… два аукциона не собрали вместе и трех миллионов долларов . – По сообщениям, первый аукцион собрал в сумме менее 900 тыс. долларов. См.: *Christie, Les* . Madoff ’s Mets Jacket Sells for $14,500 // CNNMoney.com. Nov. 16, 2009. Автор просуммировал список всех вещей, купленных на первом и втором аукционах, и опубликовал на ProxТам же. Общая сумма покупок на первом аукционе составила 854 110 долларов, а на втором – 2,12 млн

долларов, что в сумме дает 2,97 млн долларов.

… принесла в итоге 27 млн долларов … – Манхэттенский пентхаус продан за 8 млн долларов, дом в Палм-Бич за 5,65 млн долларов, существенно ниже каталожной цены – 8,49 млн долларов. См.: *Carmiel, Oshrat* . Madoff ’s Home in Palm Beach Sells for $5.65 Million // Bloomberg news service. Oct. 15, 2010. Катер и «мерседес» на аукционе 2009 г. принесли около 1 млн долларов, см.: *Kazakina, Katya* . Madoff ’s Yachts Bring $1 Million at Florida Auction // Bloomberg news service. Nov. 17, 2009. Особняк во Франции был оценен в 1,6 млн долларов, а яхта более чем в 8 млн долларов, см.: *Orden, Erica* . Madoff Sell-off // New York. Sept. 6, 2009. На декабрь 2010 г. сведения о продаже какого-либо из этих двух объектов отсутствовали.

Двадцать четвертого ноября против швейцарского банка-гиганта UBS … – Picard v. UBS.

…по второму иску в связи с другой группой фидер-фондов … – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. UBS et al. and M&B Capital Advisors, filed as Adversary Proceeding No. 10–05311 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York.

… банк в отношении Мэдоффа проявлял «преднамеренную слепоту»… – *Henriques, Diana* . Madoff Trustee Sues JPMorgan for $6.4 Billion // New York Times. Dec. 2, 2010.

Могущественный банк объявил все обвинения нелепыми… – Там же.

… иск по истребованию 9 млрд долларов от всемирной банковской корпорации HSBC … – Picard v. HSBC.

… против… фидер-фонда Мэдоффа Tremont Group Holdings. – In re: Bernard L. Madoff Investment Securities, Debtor; Irving H. Picard, Trustee for the Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities v. Tremont Group Holdings et al., filed under seal as Adversary Proceeding No. 10–05310 (BRL) in U. S. Bankruptcy Court for the Southern District of New York.

…« в настоящее время ведут переговоры по добровольному урегулированию спора»… – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 7 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Trustee for Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities Files Suit Against Sterling Equities, Its Partners and Other Related Entities Seeking Recoveries in Ponzi Scheme».

…некоторые ключевые детали «запечатанного» иска… – *Cowan A. L .*, *Lattman P .*, *Kovaleski S .*, *Waldstein D* . Trustee Faults Mets Owners over Madoff Fraud // New York Times. Jan. 29, 2011.

… иск против руководителей дочерней британской фирмы-банкрота Мэдоффа … – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 8 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Trustee for Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities and Liquidator of Madoff Securities International File Lawsuit Against Directors, Officers, Related Entities of London-Based Madoff Securities International Limited».

… иск на миллиард долларов против семи крупных банков … – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 8 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Trustee for Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities Seeks $1 Billion from Seven Global Financial Institutions in Madoff Ponzi Scheme».

Иски против менее крупных, но именитых управляющих хедж-фондами … – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 7 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Trustee for Liquidation of Bernard L. Madoff Investment Securities Files Against Tremont Group and Related Entities Including Oppenheimer and MassMutual».

… уладил 500-миллионное дело о возврате денег с элитным семейным швейцарским банком Union Bancaire Privée… – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 6 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Madoff Trustee Announces Approximately $500 Million Recovery Agreement with Swiss Bank Union Bancaire Privée».

… о крупном соглашении с Карлом Шапиро и его семьей … – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 6 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Madoff Trustee, SIPC Announces $550 Million Recovery Agreement with Carl Shapiro, Robert Jaffe and Related Entities». По названному делу конкурсный управляющий должен был получить 550 млн долларов, и еще 75 млн долларов семья Шапиро должна была уплатить Министерству юстиции в соответствии с программой гражданской конфискации.

… с несколькими известными благотворительными учреждениями, включая «Хадассу» . – Пресс-релиз конкурсного управляющего от 10 декабря 2010 г., доступный на сайте www.madofftrustee.com, под названием «Madoff Trustee, Charities Negotiating Settlements».

В пространном исковом заявлении на 161 странице … – Picard v. Kohn.

… сознательно миллионами клали в карманы краденые деньги … – Picard v. A&B.

… внуков Берни Мэдоффа … – *Rothfeld, Michael* . The Madoff

Fraud: Trustee Sues Kin, Banks for Funds // Wall Street Journal. Dec. 9, 2010.

«Вот потому-то я никогда и не верил в то, что он знал про аферу…» – Конфиденциальное интервью. Автор также выражает признательность коллегам из New York Times, Питеру Лэттману, Элу Бейкеру и Элиссе Гутман, за материалы о самоубийстве.

«Он всегда так гордился своим именем…» – Henriques D ., Lattman P . Reopened Wounds: 'Just More Than He Could Bear // New York Times. Dec. 17, 2010.

«Когда это произошло, мы решили, что не станем сидеть…» – Eder S ., Pilon M . A Madoff Son Looks Forward // Wall Street Journal. Dec. 21, 2010.

…« *вместе с нашим усиленным лоббированием…»* – См. пресс-релиз на сайте Network for Investor Action and Protection («Сеть поддержки и защиты инвесторов») www.investoraction.org: Press Release. NIAP Update on HR 5032. June 17, 2010.

… заменить этот билль более решительным законопроектом . – Press Release. NIAP President Ron Stein Statement Welcoming Legislation to Protect Investors Defrauded by Bernie Madoff // Network for Investor Action and Protection. Dec. 20, 2010.

…« *Акт о равноправии инвесторов»…* – Билль представил 17 февраля 2011 г. на первой сессии 112-го Конгресса конгрессмен-республиканец от Нью-Джерси Скотт Гарретт.

«*… выплатить по юридически обоснованным искам клиентов, составляющим 20 млрд долларов, по меньшей мере 24 млрд долларов»* . – Электронное письмо Мэдоффа автору от 17 декабря 2010 г.

…несколько европейских банков и хедж-фондов достигли со своими инвесторами конфиденциального соглашения… – Minder R ., Henriques D . Overseas Madoff Investors Settle with Banks // New York Times. May 24, 2010.

«Я знаю это со стопроцентной достоверностью…» – Электронное письмо Мэдоффа автору от 21 декабря 2010 г.

«*… всем вернут основные инвестированные суммы»* . – Электронное письмо Мэдоффа автору от 19 декабря 2010 г.

Эпилог

…« хорошо относились и заключенные, и персонал тюрьмы». – Письмо Мэдоффа от 3 октября 2010 г. Письмо было послано автору через адвоката и, таким образом, не подвергалось просмотру тюремным начальством, что придает достоверность сообщению Мэдоффа о том, как с ним обращаются в тюрьме.

… дает свое первое интервью под запись . – Первое интервью Мэдоффа.

«Тут все спрашивают меня, почему я попросту не сбежал» . –

Электронное письмо Мэдоффа автору от 23 февраля 2011 г.

… Берни Мэдофф дает второе интервью … – Второе интервью Мэдоффа.

… вспомнив недавнюю статью в журнале People … – *McNeil L ., Tresniowski A* . The Trials of Ruth Madoff // People. Feb. 21, 2011. P. 78–82.

Примечания

1

На Фоли-сквер сосредоточены здания муниципальных, штатных и федеральных учреждений, в том числе здания федерального суда, нью-йоркского окружного суда, апелляционного суда и Международного торгового суда. – Примеч. пер.

2

Собирательное название, подразумевающее средних американцев с невысокими доходами, в том числе представителей малого и среднего бизнеса, в противоположность Уолл-стрит – финансовой элите, крупному бизнесу и корпорациям. – Примеч. пер.

3

29 июня 2012 г. Питер Мэдофф заключил так называемую сделку с правосудием – добровольно признал свою вину в мошенничестве и подделке документов в обмен на обещание прокуратуры ограничить срок тюремного заключения десятью годами. Однако он по-прежнему утверждает, что о грандиозной финансовой пирамиде своего брата узнал только после его ареста. Питер Мэдофф стал первым родственником Берни Мэдоффа, арестованным по его делу, и восьмым обвиняемым, признавшим свою вину. – Примеч. ред.

4

2 октября 2012 г. решением федерального судьи Южного округа Нью-Йорка (Манхэттен) суд над ближайшими соратниками Мэдоффа (Дэниел Бонвентре, Аннет Бонджорно, Джоанн Крупи, Джером О’Хара и Джордж Перес) назначен на октябрь 2013 г. Ни один из обвиняемых своей вины не признал. – Примеч. ред.

5

«Swindler’s List» – аллюзия на знаменитый «Список Шиндлера». Swindler (англ.) – жулик, аферист. – Примеч. пер.